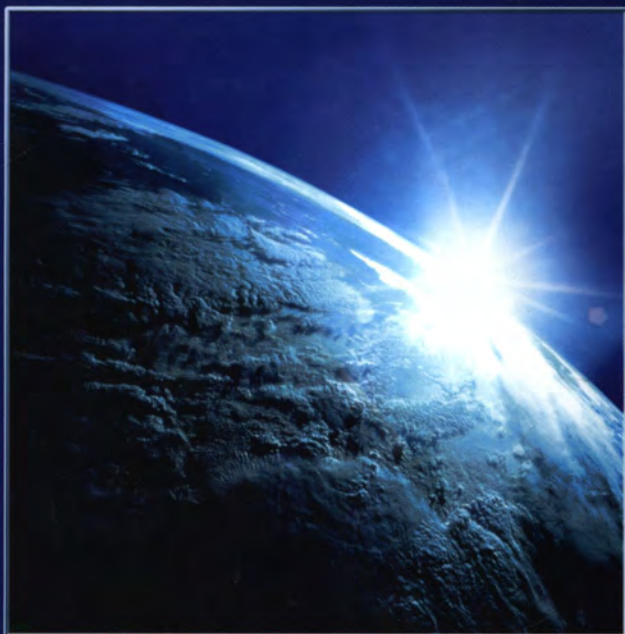

Анатолий ДЪЯКОВ

«ДА БУДЕТ
СВЕТ...»

Анатолий ДЬЯКОВ

«Да будет свет...»

Москва — 2007

ББК 84 (2Рос=Рус)
Д93

Д93 Дьяков А. Ф.

«Да будет свет...» — М.: Московская типография № 2, 2007. — 568 с.

ISBN 978-5-86472-171-1

Эти воспоминания принадлежат человеку, посвятившему себя одной из самых древнейших человеческих профессий — электроэнергетике. Автор размышляет о пройденном пути, ищет собственные ответы на вопросы, поставленные перед ним жизнью. По масштабу охваченного времени и глубине затронутых проблем книга напоминает тщательно прописанное документальное полотно, где частные события, переплетаясь с общественными явлениями окружающего мира, становятся основой для обобщений и выводов поистине философского, эпического характера.

Значительное место в книге уделено истории создания и функционирования объектов и органов управления Единой энергетической системы страны, показу роли производственных коллективов и отдельных специалистов в этой поистине титанической работе. Накопленный опыт имеет огромное значение для будущих поколений, поскольку главная задача электроэнергетики — производство и доставка потребителям тепла и света — всегда остается в повестке дня при любом общественно-экономическом строе.

Страницы воспоминаний пронизаны верой в способность России не только сохранить и пронести над миром яркие лучи электрического света, но и согреть людские души светом духовным, без которого полноценная жизнь на Земле просто невозможна. А значит, поставленная в название мемуаров библейская фраза, несущая в себе огромный провидческий смысл, еще надолго сохранит свою актуальность.

ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-86472-171-1

© А. Ф. Дьяков, 2007
© Московская типография № 2, 2007

Пролог

В последние годы я все чаще задаю себе, как мне кажется, очень важный вопрос: «Что есть моя жизнь? Ежедневное преодоление всевозможных препятствий, коими вообще богата человеческая юдоль? Настойчивое стремление к правде, трудно распознаваемой сегодня из-за ее многоликости? Неустанная борьба с недоброжелателями и ниспровергателями, безудержно стремящимися к выполнению своих неблагоприятных задач? Может быть, это — изнуряющая гонка за материальными благами? Или тщетные попытки уловить вечно ускользающий хвост славы? А если это всего лишь заданный сверху биологический ритм, в который я включен, как земное естество, и нарушить который мне, простому смертному, невозможно по определению?» Чтобы подстроить свой внутренний камертон в резонанс с этим гудящим вопросительным ладом, я обращаюсь за помощью к своим истокам, к своему началу, к местам, подарившим мне жизнь, к событиям и фактам, продуктом которых я стал — по собственному умыслу или невольно.

Взявшись за описание собственной жизни, я долго выбирал правильную точку обзора. Одно дело — любоваться полноводной рекой, находясь на сухом возвышенном берегу, и совсем другое — нестись по ее стремнину на едва сколоченном бревенчатом сооружении, лишь мельком замечая объекты берегового ландшафта. В первом случае — это уверенность и стабильность, возможность глубоко и продуктивно осмысливать события, делиться опытом с учениками и последователями. А во втором — только попытка устоять и не свалиться в пучину, сохранить способность к объективной оценке происходящего и выйти на единственно правильное решение. Мне пришлось испытать оба этих состояния. Чем они отличаются друг от друга — рассказано в этой книге. Рассказано честно и без прикрас — через этапы профессионального становления, через пути, ведущие к успехам и неудачам, через мысли о переменчивом характере фортуны и необходимости создания запасов внутренней прочности, чтобы устоять перед ее капризами.

Любое жизнеописание становится более насыщенным, динамичным и захватывающим, если его стержнем выступают окружающие автора люди — со своими биографиями, хорошими или дурными характерами,

с запутанной сетью вытканых между собой взаимоотношений. Именно поэтому в этой книге от страницы к странице возникают образы моих родных и знакомых, однокашников и сослуживцев, друзей и соратников — живущих или ушедших в мир иной. Я питаю к ним самые теплые чувства, поскольку они, может быть, сами того не зная, сыграли большую роль в формировании моего внутреннего облика, опосредованно или явно помогли мне стать тем, кем я стал.

Так распорядилась судьба, что смыслом, сутью и единственной целью всей моей жизни стала деятельность, связанная с выработкой и донесением до людей необходимых им света и тепла. С середины XX века по нынешний день я служу в энергетической отрасли, являющейся одной из составных частей огромного хозяйственного механизма страны. Энергетик немыслим без чувства высочайшей ответственности за порученное дело. Это от его профессиональных знаний, умений и навыков зависит непрерывность процесса выработки и передачи энергии потребителям. Особенность этого процесса состоит в том, что он должен осуществляться изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год — при обязательном сохранении стабильных параметров и качества подаваемой энергии, даже в условиях постоянно меняющихся объёмов. Для истинного энергетика обязанности по обеспечению бесперебойного энергоснабжения потребителей так же важны и святы, как важен и свят после принятия клятвы Гиппократом долг врача перед пациентами.

Автора мемуаров часто одолевает искушение показать себя в наилучшем свете. И это вполне естественно, поскольку мемуары — жанр весьма субъективный, полнота их содержания определяется личным присутствием автора в описываемых событиях. Но в этой книге вряд ли найдется строчка, где бы я выпячивал свою роль или претендовал на особое место в истории страны и электроэнергетики. Не знаю, удалось ли мне это сделать, но я старался центр тяжести моего повествования перенести на проблемы, имеющие общественное звучание. Да и как поступать по-другому, если душа и профессия стали единым целым, если болезни отрасли воспринимаешь, как свою собственную физическую боль! Думаю, что в России, да и за ее пределами, вряд ли найдется такой человек, который скажет, что я когда-либо отделял свои интересы от интересов электроэнергетики страны — базиса развития экономики государства.

«Энергия — наша судьба...» Под крылом этой судьбы живут и работают люди особой породы и даже особой касты. Профессия энергетика требует особой силы характера, моральной и физической выносливости, целеустремленности и честности. Но стороннему глазу не видно, каких усилий, знаний, опыта и самоотверженности требует эта профессия.

Когда экономика страны на подъеме — от энергетики требуют ударных темпов и героических свершений. Когда наваливаются экономические кризисы — она первой принимает на себя их удары и заботится только о надежности энергоснабжения потребителей, не требуя ни славы, ни наград, ни почестей.

Свой профессиональный праздник российские энергетики отмечают 22 декабря. Хорошо помню День энергетика в 1994 году, который я, будучи президентом РАО «ЕЭС России», отмечал вместе с коллективом Мосэнерго в Центральном киноконцертном зале «Россия». Организаторы торжественного собрания предоставили мне слово для поздравления собравшихся в зале коллег. По пути к микрофону я перебирал в уме речевые обороты, пытаюсь среди многих вариантов найти такие, чтобы обратиться к соратникам тепло и нетривиально. И вдруг меня озарило:

— Дорогие друзья, коллеги! — произнес я. — От всего сердца поздравляю вас с самой древней профессией...

В зале возникло оживление, послышались смешки, разговоры. Выдержав паузу, я продолжил:

— Вы, наверное, неправильно меня поняли, не о том подумали...

Смех стал громче, раздались аплодисменты.

— Помните первые строчки из книги «Бытие»? — обратился я к аудитории. — «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездной, и Дух Божий носился над водой. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Человек, созданный Богом, ответствен перед Всевышним за сохранение и поддержание этого света. Именно по божьему промыслу появилась профессия, несущая свет и тепло, — профессия энергетика!

Я нисколько не погрешу против истины, если скажу, что в основе профессии энергетика, как и многих других профессий, лежит огромное чувство любви к своему народу и к своей Родине. Это чувство постоянно сопровождает меня с самых первых моментов осознания мною многоликости окружающего мира и места в нем моей страны. И в то же время я до сих пор не могу понять, почему мой народ — умный, сильный, трудолюбивый, добрый, гостеприимный — постоянно страдает целыми поколениями и семьями? Почему народы великой державы, раскинувшейся на огромном земном пространстве, наполненном богатейшими природными ресурсами, постоянно подвергаются тяжелейшим испытаниям и экспериментам? Почему в стране, многие граждане которой так и не начали жить для себя, до сих пор идут споры о направлении движения? Почему важными целями государственного развития по-прежнему провозглашаются нескончаемые реформы ради реформ и бесперебойное обеспечение энергоносителями европейских соседей?

Пролог

Мне бы очень хотелось, чтобы наш великий многонациональный народ, опираясь на опыт собственного прошлого, как можно скорее сделал правильные выводы и осознал специфику исторического пути Российского государства. Чтобы он, набравшись мудрости, вывел, наконец, свою страну из пучины страданий и нищеты и достиг желанного светлого завтра. Чтобы для всех живущих в России, в каждом доме, в каждой семье восторжествовал свет — свет разума, добра и счастья. Но, к большому сожалению, эти пожелания — пока лишь отдаленная, едва намечаемая перспектива. А состояние нынешней российской действительности по-прежнему очень точно характеризует строчка Александра Блока: «И снова бой — покой нам только снится».

Глава 1

Истоки и корни

Правильно говорят, что судьба — это биография, помноженная на пространство. Много лет назад покинул я родные места, иные заботы и устремления захватили меня, давно уже городского жителя. И все же я не считаю себя отрезанным ломтем от хлеба детства и юности. Человек сливается воедино с тем местом, где родился. Первые познания мира пришли ко мне на земле малой родины. Там я сделал свои первые самостоятельные шаги, там окреп и устоялся, там приобрел возможность и уверенность идти дальше. Дальние и неизведанные дороги, сложности и превратности судьбы я выдержал только благодаря сохранению духовной цельности с родной землей. Память о ней придает мне силы. И когда я мысленно уношусь в далекое прошлое, меня охватывает согревающее душу чувство сыновней благодарности и неоплаченного до конца жизни долга.

Колыбель моей памяти — Кавказ. Я горжусь тем, что родился и вырос на этой уникальной во всех отношениях территории, разместившейся между тремя древнейшими морями: Черным, Азовским и Каспийским. Здесь, в горах и долинах, расположены сегодня несколько независимых государств, бывших республик Союза ССР. Здесь, между синими морскими чашами, соседствуют друг с другом российские республики — Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия, а также Ставропольский и Краснодарский края. Любой проживающий здесь народ (а разговаривают на Кавказе почти на сорока языках), каким бы малочисленным ни был, представляет собой стремительно возрастающую с годами и веками общечеловеческую ценность, несет в будущее земной истории свою неповторимую культуру, язык, предания старины, обычаи, ремесла.

Множество эпохальных, порой трагических событий произошло на Кавказе — на склонах суровых гор, на дорогах и тропах, вьющихся вдоль опасных ущелий, в зеленых куцах долин. Если верить некоторым историческим исследованиям, здесь дрейфовал Ноев ковчег во время Всемирного потопа, зафиксированного в Пятикнижии Ветхого Завета. Территории Кавказа достигали, по мнению ряда зарубежных археоло-

гов, древние египтяне. Предкавказские степи в первом тысячелетии до нашей эры активно осваивали северо-кавказские племена кобанской культуры, получившей свое название от наименования селения Верхний Кобан (Северная Осетия), где в 1969 году были открыты могильники с огромным количеством бронзовых предметов. В XIII веке, уже доступном нашему видению, по Северному Кавказу прокатились, преследуя половцев, монгольские тумены Субудая и Джебе.

Кавказ — бесценный уголок России. В его недрах сосредоточены крупнейшие месторождения нефти, газа, железа, полиметаллических руд и цветных металлов. Все эти богатства издавна притягивали к себе алчные взоры иноземных завоевателей, мечтавших получить свою долю пирога при очередном разделе земель. Но на их пути твердо стояла Россия, с давних пор включившая регион в сферу своих национальных интересов. Кавказские территории отходили под защиту Российского государства постепенно, исходя из волеизъявления местных народов, за исключением короткого периода, связанного с Кавказской войной, имевшей особые причины для своего возникновения.

В течение XVI–XVII веков в Москву поступило множество прошений и грамот от народов Кавказа с просьбами о покровительстве и включении их в пределы России. В 1552 году поддержка была оказана пятигорским черкесам, подвергавшимся систематическим притеснениям со стороны крымских татар. Прибывшим в Москву адыгским князьям была обещана защита их народа «ото всех недругов». Казачьему гарнизону, вставшему в Терском городке, основанном в середине XVI века, была поставлена четкая задача — «оберегать Кабарду». В 1774 году в состав России вошла Осетия. Только с 1827 по 1831 годы присягу на верное подданство России приняли аварцы и многие другие народы северо-восточных частей края, значительная часть чеченцев, дигорцы, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, а также жители тысяч закубанских аулов. Единение с Россией отвечало нуждам и чаяниям коренных народов Кавказа или, по крайней мере, значительной их части.

Для политиков и государственных деятелей России Кавказ традиционно являлся объектом упорного поиска наиболее оптимальных административно-управленческих и экономических взаимоотношений с его народами. Россия никогда не выступала здесь как держава-завоевательница: продвигаясь в этот регион, она зачастую жертвовала своими возможными выгодами во имя более высоких целей, чем простая корысть. Об особенностях формирования российских территориальных пределов Николай Михайлович Карамзин говорил так: «Государи московские, восстановив Россию, не алкали завоеваний неверных, желая сохранять, а не приобретать».

Я убежден, что Кавказ всегда нуждался и нуждается до сих пор в постоянном внимании со стороны федерального центра, политиков, ученых, поскольку отсюда исходит главная угроза национальной безопасности и территориальной целостности России. В этой связи вспоминается повесть А. И. Приставкина «Ночевала тучка золотая...», посвященная одному из трагических эпизодов в истории горских народов Северного Кавказа. Через всю книгу острой болью проходит всем давно известная, но почему-то с трудом претворяемая в жизнь идея. Заключается она в том, что национальное чувство людей — самое тонкое место в устройстве общественной жизни. Это как пороховой погреб, который при любом неосторожном действии или от похода брошенного слова может взорваться со страшной силой. Эта проблема мне близка, поскольку долгое время я жил и работал в краях, где национальные чувства пульсируют, как обнаженные пучки нервов.

Особое место в истории Кавказа занимает Ставропольский край. Когда-то эти земли заселяли скифы, которые устраивали набеги на Переднюю Азию (территории Турции и Ирана), Ассирию (древнее государство на территории современного Ирака), Мидию (нынешний Южный Азербайджан). Ставрополье подвергалось набегам гуннов, хазар и половцев. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. здесь хозяйничали фашисты.

Как известно, Северное Ставрополье — это равнина, а Южное — предгорья и склоны Большого Кавказа. На всем лежит печать необыкновенной красоты. По территории края протекают Кубань (площадь бассейна около 60 тыс. кв. км), Кума длиной более 800 километров и Егорлык — левый приток Западного Маныча. Континентальный климат края дает возможность местным крестьянам выращивать пшеницу, кукурузу, рис, ячмень, подсолнечник, сахарную свеклу. Весной ставропольские села буквально тонут в море цветущих плодовых деревьев. Край знаменит отличными сортами винограда. Сюда неиссякаемым потоком стекаются тысячи и тысячи отдыхающих, чтобы поправить свое здоровье на курортах Кавказских Минеральных Вод.

Неподалеку от Кавминвод находится станица Марьинская. Она раскинулась на левом берегу реки Малки, берущей свое начало под Эльбрусом — этим величественным созданием природы, которое кабардинцы почтительно величают «Горой счастья». Я родился в этой станице 10 ноября 1936 (високосного) года. Вот как описывал наши места классик отечественной литературы А. С. Грибоедов: «...Кавказская степь ни откудова, от Тамани до Каспийского моря, не представляется так величественно, как здесь; не свожу глаз с нее; при ясной, солнечной погоде туда, за снежные вершины, в глубь этих ущелий погружаюсь воображением и не выхожу из забвения, покудова облака или мрак вечерний не скроют совершенно чудесного, единственного вида...»

Как свидетельствуют исторические документы, наша станица является правопреемницей крепости, заложенной генерал-аншефом Григорием Александровичем Потемкиным по указу российской императрицы Екатерины II от 24 апреля 1777 года и ставшей одной из десяти форпостов Азово-Моздокской оборонительной линии. Крепость названа в честь Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. В работах по возведению станицы принимал участие мой прапрапрадед. Предание о нем, лекаре Хоперского полка, получившем военную выучку суворовского образца, передается в нашем роду из уст в уста, да и письменные свидетельства об этом человеке тоже имеются.

При выборе места для станицы Марьинской ее основатели и строители руководствовались прежде всего стратегическими соображениями. Поэтому стоит она не на плодородных землях, а на каменистой почве, на бывшем морском дне (еще в 300 году до нашей эры — это было доказано в ходе геологических исследований — Каспийское и Аральское моря соединялись между собой). Чтобы поливать обработанные участки, казаки использовали ложе оврага, протянувшегося к реке Малке. Он называется Неволька, потому что был искусственно (против воли природы) превращен в часть оросительной системы. Вода по Невольке течет уже не в Малку, а в левую сторону, к станице, и разводится по ней каналами-ответвлениями. А из каналов воду разбирают по приусадебным участкам или, как говорят станичники, по дворам. Одно из таких ответвлений течет среди густых зарослей кизила и поэтому называется Кизилка. От Кизилки в разные стороны разбегаются арыки, обеспечивающие водой многочисленные огороды, фруктовые сады, ягодники. Кизилка — моя малая родина: на ней я вырос.

Утопающие в садах улицы станицы Марьинской ориентированы строго с севера на юг и с востока на запад. Станица всегда выглядела добротной, ухоженной, как пышущая здоровьем молодая невеста. Воздух здесь — хоть гони в бочках на экспорт! Видать, предки мои пестовали ее любовью, лелеяли лаской, холили нежностью. В народе справедливо говорят: не тот пахарь, который пашет, а тот, кто любит свою пахоту. Так оно и вышло. Не зря нашу станицу величают Малой Венецией. Однако жизнь в станице, ставшей самой южной точкой в оборонительной линии, в течение всей истории была тревожной. Станичники всегда пребывали в постоянном напряжении, в ожидании каких-либо событий. Станица дважды горела. В Гражданскую войну переходила то к белым, то к красным — в обоих случаях лилась одна и та же казачья кровь. Наверное, за это Марьинскую называли тогда «кровавой».

Говорят, что в именах и фамилиях людей заключена таинственная сила, которой на первых порах жизни не придаешь особого значения. Но потом, когда сознание обнаруживает их магическое действие, начинаешь

ощущать свою фамилию, как нечто сросшееся с твоей духовной сущностью и определяющее твою судьбу. Фамилия моя происходит от слова «дьяк», греческий корень которого переводится как «служитель». В Древней Руси дьяки были личными слугами князя, причем часто несвободными. Им поручалось хранение княжеской казны, ведение делопроизводства, из-за чего они первоначально назывались писарями. В средние века в Московском государстве образовались приказы, или управления. Это потребовало большого количества грамотных и энергичных неродовитых служивых людей, которые становились помощниками бояр — начальников приказов. В XVI веке дьяки стали играть видную роль и в местном управлении, являясь помощниками наместников по всем делам, кроме предводительства войском (хотя бывали случаи участия дьяков и в военном деле).

Новым крупным шагом в возвышении дьяков стало их проникновение в Боярскую думу, где они пользовались равным с другими членами Думы правом голоса в решении дел. Однако в ходе заседаний им не положено было сидеть — и они стояли, так как думные дьяки по своему статусу относились к четвертому (низшему) чину членов Боярской думы. Но именно на их плечах лежала задача по составлению и выправлению проектов решений Боярской думы и важнейших царских указов, ведению делопроизводства. Дьяк — так в XVIII веке именовались начальники канцелярий в различных российских ведомствах. Нередко из их среды выходили видные государственные деятели и дипломаты. За службу дьяки награждались деньгами и поместьями, обладали земельными угодьями, славились рачительными хозяевами.

Как и когда эта пахнувшая историей государства славная фамилия закрепилась за нашим родом, мне, к сожалению, неизвестно, но я убежден, что носим мы ее не случайно. А вот что наша фамилия вошла в историю станицы Марьинской — это зафиксированный факт. Одна из ее улиц названа в честь моего дяди, Александра Зиновьевича Дьякова, одного из первых кавалеров ордена Красного Знамени. Это был истинный представитель эпохи «красных командиров». Наш семейный герой, подобно многим молодым людям того времени, уже в двадцатилетнем возрасте командовал Сунженской армией Терской советской республики, принимавшей участие в боях за Баку, в установлении советской власти в Чечено-Ингушетии и деблокировании города Грозного в ноябре 1918 года. В ознаменование боевых заслуг Александра Зиновьевича одна из улиц города Грозного также носит его имя.

Мой дед по матери, Андрей Иванович Акулов, некоторое время командовавший отдельным чечено-ингушским отрядом Сунженской армии, презрительно называл Александра Зиновьевича Дьякова бездельником. Это и не удивительно. Ведь дед судил о человеке по его отношению к земле.

Конечно, дядя землю не обрабатывал, но он прославился на другом, более опасном и необходимом в то время молодой Республике Советов поприще.

Мой дед по отцовской линии, Афанасий, родился в 1860 году. Выходец из большой семьи казацких лекарей, он был самым младшим среди девяти своих братьев. Семья его до революции 1917 года слыла одной из самых основательных в станице, считалась крепкой, зажиточной. У деда были свои зерновые амбары — ссыпки, куда станичники сдавали собранный урожай для хранения и последующей продажи. Дед Афанасий был центром притяжения всей станицы, его окружали обстоятельные люди, в том числе и те, кто впоследствии занял видное место в истории Кавказа. Умер он в 1916-м, а его супруга, моя бабушка, — в январе 1917 года. Таким образом, мой отец, Федор Афанасьевич Дьяков, остался круглым сиротой с двенадцати лет. К этому времени две старшие сестры отца, мои тети, уже вышли замуж и жили своими семьями. Одна из них, Анастасия Афанасьевна, умерла в возрасте 101 года. Старший брат деда Афанасия умер в 1945 году, перевалив 110-летний рубеж. Последним атаманом станицы Марьинской был один из дедушкиных братьев, Дмитрий Дьяков.

До революции у деда Афанасия батрачил кабардинец по имени Бетал. Только потом я узнал, какой легендарной личностью был этот человек. С 1913 года Бетал Эдыкович Калмыков был одним из руководителей восстания горцев против местной аристократии, а в 1915–1916 годах участвовал в организации и руководстве революционно-демократическим союзом горской бедноты «Карахалы». В марте 1918 года он в числе других соратников руководил работой 1-го съезда Нальчикского округа, провозгласившего установление советской власти в Кабарде и Балкарии. Активный участник Гражданской войны на Северном Кавказе, Калмыков в 1919 году командовал партизанскими отрядами, а затем полком и дивизией в Красной Армии. После разгрома белогвардейцев Бетал Эдыкович стал председателем ревкома Кабардино-Балкарии. В 1920–1930-х годах он занимал пост председателя Кабардино-Балкарского областного исполкома, а в 1930–1939 годах — первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б). Наша семья поддерживала с ним хорошие отношения. Калмыков бывал у нас дома, говорят, даже нянчил меня в младенческом возрасте. В феврале 1940 года Бетала Эдыковича не миновал удар слепой карающей силы, особо не разбиравшейся, кто прав, кто виноват. Реабилитация была уже посмертной.

По-иному начинаешь видеть Россию, когда не глядишь на нее с иронической улыбкой, а беззвучно припадаешь к чистым ключам имен, составивших ее историю, пытаешься понять их всем своим изболевшимся сердцем. Особенно пытаешься понять тех, кто был вовлечен в революционную плавильню, лишавшую человека всего человеческого, сжигав-

шую его в своей раскаленной лаве. К сожалению, так произошло после октября 1917-го. Поставив целью изменить экономическую и политическую жизнь тогдашней России, революция, спустя десятилетия, породила гигантские институты подавления, насилия и охраны. До невероятных размеров разросся так называемый «номенклатурный список», которому полагались должны привилегии за отстаивание интересов, называемых «государственными». Возведенное в советские времена массивное административное здание было глухо к народным нуждам и чаяниям. На его многочисленных этажах, выстроенных в виде пирамиды, большие и малые чиновники вели свою беззаботную жизнь, нацеленную внутрь и отгороженную от страны.

Приходится говорить эти слова с горечью, без малейшей тени кощунства. Прожитое мною вместе со страной время не располагает к глумлению. По опыту знаю, что жизнь есть результат столкновения противоположных сил, что отсутствие всякого революционного дыхания так же приводит к смерти, как и избыток революции. Во всяком случае прошедшую и настоящую историю России я воспринимаю как историю собственной жизни и живу в этом, как мне кажется, вполне естественно и убедительно. По большому счету, все мы — правые и левые, преуспевающие и обделенные (по собственной вине или по воле случая) — вышли из этого времени. Но как же много сомнительного и непонятного было примешано в 1917 году и во все последующие годы во имя достижения благородной цели — установить в России основы свободы и равноправия! Может быть, это происходит оттого, что люди способны биться за истину и отдавать за нее свои жизни только в том случае, если она облечена в мифическую форму?

Такого же рода завораживающей мистикой, как мне кажется, питано в нашей стране и отношение к последнему русскому царю. Николай II был подобен двуликую Янусу: с одной стороны, он вроде бы благороден, честен, религиозен, а потому доверчив, а с другой — холоден и безразличен к судьбе России. Ведь это он, подыгрывая союзникам из Антанты в Первую мировую войну, в частности, Франции, попавшей на фронтах в затруднительное положение, загубил лучшие русские гвардейские части в болотах под Мозырем и Пинском. Это Николай II, несмотря на предупреждение военного министра России и председателя Особого совещания по обороне государства генерала от инфантерии Алексея Андреевича Поливанова, ослабил армию, сняв с должности Верховного главнокомандующего, своего двоюродного дядю — великого князя Николая Николаевича (Младшего) Романова, сторонника продолжения войны с Германией «до победного конца». Это император России допустил разглашение военной тайны, информируя о фронтовых опера-

циях императрицу Александру Федоровну, которая, по настоянию Распутина, даже предпринимала попытку остановить летнее наступление войск генерала от кавалерии Алексея Алексеевича Брусилова.

А что предпринял Николай II в самые тяжелые для державы дни, когда требовались его воля и ум? Он неожиданно оставил двор во власти горлопанов и интриганов и уехал из столицы, чтобы спустя некоторое время в салон-вагоне императорского поезда, стоявшего на станции Дно Псковской губернии, подписать акт отречения от престола в пользу своего брата Михаила. Это по его распоряжению департаменту российской полиции было запрещено вмешиваться в жизнь армии под предлогом того, что военнослужащие не должны заниматься политикой. Тем самым был создан простор для деятельности большевистских агитаторов, разложивших армию изнутри и призывавших превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Что стало с Николаем II потом — хорошо всем известно. А брошенная им страна погрузилась в кошмар Гражданской войны.

До отречения царя на всех фронтах Первой мировой сохраняли дисциплину и демонстрировали высокую боеспособность лишь казачьи войска. Здесь не было отмечено ни одного факта дезертирства. Сокрушительный удар по сознанию казачества был нанесен решением Временного правительства об отделении Русской Православной церкви от государства и усилении атеистической пропаганды. В одночасье все казачество России утратило идеологическую базу своего существования: перестал действовать вековой молитвенный лозунг казачества: «Так за царя, за Родину, за веру». Для казаков это было равнозначно катастрофе и хаосу, что в дальнейшем привело к уничтожению российского казачества.

Северный Кавказ, Дон и Украина оказались в сфере влияния Добровольческой армии. В течение весны — осени 1918 года в ней насчитывалось 35–40 тысяч штыков и шашек и 80–85 орудий. На Северном Кавказе ей противостояла Красная Армия под командой Сорокина, в которой насчитывалось 80 тысяч штыков и шашек и 100 орудий. В ноябре 1918 года в политическую игру на юге России непосредственно вступила Антанта. Документы ее высшего военно-политического руководства свидетельствуют: ставка была изначально сделана на генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина (1872–1947 гг.). К 15 февраля 1919 года общая численность иностранных войск на юге России, по данным генштаба Антанты, составила 130 000 человек. За Кавказ боролись мощные внешние и внутренние силы, стремившиеся разорвать его на части в угоду своим политическим амбициям. К Антанте, белогвардейцам и горным шейхам добавился тройственный союз голода, холода и тифа.

Потери на фронтах Гражданской войны были колоссальные: они составили более полумиллиона человек, а от голода, эпидемий и массовых

репрессий (предпринятых обеими противоборствующими сторонами) погибло еще от 1,5 до 2 млн. человек. Ощутимый ущерб был нанесен интеллектуальному запасу России. С ноября 1917 года по ноябрь 1920 года из России эмигрировали более 2 млн. человек. Вместе с военными за рубеж бежали писатели, поэты, ученые, артисты, художники, врачи, инженеры. В их числе писатель Иван Алексеевич Бунин, авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский, композитор Сергей Васильевич Рахманинов и ученый-механик Степан Прокофьевич Тимошенко. Все они продолжали плодотворно трудиться, умножая славу мировой культуры, науки и техники — но за пределами России: в родной стране их имена были окружены стеной молчания. «С Россией кончено, — писал Максимилиан Волошин в 1917 году. — Мы ее прогали, проболтали, пролузгали, пропили, проплевали, замызгали на грязных площадях, распродали на улицах».

Станица Марьинская находилась в самом пекле Гражданской войны и национальных междоусобиц, охвативших весь многонациональный Северный Кавказ вплоть до конца 1920 года. В одном котле здесь бурлили разнополюсные силы. Одни боролись за советскую власть, другие симпатизировали белому движению, третьи ратовали за сохранение Терского войска как самостоятельно управляемой территории. Кто-то выступал за «единую и неделимую Россию», кто-то требовал самоопределения.

В этой катавасии наш фамильный дом переходил из рук в руки — то к красным, то к белым. В нем победившая сторона размещала, как правило, свой военный штаб. После окончания Гражданской войны в нашем доме проживали четыре семьи. Там одно время обитали и директор МТС, и зональный секретарь райкома партии. Так тихой сапой дом и оставили в распоряжении сельского совета. Отец и его ближайшие родственники, боясь предъявлять права на свою законную жилую площадь (мешал страх перед недавним зажиточным прошлым), вынуждены были жить рядом с домом, в так называемой «летней землянке». В эту землянку Федор Афанасьевич привел жену, там появились на свет мы с братом, там прошли мои детство и юность, оттуда ушла в свой последний путь моя мама, Анастасия Андреевна.

Моя мама часто говорила с горькой усмешкой, что вышла замуж за каменную стену, имея в виду буквальный смысл этого выражения. Дело в том, что территория нашего дома и ссыпок была огорожена сложным из камня забором-стеной. К этой стене (чуть более полутора метров высотой) в какое-то время был пристроен незамысловатый сарай, метров десять в длину. Сарай строили без излишеств: четыре столба из кирпича перекрыли балками, двускатную крышу обложили черепицей, фронтоны зашили досками. Тыльной стеной сарая, который до революции использовался по прямому назначению, служила каменная стена ограды, идущей вдоль

улицы. В годы Гражданской войны промежутки между столбами были наскоро зашиты сплетенными из ивняка плетнями, обмазанными с двух сторон глиной, перемешанной с соломой. Таким образом, в сарае образовалась ладная комнатенка площадью около шестнадцати квадратных метров. Пол в ней был земляной, а четыре окна смотрели во двор.

Только в 1951 году мой брат сделал в комнате деревянный пол из горбыля, доставшегося нам от брошенных ящиков, в которых в станицу завезли какое-то оборудование. Под досками потом бегали мыши, а иногда и крысы. Но нам было хорошо и уютно с деревянным полом. Мы ходили по нему с гордым чувством обитателей не какой-нибудь, а почти благоустроенной квартиры. Свою печь мы топили соломой. Как только солома прогорала и становилось тепло, по каменной стене нашего жилища стекали ручейки конденсированной влаги. Мама практически всю жизнь проспала на кровати, стоявшей рядом с этой мокрой и холодной стеной.

Она родилась в 1906 году, в несчастливую для России пору — ровно через год после войны с Японией. Страна была охвачена параличом недоумения, досады, озлобленностью на правящие круги. Никто не мог даже вообразить, что Россию способна одолеть какая-то Япония. Национальное позорище растянулось на два акта. Первый акт был разыгран «на сопках Маньчжурии», где японцы разгромили русские армии под командованием военного министра России генерала от инфантерии Алексея Николаевича Куропаткина. А второй — у острова Цусима, в водах Корейского пролива, поглотивших русскую Тихоокеанскую эскадру под командованием малокомпетентного вице-адмирала Зиновия Петровича Рожественского. Россия бурлила. Вслед за мятежом, вспыхнувшим в июне 1905 года на броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический», первым массовым выступлением в вооруженных силах, поднялись восстания в Кронштадте, Владивостоке, Севастополе и других городах страны. К осени в более чем половине уездов Европейской России зашевелились крестьяне, на окраинах страны подняли голову вожди национал-сепаратистских групп и движений. Не знаю, насколько эти события коснулись маминой казачьей семьи, жившей средним достатком. Но своим детским чутьем я ощущал, что там витал дух, принесенный обстоятельствами, далекими от родной станицы. Источником этого духа был ее отец — Андрей Иванович Акулов.

Андрей Иванович родился в станице Марьянской, но корни его рода уходят в Воронежскую губернию. Окончив церковно-приходскую школу, он более двенадцати лет отдал военной службе. Служил дед в подразделении личной охраны Николая II, сформированном из терских казаков. В окопы Первой мировой войны он попал за рукоприкладство: дал пощечину одному офицеру, который осмелился оскорбить его, гвардейца, подхо-

рунжего личной охраны царя. Деда должны были судить по законам военного времени. И кто знает, чем дело бы кончилось. Но Николай II принял во внимание служебное рвение Андрея Ивановича и ограничился отправкой его на фронт. Мой дед в полной мере хлебнул военного лиха, но свое участие в войне воспринимал как божье повеление. Акулов гордился, что представлял Терское казачество, не замаранное участием в бунтах Ивана Болотникова, Степана Разина или Емельяна Пугачева, выступивших, как он считал, против «освященных веками устоев государственной власти».

Андрей Иванович не любил кланяться пулям и снарядам, его всегда тянуло туда, где было «жарко», где нуждались в его опыте и смекалке. За мужество и героизм Акулов был удостоен Георгиевского креста всех четырех степеней. Крест 1-й степени был пожалован ему за поимку важного «языка». Будучи командиром отделения разведки, он с риском для жизни выкрал и доставил на командный пункт своей части не кого-нибудь, а... прусского генерала! А еще bravому гвардейцу Акулову был подарен кованный сундук, у которого был «замок с музыкой». Казалось бы, сундук — он и есть сундук, полезное в хозяйстве имущество. Но была в нем одна деталь, доставившая массу хлопот моим родителям. На «замок с музыкой» накидывалась позолоченная скоба с надписью: «Андрею Ивановичу Акулову от его императорского величества за верную службу во славу царя и Отечества». Этой штуке не суждено было дожить до моего рождения. В 1936 году мой отец, опасаясь, что подобного рода красноречивое указание на непролетарское происхождение повредит семье, оторвал ее от сундука и закопал так надежно, что мы до сих пор найти ее не можем.

После Октябрьской революции дед вернулся в Марьинскую. Станичники избрали ветерана в местный Совет, но через некоторое время пришли белые и арестовали переметнувшегося к красным георгиевского кавалера. Многие думали, что его расстреляют, а дед вернулся живым и здоровым, да еще в звании подхорунжего. Видимо, генерал Деникин, очам которого был представлен казак станицы Марьинской А. И. Акулов, арестованный «за дезертирство и сотрудничество с красными», не решился расстрелять гвардейца. Вновь сослужили полезную службу дедовы заслуги, его верная служба царю, Отечеству и белому движению. Андрей Иванович мог даже получить звание офицера, тем более сам Деникин на этом настаивал. Дед выслушал лестное предложение, а потом, показав на свое плечо, сказал: «Это что же? Здесь будет блистать, а в голове свистать? Ведь у меня-то образования всего три класса. Офицерского звания для одной лишь красы мне не надо». Потом Андрей Иванович оказался — явно не по убеждению, а по стечению обстоятельств — на стороне большевиков. До глубокой старости мой дед перечитывал книгу «Чрезвычайный комиссар», где рассказывается о Серго Орджоникидзе

и есть эпизод, связанный с действиями чечено-ингушского отряда, которым он командовал во Владикавказе.

Еще до того, как части Красной Армии очистили Дон и Северный Кавказ от остатков войск Деникина, дед плюнул на всю эту катавасию со сменой флагов и режимов. Он собрал в котомку свои пожитки и, оставив семью в неведении, ушел во Владикавказ, где проработал лесничим всю оставшуюся жизнь. В прежние годы лесничих одевали в военную форму, поскольку он являлся караульщиком лесной казны, считай, тем же солдатом. Как говорили древние, все разумное берет начало из опыта. А этого бесценного жизненного добра старому солдату Акулову было не занимать. Для Андрея Ивановича, покинувшего станицу Марьинскую не по своей воле, родным пристанищем стала Северная Осетия, а добрыми соседями — осетинский и ингушский народы. Местные жители деда уважали. Я в этом убеждался даже много лет спустя, когда по какой-нибудь надобности заезжал в ингушский или осетинский аулы. Достаточно было сказать, что я — внук лесничего Андрея, как люди доставали припрятанную бутылку и наливали мне — «на пробу» — полный стакан запрещенного в то время самогона. Приходилось идти навстречу традиции, хотя, честно говоря, тяги к спиртному я никогда не испытывал.

Я до сих пор благодарю судьбу за счастливые минуты общения с дедом. Прожив долгое время среди горячих горских народов, он умел сохранять разумный нейтралитет, быть сдержанным и осмотрительным. Андрей Иванович хорошо знал особенности быта и традиции местных народов, помнил многих национальных вождей и героев. Он поражал меня доскональным знанием истории многих горских родов. Однажды по пути из Кабарды в станицу Марьинскую мы оказались в селе Куба. Зашли в столовую. Там нас окружили местные жители, завязался разговор. Андрей Иванович спросил у одного из молодых парней фамилию. Тот назвал себя.

— Так ты потомок того самого князя? — хитро прищурился георгиевский кавалер.

Я наострил уши, уверенный, что дед сейчас обязательно расскажет нечто интересное. И действительно, он не стал испытывать терпение собравшихся. Тут же полилась захватывающая история о жизни рода, представителем которого был этот парень.

Я уже тогда понял, что историю государства составляют не столько поражения и победы так называемых «известных людей», сделавших себе карьеру самым немислимым способом, сколько невидимый труд и невидимая жизнь людей неизвестных. Более того, эти «неизвестные», сами того не подозревая, кирпичик к кирпичику складывают основания для постаментов, на которых капризная Клио установит обелиски в честь других личностей, может быть, даже достойных этого.

Глава 2

Тяжелая утрата

Не успели еще отгореть пожары Гражданской войны, как над страной с телеграфной скоростью пронеслась крылатая формула Ленина: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Мог ли мой будущий отец, которому тогда едва исполнилось семнадцать лет, предположить, насколько этот лозунг, особенно вторая его часть, коснется одного из его сыновей, которому он, по зависящим от него обстоятельствам, так и не смог оказать никакой существенной помощи?

Отец мой, Федор Афанасьевич, окончил в станице Марьинской местную гимназию. Построенная в 1910 году, она после революции была переименована в среднюю школу № 16, в которой пришлось учиться и мне. Это было просторное, светлое здание с большим залом, где мы стремглав бегали на переменах или гордо стояли на построениях пионерской дружины. С началом перестройки здание школы передали в аренду какому-то кооперативу. После окончания гимназии отец поступил во Владикавказский техникум, но затем был отчислен по доносу, как выходец из зажиточной семьи. Судьбе свойственно смеяться над людскими планами. Но юноша не успокоился и окончил этот техникум экстерном по специальности «бухгалтерский учет». Сумел ли он найти свою стезю, которая бы удовлетворяла его духовные запросы, соответствовала его предназначению? Мне об этом сейчас трудно судить. Но, думаю, что нет.

Надо сказать, что мой отец с малых лет, как принято сейчас говорить, вел здоровый образ жизни: никогда не употреблял спиртного и не курил. Он вырос в атмосфере, в которой не было места жадности, корысти или ненависти. Раннее сиротство вынудило его взвалить на свои плечи взрослые тяготы. Надо было заботиться о собственном выживании и ставить на ноги двух братьев: пятилетнего Ивана и трехлетнего Николая. Мальчиков пытались забрать старшие сестры, получившие от деда Афанасия в наследство дома, стоявшие в разных концах станицы. Но тем самым была бы нарушена старая казачья традиция, согласно которой, в случае смерти отца, обязанности по воспитанию младших детей переходят к старшему сыну. Поэтому Федор остался с братьями в родительском

доме, а сестры им помогали. Но спокойно расти им не дали хозяева новой жизни, конфисковавшие дом деда Афанасия под свои нужды. Мой отец с братьями переселился в землянку, оборудованную в бывшем сарае. Резкий переход от обеспеченной жизни под родительским кровом к голодному и холодному сиротству изменил характер отца. Он рано повзрослел. Скоро возмужали и его воспитанники. Брат Иван после окончания семи классов уехал в Нальчик. Там он женился, оттуда был призван в армию и в 1939 году погиб на финском фронте. А брат Николай окончил ветеринарную школу, женился, прошел через всю Великую Отечественную и умер в станице Марьинской в 1995 году.

Федору Афанасьевичу Дьякову природа подарила недюжинный ум, он был начитанным человеком. В нашем доме хранились разные книги, в том числе и запрещенные советской властью дореволюционные издания А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, некоторые сборники С. А. Есенина, других писателей и поэтов. Интеллигенту по своей сути, отцу было трудно дышать в обстановке взаимного подсиживания, открытого и тайного предательства, насаждаемой в станице новой властью. Мглистые тридцатые годы запомнились семье моего отца, как и всем жителям Марьинской, мероприятиями по коллективизации. Помню тревожные рассказы родственников о том времени. Все жили в предчувствии нависшей опасности. Каждую минуту существования людей отравлял унижительный, никогда не отпускавший страх. Страх порождал двойную жизнь: одну — личную, естественную, обыкновенную, другую — официальную, превращавшую сердечных, добрых людей в винтики государства.

Коллективизация оставила на отцовском подворье в буквальном смысле пустое пятно. Члены созданной в станице сельхозартели, охваченные азартом экспроприации чужой собственности, положили глаз на деревянные зерновые амбары деда Афанасия, которые стояли на фундаменте, сооруженном из огромных камней-валунов. Артельщики разобрали амбары и вывезли их за околицу с намерением построить в поле хозяйственные блоки для полеводческой бригады, сельхозартели и фермы. Но вывезенный лес так и не был использован: часть его растащили, часть сгнила сама по себе. Зато восторжествовал принцип: «Мир — хижинам, война — дворцам». На огромном пустом подворье остались осиротевшие «дворцы»: родительский дом, окруженный валунами, да так называемая времянка, притулившаяся к каменному забору.

Я думаю, что отца не мог оставить равнодушным факт потери добра, нажитого дедом Афанасием. И, наверное, он задавал себе вопросы, на которые никто не давал ответа: «Почему открытый грабеж станичников называется коллективизацией? Почему амбары деда Афанасия так быстро опустели, и никто не закладывает в них зерно для будущей посе-

ной? Почему он с братьями ютится в непригодном помещении, а в отчем доме хозяйничают люди, которых еще вчера казаки брезгливо называли голью беспортошной?»

Немудрено, что при таком способе ведения хозяйства на страну скоро накатила голод. Урожай 1932 года был если не самым богатым, то во всяком случае неплохим. Труженики обобществленных полей надеялись получить хорошую компенсацию за свой труд. Вместо этого начальство выдало колхозникам «встречный план» по хлебозаготовкам. Неумеренное усердие местных властей и малограмотных активистов привело к тому, что в сусеках не осталось ни одного зернышка. Люди остались без хлеба, а колхозные лошади без фуража.

Сегодня уже доподлинно известно, что голодом были поражены важнейшие зерновые районы страны, прежде всего Украина, Северный Кавказ, Поволжье, а также Казахстан. Бедствие не обошло стороной Южный и Средний Урал, Центральное Черноземье, Западную Сибирь и некоторые другие регионы. Согласно справке ОГПУ от 23 февраля 1933 года, самый сильный голод охватил 21 из 34 кубанских, 14 из 23 донских и 12 из 18 ставропольских районов (47 из 75 зерновых). По некоторым данным, жертвами этой беспрецедентной в истории России трагедии стали от 7 до 8 млн. человек. Вполне естественно, что голод 1932–1933 годов был «засекречен». На страницах газет в лучшем случае обсуждались трудности проведения хлебозаготовительных кампаний, вызванные «саботажем кулаков» и другими «объективными» причинами. На самом же деле голод начала тридцатых был искусственно «организован» сталинским руководством. В Советском Союзе имелось достаточное количество зерна для обеспечения сельского населения хлебом до следующего урожая. Засухи 1931 и 1932 годов не могли вызвать массового недорода зерна, аналогичного недороду 1921 года. Думаю, что наступление голода явилось результатом насильственной коллективизации. К голоду привела проводимая советским руководством политика хлебозаготовок, направленная на изъятие хлеба из деревни и служившая интересам форсированной индустриализации.

1933 год оставил одну из самых глубоких отметин в моей семье. Отец, мама и пятилетний брат Александр превратились в живые скелеты, от них остались кости, кожа да душа. Но именно душа помогла выжить! Выжить самостоятельно, потому что государство не искало резервы для спасения умирающих людей, не объявило тревогу, не намечало мер по борьбе с голодом. Напротив, из динамиков неслась бодрая музыка, звавшая трудящихся на бой во имя социализма, звучали речи, направленные против иностранных агентов и шпионов, мешавших законопослушным гражданам делать свое доброе дело. Руководство страны лезло из кожи вон, чтобы создать атмосферу пира, непрерывного праздника, сменяющих друг друга

торжеств. Требовались красочные декорации, чтобы заслонить ими истинное положение дел. Этой цели служили, в частности, «картины благодетельства», написанные художниками Пластовым и Герасимовым и названные одинаково — «Колхозный праздник». На них изображены обильно накрытые столы, призванные «широко и свободно» представить обстановку избыточного изобилия. Колхозную идиллию воссоздавали также «художественные» полотна, подававшие в оптимистическом жанре «праздника еды» сцены кормления женщинами своих младенцев во время полевых работ. Даже столетие со дня гибели Пушкина стало поводом для большого и пышного празднества. По повелению свыше, нищету драпировали в одежды всеобщего изобилия, страх и отчаяние прикрывали наигранной и безудержной радостью, а тиранам и жестоким функционерам придавали черты мудрых человеколюбцев. В Кремле очень хотели, чтобы в головах людей нарисованный мир успешно конкурировал с миром реальным.

Но мир реальный все равно брал свое. Люди рождались, женились, умирали — в общем, делали свои земные дела. Отец женился в 1926 году, когда ему было двадцать лет. Несмотря на то что его семья влачила жалкое существование, над ней дамокловым мечом висело обвинение в принадлежности к зажиточному слою. С такой «славой» работать в станице было невозможно. Чтобы как-то выжить, отец в 1937 году решил перебраться с семьей в Кабардино-Балкарию. Там, в колхозе имени В. М. Молотова селения Средний Куркужин, что находилось примерно в пятидесяти километрах от станицы Марьинской, в пойме реки Золки, он работал главным бухгалтером. В конце 1939 года семья переехала в село Благовещенское, что под городом Прохладным.

Прохладная — это станица Терского казачьего войска, до революции входившая в Азово-Моздокскую оборонительную линию. С развитием железнодорожного узла, строительством и вводом в эксплуатацию нескольких заводов и предприятий станица была преобразована в город, ставший центром Прохладненского района, куда вошло и Благовещенское. Отец сначала работал в сельском потребительском обществе главным бухгалтером, а затем бухгалтером в местном райпотребсоюзе. Население Благовещенского составляли в основном украинские переселенцы, общавшиеся «на хохлацком» языке.

В Благовещенском нас встретили настороженно, я бы сказал, не совсем доброжелательно. К нам относились так, как везде относятся к чужакам. Все три года мы снимали одну комнату в хате с земляными полами. В другой комнате хранился хозяйский хлам. Нас с братом мало трогала убогость жилища. Самое главное, считали мы, чтобы в семье были покой и уют. Но это место жительства я запомнил на всю жизнь. Дело в том, что хата стояла рядом с кладбищем: могилы начинались

прямо за ее стеной. Когда мы с братом оставались одни, при керосиновой лампе или свече, он пугал меня кладбищенскими ужасами. После его страшных рассказов не хотелось оставаться в закрытом пространстве: приятнее было сидеть во дворе, озаренном лунным светом. И я старался не смотреть в сторону могил с крестами.

Всего в Кабардино-Балкарии мы прожили пять лет — до октября 1942 года. Наша семья с чувством глубокой благодарности вспоминает кабардинцев, поддержавших нас в тяжелые годы. Уверен: отец с домочадцами выжил только благодаря помощи этих добрых и бескорыстных людей. Целых пять лет я провел среди кабардинских детей, гулял с ними по окрестностям и купался в реке Золке. Мне было хорошо, и я не ощущал затхлой атмосферы культа личности вождя, в которой пребывала тогда вся страна. Отец рассказывал, что у них в райпотребсоюзе имя Сталина превозносилось до небес. Все тайком спрашивали друг у друга: «А что, Сталин — это царь?» Везде висели портреты «вождя всех времен и народов». А под портретами, словно тати в ночи, орудовали сталинские сатрапы, огнем и мечом искоренявшие инакомыслящих, неугодных или неудобных. Вспышками молний приходили известия об арестах знакомых или сослуживцев.

Сейчас некоторые утверждают: арестовывали, мол, без всякого повода. Нет, поводов у властей было предостаточно. На чьей стороне воевал в Гражданскую? Что делал во время проведения новой экономической политики? Почему не донес на соседа-оппозиционера? Почему уклонялся от участия в коллективизации и раскулачивании? Искренне ли боролся с «саботажниками хлебозаготовок» и «расхитителями социалистической собственности»? На эти острые углы советской действительности — хотели они этого или нет — напоролось миллионы людей. Фактически, в круг подозреваемых попала значительная часть населения страны.

Какие-то сети плелись и вокруг моего отца, в чьей анкете компетентные органы наверняка поставили жирную галочку. В 1937 году, когда мы жили в Марьинской, а отец работал заместителем главного бухгалтера сельпо, к моей матери подошел начальник отца, главный бухгалтер, и тихо, чтобы никто вокруг не услышал, сказал:

— Знаешь, Настя, завтра утром твоего Федора заберут.

Всю эту ночь семья провела без сна, с замиранием сердца ожидая, что за отцом вот-вот придут. Только к утру задремали — раздался сильный стук в дверь. Все обмерли. Обжигала мысль: «Неужели отца все-таки арестуют?» К счастью, все обошлось. Это была жена главного бухгалтера. Расстроенная, она прибежала, чтобы отдать ключи от кабинета и сейфов: ночью забрали ее мужа. Несчастный вернулся только в 1956 году, радуясь тому, что просто остался живым.

Не удалось избежать ареста и мужу моей родной тети Анастасии Афанасьевны, Борису Кудрявцеву, занимавшему должность секретаря станичного Совета. На руках у тетки осталось трое детей. Старший сын, Александр, надолго исчез. Сыну «врага народа» трудно было устроиться на работу, поэтому он перебивался, как мог. Александр вернулся домой в 1950-е годы, устроился на шахту, стал заслуженным шахтером. Река жизни основательно потрепала его на порогах, прежде чем вынесла в устье заслуженного общественного признания. «Сын за отца не отвечает». Тогда этот византийский афоризм был в моде. Но кто ответит за порушенные судьбы сыновей? Преждевременная смерть от рук доморощенных палачей не обошла стороной и Бориса Кудрявцева. Жестокий молох режима опалил его сознание, подверг, быть может, таким безжалостным испытаниям, от которых у нас, нынешних, волосы могут дыбом встать.

Для характеристики атмосферы, в которой начиналась моя жизнь, будет уместно напомнить старую притчу. Она повествует о том, как один царь послал к своему соседу-монарху посла, чтобы тот доподлинно разобрался, почему у него царит спокойствие, а у соседей подданные бунтуют. Прибыл посол по указанному адресу и задал этот вопрос владельцу земли, где была тишь и благодать. А царь-хозяин повел его на хлебное поле. Идут они по нему, царь ничего не говорит, а лишь срывает на ходу и бросает себе под ноги колосья, что повыше да потяжелее. Посол не выдержал затянувшегося молчания и спросил: «Так что же ты делаешь, чтобы в твоём царстве было спокойно?» «А я тебе все показал», — последовал ответ. Говорят, что с тех пор, как мы очеловечились, по Земле прошагало сорок тысяч поколений. И, наверное, каждому из этих поколений достался хотя бы один такой правитель. А ведь их было множество! Слава богу, что природа подарила русским одно счастливое качество: во все нелепые, дикие, крайние распоряжения и действия властей они вносят разумную, смягчающую, человеческую корректировку.

Сейчас, обращившись назад, я с особенным чувством душевной боли пытаюсь понять, почему люди, жившие в конце 30 — начале 40-х годов XX века, с такой жертвенной безропотностью позволяли ослеплять себя верой в мифы. Верой, которая не освещала путь, а слепила глаза. И лучи ее были беспощадны: они били прямо в лицо, в упор. Ослепленные люди верили Г. Г. Ягоде (расстрелян 15 марта 1938 г.) и Н. И. Ежову (расстрелян 4 февраля 1940 г.). Они верили казненным 23 декабря 1953 года Л. П. Берии, В. Н. Меркулову, В. Г. Деканозову и даже Р. С. Саркисову, лишённому жизни в 1955 году. Считается, что согрешившие получили свое. Правда, их жертвам легче не стало. Кто знает, может быть, мы потому до сих пор и плутаем в потемках, ища выхода, что он надёжно спрятан от нас вышепоименованными наркочеловеками-вурдалаками в тумане не-

человеческих 1930-х. А что произойдет, если этот выход будет в конце концов найден? Не ужаснемся ли мы тем затратам и потерям, которые понесли, ища прорыв к истине?

В конце 1930-х далеко от нашей станицы произошло событие, трагичность которого мне, естественно, тогда не дано было понять. В сентябре 1939 года пала Польша, раздавленная гигантской гитлеровской машиной. Осуществилась давняя мечта немцев: сокрушить позорные оковы Версальского мирного договора 1919 года, вернуть Германии «польский коридор» — полосу земли, дававшую Польше доступ к Балтийскому морю. Никто из западных политиков не заботился о судьбе польского народа, обреченного войной на страдания и гибель. В европейских столицах жили одним желанием — поскорее перекинуть факел войны на Восток. Как показали дальнейшие события, не спешила с выводами и Москва, не располагавшая к тому времени ни политическими, ни военными возможностями хотя бы для временной приостановки агрессора. Подожженный шнур продолжал медленно гореть, чтобы взорвать мир и покой, перебить и покалечить людей, одетых в серые и зеленые шинели. Откуда мне было тогда знать, чем этот холодный, изворотливый и циничный расчет политиков обернется лично для меня и моей семьи!

14 июня 1941 года в ставке Гитлера состоялось последнее совещание немецкого командования, на котором еще раз был подтвержден срок вторжения в Советский Союз. Наполеон перешел границы России 24 июня. Гитлер решил бросить вызов судьбе на два дня раньше. Страшной была ночь, когда самолеты люфтваффе сбрасывали первые бомбы на спящие советские города. Ранним утром 22 июня германский посол граф фон дер Шуленбург вручил в Кремле меморандум об объявлении войны Советскому Союзу. Началась Великая Отечественная война, бесчеловечность которой так образно передана в тревожных ритмах 7-й симфонии Д. Д. Шостаковича.

Война застала нас в Благовещенском. Здесь 3 июля мы услышали голос Сталина, обратившегося к советскому народу по радио: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Друзья мои! ...Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага». После таких слов вождя уже ни у кого не было сомнений, что нынешняя война — всерьез и надолго. Уходящих на фронт советских солдат сопровождала надрывная по своему трагизму песня Александра Васильевича Александрова «Священная война». Огромная страна вставала на священный бой.

Оказывается, Кавказ был первоочередным объектом в захватнических планах немецкого командования. «Моя основная цель, — твердил Гитлер на совещании высшего командования Восточного фронта, проходившем в Полтаве 1 июля, — занять область Кавказа... Если я не по-

лучу нефть Майкопа и Грозного, я должен покончить с этой войной». В июле немцы захватили Крым и Донбасс, вторглись на Северный Кавказ, прорвались к большой излучине Дона, намереваясь к 25 июля выйти к Волге у Сталинграда. Но враг обманулся в своем наступлении на Воронеж, в стремлении окружить войска Южного фронта под Ростовом. На пути экспансионистских планов Гитлера встали сотни тысяч безымянных командиров и бойцов Красной Армии, в том числе и представители северокавказских и закавказских народов, не мысливших свое существование без Советского Союза. Они совершили подвиг уже одним тем, что в самую трудную годину, до самого своего смертного часа не разуверились в советской власти, не предали ее анафеме, не проклинали. Они завещали свою святую веру всем, кому суждено было жить, бороться, побеждать и исполнять свои обязанности на крутых поворотах истории. Цементирующей силой выступали, как всегда, русские, в какой уже раз за многовековую историю опускавшие свою богатырскую палицу на голову супостата. Русские вновь доказали способность к достижению такого единства, которое получается у них в особых обстоятельствах. А именно, как правильно подметил русский писатель и драматург Леонид Максимович Леонов, «лишь в кровавых сечах... да еще при особо гулком, на всю страну, ударе топора по плахе...».

Как это ни прискорбно, но для российского люда война 1941 года не была неожиданной. Сколько веков живет он на своей земле, столько его и сопровождают и пронизывают проклятые войны. Спросите самого пожилого человека в любом ставропольском селении или горном ауле Приэльбрусья, что он больше всего помнит, тот сразу ответит: «Войну». И назовет, какую войну, а может быть, и не одну. Я часто задумываюсь о том, а могла ли сохраниться в своей первозданной целостности русская душа после стольких испытаний? Одна война, другая, третья, революции, перевороты... Да как после этого сохраниться душе?

Мой отец на фронт мог не идти: как ценный специалист, он был оставлен на брони. Но судьба, как хорошее половодье на большой реке, понесла его и закрутила, пока не попал он в мощный и безжалостный поток, неумолимо повлекший его к черному бездонному водосбросу. Осенью 1941 года немцы рвались к Москве. В один из тяжелых для страны дней к отцу зашел военком и попросил выдать ему бесплатно хромовый крой на сапоги. По каким-то причинам отец ему отказал — и через три дня оказался на фронте. Сколько нечисти бродит вокруг нас в этой жизни! Не стал отец изменять своей совести, не стал губить свою душу. Унес с собой он думку свою тяжелую, не поделился ни с кем переживаниями. У меня в памяти остались только серые обмотки на ногах отца, когда он прощался с нами перед выходом из дому.

Моя мама жадно ловила любые новости о развитии военной обстановки. Откуда ей было знать, что части Красной Армии, действовавшие на участке фронта, где воевал мой отец, не смогли сдержать яростное давление гитлеровских войск и были дезорганизованы? Началось беспорядочное отступление. Еще держались бойцы в отдельных очагах сопротивления, буквально вцепившись зубами в землю. Но уже невозможно было остановить набравшую скорость, хорошо оснащенную машину завоевателей.

Когда гитлеровцы вступили на землю Кавказа, многие его жители буквально согнулись под тяжестью дурной вести. Звучавшие по радио, словно литые из горячего металла, слова Юрия Борисовича Левитана «наши войска оставили город...» придавливали их каменной глыбой. Но еще тяжелее было тем вчерашним рабочим, крестьянам, бухгалтерам, счетоводам, лекальщикам, кандидатам наук, кто сдерживал фашистский натиск на передовой. Тысячу раз оказался прав автор повести «А зори здесь тихие...» Борис Львович Васильев, как-то сказавший, что в нашей послевоенной литературе так мало написано о людях, попавших в мясорубку первых месяцев войны, «не готовых к ней ни физически, ни психологически». В апреле 1942 года в одном из боев под Ростовом-на-Дону пулеметчик Федор Афанасьевич Дьяков получил опасное легочное ранение. Отца вывезли сначала в город Сальск Ростовской области, а затем доставили в Прохладный, где тогда находился военный госпиталь. Кто-то сообщил об этом маме. Она пешком добралась до Прохладного, в поисках госпиталя умоляя Господа об одном: «Только бы успеть!» Отец в буквальном смысле скончался у нее на руках.

В мае 1942 года Федор Дьяков был похоронен в селе Благовещенском на кладбище, рядом с хатой, в которой мы ютились всей семьей с тех пор, как он привез нас сюда. Мама сумела уговорить руководство госпиталя похоронить отца по месту жительства. «Люди не должны жить минувшим горем. Но тех, кто спас их от горя, они обязаны помнить...» Эти строки, принадлежащие писателю Анатолию Георгиевичу Алексину, выбиты на памятнике, который воздвигнут в честь героев, остановивших отборную эсэсовскую дивизию «Эдельвейс». Мне кажется, сказано очень точно и проникновенно, и слова эти с полным правом можно отнести ко всем солдатам Великой Отечественной войны, в том числе и к пулеметчику Дьякову. Если бы сейчас в каком-то мистическом полусне передо мной вдруг возник отец и узнал своего стареющего сына, то он, надеюсь, понял бы, что на земле, в которую он лег, живут его потомки, помнящие, любящие и жалеющие его. Главное, как мне кажется, отец бы понял, что жива еще русская земля, и смерть его не была напрасной...

Глава 3

Печаль любви, тоска разлуки

Как оказалось, со смертью отца на нашу семью обрушились испытания, которым не было видно ни конца, ни края. Мама осталась одна в самом расцвете сил. Еще в девушках она мечтала, что всю жизнь, как один день, проживет со своим суженым. Мечте не дано было осуществиться. В полный рост перед молодой женщиной встали проблемы военного времени: страх перед неотвратимой бедой, растерянность перед необходимостью тянуть непосильную лямку, сострадание к родным и близким, которых война не пощадила. Мамино сердце стонало под тяжелым камнем ненависти к вероломному врагу, который перевернул всю ее жизнь, разбил все надежды. В каждую семью война принесла свое горе, которое необходимо было пережить. Понесла свой тяжелый вдовый крест и моя мама.

Предвоенные и военные годы наложили на нее особый отпечаток, сделали ее характер своеобразным, можно сказать, противоречивым. Внешне мама была женщиной симпатичной, даже красивой. Обаятельность моей мамы подмечали многие, дивясь при этом ее разностороннему интеллектуальному развитию. Будучи учительницей младших классов средней школы в Кабардино-Балкарии, она была трудолюбивой, много читала, всем интересовалась. Мама обладала чувством юмора, старалась на людях быть веселой, славилась своим гостеприимством. От природы у нее было прекрасное сопрано. Она пела в клубе и в церковном хоре, хотя верующей ее можно было назвать с большой натяжкой.

Мама была чрезвычайно ранима. Оставшись вдовой, она с трудом приспособивалась к своему новому социальному положению. Видимо, красивым судьба не спешит отпускать счастье. В женихи тогда многие напрашивались, а куда денешься с двумя детьми, кому нужна лишняя обуза? В качестве самозащиты она выбрала свою тактику: старалась казаться независимой, что выглядело как чрезмерная гордыня, даже заносчивость. Если кто-либо подворачивался ей в это время под руку, мог получить такой разряд эмоций — не позавидуешь. Зная это, люди старались держаться от нее подальше. А она по ночам плакала навзрыд, терзая подушку, соленую от вдовьих слез. Передо мной до сих пор стоит

ее образ, в котором было что-то разительное: то ли предчувствие ранних катастроф, то ли глубокое понимание окружающего мира...

Тяжелая вдовья судьба — любимая трагическая тема многих мастеров русской литературы. На страницах известных произведений часто можно найти образы молодых женщин, у которых впереди вдруг не осталось никакого просвета, и они одиноко бредут по жизни, лишённые мужской ласки, крепкого мужского плеча и надежной защиты. Вспоминаю маму, я всегда примериваю к ней строки поэта-фронтовика Михаила Александровича Дудина, посвященные женщинам, оставшимся без мужей-кормильцев после Великой Отечественной войны:

Все знали в жизни эти руки,
Все перепробовать смогли:
Печаль любви, тоску разлуки
И отчужденье смертной скуки
Сырой кладбищенской земли.

После похорон отца, за два месяца до немецкой оккупации, нашей семье помогли временно разместиться в комнате более приличного дома, чем кладбищенская землянка. Подавленные горем, мы с мамой и братом, как и все население, ждали от этой войны еще чего-то более страшного. В разговорах людей все чаще слышалось слово «оккупация». Оно прочно вошло в повседневный лексикон многих советских людей, стало неотъемлемой составной частью их горьких воспоминаний. Жить на территории, занятой противником, подчиняться его воле, выполнять законы военного времени и трудиться на незваного гостя, пришедшего в твой дом с оружием в руках, — занятие не из приятных. Однако страх перед оккупантами испытывали не все. Некоторые — их на селе было немного — в ожидании немцев едва сдерживали свою радость.

Немцы пришли на Северный Кавказ летом 1942 года. Это была немецкая группа армий «А» во главе с генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Листом. В соответствии с планом и структурой оккупационного режима в регионе фашистами был образован рейхскомиссариат «Кавказ», в котором Ставропольский край и Кабардино-Балкария (вместе с другими национальными территориями) обозначались как генеральные комиссариаты «Терек» и «Горная страна». Германское военное командование незамедлительно издало целый ряд директивных документов, адресованных местному населению. В них разъяснялась цель пребывания вермахта на Кавказе — уничтожение большевизма, а также давались первые распоряжения относительно создания новой структуры власти.

В середине августа 1942 года гитлеровцы заняли Благовещенское. Не знаю почему, но в первый же день оккупации, по наводке назначенного немцами сельского старосты, немцы произвели обыск в нашей комнате.

Рылись в нашем скарбе два немецких солдата. Один из немцев увидел висевшие на стене отцовские карманные часы в серебряном корпусе. Он снял их с гвоздика, открыл крышку, проверил, как работает механизм, и положил себе в карман. Другой открыл сундук Андрея Ивановича, все там перерыл и конфисковал связку алюминиевых ложек. Окончив обыск, немцы бросили нам на стол какое-то количество немецких марок и советских рублей, показывая жестами, что это — оплата за часы и ложки. Мама схватила деньги, чтобы бросить их в печку, но брат Александр ее удержал.

У нас были весомые причины бояться немецкой оккупации: пятнадцатилетний брат Александр был комсомольцем и членом Прохладненского райкома. До нас постоянно доходили вести о том, как оккупанты расстреливают коммунистов, комсомольцев и евреев. При приближении немцев к Прохладному райком комсомола принял решение об эвакуации всех членов и сотрудников своего аппарата. Райком выдвинулся из города на нескольких подводах в надежде перебраться на правый берег Терека. Вместе со всеми должен был отправиться и мой брат Александр. Но, видать, судьба решила за него сама. В этот день у брата воспалилось горло, поднялась высокая температура, и мама не позволила ему отправиться в дорогу. Обоз с работниками райкома был уничтожен немецкой авиацией по дороге к Беслану. Каждый день мы ждали, что кто-нибудь донесет на Сашу. Слава богу, этого не произошло.

С началом оккупации жители села начали растаскивать колхозную собственность. Нам староста села привел корову и старую кобылу. Ухаживать за скотиной пришлось моему брату. Для доставки корма он использовал одноосную повозку, которую соорудил сам, приладив к ней железные колеса от травяной косилки и две оглобли. Как-то Александр привез домой четыре пчелиных улья, полных густого ароматного меда.

Во дворе нашего дома немцы разместили пять бронемашин. Экипаж каждой бронемшины состоял из трех человек: командира-офицера, механика-водителя и стрелка. Офицеры расположились в нашей комнате, поставив в ней пять кроватей. Нас без лишних слов выселили в длинный коридор. Немецкие солдаты спали на улице или в машинах. Немцы к нам относились ровно, спокойно. Вскоре мы лишились коровы и кобылы: их угнал староста села, не объясняя причин, а пчелиные улья приглянулись немецким «постояльцам». Чтобы полакомиться медом, они выдирали из ульев рамки, совсем не опасаясь пчелиных укусов. Более того, разыгравшись, они хохотали, когда разъяренная пчела кусала кого-нибудь из них.

Между собой немцы были дружелюбны, смеялись, шутили, разыгрывали друг друга. Один из таких розыгрышей едва не стоил нам жизни. В нашей комнате лежал заболевший офицер. Скучая от безделья, он

умыкнул у своего соседа пистолет и спрятал его под подушкой. Сосед целую неделю бродил хмурый: все искал пропавшее оружие. В воровстве обвинили нас с братом. Запахло арестом. Тут «больной» объявил о своей шутке. Мир был восстановлен, но потерпевший немец был откровенен. Он прямо сказал: «Если бы пистолет не нашли, вас бы расстреляли».

Шла осень 1942 года. Жизнь в оккупированном немцами селе, где не было ни одной родной души, становилась для семьи невыносимой. Надо было пробираться к местам, где нас помнили и знали. Отдав старосте один из сохранившихся отрезков ткани, мама добилась разрешения на выезд семьи из Благовещенского. В конце октября 1942 года мы арендовали подводы, погрузили на них нехитрое имущество и вернулись в родную станицу Марьинскую, тоже, кстати, оккупированную немцами. Разместились мы в своей хатенке, которая еще больше отсырела и требовала ремонта. Выжить на пустом месте нам помогли родственники, и в первую очередь тетя Настя. Все мужчины были на фронте.

Осенью 1942 года мама, измотанная проблемами и страхом, решила меня окрестить. Я очень хорошо помню эту процедуру. Меня завели в церковь, раздели догола, поставили в купель, а вокруг сгрудились мальчишки и девчонки, которые смотрели во все глаза, как священник льет на меня святую воду. Этот акт запал мне в душу своей необычной торжественностью. В детстве, как известно, любое событие представляется значительным. В церкви же надо мной производили действие, имевшее совсем непрактическое значение, обставленное по каким-то неизвестным мне законам чистого и святого мира.

Своим умишком я еще не понимал, что Великая Отечественная война стала временем бескомпромиссной проверки истинной ценности каждого. Временем, которое не все сумели достойно пережить, которое наглядно продемонстрировало, кто есть кто. Одни проливали свою кровь на фронте, а другие шли на прямую измену и предательство. Открыто сотрудничая с врагом, они предавали своих, участвовали в карательных акциях.

Во всех крупных населенных пунктах Северного Кавказа действовали немецкие военные комендатуры. Их власть распространялась также на близлежащие сельские населенные пункты. Военными комендантами были немецкие армейские офицеры. Но бывали и исключения. Военным комендантом города Пятигорска, например, был назначен русский по фамилии Демидов, который, скорее всего, являлся кадровым офицером вермахта, поскольку всегда красовался в немецкой военной форме. Горожане старались обходить стороной здание, в котором находилось 5-е управление гестапо — ведомство по руководству деятельностью полицаяв из числа местного населения. В Пятигорске до сих пор помнят об акции уничтожения более десяти тысяч ни в чем не повинных жителей,

которую возглавил бывший офицер Красной Армии старший лейтенант Кузнецов, переметнувшийся на сторону фашистов. Местом массового расстрела был выбран глубокий овраг за стекольным заводом, стоявшим в то время на дальней окраине Минеральных Вод.

Многие из тех, кто был причастен к репрессиям в отношении советских граждан, позже тоже были привлечены к суду по обвинению в военных преступлениях. Только на территории Ставропольского края таких было 14 человек. А сколько вокруг нас было тайных осведомителей и полицаев из местных — не сосчитать! Понес заслуженную кару и предатель Кузнецов. Отступив вместе с немцами, он долго скрывался под другими фамилиями в надежде уйти от возмездия. Но в 1972 году его арестовали и по приговору суда, проходившего в городе Минеральные Воды, расстреляли.

Что заставляло отдельных советских граждан идти в услужение к фашистам? Наверное, их ослепили какие-то мелкие боли, мизерные обиды или выгоды. Или захлестнули алчность, зависть, тщеславие, грубость, жадность. Правильно говорят: кто черту служит, тому дьявол платит. Радует одно: мало кому из фашистских прихвостней удалось избежать справедливого возмездия за свою неблагоприятную деятельность в ходе войны. Хотя, наверное, отдельные все же ухитрились, подобно ночным вампирам, отсидеться в потаенных норах в какой-нибудь Аргентине или другой заморской стране до своего естественного ухода в ад. Но те, кто остался каким-то образом на своей земле после войны, не могли не чувствовать своей отверженности на праздниках Победы, так как полностью не разделили с народом его горя.

Холодит кровь страшная история, случившаяся с моим двоюродным братом Николаем. 31 декабря 1942 года, в предновогодний день, его расстреляли немцы в Пятигорске. Ему только исполнилось семнадцать. И до сих пор никто не знает истинную причину казни. Николай был активным, компанейским подростком, в нем сидела какая-то хозяйская хватка, житейская мудрость. Перед самой войной он поступил в ремесленное училище. Учащиеся «ремеслухи» обладали правом на бесплатное обмундирование, проезд на городском транспорте, проживание в общежитии и трехразовое питание. Перечисленные блага были розовой мечтой, почти нереальной грезой для любого мальчишки из бедных семей в довоенный период. Ведь мы были, как трава: где пустишь корни, оттуда и тянешь. Это же такое счастье — жить под руководством опытных наставников, изучать специальность, в меру развлекаться и готовить себя к высокому поприщу квалифицированного рабочего. Но мечте не суждено было осуществиться.

Перед войной Николай был отчислен из ремесленного, как член семьи врага народа. В начале войны он вместе с друзьями тщетно рвался

на фронт, обивая пороги Георгиевского райвоенкомата. Среди своих друзей Николай был самым младшим, старше всех был 23-летний парень по кличке «Летчик». Он на самом деле был пилотом, имел звание младшего лейтенанта, но перед войной был признан негодным к военной службе. Молодые люди вели замкнутый образ жизни, часто исчезали из Марьинской. Как-то раз они захватили (неизвестно, по чьему заданию) и расстреляли без суда и следствия русскую девушку, работавшую в гестапо секретарем. Ранее она была связной в партизанском отряде, скрывавшемся в плавнях Чаграйского водохранилища, что лежит на границе между Ставропольским краем и Калмыкией. Начав «новую жизнь», она, наверное, выдала кого-нибудь из партизанских активистов. «Народные мстители» были схвачены гестаповцами и полицией на месте казни. Потом я видел кадры кинохроники о зверствах фашистов на Северном Кавказе, в том числе гроб с телом Николая, рыдающую тетю Настю. Николай похоронен в городе Пятигорске, в братской могиле, где сейчас горит Вечный огонь и находится пост № 1. Почетным часовым этого поста являюсь и я.

Нам пришлось жить среди немцев до 13 января 1943 года. Каждый приравнивался к ним по-своему. Особенно непросто было на оккупированной врагом земле женщинам, которые, как писал в популярном романе «Щит и меч» Вадим Михайлович Кожевников, стремились любыми способами скрыть свою молодость, миловидность, женственность. «Бедность, убогость их одежды, — подчеркивал писатель, — не всегда были следствием одной только нищеты, в которую немцы ввергли население. Часто старящий, уродливый траур был тщательно продуман». Наверное, так же выглядели многие наши станичницы, в том числе и моя мама.

В мае 1943-го нашу семью опять посетило горе. В городе Орджоникидзе умерла моя бабушка по материнской линии, Пелагея, супруга Андрея Ивановича Акулова. Дед с тощей котомкой за плечами заявился к нам в Марьинскую: «Хочу жить с вами!» А маме было тогда всего 37, ей еще самой надо было устраиваться в жизни. Делать нечего: мама приняла деятельное участие в судьбе овдовевшего отца. Она нашла ему женщину по имени Евдокия, которая никогда до этого не была замужем. «Молодые» понравились друг другу, поженились, и дед снова уехал в Орджоникидзе, хотя, как мне кажется, против своего желания.

После оккупации жизнь наша в Марьинской налаживалась с трудом. Мама, которой нелегко было одной с двумя детьми, решила отправить меня на лето к деду. Тогда-то я впервые и увидел поезд. По мнению Зигмунда Фрейда, мальчики обыкновенно проявляют загадочно большой интерес к тому, что происходит на железной дороге. Не стану спорить с известным психоаналитиком, но на меня первая встреча с «железкой» оказала гнетущее впечатление.

Стояло жаркое лето 1944 года. Из всей одежды на мне были трусы, майка да пилютка, в которой, кстати, я пробегал все детство. К перрону станции Аполлонская подходили поезда, битком набитые военными. Мы попытались проникнуть в один из таких составов. Едва мама встала на подножку, как чьи-то сильные мужские руки затагнули ее в тамбур. Я потерял ее из виду. Какой-то моряк схватил меня за майку, поднял на ступеньки и так держал все сорок километров, пока поезд не прибыл на станцию Солдатскую. Я не мог даже пикнуть. Только потом меня кое-как передали в тамбур, поближе к матери.

Прибыв в Орджоникидзе, мы на попутной машине доехали до 2-го спиртзавода, который находился в 7–8 километрах от города, а дальше — пешком до лесничества, где жил дед. Лесничество располагалось на опушке леса, недалеко от поселка Чернореченский. Деда дома не было.

— Где дед? — спросили мы у соседей.

— В лесу, картошку сажает.

В поисках Андрея Ивановича мы пошли по лесной дороге. Нашли участок, где дед и Евдокия сажали картошку. Дедова жена не обратила на меня никакого внимания, чем, естественно, сразу мне не понравилась. Маме нужно было спешить на обратный поезд. Мы с ней попрощались, и я остался рядом с земельным участком, на котором трудились Андрей Иванович и моя новая «бабуся». Возмущенный безразличием к собственной персоне, я вышел на дорогу с мыслью скорее бежать в город и найти там маму. Попутные машины меня не брали, и я рванул, фактически, бегом.

В городе я несколько раз обежал вокзал, но маму не нашел. Огромный пугающий город, ни одной знакомой души. Вечерело. Надо возвращаться к деду. Добрался я к нему поздним вечером. Когда я метался по городу, меня увидела мамина знакомая, которая сообщила матери, что сын ее в растерянности бегаёт по вокзалу. Мама все поняла, бросилась к деду и забрала меня. В станицу Марьинскую мы возвращались уже в офицерском вагоне, заплатив проводнику 25 рублей. Военные попутчики оказались людьми приветливыми. На память о совместной дороге они вручили маме мешок заплесневелого хлеба, который мы разделили между станичниками. Радости не было предела. Правильно народная мудрость гласит: «Хлеб сам себе мудрец — им объесться нельзя».

Тяжело после оккупации складывалась судьба моего брата Александра. Будучи старше меня на девять с лишним лет, он на себе познал тяжесть довоенных скитаний, глубже прочувствовал гибель отца, оккупацию, трудности послевоенного периода. Жизнь научила его быть скупым на эмоции, дорожить каждой минутой счастья. В 1943 году он поступил учиться в Орджоникидзевский индустриальный техникум.

Но ему не удалось задержаться там надолго, так как есть было нечего. Единственное, что он в этот период успел сделать одновременно с началом учебы в техникуме, — это окончить полуторамесячные курсы шоферов и получить водительские права. Наш двоюродный брат Владимир в декабре 1943 года уговорил Александра оставить техникум и вместе с ним поступить в Ереванскую спецшколу ВВС.

Какими красавцами они выглядели, когда в курсантской форме приехали на следующий год в Марьинскую на краткосрочные летние каникулы! Как гордился тогда я братом, какое счастье испытывал, находясь рядом с ним, уже военным человеком. Шла война, и их готовили для войны. Увидев ладных курсантов, загорелся желанием учиться в авиационной спецшколе и Михаил Кудрявцев, сын моей тети Анастасии Афанасьевны и Бориса Кудрявцева, репрессированного как «враг народа». Миша, с трудом окончивший семь классов, должен был иметь рекомендацию из учебного заведения для поступления в спецшколу ВВС. Но кто мог дать положительную характеристику сыну врага народа? Тогда за дело взялись Владимир и Александр. Они изготовили для Михаила нужную бумагу, якобы выданную Марьинской средней школой. По окончании отпуска друзья уехали в Ереван вместе с Михаилом Кудрявцевым, который тоже стал курсантом спецшколы. Сколько было радости!

В октябре 1944 года Александр и Владимир вновь приехали на недельную побывку в родную станицу. Михаилу отпуск еще не полагался. Отпускные денечки пролетели очень быстро. Накануне отъезда Александр заболел ангиной с высокой температурой. Александр рвался уехать вместе с Владимиром, но мама уговорила его отложить отъезд до выздоровления. Опять в жизнь брата внесла свои корректировки судьба. Владимир уехал в спецшколу один. В ночь после убытия Владимира к нам домой ворвались работники НКВД. Они подняли больного брата с постели и объявили, что он арестован. Сашу в «черном воронке» увезли в станицу Новопавловскую — административный центр Аполлонского района. Как потом стало известно, на Александра и Владимира донес один подонок, имевший две судимости за кражи и находившийся под следствием в третий раз. О фальшивой характеристике он узнал от самого Михаила и решил облегчить свою участь, оповестив органы о злоумышленниках из авиационной спецшколы. Александр всю вину взял на себя, подтвердив, что лично изготовил характеристику для своего двоюродного брата. Этим он отвел беду от Владимира, который удачно окончил спецшколу ВВС и впоследствии дослужился до полковника, став командиром авиационной части, стоявшей в Риге.

Александра в ходе следствия спросили: «Вы знали, что готовите документ для сына врага народа?» Он ответил: «Нет, не знал. Но я знаю,

что он — мой брат». Суд приговорил Александра к двум годам лишения свободы с содержанием в колонии строгого режима. Семнадцатилетний парень загремел в Ухту на лесоповал. Михаила по представлению суда вышвырнули из спецшколы. Я помню зимнее утро, когда он вошел в дом своей матери, Анастасии Афанасьевны, замерзший, в шапке-ушанке и в грязном военном кителе, с заношенным кашне вокруг шеи. Курсантская эпопея для него закончилась, а небо так и осталось недостижимой мечтой. Михаил работал потом помощником кузнеца на Марьинской машинотракторной станции. У парня оказались золотые руки, и он стал высококлассным мастером кузнечного дела.

В 1946 году молотобойцем к Михаилу пришел один наш станичник, участник войны. Он находился в фашистском плену, был освобожден французскими войсками и увезен во Францию, где пробыл примерно полгода. Вернувшись в станицу, фронтовик устроился в МТС. Этот человек, рассказывая Михаилу, как живут люди во Франции, обмолвился, что там «жить лучше». О содержании беседы у кузнечной наковальни каким-то образом узнали «органы», и ночью обоих арестовали. Через неделю Михаил вернулся домой — избитый, еле живой. Стиснув зубы, он отказывался говорить, где был и что с ним делали. А его напарник-молотобоец получил десять лет и был отправлен по этапу.

Александр, отбывавший заключение на Крайнем Севере, запросто мог сломаться в лагерной мясорубке, не сведи его судьба с хорошими людьми. У прибывших по этапу новичков стали спрашивать, нет ли среди них водителей. Александр вышел из шеренги и заявил, что имеет водительское удостоверение. Высокий, худой мальчишка в арестантской робе вызвал всеобщий смех. Но один пожилой заключенный что-то увидел в моем брате. Он попросил лагерное начальство дать ему «этого мальчика» в сменчики. «Заключение, барак, — пишет писатель и публицист Олег Олегович Павлов в книге «Русский человек в XX веке», — такая вот несвобода, превращающая людей в одну сплошную безликую массу сдавленных друг с другом тел, — это среда, где и высекается из массы атом человека». Лагерное начальство и заключенные по какой-то только им известной причине относились с уважением к покровителю Александра. Этот человек полюбил моего брата, как родного сына, обучил его мастерски водить ГАЗ-АА и ЗИЛ-5, разбираться в двигателе и ходовой части грузовиков. Машина, на которой они работали, всегда была исправной, выполняла необходимые нормы.

Мой брат числился в лагере на хорошем счету и в январе 1946 года был освобожден досрочно. Проработав несколько месяцев личным водителем директора МТС, Александр попросил направить его в Воронцово-Александровскую школу электрификации. Так в нашей станице поя-

вился первый электрик. Он участвовал в строительстве Кубинской ГЭС мощностью 600 кВт, на которой впоследствии стал первым старшим техноруком. ГЭС располагалась на кабардинском берегу реки Малки — как раз напротив Марьинской гидроэлектростанции мощностью 200 кВт. Она была деривационной: стояла на обводном канале и сбрасывала отработанную воду в пойму реки Малки. Профессия брата повлияла и на мой жизненный выбор. Я проводил у него все свое свободное время, и не было уголка на Кубинской ГЭС, куда бы я ни залезал, особенно в период ремонтных работ.

Забегая вперед, скажу, что в 1963 году дед Андрей похоронил свою вторую жену. Тогда мы привезли его к себе в Пятигорск, где жили в трехкомнатной квартире. В городе Андрей Иванович затосковал: не по нутру ему пришлась шумная жизнь курортного города, потянуло старого воина домой, поближе к природе, где он прожил основную часть своей жизни. Вскоре сын его, Иван Андреевич, нашел ему новую, третью по счету, спутницу жизни. По возрасту она была моложе мамы и любила «заглянуть в рюмку».

Андрей Иванович по-прежнему вел активный образ жизни, работал, как говорится, от зари до зари, не покладая рук, не привередничал, довольствовался тем, что давал ему Бог. Характер у него не изменился — так и остался пылким и горячим. Как-то раз он топором завалил соседскую корову, которая неоднократно травила капусту на принадлежавшем лесничеству огороде. Сделав это, он пошел к соседу и по-мужски строго и лаконично стал обговаривать условия возмещения ущерба. Соседу ничего не оставалось делать, как принять участие в торге, поскольку в тот момент вступать в перепалку с дедом было просто опасно — можно было попасть под горячую руку. Хорошо, когда человек без ущерба для своей цельности многослоен. Просто беспечный смельчак — этого маловато, но коли есть самолюбие, страстность, непримиримость, — из такого материала строится незаурядная личность.

Андрей Иванович предпочитал добротную, наваристую пищу. Особенно любил он первое блюдо, в котором должно быть много мяса или половина жирной курицы. Все это вкусное великолепие дед заедал, не морщась, красным стручковым горьким перцем, а запивал кружкой ледяной ключевой воды. Иногда позволял себе стаканчик араки. Однажды внук Александр, мой старший брат, поставил ему на стол стакан с обычной холодной водой. Он выпил, помолчал — да как даст кулаком по тарелке! Лапша и разлетелась в разные стороны. Очень не любил, чтобы домочадцы делали не так, как ему было нужно.

Однажды на покосе случился у Андрея Ивановича приступ мочекаменной болезни (было ему уже 80). Надо было полежать в больнице,

полечиться, но он не выдержал и сбежал оттуда прямо в больничной пижаме. Врачи вызвали моего двоюродного брата, Михаила Акулова, сообщили ему об этом происшествии, попросили найти беглеца. Нашли деда на вокзале. Когда его спросили, зачем он это сделал, ответ был коротким: «Ну да! Пока я буду лежать в больнице, моя бабка будет гулять!»

В середине 1950-х дед еще иногда вспоминал о своей службе в личной охране императора, о христосовании на Пасху с Николаем II и императрицей Александрой Федоровной, о полученных от них подарках, о впечатлениях от пребывания в Зимнем дворце и Петергофе. На вопросы о том, что ему давали Георгиевские кресты, дед отвечал, что на месячное денежное содержание полного Георгиевского кавалера он мог купить корову. Незадолго до смерти Андрей Иванович просил меня побывать в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, на стенах которого размещены специальные мраморные доски. На них с 11 апреля 1849 года заносятся имена Георгиевских кавалеров. В Георгиевском зале я бывал неоднократно, но обнаружить нужную фамилию на парадных стенах, когда вокруг тебя масса народа да бдительная кремлевская охрана, было просто невозможно.

Андрей Иванович не отличался религиозным фанатизмом, но был верующим, чтит христианские праздники и периодически посещал храмы: православный и армянский грегорианский, расположенный рядом. Мне кажется, он носил Бога внутри себя и никому не позволял копаться в своей душе. Он так и жил, начисто лишенный таких людских пороков, как жадность, стяжательство, равнодушие, злоба и ненависть.

Все, кто деда знал близко, понимали, что их земляк воплощает в себе высокую и благородную добродетель. Всей своей жизнью, всеми своими делами Андрей Иванович показывал наглядный пример доброты и этим как бы говорил: «Эй, люди! Посмотрите, какими мы должны быть все!» Но отчуждение к власти предержавшим он так и не смог преодолеть. У Михаила Александровича Шолохова в «Тихом Доне» есть точные слова, сказанные Григорием Мелеховым после демобилизации из Красной Армии: «А мне и до се все неясное». Все ли было ясно Андрею Ивановичу, сейчас не ответит никто. Но мне казалось, что он доживал свой век с какой-то едва уловимой душевной горечью.

Рассказывая сейчас о нем, я все время боюсь ошибиться, сказать что-то не так, сделать неправильные акценты. Да и можно ли вообще себе позволить, во имя лучшего, подробного, беспристрастного описания, быть безразличным к собственной истории, где каждая жилочка бьется своим, но таким родным для тебя ритмом? Истории, где каждый вздох, сделанный давным-давно твоим ближайшим родственником, заставляет вздыматься твою собственную грудь, переполняет твою плоть ощущением, которого не передать обычными словами?

Глава 4

Лихолетье

Сейчас трудно представить, за счет чего я выжил после войны, в годы безотцовщины, голода и холода, с утра до вечера озабоченный одной мыслью: где достать поесть? За работу в колхозе мама денег не получала. Ей начисляли трудодни, на которые только в конце года выдавали продукты: примерно три мешка пшеницы, три литра подсолнечного масла да что-то еще по мелочи. Поэтому мы с нетерпением ждали весны, когда появлялась первая зелень — крапива, лук, петрушка. Боже мой, каким вкусным казался борщ из крапивы! Мама жарила чуреки из кожуры картофеля, замешивая ее на остатках барды — пойла, предназначенного для корма скота. Выручало небольшое подсобное хозяйство, содержавшееся на подножном корму: несколько кур во главе с петухом, индюшек и кроликов. С огорода мы брали ранний картофель, лук, помидоры, огурцы. Я должен был все это своевременно поливать, хотя иногда относился к своим обязанностям спустя рукава. Мы продали почти все, имевшее хоть какую-то ценность: обрезки сукна, каких-то материй, даже дедов кованный сундук (он достался родному дяде). А на вырученные деньги купили корову, которая стала нашей спасительницей вплоть до 1947 года.

В послевоенное время для выпаса своего скота колхозники нанимали пастуха. С разрешения колхоза и по согласованию с хозяевами он собирал всех частных коров в стадо и гнал его за станицу на два-три километра. Там он пас животных весь день, а вечером пригонял обратно. Станичники, в основном мальчишки или старики, встречали стадо на окраине станицы, у старого Пикета (раньше так называлось временное сторожевое укрепление), рядом со спуском в станицу, упирившимся в Кизилку. Здесь, на расстоянии пятидесяти-ста метров от хат, была ровная, покрытая зеленой травой, площадка.

В ожидании коров мальчишки играли на площадке в самодельные карты, шахматы или шашки. Но особенно все увлекались игрой в «ножички», которая состояла в умении бросать и втыкать нож в землю из различных положений руки и пальцев. Здесь мы демонстрировали друг другу новинки и приобретения. Предметом большой гордости был, например, поджиг — самодельное дульно-зарядное стреляющее устрой-

ство. Изготовить его было несложно. На деревянном ложе с ручкой, как у нагана, надо было укрепить медную трубку, предварительно наглухо забитую или заваренную с одного конца. Сбоку в трубке, выполнявшей роль ствола, делали узкую прорезь, а рядом прикрепляли металлическую петлю для удержания запала. Чтобы привести поджиг в боеготовое состояние, в трубку надо было насыпать порох, забить ее пыжом и заложить туда самодельную пулю, роль которой выполнял маленький камушек или кусочек свинца. Каждый старался необычно украсить деревянную часть небезопасной игрушки. А потом происходило само испытание — стрельба! Как сильно билось сердце, когда твое изделие оправдывало надежды и вызывало зависть у окружающих мальчишек. После войны порох достать было нелегко, но я придумал рецепт его изготовления. Заметив на нашем уже полуразвалившемся каменном заборе какой-то белый налет, я изучил его и понял, что это — селитра. Дело оставалось за малым: соскоблить небольшую порцию налета, смешать его в определенном соотношении с серой и добавить золу, полученную после сгорания сухой сердцевины стебля подсолнечника.

Но вернусь к рассказу о приключении, случившемся со мной и нашей коровой. Мама в эти дни работала на ферме далеко от станицы, брат уже учился в Воронцово-Александровске, поэтому корову в один из вечеров нужно было встречать мне. Но я увлекся игрой в шашки и проглядел возвращение стада. Хозяева разобрали свою скотину, а нашу корову забирать было некому. Когда я спохватился, уже начинало темнеть. У Пикета никого не было. Погода резко испортилась, началась гроза, пошел дождь. Мокрый, босой, в одних трусах и бессменной пилотке, под раскаты грома и блеск молнии я обежал все улицы и огороды, где не было заборов. Коровы нигде не было. Я в отчаянии бродил под проливным дождем по темным улицам Марьинской. Кажется, ничего более жуткого в своей жизни я никогда не переживал. Домой без нашей кормилицы возвращаться было нельзя. Мою душу терзала горькая безысходность, перемешанная со страхом. Я решил домой не возвращаться.

Вышел я из станицы по левому берегу Малки, миновал кладбище, военный памятник и углубился в поля, за которыми лежала станица Старопавловская. Дождь лил как из ведра, сверкали молнии, а я все шел и шел, удаляясь от родного дома. Я чувствовал себя таким ненужным и неприкаянным, таким изгоем и отщепенцем, что хотелось задрать голову к небу и завывать по-волчьи. Уже далеко от Марьинской я наткнулся на стог соломы, зарылся в него и, согревшись, уснул. Проснулся только к вечеру от острого чувства голода. Решил было идти дальше, но уже смеркалось, опять пошел дождь, и я остался. Правда, сон уже не шел, мешали мысли о еде. Аромат сочной растительности дразнил обоняние.

В траве кипела своя жизнь, очень мало или совершенно не зависящая от человека. Едва дождавшись утра, я покинул свое пристанище и направился в пойму реки Малки, где, как я знал, были огороды (отданные позже ученической бригаде колхоза «Заветы Ильича»), а значит — помидоры, огурцы и капуста.

Насытившись дарами земли, я устроился в стоявшем здесь шалаше. Ночью сквозь ветки шалаша проглядывало бездонное черное небо, усеянное звездами. Тогда, лежа на спине, я впервые задумался о тайнах бытия, даже не подозревая, что человечество уже многие сотни лет бьется в бесплодных попытках найти ответ на ту загадку, которая именуется жизнью. «Что происходит на далеких звездах? Кто управляет их движением? Бесконечен ли мир, или когда-нибудь все исчезнет?» — с этими мыслями, протекавшими медленно и легко, как облака по небесному своду, я погружался в глубокий сон. Прошло еще около полутора суток.

Первой стала меня разыскивать тетя Анастасия Афанасьевна. Как оказалось, корову обнаружили на следующее утро: она дошла до дому самостоятельно и спряталась неподалеку, под навесом, в соседнем огороде. А о моем исчезновении маме сообщили только на вторые сутки, и она бросилась меня искать. Господь всегда простирает свою длань над праведниками. Меня, сонного, нашли в шалаше на четвертые сутки: место моей лежки выдал тете кто-то из огородников. Меня не били и не ругали, а только спрашивали: «Зачем я это сделал?» Я не мог вымолвить ни слова, не мог объяснить причину своего поступка, такое меня одолело отчаяние. Ведь корова — это все, что у нас было, это была наша кормилица. Потом, правда, мы ее все-таки продали за бесценок из-за отсутствия кормов.

Я жил в нашей мазанке практически один, в условиях полной, неограниченной свободы: мама от зари до зари была на работе, брат все время уезжал то на учебу, то на работу. Иногда даже не хотелось идти домой, особенно после наших мальчишеских сборищ, на которых всегда находились охотники рассказать страшные истории. Летом, охваченный неосознанными детскими страхами, я засыпал в кювете рядом с нашей хибаркой, чтобы только не оставаться в замкнутом пространстве темной комнаты. Ведь электрического освещения у нас не было вплоть до 1947 года, пока не была введена в строй Марьинская ГЭС с двумя агрегатами мощностью по 100 кВт. Строили станцию всей станицей по обязательному сталинскому плану преобразования природы. Каждой семье был определен объем работ. За выполнение установленной нормы выдавали несколько килограммов жмыха. Можно сказать, что первая «лампочка Ильича» вспыхнула в жилищах Марьинской благодаря бескорыстному труду всех станичников без исключения, в том числе женщин и детей.

А первый маленький радиоприемник «Рекорд» Бердского радиозавода появился у нас только в 1952 году.

Зимой в нашей комнате стоял невыносимый холод. Для замера температуры я пользовался, неведь откуда взявшимся, стеклянным трансформаторным термометром. Чтобы согреть немного воздух в комнате, я перед сном сжигал в печке охапку соломы. Потом быстро раздевался, надевал шапку и нырял под одеяло, навалив поверх него все, что попало под руку. Постель была холодной и влажной, поэтому засыпал я с большим трудом. Утром, прежде чем встать, я высовывал из-под одеяла термометр и мерил в хате температуру. Если зимой она была выше нуля — это уже хорошо, но порой температура опускалась до 2–3 градусов мороза. Питьевая вода в ведре покрывалась льдом. Вылезать из своей берлоги не хотелось. А надо было идти в школу.

Завтракал я чем бог послал. Чая и сахара не было. Иногда мама доставала ячменный кофе с цикорием. Мы его варили с молоком в кастрюле — сразу по 2–3 литра. Правда, горячий кофе я пил только при маме, а если ее не было, довольствовался холодным, заедая куском завалявшегося чурека. Другим напитком, заменявшим нам суп, был калмыцкий чай. Настоящий плиточный калмыцкий чай начали продавать в 1950-е годы, а до этого мы делали его сами из цветков иван-чая, которые собирали на речке. Мы заваривали сушеные лепестки, добавляли молоко и соль. Мама любила этот напиток. Вкус калмыцкого чая всегда возвращает меня во времена далекого детства.

Педагогическая наука, говоря о воспитании нормального человека, утверждает, что ребенку в детстве необходима «прививка» идеализма, и тогда неизбежные во взрослости житейская трезвость, самоанализ, нигилизм примут у него здоровые формы. В моем же детстве идеализма как раз и не хватало. Суровые реалии испытывали меня на прочность, и не было в них места ни ласке, ни простому человеческому состраданию. От нечеловеческих условий я «уходил» в себя, чурался людей, превращался в волчонка в полном смысле этого слова. На мир я тогда глядел не глазами — темными озерами невыплаканных, не показанных миру слез. Ни в одной исповеди не выскажешь всех болей и страданий, перенесенных мной в самые невинные детские годы.

Несмотря на малолетний возраст, я всегда требовал подобающего отношения к себе со стороны взрослых. Один показательный случай произошел вскоре после оккупации. В нашей станице был клуб, электричество в который подавалось от переносного движка. Я всегда крутился там, где тарактело, помогал киномеханику. Как-то раз (не помню, по какой причине) Николай Федорович не пустил меня в кино. «Ну, ладно, — подумал я. — Посмотрим, чья возьмет». А тогда у киномехаников самым большим

дефицитом считалась обычная электрическая лампочка. Я выждал пару суток и в одну из ясных ночей через окно забрался в клуб. В зале на проводе, протянутом из кинобудки, висел керамический патрон «Голиаф» с лампочкой мощностью примерно 150 ватт. Я обрезал провод — и был таков. На следующий день прихожу, как ни в чем не бывало, к киномеханику, а тот бурчит: «Какой черт здесь побывал!» Неделю «кина» не было. Потом Михаилу, моему двоюродному брату, стало жалко киномеханика: «Давай, я сам верну ему лампочку». Когда Николаю Федоровичу сказали, кто это сделал и почему, я стал ходить в кино постоянно и бесплатно.

Единственный человек, который относился ко мне с пониманием, была Анастасия Афанасьевна Кудрявцева. Я часто отогревался у нее на приветливой русской печке, она подкармливала меня, отдавала донашивать вещи Михаила. И в старших классах тетя выделяла мне кое-какую одежду, оставшуюся от Николая, среднего сына, расстрелянного немцами в годы войны. Люди в нужде всегда особо чувствительны и памятьливы на проявленную к ним ласку. Ее помощи я никогда не забуду. От нее, как говорили встарь, исходило неизъяснимое очарование, какое-то внутреннее свечение. До сих пор помню ее улыбку, выражение глаз, статью, походку. Мы жили одной семьей, и я никогда не задумывался о том, что она — жена врага народа. Как мне кажется, она сама толком не понимала, в чем дело. А за ней неустанно следили чужие недобрые глаза. Ее даже заставляли работать больше других. Не дай бог ей не выработать обязательных трудодней! Любая ее вина усугублялась втрое, да что там — вдесятеро! В старости она не получала ни копейки пенсии: выживала дарами огорода. Первую пенсию ей назначили в конце пятидесятых — после получения документа о реабилитации мужа Бориса.

Образы моего детства не окрашены в розовые ностальгические тона, которыми всегда отмечена память о времени, канувшем в вечность. И в период оккупации, и после нее, и в первые мирные годы я страшился окружавшей меня обстановки, оценивая ее в пределах собственного опыта. Всем своим телом, сердцем, умом я чувствовал присутствие некой несправедливости, хотя, может быть, не понимал ее истоков. Почему, когда война, то одним — беда, а другим — радость? Почему одни все теряют, а другие обогащаются? Что-то отвращало меня от станичного духа, уж очень сильно пропитанного запахом крови. Вокруг меня кипел непонятный мир взрослых, пронизанный, как мне казалось, завистью, злобой, ненавистью. Моему воображению представлялось, что все или, по крайней мере, большая часть станичников старались друг друга подсидеть, напакостить соседу, радовались его неудачам. Не о нас ли говорил поэт, когда писал: «Под знаком равенства и братства здесь зрели темные дела...»? По причине внутренних раздоров, издревле царивших

в Марьинской, за весь период советской власти даже руководителя колхоза не могли выбрать из своих — все время к нам присылали «варягов». Даже нынешний председатель сельхозкооператива «Заветы Ильича», один из моих друзей, Александр Павлович Боков — тоже пришлый, из Тюмени. Может быть, казачество в свое время распалось из-за природного неумения или нежелания земляков понять друг друга? Так что поневоле приходится соглашаться с нелицеприятным выводом византийского императора Маврикия, утверждавшего, что славянские народы не любят жить в согласии, в спорах не уступают друг другу: «что положат одни, на то не соглашаются другие, никто не хочет уступить».

В первый класс я пошел в 1944 году. Тогда, в первые сентябрьские дни, по радио передали, что советские войска освободили столицу Румынии город Бухарест, что за летнюю кампанию на советско-германском фронте было взято в плен сорок четыре немецких генерала, что союзные войска наконец-таки пересекли границу Германии. Эти радостные вести обнадеживали, предвещали завершение опостылевшей войны. Но детство есть детство. Сообщения с фронтов были из мира взрослых, а меня обуревали чувства, которые, наверное, испытал в этом возрасте почти каждый нормальный человек.

Началась школьная жизнь со своими радостями и переживаниями. Моей первой учительницей в школе была Екатерина Яковлевна Нечипуренко. С ее именем связаны все мои первые впечатления от школы. Благодаря ее усилиям, мы вращались в новую обстановку, делали маленькие робкие шаги навстречу большой жизни. Помню тот неподдельный восторг, когда Екатерина Яковлевна учила нас читать, и мы с восторгом обнаруживали связь между предметом и словом. В напечатанных на страницах букваря буквах, сначала неподвижных и чужих, неожиданно появлялось что-то живое. Буквы делались выпуклыми, соединялись в единое целое, выдавая живущий в них смысл и обретая свою неповторимую индивидуальность.

Ученических принадлежностей не хватало: писали на всем, на чем только можно было. Праздничным казался день, когда двоюродная сестра Мария за пятьдесят рублей купила мне одну тетрадку с ярко белой, лощеной бумагой. А вот лицо своей первой учительницы я вспомнить не могу: расплывается оно в густом тумане времени. Хотя иногда сквозь тончайшую пелену забвения — в нужную минуту и при большом желании — удастся разглядеть то, что кажется навсегда погребенным в глубине памяти. При Екатерине Яковлевне меня приняли в пионеры. Запомнилась минута, когда я произносил клятву пионера.

В 1945 году завершилась Великая Отечественная война, унесшая миллионы жизней. После долгожданной победы общественная атмосфера

ра была пропитана ожиданием чего-то доброго, все были охвачены какими-то неопределенными надеждами, надеждами на ответную благодарность со стороны государства за подвиг народный, за нечеловеческие муки, за страдания. Наступило новое время: на земле воцарился мир. Правда, с каждым разом он стоил все дороже: в 1-ю мировую полегло десять миллионов, во 2-ю — пятьдесят. Стали возвращаться с фронта ставропольчане. Вернулся с войны и мой дядя, Николай Афанасьевич Дьяков. Из четырех родных братьев в живых остался он один. Как радовалась его дочь Люба! Вместе с ней радовался и я. Помню трофейную ручку с двумя наконечниками для карандаша и чернильного пера, которую он мне тогда подарил. Я тянулся к дяде, у меня теплилась надежда получить от него так не хватавшей мне отцовской мужской ласки. Но это так и осталось на всю жизнь несбывшейся мечтой.

Мужики принесли с собой в станицы какой-то новый, не местный воздух. Люди стали смелее говорить о вещах, о которых не могли ранее и помыслить. Но чувствовалась какая-то мучительная незавершенность события: на полях только что отгремевших битв лежало еще много захороненных солдат. У страны не хватило воли совершить последний акт войны: предать земле прах убиенных, хотя в нашей истории были примеры более достойного поведения властей. А ведь воинская традиция говорит о другом — о заботливом отношении к павшим, и полководцы были в этом первым примером. Свидетельством такого отношения могут служить слова Александра Васильевича Суворова, сказанные им по окончании победно завершеного Рымникского сражения. Ему доложили: «Ваше сиятельство, турки разбиты, война окончена!» Он спросил: «А убитые захоронены?» — «Никак нет, не успели». — «До тех пор, — сказал в гневе Суворов, — пока не будет предан земле последний погибший в бою солдат, войну нельзя считать законченной!»

Что же мы видим сегодня? В местах боев на поверхности земли — до сих пор! — лежат забытыми, как свидетельствуют некоторые источники, около 250 тысяч защитников Родины. Если они безразличны официальной власти, то находятся так называемые «черные поисковики», коллекционеры-гробокопатели, которые роются в могилах и приспособливают найденное для своих утилитарных целей.

В 1945 году я подхватил малярию. Меня трясло, как осиновый лист, я никак не мог согреться. Мама, обеспокоенная состоянием моего здоровья, отправила меня, больного, на лето к дяде, Николаю Афанасьевичу Дьякову, работавшему ветеринарным фельдшером в Среднем Куркужине. И вот — я снова в Куркужине. До сих пор не могу забыть буйную природу этого края: яркую белизну цветущих садов, запах шафрана и аромат налитых яблок. Я провел у дяди все лето, но лучше мне не стало.

В первой половине августа я упросил Николая Афанасьевича отправить меня домой. Стали ждать попутную оказию. И вот в Куркужин на осле, запряженном в тележку, приехал дядин тесть. Он согласился отвезти меня к маме.

За околицей Куркужина я соскочил с тележки, чтобы нарвать на горном склоне цветы. Но только я подумал забраться обратно, старик внезапно рассердился и заставил меня идти пешком. Пришлось мне топтать с приступом малярии многие километры. Только лишь перед самой станицей он смиростивился и позволил мне расположиться в тележке. Получилась примерно такая же история, как с женой Ходжи Насредина. Того, восседавшего на ишаке, спросили: «Ходжа, куда ты едешь?» — «Да, вот, жену в больницу везу». — «А где же твоя жена?» — «Идет сзади». — «А что у нее за спиной?» — «Мешок с домашним скарбом». Я с возмущением подумал тогда: «Бог его накажет!» И вскоре произошло невероятное. Примерно через два месяца тележку с этим человеком сбила проезжавшая машина. Старик погиб, а на ишаке не было ни одной царапины.

Я согласен с теми психологами, которые утверждают, что обиды, полученные в отрочестве, не забываются. Они, подобно зарубкам на деревьях, со временем покрываются рубцами, но совсем не зарастают никогда. Однако после вынужденного марш-броска я начал выздоравливать. Молодой организм победил, да и нельзя было долго хворать в эти годы, ставшие одной из страниц героической истории моей Родины. Истории, вобравшей в себя все события, случившиеся в жизни народа, а не только те, что приятны для воспоминаний или удобны официальным инстанциям. «Наша страна за победу над фашизмом заплатила особенно высокую цену, — подчеркнул чрезвычайный и полномочный посол России в Германии Владимир Владимирович Котенев, отвечая 8 мая 2005 года на вопросы редакции «Deutsche Welle», — 27 миллионов погибших, из них 18 миллионов — мирные жители, 33 тысячи сожженных дотла городов и сел».

В районах РСФСР, подвергшихся немецкой оккупации, по официальным данным, было уничтожено около миллиона жилых домов, 850 тысяч колхозных хозяйственных построек, 22 700 сельских школ, 9500 больниц, амбулаторий, детских садов, а также много других хозяйственных и культурно-бытовых зданий. За годы Второй мировой войны в СССР было разрушено более 60 крупных электростанций общей мощностью более 5,5 тыс. МВт. Только потери от прямого уничтожения имущества наших граждан, колхозов, общественных организаций, государственных предприятий и учреждений составили 679 млрд. рублей. Положение дел осложнялось засухой и голодом 1946–1947 годов. Засуха охватила почти все зерновые области страны: Украину, Молдавию, правобережье Нижней и Средней Волги, Центральное Черноземье.

По силе и масштабам охвата территории природное бедствие напоминало засуху 1891 года, превосходя даже печально известный 1921 год.

Тяжесть потерь в первую очередь почувствовал на своем «горбу» простой народ, которому в основном и предстояло вытаскивать страну из послевоенной разрухи. Мы, мальчишки, искали свои пути для выживания: собирали кости, цветной металл, семена, которые сдавали за копейки. На вырученные деньги мы покупали ириски — обычные молочные тянучки, которые ненадолго сбивали острое чувство голода. Помню такой случай. Отец моего закадычного друга Ивана Шабанова вернулся с фронта без ноги. Ему, инвалиду, был положен бесплатный хлебный паек. Как-то он принес домой буханку черного хлеба, и я впервые увидел, какая она бывает. Кажется, что хлебный запах до сих пор кружит мне голову. Я испытал невообразимое ощущение, когда меня угостили крохотным кусочком черного хлеба: ни с какими сегодняшними деликатесами это сравнить невозможно! Ничего вкуснее я никогда не ел.

Только тот, кто познал, что такое голод, может поистине оценить это добро — хлеб. Ели мы все, что придется. Но поистине райским объединением была шелковица. Во дворе у Шабановых рос огромный тутовник. Ягода на нем созревала вкусная: розовая, толстая, длиной с полпальца. На этом дереве мы сидели по нескольку часов, набивая животы сладкой мякотью. Не зря говорят арабы: если у тебя есть тутовое дерево — ты кум королю.

В голодное время большим подспорьем для семьи стал верблюд. Работавший когда-то в одной из воинских частей, он был потом передан в колхоз. Видимо, бедное животное сильно настрадалось у прежних военных хозяев и озлобилось. Никто из мужчин не решался к нему подойти. Первый и последний раз на это осмелился хромой бригадир колхоза. Когда бедняга попытался обуздать верблюда, непокорное животное прокусило ему плечо, сделав пожизненным инвалидом. Верблюд доверял только моей маме, только ей позволял он себя запрягать. На верблюде мы возили молоко из Марьинской на Зольский молокозавод, где нас подкармливали сметаной и творогом. Но настоящим спасением от голодной смерти был обрат — снятое молоко, получающееся после удаления жиров сепаратором. Мы его напивались вволю, когда везли в Марьинскую. В школе ведь нас кормили плохо: давали тарелочку затирухи из кукурузной муки и соленый зеленый помидор. Как известно, вкус еды портит только отсутствие аппетита. А на аппетит я в те годы, конечно, не жаловался.

Верблюд был колхозный, а шерсть с него — наша. Из шерстяной пряжи мы вязали носки, которые продавали или обменивали на продукты. Было еще одно спасение — самогоноварение, но за это власти могли и осудить. А процесс — легче не придумаешь. Сбрасываешь фрукты, можно даже

прелые, в бочку, даешь перебродить, а потом ставишь чугунок с этой массой на печку, прилаживаешь корыто с холодной водой — и пошла работа. Правильно говорят: всякая гибель начинается с утраты воли к сопротивлению. А русский народ сопротивляться умеет с давних пор. Уже, кажется, все, приехали! Так нет, выпутается, какая бы ситуация ни сложилась.

В декабре 1947 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) в стране была проведена денежная реформа, которую наша семья даже не заметила, поскольку обменивать нам было нечего. Вскоре в клубе нашей станицы был развернут избирательный участок по выборам в Верховный Совет СССР. В день выборов там организовали буфет, где продавали чай, конфеты, печенье. Я смотрел на все это великолепии с большой жадностью, но купить ничего не мог — в кармане не было ни копейки. Вдруг я увидел валявшийся на полу рубль. Схватив заветную бумажку, я зажал ее в кулаке — и остолбенел. Мне одновременно было и стыдно, и страшно. Стыдно — за то, что взял чужое, а страшно — что могут отнять. Я раскрыл ладонь только перед Иваном Шабановым, чтобы показать свою находку. Решение, что делать с привалившим «богатством», нами не обсуждалось. Мы пошли в буфет и купили себе... целых пять стаканов сладкого чая. Выпитый чай скоро забылся, но эпизод этот врезался мне в память на всю жизнь.

Если и существует мнение, что детство счастливо своей безмятежностью и бездумностью, то лично ко мне это никак не относится. Мама была занята в колхозе — то в поле, то на птичнике, а я жил сам по себе — в стае такой же бездомной станичной «братвы». Никто меня не контролировал, хожу я в школу или нет. С малых лет я пристрастился к картам: играл в «дурачка», в «ведьму», даже в «очко» играл под деньги, которых не было. Играли мы в шашки, шахматы, домино, а по вечерам — в лото. В играх мне везло: я часто выигрывал, но старался не заходить далеко — сдерживал свой азарт. Мы очень любили играть в «чику». Каменной, а еще лучше металлической битой нужно было попасть в кучку монет, поставленную на определенном удалении. Возможно, такой игрой зарабатывал себе на хлеб главный герой повести Валентина Григорьевича Распутина «Уроки французского». Увлечшись игрой, я частенько забывал о том, что необходимо полить огород, покормить кроликов и кур.

Наша станичная «братва» не имела ничего общего с компанией тихих и послушных пай-мальчиков. Мы были грозой окрестных садов, бахчей и огородов, воровали с армейских складов оружие, доставали из снарядов взрывчатку. От таких опасных забав погибло много хороших ребят. Как-то раз мы нашли снаряд от 122-мм гаубицы, обложили опасную находку соломой, подожгли ее и отошли в сторону. Взрыва не последовало. Я нутром почуял что-то неладное и вместе с другими ребятами ушел до-

мой. А один из мальчиков решил помешать золу граблями. Эхо страшного взрыва разнеслось по всей округе. Еще в один дом пришла беда. А сколько валялось вокруг неучтенного оружия и боеприпасов! Но детская пора тем и хороша, что предохраняет нашу психику отсутствием чувства логической связи между действительным значением некоторых жизненных испытаний и тем отголоском, который получают они в нашем сознании позже, когда ум уже привыкает анализировать случившееся.

Глава 5

«Брунколет»

Стойкий, пригодившийся мне впоследствии, иммунитет к самовывиванию приобретал я на Малке. Окружающая природа имела для нас прикладное значение. Здесь нашей пищей было всё, что плавало, летало и ползало. На уху шла рыба, пойманная на удочки с несколькими крючками и грузилами, а также собранная на обнаженном дне ерика после отведения его вод в сторону от основного русла. Мясо птицы и яйца мы добывали из гнезд, устроенных на отвесных, высотой до сорока метров, глинистых берегах. Какой-нибудь «герой», обвязанный длинной веревкой, удерживаемой тремя соратниками, ловко орудовал на вертикальной стене, складывая добычу в мешок, прикрепленный к поясу. Конечно, жареные галчата — это не «перепела по-генуэзски», упомянутые в известном булгаковском романе, но мы были несказанно рады и такой еде.

Берега Малки мы обживали, как собственное постоянное обиталище. Мы ходили сюда, экипированные по высшему классу, — с саперными или обычными лопатами. Мы неделями, словно гуроны, возводили за станицей свои резервации, расположенные на левом берегу реки, на высоте тридцати — сорока метров. Это были целые города из пещер и замысловатых лабиринтов, города с лазами, норами, террасами и ступенчатыми переходами. Мы набивали карманы попадавшимися нам во время раскопок корнем солодки, который потом с удовольствием поедали. Сюда мы стаскивали все трофеи, оставшиеся от войны, старые одеяла и, конечно же, фрукты и овощи, которые набирали в станице.

И мы были «вооружены». Мало у кого из мальчишек нашего круга не было своего «брунколета» — метательного оружия, представлявшего собой двухметровую веревку, сплетенную из конопли, обильно произрастающей в округе. В центр веревки было вплетено специальное продолговатое ложе. Чтобы привести «брунколет» в действие, необходимо было веревку сложить пополам, вставить указательный палец в кольцо, прикрепленное к одному концу веревки, другой конец веревки зажать в кулаке, а в ложе вложить камень. Раскрученный над головой «брунколет» напоминал несущие лопасти вертолета, вращающиеся с огромной скоростью. В необходимый момент кулак надо было разжать. Веревка

при этом вытягивается на всю длину, раскрывая ложе, а запущенный камень летит на расстояние до ста и более метров. Это я потом вычитал из книг, что ручное боевое оружие для метания камней, принципом действия похожее на «брунколет», известно с далекой древности и называется праща. Согласно библейскому преданию, камнем, выпущенным из пращи, пастух Давид в неравном поединке убил великана Голиафа. Вряд ли кто-нибудь из нас знал тогда об этой истории, не имевшей к детским забавам никакого отношения. Но и мы отработывали навыки камнеметания не потехи ради. Навыки эти были нужны нам при стычках с мальчишками, жившими на противоположном берегу. Кто из нас был Давидом, а кто — Голиафом, история умалчивает...

Спиртное наши ребята, как правило, не употребляли. На пальцах одной руки можно было пересчитать тех, кто иногда появлялся выпившим в клубе — традиционном месте сбора станичной молодежи. Но вольница приносила свои плоды: плохо закончили многие мои знакомые молодые ребята. Затянутые улицей, они не сумели вовремя избавиться от ее мающего влияния. Меня Бог миловал. Видимо, существовала какая-то охранная грамота, оберегавшая меня от несчастий, хотя все время приходилось балансировать между «нельзя» и «можно». Достаточно было сделать один неосторожный шаг, чтобы оказаться в зазеркалье, выход из которого пролегал через места не столь отдаленные. «Прелести» уличной жизни не смогли сломать духовного стержня, сформированного во мне семьей и школой. Я словно бы понимал, что свобода — это прежде всего умение управлять собой, своими желаниями, жесткое и неукоснительное подчинение поставленной цели. Например, я так никогда и не закурил, хотя все мои товарищи «смолили по-черному». При этом у меня в карманах всегда был табак, который я сам выращивал и сушил.

Возможно, под воздействием экстремальных обстоятельств во мне рано проявились такие черты, как вдумчивость, наблюдательность и рассудительность. Явления природы не обескураживали меня, а заставляли размышлять, анализировать и делать выводы. Например, совсем в детские годы я уже догадывался, что ничего вокруг нас не происходит случайно. Возможно, думал я, где-то высоко-высоко существует некий супермозг, управляющий вселенскими процессами, в том числе и судьбами землян. Такие размышления посетили меня вскоре после войны, когда нам, поднятым по тревоге ученикам средней школы, пришлось участвовать в борьбе по уничтожению саранчи на полях станицы Зольской. Там я впервые увидел эту дрянь характерного коричневого цвета, переходящего на боках в серо-желтый оттенок.

Полчища этих насекомых неоднократно предпринимали походы на Россию. Человек издревле воюет с саранчой не менее серьезно, чем с

иноземными захватчиками, тем более что ее летучее войско по численности всегда заметно превосходит любую неприятельскую армию. Еще во времена Ивана Грозного незванные визиты саранчи становились причиной массового голода. В это трудно поверить, но тонна саранчи может сожрать в день столько же, сколько могут съесть две с половиной тысячи человек. Каждая особь в день съедает количество зелени, в два раза превышающее ее вес. Саранча совершает свой жизненный цикл согласно биологическим часам, и ничто не может остановить эти часы, помешать их заведенному ритму.

К нам эта напасть, известная еще с ветхозаветных времен, прилетела откуда-то с юга хитрыми, известными только ей, маршрутами. Стая занимала площадь примерно в полтора-два квадратных километра. В среднем каждый квадратный метр объедали свыше ста особей. Стоял явственный хруст пожираемых зеленых насаждений. На наших глазах исчезали посевные, стоившие большого труда станичникам. Желая спугнуть незваных «едоков», мы гремели, шумели — никаких результатов. Когда все вокруг было съедено, стая, как по команде, поднялась в воздух и перелетела в Марьинскую, на поля колхоза «Парижская коммуна», где работала моя мама.

Весной из отложенных саранчой личинок выходили кузнечики. Противодействуя слепой природной стихии, мы рыли специальные каналы, куда вся эта прыгающая живность падала серо-зеленым градом, сбиваясь в гудящую шевелящуюся массу, которую оставалось облить керосином и поджечь. Мы давили саранчу плетнями, протаскивая их тракторами по пораженным полям. Я задумывался: «Кто управляет этой биологической массой и всеми ее передвижениями? Может быть, какая-то верховная субстанция, похожая на огромную электронно-вычислительную машину?» И мне хотелось докопаться до принципов работы и особенностей устройства этой высшей природной силы.

В 1948 году я перешел в пятый класс. Этот период запомнился мне активным участием в сталинском плане преобразования природы — в масштабном мероприятии, охватившем всю страну. Классы и школьники соревновались друг с другом в сборе семян деревьев, кустарников, лечебных трав и цветов. Некоторые дары природы давались нам нелегко — до сих пор помню ветки акации, больно царапавшие руки своими иглами, когда мы срывали с них длинные стручки с бобовидными семенами. Осенью в сырую, слякотную и промозглую погоду нас вывозили на работы по высадке саженцев в лесополосах, которые, по мере подрастания, предохраняли поля от бесчинства разгульных ветров. Было холодно, но трудились мы с энтузиазмом, в приподнятом настроении.

Приходилось нам участвовать и в эксперименте по выращиванию в станице Марьинской хлопка. Правда, из-за неподходящего клима-

та хлопковые коробочки не успевали войти в период полного созревания. Нацепив на себя специальные фартуки, мы проходили вдоль длинных хлопковых рядов, срывали полураскрытые коробочки, раскрывали их руками и вынимали белое волокно. Собранный каждым школьником хлопок взвешивался, и мы хвалились друг перед другом цифрами собранных килограммов. Просушенный на открытых площадках хлопок мы переносили на склад, заведующим которого была моя мама. В силу незрелого возраста нам не приходило тогда в голову давать какие-либо оценки правильности решений, связанных с выращиванием в наших широтах такой теплолюбивой культуры. Но было ясно и так: планы по выращиванию в Марьинской «белого золота» не увенчались успехом.

Вместе с тем хочу сказать следующее: жизнь рядом с природой, любовное участие в трудах по ее преобразению делают человека проще, мягче и добрее. Проработав долгие годы на энергетических объектах, я так и не узнал другого рабочего места, кроме земли, которое бы так облагораживало и умиротворяло человека. И не дай бог кому-нибудь в детстве услышать, как плачут деревья, срезаемые безжалостной рукой очередного ретивого хозяйственника. Звуки этого жалобного плача не могут не рвать душу нормального человека и остаются в памяти на всю оставшуюся жизнь. Я слышал, как плакали плодовые деревья в нашей станице, где из-за непосильного налога, установленного после войны, были вырублены все сады, выращенные в личном хозяйстве. Сплошные вырубki садов нанесли неизлечимые раны социальному сознанию населения, особенно его молодой части. Восстановительные работы начались только после 1955 года, когда под воздействием новых веяний в общественно-политической и экономической жизни были приняты новые законы.

Любовь к родине немислима без бережного обхождения с дарами природы, предоставленными в распоряжение не одного, а тысячи разумных поколений. Разве не удивительно, что колонны, украшающие почти все значительные памятники мировой архитектуры, списаны зодчими со стволов деревьев! Средневековый врач Парацельс утверждал, что каждое дерево является убежищем духа, обладает своей душой. «Каждое растение — лампада. Его благоухание — свет», — читаем в романе Виктора Мари Гюго «Человек, который смеется». В старой Англии существовал закон, каравший смертной казнью всякого, кто срубит трехлетний тополь. Дерево может забыть о садовнике, который пестовал его, поливал и оберегал от вредителей. Но оно навсегда сохранит имена людей, поранивших его кору безжалостной сталью. Сохранит и передаст последующим поколениям, обрекая на дурную славу. Сколько же еще брести нам в темноте невежества, чтобы в конце концов понять, что все

живое на планете взаимозависимо? Чтобы понять, что плохое отношение человека к окружающему его миру отражается на качестве генокода человечества?

Сразу же после войны руководители советского государства предприняли целый ряд мер, направленных на постепенное восстановление разрушенного народного хозяйства. Наиболее широкие масштабы эта работа приняла после 8 июня 1946 года, когда Президиум ВЦСПС принял постановление «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана восстановления и развития народного хозяйства СССР». Страна стремилась поскорее выкарабкаться из-под обломков экономических и психологических последствий недавней войны. Подавляющее большинство людей было охвачено неподдельным трудовым порывом. Вместе со всеми, от зари до зари, трудилась моя бедная мама, которую я очень жалел. Это, наверное, о таких матерях, как она, сказано в строках Арсения Тарковского:

Мать согнулась, постарела,
Поседела в сорок лет...
Ляжет спать — я то и дело —
Дышит мама или нет?

Как потом окажется, вся эта кампания по стимулированию народной энергии была предпринята советским правительством не случайно. Основания для такого предположения давали события, происшедшие в «загадочные» послевоенные восемь лет — с 1946 по 1953 год. В 1946 году в Женеве на обломках Лиги Наций была создана ООН, а в Фултоне прозвучала речь Уинстона Черчилля, положившая начало враждебному политическому курсу западных держав в отношении СССР и других социалистических государств. После кровавой мировой бойни (краткой передышки едва хватило, чтобы вздохнуть) на горизонте замаячил призрак «холодной войны». Она началась без объявления и, преодолев государственные границы, зашла в антисоветской истерике.

Наверное, каждый человек проходит через возраст, когда на первый план выступает вера в чистоту и справедливость окружающего мира. В этом возрасте почти все свято убеждены, что в жизни всегда есть место подвигу, что рано или поздно побеждает правда, что человек — это звучит гордо. Стоит только захотеть, и самая смелая мечта становится реальностью. Кажется, сделай всего один шаг — и ты прославленный полярник, замечательный врач или смелый летчик-испытатель. В этом возрасте вера в мечту становится частью человека, она входит в состав его крови, помогает ему жить и выживать, влечет к объединению с себе подобными. В Советском Союзе юношей и девушек этого возраста собирали под знаменами ВЛКСМ.

В комсомол меня приняли в школе, в январе 1950 года. За комсомольским билетом надо было идти в райком, который находился в Новопавловске — в восемнадцати километрах от Марьинской. Чтобы успеть к началу рабочего дня, я вместе группой из семи человек, возглавляемой секретарем школьной комсомольской организации, поднялся в пять утра. Было холодно. Пешком добрались до райкома. Там комсомольские билеты нам выдали не сразу, пришлось долго ждать. После процедуры вручения нас поздравили и отправили восвояси, пожелав счастливого пути. Часы показывали пятый час вечера. О чем думали в райкоме, на ночь глядя отпуская детей в такую даль?

Воодушевленные и повзрослевшие, мы бодро шагали домой. Мороз набирал силу. Пройдя несколько километров, мы почувствовали, что замерзаем. Ветер пронизывал нас насквозь, идти было все труднее и труднее. Дело кончилось бы плохо, не появись на дороге полуторка. Шофер сжалился над нами, остановился, и мы залезли в кузов, полный гравия. На мне не было никакой теплой одежды, а тонкие штаны совсем не грели. Когда нам надо было спрыгивать с машины около станицы, в районе кладбища, мы не могли и пальцем пошевелить — ооченели окончательно. Хорошо, что пришлось бежать еще километра три — разогрелись. И никто не заболел. Видимо, помогло вдохновение, посетившее нас в райкоме при получении комсомольских билетов.

Этот период времени памятен для меня участием в дружной мальчишеской компании, оставшейся в истории Марьинской средней школы под аббревиатурой «ШДГК», которая расшифровывалась, как Шабанов, Дьяков, Гоманов и Кокорин. Каждый человек в этой четверке заслуживает отдельного рассказа. Но об одном хочется поведать особо — о Володе Гоманове, сыне погибшего на фронте солдата.

Володя был своеобразным человеком. Внутри он горел огнем, а выглядел флегматиком. Его мать день и ночь водила трактор по колхозным полям. Все свободное время мы проводили с ним вместе: то он ночевал у меня, то я у него. С Володей частенько что-нибудь случалось. Один такой случай произошел в ауле Хабез, куда наш географический кружок выезжал на экскурсию. Когда мы осматривали местную штольню, Гоманов куда-то забрел и провалился в колодец. Мы испугались, едва его вытащили. А ему хоть бы что! В один из зимних дней, во время игры в снежки, кто-то куском льда попал Володе в глаз. Ему пришлось долго лечиться. Глаз удалось спасти, но последствия травмы помешали поступить в летное училище. Гоманов окончил Грозненский нефтяной институт (ГНИ), работал инженером-геологом, помотался по Средней Азии и центральным областям России. Ушел из жизни рано — в 50 лет. Похоронили моего друга в станице Марьинской, там, где покоятся все наши

близкие. Это был теплый, отзывчивый человек. После его смерти пошли слухи, что у него все-таки была женщина, остался ребенок. Его мать эту женщину нашла и, не проверяя обстоятельств дела, отписала ей все свое имущество.

Четверка «ШДГК» держала под контролем всю школу. Это был, конечно, не тот контроль, который на современном жаргоне называется «крыша». Мы положительно влияли на школьную обстановку, поскольку являлись признанными в школе вожаками. Своим примером мы увлекали ребят, особенно в спорте. Я, например, уже в 8-м классе стал чемпионом Аполлонского района в беге на 400 метров.

К нашей группе тянулся Геннадий Ватрушин, сын директора вечерней школы и нашей учительницы по истории Марии Васильевны Мироненко. Он жался к нам, если использовать сравнение Бальзака, «как жались друг к другу французские солдаты на заснеженных российских равнинах». Это был нормальный мальчишка, которого, как мне казалось, воротило от «интеллигентских порядков», царивших в родном доме: ему хотелось деревенской простоты и разгульной воли. Генка показал себя порядочным человеком, отзывчивым другом и товарищем. В классе он сидел рядом со мной на задней парте и участвовал во всех моих проказах. А в шалостях мы были неудержимы. Иногда, скучая на уроках, я чесал у соседа за ухом, а тот, изображая поросенка, хрюкал от наслаждения. Класс помирал со смеху. Когда ничего не подозревавший Геннадий впадал в состояние эйфории, я вставлял в розетку, расположенную рядом, в мокром углу, гвоздь, находил фазу и пальцем босой ноги проводил по мокрому полу. Выступая в роли реостата, я таким образом выбирал напряжение, которое только мог выдержать. Меня, конечно, трясло, но приходилось терпеть. Когда напряжение достигало самого высокого пика, я незаметно прикасался кончиком пальца к мочке Генкиного уха. Надо было слышать его истошный крик, действительно напоминавший визг поросенка. «Приятно подурачиться в свое время!» — так, кажется, говаривал римский поэт Гораций.

После школы Геннадий окончил Рижское летно-техническое училище гражданской авиации, поднакопил деньжонок, купил легковую машину. Впоследствии, когда я уже работал в Пятигорске, он с мамой был у меня в гостях, познакомил со своей невестой. Но их свадьба почему-то не состоялась. Он уехал на Дальний Восток, и я потерял его на долгие годы. Мы встретились, когда нам было уже за пятьдесят. Ватрушин работал заместителем капитана по политико-воспитательной работе на одном из рыболовецких траулеров, приписанных к Петропавловску-Камчатскому, ходил в кругосветку. Мы переписывались. Последний раз нам удалось свидеться на Камчатке в 1995 году. К тому времени его мама

уже умерла. Служебная занятость помешала Геннадии оформить права наследства на станичный дом. Не удалось ему найти и любимую женщину: до сих пор ходит он неженатым.

Часть нашей неумейной энергии в школьные годы поглощали занятия в географическом кружке, которым руководила учительница географии Мария Федоровна Каньшина, а я был старостой. Когда мы перешли в 8 класс, она предложила совершить интересную экскурсию. В девятиста километрах от станицы, в горах, в верхней пойме реки Малки, стояла геологоразведочная партия, исследовавшая крупное месторождение железной руды, имевшее промышленную перспективу. «Мы могли бы на месте познакомиться с работой геологов, — сказала Мария Федоровна, — но сначала нужно проложить туда маршрут, посмотреть состояние дороги, договориться с руководством геологической партии». Сделать это было поручено мне, Ивану Шабанову и Юрию Кокорину. Никакого транспорта, кроме велосипедов, у нас, естественно, не было. Мы любили свои двухколесные машины и старались поддерживать их в состоянии постоянной боевой готовности. В те времена, например, было очень тяжело с резиной. Проявляя смекалку и находчивость, мы в случае необходимости вместо надувных камер использовали гофрированные противогазные трубки.

Ночь перед выездом была для нас короткой. Мы поднялись около четырех утра, собрали кое-какую провизию, сели на велосипеды и по правому берегу Малки покатали в горы — в сторону Эльбруса. Через двенадцать часов мы были уже у геологов в Хабезе. Нашли руководителя, обговорили план нашей будущей экскурсии. Попросились переночевать, но в геологической партии места для нашей ночевки не нашлось. Перекусив чем бог послал, мы примерно в шестнадцать часов отправились в обратный путь — по сути дела, на ночь глядя. Казалось бы, дорога вела вниз, под уклон, но далась она нам с большим трудом. У меня от усталости онемели поясница, сначала одна, потом другая рука, возникла сильная боль в шее. Но мы упорно ехали вперед, зная одно: нам надо было во что бы то ни стало засветло проскочить горные аулы. Они тянулись вдоль дороги одной улицей в несколько километров длиной, и по этим улицам носились стаи злобных собак, пытавшихся ухватить нас за ноги.

В Марьинскую мы вернулись утром и, разъехавшись по домам, сразу завалились спать. Уставшие, мы даже не задумывались, в чем состояла особенность этого путешествия. Да, маршрут был непростой, да и расстояние оказалось не таким уж близким. Но дело было не только в расстоянии, а в его потенциальной опасности. В дороге могло случиться всякое. Ведь мы проезжали через такие горные селения, в которых мало кто из взрослых осмеливался появляться без особой на то надобности.

Утром классный руководитель Константин Артемьевич Губин, заметив наше отсутствие на уроках, бросился на поиски. Нашел он нас дома, спящими, а когда узнал, где мы были, отправил в местную больницу на обследование. Нас прослушали и обстучали с ног до головы, измерили температуру, осмотрели кожные покровы, язык, горло и глаза. К счастью, все оказалось в норме. Мы входили в свой класс героями. А потом в кузове грузовика-трехтонки ЗиС-5 вместе со всеми членами географического кружка проехали исследованным нами маршрутом и побывали в лагере геологов, которые рассказали нам о своей профессии, показали, чем занимаются и что в результате данных изысканий получит страна.

Марьинская школа была смешанная, что накладывало особую печать на отношения между мальчиками и девочками. Тяготы войны и сурового быта делали свое дело: мальчики росли, как правило, грубыми, черствыми, нетактичными. Плохое поведение представителей «сильной половины» школы иногда становилось причиной конфликтов, в которых очень трудно было разобраться. Подход к нам умела находить только Мария Федоровна Каньшина, которая целиком жила интересами и заботами своих учеников. Мария Федоровна вложила в наши души первые горячие угольки любви к родной природе. Она скрупулезно собирала все сведения по истории станицы Марьинской. Мария Федоровна учила нас, что всякий патриотизм начинается с любви к незабвенным уголкам детства. «Нельзя забывать свои корни, — говорила она. — Отрываясь от них, мы обедняем себя, уничтожаем собственную генетическую память и, в конечном счете, вырождаемся». Не умевшая сидеть на одном месте, она неутомимо водила и возила нас по всей округе. Где только мы с ней не побывали! В ближних и дальних селениях, в Кисловодске, Железноводске, Пятигорске, Нальчике и других городах. Я до сих пор уверен, что тот, кто не исколесил Северный Кавказ вдоль и поперек, не имеет права заявлять, что знает Россию.

Мария Федоровна излучала доброту и терпение, сочетавшиеся в ней с глубоким уважением к будущим вершителям судеб своего города, края, страны. Она учила нас правильным манерам, терпимости, хладнокровию, сдержанности, уважительному отношению к девочкам. Она показывала, как следует держать себя в обществе девочек, как разговаривать, как вести по залу во время танца. Девочки тоже не выпадали из поля ее зрения. Главными темами здесь были женская гордость, осанка, взгляд, поступь, скромная величавость жестов. В результате ее мягкого, я бы сказал, доступного, но настойчивого воспитания мы становились теплее, мягче, благороднее.

Вспоминая Марию Федоровну Каньшину, я задаю себе вопрос: «И почему таким бескорыстным и самоотверженным женщинам не ставят

в России памятники?» Есть же в мире примеры общественного признания образов выдающихся носительниц идеалов добра и совершенства. Вот уже две тысячи лет на пьедестале всеобщего поклонения бесценно стоит одинокая Дева со скромно опущенными глазами. Для всех христиан ее имя священо — Дева Мария, Пресвятая Богородица. В Италии ей посвящено больше храмов, чем Иисусу, перед ее изваяниями и живописными изображениями всегда горят свечи, ее чаще поминают, чаще обращаются к ней в молитвах.

Если взять французов, то они в полном смысле этого слова молятся символу своей страны — скульптурному изображению Марианны. Ее бюст уже два столетия по традиции украшает многие парадные залы и холлы госучреждений Франции, означая открытость, терпимость, взаимное уважение и солидарность общества. Если бы в нашей станице был объявлен конкурс на скульптурный символ, я бы, наверное, предложил нашу Марию Федоровну. Трудно сказать, почему. Но я уверен в одном: мне удалось выжить и состояться в этой жизни еще и благодаря мощному влиянию древнего библейского имени Мария, одно из значений которого — «любимая». Образ женщины с младенцем, окруженный нимбом святости, служит оберегом для меня, нашей станицы и всех, кто с ней связан...

В котле с кипящей водой нет холодного места. В голове непоседливого, пытливого мальчишки всегда роятся разные мысли — только их надо вовремя направить в нужное русло. А идеи роились в моей голове, как пчелы весной над медвяными травами. В школе многие из них находили свое применение на занятиях географического кружка, а в летнее время — в колхозе. Во время уборки урожая я любил возить зерно на элеватор. Это не то, что работать на комбайне, где и жарко, и пыльно. В 1951 году по рекомендации брата и под его контролем мне было доверено проводить электропроводку во все классы двухэтажной школы кабардинского селения Куба, за что я получил свою первую зарплату. Но больше всего я любил мастерить миниатюрные электродвигатели. Для этого мне были нужны подковообразный магнит и собственноручно изготовленный двухкатушечный ротор. К полукольцам ротора ток подавался от батарейки через две щетки. Катюшки ротора, размещенные в зоне постоянного магнита, начинали вращаться. Прилаживай самодельную крыльчатку — и вентилятор готов. Сколько было радости, когда конструкция работала!

Если во время каникул нас не посылали в колхоз, то мы с Иваном Шабановым сооружали маленькие гидроэлектростанции. По его огороду проходили канавы, по которым с определенной скоростью бежала вода. Используя переплетенные проволокой ветки деревьев и вязкую глину, мы сооружали плотину. Из дерева изготавливали лопастное ко-

лесо, сбросные лотки, затворы, а рядом устанавливали генератор, похожий своим устройством на описанный выше двигатель. Водяное колесо мы соединяли с валом ротора с помощью трансмиссии, изготовленной из обычной натянутой резины. При открытии затвора вода приводила в движение колесо и, через трансмиссию, — ротор генератора. Однако тщетно мы пытались зажечь от него лампочку фонарика: слишком мала была скорость вращения.

Физику строительства своих двигателей, генераторов и гидроэлектростанций я стал понимать только в старших классах, когда протер не одни «пифагоровы штаны» и изгрыз великое множество квадратных и кубических корней. Тем не менее это было тогда увлекательнейшим занятием! Занимаясь любимым делом, мы забывали обо всем, даже о еде.

«Если есть что-либо более страшное, чем плоть, погибающая от недостатка хлеба, — справедливо писал автор «Собора Парижской богородицы», — так это душа, умирающая от жажды света». Эту естественную жажду я старался утолять чтением книг, которые только можно было достать. У нас, естественно, не было шкафа с массивными стеклянными дверцами, за которыми ровным рядком стоят книги, величаво и гордо сияя золотым тиснением толстых корешков. Но я находил книги у соседей, друзей, в школьной библиотеке. Как и все мальчишки станицы, я зачитывался «Островом сокровищ» Стивенсона, грезил далекими морями, штормами и пиратами. Любил книги Александра Дюма, Вальтера Скотта. Среди современных героев отдавал предпочтение Сергею Тюленину из «Молодой гвардии» Александра Фадеева и Павке Корчагину из романа «Как закалялась сталь» Николая Островского. Мир литературных героев прихотливо сплетался в моем воображении с окружающей жизнью, и я порой с трудом находил свое местоположение в этом переплетении. Так что я на собственном примере подтверждал известную истину, что больше всего книг читают в молодости. Старики, как правило, горазды писать...

Свой культурный кругозор я расширял, посещая местный клуб. С благодарностью вспоминаю Марию Николенко, нашу соседку, работавшую в клубе билетером. Она считала, что я оказывал положительное влияние на ее сына Николая, и в знак благодарности пускала меня на любой киносеанс без билета. Правда, удобств не было никаких: фильмы приходилось смотреть сидя или полулежа на полу. Но, и это было главное, мне посчастливилось пересмотреть все художественные ленты того периода, особенно «Веселых ребят» с Леонидом Осиповичем Утесовым, «Чапаева» с Борисом Андреевичем Бабочкиным, «Подвиг разведчика» с Павлом Петровичем Кадочниковым. С удовольствием смотрел я и «Кинохронику».

Однажды днем мы с Николаем, сидя в последнем ряду, смотрели кинокомедию «Волга-Волга». Вдруг в кинобудке начался пожар. Загорелась пленка, и пламя из окошка стало вырываться в зал. Кинозал заволкло плотным дымом. Возникла паника. Зрители повскакали со своих мест и, давя друг друга, скучились у двух открытых дверей. Прорвавшиеся наружу люди падали с довольно высоких ступенек. Многие получили тогда серьезные травмы. Мы же спокойно покинули кинозал через третью дверь в фойе, которая тоже не была заперта. И тогда я понял, что такое неуправляемая, охваченная паникой толпа.

Глава 6

Прометей из Марьинской

Как я уже говорил, в нашей станице была гидроэлектростанция постройки 1947 года. Зимой, когда обводной канал замерзал, она не работала. Во время холодов функционировала тепловая электростанция (ТЭС) с одноцилиндровым двигателем, стоявшая в МТС. Грохоту от нее было на всю станицу, но свет горел только в домах местного начальства, да на столбах вдоль одной улицы. Простой люд пребывал в кромешной темноте. Я считал такое положение несправедливым и решил его исправить на свой страх и риск.

Стояла морозная лунная ночь... Так, кажется, начинаются многие сказки с участием смекалистого мужичка, обводящего вокруг пальца нечистую силу? Дождавшись, когда в МТС замолкнет движок (электростанция работала до полуночи), я вооружился чем-то похожим на пассатижи и на одном монтерском когте поднялся на опору, стоявшую напротив нашей землянки. Там вверху на изоляторах были сделаны приспособления, похожие на рога. А между рогами находилась перемычка, выполнявшая роль предохранителя. Чтобы прекратить подачу электроэнергии, надо было разорвать эту перемычку. Что и было сделано на всех вводах в дома жителей станицы, кроме тех, которые вели к домам начальства МТС. Я нашел перемычку, соединявшую магистральные провода с проводами, ведущими к нашему дому, соединил ее и крепко скрутил. Утром в наших «хоромах» уже горел свет, но на окнах приходилось закрывать ставни, чтобы начальство машинотракторной станции, находившейся неподалеку от нас, не догадалось, что мы пользуемся электричеством без его разрешения.

В нашей школе интересно проходили встречи Нового года. Но на праздник допускали учеников только с определенного класса. Мне все время не везло. Как только я переходил в следующий класс, планка допуска поднималась, и меня на елку не допускали. Учась в 6 классе, я услышал: на новогодний вечер обязательно будет допущен ученик, сделавший и раскрасивший много елочных флажков. Я вкалывал изо всех сил. Почти всю елку увешал флажками. Но меня все равно не пустили. Возмущению моему не было предела. Но мысль пройти на елку не по-

кидала меня. Ходил я, ходил, думал-думал... И придумал! Нашел где-то длинный кусок проволоки и накинул его на электрические провода, ведущие к школьному зданию. Произошло короткое замыкание — и свет в школе погас. Все из школы бросилось на улицу, чтобы там подождать включения света. Когда двери распахнулись, я, минуя встречную толпу, проскочил в помещение школы. Минут через тридцать свет загорелся, и я имел возможность повеселиться со всеми.

Но однажды тяготение к экспериментам с электричеством чуть было не сыграло со мной злую шутку. Как-то заискрился предохранитель на вводе в дом Анастасии Афанасьевны, и свет погас. Я решил узнать, в чем дело. Накрапывал мелкий дождь. Босой, я забрался на наваленную у стены дома кучу глины и дотянулся до ввода найденным стеблем подсолнуха. Мне тогда не пришло в голову, что у меня в руках — отличный проводник тока. Сырым стеблем я коснулся фазного провода, попал под напряжение «фаза — земля» — и получил удар током. Спасла незадачливого Прометея скользкая глина. Я съехал по куче вниз, прервав смертельное движение электронов. Поистине не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Но определенно нужно было сначала поскользнуться на невысокой глиняной куче, чтобы достичь уже других, более надежных, высот в профессии энергетика.

После окончания 7 класса, получив по всем предметам «отлично» и только по русскому — «хорошо», я начал поиски учебников для 8 класса. Учебники в то время были дефицитом. Мама отдала мне последние копейки на их приобретение.

В один летний день я вернулся домой радостный с комплектом учебников. Какая-то часть была мною куплена, а остальное — выделено в школе из старого фонда. Дома были брат Александр и его друг Григорий Рассказов — однокашники по Воронцово-Александровскому училищу сельской электрификации. Обращаясь к Александру, Григорий сказал:

— Зачем тратить деньги на эти книги? Надо идти учиться в техникум.

За работу в колхозе мама, естественно, денег не получала, и единственным источником небольших денежных поступлений в нашей семье была зарплата брата. Неожиданно Александр поддержал Григория:

— Окончил семь классов — и хватит! Надо идти в техникум или работать — матери помогать.

Я с ним не согласился и категорически заявил, что буду продолжать учебу в школе. Чтобы учиться в техникуме, тоже нужны средства и материальная поддержка семьи, да и квалификация техника меня не устраивала. Я хотел стать специалистом с высшим образованием и не мыслил своего будущего по-иному. Разговор шел на повышенных тонах.

Александр и Григорий были под хмельком, и наша беседа едва не закончилась потасовкой.

— Нет, — заявил я брату, — как бы трудно ни было, но я все-таки получу среднее образование, поступлю в институт и стану инженером. Я буду руководителем, а вы (я имел в виду брата и его товарища) попадете ко мне в подчинение. Я вас еще повоспитаваю!

Этот вопль моей души оказался пророческим.

«Обыкновенно думают, — писал Лев Николаевич Толстой в повести «Дьявол», — что самые обычные консерваторы — это старики, а новаторы — это молодые люди. Это не совсем справедливо. Самые обычные консерваторы — это молодые люди. Молодые люди, которым хочется жить, но которые не думают и не имеют времени подумать о том, как надо жить, и которые поэтому избирают себе за образец ту жизнь, которая была». Передо мной не стоял вопрос: кем быть? Я знал об этом уже давно: только инженером! Образ государственного человека в строгом мундире стоял перед моими глазами, манил меня к себе, не давал спать ночами.

Инженер, убеждал я себя — и верю в это до сих пор, — поприще прочное. Инженеры всегда и всюду были и будут нужны, особенно после войны, когда страна, зализывая нанесенные ей раны, день ото дня наращивала темпы промышленного производства, поднимала сельское хозяйство, расширяла сферу жилищного строительства. Профессия — это фундамент человеческой жизни, в ней органично проявляется характер человека, его взаимоотношения с персонажами из других социальных рядов. Профессия определяет все: и начальников, и сослуживцев, и знакомых, и даже будущие производственные конфликты. Дело, профессиональная занятость, работа — вот настоящая жизнь, вот «среда обитания» современного человека. Значит, надо профессией овладеть, и тогда она сама подведет тебя к рубежу, за которым будет все, что ты захочешь в себе увидеть. Только приложи руки, только пошевели мозгами. Своим юношеским умом я понимал, что жизнь вокруг меня не упрощается, а наоборот, — усложняется, и только знания помогут мне понять законы этого усложнения.

Я очень рано понял, что человек должен сам слепить себя, сделать свою карьеру, хотя это слово в те времена почти не употреблялось в положительном смысле. Тогда больше говорили «тебе надо встать на ноги», «выйти в люди», что означало самостоятельность, наличие обеспеченного будущего, а не прозябание на задворках чужого успеха. Свое слово я сдержал. Впоследствии брат и некоторые его друзья, в том числе и Григорий Рассказов, уже крупные специалисты-энергетики, работали под моим руководством в Ставропольэнерго.

Мне было чуть больше шестнадцати, когда страну потрясло сообщение о смерти Сталина, прозвучавшее по радио рано утром 6 марта 1953 года. В это трудно было поверить, поскольку с утра до вечера государственная пропаганда навязывала людям мысль о бессмертии вождя. Услышав печальную весть, я вскочил с постели и помчался к Николаю Николаевичу, моему старшему двоюродному брату. Это был сын моей тетки по отцу, Матрены Афанасьевны, боевой летчик, занимавший тогда ответственную партийную должность. Я спросил его:

— Как ты думаешь, кто будет вместо Сталина?

Он уверенно ответил:

— Конечно, Берия.

Я не согласился:

— Нет, будет Маленков!

— Почему?

— Не знаю, но в последнее время он был правой рукой Сталина.

Через три дня мы вновь собрались у Матрены Афанасьевны по какому-то поводу. За столом возник спор: Николай утверждал, что страну возглавит Берия, а я — что Маленков. Мы поссорились, дело дошло до оскорблений. Николай назвал меня молокососом, который ничего не понимает и ни в чем не разбирается. Я тоже закусил удила. Разгорелся бой в Крыму: все в дыму, ничего не видно! Мать поняла, чем может кончиться разговор, отказалась от обеда и увела меня домой — от греха подальше.

С Маленковым в моей жизни связано немало интересных наблюдений. Конечно, мне не пришлось встречаться с ним персонально, но личность этого политика существенным образом повлияла на мое профессиональное становление. Я знал биографию своего кумира, наблюдал за стилем его руководства и образом жизни. Почему я испытывал уважение к Георгию Максимилиановичу? Наверное, потому, что всегда видел его рядом со Сталиным. Я знал, что Маленков принадлежал к ближайшему кругу вождя, к тем политическим и хозяйственным деятелям, о которых с утра до ночи говорит радио, пишут газеты. Нам внушали, что наши вожди заботились о народном благе, а я себе говорил: «Значит — и о каждом жителе станицы Марьинской».

Маленкову пришлось вплотную заниматься решением народнохозяйственных проблем, накопившихся во время войны и после нее. Ведь он, в качестве члена ГКО, с 1943 года возглавлял Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Заботу Маленкова о народе я почувствовал наяву в 1955 году, когда он, будучи Председателем Совета Министров СССР, отменил налоги, которыми при Сталине были обложены все подсобные хозяйства. На-

пример, от нашей коровы мы должны были ежегодно сдавать государству не менее 550 литров молока и до 40 килограммов сливочного масла. При низкой жирности молока вес дани увеличивался. До Маленкова по нашим дворам постоянно шарили учетчики, считавшие количество насаждений по кустам и стволам. Нам запрещали использовать колхозные корма, не разрешали пасти на колхозных угодьях домашнюю скотину. Так что сегодня я с большой иронией вспоминаю строки: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое». Это было совсем не так. А после решений, инициированных Маленковым, у нас появился свой огород примерно в двадцать соток, где мы высадили ягодные кустарники, плодовые деревья. Все вокруг сразу преобразилось, и мы вздохнули свободнее.

Мог ли я тогда достаточно объективно и полно судить о достоинствах Маленкова? Ведь мне было не так много лет. Наверное, не мог, хотя многое успевал увидеть и запомнить: сказывалось раннее возмужание, постоянное обсуждение этих проблем дома и на улице. Просто внутреннее чутье мне подсказывало: Маленков — один из тех наследников Сталина, который достойно понесет его знамя дальше. Я уважал Маленкова, наверное, еще и потому, что некоторый период его служебной карьеры был посвящен энергетике: в 1955–1957 годах он занимал должность министра электростанций СССР. Впоследствии, будучи начальником Главвостокэнерго — Главного управления по эксплуатации энергосистем Сибири и Востока Министерства энергетики и электрификации СССР, я часто бывал на Усть-Каменогорской ГЭС, где с 1957 года Георгий Максимилианович директорствовал, откуда его избрали в состав Восточно-Казахстанского областного комитета КПСС и где он был исключен из рядов партии. Потом была Экибастузская ТЭЦ, на которой он проработал до 1961 года, вплоть до выхода на пенсию. Я сидел в его кабинете, бережно перебирал и листал книги из его библиотеки.

Мы и хоронили Маленкова как энергетика ведомственного уровня. Конечно, не удалось избежать претензий со стороны сына, но тогда свято соблюдалась субординация в отношении усопших — прижизненное положение на иерархической лестнице имело на похоронах большое значение. Чтобы повысить статус похорон Маленкова, нужны были указания Политбюро ЦК КПСС, а они так и не последовали. Поэтому Георгия Максимилиановича похоронили на Кунцевском кладбище рядом с женой, Валерией Алексеевной Голубцовой, которая с 1943 года занимала должность ректора Московского энергетического института.

Пытаясь присоединить осколки одной жизни к общей цепи свидетельств о прошлом нашей страны, я вновь и вновь перечитываю пожелтевший от времени, истрепанный на сгибах номер газеты «Правда» от 9 марта 1953 г. Я его бережно храню в семейном архиве вот уже более полу-

века. На первой полосе — траурная фотография. Колонный зал Дома союзов. У гроба Сталина в почетном карауле стоят знакомые мне с детства лица: В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, Л. М. Каганович, А. И. Микоян. В который уже раз перечитываю скорбную статью Алексея Суркова «Великое прощание»: «Вот вихрастый, не по годам посерьезневший московский подросток. Каким долгим, совсем взрослым, глубоким взглядом вглядывается он в черты сталинского лица, невольно замедляя шаг! Как будто на всю свою будущую жизнь, крылатую и светлую, хочет сохранить образ Великого, неизгладимое воспоминание о нем». Конечно, я тогда был далеко от Москвы, но, как дитя своего времени, чувства испытывал не менее глубокие...

По случаю траура напротив клуба нашей станицы 9 марта был остановлен столб с двумя громкоговорителями. По ним мы услышали, как по всей стране объявили пятиминутное молчание, весь транспорт был остановлен. Потом транслировался траурный митинг, который открыл Маленков. Многие плакали. Слезы были свидетельством искренности. Вторым выступил Молотов, а третьим — Берия. Когда над нашими головами прозвучали слова: «Под знаменем Ленина — Сталина, под руководством Коммунистической партии Советского Союза во главе с Георгием Максимилиановичем Маленковым — вперед, к победе коммунизма!» — я облегченно вздохнул:

— Ну, вот — я же говорил...

В споре с братом я оказался прав. На другой день в школе, в окружении своих сверстников и друзей, я объявил: «Маркс — Энгельс, Ленин — Сталин, Маленков — Дьяков». Эти слова быстро облетели всю школу. Классный руководитель, оставив меня в классе одного, сказал: «Смотри — до выступаешься!» Но «крылатая» фраза долгое время ходила среди учеников старших классов.

После смерти Сталина общество еще некоторое время жило под воздействием инерции, боясь перемен, боясь неизвестности, которые эти перемены могут принести. Но в стране уже начинался процесс тихой десталинизации. 22 апреля 1953 года газета «Правда» опубликовала традиционные, привычные, мало значащие для непосвященных «Призывы ЦК КПСС к 1 Мая». Это был набор лозунгов, с которыми трудящимся надлежало выходить на демонстрации, а местным властям — украшать города и села. В общем, заурядный пропагандистский документ, в котором на сей раз содержалось нечто неожиданное для партийных функционеров. В нем не упоминалось имя И. В. Сталина. Две недели спустя новая идеологическая линия обрела более четкое выражение в закрытом постановлении Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1953 года «Об оформлении колонн демонс-

трантов и зданий...». Оно потребовало невероятного — полного отказа от использования во время праздников чьих бы то ни было портретов. Думаю, не нужно говорить, что за этим постановлением стоял Маленков. Правда, вскоре это решение было отменено, что свидетельствовало о продолжении битвы титанов за влияние на общественно-политические процессы после смерти «вождя всех времен и народов».

Что можно прибавить к характеристике Сталина кроме того, что о нем уже рассказано и написано? Кто-то относит Иосифа Виссарионовича к великим личностям и считает, что его жизненный уклад не был направлен на достижение личных интересов, а кто-то упрекает его во властолюбии и кровожадности. Одни считают, что он посвятил свою жизнь интересам государства и заявляют, что с его именем на фронте люди шли на подвиг. Другие видят в нем уединившегося от мира мизантропа, ма-ньяка, человеконенавистника. Все это — крайности. Мне кажется, воскресни вдруг сегодня «отец и учитель», многие в раздираемой интригами Москве почитали бы за честь внести его на своих руках в Кремль. Необходимо провести четкую грань между Сталиным — человеком, способным на подлинные чувства, человеком, которого в стране никто не знает, и Сталиным — мифом, монументом, отказавшимся от всего, что обыкновенно составляет жизнь человека. Самоотречение от самого себя — такова была его жестокая плата за власть.

А если искать виновников репрессий, то они заложены в основе режима большевиками. В самых прочных русских семьях было разрушено патриархальное благочиние, произошел разрыв родителей с детьми. Были открыты шлюзы языческим инстинктам, наиболее оголтелые подняли руку на Бога. Красный угол избы, где испокон веков стояли передаваемые по наследству семейные иконы, был залеплен постыдными картинками, а святые лики преданы надругательству. Но не иконы тогда пострадали, а сердца людские. Смысл происшедшего осознается сегодня постепенно, с необратимым опозданием, с оглядкой на официальные инстанции, да и то далеко не всеми. Народ все еще вслушивается в гулкую поступь своей истории...

Тем временем мое обучение в школе подходило к концу. Я вступил в тот возраст, когда у юношей над верхней губой обозначается пушок, когда мышцы наливаются неукротимой силой, когда хочется взлететь высоко под облака, сделать что-то очень значительное и важное. Я уже более осознанно приглядывался к своим преподавателям, видел, чем отличается один от другого, оценивал человеческие и профессиональные качества каждого.

В Марьинской средней школе работали хорошие преподаватели, имевшие большой опыт педагогической деятельности, в том числе и в

стенах старой гимназии. Один из них — Даниил Петрович Растеряев, преподававший математику еще с дореволюционных лет. Его сын, ставший поэтом, писал под псевдонимом Валентин Марьинский.

С большой теплотой я вспоминаю Константина Артемьевича Губина. Наш классный руководитель прошел войну, получил звание майора, был контужен, во время бомбежки потерял семью. Наш класс стал для него фактически второй семьей. Это был талантливый физик, химик и биолог. Под его руководством мы, ученики, принимали активное участие в создании в школе кабинетов по физике и химии. На территории школы нашими руками был разбит уникальный по тому времени сад-огород, который мы называли «наш дендрарий». Собрав в нем редкие сорта различных растений, мы получали здесь первый опыт селекционной работы.

Мы считали Константина Артемьевича своим старшим товарищем, безгранично доверяли ему и за глаза звали Костей. В разговоре с ним запретных тем не было. Однажды осенью я, ученик 8 класса, ремонтировал в сарае свои белые парусиновые туфли, которые хотел потом перекрасить в черный цвет. Костя сидел рядом. Он стал спрашивать, как я отношусь к одной нашей учительнице, Марии Васильевне. Я спросил его безо всяких обиняков:

— Вы что, хотите жениться?

— Да, — ответил он.

— Вы это — серьезно или шутите? — продолжал я допытываться с дотошностью пчелы, привлеченной запахом яблочного джема.

— А каково твоё мнение? — настаивал на ответе Константин Артемьевич.

— Отрицательное.

— Почему? — насторожился мой собеседник.

— Да видели, как она прогуливается со всякими, — отрубил я, назвав имена мужчин, замеченных в контактах с Марией Васильевной.

К гуляющим женщинам я относился, как горец, — непримиримо. Но зато готов был отдать жизнь, защищая маму, если к ней, как мне казалось, приставали мужчины. Один раз — было мне всего лет шесть или семь — за свое поведение пострадал какой-то военный. Когда он, выпятив грудь колесом, начал ходить вокруг мамы, я, не долго думая, ударил его камнем по коленной чашечке. Вся его «любовь» сразу куда-то испарилась.

Костя «выбивал» из меня информацию о других женщинах нашей школы.

— А что скажешь об учительнице английского?

— Да она такая же: связалась с рентгенологом Рафаэлем!

— Серьезно?

— Серьезно.

Костя, видимо, был неравнодушен к учительнице английского языка, и мой ответ, наверное, запомнил. Наш классный руководитель был мужик крупный, здоровый. Как-то он застал Рафаэля, армянина по национальности, в гостях у объекта своих переживаний и что-то такое неприятное ему сказал. Рафаэль вспылил и в присутствии учительницы дал Косте пощечину. Тогда Костя со словами: «У вас, врачей, бьют так, а у нас, артиллеристов, — по-другому!» — взял Рафаэля за галстук — да как ему врезал! Рентгенолог исчез за углом, а галстук остался в руках у Кости.

Лично мне нравилась фельдшерица Мария Ивановна. Муж ее погиб на войне, она растила сына одна, дружила с моей матерью. Это была симпатичная, даже, можно сказать, красивая женщина. «Вот кто мне нравится», — все время говорил я Косте. «Почему?» — допытывался тот. «Ну, во-первых, муж погиб, остался сын. А во-вторых, — не гуляет», — приводил я «железные» аргументы. И Костя взял Марию Ивановну в жены. Всем десятым классом мы помогли новобрачным построить собственный дом. Вместе с родителями мы делали саманные кирпичи, принимали участие в возведении стен и крыши, в обмазывании стен глиной и их побелке.

Сильное влияние на учеников нашей школы оказывал преподаватель физкультуры и (по совместительству) общественных дисциплин Илья Андреевич Демченко. Мне кажется, что на таких людях, как на стержне, держится любой коллектив. Сам физически хорошо подготовленный, он, вторя Фукидиду, убеждал школьных мальчишек: «Невелика разница между двумя мужчинами, но превосходство принадлежит тому, кто воспитан в наиболее суровой школе». Как всякая сильная личность, он никогда не пытался утвердиться за чужой счет. Илья Андреевич обладал великолепными организаторскими способностями, на пустом месте, практически с нуля, создал добротную спортивную базу. Заражая своим энтузиазмом окружающих, Демченко тем не менее считал, что чрезмерные занятия спортом, погоня за результатом губительны для человека, а умеренные физические упражнения, наоборот, полезны.

Илья Андреевич не ставил задачу «выжимать» из нас так называемые высокие показатели: главным для него в работе с нами было укрепление юношеского организма. Учитывая полуголодную жизнь большинства учеников, он превращал уроки физкультуры в маленькие праздники, на которых мы получали максимальное удовольствие. Это благодаря его стараниям я одержал свои первые победы в беге на дистанциях четырехста и десять тысяч метров.

Очень уважали мы учительницу русского языка и литературы, Елену Петровну Кузовлеву, молодую и красивую женщину. В то время ей было 25 лет. Без особых усилий став душой класса, она легко наладила с нами добрые отношения. Настоящий профессионал своего дела, она, подобно Ариадне, помогала нам в длинном путешествии по безграничному миру слова, пробуждала уважение к русскому языку, учила пользоваться им как инструментом познания бытия. Она расшифровывала нам великий смысл тургеневского высказывания о великом, могучем, правдивом и свободном русском языке. Благодаря ее разъяснениям нам становился более понятным смысл суждения Ломоносова, считавшего, что русским языком пристойно говорить и с Богом, и с друзьями, и с неприятелем.

Елена Петровна могла часами рассказывать о разных писателях и поэтах, читала отобранные по своему вкусу отрывки из художественных произведений, трогательные стихи, высвечивая для нас пути, ведущие в глубины авторского замысла. Преподаваемая ею литература представляла перед нами не обычным уроком, а как одно — пусть это звучит с пафосом — из величайших достижений русской нации, как одна из основ формирования нашего национального самосознания. Но что в ней было совсем из ряда вон выходящим, так это умение, не взирая ни на что, вставать на защиту учеников, отстаивать наши интересы на заседаниях педагогического совета.

В Елену Петровну были влюблены многие учителя-мужчины и большинство парней старших классов. Лично я на всю жизнь сохранил в своей душе большую благодарность, признательность и любовь к ней за все, что она вложила в меня для получения отличной оценки по литературе, позволившей мне окончить школу с медалью. Через год после нашего выпуска ее «похитил» храбрый лейтенант, ставший впоследствии полковником и занявший высокую должность в войсках связи. И так становится грустно при мысли, что нашей Елены Прекрасной уже нет на свете...

Незадолго до моего выпуска директором школы был назначен отставной полковник Бережной. Он служил в Германии командиром полка и привез оттуда несколько машин, набитых личным имуществом, которое хранил в здании начальной школы. На его кожаном пальто были штампованные пуговицы со слабо заметным изображением свастики, что нас совершенно шокировало. Говорили о нем с плохо скрываемой неприязнью. И с Костей он не нашел общего языка. Представьте себе дуэт: грабитель — и боевой артиллерист!

Гроза грянула на выпускном вечере. К этому торжественному событию все готовились заранее. Родители накрыли стол, принесли спиртное, сами сделали мороженое. Мальчишки, конечно, захмелели, а Костя

со слезами на глазах обнимал каждого из нас. Увидевший эту сцену директор презрительно — через плечо — процедил:

— Что ты облизываешь колхозные сопли?

Мы услышали эти слова. «Какие колхозные сопли?» — взъерепенились выпускники. Человек десять окружили директора в коридоре. Одного выпускника директор ударил по лицу. Началась драка, в которой я участия не принимал. Наутро у всех предполагаемых зачинщиков беспорядков (в том числе и у меня) директор отобрал аттестаты зрелости. Директор никак не мог поверить, что драку с ним начал не я, а учительский сын — Геннадий Ватрушин.

После вмешательства секретаря райкома КПСС документы нам вернули, но горький осадок остался на всю жизнь. Таких людей, как Бережной, надо гнать от школ на расстояние пушечного выстрела. Как флейта не может играть без отверстий, так и директор школы не может считаться таковым без душевного расположения ко всем ученикам, независимо от их социального положения. А выпускной фотографии у меня, к великому сожалению, нет, потому что в нашей семье, как и в большинстве других, не было денег, чтобы заплатить фотографу.

Школу я закончил с серебряной медалью, тем самым получив право выбрать для поступления любое высшее учебное заведение СССР. Весь класс бурлил. Мои одноклассники строили планы на будущее, обсуждали, кто куда поедет учиться дальше. В груди многих юношей и девушек горело поистине непреодолимое желание вырваться из болота будничной жизни. Образовалось несколько групп. Одна (в нее входили преимущественно девочки, в том числе и моя двоюродная сестра Люба Дьякова) намеревалась попытаться счастья в гуманитарных вузах города Москвы.

Мальчики выбирали учебные заведения другого профиля. Сын военкома, например, хотел поступить в Военную академию бронетанковых войск им. Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, другие ребята поговаривали о Грозненском государственном нефтяном институте имени академика М. Д. Миллионщикова. Все были охвачены чувством фантастического восторга, граничащего с упоительным счастьем, которое посещает создателей летательного аппарата, шумно обсуждающих элементы изобретенной конструкции, способной поднять их в небесную высь. Но кто в этом возрасте знает, что счастье — это в большинстве случаев только горизонт, к которому человек приближается с такой же скоростью, с какой тот от него отдаляется?

Как и все мальчишки военной поры, я мечтал быть летчиком ВВС. Небесные просторы влекли меня, как тех трех подростков, что изображены на картине Александра Александровича Дейнеки «Будущие летчики». Рассматривая любимую репродукцию в какой-то книге, я видел

в одном из этих мальчишек себя. В ушах все время звенела ставшая гимном советской авиации песня:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц...

Правда, яркость этого желания под давлением жизненных обстоятельств постепенно поблекла, а потом оно и вовсе исчезло в океане новых забот.

Привлекала меня и профессия юриста. Я знал, что юридическое образование имели поэт Александр Блок, политический деятель Владимир Ульянов, писатель Леонид Андреев, партийный функционер Александр Керенский и многие другие известные личности. Юрист — это звучит! Но кто мне даст денег, чтобы уехать в другой город? И стипендию на юридическом платили небольшую. Поэтому главным критерием для меня при выборе места учебы было обязательное наличие трех составляющих: формы, стипендии и денег на дорогу. Такие жесткие условия диктовали материальные соображения.

Свой окончательный выбор стать инженером-энергетиком я, как уже писал, сделал давно. Все известные в стране энергетические вузы мне не подходили либо из-за низкой стипендии, либо из-за отдаленности и отсутствия средств, чтобы до них добраться. И, как правило, в этих вузах не было формы, а проблема одежды была для меня немаловажной. Исходя из этого, мой выбор пал на Северо-Кавказский горно-металлургический институт (СКГМИ). Я направил туда необходимые документы. Через некоторое время меня известили о том, что я зачислен студентом отделения электромеханики горного факультета прославленного института.

Так закончилось мое трудное детство, в котором почти не было безоблачных дней. Жизнь никогда не представлялась мне волшебной лестницей. Это только там: едва вступишь на начальную ступеньку, как через положенное количество лет — не успеешь дух перевести! — окажешься на самом верху. Трудности мне были даны не для наказания, а для испытания. Ведь сказано: наказывают грешных и неисправимых, а испытания посылают сильным, чтобы проверить их мужество и преданность истине.

Глава 7

СКГМИ

В старые времена крестьянские дети в основном наследовали дело своих родителей. Согласно заведенному укладу, сын шел по стопам отца, дочь подражала матери, и никто не спрашивал себя, кем быть. Считалось, что жить можно только так, как жили деды и прадеды, держась за землю, возделывая ее и кормясь на ней. Когда прежний порядок был нарушен, многие деревенские юноши и девушки стали стремиться в города, где были иные возможности для самоутверждения. По-разному складывались судьбы покинувших сельскую местность молодых людей. Кто-то попадал «в струю» и строил карьеру по восходящей, а кто-то, помыкавшись, возвращался обратно. Происходил круговорот людей в пространстве, работал заведенный природой механизм естественного отбора.

Я покинул Марьинскую в последних числах августа 1954 года. До Орджоникидзе ехал автобусом. Деньги на дорогу с трудом собрала мама. Добравшись до столицы Северо-Осетинской АССР, я быстро нашел втузгородок, находившийся на окраине города, на правом берегу Терека. Там были вывешены списки зачисленных в институт абитуриентов. Некоторым из вновь поступивших, чтобы получить место в общежитии, необходимо было пройти собеседование. Увидев напротив своей фамилии дату собеседования, я разволновался: «Как со мной обойдутся? Где буду жить, если не предоставят койку?»

Душу грела мысль, что в Орджоникидзе жили мои ближайшие родственники: дед Андрей и старший брат Александр, переехавший сюда в 1952 году после женитьбы и рождения дочери Веры. У них я надеялся получить совет и приют, просто услышать ласковое слово. Правда, дед жил далеко за городом, в лесничестве, да и лишней площади у него не было. Городские две комнаты в дедовом домике занимал его сын Иван с большой семьей. Брат Александр, работавший электриком на цинковом электролитном заводе и учившийся на вечернем отделении горно-металлургического техникума, снимал с семьей частную комнатенку в 16 квадратных метров. Уставший, я приехал переночевать к Александру, в душе лелея надежду, что завтра мой вопрос с размещением решится.

Собеседование проходило в кабинете ректора института. Никого из членов комиссии я не знал. Более получаса длилась дотошная проверка моих знаний по вопросам внутренней и внешней политики СССР и обстановки на международной арене. Проверяющих особо интересовало мое личное отношение к событиям, происходящим внутри нашей страны и за рубежом. Меня детально расспросили о родителях и родственниках: не находится ли кто за границей или под следствием. Комиссия приняла решение о предоставлении мне места в институтском общежитии, услышав, что мой отец получил ранение и умер в годы Великой Отечественной войны. Радости моей не было предела. «Ура! Я студент, да еще с крышей над головой!» — незамедлительно сообщил я брату.

Жилой фонд СКГМИ располагался в двух зданиях. Общежитие № 1 находилось на территории втузовского городка, а № 2 — в городе, по адресу улица Чапаева, дом 25. Именно здесь, как правило, размещали первокурсников. Получив ордер, я направился к новому месту жительства. Это было небольшое двухэтажное здание из красного кирпича, стоявшее примерно в двух километрах от института. Первый этаж был отведен под бытовые комнаты и помещения вспомогательных служб, здесь же обитали семейные сотрудники института (в основном, ассистенты и лаборанты). В общежитии насчитывалось не более ста студентов. Добираться до института можно было на трамвае или пешком — через огороды.

Ожидая коменданта общежития, я познакомился с другим первокурсником — горняком из Невинномысска Геннадием Удовенчиком. В этот день мы с ним и не подозревали, что положили начало большой и крепкой дружбе, которая длится по сей день. Нас поселили на втором этаже, в комнате № 13 площадью около тридцати квадратных метров. Мебель в ней была самая незамысловатая: девять кроватей, столько же стульев, несколько прикроватных тумбочек и стол длиной в два с половиной метра. С потолка свисал патрон с электрической лампочкой 150 Вт. Из двух больших окон (из которых зимой сильно дуло) открывался вид на улицу. И что-то за этими окнами нам все время напоминало: в стране и в мире происходит новая расстановка сил, соприкосновение которых не сулит ничего хорошего и легко может нарушить состояние кажущегося спокойствия.

Действительно, еще на слуху были новости о подавлении антисоветского восстания в Восточном Берлине 17 июня 1953 года, — всего через три месяца после смерти Сталина. На Дальнем Востоке зрела довольно болезненная точка, возникшая в противостоянии двух систем после завершения войны на Корейском полуострове не в пользу южно-корейской военщины и американских интервентов. Американцы не оставляли своих планов по размещению военных баз непосредственно у границ

Советского Союза. Газеты пестрели материалами о врагах народа, выявленных после ликвидации Берии и его окружения. Но какое значение для молодого человека имели эти внутренние или внешние события, если впереди открывались светлые перспективы, распахивались новые горизонты выбранной профессии?

Из девяти жильцов нашей комнаты (всем было по восемнадцать) один лишь я выбрал электромеханическое отделение горного факультета. Четверо поступили на геологическое, а остальные видели себя горняками. Геологами готовились стать Владимир Гальченко, Анатолий Гицарев, Владимир Комаров и Иван Жилияков. Это были романтически настроенные ребята, мечтавшие пройти необследованными маршрутами, выявить все «белые пятна» на территории Советского Союза. Девизом своей профессии они выбрали слова известной песни из кинофильма «Высота»:

Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал!

Группу горняков образовали Геннадий Удовенчик, Салават Янтилин, Миша Моисеев и Иван Завишев. Это были прагматики, но молодость брала свое, и ничто человеческое им не было чуждо.

Постепенно мы узнали друг друга поближе и подружились. Мы не отягощали себя вопросами о национальной принадлежности. Были среди нас русские, украинцы, белорусы, евреи и башкиры — но какое это имело значение? Наши отношения были уважительными, достаточно терпимыми и предупредительными — одним словом, в тех пределах, которые устанавливаются между юношами одного возраста при наличии общих интересов. Мы обращались друг к другу по имени, но ребята из нашей или из других комнат, когда искали меня, часто спрашивали: «Ты нашего электромеханика не видел? Где наш механик?» Со временем меня уже многие звали не по имени и фамилии, а просто — Механик.

Быть студентом СКГМИ — одного из самых известных вузов Северного Кавказа (он был основан в 1931 году) — считалось большой честью, накладывало дополнительную ответственность, внушало вполне понятное чувство волнения. Встреча первокурсников ряда факультетов, в том числе и горного, куда входило отделение электромеханики, произошла 1 сентября 1954 года. Мы собрались в кинозале старого одноэтажного здания барачного типа, где услышали рассказ об институте и профессиях, которым здесь обучают. Ничего особенного мне не запомнилось. Может быть, только кроме одного: в тот день я забыл в этой аудитории новую кепку, которую на время взял поносить у брата.

Первый курс — это период знакомства друг с другом, проверка на прочность и чувство юмора. Сбор студентов учебной группы «ГЭ-54-2»

(группа № 2, набор 1954 г., специальность «горная электромеханика») запомнился мне комической ситуацией: для кого — приятной, для кого — не очень. Первыми в расписании этого дня значились четыре часа занятий по физкультуре. Экипированы мы были кое-как: не каждому было по карману даже обычное спортивное трико. Группа была разновозрастная: вчерашние выпускники средних школ («молодые») стояли вперемешку с бывальыми фронтовиками («стариками»). Нам представили назначенного руководством института старосту группы. Это был лейтенант запаса Щербинин, фронтовик, человек небольшого роста. Чувствовалось, что в нем было больше не офицерской, а старшинской закваски.

Занятия на открытом воздухе, на стадионе, проводила дама — старший преподаватель физкультуры Мелконян. Когда-то она была, наверное, стройной спортсменкой, а сейчас с возрастом, после перехода на преподавательскую работу, имела довольно упитанную фигуру. Преподаватель построила нас в одну шеренгу, открыла журнал и начала переключку студентов по списку. Прочитав весь список, она спросила:

— Кого я не назвала?

Подняли руки несколько человек. Мелконян обратилась к старосте:

— Почему этих студентов нет в списке?

Щербинин четко, по-военному ответил, что есть еще один список, который... «написан на заде».

Преподаватель опешила:

— На каком таком «заде»? На моем, хотя он и приличных размеров, вы никаких записей не делали.

Все рассмеялись, а староста смутился. Он попытался объяснить, что имел в виду не ее зад, а оборотную сторону учебного журнала. Это вызвало очередной взрыв смеха. Посмеявшись вместе с нами, Мелконян попросила нас построиться в шеренге по росту. Все быстро перестроились, но Щербинин остался стоять на правом фланге. Преподаватель сказала, что команда разобратся по росту касается всех. Когда староста понял смысл ее слов, он вновь по-военному громко обратился к преподавателю:

— Разрешите встать назад?

Женщина парировала тоже по-военному:

— Разрешаю встать «на зад», если сможете.

Снова взрыв хохота. Видимо, у Щербины с юмором было туговато, потому что он, заняв место замыкающего шеренги, пробурчал:

— Не все такие грамотные...

К большому сожалению, после первого семестра за неуспеваемость были отчислены три студента: один «молодой» и два «старика». Среди них оказался и наш староста.

Мне, станичному жителю, привыкшему к спокойному чередованию времен года, городская жизнь с ее неутомным мельканием событий на первых порах казалась игрой теней, от которой рябило в глазах. Вокруг было так много впечатлений, под воздействием которых человеческие чувства обычно притупляются. А услужливая память словно удерживала меня там, в материнском доме, в родных местах, на берегах Кизилки, в понятной мне среде, в окружении людей, добрых и благожелательных.

Память все еще дразнила меня знакомыми картинками, с которыми я только что расстался и которые, наверное, хотел нести в себе, запечатанными, как в сейфе. И это не удивительно. Ведь потому события и образы детства живут внутри нас так долго, что являются нашим единственным духовным богатством, доставшимся нам по праву наследства, совершенно бесплатно. Уничтожить их в себе искусственно невозможно, как невозможно голыми руками заделать расширяющийся прорыв в теле плотины гидроэлектростанции, на которую давит огромная масса накопленной воды...

Вместе с тем студенческая атмосфера освежила меня, наплатила новыми впечатлениями, дала возможность взглянуть на мир по-новому, под несколько другим ракурсом. Денег мне хватало с лихвой. Стипендию я получал большую — целых 395 рублей! Полторы сотни я откладывал на необходимые нужды, а остальные деньги тратил в соответствии с потребой дня. Сердце мое колотилось от радости, мне хотелось перевернуть целый мир: так несется еще не подкованный молодой жеребенок навстречу утреннему рассвету, в свое неизвестное будущее. Ведь во мне кипела казачья кровь, а казаки, как известно, — племя впечатлительное, подвижное, упорное и настойчивое. Веками воспитанные в необходимости нести государеву службу, они считают себя высшей породой, а потому до конца преданы делу, которое считают для себя нужным и справедливым.

Город Орджоникидзе (до 1931 года и с 1990 года по настоящее время — Владикавказ) — оплот российской государственности на Северном Кавказе. Он был заложен русскими войсками как крепость 6 мая 1784 года рядом с осетинским селением Дзауджикау. Внутри крепости, в доме для проезжающих господ, останавливались Пушкин и Лермонтов. Михаил Юрьевич свои впечатления о Владикавказе передал в повести «Максим Максимыч». Гордое имя Владикавказ город получил в 1860 году, словно утверждая каждым днем своего существования: «Всякий, кто обладает ключами от городских ворот, владеет всем Кавказом». Городская территория лежит на Осетинской равнине, в 30 километрах от Дарьяльского ущелья, у северных подножий Лесистого хребта — крайнего северного хребта Большого Кавказа.

В первой четверти девятнадцатого столетия создатель комедии «Горе от ума» так писал о Северной Осетии в одном из писем: «...Вот мы и у подножия Кавказа, в сквернейшей дыре, где только и видишь, что грязь да туман, в которых сидим по уши». Но уже к середине 50-х годов прошлого века город вошел в число крупных промышленных, научных и культурных центров СССР. Здесь были развиты такие отрасли, как машиностроение, цветная металлургия, химическая, деревообрабатывающая, легкая и пищевая промышленность. Вузы, театры, музеи, исторические достопримечательности придавали ему облик достаточно обустроенного места обитания цивилизованных людей, объединенных желанием сделать свой город еще краше и удобнее. Согласно переписи 1959 года, в городе насчитывалось 164 тысячи жителей.

Мне сразу понравился тенистый город плакучих ив, вытянувшийся вдоль берегов Терека, что «в свирепом веселье... лижет утесы голодной волной». Я полюбил утопавший в зелени город, раскрывавший свои широкие добрые объятия каждому, кто горел желанием внести свой сильный вклад в его героическую историю. По мере сил и возможностей и я подбирал к нему свои символические ключики.

Студенты института носили красивую и удобную форменную одежду. Наши тужурки украшали золотые эполеты, на которых сияли вышитые буквы «КГИ» — Кавказский горный институт. Правда, форму нам удалось поносить всего около года. К нашему великому огорчению, она была отменена. Проявил кто-то себя в деле ненужном, вредном, имевшем глубокие нравственные последствия. Ведь форма есть знак отличия того, кто ее носит, от других, не имеющих таковую. Она — предмет коллективной гордости, символ принадлежности к определенной группе людей, объединенных чем-то общим, воплощение традиций, сама история.

Взять, к примеру, военных, священнослужителей, железнодорожников. Военная форма солдат или парадные облачения служителей культа, кроме всего прочего, служат для того, чтобы народ проникался благородством и величием задач, которые призваны выполнять армия и церковь. Что плохого в том, что их выделяла или выделяет из общей массы одежда одного цвета, особого фасона с какими-то оформительскими элементами? Только чиновникам, от природы наделенным узким кругозором, мог прийти в голову такой способ экономии на студентах, как лишение их традиционной форменной одежды. Ниспровергать не тобой созданное гораздо легче, чем потом воссоздавать все заново.

Тем не менее от нашей формы остались одни воспоминания, зафиксированные на фотографиях. На старых снимках мы смотримся подтянутыми, молодцеватыми, с магнетическим взглядом, посланным в будущее, в сегодняшний день, взглядом, полным надежд и мечтаний. А

мечтания мои были самыми что ни на есть реальными. Я мечтал о том, кем стану после окончания института. Прежде всего, говорил я себе, надо будет работать добросовестно, целеустремленно, не жалея сил, чтобы рано или поздно стать не кем иным, как начальником главка. Я рано повзрослел и душой, и телом. На первом курсе мне уже давали лет двадцать шесть: на внешности сказалась война, ранние потери. Да все наше поколение выглядело тогда старше своего возраста.

Во время учебы я иногда гостил у деда Андрея, а ему нравилось, когда я приглашал его на институтские вечера. Он гордо восседал рядом с женой Евдокией, с которой прожил почти двадцать четыре года, и смотрел из своего далекого далека, как резвится молодежь. Я замечал, как в нем просвечивают смутные черты молодости, той поры, когда он сам был не прочь порезвиться на лужайке человеческих радостей. Помню, как радовался дедушка, когда я, после окончания институтской военной кафедры, получил звание младшего лейтенанта дивизионной артиллерии. Мне тогда показалось, что он втайне жалел, чтобы я не пошел по военной стезе.

В институте вместе со мной учились «старики» — студенты 1923–1926 годов рождения, прошедшие войну. Сейчас от этого поколения остались считанные единицы. Отслужив в армии с 1941 по 1953 годы, они прошли фронтовыми дорогами, хлебнули всякого лиха и лишь потом сменили военные погоны на эполеты СКГМИ. Любая зрелость начинается с разоблачения сказки. Заглянувшие в окопах смерти в глаза, жившие среди боли, страданий и смерти, эти ребята поняли одну непреложную истину: война — это огромный, взаимно организуемый, с расчетом на максимальное разоренье, беспорядок, когда самое невероятное становится возможным из-за нарушения логики налаженной, осмысленной жизни. Исковерканная безжалостной военной машиной, «старики» с трудом входили в размеренное русло повседневной учебы, нелегко привыкали к мирному ритму. Богатый жизненный опыт, а также разница в десять и более лет позволяли им относиться к нам, вчерашним выпускникам средних школ, как к салагам.

Первое время наши отношения характеризовал дипломатический холод, который существует между еще не воюющими, но уже недружественными державами. Лед неприязни переходил порой в острую конфронтацию, правда, без применения вооруженной силы. Еще бы! Они ведь прошли всю войну. Но мы тоже были дети войны, и им не поддавались. Однако впоследствии, когда мы, наконец, притерлись друг к другу, традиционный соревновательный дух, определяя наши взаимные контакты, присутствовал только на спортивных площадках. Вот здесь каждая сторона давала себе волю и «дралась» за честь мундира изо всех сил. «Старики» — «салаги» — этот принцип деления по возрасту стал

применяться лишь при формировании спортивных команд. Если на выяснение мелких наследственных неурядиц между Алой и Белой розой ушло целых тридцать лет, то мы, увидев бессмысленность дальнейших стычек, прекратили пикироваться уже на первом курсе. Думаю, нас не подвело чувство меры, родственное ощущению опытного автоводителя, регулирующего зазор в электрораспределителе. Чуть он больше, чем следует, — контакта не будет, чуть меньше — не будет искры.

В 1956 году на экраны вышел замечательный фильм Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь» с молодой Людмилой Гурченко в главной роли. Страна словно примеряла на себя новые нормы общественного поведения, свободного от идеологических штампов. А в феврале состоялся исторический XX съезд КПСС, открывший шлюзы на пути ручейков и рек, образовавшихся в результате проведения политики, получившей лирическое название «оттепель». На закрытом заседании съезда был заслушан доклад Хрущева «О культуре личности и его последствиях». Воистину сначала было слово. Достаточно было положениям доклада прозвучать с высокой трибуны, как по всей стране прокатилась огромная волна общественной активности. Митинги и собрания, обличительные выступления, воспоминания и статьи в прессе, книгах и научных исследованиях — весь этот вал был направлен на пересмотр «сталинского периода». А цель была одна — разрушить устоявшиеся представления обывателей о нашем недавнем прошлом, настоящем и даже будущем. В нашей стране почему-то принято горячо поддерживать любое новое разоблачение, со злорадством наблюдать за поправлением вчерашних вождей.

Так было и в этот раз. Вновь из последних рядов политической галёрки стали вытаскивать виновных, заставляя их на коленях ползти к покрытому алым кумачом коллективному алтарю и прилюдно каяться в надежде на снисходительность и лояльность нового начальства. В институте все задвигались, зашуршали, задавая друг другу безответные вопросы: «Кого снимут сегодня? За кем придут завтра? Кто займет освободившиеся кабинеты?» Трудно, конечно, утверждать что-то задним числом. Но, может быть, лучше было бы не ворошить угасший костер? Не ворошить, чтобы не полыхнули по всей нашей державе пожары сепаратизма, национальной нетерпимости и экономической обособленности, чтобы не дать возрасти силам, которые привели страну к катастрофическому распаду?

На первом курсе я не хватал звезд с неба, хотя был устойчивым хо-рошистом. Для меня важно было быть, а не казаться, а для этого надо было раскрыть себя всесторонне, постепенно проявлять свойства, заложенные во мне природой. Чтобы добиться успеха, говорили в старом Китае, никому нельзя доверять нити управления собственной жизнью, а

самому решать, какую выбрать дорогу, когда двинуться в путь, в каком направлении и как далеко идти. Я считал необязательным ограничивать себя курсовыми дисциплинами, впиваться, уподобляясь голодному клопу, в учебники, как будто только в них записано святое откровение, как будто только там изложены рецепты, пригодные в любой ситуации на всю оставшуюся жизнь.

Я продолжал заниматься легкой атлетикой, подтвердив звание чемпиона института и заняв пьедестал чемпиона Северного Кавказа в беге на 400 метров вплоть до 1959 года. Кроме того, мне покорялись и другие спортивные рубежи, о чем свидетельствуют звания кандидата в мастера по велоспорту и волейболу. Я активно участвовал в художественной самодеятельности института, пел в хоре. Голос и слух достались мне по наследству от мамы, и я получал истинное, почти запредельное удовольствие, выводя натянутыми, как струны у арфы, связками нужные ноты в любимых песнях.

Все это помогло мне создать, как принято сегодня говорить, определенный имидж, собственное лицо, отличающееся от других. У меня появилось много друзей, а это, наверное, самое большое богатство, когда тебе нет и девятнадцати. Друзья — наши зеркала, и чем их больше, тем в более разнообразных ипостасях ты представляешься миру, открываешь себе и заглядываешь в себя.

Открытие самого себя — увлекательнейшее занятие. Человек даже представить себе не может, сколькими лицами, масками, натурами он заряжен. Человек должен проявляться, выводить на чистую воду сокрытое в себе, открывать окружающим свои новые грани, поражать их всплеском возможностей и способностей. Надо освобождаться от комплексов. Ведь воздается не по силе, а по вере. Вере в самого себя.

Глава 8

Профсоюзные заботы

Главные события жизни все же вершатся и проходят в профессиональной среде. Здесь складывается репутация, накапливается умение, приходит признание. Здесь вывешивается твой первый в жизни барометр, безошибочно определяющий температуру, влажность, давление окружающей тебя обстановки. Именно отсюда мы потом по ниточке вытягиваем свою дальнейшую перспективу, которая в подавляющем большинстве случаев выводит тебя, словно океанский лайнер, на заданный маршрут.

В конце сентября 1955 года (я уже перешел на второй курс) в институте было вывешено объявление о том, что в такой-то день состоится общепрофсоюзная конференция. Согласно повестке дня, на конференции предполагалось избрать профсоюзный комитет, председателя профкома и его заместителя с обязанностями председателя правления клуба института (обе должности с окладом 790 рублей в месяц).

Прочитав объявление и ткнув пальцем в интересующее меня место, я мечтательно произнес:

— Вот если бы мне быть заместителем председателя профкома — председателем правления клуба...

Сказал себе — ну и сказал. Мало ли какие желания мы иногда проговариваем вслух! Тему эту до конференции никто со мной не обсуждал. И вдруг в ходе ее работы делегаты (а это были представители профессорско-преподавательского состава и студенчества) единогласно проголосовали за избрание меня на должность, в которую я ткнул пальцем, читая объявление. Я не стал ссылаться на занятость, выдумывать байки о подточенном голодом здоровье, отговариваться семейными причинами, считая все это несерьезным разговором, пустой болтовней, недостойной мужчины. Просто такой поворот событий был для меня полной, но желаемой неожиданностью. Студент очного отделения, не освобожденный от посещения лекций, становится профсоюзным деятелем! Я уже не говорю о материальной стороне: ведь к стипендии прибавлялась зарплата по должности.

Но на первых порах я не подозревал, что скрывается за этими «благами». На мою незрелую голову — в восемнадцать-то лет! — в одночасье

свалилась гора забот о поддержании в рабочем состоянии актового и танцевального залов, киноустановки и радиоузла. Я отвечал за автомобили ГАЗ-47 и ГАЗ-63, мотоциклетный гараж, в котором числилось более 25 мотоциклов, хранилище музыкальных инструментов и костюмерную. Я планировал и проводил всю культурно-массовую работу в институте: в моем ведении находились кружки художественной самодеятельности и спортивные секции. Около ста человек рабочих и служащих нужно было обеспечить работой и зарплатой.

Поначалу мне нелегко было привыкнуть к новому состоянию, сладить с ощущением навалившегося груза. Замотанный делами, я все время мечтал хотя бы об одной свободной минуте, чтобы просто перевести дух. Но в том-то и состоит настырность природы, заставляющей всех побывать всем. Мне не хотелось уподобляться мыши, лихорадочно ищущей выход из ловушки, а посему я бессменно молотил на профсоюзной ниве практически четыре с половиной года.

Первой моей задачей было привести подчиненное хозяйство в приемлемое состояние. До меня на этом месте три с лишним года трудился Виктор Иванович Сиротин — человек из категории «стариков», о которых говорят: прошел сквозь огонь, воду и медные трубы. С тех пор как мы познакомились, он все время ко мне присматривался. Когда я стал принимать числившееся за ним клубное имущество (на сумму более 10 млн. рублей), то сразу понял, что Виктор Иванович времени зря не терял. Им было разбазарено все, что можно было разбазарить. Когда во время приема имущества по акту я читал: «Хитон!» — он подавал мне дамские трусики. Я объявлял: «Банджо!» — он показывал на мандолину без струн. «Елочные игрушки!» — провозглашал я, надеясь увидеть их на тысяч пятьдесят, а он выдвигал небольшую коробку, в которой названных предметов не набиралось и на сотню рублей. Тем не менее, акт был подписан, я вступил в должность, и теперь должен был разрываться между учебой и своими новыми обязанностями.

Где только мне не приходилось бывать, чтобы решить вопросы, необходимые для функционирования предприятия, находящегося на хозрасчете! Из республиканского или городского управления культуры я летел в контору кинопроката или филармонию. Решив проблемы в спортивном комитете ВЛКСМ или комитете ДОСААФ, перемещался в городское финансовое управление или комитет профсоюзов республики. Одним словом, работал, засучив рукава, не хныча и не взывая о помощи.

В институте я чувствовал себя, как в родной семье, всегда ощущал реальную поддержку руководства. До сих пор стоит перед глазами ректор института Сергей Игнатьевич Крохин. Словно противореча собственной фамилии, он был мужчиной властного вида, любил организаторскую

работу, умел поднимать коллектив на решение задач. Инициативный и пробивной человек, он находил возможность встречаться со студентами и вникать в их нужды, невзирая на круговорот неотложных дел, поглощавших его целиком. Крохина отличали такие черты, как непринужденная учтивость и подкупающая простота. Хитрость мирно уживалась в нем с пронизательностью, а изворотливость — с напористостью. Словно искусный шахматист, он обдумывал ходы, с помощью которых решал многочисленные проблемы, стоявшие перед СКГМИ. Но больше всего притягивало в нем ощущение силы.

— Молодые люди, — взывал он к нам, — будьте честными даже в мелочах! Не думайте, что если какие-то нежелательные поступки до поры скрыты от людских глаз, то они как бы не существуют. Это неверное представление. Вопреки всем вашим уловкам, тайное рано или поздно станет явным и выступит наружу.

Неуловимой грацией ума и человеческим обаянием запомнился мне декан горно-электромеханического факультета (с 1956 года) Михаил Яковлевич Дурнев. Кандидат технических наук, доцент — это был настоящий умница! От него словно исходил магнетический ток, неуловимая, действующая как наркотик, сила. Умея льстить тщеславию студентов, Михаил Яковлевич тонкой похвалой пробуждал в нас веру в самих себя. Под его влиянием нам начинало казаться, что мы обладаем такими дарованиями, которые нам раньше и не снились.

Всегда рядом со студентами находился заместитель ректора по административно-хозяйственной части Рогачев. Виктор Иванович умел видеть в людях, которые ему нравились, гораздо больше достоинств, чем в них было в действительности. Дела занимали значительное место в его жизни. Своим примером он как бы доказывал, что труд есть самая естественная и самая древняя функция человека, та функция, которая сделала и делает его человеком. Как талантливый специалист в своей области, он, в противовес самоуверенным посредственностям, никогда не высывался со своей правотой, умел сомневаться и размышлять.

Заняв должность председателя правления клуба, я отправился в отдел кадров института, где просмотрел все студенческие анкеты с целью поиска одаренных студентов и составил соответствующий список. Следующим по очереди шагом было сколачивание высокопрофессионального эстрадного джаз-оркестра. Руководитель оркестра по фамилии Юров подобрал молодых людей с музыкальными способностями. Для оркестра были изготовлены пюпитры и приобретены новые инструменты: помповые трубы, тромбоны с набором сурдин, саксофоны (тенор и альт), кларнеты, скрипки, контрабасы и ударная установка. Музыкантов облачили в светло-серые эстрадные костюмы. Получился слаженный джаз-ан-

самбль из двадцати двух человек. Юров умелой инструментовкой помогал талантливым ребятам проявлять себя в сольных партиях.

Кроме эстрадного оркестра, в нашем институте появились еще несколько музыкальных коллективов. В том числе — многоголосый мужской хор численностью более ста человек, хореографические ансамбли русского танца, танцев народов Кавказа и зарубежных стран, балетная группа. Все они были активными участниками новогодних карнавалов, праздничных концертов и фестивалей. Например, весенние фестивали при участии самодеятельных талантов факультетов превращались в своеобразный ежегодный смотр художественного творчества института. В течение двух-трех дней коллективы показывали свое мастерство, выступая на 8–10 сценических площадках: в актовом зале, во втуз-городке, в парке и на стадионе. Для весенних фестивалей мы писали специальные сценарии, песни и стихи. Во время церемоний открытия и закрытия звучал вальс, который мы сочинили сами:

Весна весенние мелодии поет
И посылает нам весенние приветы.
Весна идет, весна приходит в институт,
И от нее не скроешься нигде ты.

На ниве самодеятельного творчества мы соревновались с коллективом Грозненского нефтяного института. А итоги подводили на торжественном вечере. Наиболее отличившиеся активисты получали грамоты и ценные подарки. Официальную часть открывал Сергей Игнатьевич Крохин. Обладая замечательным баритоном, он с бокалом в руке исполнял «Шотландскую застольную песню» Л. Бетховена.

В трудах и заботах прошел год. Но вот на одном праздничном концерте произошел досадный случай, запомнившийся мне на всю жизнь. Эстрадный оркестр под управлением Юрова исполнил фокстрот «Черная пантера», в то время запрещенный. Красивая мелодия слушателям понравилась, зал взорвался аплодисментами. Возмездия долго ждать не пришлось. На следующий день собрался партком, где мне доходчиво указали на недопустимость проникновения в студенческую среду буржуазной западной идеологии, оказывающей на молодые неокрепшие души растлевающее воздействие. Я, разрешивший эстраднему коллективу исполнить забугорный фокстрот, заявили члены парткома института, являюсь пособником Запада, способствую моральному разложению студентов СКГМИ. «Не следует забывать, — предупредили меня, — что вы — работник идеологического фронта».

Критика в мой адрес была основательной. Мне приписали сразу все грехи: и низкий процент охвата студентов художественной самодеятельностью, и профессиональную слабость некоторых руководителей

художественных кружков и оркестров, и непродуманную тематику концертов и слабый репертуар кинофильмов. В назидание мне подарили вырезку из газеты со статьей под названием «Шапка с заломом», где шла речь о первом секретаре райкома комсомола. Человек отдавал себя работе всего без остатка, говорилось в материале корреспондента, но так и не сумел наладить систему, не нашел подход к людям. Руководитель проявлял излишнюю самонадеянность, не советовался со старшими и товарищами по партии, ослабил классовое чутье. В итоге пострадало дело, и от бедняги ушла жена. Подумалось мне тогда, что члены парткома слегка припоздали: вместо того чтобы отчитать моего предшественника, отыгались на моей персоне. Видать, что дозволено старику-францисканцу, то не красит юного бенедиктинца!

Я далек сегодня от мысли, что кому-то захотелось моей крови. Однако урок я получил хороший! Ну что ж, отражать атаку противника, двигающегося на твои позиции с развернутыми знаменами, всегда предпочтительнее, чем отслеживать его скрытые контрмарши. Сделав поправки на силу и направление ветра, предварительно определив, откуда он дует, я вновь занялся своим делом.

Фокстрот «Черная пантера» больше не звучал в стенах института, по крайней мере вплоть до моего выпуска. А вырезку с грозной статьей я прикрепил к стене, в изголовье своей кровати, где она, выцветшая и пожелтевшая, провисела три года. Во время предвыборных кампаний в Верховный Совет СССР и в местные Советы народных депутатов в моем клубе работала участковая избирательная комиссия. В одно время мне выпала честь быть доверенным лицом партийного руководителя — секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС Николая Каболоева.

Не дремал я и на других направлениях культурно-массовой работы. Это было время, когда по всей стране внедрялись широкоформатные киноустановки. В городе Орджоникидзе первая такая появилась в кинотеатре «Родина». Я стал придумывать способы создания широкоформатной киноустановки для студенческого городка. В один из дней я пришел к начальнику республиканского управления кинофикации и кинопроката Дзгоеву и подробно рассказал, как широкоформатный фильм, поступивший в одном экземпляре, демонстрировать сразу в двух зрительных залах: в городе и в студенческом городке. Идея была остроумна и в духе времени агрессивна, а техника исполнения замысла — проста как мир. Выслушав меня, Дзгоев сказал:

— Моя дочь учится в СКГМИ. Сын тоже есть, наследник. По отзывам преподавателей, науки даются ему легко. Хочет тоже поступать в ваш институт. Надо его подстраховать. Поможешь ему — я, так и быть, окажу тебе содействие в решении твоей проблемы.

Все предельно ясно и просто. Старая сермяжная правда: ты мне — я тебе. Я доложил ректору института о своем визите и его результатах. Крохин меня поддержал и отдал необходимые указания. Все остальное отдавалось на откуп моей инициативе и предприимчивости. Организовав работу по изготовлению и монтажу широкого экрана, я достал дефицитную по тем временам широкоформатную кинонасадку к киноаппаратуре. Главным киномехаником института была назначена по совместительству жена главного инженера республиканского кинопроката. Работу выполнял сам главный инженер: его автомашина курсировала между институтом и кинотеатром «Родина». А суть дела состояла в следующем. Как только в кинотеатре «Родина» прокручивали три первые части фильма, их упаковывали и перевозили к нам. И мы начинали крутить фильм у себя. Машина с бобинами кинофильма ходила туда и обратно, и создавалось впечатление, что существуют две широкоформатные киноустановки.

Мы радовались своей первой победе, дававшей нам не только моральное удовлетворение, но и материальные выгоды. За выполнение плана кинопроката нам полагалась большая премия — в размере двух должностных окладов. Какой это удивительный, неосязаемый и неуловимый секрет — мысль! Сколько людей не одно столетие бьется над изучением тайны ее зарождения. А она — мелькнула, овеществилась в практическом деянии, дала реальные результаты — и исчезла. Для нового очередного деяния, будь добр, подавай другую мысль: на старом багаже далеко не уедешь.

Работая на профсоюзной ниве института, я поставил своей целью добиться повышения уровня музыкальной культуры студентов, бывшей станичной и сельской молодежи, участников войны, лишенных в силу различных причин возможности приобщиться к сокровищам высокого искусства. Я понимал, что определенная часть людей всегда относится к классике — собранию образцовых, общепризнанных произведений литературы и искусства — с некоторой долей скептицизма. «О чем вы печетесь, господа-товарищи? — удивляются такие люди. — Какими такими сокровищами национальной и мировой культуры вы хотите забить голову трудовому народу? Да вы знаете, что...» И затем следует тирада, перемежающаяся с ненормативной лексикой, в которой излагаются проблемы, мешающие трудящимся не только приобщаться, но даже думать об этих далеких от простого народа цацках.

Действительно, о чем подавляющей массе людей говорит имя Медеи, короля Лира, Фауста, даже Чацкого? Какие ассоциации вызывают эти размытые литературные образы, сухо проанализированные в школьных учебниках и оставшиеся навеки между их пожелтевшими страницами?

А ведь Медея — это страстно влюбленная женщина, которая в душевном ослеплении погубила свою соперницу, даже убила своих детей от любимого Ясона. Король Лир — жертва слепой любви к неблагодарным дочерям: Гонерилье, Регане и Корделии. Фауст — символ человеческого стремления к познанию мира, продавший душу дьяволу во имя недостижимой цели. А Чацкий? Человек, отринутый всеми только лишь за то, что осмелился сказать окружающим неприглядную правду о них самих. Чем не зарисовки с сегодняшней натуры? Читай, анализируй, применяй к своей жизни!

Что касается музыки, то она воздействует на иные области человеческого подсознания. Во времена Шекспира люди верили во врачующую силу музыки, которая отражала, по распространенным убеждениям, мировую гармонию: через музыку человек приобщался к этой гармонии. Видимо, не случайно, музыка давно и активно взята на вооружение церковью, а сегодняшние кинорежиссеры, не жалеющие денег на хороших композиторов, обеспечивают тем самым успех своим фильмам. Понимая это, я решил создать ежегодный музыкальный лекторий. Договорился с республиканским управлением культуры и филармонией, составил план, определил ответственных людей, установил систему контроля. Филармония по определенным дням предоставляла нам симфонический оркестр с лектором.

Лекторий был рассчитан на два года. Он включал лекции о русской народной музыке, русских и зарубежных композиторах прошлых веков, современной советской музыке. Желавшие могли послушать интересные рассказы о творческом и жизненном пути Огиньского, Баха, Моцарта, Верди, Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Чайковского, Шостаковича, Хренникова и других гениальных мастеров музыкального искусства. Билеты распространялись среди всех без исключения студентов. Посещая лекторий, они вольно или невольно учились воспринимать классическую музыку. Это довольно сложный процесс. Сложно понять и принять образы, изложенные семью невзрачными нотами. Но при определенном старании успех неизбежен.

На развитие художественной самодеятельности и проведение спортивных мероприятий мы направляли средства, заработанные студентами во время выезда на сельскохозяйственные работы. Много денег требовалось на организацию встреч со знаменитыми актерами и эстрадными исполнителями. В нашем институте побывали со своими программами почти все известные артисты того времени.

Особенно запомнился концерт Лидии Руслановой. К приезду любимой народом исполнительницы русских песен мы тщательно подготовились. В институт ее вместе антрепренером привезли на «Победе». В гос-

тинице для нее был подготовлен специальный номер с будуаром. Билеты на концерт были довольно дорогие — по 25 рублей. Все предвкушали удовольствие от встречи с талантом. Казалось, что в ушах уже звенели лихие переборы саратовской гармошки, и неповторимый руслановский голос наполнял зал:

Лодка тонет и не тонет,
Потихонечку плывет.
Милый любит и не любит,
Только времечко ведет.

Чтобы оставить у себя «след» от концерта великой певицы, мы подготовили два микрофона, один из которых был записывающий. Что в этом плохого? Ведь Русланова, считали студенты, народная певица в полном смысле этого слова, то есть должна была жить и трудиться для народа. На самом деле, Русланова была не так проста, как ее представляла официальная пропаганда. Она быстро смекнула, что мы ведем запись, и потребовала огромный по тем временам гонорар: шесть тысяч рублей за одну минуту записанного выступления. Разразился скандал.

Сорвалась запланированная заранее встреча ректора с артисткой. Сергей Игнатьевич уже издали услышал голос разгневанной народной певицы. Артистка оскорбляла организаторов концерта, в первую очередь, естественно, меня, самыми последними словами, требуя отключить дополнительный микрофон. Во избежание срыва концерта пришлось подчиниться ее требованиям. Впечатление от встречи, конечно же, было смазано. Но мы все-таки записали концерт, установив микрофон подальше от глаз солистки. Правильно сказал русский живописец Иван Николаевич Крамской: «Если у человека нет величия души, он не может быть ни великим человеком, ни великим деятелем, а лишь пустым истуканом для презренных толпищ. Важно быть, а не казаться великим».

После второго курса состоялось «великое переселение» студентов. Геологов — Анатолия Гицарева, Владимира Комарова и Ивана Жилиякова, горняка Геннадия Удовенчика и меня перевели в общежитие № 1, где поселили на четвертом этаже, в пятиместной комнате. Тогда же, после ликвидации в институте геологического факультета, моих соседей геологов перевели на электромеханический факультет, и мы стали называть их «электрогеологами».

Все ребята до сих пор стоят перед моими глазами. За два года совместного проживания в одной комнате мы стали друг другу родными. Мы часто подначивали друг друга, насмехаясь над привычками или чертами характера, и эти шутки были незлобными. Мы производили впечатление людей, крепко спаянных общим делом, общими интересами. Все пятеро не признавали авторитетов, в какой бы области они ни проявили себя,

но чрезвычайно ценили истинные заслуги, будь то человек с именем или совершенно неизвестный. Мы наивно предполагали, что буквально у всех дорог схожие судьбы: сначала они бывают узкими и извилистыми, потом расширяются и выпрямляются. По вечерам, перед сном мы долго разговаривали, спорили о чем-нибудь очень для нас важном.

Мы верили, что во главе всего самого передового стоит наука, где все происходит так же ярко, беспечно и великолепно, как в сказке. В запале диспута нам казалось, — и это было в духе времени, — что если бы у руководства страной стояли «физики», а не «лирики», то все было бы гораздо лучше. В нашем слаженном квинтете, где ноты звучали то жестко и напористо, то мягко и грустно, то восторженно и наивно, мы стремились обострить и подчеркнуть обсуждаемые явления, доходя до откровенного гротеска. В одном мы сходились почти всегда: мир так несовершенен, если смотреть на него с технической точки зрения, так непрактичен во всех человеческих взаимоотношениях, в высшей степени неэкономичен и неточен. Мы получали наслаждение от игры ума, будучи пока еще только разносторонними дилетантами. Так мы, дети эпохи, в которой родились, разбирались с самими собой и с миром, в котором жили.

Вспоминаю нашего общего любимца Славика — башкирского парнишку из многодетной семьи Салавата Янтилина. Названный в честь национального героя Башкирии, сподвижника Емельяна Пугачева, Салават решил пойти по стопам брата и стать горняком. Благодаря Салавату в нашей комнате время от времени проходило пиршественное застолье. Это означало, что отец Салавата, которому уже тогда было за семьдесят, присылал ему огромные посылки с кониной, залитой жиром. Такое блюдо долго не портится, его можно было хранить, но все исчезало в считанные дни, и нам оставалось только вспоминать, как это было вкусно.

Когда мы были на втором курсе, приехал поступать в институт старший брат Славика. Окончив ускоренные курсы, он вернулся на родину, где стал первым секретарем горкома партии в столице Зауралья — городе Сибее. А Салават после окончания института женился на русской девушке по фамилии Березка и уехал на Украину, в Крым. Потом я узнал, что он разошелся со своей женой. Как известно, у каждого есть своя тайна. Была она и у Салавата. Он вернулся домой и женился на дочери знаменитого местного композитора, с которой его помолвили еще в младенческом возрасте. Брат Салавата стал впоследствии министром торговли Башкирии. Я частый гость в этой республике, меня там всегда встречают как самого близкого друга.

Трудно быть беспристрастным, когда приходится говорить о человеке, которого знал и уважал. Вот Анатолий Ильич Гицарев. После института мой добрый товарищ в течение многих лет работал в Молдавии,

в республиканских структурах Минэнерго СССР. Он не догадывался, когда получал из Москвы директивные письма, подписанные сначала главным инженером — заместителем начальника Государственной инспекции по эксплуатации электростанций и сетей Минэнерго СССР, а затем — заместителем министра СССР, что за фамилией Дьяков скрывается его однокашник. Я помог ему перебраться в Москву. К сожалению, Гицарева уже нет. Таких людей природа обычно выковывает из нержавеющей стали. Он любил жизнь, этот полнокровный и счастливый человек. Сейчас мы поддерживаем отношения с его сыном, который работает вторым пилотом на лайнере Ту-154, принадлежащем компании Авиаэнерго.

Чем более любим мы своих друзей, тем горестнее их утрата, чем теснее были с ними наши узы, тем болезненнее их разрыв. Вот мой верный соратник Владимир Комаров. В 1959 году я передал ему по акту имущество клуба СКГМИ, связку ключей и обязанности председателя правления клуба. О Володе могу сказать двумя словами — хороший человек. От хорошего человека — это знают многие — исходят свет, тепло, просто спокойствие, которые передаются окружающим. Комаров смотрел на вещи просто и терпимо. Все, что ни случалось в жизни, он принимал как должное, без излишних волнений, не переживая по всякому поводу. К сожалению, связь с Володей у меня сейчас потеряна. Знаю только, что одно время он проживал в каком-то поселке между Армавиром и станцией Тихорецкой.

Жиляков большую часть своей жизни отдал городу Асбесту, нареченному так в честь белого, расслаивающегося на тончайшие волокна минерала. Иван Пименович работал сначала главным инженером, потом — директором Асбестового горно-обогатительного комбината, что располагался рядом с величайшим в мире асбестовым карьером, похожим на древнегреческий амфитеатр. Сейчас он на пенсии, живет у себя на родине, в селе Новый Мамон Воронежской области.

Знатоки человеческих душ отмечают, что наиболее полно и глубоко о сущности человека говорит его внешность, и чем больше люди похожи друг на друга, тем больше между ними душевного сродства. Не знаю, насколько мы похожи с Геннадием Николаевичем Удовенчиком. Но тот факт, что уже в течение полувека мы не изменяем нашей мужской дружбе, наверное, свидетельствует о чем-то существенном. После института Геннадий выбрал стезю энергостроителя. Он живет в городе Пятигорске, был заместителем генерального директора Ставропольэнерго, а сейчас — директор Кавминводского филиала научно-практической фирмы «Энергопрогресс», которая подчинена мне. Только две реальные ценности существуют для него в жизни — честность и порядочность. Этим

ценностям он верен так же неуклонно, как неуклонна стрелка компаса, всегда показывающая на север.

Бывает возраст, когда поздно вербовать новых союзников и отыскивать непроторенные дороги. Надо воевать с тем войском, которое имеешь. А в этом ладном войске — все мои друзья-соратники, сослуживцы-единомышленники. Кроме тех, память о которых занимает в моем сердце достойное место.

Глава 9

Удар системы

Мои отношения с институтом никогда не прерывались. Там меня считают своим и всегда ждут. Ведь немногие выпускники СКГМИ стали министрами или академиками. Сейчас в институте трудится мой однокашник по учебной группе «ГЭ-54-2» Игорь Евгеньевич Васильев. Все его нынешние звания не перечислить: доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, заслуженный деятель науки и техники Республики Северная Осетия-Алания, заведующий кафедрой электроснабжения.

Мы подружились с Игорем на первом курсе, это был один из активистов СКГМИ. Он увлекался мотоспортом, поэтому мог часами говорить о своем мотоцикле К-175. «Моя Кашка, моя Кашка», — ласково приговаривал он, поглаживая изделие Ковровского завода имени К. О. Киркижа. Наверное, поэтому к нему прилепилось прозвище «Кашка». Но была у него и другая привязанность. Между делом он сумел покорить сердце красавицы Луизы Кулиевой — студентки электромеханического отделения, лучшей солистки нашего института. Обладая хорошо поставленным сопрано, она исполняла в художественной самодеятельности арии из классических опер. После института Луиза работала в энергосистеме Севкавказэнерго.

Большим событием для нас во время обучения в институте была производственная практика. После первого курса она носила ознакомительный характер и проходила на Згидском руднике Садонского рудоправления. Ландшафт там удивительный! Поселок Садон, известный со времен царствования грузинского царя Вахтанга Горгасали (V в.), расположен на правом берегу одноименной реки, а селения Нижний и Верхний Згид — у подножия и на склоне Кионского хребта. Кто хоть однажды любовался солнечными закатами над Кионским перевалом, тот никогда не забудет чувство очарования величием природы.

После второго — четвертого курсов нас уже направляли за пределы Северного Кавказа, в том числе на предприятия по выбору. Практикующимся студентам, по установившейся традиции, помогали выпускники СКГМИ, разъехавшиеся по объектам народного хозяйства, которые счи-

тали своим долгом так организовать нашу практику, чтобы мы смогли заработать какие-нибудь деньги и трудоустроиться после защиты диплома. Надо сказать, зарабатывали мы прилично, кое-какие суммы я даже отсылал маме.

В 1956–1957 годах я проходил летнюю студенческую практику на Башкирском медно-серном комбинате (город Сибай), где получил квалификацию электрослесаря шестого разряда. Здесь в должности начальника управления капитального строительства трудился мой брат, приехавший в Сибай в 1955 году после окончания Орджоникидзевого вечернего техникума. Александр не терял времени даром: учился на вечернем отделении Магнитогорского горно-металлургического института имени Г. И. Носова, «стального короля России», умершего в августе 1951 года в Кисловодске. С правого берега реки Урал из Магнитогорска в Сибай два раза в неделю ходил рабочий поезд.

В жизни каждого человека, если у него, конечно, имеется голова на плечах, в конце концов происходит выравнивание материальных и духовных приобретений, достигается некий баланс, устанавливается какое-то равновесие между имеющимся сейчас и недополученным ранее. Так произошло в жизни Александра, который очень бедствовал в детские и юношеские годы, а в Сибее предстал передо мной маститым специалистом, необходимым производству и людям. Не рассчитывая на чудо, мой брат утверждал себя в работе солидно, спокойно, без суеты и подобострастия.

После практики вновь наступала учебная пора. Учился я неплохо, но из-за постоянной занятости на общественном поприще мне не всегда удавалось вовремя выполнять курсовые задания. Моя «нерадивость» становилась предметом разбирательств на комсомольских собраниях. Там взывали к моей совести: «Ты портишь показатели социалистического соревнования между группами!», добивались обещания, что такое больше не повторится. Причем, разговор о моих задолженностях был какой-то иезуитский, отдавал казенщиной, формализмом: мы, мол, строго с тебя спрашиваем, потому что так надо. Ведь все прекрасно знали, как я был загружен, видели, как я «вкальываю». Особенно старался «насолить» мне секретарь комсомольской организации нашей группы Владимир Богданов, которого поддерживал староста группы Афанасьев. Они даже пытались объявлять мне выговоры.

«Не изменив ни Богу, ни народу», если можно для этого случая применить строки Федора Ивановича Тютчева, я противодействовал им изо всех сил — «и был необорим». Одновременно я понимал, что деваться мне некуда, курсовые надо было делать. Чтобы комсомольские вожаки окончательно от меня отвязались, я сказал, что курсовую работу по

электрическим машинам с расчетами сделаю к завтрашнему дню. Мне не поверили. Тогда я пошел на спор и заявил Богданову:

— Если я сдержу обещание — ты отвяжешься от меня навсегда! И секретарем для меня никогда не будешь!

Забежав в лабораторию, я попросил у знакомых лаборантов похожие чертежи. Получив желаемое, я по готовым параметрам вывел необходимые мне размеры. Затем снял оконную раму и с помощью электролампочки, на просвет через стекло, скопировал позаимствованные чертежи, чтобы потом завершить работу на ватмане. Работа затянулась до утра. Закончив дело, я еще успел поспать часа два-три, а утром сдал преподавателю свое изделие.

Для прилежных нет ничего невозможного. Получив зачет, я подошел к своему мучителю Богданову с видом торжествующего триумфатора:

— Я сделал, что обещал. А теперь даю тебе совет: не лезь в мои дела. Запомни: я учусь осознанно, потому что хочу быть профессионалом, а не начетчиком.

У меня до сих пор стоит перед глазами вытянутая физиономия человека, пытавшегося воспитывать меня ради бюрократической сводки об итогах социалистического соревнования по успеваемости между группами. Однако данная коллизия не дала мне в последующем поводов не признавать установившиеся порядки в институте и быть вне жизни комсомольской организации. Я понимал, что человек слаб и порой действует в обстоятельствах, не всегда от него зависящих. Да и у меня, я думаю, кроме правоты, была еще другая цель, — утвердить себя! Ведь в юности стремление светить самим намного сильнее стремления видеть при свете. Заносчивость юности — кто не попадал в тенета этого порока? Как часто в этом возрасте мы напоминаем гонщиков-велосипедистов, усердно нажимающих на педали и ничего на свете не замечающих, кроме заднего колеса того, кто сейчас перед нами.

Вообще говоря, я относился к занятиям очень серьезно, и описанный мною случай был скорее исключением, чем правилом. Особенно глубоко и вдумчиво я изучал специальные науки, стараясь все разложить по полочкам, привести к удобной, легко запоминавшейся схеме. Я никогда не пользовался шпаргалками. Мне было важно не только знать, но и понимать предмет. Зазубривание уроков было не моим стилем обучения. Я пытался охватить изучаемую проблему сначала всю в целом, выявить в ней главное и второстепенное, разрезать материал на условные пласты, а потом употреблять их по кусочкам, не тратя особых усилий на разжевывание и переваривание.

Я очень реалистично оценивал все происходившие вокруг меня события, старался ориентироваться в сложной обстановке того времени.

А время было непростое. Обществу уже были тесны идеологические пелены сталинского периода. Созревая для новой жизни, оно делало массу глупостей, подобно несведущему младенцу, тянущему свои ручонки к горячему пламени свечи. В этой связи вспоминается такой случай. На занятиях по марксистско-ленинской философии мне поручили подготовить по первоисточникам реферат об окончательном построении социализма в СССР. Как известно, впервые о победе социализма в СССР было заявлено на XVII съезде ВКП (б), «съезде победителей», проходившем в Москве в период с 25 февраля по 5 марта 1934 года. Наша страна, говорилось в материалах съезда, стала страной мощной индустрии, страной коллективизации, страной победоносного социализма. Юридически этот факт был зафиксирован в тексте советской конституции образца 1936 года.

Выясняя суть вопроса по первоисточникам, я обратил внимание на слова В. И. Ленина о том, что завершение социалистических преобразований в стране, находящейся в капиталистическом окружении, возможно лишь в том случае, если в ней ликвидированы условия для реставрации капитализма. И второе. Социализм может считаться построенным лишь тогда, когда производительность труда в стране, строящей социализм, выше, нежели в странах окружающего ее капиталистического мира.

Что-то меня в этих теоретических конструкциях заинтриговало. Более того, мне пришла в голову «крамольная» мысль, что в нашей стране не было выполнено ни одно из ленинских условий. О преждевременности вывода о победе социализма в России предупреждали многие видные государственные и партийные деятели 1920–30-х годов. «Оттого что город съест деревню, а заводская труба будет коптить на всю Россию, — говорил, в частности, один из активистов ВКП (б) Александр Константинович Воронский, расстрелянный 13 августа 1937 года, — лицо России, конечно, радикально изменится, но до социализма тут еще далеко». Произошла подмена понятий: «победа социалистической революции» была спутана с «победой социализма», и эта путаница была выгодна окружению И. В. Сталина, которому не терпелось поскорее услышать о решении проблемы, до которой надо было еще шагать и шагать.

Я попросил преподавателя помочь мне разобраться в этой нестыковке, надеясь услышать квалифицированное объяснение специалиста, но дама с ученым званием доцента не смогла сказать ничего вразумительного. Когда я при другом удобном случае заговорил на эту тему еще раз, ее понесло, но «не в ту сторону». Она, видимо, заподозрила меня в злом умысле, в диссидентских наклонностях, хотя такого слова тогда еще, конечно, не употребляли. Я же этому инциденту не придавал особого значения, даже в некоторой степени чувствовал удовлетворение, что пос-

тавил преподавателя в трудное положение. Тем более что все студенты, присутствовавшие на этих занятиях, с огромным интересом наблюдали за нашим научным поединком. Лишь спустя неделю я понял, куда меня «занесло».

Наступила экзаменационная сессия. Институт гудел, все бегали с учебниками, роем облепляли преподавателей, вопросительными знаками висели над чертежами, с упоением алхимиков ломали голову над лабораторными работами, глубокой ночью готовили шпаргалки. Волна треволений подхватила вместе со всеми и меня. Я уже сосредоточился на предметах, требовавших особо тщательной подготовки, распределял свои силы — одним словом, готовился к бою на необъятных полях знаний. Но, как говорили латиняне, «да будут консулы бдительны!» Преподавательница, которой я по своей душевной простоте задавал «каверзные» вопросы по марксистско-ленинской философии, сделала шаг, вполне оправданный в ее положении. Она не поставила мне зачет по своей дисциплине, и таким образом я не был допущен к экзаменам.

Что делать? Переговоры с преподавателем ни к чему хорошему не привели. Мне посоветовали пойти на прием к заведующему кафедрой марксизма-ленинизма нашего института, кандидату философских наук Геворкяну, армянину по национальности, который одновременно был первым секретарем Железнодорожного райкома партии г. Орджоникидзе. Видимо, принял он меня в добрый час. Геворкян внимательно выслушал, разобрался в моей позиции — и дал распоряжение допустить меня к экзаменам. Узнав, когда я должен экзаменоваться, он сказал:

— Будете сдавать в моем присутствии. Зачет вам будет поставлен.

Это меня и спасло. На экзамене, проходившем в его присутствии, я получил четверку.

Но преподаватель марксистско-ленинской философии смириться с таким исходом научного диспута явно не могла и перевела его в кабинеты официальных структур. Неожиданно меня пригласили в здание, о котором в народе шла дурная слава. Это было Управление Министерства государственной безопасности (МГБ) по Северной Осетии. Там, в отдельном кабинете, сидели два работника, имевшие свою, устоявшуюся точку зрения на идеологические проблемы. Они сухо и членораздельно, в нескольких предложениях, раскрыли суть мучавшего меня вопроса. Как выразился один из них, «вытащили занозу, мешавшую мне добросовестно относиться к своим студенческим обязанностям». Завершая разговор, «товарищи из органов» попросили меня сделать выводы и запомнить, что это была «пока профилактическая беседа».

Изошренная логика предубеждения всегда неохотно уступает ясной логике жизни. Но с этого времени я уже всегда держал ушки на макуш-

ке. Ведь система нанесла мне сильный и отрезвляющий удар в тот момент, когда я острее всего мог почувствовать силу этого удара. Но самое неприятное, что в те же кабинеты был приглашен и брат Александр, который вынужден был давать различные объяснения о себе и обо мне. Брат сложнее перенес этот вызов: ведь у него было тяжелое прошлое, он переживал за семью. С нас обоих взяли подписки о неразглашении.

Кому была нужна такая беседа? Что это: боязнь инакомыслия, которое якобы способно подточить основы советского государственного устройства, или обычное мракобесие, позаимствованное из средних веков? Откуда в советское время выплыла любовь к инквизиции, направленной якобы на защиту «столпов веры»? Из каких глубин подсознания вырывается это желание: сначала заставить человека отказаться от своих мыслей и убеждений, а затем, униженного и растоптанного, подвергнуть мучительной расправе на потеху и устрашение обывателей? Сколько же разных людей прошло через собеседования и другие «очистительные» акции, организованные «стражниками» марксизма-ленинизма в ходе всевозможных идеологических кампаний и чисток в нашей стране!

Видать, тревога «товарищей» из Управления МГБ была не случайной. В обществе подспудно назревали процессы, которые требовали с их стороны активных и решительных мер. Острые вопросы в той или иной форме поднимались на разных этажах общественной жизни, но особенно четко они были сформулированы тогда в романе Владимира Дмитриевича Дудинцева «Не хлебом единым» (1956 г.) и в художественном фильме Юлия Яковлевича Райзмана «Коммунист» (1958 г.). Кто такой настоящий коммунист? Кто выдумал, что бдительность — это всеобщая подозрительность? Почему вокруг нас торжествуют бюрократы, готовые задушить любую свежую мысль? Уже полвека прошло с тех пор, а ответы на эти животрепещущие вопросы до сих пор не прозвучали.

Эпосы всех народов мира, включая Ветхий Завет, неизменно ставят в начало всех начал насильственные акты либо физического, либо духовного свойства. В христианстве есть поучительная история о двух братьях — Каине и Авеле. Как известно, Авель был пастухом, а Каин — земледельцем. Совершая обряд жертвоприношения, Каин бросил в огонь плоды своего труда — дары земли. То же самое сделал и Авель, только пожертвовал он мясо новорожденных животных. Богу понравились жертвенные предметы Авеля, а на Каиновы он даже не взглянул. Каин огорчился и затаил злобу на Авеля. Улучив момент, когда вокруг никого не было, Каин убил Авеля, брата своего.

Убийство произошло при зачатии нового мира. Так выстраивалась новая парадигма человеческих взаимоотношений, произошла первая на Земле революция. А кто скажет, куда подевался Рем, один из братьев-

основателей Древнего Рима? Не помешал ли он Ромулу наслаждаться полнотой власти на Тибровых валах? И разве на фундаменте Древнерусского государства уже высохли капли крови древлянского князя Олега, павшего у города Овруча от руки брата — киевского князя Ярополка Святославича?

В революционные годы модной становится фраза: «Лес рубят — щепки летят». Но каждому выпадает своё. Кто-то выступает в роли лесоруба, кто-то — в роли щепок. И хотя всемирная история знает мужей, не советовавших «людям произносить над людьми приговоры Божии», есть что-то природно-роковое в том, что всегда находятся претенденты на роль Каина. Во Франции ими были якобинцы, в Америке — республиканцы, а в России... Как писал поэт Иван Савин, в России эту неприглядную роль взяли на себя те, «кто хныкал с пеленок до гроба, кто никогда и ничем не был доволен, кому всего было мало, кто в девяносто девяти случаях из ста жаловался, брюзжал и ругался, так сказать, по инерции...». Это обстоятельство бросает вызов нашему пониманию современной истории, но прятаться от него бесполезно.

Во время учебы в институте происходили со мной и откровенно смешные казусы. Один из них был связан с весенним праздником международной солидарности трудящихся. Студенты СКГМИ всегда принимали участие в первомайском шествии. 1 мая надо было вставать очень рано, чтобы к назначенному времени сформировать колонну. Как на грех, я проспал, так как накануне работал в клубе до двух часов ночи. Что делать? Я решил быстрее выйти к маршруту прохождения демонстрантов и незаметно влиться в их ряды.

Трамваи уже не ходили: все было перекрыто. Пришлось идти пешком вдоль трамвайных путей. Вскоре мне встретились ребята, тоже проспавшие ответственное мероприятие. Пошли вместе. Пока мы догоняли колонну, собралось, наверное, человек семьдесят. Колонна СКГМИ уже стояла с транспарантами на улице Чкалова. Мы, не останавливаясь, продолжили шествие вдоль колонны института, которая начала рассыпаться и подстраиваться к нам. Я оказался во главе огромной возбужденной массы. Но наши анархические ряды явно не соответствовали идейному замыслу организаторов демонстрации. Я тут же получил от руководства парткома по первое число.

Институтскую колонну возглавлял духовой оркестр нашего клуба, в котором играли студенты разных факультетов. Отношения с музыкантами у меня были хорошие: я иногда разрешал им подрабатывать на похоронах или свадьбах. Когда мне выпали за попытку развала колонны, я расстроился и после демонстрации решил вернуться в институт на автобусе, который перевозил оркестрантов с инструментами. Автобус

двинулся по центральной улице города — проспекту Мира (раньше это был проспект Сталина). Народ только начал расходиться. И тут грянуло: «Цыпленок жареный...» Опять у членов парткома появилась работа. На этот раз я отделался легким испугом благодаря снисходительности партийного секретаря Давидсона.

Вся моя жизнь в институте делилась на две части. С утра до двух часов дня я был студентом, который обязан посещать занятия, а затем, как правило до 12 часов ночи, я — профсоюзный деятель, администратор. Но иногда, в ущерб учебному процессу, мне приходилось с самого утра выезжать в организации республики или города. В выходные дни я был занят клубными и профсоюзными делами с головой. По вечерам, как в праздники, так и в будни, со мною рядом находились мои друзья-товарищи: Геннадий Удовенчик, Анатолий Гицарев, Владимир Комаров и Иван Жилияков. Другие студенты были уверены, что они тоже профсоюзные деятели института.

Дверь в нашу комнату никогда не закрывалась, к нам шли все, кому не лень. Одни — занять денег, другие — попросить хлеба, третьи — послушать музыку, четвертые — по учебе. Но чаще всего заходили ко мне, чтобы высказать какие-то просьбы, решить вопросы, возникшие по профсоюзной линии или клубной работе. В период экзаменационной сессии такой наплыв становился просто невыносим. Чтобы хоть как-то ограничить людской поток, ребята вывешивали на дверях комнаты объявление: «Хлеба нет, денег нет, Механика нет!» Но и это помогало слабо.

Время летело незаметно. В конце четвертого курса на одном из общеинститутских вечеров прозвучал «Прощальный студенческий вальс». Музыку и слова к нему студенты написали сами. Первое исполнение вальса было встречено стоя, бурной овацией. Вот некоторые строчки из нашего совместного произведения:

Студенческой жизни
 Забыть нам нельзя:
 С ней связаны лучшие годы...
 ...А помнишь первый зачет?
 А первое помнишь свидание?..
 ...Не важно кто ты —
 Metallург иль горняк,
 Механик ты или геолог.
 Придет расставанье —
 Поймешь точно так,
 Что нам институт очень дорог...

Мы и сейчас поем «Прощальный студенческий вальс», когда много лет спустя собираемся вокруг дружеского стола и вспоминаем институт-

ские годы. А годы эти памятливы не только экзаменационными сессиями или художественной самодеятельностью, но и пожаром пылких чувств.

Мне, конечно, никто не поверит, если я скажу, что в годы учебы в институте не обращал внимания на девушек. Как и другим ребятам моего возраста, ничто человеческое мне не было чуждо. Я никогда не относил себя ни к «красавцам» типа Жана Маре, ни к «гренадерам» наподобие Григория Орлова, ни к «героям-любовникам», каковым являлся любимец тысяч женщин Рудольф Валентино. Но вокруг меня всегда собирались красивые или просто симпатичные девчонки. Я, шутя, мог пойти на спор, что закружу голову любой, кому захочу. И кто мог сомневаться в наличии таких способностей у председателя правления клуба, стоявшего у руля самых интересных и веселых молодежных затей, начинаний и мероприятий?

Я не понимал ребят, не умевших свободно заговорить с незнакомой девушкой, от растерянности и робости терявших способность соображать. У меня была разработана система, напоминая, если говорить в шутку, тактику паука, который плетет свою паутину не из творческих, а из меркантильных соображений. Наметив объект наступления, я напускал на себя личину надменной холодности, безразличия и занятости, представал человеком, не желавшим отвлекаться на глупости. А потом делал резкий переход к лирическому настроению. Приблизившись к ничего не понимающей девице, я тихо напевал ей в покрасневшее ушко: «Ты мимо меня прошла и сразу меня пленила...», или «Для тебя в этот день, словно в мае, сирень, помню, цвела...» Любая девчонка после таких «заходов» сразу расплывалась в улыбке.

А если говорить серьезно, то подобные экспромты, которые были всего лишь обманчивыми проблесками солнца на темнеющем предгрозовом небе, я допускал не часто и только из добрых побуждений. Стыдно внушать девушке несбыточные иллюзии, руководствуясь сезонными мозговыми завихрениями, возникающими под воздействием природных обстоятельств. Я был воспитан в консервативных традициях, согласно которым о человеке, только и думающем о женщинах, составлялось невысокое мнение. Этот порок в старину приравнивался к воровству и пьянству, против него восставал весь мир. Кроме того, у меня была твердая цель в жизни: окончить институт и получить хорошее распределение. Я был до того загружен делом, что не позволял себе пустых забав, старался действовать рационально, сопоставлял свои чувства с возможностями. Порой, смотришь — идут красивые девчонки: можно было бы познакомиться. А начнешь выяснять, где они живут, — оказывается, далеко. Обстановка в городе была беспокойная, в незнакомом районе самозванного чичероне могли и раздеть, и порезать.

Одно происшествие такого рода на всю жизнь оставило на моем лице отчетливый след. Это было на втором курсе. В половине двенадцатого ночи я возвращался от брата, жившего перед отъездом в Сибай в поселке Цветмет, на глухой в то время окраине города Орджоникидзе. Как-то незнакомцы преградили мне дорогу, начали обшаривать карманы. Я пытался вырваться, защититься. Но будь я тогда хоть Ильей Муромцем, мне все равно не удалось бы взять верх над местными соловьями-разбойниками. Они озверели, ударили меня ножом по лицу, рассекли губу. Без денег, но живой побрел я восвояси. В те времена удалые хасбулаты шайками бродили по темным улицам Владикавказа, выискивая очередную жертву.

В начале июня 1959 года мне вручили новенький диплом инженера, еще пахнувший свежим ледерином, в синей твердой обложке с золотым тиснением. Я успешно защитил дипломный проект: получить красный диплом не позволяло наличие многих четверок. Но у меня и не было этой цели. Вчитываясь в изысканную вязь дипломной записи, я не мог скрыть своего ликования. Первая значимая цель, поставленная голодным марьянским мальчишкой-сиротой, безжалостно придавленными жизненными обстоятельствами, наконец-таки была достигнута. «Каким недостижимым еще вчера казалось это счастье!» — восклицал я вместе с героем повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Инженеры», пытаюсь в эти минуты, к которым так долго стремился, отыскать в ворохе случайностей закономерности своего пути.

Получив диплом, я должен был выполнить еще одно свое, ранее данное, обещание. А обещал я вот что: как стану инженером, то выброшу из окна своей комнаты, с 4-го этажа общежития, купленные мною на втором и третьем курсе радиоприемник-магнитола, магнитофон с кассетами и грампластинки. Но Гицарев и Комаров, которым предстояло еще полгода учиться, уговорили меня подарить все это молодоженам с первого курса на студенческой свадьбе. Что они и сделали. Было приятно осознавать, что этот музыкальный набор кому-то еще сослужит службу, хоть как-то облегчит студенческие будни.

Заканчивалось первое десятилетие второй половины богатого на открытия XX века. Это был период, когда достижения электротехники все более и более проникали в самые различные отрасли народного хозяйства. Наступала эра бурной электрификации промышленности. Речь уже шла о высоких напряжениях, передаваемых на большие расстояния, о выработке электроэнергии в таких количествах, которые и не снились разработчикам плана ГОЭЛРО. Рушились привычные понятия о выгоды, силе и существе энергии вообще. Достоянием XX века стала научно-техническая революция, возникновение качественно новых связей

человека с познаваемой им природой, развитие инженерно-технического мышления.

Политическая ситуация требовала от советского хозяйства величайшего напряжения. План строительства нового общества, рассчитанный в целом на энтузиазм коллектива, зависел от доблести каждого в отдельности. Страна нуждалась в грамотных инженерно-технических кадрах. Она ничего не жалела для их подготовки, терпеливо и заботливо возвращая в стенах многочисленных институтов. Сколько верных, волевых, знающих и даровитых людей — будущих командиров производства, ученых, практиков — подготовила высшая школа за сорок лет советской власти!

Теперь в стройных рядах таких специалистов зашагал и я. Великолепны и значительны следы человека, гордой поступью идущего навстречу выбранной цели. Если бы меня мог увидеть в ту минуту отец, он, наверное, обнял бы меня и по-мужски немногословно выразил свое отношение к этому событию.

Глава 10

Истоки профессионализма

Прежде чем покинуть гостеприимный город Орджоникидзе, мне нужно было передать кому-нибудь все подведомственное имущество: клуб, радиоузел, мото- и автогараж. Таким человеком по решению руководства оказался не кто иной, как Володя Комаров, которому, в связи с переводом студентов геологического факультета на электромеханический, предстояло учиться в институте еще около года. Процедура передачи заняла не очень много времени: хозяйство содержалось в порядке, учет был налажен. Грустно было расставаться с преподавательским составом, дружным коллективом клуба, с ребятами, к которым прирос душой. Постоянно висевшая на нашей двери табличка только сейчас, как я понял, стала полностью соответствовать своему смыслу. Всякая зрелость начинается с одной какой-то минуты — эта минута в моей жизни наступила. Дверь института за мной захлопнулась. Мир за воротами СКГМИ манил своей необъятной широтой, увлекал новыми, еще не хоженными дорогами, пьянил многоликостью и неоднозначностью.

В стране и на международной арене происходили события, не позволявшие народу сосредоточиться на своих, сугубо человеческих делах. В СССР подходил к концу период политической «оттепели», приближались к стадии наибольшего обострения советско-американские отношения. В январе 1959 года на Кубе победила повстанческая армия под руководством Фиделя Кастро, взявшего курс на построение социализма. Советский Союз и другие социалистические страны поддержали кубинскую революцию, стали оказывать ей всестороннюю, в том числе и военную, помощь, что не могло понравиться американцам. По обе стороны океана зазвучали речи, имевшие своей целью запугать противостоящую сторону, заставить народы вновь съеживаться от страха, готовиться к неминуемым испытаниям. Страны-участницы Варшавского Договора все более напоминали оцетинившийся в разные стороны военный лагерь, замерший в ожидании вражеского нападения.

Я же вступал в жизнь с открытым забралом, пусть пока без лавровых венков и триумфальных литавр. Меня не оставляло ощущение бурлящей в жилах, перехлестывающей через край энергии: так, наверное, чувству-

ет себя в ледяной воде раскаленная полоса стали. Место практического применения своим знаниям я выбрал сам. Это был Башкирский медно-серный комбинат, где работал мой брат Александр. Заехав на неделю в Марьинскую, я проведал маму, а затем поездом, с пересадкой в Москве, добрался до Магнитогорска, откуда до Сибая было уже рукой подать.

...Уже вечерело, когда мой поезд медленно подкатил к станционной платформе. В вагоне было душно: не помогали даже открытые окна. Хотелось прохлады, но оказалось, что снаружи воздух был даже более сухой и знойный. Слабые колебания воздуха тщетно пытались охладить открытые части тела. Рубашка прилипала к потной спине. Казалось, над всем властвовал бог летнего зноя Вельзевул, покровитель мух, бесовский князь, прилетевший сюда из древнего языческого Ханаана. Удивило отсутствие на земле травянистого покрова. Откуда-то доносился неприятный запах прели. Как потом я узнал, так «благоухали» огромные гурты незрелой пшеницы, вываленные под открытым небом. Так крестьяне башкирского Зауралья выполняли план по подъему целинных и залежных земель.

План этот был раздут до небес государственной идеологической машиной, для чего имелись серьезные причины. Нужно было устранять последствия новой волны голода, вызванного засухой, охватившей в 1946 году главные советские житницы — Украину, Дон и Кубань — и унесшей, по разным оценкам, от 90 до 150 тысяч жизней. В целом по СССР урожайность зерновых снизилась до рекордно низкой отметки — в среднем до девяти центнеров с гектара. В 1953 году удалось собрать всего 31 миллион тонн зерна. Очереди за хлебом стали обычным явлением советской действительности. Нужно было искать срочное решение проблемы обеспечения страны хлебом и сельхозпродуктами.

За дело взялся первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев. Воспользовавшись выводами одного из тогдашних авторитетов в области засушливого земледелия профессора Николая Максимовича Тулайкова, он решил претворить в жизнь идею «подъема целины». 30 января 1954 года этому вопросу было посвящено заседание Президиума ЦК КПСС. Многие члены Президиума предложили в первую очередь заняться подъемом сельского хозяйства на Украине и Кубани, а не «лезть к черту на кулички», но Хрущев настоял на своем. Предложив обратиться за советом к коммунистам, он собрал специальный Пленум ЦК КПСС (23 февраля — 2 марта), на котором было принято постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Собственно с марта 1954 года и началась великая целинная эпопея, охватившая Казахстан, Алтай, Красноярский край, Новосибирскую и Омскую области, Поволжье, Урал и Дальний Восток.

Целина. Тогда это слово не сходило с газетных полос, без конца звучало по радио. О целине режиссеры снимали художественные фильмы, писатели строчили книги, ученые разрабатывали научные трактаты, а поэты и композиторы сочиняли стихи и песни. Защитники идеи массового освоения земель, которые веками не распахивались, убеждали: страна только тогда выиграет соревнование с империализмом по сборам зерновых, если освоит зоны рискованного земледелия. За период с 1954 по 1960 год в СССР было распахано более сорока миллионов гектаров целинных и залежных земель.

В 1959 году на уральской целине вырос хороший урожай, но в ряде хозяйств своевременно не позаботились о создании необходимых условий для его приема, хранения и переработки. Уборка шла днем и ночью, вся страна следила за официальными цифрами собранного и сданного в закрома зерна, но в результате головотяпства местных руководителей были допущены огромные потери. Битва за урожай оказалась не битвой, а той видимой суетой, какой руководители всяких рангов наловчились прикрывать свое равнодушие к общему делу, если оно не приносит личных дивидендов. Труд многих тысяч людей порой шел насмарку. Таковы были фасад и изнанка, декорации и подлинность того необычного времени.

Вместе с тем я не мог не заметить, как похорошел промышленный и культурный центр башкирского Зауралья — город Сибай. Он расположен на юго-востоке Башкирии в предгорьях древнего хребта Ирандык, плавно перетекающих в Западно-Сибирскую равнину. Сибай возник на базе месторождения медно-серных руд, открытого в 1913 году, а второе рождение обрел в 1933 году во время разработки Новосибайского месторождения. 21 ноября 1955 года поселок Сибай стал городом республиканского подчинения. Секретарем ГК КПСС здесь работал выпускник Баймакского горно-металлургического техникума, а также ускоренных курсов СКГМИ Г. З. Янтилин, родной брат моего друга Салавата.

Первым моим заданием в должности старшего электромеханика стала сборка шагающих и ковшовых экскаваторов, поступивших с завода в разобранном состоянии на железнодорожных платформах. Мне пришлось собирать и запускать в работу гусеничные карьерные экскаваторы ЭКГ-4 и ЭКГ-6 и шагающий экскаватор-драглайн ЭШ-4/40. Но прежде я должен был их хорошенько изучить, разобраться в «системе Леонардо». Что это была за система? Если не вдаваться в технические подробности, то это — комплекс нескольких генераторов постоянного тока, вращающихся на одном валу от мощного асинхронного двигателя. Каждый генератор питает только одну операцию экскаватора, например, операцию поворота, операцию хода или операцию работы лопаты.

Работал я увлеченно. Собираемые агрегаты были для меня почти одушевленными предметами, я чувствовал их характер, их реакцию на неверно выбранный путь в работе, их оценку моих усилий, когда я окончательно запутывался в непонятных узлах. Особенно захватывала меня наладка и опробование экскаватора. Я быстро научился им управлять: было приятно ощущать свою силу, сидя в кабине огромной машины. Видать, не зря слово «машина», под которым подразумевается большой, громоздкий предмет, происходит от латинского термина «*mashina*», обозначающего механизм или сочетание механизмов, как правило, большого размера, пугающего вида, где все части скрежещут и гремят.

С первых дней работы я старался вырабатывать в себе такие качества, как точность и деловитость. Не общие словеса, а детальнейшее, даже мелочное изучение, постоянная перепроверка сделанного — вот каким было мое кредо в работе. Терпение и труд все перетрут. Блага достигаются большим старанием. Например, так, как это делал один труженик из восточной притчи. Уронив в море жемчужину, но не стал лить напрасных слез, а взял ведро и целую неделю, не переставая, вычерпывал из моря воду. Свидетелем этих нечеловеческих усилий был морской дух. Он испугался, что ему негде будет существовать, когда в море совсем не останется воды, и сам вынес человеку его драгоценность. Терпеливым трудом добывал свою «жемчужину» и я.

К великому сожалению, многие люди, в том числе и занимающие высокие государственные посты, столкнувшись с трудностями, предпочитают надеяться на «кривую», которая «вывезет». Все у них «небось», да «авось». Рябью на воде расходятся все пожелания и задумки таких горе-руководителей. Стихнет ветерок очередной кампании — и следа не остается на зеркальной поверхности от его дуновений. Может быть, от этого все наши беды?

Жил я в общежитии комбината, в очень примитивных условиях. Особенно тяжело было зимой. За окном — двадцать ниже нуля, ветер — двадцать метров в секунду, а все удобства — на улице. Деваться было некуда — приходилось терпеть. Да и кто в молодые годы придает большое значение быту? Вокруг меня вращались самые разные люди: счастливые и неудачники, жившие основательно и перебивавшиеся с хлеба на воду, полные энергии и уставшие от жизненных проблем. Мне были интересны все и во всех своих проявлениях. Я с головой окунулся в океан человеческих страстей, где всего было сполна: доброты и жестокости, искренности и лести, честности и подлости. Кто-то пытался меня согнуть, сломать, подчинить своему диктату, а кто-то — уберечь от грубости, интриг и унижений.

Прошло около четырех месяцев. Однажды меня вызвали в управление главного механика и главного энергетика комбината и предложили долж-

ность главного энергетика рудника. Причем сразу предупредили: участок работы тяжелый — в последнее время там произошло шесть несчастных случаев со смертельным исходом. Я подумал — и согласился. Но положить на рояль руки — еще не значит сотворить музыку. Меня ждали уже совсем другие по своему характеру обязанности. На должности старшего электромеханика я руководил бригадой электрослесарей численностью около двадцати человек. Результаты всегда были на виду. Меня за них хвалили или ругали, но я всегда понимал, что и как делаю. На новом же месте надо было круглосуточно обеспечивать бесперебойное функционирование энергохозяйства, не допуская аварийных отключений, особенно отключений насосов водоотлива. И подчиненных у меня теперь было во много раз больше, и рабочая дисциплина была не на высоте.

Скоро мне пришлось с удивлением обнаружить, что некоторые люди смотрят на мир младенческим взором, и этот инфантилизм их не тяготит. Напротив, сложные явления они стараются разложить на простые составные части, убеждая себя, что жить надо проще и не загружать мозги всякими ненужностями. «Будет день — будет пища», «Не бери на себя много, пусть думает начальство — ему за это платят», — вот расхожие лозунги этих «упроощенцев».

Мне изрядно пришлось потрудиться по предотвращению случаев пьянства на рабочем месте, сокращению прогулов, налаживанию учебы персонала. Может быть, поначалу некоторым казалось, что это — временная кампания. Мол, я еще молодой, ретивый, ничего не понимаю. «Со временем обломается и успокоится!» — вероятно, убеждали они себя. Но я стоял на своем. Результаты в работе улучшались, но не намного. Трудностей меньше не стало, в том числе, к сожалению, и аварийных отключений.

Меня могут заподозрить, что я много себе приписываю: не мог я, недавний выпускник института, так быстро изменить поведение взрослых людей, заставить их плясать под свою дудку. Мог — и отвечаю почему. Слишком рано ко мне пришла взрослость, а опыт руководящей работы я получил еще в институте. Одним словом, свои плоды дала жизненная закалка. Хотя, возможно, причина не только в этом. Ведь в юности быть радикальным помогает чувство обостренного самолюбия. В этом возрасте мы еще не в силах уловить свою общность с другими, считаем себя исключительными, особенными и более совершенными, чем все окружающие. Правда, с годами это ощущение теряется, и мы становимся «как все».

«Башкирский» период работы сохранился в моей памяти как важный этап профессионального становления. Здесь реальные, земные люди проверили мои теоретические знания, а самое главное — степень понимания сути производственной деятельности. Раньше прибывающему на производство

молодому специалисту говорили: «Забудь, чему тебя учили в институте, работай, как подсказывает ситуация». Это неправильно. В энергетике без знаний делать нечего. В Сибее я познакомился с работой крупного комбината, разглядел роль и значение всех производственных структур в подходе к решению единой главной задачи. А в этом, мне кажется, вся суть.

Мне, уроженцу многонационального Северного Кавказа, повезло и в другом: я существенно расширил свои познания в области культуры и национального быта еще одного народа нашей России. Город Сибай, развивавшийся за счет близлежащих территорий, соседних башкирских поселений, позволил мне ближе познакомиться с уникальной исторической культурой, нравами, бытом и традициями башкир — этого гордого, вольнолюбивого народа. Первые упоминания о башкирах (они сами называют себя «башкорт» — «волк-вожак») относятся к IX–X векам. До XII века башкиры были язычниками и поклонялись различным силам природы. Затем в Башкирию через Булгарское ханство стал проникать ислам. В 1236 году Башкирия попала под власть монголов, а позднее вошла в состав Золотой Орды, основанной ханом Батыем в 1243 году.

В середине XVI века башкиры добровольно приняли русское подданство. Равное сочетание равнинной и гористой местности, лесных и степных пространств, морозной зимы и жаркого лета отразилось на национальном характере этого народа. Меня до сих пор не покидает неопишуемое ощущение вкуса холодного кумыса, пенящегося напитка из кобыльего молока, щекочущего в носу и горле пузырьками газа. Я вижу восточного разреза глаза и огрубевшие в повседневных заботах, смуглые от загара руки доброй, симпатичной, похожей на фею, хозяйки, подающей мне с ласковой улыбкой узорчатую пиалу с волшебным белым нектаром. А как красивы и раздолжны народные башкирские праздники!

На комбинате все складывалось хорошо: работа, окружение, досуг. Друзья брата даже пытались подобрать мне жену, чтобы я мог осесть, распластавшись корнями по земле Башкирии. Но о женитьбе я в то время и думать не хотел. И не потому, что мне нравилась холостая жизнь. Я боялся ошибиться, недобрать чего-то, неосмотрительно выбрав подружку жизни, как это часто случается с молодыми людьми, бездумно подходящими к этому важному жизненному акту. Ко мне в общежитие часто заходил начальник горного участка, жена которого работала учительницей. Не знаю, что уж там у них произошло, но он как-то сказал: «Если бы мне пришлось жениться сейчас, я не посмотрел бы на ее красоту, — при этом на его скулах играли желваки, показывая степень его негодования и расстройства, — а поехал бы к ней домой, к ее родителям, посмотрел, как они живут, какой в доме порядок, кто готовит обед, стирает, убирает комнату. А у этой учительницы, — он кивал в сторону своего дома, — даже уче-

нические тетрадки все в пятнах! Кругом грязь. Домой идти не хочется».

Его слова глубоко запали мне в душу. Чем больше человек любит свою жену, тем меньше он о ней рассказывает даже самому близкому другу. А здесь такое обнажение души! Видно, наболело. Мне казалось, что над этой семьей уже нависала штормовая опасность, причиной которой бывают обманутые надежды. Я решительно объявил тогда, что женюсь только на девятнадцатилетней девушке, у которой, естественно, еще не будет высшего образования, а после создания семьи мы совместно добьемся успехов и в ее учебе.

Работая на комбинате, я с лихвой наездился по командировкам, повидал другие края, узнал, как живут другие коллективы. За производственными проблемами забывалось все: и отсутствие жилья, и нехватка денег, и неорганизованный быт. В целом, я был доволен своей жизнью. Вдруг пришло письмо от мамы. Оказывается, она перенесла операцию, одной справляться с хозяйством стало трудно. Мы с братом Александром стали думать, что делать, и решили, что к маме надо ехать мне.

— Когда устроишься, обживешься, — сказал Александр, — вернусь на Кавказ и я со своей семьей.

К этому времени он уже прожил на Урале шесть лет, имел троих детей.

Я подал заявление в Совет народного хозяйства Башкирии с просьбой о переводе на Северный Кавказ. И это было весьма кстати. Меня давно грызла тоска по родным местам. Слушая по радио хорошо знакомые мелодии песен и танцев народов Кавказа, я переносился в мир детства, на Малку, где все было мое: вода, воздух, травы. Меня манили к себе тропы, паутиной бегущие вдоль Кизилки, дороги Кабарды, вьющиеся серпантинном по северному склону Большого Кавказа. Неумолимая тяга к родным с детства местам с каждым днем становилась все сильнее. Сообщение о состоянии мамы после операции было тем самым последним импульсом, побудившим меня к практическим действиям. Выполняя сыновний долг, я с чувством потери и тревоги расставался с городом Сибай, ставшим для меня дорогим. Пронзительной струной зазвенел мотив одиночества. Он всегда настигает человека в момент очередного прощания с коллективом, с которым сработался.

...Шел 1960 год. Завершался перевод рабочих и служащих народного хозяйства СССР на семи- и шестичасовой рабочий день. Сокращение рабочего дня, подчеркивала газета «Правда» 3 мая 1960 года, осуществлялось без уменьшения заработной платы рабочих и служащих. Этот факт преподносился как величайшее завоевание советского народа, отражающее коренные преимущества социалистического общества. Казалось бы, только жить да радоваться. Да, видать, не суждено простому народу жить спокойно на Руси. Как, впрочем, и в других тридевятых царствах-

государствах. «Африка, Куба, Южная Америка, Европа, Азия, Ближний Восток, — писал известный американский писатель, — все дрожало от беспокойства, точно скаковая лошадь перед тем, как взять барьер».

В нашей стране этот барьер был выстроен в виде лозунга «Догнать и перегнать Америку!», провозглашенного Хрущевым после визита в США, состоявшегося в сентябре 1959 года по приглашению тогдашнего американского президента Эйзенхауэра. Этот смелый лозунг поселял в сознании миллионов советских людей предположение о том, что мы — сами с усами, коль осмеливаемся соревноваться с заокеанским соперником. Одновременно он перед каждым из нас выдвигал задачу — неустанно следить за любыми телодвижениями американцев. От нашего ревнивого внимания не должно было ускользнуть ни одно их действие, в какой бы области оно ни предпринималось. Советская пресса незамедлительно сообщала о появлении в США новых образцов вооружения и боевой техники, об очередном американском прорыве в космос, о художественных фильмах, образцах моды, даже музыкальных произведениях.

Чем закончилась эта жизнь с повернутой на Запад головой, сегодня объяснить не надо. А тогда она не вела ни к чему, кроме обострения советско-американского противостояния. Тем более что США сами дали повод, запустив на «первомайскую прогулку» по воздушному пространству СССР свой самолет-шпион «Локхид У-2», за штурвалом которого сидел 30-летний пилот секретного подразделения «10-10» ЦРУ США Фрэнсис Гарри Пауэрс. Самолет, начиненный специальным разведывательным оборудованием, был сбит в районе Свердловска (Екатеринбург). Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона надолго приковал к себе внимание как внутри нашей страны, так и далеко за ее пределами.

Через 17 лет (я уже работал в Москве) Пауэрс, оставшийся в живых после прямого попадания советской ракеты, погиб в авиакатастрофе, случившейся при довольно странных обстоятельствах. Ничего не осталось от человека, сыгравшего роль разменной пешки в советско-американской схватке за мировое лидерство. Разве что цинковка, сплетенная во Владимирском центре, тюремная мыльница, мочалка да чемодан, с которым приехал из СССР.

В октябре 1960 года я вернулся в Ставрополье. Из аэропорта Кавказских Минеральных Вод я добрался через Пятигорск до станицы Марьинской, обнял маму, увидел вновь родимый двор. А через сутки уже сидел в приемной Ставропольского совнархоза, возглавляемого опальным Николаем Александровичем Булганиным.

Такие своеобразные органы управления, как Советы народного хозяйства (СНХ), были образованы в 1957 году — после упразднения Хру-

щевым почти всех отраслевых министерств в промышленности и строительстве — десяти союзных и пятнадцати союзно-республиканских. Вместо министерств для управления промышленностью были созданы совнархозы в экономических районах, каждый из которых включал одну область. Всего было создано сто совнархозов, в том числе семьдесят — в РСФСР. Однако подобное управление оказалось неэффективным, и уже в 1962 году были воссозданы строительные министерства, а в 1965 году, после падения Хрущева, — и промышленные. Тем не менее за период своего недолгого существования совнархозы дали определенный толчок развитию производительных сил, базировавшихся на внутренних ресурсах административных районов. Стержнем их развития, несомненно, являлась энергетика.

Ставрополье считалось традиционным поставщиком государственных и партийных кадров для высших эшелонов власти Советского Союза. Отсюда в Кремль пришли Михаил Андреевич Сулов (первый секретарь Ставропольского крайкома ВКП (б) в 1939–1944 гг.), Юрий Владимирович Андропов (родился на станции Нагутская), Федор Давыдович Кулаков (первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС в 1960–1964 гг.), Михаил Сергеевич Горбачев (родился в селе Привольном). А сюда «на исправительные работы» обычно направляли вольнолюбивых офицеров царской армии, начиная с М. Ю. Лермонтова, беглых крестьян из центральной России, расказаченных казаков Кубанского казачьего войска, нарушителей закона — вообще неугодных режиму персон. Так, в одно из первых русских селений в степном Предкавказье — Солдато-Александровское, основанное в 1778 году на реке Куме отставными солдатами, правительство этапировало ссыльных женщин, и уже через 15 лет в селе проживало более полутысячи отставных солдат с семьями.

Я возвращался в Ставропольский край, не отягощенный ни расслабляющими волю мыслями о карьерном росте, ни гнетущими ощущениями от вынужденного пребывания в забытом медвежьем углу. Это была моя земля — и ничто не мешало мне чувствовать себя бодро и вдохновенно. На моей родине с большим размахом велись работы по расширению сельскохозяйственных площадей, засеваемых кукурузой. Всюду рекламировался хлеб из кукурузной муки. Читая в самолете какую-то рекламную статью о полезности продуктов, сделанных из кукурузы, я бормотал себе под нос одну непочтительную эпиграмму, написанную, несомненно, очень остроумным человеком:

Почти картина от Матисса:
Хрущев Никита, хитрый кот,
Хвалил лепешки из маиса,
Но ел говяжий антрекот!

Со мной побеседовали в управлении главного механика и энергетика Ставропольского совнархоза и предложили остаться у них на должности энергетика — второго по значимости должностного лица после главного энергетика. О квартире сказали как-то вскользь, предложив на первый случай гостиницу или общежитие. Не раздумывая ни одной минуты, я согласился и тут же написал заявление о приеме на работу. Бумагу визи- ровали главный механик — начальник управления и главный энергетик. Спросили, когда я смогу приступить к работе.

— Через неделю! — решительно ответил я.

Возвращаясь в Марьинскую за вещами, я решил по пути найти в Пятигорске Геннадия Удовенчика, который работал инженером в Пятигорском карьероуправлении. Можете себе представить, сколько киловатт энергии мы выплеснули в атмосферу, когда схватили друг друга в крепкие объятия! Радости от встречи не было предела. Вспомнили институт, первые дни становления на производстве, общих знакомых. От Геннадия я узнал, что в Пятигорске находится одно довольно интересное предприятие, где можно было бы попробовать свои силы, — Ставропольский энергокомбинат.

Утром следующего дня я направился туда. В отделе кадров меня встретила приятная во всех отношениях дама — Нина Семеновна Видюкова. У нее была прямо-таки героическая биография. С 1934 года Нина Семеновна работала на строительстве Баксанской ГЭС. В составе комсомольско-молодежной бригады она участвовала в прокладке тоннелей и деривационного канала, не чуралась никакой работы. В 1939 году, заняв должность экономиста, Видюкова одновременно возглавила комсомольскую организацию Баксанской ГЭС. По возвращении из эвакуации в начале 1943 года Нина Семеновна стала начальником отдела кадров.

Нина Семеновна сразу загорелась желанием помочь земляку и повела меня к своему мужу, Вячеславу Ивановичу Баранову — начальнику службы релейной защиты автоматики, измерений и телемеханики. Это был полковник запаса, связист, фронтовик. Он поговорил со мной на профессиональные темы в присутствии своего заместителя Бориса Тимофеевича Грызлова и старшего инженера Александра Быхалова. Я сообщил, что намерен попытаться свое счастье в управлении главного механика и энергетика Ставропольского совнархоза. Когда мои собеседники услышали об этом, они в один голос стали убеждать меня, что молодому инженеру никогда не шла на пользу кабинетная, бумажная работа, пусть даже в вышестоящей инстанции. Одним словом, уговорили.

Тогда я еще не мог понять и оценить значимости предложенной работы, позволившей мне в дальнейшем стать активным участником создания крупнейшей на Северном Кавказе Ставропольской энергосистемы.

Глава 11

РЭУ Ставропольэнерго

Ставропольский энергокомбинат ранее назывался Баксанским, по имени своей основной электростанции — Баксанской ГЭС, построенной по плану ГОЭЛРО в 1936 году, в один год и месяц моего рождения. Параллельно с Баксанской ГЭС, через сети 110 и 35 кВ, работала Кисловодская ТЭЦ. После перевода руководства Баксанского энергокомбината в город Пятигорск, по месту расположения центральной подстанции «Машук», управления электросетями и центрального диспетчерского пункта, комбинату передали две ставропольские гидроэлектростанции: Свистухинскую и Сенгилеевскую. После этого по решению Ставропольского совнархоза комбинат стал называться Ставропольским.

Уже на другой день, облеченный полномочиями инженера службы релейной защиты автоматики, измерений и телемеханики, я с Александром Быхаловым выехал в город Невинномысск для проведения пусконаладочных работ на строившейся там тепловой электростанции. Там нас встретил инженер нашей службы Виктор Климчук. В этом маленьком дружном коллективе на Невинномысской ТЭЦ и началась моя деятельность на новом месте.

Город Невинномысск был основан в 1825 году как станица при одноименном укреплении. Он удален к югу от Ставрополя на расстояние чуть более 60 километров, раскинувшись в том месте Ставропольской возвышенности, где река Большой Зеленчук впадает в реку Кубань. Отсюда начинается Невинномысский канал, подающий воду в реку Егорлык. Название города восходит к легенде, согласно которой на мысе, образованном изгибом реки, горцы расправились с невинными женщинами и детьми, угнанными из соседних селений.

Когда я приехал в Невинномысск, он, как и все другие города того периода, представлял собой огромную строительную площадку. На месте бывшей Невинномысской станицы вставал новый город, вырастали многоэтажные дома, рождались новые улицы. Полным ходом шло строительство крупного химического комбината, завода автомобильных шин, завода электроприборов и других важных объектов.

Первоначально Невинномысская ТЭЦ проектировалась и строилась для покрытия потребности в паре и электроэнергии Невинномысского химкомбината. Строилась она одновременно с комбинатом и входила в его состав в качестве энергоцеха. На Невинномысской ТЭЦ монтировались две машины ВПТ-25, одна ВПТ-60 и одна противодавленческая машина мощностью 50 МВт. В июле 1960 года Невинномысская ТЭЦ была переименована в ГРЭС и передана в ведение Ставропольского энергокомбината.

На плечи нашего маленького коллектива легло выполнение пусконаладочных работ, завершающих и закрепляющих успех многотысячного коллектива энергостроителей, монтажников и эксплуатационников. Наша бригада завершила наладку первого турбоагрегата — ВПТ-25, пусконаладку ячеек всех вновь смонтированных, отходивших от строявшейся Невинномысской ТЭЦ, высоковольтных линий электропередачи 110 кВ. На наших глазах и с нашим участием рождалась одна из крупнейших на Северном Кавказе тепловая электростанция.

С большой теплотой вспоминаю моих коллег: Александра Быхалова и Виктора Климчука. Ребята были старше меня: Александр — на три, а Виктор — на два года. Оба закончили факультеты электромеханики в институтах железнодорожного транспорта: Александр — в московском, а Виктор — в ростовском. Это были высококвалифицированные инженеры, прирожденные релейщики и добросовестные работники. Большие специалисты своего дела, они гордились своей профессией, обладали огромным терпением и трудолюбием. Они никогда не бросали ни одну защиту, автоматику или цепь измерения, не выяснив до мельчайших подробностей причины имеющихся отклонений. «Никакая работа не может быть сделана хорошо без здоровой веры и чистых рук». Эти слова, сказанные еще до Рождества Христова римским архитектором и инженером Марком Витрувием, характеризуют отношение моих друзей к порученному делу: все делать точно, своевременно, добросовестно и как можно лучше.

Нас сдружила работа. Между нами царил такое удивительное взаимопонимание, основанное на общности взглядов и целей, что я слился в единое целое со своими друзьями, и это позволило мне стать релейщиком их уровня. Но все же мы были совсем разными. Александр был специалистом высочайшего класса, проявлял склонности к научной работе. Добродушный, скромный, мягкий по характеру Александр был, если можно так выразиться, «ведомый». Даже в партию он вступал под нажимом начальника службы Вячеслава Ивановича. Когда я стал главным инженером предприятия Кавминэнерго, Быхалов работал начальником службы релейной защиты в моем подчинении.

Несколько лет тому назад ушел из жизни Виктор. Это человек сильной воли, иронического склада характера, отменный релейщик, мастер на все руки. В КПСС он так и не вступил, остался верным каким-то своим, наверное продиктованным сверху, принципам. Ведь человеческие поступки направляют чрезвычайно тонкие инструменты, заложенные в клетках организма, в химических свойствах этих клеток, и никто не может быть судьей нашего персонального выбора, если он не вредит другому человеку.

В декабре 1960 года были завершены работы по строительству и вводу в эксплуатацию линии электропередачи Невинномысская ГРЭС — подстанция «Машук» в габаритах 330 кВ при рабочем напряжении в 110 кВ. Строители и монтажники затаили тогда устранение недоделок и передали линию под наладку только 29 декабря. Мы двое суток не покидали рабочих мест — ячеек и панелей защит и управления этой высоковольтной линии. 31 декабря, за четыре часа до Нового года, на линию было подано напряжение. Тем самым была синхронизирована работа ставропольско-краснодарско-ростовской части энергосистемы с южной частью, бывшим Баксанским энергокомбинатом и энергосистемой Севкавказэнерго.

Так родилась Ставропольская энергосистема, а вместе с ней и объединенная энергосистема Северного Кавказа. Это было знаменательное событие. Приехало все начальство. На зубах, если можно так выразиться, еще скрипела не осевшая строительная пыль. Я стоял около щита управления и, фиксируя, какую реактивную мощность генерирует вновь включенная на напряжение 110 кВ ЛЭП в габаритах 330 кВ, обменивался данными по телефону с Виктором Климчуком, находившимся на противоположном конце линии — на подстанции «Машук».

Увидев меня, главный энергетик Ставропольского совнархоза напомнил:

— Так ведь твоя должность в совнархозе до сих пор свободна!

Я пожал плечами:

— А я вот устроился релейщиком центральной службы релейной защиты автоматики, измерений и телемеханики.

— Ну, ты даешь! — главный энергетик совнархоза похлопал меня по плечу. — Молодец, ничего не скажешь! Здесь что, лучше?

— Конечно, лучше, — осмелел я. — Здесь жизнь, первая машина, первая синхронизация. Это же история!

Настоящим специалистом, понял я при завершении работ на Невинномысской ТЭЦ, становишься лишь тогда, когда своими руками снимаешь диаграммы, чувствуешь всем нутром каждое реле, понимаешь характер потокораспределения. Говорят, что парашютист до самой

глубокой старости помнит свой, захватывающий дух, первый прыжок, неопишное состояние восторга при виде распахнувшегося над головой спасительного купола, изумительного по красоте прозрачного воздушного океана, как бы опрокинутого на земной ландшафт.

Осознавая свою роль в общем деле, я гордился своей профессией. Она была воспета древнегреческим поэтом Гесиодом в сочинении «Теогония», где повествуется о провидце Прометее, доставившем людям огонь. Много раз пересказанная красивая легенда сегодня известна, пожалуй, каждому. Подвиг Прометея воспет в веках всеми народами. Вот уж про кого действительно не скажешь, что он «пожал удел посмертного бесславья»! Потому что донести тепло и свет в дома людей — это и теперь считается не самым легким по исполнению из всех человеческих деяний.

Тепло и свет проникали не только в дома, но и в души людей, живших в заманчивый, иллюзорный период, названный периодом «всеобщего обольщения». В 1959 году состоялся внеочередной XXI съезд КПСС, который констатировал, что социализм в СССР одержал полную и окончательную победу, а поэтому Советскому Союзу осталось только развернутым строем двигаться в сторону райского общественного уклада, известного человечеству под термином «коммунизм». Логическим развитием идей предыдущего съезда стал XXII съезд КПСС, состоявшийся в октябре 1961 года. На XXII съезде была утверждена новая Программа КПСС, нацеленная на построение коммунизма. Выступая на съезде, Хрущев заявил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Страна переживала эйфорию «оттепели». Наступившая после XX съезда КПСС и разоблачения так называемой «антипартийной группы» в составе В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова и прикнявшего к ним Д. Т. Шепилова, эта «оттепель» создавала иллюзию невозможности возврата к прошлому, порождала надежды на лучшее будущее. В то же время, нацеленность на повышение уровня жизни, на демократизацию общества, на перерастание государственного управления в общественное самоуправление поднимала экономическую и политическую активность широких слоев народа.

После пуска на Невинномысской ТЭЦ первого генератора в 1960 году стало очевидно, что ее проектной мощности (260 МВт) недостаточно для покрытия дефицита электроэнергии в Ставропольском крае. Покрыть этот дефицит можно было лишь соответствующим приростом генерирующих мощностей. Тогда было принято решение: увеличить мощность ТЭЦ путем установки конденсационного оборудования (6 блоков по 150 МВт). Так ТЭЦ превратилась в ГРЭС. Первый блок 150 МВт был пущен 22 июля, а второй — 13 декабря 1964 года. Всего же до 1970 года было

смонтировано шесть блоков, и установленная мощность Невинномысской ГРЭС достигла 1060 МВт. В 1972 году на ГРЭС была введена первая опытная парогазовая установка (ПГУ) мощностью 200 МВт. Последним был смонтирован и включен в работу противоаварийный турбоагрегат № 5 мощностью 100 МВт (на части ТЭЦ).

В настоящее время Невинномысская ГРЭС является одной из крупнейших электростанций РАО «ЕЭС России», которая стабильно поставляет электрическую энергию на федеральный оптовый рынок и снабжает тепловой энергией промышленно-коммунальных потребителей города Невинномысска. Установленная электрическая и тепловая мощности Невинномысской ГРЭС составляют соответственно 1270 МВт и 910 Гкал/час, что ставит электростанцию в разряд объектов федерального значения (второе место после Новочеркасской ГРЭС) и отводит ей важную роль в энергосистеме Северного Кавказа.

Служба релейной защиты Ставропольэнерго работала динамично и целеустремленно. Нас не удивляли и не заставляли врасплох постоянные, сроком от одной до трех недель, командировки по объектам энергосистемы, скрупулезная обработка в Пятигорске собранных материалов и подготовка необходимых расчетов по релейной защите и системной противоаварийной автоматике. Мы чувствовали себя трудолюбивыми дехканами, которые ежедневно мотыжат свой клочок земли, где все им знакомо до отдельного комочка и тоненькой былинки, где с каждым новым шагом открываются новые, неизвестные ранее, характеристики обрабатываемой нивы...

В зону обслуживания Ставропольской энергосистемы, помимо Ставропольского края, входили Карачаево-Черкесская автономная область, Кабардино-Балкарская и Калмыцкая АССР. В этом обширном регионе, как и на всех необъятных просторах Советского Союза, осуществлялся Государственный план электрификации сельского хозяйства, шла неустанная работа по строительству электрических сетей с подстанциями.

С каждым днем расширялся фронт нашего участия в общих делах и свершениях. Нам приходилось вплотную заниматься наладкой и переводом на напряжение 110 кВ оборудования на Свистухинской ГЭС, наладкой и подготовкой к пуску двух агрегатов по 15 МВт на Егорлыкской ГЭС, монтажом и наладкой средств телемеханики для телеуправления и телеизмерений Баксанской ГЭС и подстанцией «Нальчик» с пульта подстанции «Машук». Мне было жутко интересно осуществлять ввод в эксплуатацию систем телеуправления Свистухинской и Сенгилеевской ГЭС с подстанции «Западная — Ставрополь». Останавливаться не хотелось, да это и не позволяли ни ритм времени, ни производственная необходимость, ни собственное желание выполнить работу как можно качествен-

нее. Работать было легко. Каждый день был для меня полон ожидания чего-то значительного и радостного.

Помимо производственной деятельности, меня всегда привлекала и захватывала общественная работа. Тогда было просто принято проявлять себя на общественном поприще: во всех характеристиках общественная активность человека отмечалась особо и несла ключевой смысл. Она свидетельствовала о правильных жизненных устремлениях, нравственной полноценности, идеологическом соответствии. Но в моем стремлении к общественной работе не было заранее определенной цели, выверенных «за» и «против» — просто я без этого не мог полноценно жить и работать. Мне еще хотелось переворачивать горы, если они стояли на моем пути, и изменять русла рек, если по воле природы они текли не в том направлении.

В 1960-е годы ряды ВЛКСМ еще не были заражены прагматическим карьеризмом, а искреннюю убежденность в правильности социалистического пути еще не сменила тяга к заграничным вещам и путевкам, которая проникла в молодежную среду спустя десятилетие. Комсомол был племенем молодым, здоровым, горячим и вполне управляемым. Я ничуть не раскаиваюсь в своей принадлежности к этому племени, о чем свидетельствуют сорок семь лет, осмысленно прожитых мною после вступления на комсомольскую стезю.

В конце 1960 года меня избрали секретарем комсомольской организации Ставропольэнерго, насчитывавшей около двадцати пяти комсомольцев. Ранее эта организация была не на лучшем счету: ее критиковали везде и всюду. Но спустя некоторое время ситуация изменилась, и наша организация стала одной из лучших. Вскоре меня избрали членом бюро Пятигорского городского комитета ВЛКСМ, а в 1962 году — членом бюро и внештатным секретарем горкома ВЛКСМ. Я стал своим человеком в краевой и городской комсомольских организациях, в коллективе РЭУ Ставропольэнерго. У меня появились новые друзья среди секретарей и членов бюро горкома, первичных организаций ВЛКСМ. Мы бережно храним ростки дружбы, возвращенные на комсомольской ниве. Долина памяти, где уже не одно десятилетие эти ростки дают буйные побеги, никогда не покрывается туманом.

Особое место в моей памяти занимает первый секретарь Пятигорского горкома ВЛКСМ Борис Кудряшов, выпускник Пятигорского фармацевтического института. Когда мы познакомились, он был уже пять лет как женат, имел дочь. Природа, стремящаяся к совершенству, всегда находит, в ком выплеснуться искрометным фонтаном, удивляющим всех вокруг. Таким был Борис. Будучи интеллигентным до мозга костей, он любил пофилософствовать, но при этом не выглядел занудой и крючко-

твором. Он умел говорить с каким-то особенным, притягательным юмором, вызывая порой напускное недовольство своей половиной. Смешные ситуации, в которые Борис часто попадал, помогали нам лучше разглядеть искрящиеся грани его личности, живую динамику его настроений и чувств. Он был честным и прямолинейным человеком. Правда, прямолинейность часто мешала ему устанавливать взаимоотношения с вышестоящим комсомольским начальством. Кудряшов так и остался для меня неразгаданной до конца персоной.

Все должности в Пятигорском городском комитете (вплоть до первого секретаря) прошел другой близкий мне человек — Михаил Давидович Соляр, толковый организатор, глубокий психолог и милый товарищ. Он окончил Пятигорский государственный педагогический институт по специальности русский язык, литература и история. Вместе с мамой, работавшей санитаркой в санатории, Миша жил в Кисловодске в неказистом подвальном помещении. У него дома было трудно и двоим развернуться, но нас, молодых, еще неженатых ребят почему-то тянуло к нему. Там нас всегда ждали. Его мама, обыкновенная работающая женщина, могла принять нас в любое время суток, накормить, напоить, да еще и согреть теплым словом.

Как-то раз Миша Соляр, уже в должности первого секретаря Пятигорского горкома ВЛКСМ, предложил мне поехать вместе с ним в Сочи «по комсомольским делам». Мне было невдомек, зачем я ему понадобился, но когда он пригласил меня в Adlerский ресторан — все стало ясно. Миша заказал себе водки, а мне — стакан сметаны. Я удивился: Миша спиртного не употреблял. Заметив мое недоумение, он засмеялся и объявил, что это — его последнее холостяцкое путешествие. «Я решил жениться!» — выпалил он. Я знал объект его воздыханий. Это была Мила Бобошко, его «комсомольская» любовь. Они познакомились на каком-то комсомольском мероприятии, два года дружили, терпеливо ожидая друг друга с бесконечных собраний, заседаний и комиссий. Кто медленно запрягает, давно сделали вывод наши крестьянские предки, тот быстро едет. Их свадьба, помню, стала настоящим городским событием. На ней присутствовало все руководство горкома партии, комсомола, горисполкома. Мне была доверена высокая честь быть на этой свадьбе тамадой. К сожалению, Милы уже нет, но есть дочь Алена, кандидат экономических наук, доцент.

Естественно, рядом со мной постоянно был Удовенчик — как друг и как секретарь комсомольской организации Пятигорского карьероуправления и член Пятигорского горкома комсомола. Мы с ним сначала снимали комнату в Горячеводской станице, а потом переехали в город, к родственникам Геннадия, участникам партизанского движения в Бело-

русии — трюродному дяде Николаю Пашкову и его жене, тете Фросе. Эта чудесная супружеская пара всей своей жизнью доказала, что простому народу все по плечу. Пройдя через трудности войны и послевоенной разрухи, чета Пашковых сохранила доброе отношение к людям и отзывчивость.

Вторым нашим домом был Пятигорский горком комсомола. Здесь собрались энергичные, инициативные, по-настоящему талантливые ребята. Мы тянулись друг к другу, все знаменательные даты отмечали вместе. Казалось, для нас не существовало ничего невыполнимого. Если на бюро возникал, к примеру, вопрос о необходимости проведения какой-нибудь встречи да еще с концертной программой, а на подготовку оставалось всего два часа, то на ноги поднималась вся молодежная рать, приводились к бою скрытые резервы, объявлялась всеобщая мобилизация под лозунгом «Все — в артисты!». Геннадий Удовенчик, Борис Нагорный и я составляли, как правило, вокальное трио. Мы исполняли комсомольские и лирические песни, в том числе и собственного сочинения, теперь мало кому известные.

Песни рождались из глубины наших молодых сердец. Сочинили мы песню и о Пятигорске. К сожалению, из нашего окружения ее помнят сейчас всего лишь несколько человек. Не знаю, какую оценку этой песне дадут специалисты, но мы ее писали от всей души, а после пели вдохновенно и с большой любовью.

Стремясь к объединению молодежи города и привлечению ее к интересным делам, Пятигорский горком партии по инициативе горкома ВЛКСМ создал под моим председательством специальную комиссию. В ее задачу входила организация досуга молодежи в предвыходные и выходные дни, проведение различных мероприятий, включая посещение театров, кинотеатров, клубов, парков, стадионов и музеев. На каждом объекте культуры и досуга мы ввели должности заместителей директоров по работе с молодежью. Было создано молодежное кафе, в которое потянулись юноши и девушки.

На краевом уровне у меня сложились хорошие отношения с первым секретарем сельского крайкома ВЛКСМ Валентином Василенко и первым секретарем промышленного крайкома ВЛКСМ Виктором Казначеевым. Талантливый организатор молодежи, Виктор Алексеевич Казначеев прошел большую школу партийной и административной работы, начав трудовую деятельность с 16-летнего возраста. В 1958 году он окончил Ставропольский педагогический институт, а в 1967 году — Ростовский институт народного хозяйства по специальности «Экономика промышленности» (заочно). С 1963 по 1970 годы, после объединения сельского и промышленного крайкомов комсомола, Виктор Алексеевич

работал первым секретарем Ставропольского крайкома ВЛКСМ. В его послужном списке — должности руководителя Пятигорского и Ставропольского горкомов КПСС, второго секретаря Ставропольского крайкома КПСС, министра социального обеспечения РСФСР.

За свою многолетнюю практику мне пришлось общаться со многими партийными и комсомольскими руководителями. От иного уже издали веет вождизмом, он держит других на расстоянии, отгораживается от «чужаков». Беседуя с таким деятелем, чувствуешь, как он отдаляет тебя за черту, переступить которую нельзя. Под руководством Виктора Алексеевича работать было интересно. В нем доброта и человеческая теплота уживались с жесткостью и требовательностью.

Казначеев был свободен от идеологической зашоренности, чурался заскорузлости и формализма, не допускал образования кланов, разъедающих живой партийный организм. Он — один из тех, кто любит кипучую жизнь и не щадит себя ради любимого дела. Он как бы доказывал, что мы живем в очень динамичное время, когда на глазах меняется характер ценностей. Что было перспективным вчера, сегодня уже не имеет права на существование.

Пятигорская городская комсомольская организация была опорной организацией края. Я думаю, глубокий след в памяти многих оставили проводившиеся здесь по инициативе крайкома ВЛКСМ праздники молодежи под девизом «Слава труду». Передовики и активисты районных комсомольских организаций города выезжали в Домбай и Архыз на смотры трудовой деятельности молодежи за год. Мы проводили спортивные соревнования, смотры художественной самодеятельности, туристические походы. На одном из праздников мне пришлось от имени молодых энергетиков выступить с докладом о трудовом подарке к празднику — досрочном вводе агрегатов Егорлыкской ГЭС. Всегда первое или второе место среди коллективов, принимавших участие в праздничных смотрах, занимала пятигорская делегация.

В 1962 году я вступил в партию. Это было продуманным решением. При этом мне никогда не приходило в голову объяснять мотивы своего вступления в КПСС фразами о необходимости такого решения для благополучного служебного роста или другими причинами. Я не посыпал голову пеплом даже после 1991 года — не в пример некоторым так называемым «демократам», сначала выстроившим карьеру под партийной «крышей», а потом исхлеставшим свою альма-матер и вдоль и поперек. В моей голове будто бы кто-то установил реле, не пропускающее сигналы, способные ревизовать решение, принятое сорок пять лет назад в совершенно другой социально-политической обстановке, можно сказать, в другой цивилизации...

Глава 12

«Баксанская команда»

После смерти Александра Ипполитовича Дерюгина обязанности руководителя РЭУ Ставропольэнерго временно возложили на главного инженера Василия Ивановича Лазарева. Как и многие мои старшие коллеги, он пришел с Баксанской ГЭС, где руководил релейной службой.

Прошедший «баксанскую школу», Василий Иванович Лазарев предложил мне перейти на должность старшего инженера по борьбе с авариями, по эксплуатации и технике безопасности. Помимо основной работы, связанной с предотвращением аварий и недопущением травматизма, мне поручали и другие участки. Мне пришлось неоднократно выезжать в Элисту (Калмыкия), где я занимался обеспечением строительства линий электропередачи 110 кВ и подстанции, а также в Черкесск (Карачаево-Черкесия) — для осуществления комплекса мер по вводу районной подстанции. В этот период мне вплотную пришлось заниматься системообразующими линиями 110 и 330 кВ, а также ликвидацией на этих линиях гололедных аварийных отключений, что заставило меня уже в то время начать научные исследования по этой теме.

Для этого мне пришлось изменить специальность и переквалифицироваться на инженера-электрика — специалиста по обслуживанию электрических станций, сетей и систем. Квалификационные экзамены по специальным дисциплинам я сдавал в Новочеркасском политехническом институте (НПИ) имени Серго Орджоникидзе (с 1999 г. — Южно-Российский государственный технический университет). Он был основан в Варшаве, а в 1907 году переведен в Новочеркасск как Донской политехнический институт. В октябре 1957 года вуз был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1996 году стены прославленного НПИ стали свидетелями церемонии присвоения мне звания «Почетный профессор», вследствие чего я оказался в одном ряду с двумя иностранными учеными, получившими это звание раньше.

Людские сообщества, как и отдельные люди, проходят через периоды здоровья и болезней, могут находиться в состоянии молодости и старческого заката, питать надежды на лучшее, испытывать радость успеха

и огорчаться от неудач. Поначалу мне показалось, что РЭУ Ставропольэнерго — это спаянный, почти семейный коллектив, где все работники — порядочные, зрелые люди, имеющие правильное представление о чести и достоинстве. На самом же деле все в нем было запутанно и непонятно. Казалось, что если не все, то многие были связаны невидимыми узами каких-то тайных взаимных обязательств. Объединенные не очень благими намерениями, они рано или поздно сцеплялись в открытых или подвоверных схватках. Управление было похоже на курятник, где каждая курица доказывала другой, что именно она снесла земной шар.

Достаточно сказать, что в коллективе работали и плели свои тенеты жены почти всех руководителей энергокомбината, в том числе главного инженера Василия Ивановича Лазарева и заместителя управляющего по капитальному строительству Ивана Михайловича Самущенко, отношения между которыми были далеко от формальных.

Особенно осложняли обстановку методы руководства заместителя управляющего РЭУ по капитальному строительству Ивана Михайловича Самущенко, которому фактически принадлежала вся полнота власти, поскольку он одновременно был и директором Баксанской ГЭС. Он руководил огромным предприятием так, как пишет музыку не устоявшийся в своих пристрастиях композитор. Указания Ивана Михайловича страдали тенденциозностью и отличались только ему присущей логикой. Службы и отделы РЭУ, чувствуя разноречивость в руководстве, вели себя, как лебедь, рак и щука из известной басни. Начальники ловили свою рыбку в общем мутном пруду, а подчиненные делали, что хотели, — себе на пользу, делу во вред.

Выстраивая свой жизненный и служебный ритм в удобной амплитуде, все делали вид, что их ничего не касается. И это напоминало огромную сцену в китайском театре теней, по которой, шушукаясь между собой и невпопад жестикулируя, скользили, сходились, расходились и исчезали искривленные тени. Только пристально взглядевшись, начинаешь понимать, что в этой ситуации выигрывает кто-то один, а остальные, как статисты в плохом фильме, в лучшем случае получают бесплатные талоны на комплексный обед. Эта обстановка разобщенности, когда все течет по воле волн, при полной бесконтрольности, меня не удовлетворяла. Хотелось чистого воздуха, открытых и бескорыстных отношений.

Символом такой чистоты для каждого советского человека был космос. Я, как ребенок, радовался каждому запуску очередного аппарата, внимательно следил за сообщениями. Но день 12 апреля 1961 года по своей эмоциональной наполненности превзошел все тогдашние государственные праздники. Меня наполняло чувство безмерного счастья, что землянин, гражданин Советского Союза, вырвался в безбрежные

просторы Вселенной. Ликованию народов планеты, казалось, не будет конца. Перед широкой улыбкой Ю. А. Гагарина уходили на задний план все житейские проблемы, а имя его стало известным всему миру. С этого времени каждый космонавт искренне воспринимался как идеальный человек, наделенный невероятным сочетанием качеств. Полет в космос был родствен походу за «золотым руном».

В 1962 году разразился международный «карибский кризис». Мир, как никогда, близко стоял к своему уничтожению, счет велся буквально по секундам. На всех предприятиях Советского Союза проводились собрания общественности с осуждением агрессивных действий американского империализма против кубинской революции. Тогда защитить Кубу удалось только потому, что сначала наши ракеты были туда доставлены, а затем оттуда выведены – в обмен на отказ американского президента от планов вторжения на остров.

В том же году к нам из Калининграда прибыл новый управляющий Ставропольэнерго Александр Петрович Кустов, работавший там управляющим энергосистемой со времени окончания Великой Отечественной войны. Это был опытный хозяйственный руководитель, каким-то чудом сумевший выжить в расстрельные 1930-е. В свои 56 лет — он родился в 1906 году — Александр Петрович выделялся среди всех высоким ростом, какой-то аристократической выправкой, интеллигентностью. Видно было, что человек постоянно заботится о своем здоровье и внешнем виде. Он редко употреблял спиртное и совсем не курил. Кустов производил благоприятное впечатление уже одним тем, что никогда в разговоре с другими не повышал голоса. Его долгий, прямой, немигающий взгляд закономерно ассоциировался с уверенностью, властью, силой. За его плечами был огромный опыт работы с партийными органами и руководством Министерства энергетики и электрификации СССР. И было бы все хорошо, да вмешалась некая «злая» сила.

«Баксанская команда» во главе с Самуценко не приняла нового начальника, начала воздвигать баррикады, выжидая удобного случая для атаки. Высокообразованный инженер-релейщик Лазарев, знавший в гидроэнергетике все углы и закоулки, благоразумно отмежевался от крайних точек зрения и занял нейтральную позицию. Сугубо технический специалист, он в течение двух лет исполнял обязанности управляющего и сейчас не претендовал на эту хлопотную должность. К тому же Василий Иванович был мягким человеком и не обладал той необходимой любому руководителю хваткой, которая бы обеспечивала условия для удержания коллектива в жестких дисциплинарных рамках.

На первых порах я был мало знаком с особенностями управленческой кухни, на которой уже заваривалась каша по перераспределению, если

выражаться дипломатическим языком, сфер влияния. Рецепт варева никому не был известен, компоненты блюда подбирались в соответствии с пристрастиями владельцев неведомых мне кабинетов. Ясно было одно: любая «баксанская» трапеза могла легко превратиться в тризну.

Скоро «баксанцам» представился случай показать свое «мастерство». На отчетно-выборном партийном собрании лидеры группировки выступили с жесточайшей критикой нового управляющего. Согласно разработанному ими сценарию, они намеревались возбудить недоверие большинства коммунистов к своему руководителю, «прокатить» Кустова при избрании его членом парткома РЭУ Ставропольэнерго, а затем добиться освобождения от занимаемой должности. Есть вещи, не требующие объяснений. Мы ясно видим в них связь между причиной и следствием, они легко входят в привычный мир наших представлений и своей железной мотивацией не оставляют места для сомнений. Но иногда в длинной цепи причинных связей нам не хватает одного какого-то звена, которое помогло бы соединить края разорванной полосы. Так было и в тот раз.

Роль главного обвинителя на собрании узурпировал Самуценко. Взяв слово, Иван Михайлович предупредил, что сильно волнуется, поэтому будет читать свое выступление по заранее заготовленному тексту. Сбивчиво перечислив самые разные факты и фактики, он с плотоядной радостью акцентировал наше внимание на «главных недостатках» управляющего: «не прислушивается к мнению своих заместителей», «груб с подчиненными», «не вписался в коллектив». Не менее хлесткие обвинения содержались и в других выступлениях.

На Кустова словно вылили ушат грязи. После выступления каждого очередного коммуниста тучи над головой управляющего становились все чернее и чернее. Игра велась по-крупному. Собрание будто бы доказывало, что здесь под одним сводом собрались антагонисты, озабоченные не улучшением дел на своем участке и не предлагавшие ничего, чтобы эти дела поправить. Во всех недоработках виноватым был один — управляющий.

Я, конечно, понимал, что у каждой профессии есть свое надоедливое однообразие. Кому, как не кузнецу, ненавидеть свой молот. Люди устают от работы, даже от общения друг с другом, особенно если это общение вынужденное, неприятное. Чтобы разрядиться, они готовы на все, даже на самопожертвование, если им указать объект, на который следует направить свою негативную энергию. Но в данном случае все было похоже на грязную драку, когда на темной улице пьяные хулиганы вдохновенно избивают ногами случайно задевшего их прохожего. Мне показалось, что критиковавшим Александра Петровича было уже трудно удержаться, и они неслись под откос точно так же, как несется туда скоростной автомобиль, у которого внезапно отказали тормоза.

Я внимательно наблюдал за Кустовым. Казалось, что он должен был испытывать чувство человека, который, поднимаясь в темноте по шаткой лестнице, не знает, что ставит ногу на ступень, которой нет. Но Александр Петрович, словно разгадав намерения своих оппонентов, не ступешался, не спрятался в спасительную раковину обиды и не стал метать громы и молнии, как это сделал бы другой, менее мудрый руководитель.

Новый управляющий оказался не простым орешком. Он понял, что «баксанская команда» сколотила на собрании абсолютное большинство и держит козыри в своих руках. Достоинно выдержав лавину необъективных и беспочвенных обвинений, обрушившихся на него так же неожиданно, как ранней весной сходят снежные массы, накопившиеся в горах Большого Кавказа, он взял слово. Спокойным голосом Кустов выразил благодарность за критику и пообещал сделать из нее выводы.

— В первую очередь, — сказал он, оглядывая аудиторию взглядом уверенного в себе человека, — я, как справедливо настаивали многие коммунисты, принял решение еще больше усилить требовательность к каждому сотруднику, которую прошу не путать с грубостью и жесткостью. Между этими понятиями такая же зависимость, как между формой бутылки и вкусом коньяка.

Глядя на Александра Петровича, произносившего эти слова, было бы нелепо утверждать, что огонь, которому ничто не препятствует, не может сжечь дом. Кустов сделал паузу. Она длилась всего секунду, но за этот миг он, словно искусный шахматист, как мне показалось, успел обдумать все ходы, с помощью которых собирался перехитрить присутствовавших. В его глазах появился жесткий металлический блеск, а губы плотно сжались. Затем он произнес:

— А доброта, уважаемые коллеги, — не рукомойник в столовой, где позволено мыть руки каждому. Ее можно отдавать только тем, кто испытывает в ней нужду.

Когда наступила очередь обсудить фамилии кандидатов, вносимые в список для голосования по составу парткома РЭУ, Кустов с обезоруживающей искренностью попросил у собрания самоотвод. И мотив выдвинул совершенно убедительный.

— Являясь членом Пятигорского горкома КПСС, — сказал Александр Петрович, — я считаю, что партком управления Ставропольэнерго должен быть, во-первых, независимым от управляющего и, во-вторых, больше проявлять самостоятельности в усилиях по повышению эффективности работы аппарата РЭУ.

Речь управляющего произвела эффект разорвавшейся бомбы. Все увидели перед собой не мальчика для битья, а опытного мужа, великолепного стратега и мудрого философа. «Баксанцам» не удалось загнать

Кустова в лабиринт из красных флажков, туда, где маячила фигура бьющего без промаха охотника. Всем своим хладнокровным видом он словно бы говорил: «Это участь умных людей: большую часть жизни своей проводить с дураками, — а какая их бездна у нас!» Кустов выиграл бой местного значения, а вместе с ним выиграла энергетика Ставрополя.

В противовес «баксанской» группировке Кустов стал сколачивать свою команду, преимущественно делая ставку на молодежь. В этот период в состав Ставропольской энергосистемы как раз вливалась сельская энергетика, велись работы по созданию Ново-Троицких, Светлоградских, Прикумских, Кабардино-Балкарских, Карачаево-Черкесских, Восточных, Западных и Центральных электросетевых предприятий. Кавминводское предприятие электрических сетей, ранее входившее в Ставропольсельэнерго, теперь стало его структурным подразделением. В его состав из большой энергетики была переведена Кисловодская ТЭЦ.

Кустов ставил на эти предприятия руководителей с высшим образованием, как правило, из числа тридцатилетних инженеров, уже поработавших на определенных должностях в электроэнергетике. В дальнейшем они стали своеобразным кадровым ядром, вокруг которого происходило формирование руководящей элиты Ставропольской энергосистемы.

Ставропольэнерго была одной из многочисленных энергосистем страны, располагавших огромной системообразующей и распределительной сетью. Электрификация края шла большими темпами. Для этого нужны были высокоподготовленные специалисты, которые бы одновременно являлись руководителями и организаторами производства. В Центральные электрические сети пришли молодые и энергичные Анатолий Сергеевич Федотов и Иван Иванович Левченко, сменившие ветеранов Баксанского энергокомбината Григория Григорьевича Александрова и Шахно Абрамовича Бунина.

Энергетика Кабардино-Балкарской автономной республики и Карачаево-Черкесской автономной области была представлена своими предприятиями электрических сетей. В их организации приняли участие опытные специалисты, ранее работавшие в большой и сельской энергетике. Кабардино-Балкарское предприятие возглавляли: директор — Яков Убадзович Боциев, заместитель директора — Мухажид Сагидович Кушхов, главный инженер — Николай Григорьевич Кречетов. Впоследствии это предприятие долгое время возглавлял М. С. Кушхов, много сделавший для его развития.

В создании Карачаево-Черкесского предприятия электрических сетей активное участие принял его первый директор Геннадий Андреевич Исаков. Заместителем у него работал Александр Федорович Дьяков — заслуженный энергетик Карачаево-Черкесской республики, мой брат.

Центр Ставропольской энергосистемы находился в городе Пятигорске. А в краевом центре — городе Ставрополе — располагались Западные электрические сети, директором которых был Анатолий Яковлевич Куприк, а главным инженером — Николай Иванович Елизаров.

На засушливом северо-западе края, в городе Буденновске (ранее город Прикумск), располагалось аналогичное предприятие Прикумских электрических сетей. Его создавал и был первым директором Виктор Петрович Михайлов. Вот уже более двадцати пяти лет директором этого предприятия является Анатолий Петрович Калмыков.

Баксанской ГЭС руководили Борис Аполлонович Ростенко, Иван Тимофеевич Тяпкин и Александр Борисович Каганович (через некоторое время он был переведен в Светлоградские электрические сети главным инженером, где много сделал для их развития).

Директором Невинномысско-Сенгилеевского каскада ГЭС был Василий Михайлович Михайлов, инженер-релейщик по образованию, жизнерадостный, немного несобранный человек, но отличный профессионал. Мы с ним работали во время перевода Свистухинской ГЭС с напряжения 60 кВ на 110 кВ. На Кисловодской ТЭЦ руководителями были Михаил Аронович Ратновский, Георгий Михайлович Зангиев, Владимир Александрович Барышников.

Невинномысская ГРЭС и Ставропольская ГРЭС, как и сама Ставропольская энергосистема, стали кузницей кадров не только для себя и соседних энергосистем, но и для Минэнерго СССР.

Иван Степанович Лазаренко приехал на Невинномысскую ГРЭС начальником котлотурбинного цеха из Донбасса, где работал на Штеровской ТЭЦ. На должностях он долго не засиживался. Последовательно пройдя путь заместителя директора по экономике, главного инженера, директора Невинномысской ГРЭС, он был выдвинут на должность управляющего Ставропольэнерго, а в 1988 году назначен начальником объединения Южэнерго. В это время территориальные главки Минэнерго СССР были переведены в регионы. Главюжэнерго был переведен на правах территориального объединения из Москвы в Пятигорск и стал называться Южэнерго. С Иваном Степановичем мне работалось легко. Общительный, отзывчивый, он не боялся риска, всегда был готов прийти на помощь. Лазаренко шел вслед за Александром Федоровичем Федосюком, который по ступеням главного инженера, директора Невинномысской ГРЭС, управляющего Ставропольэнерго в 1984 году добрался до начальника крупнейшего главка Минэнерго СССР — Главвостокэнерго.

Герман Федорович Кохомский работал начальником технического отдела Невинномысской ГРЭС. Он прошел должностной путь от замес-

тителя главного инженера Ставропольэнерго, директора Ставропольской ГРЭС и главного инженера Ставропольэнерго до главного инженера Главвостокэнерго Минэнерго СССР.

Мы очень сблизились по работе с Николаем Федоровичем Горевым. Он пришел к нам в РЭУ Ставропольэнерго на должность заместителя главного инженера по теплотехнической части с должности заместителя главного инженера Тбилисской ГРЭС. После перевода Кохомского в Москву Н. Ф. Горев стал главным инженером РЭУ Ставропольэнерго. В октябре 1987 года он был переведен в Москву на должность начальника Главюжэнерго Минэнерго СССР, а в сентябре 1988 года — назначен начальником Государственной инспекции по эксплуатации электростанций и сетей Минэнерго СССР.

Ставропольская ГРЭС дала путевку в жизнь Анатолию Федоровичу Шкондину и Владимиру Ивановичу Городницкому, занимавшим в разное время должности главного инженера и директора Ставропольской ГРЭС. А. Ф. Шкондин стал крупным руководителем в Минэнерго СССР, пройдя путь от главного инженера до начальника крупнейшего главка — Главэнергоремонт. В. И. Городницкий был переведен сначала на должность главного инженера Главюжэнерго, впоследствии возглавлял Главэнерго и департамент РАО «ЕЭС России».

После ухода И. С. Лазаренко на пенсию должность начальника Южэнерго занял Станислав Валентинович Ильясов. После назначения С. В. Ильясова председателем правительства Ставропольского края на эту должность был назначен Евгений Григорьевич Ситников, который последовательно занимал посты начальника отдела по капитальному строительству, заместителя директора Ставропольской ГРЭС, директора строившейся Астраханской ТЭЦ-2, управляющего РЭУ Астраханэнерго, главного инженера Южэнерго.

После И. С. Лазаренко Ставропольскую энергосистему возглавили генеральный директор Евгений Андронникович Желтиков и его первый заместитель Виктор Викторович Болдышев. Е. А. Желтиков начал свою деятельность инженером-расчетчиком оперативно-диспетчерской службы Баксанского комбината, а затем был заместителем начальника, начальником службы ОДС Ставропольэнерго, заместителем главного инженера Ставропольэнерго по электрической части, начальником Северо-Кавказского территориального Госэнергонадзора, главным инженером Ставропольэнерго. В. В. Болдышев занимал должности заместителя начальника РЭС, главного инженера Зеленокумских электросетей, главного инженера, директора Восточных электросетей, главного инженера Ставропольэнерго, первого заместителя генерального директора Ставропольэнерго по финансам и экономике.

Мой так называемый «ставропольский» период деятельности нельзя было назвать временем стремительного профессионального роста. Ко всем специалистам предъявлялись высокие требования, и их карьера находилась в прямой пропорциональной зависимости от личных качеств, полученных знаний и способностей.

Глава 13

Кустов и другие

Кустов умел подбирать руководящие кадры для предприятий. А вот в самом аппарате РЭУ Ставропольэнерго с кадровой политикой дела обстояли неважно. Созданию положительного климата в коллективе и укреплению собственного авторитета управляющего мешало поведение трех специалистов, которых Александр Петрович привез с собой из Калининграда. Делу мешали и неудачные назначения на должности руководителей структурных подразделений. Начальником отдела кадров, например, был Игорь Николаевич Кисилев, подмочивший свою репутацию еще в бытность начальником Энергосбыта Пятигорской городской электросети.

В Ставропольэнерго Кисилев занимал сначала должность инженера по материально-техническому снабжению. Это была серая, неприметная личность, ничем особо не выделявшаяся из общего ряда. Но с приходом нового управляющего Игорь Николаевич резко изменился, стал активно крутиться около начальства, проявил завидное усердие во время обустройства Кустова в Пятигорске. Кисилев со свойственной двуличным людям беспринципностью, с одной стороны, открыто льстил управляющему, а с другой — высокомерно относился к сослуживцам. И такого поведения, кажется, не стыдился. Поощрением за бесстыдное чинопочитание и услужливость стало выдвижение Кисилева на должность начальника отдела кадров РЭУ. Меня воротило от его лицемерия, неискренности, раболепия и низкопоклонства. Таких людей я не принимаю, наверное, на биологическом уровне.

Интересно, подвергались ли эти мерзкие человеческие качества когда-нибудь хирургическому препарированию? До конца ли изучено их пагубное влияние на формирование общественной атмосферы? Это сегодня у меня наметанный глаз, я умею видеть целое, открывать предательские признаки и фальшивые слова. Это сейчас я знаю, что ничего не следует принимать буквально, что порой говорящий не думает в действительности того, что говорит. Но при этом я не бью интригану прямо в лоб, а нахожу способы исподволь показать человеку, что я разглядел его нутро, и играть со мной в кошки-мышки дальше небезопасно.

но. А тогда мне не хватало опыта общения с негодяями, лицемерами, карьеристами и корыстолюбцами. Где уж тут говорить об осторожности тихого лисьего шага! Я был беспощадно прямолинеен, а поэтому высказал Игорю Николаевичу и Александру Петровичу все, что у меня накопилось в душе.

Особенно контрастно наши противоречия проявились на отчетно-выборном партийном собрании в 1963 году. По рекомендации Пятигорского горкома партии я, как секретарь комсомольской организации, должен был войти в состав парткома РЭУ Ставропольэнерго. Сколоченная Кисилевым группа (думаю — по заданию Кустова) настроилась меня «прокатить» и одновременно протолкнуть своих людей, прежде всего самого начальника отдела кадров.

Памятное собрание продолжалось очень долго: с пяти часов вечера до часу ночи. Это было настоящее столкновение старой «баксанской команды», построенной по семейному принципу, с командой новой, более активной. Была еще небольшая «фракция», расходившаяся во взглядах с обеими командами, к которой примкнул и я. Конечно, по профессиональным вопросам мне больше импонировала позиция управляющего, но принять его методы руководства подчиненными я не мог.

Несмотря на противодействие определенных сил, я все-таки был избран в состав парткома, куда вошел также и Кисилев. На следующий день, в девять утра, вновь избранный партком из девяти человек собрался в кабинете главного инженера. Первое заседание вели управляющий РЭУ Ставропольэнерго Александр Петрович Кустов, являвшийся членом Пятигорского горкома партии, и инструктор крайкома КПСС. В повестке дня стоял один вопрос: выборы секретаря партийного комитета РЭУ. Кустов предложил избрать секретарем парткома Кисилева. Четверо членов парткома: Красник, Климов, Киреев и я заявили о своем несогласии с предложенной кандидатурой, поскольку опасались, что Игорь Николаевич может превратиться в «карманного секретаря» управляющего. Вопрос вынесли на голосование. Четверо проголосовали «за» и столько же — «против». Кисилев сидел молча.

Заседание затянулось до двенадцати часов дня. Тогда Александр Петрович спросил у Кисилева:

— Вы хотите быть секретарем?

Тот ответил:

— Да.

— Ну, тогда, — объявил Кустов, — я поздравляю вас с избранием.

Итак, Кисилев, пользуясь поддержкой управляющего, подобно римскому царю Сервию Туллию, завладел царством, не будучи выбран народом. Правда, обстановка в управлении от этого не стала лучше.

Был ли Кустов циником? Скорее всего, да. Его этому научила общественно-политическая среда, в которой он сформировался. Мой вывод подтвердился позже, когда Александр Петрович, обсуждая со мной какой-нибудь очередной вопрос, как бы ненароком заявлял: «Был бы объект, а формулировки всегда найдутся». От этих слов веяло холодом 1930-х годов.

История с избранием Кисилева позволила мне нечаянно приобщиться к механизму закулисной борьбы. Я увидел его хорошо отлаженные, притертые друг к другу детали, разглядел новые стороны тех сотрудников, с которыми приходилось работать бок о бок. Я стал постепенно разбираться в том, кто и какую роль играл в управлении, кто был марионеткой, а кто дергал за веревочки. Симпатия и вражда, любовь и ненависть, интриги и преданность — чем не темы для трагедий в духе Шекспира?

Свои бойцовские качества Кустов еще раз продемонстрировал на одном из заседаний бюро Ставропольского крайкома КПСС — в присутствии первого секретаря крайкома Ф. Д. Кулакова. Члены бюро, рассматривая план электрификации края, пришли к выводу, что объемы работ следует немного сократить. Кустов бросился защищать представленный документ. Мне тогда показалось, что наш управляющий был охвачен невероятной силы вдохновением, позволившим ему сконцентрироваться и собрать в один кулак все жизненные силы. Такое обычно бывает в минуты огромной опасности: человек, не отличающийся успехами на спортивном поприще, может взлететь на вершину дерева, если за ним гонится голодный хищник. Все затихли. Никто не ожидал от Александра Петровича такой прыти. Прервал затянувшееся молчание Кулаков:

— Товарищ Кустов, вы сильный и смелый человек. Я думаю, что бюро крайкома вас поддержит. Но впредь будьте осторожнее: другие такого поведения хозяйственного руководителя в партийных органах не потерпят.

Федор Давыдович знал из собственного опыта, что делают в партии с гордыми, независимыми, знающими себе цену людьми. К вершинам партийной власти он пришел, как говорили раньше, «из народа». После окончания в 1938 году Рыльского сельскохозяйственного техникума (Курская область) Федор Давыдович Кулаков работал помощником управляющего отделением свеклосовхоза, управляющим отделением и агрономом сахарного комбината. Великая Отечественная война застала его в Пензенской области на посту 1-го секретаря районного комитета ВЛКСМ. Практику организаторской работы Кулаков получил на должностях заведующего районного земельного отдела, председателя райисполкома, 1-го секретаря райкома партии. В 1944–1950 годы Кулаков возглавлял отдел Пензенского обкома КПСС, областное управление

сельского хозяйства. Здесь, в российской глубинке, он впервые столкнулся с острыми проблемами сельскохозяйственной отрасли, задумался о способах их преодоления. С 1950 по 1960 год Федор Давыдович последовательно прошел ступени председателя Пензенского облисполкома, заместителя министра сельского хозяйства, министра хлебопродуктов РСФСР. Заочно окончил Всесоюзный сельскохозяйственный институт.

Хорошо видевший бедственное положение советской экономики, Кулаков настаивал на радикальных переменах. Масштабность предлагаемых реформ, скорее всего, и стала поводом для его ссылки в Ставрополь. Насколько мне было известно, первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС проявил себя волевым и целеустремленным руководителем. Но, работая в Ставрополе, Федор Давыдович мог лишиться всякой политической перспективы. Именно в Ставропольском крае, когда там секретарствовал Кулаков, окончательно созрел приведший к падению Хрущева заговор во главе с Брежневым. Осенью 1964 года Кулаков принимал кремлевских заговорщиков в Теберде, где план переворота был выверен до последних деталей. Кремлевские гости доверяли Федору Давыдовичу, поскольку он считался жертвой хрущевского волюнтаризма.

Не прошло и двух месяцев после свержения Хрущева, как Кулаков был возвращен в столицу. Возглавив отдел сельского хозяйства ЦК КПСС, Федор Давыдович стал довольно крупной звездой на кремлевском небосводе, одно время даже считался наиболее вероятным преемником Брежнева. По одной из версий, в верхах уже было принято решение проводить одряхлевшего Брежнева на пенсию, а на его место назначить Кулакова. По другому варианту, за Брежневым должны были сохранить номинальный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а пост Генерального секретаря партии передать Кулакову. Но этим планам не суждено было осуществиться...

Меня же волновали совсем не безоблачные взаимоотношения с Кустовым. Сначала Александр Петрович не мог понять, чей я сторонник. Но потом он во всем разобрался, и ничто больше не мешало ему относиться ко мне уважительно, прислушиваться к моему мнению. Когда на совещаниях обсуждались вопросы энергоснабжения, эксплуатации, охраны труда и уменьшения травматизма, он обращался к присутствующим со словами: «Давайте послушаем мой камертон — Анатолия Федоровича».

Я всегда готовился к выступлениям и в своих оценках старался быть объективным, что Александру Петровичу не совсем нравилось. Он ревниво следил за моей активностью в краевой комсомольской организации, в Пятигорском горкоме ВЛКСМ, а также в краевом совете профсоюза, где я, как мне кажется, добился определенного авторитета, исполняя обязанности внештатного технического инспектора. Пытаюсь прибли-

зить меня, сделать абсолютно своим человеком, Кустов неоднократно беседовал со мной «по душам», все уговаривал выбрать удобный причал, откуда можно было бы пойти и в дальнее плавание. Но что-то меня удерживало от слишком тесного сближения, которое могло бы лишить меня свободы маневра, быть самим собой. Не хотелось втягиваться в «дворцовые» интриги, быть у «царя» на посылках, выполнять роль, как говаривал Штирлиц, «болвана» в старом польском преферансе. С другой стороны, мне были отвратительны происки противников Кустова. Их дурно пахнувшие делишки не вызывали у меня ничего, кроме чувства брезгливости. Видимо, так распорядилась судьба, что я вынужден был всегда находиться между Кустовым и его противниками.

Как-то Александр Петрович в очередной раз вызвал меня в свой кабинет. Я зашел, поздоровался, приготовился к разговору. Управляющий некоторое время молча смотрел на меня, а потом четко, отделяя одно слово от другого, произнес:

— Я решил повысить вам заработную плату. На десять рублей. Но, позвольте вам заметить, мне не совсем нравится ваше автономное поведение на посту секретаря комсомольской организации. Прошу впредь согласовывать со мной информацию, отправляемую в вышестоящие инстанции по вашей линии.

Долго раздумывать над ответом мне не позволило оскорбленное самолюбие:

— Вы думаете, — заявил я, с трудом сдерживая волнение, — что я работаю из-за денег?

Я не принадлежал к числу толстокожих людей с воловьими нервами, которые, добиваясь своей цели, согласны идти на любые унижения. А о размере своей зарплаты, я, честно говоря, никогда не задумывался, считая, что она определяется где-то наверху и зависит от общего экономического положения в стране. И мой ответ, исходя из сердца, был искренен.

Кустов внимательно посмотрел на меня. По его взгляду трудно было понять: одобряет или осуждает он мою тираду. Зато в словах прозвучала плохо скрытая ирония:

— Ну что же, если вы не нуждаетесь в повышении зарплаты, то я этот вопрос снимаю.

И он, действительно, больше никогда не возвращался к нашему разговору вплоть до моего перевода в Кавминводское предприятие электросетей. Правда, с этого дня он несколько раз предлагал мне перейти на самостоятельную работу за пределами Пятигорска. Мне предлагали должности директоров Баксанской ГЭС и Свистухинско-Сенгилеевского каскада ГЭС, а также должность главного инженера предприятия Кара-

чаево-Черкесских электрических сетей. Кто может сделать все, что ему заблагорассудится, тот вскоре уже сам и не знает, чего ему и желать. Был даже подписан приказ о назначении меня исполняющим обязанности директора предприятия Прикумских электросетей. Выполнить этот приказ мне так и не пришлось: помешал экстренный выезд на ликвидацию аварийной ситуации на ВЛ-330 кВ.

Работать с Кустовым было интересно. Я любовался его умением находить в работе главное, контролировать выполнение любого, на первый взгляд, малозначительного задания, даже совещания он проводил по какой-то особой, только ему известной, форме. А его подозрительность и любовь к интригам я объясняю рецидивами 1937 года, оставившего в людских душах незаживающие раны и уродливые рубцы. Александр Петрович прожил жизнь, которая выпала ему в соответствии с годом рождения, предопределена его природой. Сейчас, когда за моими плечами богатый опыт руководящей работы в энергетической отрасли, я вспоминаю методы работы Кустова с чувством искренней благодарности.

Среди начальствующего состава объективно существует две категории. Одна категория — это начальники, которые, заняв руководящее кресло, с умным видом ждут, когда к ним придут подчиненные. Оторванные от живого производственного процесса, они довольствуются дутыми докладными записками и разносами на редких совещаниях. Пользы от такого метода нет никакого — один вред. Но есть другой сорт руководителей, составляющих меньшинство. Они приходят на свое рабочее место с определенной программой действий, настроенной на опережение. Они уже знают, кого надо вызвать, с кого и за что спросить, кому и какое дать задание. Веер поручений, спроса и контроля! Подчиненные от такого метода сначала шалеют, бурчат, проявляют недовольство, а потом привыкают, подтягиваются — система начинает работать. Результаты не заставляют себя долго ждать. Этому меня научил мой управляющий.

Кустов работал по системе, хорошо известной только ему одному, сутью которой является банальное утверждение, что человек познается в делах. Например, Александр Петрович мог вызвать руководителя того или иного участка и засыпать его ворохом вопросов: «Скажите, как там у нас с генераторами, с охлаждением, с отклонениями?», «Каково ваше мнение по такому-то вопросу?», «Скажите, какой там зазор должен быть?» Если ему ответишь: «Не знаю, пойду — разберусь», — пиши пропало. «Не-е-ет, вы должны знать, — язвительно протягивал он. — Идите и разберитесь! Через неделю доложите». Подчиненный уходил — и по какой-нибудь причине забывал о необходимости доклада. Но Кустов, поговаривали, завел на каждого сотрудника досье, где отмечал все поручения и сроки их выполнения. Если доклад о выполнении вовремя не

поступал, он выдерживал паузу: сначала неделю, потом еще три дня. Затем вызывал «забывчивого» сотрудника и говорил: «Я дал вам задание на неделю. Вы просрочили — значит, нарушили нашу договоренность, проявили недисциплинированность». И следовала такая выволочка, после которой провинившийся вылетал из кабинета, мокрый как мышь: «Смотри, он знает, помнит, а я нет!»

Здравого смысла Александру Петровичу было не занимать, а здравый смысл, вроде кожи — чем больше ее бьют и мнут, тем она крепче становится. Благодаря налаженной им четкой системе, дела шли неплохо, нашу работу постоянно высоко оценивали на партийном, административном и профсоюзном уровнях. Нам вручали переходящие и с правом вечного хранения Почетные Красные знамена, а также Почетные знаки ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС. Но эти награды доставались нам в результате огромного морального и физического напряжения сил.

Работала система, которую Кустов поддерживал жесткими, почти садистскими методами. В чем это проявлялось? Обычно управляющий вставал очень рано. Он выезжал из дома в семь утра, прогуливался вокруг Машука и к завтраку возвращался домой. На работу Александр Петрович приходил, как правило, пешком. Разобравшись с обстановкой в энергосистеме, он докладывал по телефону в Москву: в Государственный производственный комитет по энергетике и электрификации СССР (образован постановлением Совета Министров СССР № 286 от 13 марта 1963 г.), в Центральный Комитет КПСС, в Ставропольский крайком партии и, в случае необходимости, в Пятигорский горком КПСС. Уверенное поведение Кустова давало руководителям Госкомитета СССР повод предполагать, что он пользуется поддержкой влиятельных сил в крайкоме, в то время как в самом крайкоме считали, что у Александра Петровича есть надежные связи в ЦК и в министерстве.

Примерно в одиннадцать часов утра управляющий покидал рабочий кабинет. Неспешным шагом он направлялся к магазинчикам на железнодорожном вокзале, который был недалеко от здания Ставропольэнерго, где покупал клубнику, красный болгарский перец, сырки и прочую снедь. Вернувшись в управление, Кустов съедал купленную провизию. Когда до начала обеденного перерыва оставалось пять — десять минут, Александр Петрович приглашал к себе на совещание или на какую-нибудь «разборку» руководителей служб, отделов, а также кого-нибудь из заместителей. Разговор на служебные темы затягивался, занимая все обеденное время.

Закончив воспитательные экзекуции, Кустов отпускал издерганных, голодных и, естественно, обозленных людей на свои рабочие места,

а сам спокойно отправлялся домой, где обедал и отдыхал. В четвертом часу дня он, как штык, снова был на рабочем месте: анализировал отчетные документы, читал техническую литературу, прессу. За несколько минут до окончания рабочего дня (а он заканчивался у нас в половине шестого) Кустов опять проводил совещание с очередной группой специалистов. Управляющий держал несчастных людей в течение полутора-двух часов, словно давая понять им — через желудки и нервы, — кто хозяин положения в РЭУ, кто работает не покладая рук!

Персонал Ставропольэнерго такому ритму жизни своего руководителя уже не удивлялся. Правда, многим пришлось расплачиваться за свое долготерпение позже, когда вдруг куда-то улетучилось здоровье и стали невыносимо грызть неприятные воспоминания. Александр Петрович никому не давал расслабляться, воздействуя на подчиненных начальной позой и гипнотическим взглядом удава. Никто из руководителей не выдерживал мощной энергетики, исходившей от Кустова. Из его кабинета почти все выходили сломленными, соглашаясь со всем, с чем до этого не могли согласиться.

На меня внутренняя энергия Александра Петровича не оказывала такого ошеломляющего действия. Я мог свободно выразить и аргументированно отстоять свою точку зрения. Нельзя сказать, что я его не боялся — я ему не поддавался. Я отстаивал свою независимость, а он не мог меня сломить. Наверное, прежде всего потому, что видел во мне специалиста. Но в этом он признался мне намного позже.

Однажды во время одного из пленумов крайкома партии я сидел рядом с Кустовым. Неожиданно он повернулся ко мне со словами:

— Вы знаете, я долго думал, прежде чем сказать вам это: вы далеко пойдете.

И было трудно понять, что преобладало в его голосе: радость, ирония или то и другое, смешанное с болью и тревогой?

Кустовским стилем должен, в принципе, обладать каждый руководитель. Хочешь быть хорошим начальником — учись подчиняться, ставь себя на место подчиненного. Почти каждый подчиненный считает, что может решать вопросы лучше, чем его начальник. Давай ему такую возможность. Пусть решает — от этого выигрывает дело. Не надо бояться сильных, надо тянуть их за собой. Если рядом сильный подчиненный, то и у начальника силы прибавятся. Если подчиненный светится, то и начальнику от его лучей перепадет. Я не понимаю тех руководителей, которые окружают себя блеклыми, понурыми, безынициативными подчиненными. Окружишь себя серостью — ничего, кроме лести и подхалимажа, не получишь.

И подчиненным надо кое-что зарубить на носу. Никогда не надо заходить к начальнику, надеясь на авось. Если хочешь создать о себе хо-

рошее впечатление — иди с готовым решением по тем направлениям, которые его в настоящее время больше всего тревожат. Начальник выслушает, поддержит и оценит. А придешь с вопросами, на которые нет ответа, — жди нагоняй! Руководитель никогда не станет решать за подчиненного. И контакта человеческого с ним уже не получится. Хочешь что-то решить — найди пути и способы решения проблемы, да еще докажи их обоснованность руководителю.

Ставропольская энергосистема по управленческой вертикали, выстроенной в энергетической отрасли, подчинялась Главному управлению по эксплуатации энергосистем Юга Государственного производственного комитета по энергетике и электрификации СССР — Главюжэнерго. Руководителем Главюжэнерго был Борис Васильевич Автономов, прошедший хорошую школу в структурах московской энергосистемы и внесший неоценимый вклад в развитие объединенной энергетической системы на юге страны. Жесткий и напористый человек, Борис Васильевич одновременно являл собой образец редкой утонченности и образованности. Его феноменальная память и столь же безграничная работоспособность внушали уважение и вызвали стремление следовать его примеру. Автономов был прост в общении с коллегами, но свято берег собственное достоинство от любителей запанибратских отношений и просто невоспитанных людей.

Борис Васильевич занимал достойное место в созвездии специалистов, преданных своему делу и, если не бояться громких слов, сознающих высокое значение собственной миссии на этой земле. Он заражал окружающих своим задором, готовностью преодолеть любые препятствия, увлекал неиссякаемостью идей. Близкие к нему люди отмечали в нем умение на ходу решать сложнейшие проблемы, одним росчерком пера давать старт грандиозным проектам. Он считал, что будущее энергетики — в наращивании мощностей, а видение перспективы в своей отрасли — важнейшее качество для руководителя.

Между Кустовым и Автономовым сложились непростые взаимоотношения. Приезжая в Ставропольэнерго, Борис Васильевич часто задавал работникам РЭУ один и тот же вопрос: «Как работаете с Кустовым? Он — хитрый руководитель». А через мгновение, прищурившись, добавлял: «А хитрость — это ум зверя». Заместителем начальника Главюжэнерго — главным инженером был человек совсем другого склада характера — Василий Павлович Горюнов.

Некоторое время спустя после прихода Кустова на должность управляющего РЭУ Ставропольэнерго произошли существенные изменения и в руководстве энергетической отрасли. Председателем Государственного производственного комитета по энергетике и электрификации СССР

был назначен опытный руководитель, строитель, ученый Петр Степанович Непорожний. Он сменил Игната Трофимовича Новикова, перешедшего на другую работу. Если принять во внимание, что Госкомитет вскоре будет переименован в Министерство энергетики и электрификации СССР, то такое назначение рассматривалось нами, как знаковое. Оно свидетельствовало сразу о целом ряде ключевых моментов: об усилении власти центра, о постепенном свертывании роли совнархозов, а также о высоком статусе Непорожного в административной иерархии.

Говорят, в каждом человеке скрыт талант. Накапливаясь в роду по долям миллиграмма, он передается по наследству, как цвет волос, черты лица или характера. Талант пробирается по родословной, подобно огоньку в бикфордовом шнуре, чтобы однажды, в каком-нибудь поколении, разразиться ослепительным взрывом. Только один человек в длинной цепочке родственников получает от природы этот удивительный дар. В роду Непорожных таким «счастливым» оказался Петр Степанович.

Петр Степанович Непорожний родился в крестьянской семье 13 июля 1910 года в деревне Тужиловка (ныне в черте города Яготина Киевской области). Трудовую деятельность начал в 1929 году. Занимал различные руководящие должности в системе Средазводхоза, возглавлял участок строительства гидроэлектростанции. В 1933 году с отличием окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта, получил специальность инженера-гидротехника по речным сооружениям. С 1933 по 1935 год служил в Военно-Морском Флоте. После увольнения из армии Непорожний работал в Ленинградском проектно-институте, на строительстве Чирчикских ГЭС, а в 1937–1940 годах — в аппарате Наркомата тяжелой промышленности СССР. Следующие четырнадцать лет Петр Степанович трудился в должностях главного инженера, начальника Ташкентского проектного института, главного инженера на строительстве ГЭС в Ленинградской области и на Украине.

За плечами Непорожного — огромный опыт строителя гидроэнергетических сооружений в различных регионах Советского Союза. После войны в качестве главного инженера Свирьстроя он занимался строительством Верхне-Свирской ГЭС. В 1954–1959 годах Петр Степанович в качестве заместителя Председателя Совета Министров — председателя Госстроя УССР самым непосредственным образом руководил работами, связанными со строительством таких крупнейших тепловых электростанций, как Ладыжинская, Славянская, Приднепровская, Криворожская, Углегорская и другие. Первым заместителем министра строительства электростанций СССР Петр Степанович был назначен в 1959 году. В 1963–1965 годах он уже председатель Государственного производственного комитета по энергетике и электрификации СССР — министр СССР,

а с сентября 1965 по март 1985 года — министр энергетики и электрификации СССР.

Петр Степанович Непорожний написал более десяти книг, посвященных проблемам электрификации страны, строительству гидроэлектростанций в различных климатических условиях. Профессор (1952 г.), доктор технических наук (1959 г.), действительный член Академии строительства и архитектуры СССР (1955–1963 гг.), а после ее расформирования — член-корреспондент АН СССР. Лауреат Ленинской премии (1958 г.). Депутат Верховного Совета СССР 7–10 созывов. Награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и многочисленными медалями.

Самая большая радость в жизни — это встреча с интересной личностью, руководителем крупного масштаба, душевным и добрым человеком. Мне в этом смысле очень повезло. Первый раз Непорожний приехал в Ставропольэнерго в 1963 году, беседовал с Кустовым, руководителями отделов и специалистами РЭУ. Был на беседе с ним и я. Потом эти встречи повторялись неоднократно. Петр Степанович демонстрировал острый ум, находчивость и напористость, до мельчайших подробностей знал структуру и механизм деятельности подразделений энергетики, четко определял задачи по их реорганизации. Впоследствии мне представился счастливый случай поработать заместителем у Непорожного, приобрести к его таланту руководить отраслью.

13 июня 1999 года Петру Степановичу исполнилось 89 лет, а 9 июля патриарха отечественной энергетики не стало.

Глава 14

Семейное гнездо

Правильно говорили на Руси: «Жениться не напасть, лишь бы женатому не пропасть». У нас в семье всегда серьезно относились к вопросам брака. Все мои коллеги по работе, да и сверстники по комсомолу в большинстве своем были уже женаты. Я видел, как они стремятся домой, к семье, к своим детям, стараются что-то купить и принести в свой дом, чем-то порадовать близких. Мне казалось, что их повседневная жизнь была более насыщенной и наполненной более глубоким смыслом, чем моя, в которой, кроме работы, не было почти ничего. В Пятигорске у меня была прекрасная работа, я активно участвовал в жизни города, но квартиры, своего жилья у меня не было. Приходилось жить на частных квартирах, снимать угол. В РЭУ Ставропольэнерго квартир было мало, поэтому жилье в первую очередь получали семейные сотрудники с детьми. Чтобы получить квартиру, нужно было встать в очередь, а поскольку я заявление не подавал, то, естественно, не был в эту очередь включен.

Но меня волновало не отсутствие квартиры. Меня стало тяготить холостяцкое существование. Все чаще и чаще меня стали посещать — пока еще ненавязчивые — мысли о женитьбе. По моему глубокому убеждению, человек без семьи и детей — даже талантливый, признанный всеми, обеспеченный и внешне счастливый — не может считаться полноценным, не выполнив своего природного предназначения по продолжению своего рода. Женитьба, создание семьи — это ответственность на всю жизнь. Молодой человек к решению этой проблемы должен подходить не спонтанно, даже будучи по уши влюбленным, а взвешенно и осознанно. Главным для него должен стать ответ на вопрос: «А смогу ли я быть защитником и кормильцем семьи?» Он должен сам определить степень своей готовности взять на себя эту ответственность.

Но где найти эту суженую, вместе с которой можно прожить всю жизнь? Я постоянно находился среди молодежи, правда, в основном в роли организатора молодежных мероприятий. Специальную задачу поиска жены я себе не ставил: мне в голову даже и мысли такие не приходили. Вокруг было много милых, симпатичных, красивых девушек, но

меня они не волновали, не притягивали. Они явно не вписывались в тот образ женщины-мечты, который, как правило, создается у многих мужчин в молодые, романтические годы. И никому не ведомы пути, которые ведут к ней — единственной и неповторимой. Счастье приходит не тогда, когда ты прикоснулся к губам любимой, а когда ищешь ее след.

С Тamarой я познакомился в Пятигорске в 1962 году. Она — красивая, приятная во всех отношениях девчонка — работала в первом почтовом отделении связи города. Как-то раз я пришел со своим другом Геннадием Удовенчиком на почту, чтобы выяснить, почему моя мама не получила денежный перевод, который я выслал ей несколько дней назад. обстоятельные разъяснения причин задержки дала мне милостивая девушка. Она успокоила нас, начавших было общение на повышенных тонах. Мне тогда показалось, что от нее исходила какая-то мощная притягательная сила. Состоявшийся с незнакомкой разговор оставил в моей душе трогательно-трепетный осадок, смешанный с чувством недовольства самим собой. Вскоре образ девушки из почтового отделения связи стерся из моей памяти.

Но однажды я пришел по своим делам в горком комсомола. Помню, был я одет в длинное демисезонное пальто серого цвета. На голове — шляпа, в руках — большой двухзамковый портфель, с которым я мотался по энергопредприятиям в должности старшего инженера Ставропольэнерго. По пути в кабинет секретаря горкома я заглянул в открытую дверь отдела оргработы. В отделе находились инструктор Богачев и молоденькая симпатичная девушка. Ее облик, поразивший меня, показался мне очень знакомым, но я никак не мог вспомнить, где ее видел. Подозвав своего друга Геннадия, тоже оказавшегося в горкоме, я обратил его внимание на девушку и спросил:

— Как девчонка?

— Чувиха — класс! — ответил Геннадий на нашем студенческом жаргоне.

Как возникают чувства взаимной симпатии? Откуда берется сила, так опутывающая душу невидимыми нитями, что становится трудно дышать? Это сложные вопросы. Их легко формулировать, когда ответы на них не касаются тебя лично, когда ты — посторонний свидетель чужих мук. Но теперь в обворожительном капкане находился я и почему-то не проявлял никаких намерений от него избавиться.

На первых порах стороны стараются не выдавать своих чувств и тщательно маскируют силу притяжения маскировочной сетью общественных или производственных проблем, оплетая ее кружевом слов о каких-то делах, планах, идеях. Не стал исключением и я. Не зная о Тамаре абсолютно ничего, я стал ее расспрашивать. Она мне обо всем доб-

росовестно рассказала, приняв, наверное, за самого главного в горкоме начальника. Оказывается, она была комсомольская активистка городского узла связи. Фамилия ее — Черникова, ей девятнадцать лет, образование среднее, не замужем.

Выслушав девушку, я сказал:

— Я — член бюро, внештатный секретарь горкома комсомола. Работая старшим инженером в Ставропольэнерго. Пока... Но буду министром. Все! Вам же придется трудиться в комиссии предвыходного и выходного дня, организованной горкомами ВЛКСМ и КПСС.

Эта общественная нагрузка требовала в свободное от работы время всегда находиться на виду, проводить время в окружении людей. Тогда частная жизнь органически была связана с общественной. Одним из важнейших критериев оценки человека было его участие в общественной жизни коллектива, организации, города. Мы не могли себе даже представить, что можно жить в условиях, позволяющих быть независимым от общества. В те времена такой образ существования не культивировался и даже осуждался.

Мое безапелляционное, утвердительное заявление об участии Тамары в работе возглавляемой мною комиссии было вызвано всего лишь инстинктом молодого человека, желавшего втянуть объект своего влечения в орбиту собственной жизни, держать ее в поле своего зрения, приблизить к себе и раскрыть себя перед ней.

Наступила весна. Стоял март, переменчивый месяц года, когда в кабинетах небесной канцелярии происходит подписание акта о приеме-передаче погоды от одного сезона к другому, а на позабытой земле творится невообразимая сумасбродница. Был субботний день. Мой друг Геннадий Удовенчик, который к этому времени был уже женат, предложил провести время в Кисловодске.

— Тебе хорошо, — сказал я ему, — ты поедешь с женой. А я что, один буду около вас болтаться?

— Надо тебе тоже кого-нибудь пригласить, — посоветовал Геннадий.

Я начал думать, и тут меня осенило:

— Слушай! Я приглашу Тамару из «связи».

Не обращая внимания на то, какую реакцию у моих друзей вызовет мое решение, я позвонил в почтовое отделение связи № 1, представился и попросил к телефону Черникову. Мне ответили, что ее нет: она участвует в работе спортивной конференции, организованной обществом «Буревестник».

— А где проходит эта конференция?

— Да, вроде бы, — ответили мне, — в клубе управления торговли.

Я посмотрел на месячный график мероприятий горкома комсомола: конференция действительно запланирована, и даже есть ответственный за ее проведение — инструктор Богачев. Как инструктор горкома комсомола, Богачев курировал комсомольскую организацию городского узла связи. Как потом выяснилось, он питал к Тамаре определенные чувства, она нравилась ему, и он пытался за ней ухаживать.

Позвонив в клуб управления торговли, я попросил срочно пригласить к телефону Богачева. А для пущей важности уточнил:

— Передайте ему, что звонит секретарь горкома.

Как мне показалось, Богачев взял трубку, уже чем-то взволнованный. В строгой тональности я спросил, как проходит конференция. Инструктор доложил, что все идет по плану.

— Черникова с тобой?

— Да, сидит рядом со мной в президиуме.

— Объяви небольшой перерыв, — сказал я ему как можно спокойнее. — Возьми все документы, связанные с Черниковой как делегатом конференции, и вместе с ней — срочно в горком комсомола.

Клуб от горкома находился недалеко: ждать нам пришлось недолго. Вскоре в отдалении показалась парочка. Запыхавшиеся Богачев и Черникова остановились рядом со мной. Удовенчик с супругой предусмотрительно спрятались в холле горкома. Я спросил Тamarу:

— Вы — делегатка этой конференции?

Она ответила утвердительно, подтвердив для убедительности свой ответ кивком головы.

— А где ваши документы делегата?

Она послушно отдала мне бумаги. Я с серьезным видом передал их Богачеву:

— Прошу вас — проголосуйте за нее, а все остальное проводите по плану. Она сейчас срочно необходима здесь для других мероприятий по плану комиссии предвыходного и выходного дня горкома.

На лице инструктора было четко написано его нежелание отпускать Тamarу с проводимого им мероприятия, отпускать ее со мной.

Мы зашли в горком. Я подождал, пока Богачев отойдет на значительное расстояние. Тамаре я сказал, что едем в Кисловодск на культурно-массовое мероприятие. Мы доехали трамваем до вокзала, а оттуда электричкой — в Кисловодск. Гуляли по прекрасному историческому парку — этому рукотворному, любимому горожанами и приезжими месту отдыха, ели шашлыки, мороженое, пили лимонад. Я вел себя, как молодой жрец, впервые допущенный в храмовую сокровищницу, боясь неловкого движения, даже поворота головы в сторону хранящихся там реликвий, чтобы не быть неверно истолкованным, не спугнуть ауру вол-

шебства и тайнства. Мне нравилась Тамара. Она соответствовала тому образу, который я вынашивал в своем сознании. Характер у нее был строптивый, но чистый, неиспорченный. Она была для меня красивой не только внешне, но и внутренне. Вечером, когда мы возвращались на электричке домой, я впервые поцеловал Тамару.

С истинной красотой в жизни надо встречаться вовремя. С первых наших встреч я просил Тамару, чтобы она пригласила меня к себе домой и познакомила с родителями. И она пригласила — но не домой, а якобы к своим дяде и тете, которые живут рядом. Я приехал, «дядя и тетя» радушно меня встретили, обо всем расспросили, выпытали всю мою биографию. Это была приятная, интеллигентная семья. В ходе этой встречи я понял, что Тамара устроила мне смотрины, и что люди, с которыми я беседую, — совсем не ее родственники. Экзамен мне устроили супруги Щербаковы, любившие Тамару и переживавшие за нее. Глава семьи занимал должности секретаря парткома и начальника отдела кадров совхоза. Экзамен перед близкими знакомыми моей избранницы я, вероятно, выдержал достойно.

После этого состоялось мое знакомство с семьей Тамары, состоявшей из четырех человек. Ее маме, Инне Семеновне, было тридцать девять лет. Красивая, гордая женщина, она работала старшим бухгалтером винсовхоза «Горячеводский» в селе Константиновка, расположенном в шести километрах от Пятигорска. Отчима звали Леонид Семенович Курицын. Он был старше Инны Семеновны на десять лет. Был у Тамары и восьмилетний брат Юра. Совместный сын Инны Семеновны и Леонида Сергеевича, он носил фамилию Черников. Из близких родственников у Тамары были еще бабушка, Екатерина Митрофановна, две тети — Калерия и Виктория, а также дядя Станислав. Все они имели свои семьи и жили отдельно.

Семья Тамары жила скромно в двух комнатках дома, ранее принадлежавшего немецким колонистам (село Константиновское было основано ими), выселенным в годы Великой Отечественной войны. Одна комната служила одновременно кухней и столовой. Из всех удобств было только электричество, все остальное — во дворе дома. В квартире было чисто и уютно, всегда имелась своевременно приготовленная горячая еда. В семье много читали: в доме царил культ книги.

С первых минут знакомства с семьей Тамары я понял, что ведущей скрипкой там является Инна Семеновна. Это была заботливая и добрая, но одновременно требовательная мать и жена. Экономная и аккуратная, она старалась дать своим детям все самое необходимое, но без излишеств. А Леонида Сергеевича, как мне показалось, вполне устраивала роль ведомого.

Узнать какие-либо другие подробности о семейных корнях Тамары было очень сложно. Одна ее бабушка, из рода Алехиных, Анна Митрофа-

новна, умерла вскоре после рождения второго ребенка, Инны, будущей мамы Тамары. Она была врачом. Ее сестра, Екатерина Митрофановна, была учительницей. После смерти Анны Митрофановны она вышла замуж за Тамариного дедушку, Семена Авксентьевича Трофименко, работавшего врачом. Третья сестра Елена Митрофановна, в замужестве Анисимова, также была врачом. По ней и по ее братьям, Ивану и Николаю, работавшим инженерами-путейцами на железной дороге, прошли своим безжалостным катком двадцатые годы гражданского расслоения и расстрельные тридцатые годы, давившие в людях все человеческое и раскидывавшие семьи по разным сторонам. Кто-то оказался в числе «врагов народа», а в ком-то навсегда укоренилось чувство боязни не только общаться с родственниками, но просто упоминать вслух их имена. Даже в 1960-е годы, после реабилитации, этот страх все еще сидел в людях, перенесших невзгоды, боль и потери Великой Отечественной войны. Старшая Тамарина тетька, Калерия Семеновна, член КПСС, участница войны, никогда, вплоть до самой смерти, не вспоминала и ничего не говорила о своих корнях и близких.

Впоследствии я неоднократно бывал в доме у Черниковых. Еще до регистрации брака я провел сватовство, хотя эта процедура была всеми порядком подзабыта. В роли сватей выступали моя мама и родная тетька, Матрена Афанасьевна. Видимо, взял верх сидящий в моих генах и присутствующий казачеству консерватизм во взглядах на этот важный для каждого человека жизненный шаг. Сватовство состоялось. Наверное, благодаря тому, что Тамара тоже с самого детства видела в браке нечто нерушимое и святое, верила, что человеку дана одна жизнь и одна любовь, перед которой все другое теряет значение. Мое предложение о замужестве она приняла сразу, не жеманясь и не набивая цену.

Нет таких крепостей, которые не взял бы вооруженный любовью мужчина. Из разговоров со своими товарищами и знакомыми я знал, что большинство мужчин втайне гордятся своими любовными успехами, и всякое доказательство умения покорить женщину, увлечь и удержать ее рождает в них уверенность и смелость. Я не был избалован подобными победами. Просто, в соответствии с нелюбимой всеми студентами наукой о прочности элементов сооружений и деталей машин, у каждого материала есть свой предел выносливости, сверх которого он больше не сопротивляется нагрузке. Этому непреложному закону подвластны и человеческие отношения, в том числе и между мужчиной и женщиной. Радость общения может достигнуть такой степени, что любая добавка становится уже неощутимой: наполненная до краев чаша не приемлет больше ни капли. Именно тогда следующим шагом становится женитьба.

Мы зарегистрировали наши отношения без особых затей. 30 июня 1962 года (а это была суббота — рабочий день), не оповещая сотрудников о своем решении, мы встретились на привокзальной площади Пятигорска и поехали на такси в Горячеводский загс — по месту моего жительства. Вскоре туда подъехали наши свидетели: Геннадий Удовенчик с женой Мариной и Вера, Тамарина подруга, с которой они вместе работали на почте. Вера сейчас живет в Санкт-Петербурге, и спустя много лет Тамара Федоровна стала крестной матерью ее внучки, которую тоже назвали Тамарой.

Торжественный акт бракосочетания состоялся, когда мне было двадцать шесть лет. После регистрации все поехали к Вере домой: другого места тогда у нас в городе не было. У них оказалось домашнее вино. Ребята и родители Веры поздравили нас, подняли бокалы за нашу счастливую семейную жизнь, прокричали «горько!». Тамару в этой семье любили. Брат Веры был даже к ней равнодушен. Но долго засиживаться за свадебным столом мы не могли. В два часа дня мне нужно было выехать с коллективом Ставропольэнерго в Приэльбрусье на экскурсию, организатором которой был я — секретарь комсомольской организации.

В моем распоряжении было два автобуса. Как только экскурсанты расселись по своим местам, я зашел в автобус и громогласно объявил:

— Я женился! А это — моя жена!

Весь автобус залился дружным смехом:

— Вот заливает!

Никто мне не поверил. Но и Тамара на вопросы сотрудников не давала утвердительного ответа, смеялась, отшучивалась. Один я стоял на своем.

Приехали мы в Приэльбрусье вечером и остановились в альпинистском лагере «Баксан». Красивейшее место! Запомнился мост, перекинутый через бурлящий белой пеной Баксан, при въезде в альплагерь.

Ко мне с улыбкой подошли сотрудники:

— Правда что ли женился?

— А вы до сих пор не верите?

— Ну, коли так — играем свадьбу!

Ребята быстренько выложили на столы все, что привезли с собой, договорились о продлении работы электростанции. Все было, как на настоящей свадьбе, а, главное, — песни и танцы до упаду. Гуляли почти всю ночь.

И было этой свадьбе места мало:

И неба было мало, и земли...

Но сомнение в реальности нашей женитьбы у народа все же сохранялось, и всем не терпелось увидеть, где мы с Тамарой, как муж с женой, расположимся на ночлег.

Рано утром Геннадий Удовенчик, Владимир Пупков (муж работницы планового отдела РЭУ Ставропольэнерго) и я в честь знаменательного события в моей жизни решили совершить восхождение на Эльбрус. Это была, наверное, самая большая дурь, которую я мог когда-либо сделать.

Пошли мы не там, где были проложены маршруты, а какими-то неизвестными тропами. Не добравшись до отметки четырех тысяч метров, повернули обратно. Спускаться было еще тяжелее, чем подниматься. Когда мы спустились, было темно. Нас ждали. Моя молодая жена стояла молча, потупив голову. Рядом с ней, безмолвным укором Геннадию, маячила в сумерках его беременная жена. А жена Пупкова, третьего «героя», не обращая внимания на уважаемую публику, от всей своей щедрой на эмоции русской души крыла непутевого муженька — и нас вместе с ним — самыми последними словами.

Спустя четверть века мы с Тamarой Федоровной отдыхали в кисловодском санатории «Красные камни». В один их последних дней июня мы поехали в Приэльбрусье, разместившись на санаторной базе 4-го Главного управления при Министерстве здравоохранения СССР. Едва мы расположились, как к нам приехали наши энергетики из Каббалэнерго, предложившие отметить здесь рядом нашу встречу, наш приезд на родину «торжественно, по-кавказски». Но какой в горах праздник без барана, шашлыка и шурпы? Перейдя по мосту через реку Баксан, мы оказались на красивой площадке. Знакомое место... Да это же тот самый альплагерь, где мы в ночь с 30 июня на 1 июля 1962 года, делившую год пополам, как прямой пробор волосы, отметили экспромтом свою свадьбу! На том же, памятном для нас, месте — у подножия седоглавого Эльбруса, в то же самое время года, но спустя двадцать пять лет, мы отметили и серебряную свадьбу — и тоже в кругу энергетиков. Наверное, это — судьба!

Накануне свадьбы моя мама, Анастасия Андреевна, нашла нам с Тamarой квартиру в станице Горячеводской, неподалеку от ресторана «Колос». Это была девятиметровая комнатка, в которой мы, уже после свадьбы, поставили двухконфорочную железную печь для отопления и приготовления пищи. Платить за комнату пришлось немалые по тем временам деньги — 25 рублей в месяц. Мы с Тamarой решили сразу после свадьбы жить самостоятельно.

Официальные свадебные торжества состоялись в Константиновке, в доме Тamarы. Столы были накрыты на улице под навесами. Члены горкома комсомола, которым четыре километра пришлось идти пешком, из процедуры вручения подарков устроили настоящий театр. Подражая восточным караванам, они друг за другом вносили подвешенные на шестах большие коробки, долго их распаковывали, вытаскивали огромный

объем мятой оберточной бумаги. А затем, к бурной радости гостей, доставали со дна... какой-нибудь поднос с двумя ложками. Подарки были дешевые, но были дороги их внимание и радость за нас.

Утром участники свадебного пиршества устроили велосипедные гонки по станице. Геннадий упал, разбил лицо, посадив себе под глазом огромный «фонарь». Некоторые гости по неосторожности порвали одежду. На этом торжестве с моей стороны присутствовали мама, брат Александр с женой Раисой и тетя Матрена Афанасьевна. Мама меня сразу предупредила, что будем организовывать свадебное торжество и у нее дома в Марьинской.

На свадьбу в Марьинской собрались около 200 родственников, друзей и близких знакомых. Из города Орджоникидзе приехал мой дедушка, Андрей Иванович Акулов, со своей женой, бабушкой Евдокией. Из Пятигорска на свадьбу мы выехали с другом Геннадием и его беременной женой на автомашине ГАЗ-51 с двумя кабинами. За станцией Зольская в машине застучал мотор. Что делать? Идти пешком пятнадцать километров, да еще с беременной женщиной? Дорога была пуста — движения никакого. Тамара с Мариной стали мыть руки и ноги в небольшой протоке реки Золка. Прошло минут сорок — и вдруг показалась до краев загруженная пшеницей бортовая автомашина, ехавшая в нашу сторону. Водитель вошел в наше положение и помог женщинам и нам забраться в кузов — прямо на зерно. Разве это не символично: молодая семья, сидя на зерне, въезжает на свадьбу в родную станицу мужа, где веками люди все свои силы отдавали хлебу и ценили его превыше всего. Хлеб — всему голова!

Когда свадьба была в самом разгаре, отчим Тамары, Леонид Сергеевич, выпив спиртного, приревновал Удовенчика к моей теще, выделявшейся среди других женщин молодостью и красотой. Позже я тоже допустил в ее адрес высказывание, вызвавшее чувство неловкости и смущения у всех присутствующих. Жизнь подчас лепит ситуации из самого невообразимого материала. Однажды, когда я работал главным инженером Кавминэнерго, мы собрались у тещи (не помню уже по какому поводу). За столом были Леонид Сергеевич, моя мама, Инна Семеновна, Тамара и я. Неожиданно теща, обращаясь к моей маме, пожаловалась, что я ее не называю мамой. Тогда я посмотрел на тещу и тихо произнес:

— Ну, как мне называть вас своей мамой? Ведь вы еще в таком возрасте, что я могу в вас и влюбиться.

Разница между нами была небольшая — всего тринадцать лет. Последовала немая сцена. Наверное, мои слова прозвучали и двусмысленно, и грубо. Может быть, мне надо было выбрать другую форму для выражения в общем-то правильной мысли. Но с этого дня теща больше не претендовала на то, чтобы я называл ее мамой.

В возрасте 49 лет с тещей произошел несчастный случай: после черепно-мозговой травмы она была частично парализована. Тамара в течение полугода не отходила в больнице от своей мамы — и помогла ей справиться с бедой. Остались парализованными нога и рука. Двадцать последующих лет теща вела малоподвижный образ жизни, но все равно обслуживала себя самостоятельно и даже поддерживала порядок в двухкомнатной квартире. Это была самостоятельная женщина с сильным характером. Сколько книг она прочла за эти годы! Несмотря на наши настойчивые просьбы, она ни в какую не соглашалась переезжать к нам в Москву. Впоследствии я посодействовал Леониду Сергеевичу в переводе на должность электрика Горячеводской ГЭС. Но он почему-то боялся меня, как огня, и обращался только на «вы». К большому нашему сожалению, на шестидесятом году отчим Тамары ушел из жизни.

После женитьбы я первым делом решил съездить к деду Андрею Ивановичу в г. Орджоникидзе. Он встретил меня с женой у поезда, решительно, невзирая на протесты, схватил наши чемоданы и нес их без отдыха до трамвайной остановки. В вагоне ему, конечно, уступили место, а он, как галантный кавалер, усадил на него молодую невестку. Сидела у джигита, что дорогая оправа у кинжала. Тогда, в 79, он, говорят, «крутил любовь» с сорокалетней женщиной, работавшей шеф-поваром в пионерском лагере. На это мне пожаловалась бабушка. Когда я что-то хотел спросить его по этому поводу, он посмотрел на меня и сказал: «И ты туда же?» Прожигаемый острым мужским взглядом, я устыдился своей бестактности.

Говорят, мужчина влюбляется не в женщину, а в тот образ, который создает в душе. Пусть будет так. Значит, я не ошибся в своем выборе. Именно такую спутницу жизни, как Тамара, я представлял в своих юношеских грезах. А вероятность ошибки всегда велика. Ведь даже при взгляде на одну общую звезду угол зрения у каждого человека — свой, а поэтому звезда видится по-разному. Более того, как показывают исследования, женщины и мужчины — это совершенно разные планеты. Они по-разному воспринимают, например, цвета радуги, сочетания оттенков вызывают у них совершенно несовпадающие ассоциации. Женщины и мужчины по-разному говорят, используют неодинаковые синтаксические конструкции, образные ряды. На протяжении веков за теми и другими общественное сознание закрепляло разные модели поведения. Представляете, как трудно в такой ситуации выбрать ту единственную, которая подходит тебе на все сто процентов!

«Не дай Бог молодому человеку настроиться на то, чтобы искать «девушку своей мечты», — предупреждал философ Сергей Сергеевич Аверинцев, — весьма велика вероятность, что как раз та, которая вполне

могла бы стать для него радостью и спасением, наименее похожа на этот призрак, а другая, напротив, ложно ориентирует его обманчивым сходством». Мне повезло: «девушку своей мечты» я нашел в Тамаре. По основным позициям мы воспринимаем окружающий мир почти одинаково, наши взгляды, как правило, совпадают. Но это не однообразно-утомительное совпадение, похожее на ровную линию горизонта, теряющуюся в белесом мареве пустыни. Нашу похожесть можно сравнить с экраном осциллографа, на котором острыми зигзагами бьются две наполненные силой и мощной энергией линии сердечных ритмов. Кажется, Фазиль Искандер называл счастливым мужчину, у которого есть женщина, сочетающая в себе талант и любовь. Любовь учит ее выбирать качественные ингредиенты для семейного котла, а талант помогает правильно понять соотношение огня и того, что на нем варится. Не зря в старину говорили: выбираешь жену — выбираешь судьбу, а кого любит женщина — того и Бог бережет.

Всякий, кто помнит первые годы своей супружеской жизни, поймет те перемены, которые произошли во мне после брака, ибо любой человек, связавший себя узами Гименея, в какой-то мере подпадает под влияние домашнего окружения. Моралисты утверждают, что в любви мы забываем о себе. Напротив, чем глубже чувства, тем больше возможности раскрыться, стать самим собой. Раскрываясь для любимой, чувствуешь себя Фархадом, способным перевернуть горы, чтобы добраться до животворного источника. В нашей семье с самого начала были совсем не пустыми звуками такие понятия, как привязанность и любовь. Мы не считаем эти чувства выдумками художников и поэтов, коим якобы «по должности» положено приукрашивать окружающий мир, делать его более теплым для человеческого существования.

Все свои лучшие качества Тамара Федоровна передала, как эстафетную палочку, нашим детям. Я, естественно, мечтал о мальчике. Но в 8 часов утра 9 мая 1963 года — в светлый праздник Великой Победы — у нас родилась девочка. Возможность ее появления на свет сберегалась тысячелетиями, наши предки пронесли ее через всю историю нашего рода. Пришло время, сошлись, совпали какие-то шифры таинства, и она — с нами... Уже на второй день после родов Тамара, как всегда бывает в подобных случаях, свешиваясь через окно родильного дома, спросила меня:

— Как назовем дочку?

В этот миг словно кто-то прошептал мне на ухо напевно звучащее имя, и я произнес:

— Светланой.

— Почему Светланой? — в недоумении пожала плечами молодая мать. — Ведь она — темненькая, шатенка.

— По масти только лошадей называют, — парировал я с чувством отцовского превосходства. — А Светлана — от слова «свет». Не зря это имя, дышащее теплом и лаской, испокон веку на все лады воспевается поэтами.

Таким образом, нас стало трое. В семье действительно стало светлей и теплей. С этого дня я впервые понял, что значит быть отцом и продолжать жить в детях.

Во все времена человек стремился обособиться от других в своей личной жизни, и выражением такого обособления всегда было отдельное жилье. «Благо тому, у кого есть дом!» — обычно восклицали дервиши, приближаясь пыльными дорогами к воротам большого города. Скоро такое благо появилось и у нас с Тamarой. В июне 1963 года жилищная комиссия РЭУ Ставропольэнерго выдала нам ордер на первую в моей жизни новую малогабаритную трехкомнатную квартиру, расположенную в пятигорском микрорайоне «Ромашка». Мы переехали в благоустроенное жилье из девятиметровой комнаты частного дома без удобств, где прожили более года. В эту комнатку после свадьбы я привел свою молодую жену и сюда же принес свою первую дочь из роддома. Эта маленькая комнатка была приютом и для многих наших комсомольских друзей, которые являлись к нам без предупреждения, съедали все, что можно было съесть, и часто оставались ночевать.

Потом наступили будни. Я уходил на работу, мотался по командировкам, участвовал в общественной жизни города, а семью тянула Тамара. При этом она сама продолжала трудиться в почтовом отделении. Тамара относилась к своему делу так серьезно, как будто важнее ничего на свете не было. На нее обратили внимание — и назначили начальником почтового отделения в курортной зоне Пятигорска. Эта новость меня не обрадовала. Я сразу заявил жене, что там она работать не будет. Тамара ударилась в слезы, пыталась меня убедить, но я был непреклонен. Она заявила:

— Тогда иди к моему начальству и увольняй меня сам!

На следующий день мы с Тamarой заехали к начальнику отдела кадров Пятигорского городского узла связи, человеку, намного старше меня по возрасту. Мы были знакомы по горкому КПСС, где он был председателем комиссии по персональным делам. Я сообщил ему без обиняков, что моя жена отказывается от нового назначения и остается на старом месте работы.

— Почему? — недоуменно спросил кадровик.

— Мне нужна жена в семье, дома, она должна заниматься детьми, — демонстрировал я мужскую непреклонность. — А тем более в курортной зоне она работать не будет!

— Да вы, молодой человек, феодал! — услышал я в ответ жесткий приговор.

— Лучше прослыть феодалом, — заявил я, — чем потерять жену и семью. А я этого не хочу!

Начальник отдела кадров с интересом наблюдал за реакцией Тамары. Но она хранила молчание, никак не обозначая своего отношения к происходящему. Вынужденный согласиться с моими аргументами, начальник взял у Тамары заявление, написанное ею заранее. Тамара осталась работать на прежнем месте.

Впоследствии Тамара заочно получила библиотечное образование: к книгам она тянулась с самого детства. Благодаря ее стараниям, книга заняла в нашей молодой семье достойное место. Увлекаясь историей России, мы собрали достаточно обширную библиотеку. «История, — утверждал в одном из своих писем Василий Андреевич Жуковский, — необходимее всякой другой науки, она возвышает душу, расширяет понятия и предохраняет от излишней мечтательности, обращая ум на существенное». Но свободного времени, чтобы зачитываться преданиями старины глубокой, у нас, к сожалению, не было. Мешали суровые жизненные обстоятельства. Когда меня отстранили от исполнения обязанностей главного инженера Кавминводского предприятия электрических сетей, на Тамару, помимо психологических, легли и финансовые проблемы. Срочно окончив курсы экскурсоводов, она стала возить экскурсии по городам Кавказских Минеральных Вод.

Экскурсовод — это профессия, требующая всесторонних знаний. Здесь мало прочесть соответствующие книги, изучить необходимые карты и схемы. Это творческий процесс сопереживания, когда есть только одна возможность: с головой погрузиться в то время, о котором рассказываешь, понять героев этого времени, как своих ближайших людей. У Тамары это получалось здорово: она любит и умеет работать с людьми.

Наша семья, преодолевая житейские трудности, наливалась новой силой, как в лучах чуть блеснувшей утренней зари раскрывается на стебле сомкнутый и побитый ночным морозом дольний цвет. А для меня с этих пор жизнь состояла не из общих суждений о ней, как бы красивы они ни были, а из простых и естественных, наполненных добротой взаимосвязей в семейном кругу, где все было надежно пригнано, состыковано и сбито.

Глава 15

Высокая энергия

Свою работу я сравнил бы с работой оператора при съемке кинокартины. Что здесь главное? Конечно же, свет. Режиссер может только сказать, чего он хочет: чтобы было солнце или вечер. А все остальное — дело оператора: как поставить свет, чтобы ни у кого не появилось сомнения в том, что это именно вечер, а не ненастная погода. Мне приятно осознавать, что свет, поставленный моими руками и руками моих коллег, принес радостное настроение во многие семьи, облегчил труд тысячам и тысячам простых тружеников, дал возможность людям приобщиться к общей культуре и цивилизации. Труд энергетика — красив, плоды его труда — на глазах огромного количества людей. Размашистые шаги стальных опор линий электропередачи как бы символизируют победный марш исполинов, стремящихся дойти до последних пределов известного мира.

...Наступил 1964 год. На экраны страны вышел художественный фильм «Председатель» режиссера Алексея Салтыкова. Эту картину посмотрели буквально все взрослые люди, ибо детям до шестнадцати лет вход был запрещен. Успех фильма был настолько велик, что даже пресса, настроенная поначалу крайне враждебно, хвалила его взахлеб. Для меня этот фильм был интересен тем, что его авторы под новым углом зрения рассмотрели методы хозяйствования, отношение к порученному делу, показали руководителей новой формации и простого человека труда. Меня поразил образ Егора Трубникова, сыгранный Михаилом Александровичем Ульяновым страстно, темпераментно, на разрыв души. Этот интерес обострялся еще тем, что в каждом коллективе, во всех партийных организациях страны проводилась постоянная и активная пропагандистская работа, заострявшая внимание людей на реализации программы построения коммунизма. Программы, нацеленной на решение триединой задачи: создание материально-технической базы нового общества, развитие коммунистических общественных отношений, воспитание нового человека. Создавать материально-техническую базу предполагалось на основе полной электрификации страны и полной механизации всех производственных процессов. А воспитание нового че-

ловека мыслилось осуществлять на базе «Морального кодекса строителя коммунизма». После февральского Пленума ЦК КПСС — с целью повышения эффективности сельскохозяйственного производства — к лозунгу «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» была добавлена фраза «плюс химизация сельского хозяйства».

К 70-летию Хрущева для широкого показа по всей стране был выпущен документальный фильм «Наш дорогой Никита Сергеевич». Новая волна восхваления первого секретаря ЦК компартии, поднятая в средствах массовой информации после развенчания культа И. В. Сталина, разгрома антипартийных групп, проведения кадровых перетрясок и сплошных реорганизаций, вызвала у меня, как и у большинства советских людей, чувства недоумения, разочарования и беспокойства. По стране пошел «гулять» анекдот, в котором рассказывалось, что И. В. Сталин после своей смерти якобы оставил своему преемнику три пакета. Эти пакеты необходимо было вскрывать поочередно, через определенные интервалы времени, чтобы, после прочтения содержимого, руководствоваться указаниями ушедшего вождя в практической деятельности. В первом пакете было написано «вали все на меня», во втором — «начинай реформы», а в третьем — «делай, как я».

В Пятигорске, как и по всей стране, шла подготовка к проведению торжественного собрания городского партийно - хозяйственного актива, посвященная 70-летию юбилею Н. С. Хрущева. Мне, представителю комсомольской и партийной организаций Ставропольэнерго, не предложили, а поручили выступить на этом собрании, хотя у меня не было никакого внутреннего желания петь хвалебные оды трудовым победам, одержанным страной во главе с «верным ленинцем». Я выступил, точнее зачитал текст выступления, от которого в душе остался какой-то неприятный осадок.

В апреле 1964 года, в рамках мероприятий, посвященных 94-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, я выступил перед коллективом Ставропольэнерго с подготовленным по собственной инициативе докладом «В. И. Ленин в воспоминаниях современников». Вместе с одним преподавателем торгового техникума мной был собран богатый материал, в котором Ленин предстал без глянца и приукрашиваний, таким, каким он был на самом деле, — умным, строгим и жестоким руководителем. Вот только один из примеров, который мы включили в свой доклад. Москва. Рано утром к Максиму Горькому прибежали две заплаканные женщины, знакомые ему по Нижнему Новгороду. Они приехали с мужьями в столицу, чтобы продать пуд зерна и купить какую-нибудь одежку — совсем обносились. «А на рынке мужей наших арестовали сотрудники ВЧК! Помогите их освободить!» — обратились женщины к писателю. Горький

пошел на прием к Ленину и изложил суть просьбы. Владимир Ильич позвонил Дзержинскому. Поинтересовавшись задержанными нижегородцами, он попросил председателя ВЧК проинформировать его о числе умерших в Поволжье от голода. Вероятно, Феликс Эдмундович назвал какую-то цифру. Ленин насупился и, не глядя на Горького, бросил в телефонную трубку короткое слово: «Расстрелять!»

1964 год запомнился мне также неожиданной отставкой с поста первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева, которого иностранная печать называла «крестьянином, изменившим мир». Отставка была осуществлена кремлевской верхушкой по всем беспощадным правилам государственного переворота. Уход Хрущева сам по себе не означал наступление регресса: устав от бесконечных и бессмысленных встрясок, люди жаждали более разумного, взвешенного, эффективного ведения дел. Однако их надежды были напрасны. Инерционно страна еще куда-то двигалась, но двигатель уже перешел на холостые обороты.

Пришедший к верховной власти в СССР Брежнев круто повернул руль корабля и повел судно страны от «порога коммунизма», выстраданного, по образному выражению Александра Серафимовича, «в пламени войн, порою в голоде, в холоде, в смертных муках», в тихую заводь, вошедшую в историю под мрачным термином «стагнация». По всей великой державе сверху донизу началась работа по заделыванию идеологических отдушин. Стали заявлять о себе диссиденты, жаждавшие радикальных перемен. Но до них, как гласит народная пословица, надо было пройти еще ровно семь верст - и все лесом.

Обстоятельства жизни подвели меня к очередной важной профессиональной ступени. По согласованию с краевым и районным комитетами КПСС я был назначен главным инженером Кавминэнерго — предприятия электросетей Кавказских Минеральных Вод (КЭС). В те годы оно включало в себя электрические сети напряжением 110, 35, 10 и 6 кВ с районными подстанциями, более одной тысячи трансформаторных подстанций (ТП) и огромную распределительную сеть напряжением от 0,4 кВ и выше. Генерирующими источниками предприятия являлись Кисловодская ТЭЦ и девять малых ГЭС: Бекешевская, Боргустанская, Суворовская, Эссентукская, Горячеводская, Первомайская, Джагаская, Учкукенская и Терезе. Одно перечисление этих названий звучит для меня поэтической строкой!

В зону электроснабжения Кавминводских электросетей входила обширная территория: города и населенные пункты Кавминвод, а также все колхозы, совхозы и промышленные предприятия четырех районов: Предгорного (г. Эссентуки), Минераловодского (г. Минеральные Воды), Курсавского (с. Курсавка), Малокарагаевского (г. Учкукен). Здесь на

практике реализовывалась важнейшая для государства программа электрификации сельского хозяйства этих районов.

На мысль о переходе на должность главного инженера Кавминэнерго меня подтолкнул начальник производственно-технической службы предприятия Тимофей Андреевич Артюхов, выпускник Брюховецкого сельскохозяйственного техникума, долгое время исполнявший обязанности главного инженера предприятия Кавминэнерго. Артюхов был старше меня лет на девять, но СКГМИ окончил на год позже. Прекрасный специалист своего дела, накопивший большой опыт работы в сельской энергетике и эксплуатации малых ГЭС, он убеждал меня доверить себя его предвидению.

Направляясь в Кавминэнерго, я помнил народное поучение: «При входе в чужой дом снимай шапку». Воспитанный на станичных традициях, я знал цену первого впечатления о человеке, когда к нему начинают придирчиво приглядываться. И мне не хотелось, несмотря на присущий дух противоречия и упрямства, понапрасну конфликтовать с коллективом предприятия, который, кстати, принял меня довольно доброжелательно.

Директором предприятия был тогда хорошо известный среди сельских энергетиков края Максим Павлович Колосов, тоже выпускник Брюховецкого сельскохозяйственного техникума. Это была противоречивая личность. С одной стороны, он слыл инициативным, смелым, действующим «с размахом», доступным и общительным руководителем, «своим в доску парнем». Умел находить точки соприкосновения с любым человеком, независимо от ранга и должностного положения. С другой — обладал удивительной способностью легко раздавать обещания и тут же о них забывать. Директор, если это было «нужно для дела», мог соврать и не покраснеть. А еще Максим Павлович был неподражаем в своем стремлении угодить вышестоящему руководству. Быть замеченным и желательно высоко оцененным — в этом, пожалуй, состоял главный движитель его деятельности. Колосов жил по результативному житейскому принципу: «Я — вам, ну, а вы, естественно, — мне». В несколько авантюристической натуре Колосова можно было найти немало и положительных черт. Но все портила одна распространенная, все сводившая к нулю, болезнь: непреодолимое пристрастие к спиртному. Вся тяжесть руководства производственно-хозяйственной деятельностью предприятия легла на мои плечи. Колосов с удовольствием свалил ее на меня.

Связь Кавминводских электрических сетей с «большой энергетикой» была слабой. Поэтому главной задачей на ближайшую перспективу я определил работы по проектированию, строительству и вводу в эксплуа-

тацию ряда крупных подстанций напряжением 110 и 35 кВ. Включить их в план строительства мне помогли связи со Ставропольэнерго и Главюжэнерго Министерства энергетики и электрификации СССР. Забегая вперед, скажу, что при моем участии и под моим руководством в КЭС были введены в эксплуатацию подстанции 110 кВ: Эссентукская, Минераловодская, Курсавская, Кисловодская и Новоблагодарненская, а также подстанции 35 кВ: Юцкая, Бекешевская, Суворовская, Гражданская, Нагутская, Боргустанская, Железноводская и Пятигорская. Были обновлены почти все сети напряжением 10 и 0,4 кВ и построены новые линии напряжением 110 и 35 кВ ко всем вышеперечисленным подстанциям.

Окружавшие меня в коллективе люди работали с огоньком. Наш рабочий день начинался в семь утра и продолжался до поздней ночи. Любые указания, которые мне по долгу службы приходилось отдавать подчиненным, выполнялись беспрекословно и в срок. Я старался не упускать из поля зрения ни одного подчиненного мне работника, вовремя поощрял каждого, в том числе и материально, кто этого заслуживал по результатам труда, старался видеть и слышать подчиненных. В коллективе я чувствовал себя, как рыба в воде.

Работа главным инженером Кавминводского предприятия электрических сетей дала мне многое. На этом, на первый взгляд, вроде бы не крупном предприятии были сосредоточены все виды энергетики малых форм, в том числе Кисловодская ТЭЦ, которая послужила для меня хорошей основой для получения опыта инженера-теплотехника: мне пришлось досконально изучать режимы работы котлов среднего давления и паровых противодавленческих турбин. Пройдя школу Кавминводского предприятия, я был в определенной степени подготовлен для работы в широком диапазоне: и с тепло-, и с гидроэлектростанциями.

Здесь, на Кавказских Минеральных Водах, на реке Подкумок, в 1903 году начала действовать гидроэлектростанция «Белый уголь», а в 1913 году была построена Центральная тепловая электростанция. В том же 1913-м впервые в мире была осуществлена параллельная работа тепловой электростанции и гидроэлектростанции, что стало прообразом будущих энергосистем. В честь этого события в городе Пятигорске даже сооружен памятник. На месте Центральной тепловой электростанции в настоящее время расположена производственная база ОАО «Пятигорские электрические сети» — одного из крупнейших предприятий коммунальной энергетики Ставропольского края и единственного коммунального предприятия России, работающего на федеральном оптовом рынке электрической энергии (мощности) (ФОРЭМ). Последние десять лет этим предприятием успешно руководит выходец из «большой энергетики» Валерий Альбертович Хнычѳв, которого я в свое время назна-

чил главным инженером предприятия «Светлоградские электрические сети» Ставропольэнерго. В 1983 году руководство и коллектив ОАО «Пятигорские электрические сети» организовали музей «Первые шаги электроэнергетики». Этот уникальный музей был создан благодаря большим усилиям Юрия Андреевича Александрова — бывшего главного инженера вначале Кавминводского треста коммунальных электросетей, а потом — Пятигорских электрических сетей.

Кавминводское предприятие стало для меня лабораторией, своеобразным полигоном для обкатки научных разработок, прежде всего по тематике, связанной с обеспечением надежности энергоснабжения при гололедных образованиях. Северный Кавказ — это район, где обледенение проводов рассматривается как стихийное бедствие. Наверное, именно поэтому в Кавминводах были созданы первые и единственные в Советском Союзе лаборатория и станция по изучению гололедных проблем. Опасность этого явления состоит в том, что гололед образуется при туманах, когда температура воздуха колеблется от 0 до минус 1–2° С. При этом на провода налипают толстая ледяная «колбаса» диаметром до двадцати сантиметров: один погонный метр такой наледи весит почти десять килограммов. Провода и тросы не выдерживают такой тяжести, провисают и рвутся. Бывают даже случаи падения опор.

Специальные бригады рабочих отчаянно боролись с этой напастью примитивным способом, сбивая наледь шестами, что было совершенно неэффективно. Необходимо было разработать такую системообразующую сеть, которая обеспечивала бы профилактический обогрев проводов за счет нагрузки. Но для этого нужно было секционировать сеть и иметь достаточные трансформаторные мощности для переменного тока. Разработка системного подхода к предотвращению гололедных аварий с учетом человеческого фактора стала основной исследовательской темой всей моей дальнейшей научной деятельности.

Между тем работать приходилось в непростой экономической обстановке. В энергетической отрасли происходил процесс передачи электрических сетей, принадлежавших колхозам и совхозам, в состав Министерства энергетики и электрификации СССР. Приобретая колхозные электрические сети, мы стремились оценить их как можно дешевле, чтобы сэкономить государственные средства, а нам давали плановую разрядку: купить сетей, к примеру, на 5 миллионов рублей. В случае попытки приобретения требуемого количества на два миллиона рублей, с тем чтобы три — сэкономить, вступали в силу законы планового хозяйства и следовало обвинение в срыве плана. Все было доведено до абсурда.

В 1965 году Совет Министров СССР под руководством Алексея Николаевича Косыгина предпринял попытку частично реформировать

народное хозяйство страны. Суть нововведений сводилась к внедрению элементов рыночных регуляторов (прежде всего таких, как прибыль и рентабельность) в планово-распорядительную систему. Важнейшим ее элементом было расширение хозрасчета и повышение экономической самостоятельности предприятий. Общий объем продукции, как главный показатель плана, заменялся объемом реализованной продукции. Вышестоящим органам запрещалось изменять план в период его выполнения. Предприятиям разрешалось из части заработанной прибыли создавать фонды: развития, материального поощрения и на социально-культурные нужды. Рациональное расходование средств двух последних фондов должно было способствовать повышению уровня и качества жизни советского народа.

Период с сентября 1965 по август 1968 года был самым результативным, поскольку к реформам был проявлен максимальный интерес со стороны политического руководства, и большая часть отраслей перешла на новые условия работы. Косыгинская реформа дала ощутимые результаты в деле повышения жизненного уровня. Люди стали лучше одеваться, отдыхать, обеспечивали себя бытовой техникой. Постепенно решалась жилищная проблема. Благодаря новым веяниям, Кавминводское предприятие сумело накопить деньги на строительство санатория «Солнечный луч» в Адлере и приступило к строительству базы отдыха в Архызе по проекту грузинских специалистов. В коллективах, окрыленных новыми перспективами, ощущался такой прилив созидательных сил, что можно было сворачивать горы.

Максимально отдавая себя производству, я параллельно занимался и преподавательской деятельностью: на вечернем отделении Ессентукского библиотечного техникума читал курс по информационным системам и техническим средствам, обеспечивающим их функционирование. В своем стремлении сделать больше, лучше, качественнее я, наверное, часто уподоблялся одинокому наезднику, который, отделившись от едущих тесной гурьбой сотоварищей, торопит в горячке своего верного коня, чтобы, ради вящей славы, первым вступить в бой. Мог ли я знать тогда, что очень скоро судьба еще предоставит мне возможность помериться силами с опасным противником...

Хрущевские семилетки, как и восьмая пятилетка 1966–1970 годов, были самыми удачными за все послевоенные годы. Но уже после первого года работы с новой системой планирования и стимулирования в верхах, да и в низах партийно-государственной номенклатуры, в большинстве своем не принявших реформу, посчитавших хозрасчет посягательством на свою власть, начало распространяться мнение о том, что якобы допускается опережение заработной платы над производительностью труда.

У нас на Кавминводском предприятии заработная плата никогда не превышала 5–10% от объема реализованной продукции. Становилось очевидным, что положительный потенциал косыгинской реформы начинал постепенно сводиться на нет. Происходило возвращение к контролю за численностью персонала.

Решившись на внедрение отдельных рыночных регуляторов в административно-командную систему, реформаторы не дали главного для рыночной экономики — свободно регулируемых цен. Это неизбежно ограничивало действие таких рычагов, как прибыль и рентабельность, и со временем приводило к обострению многих серьезных проблем (скрытой инфляции, всеобщему дефициту, прибыли не за счет роста эффективности, а путем искусственного завышения цен и т.д.). Выбор был сделан в пользу сворачивания реформы. Создавалось впечатление, что общественно-политическая система на пятидесятом году своего существования уже не могла генерировать жизнеспособные идеи.

В таких экономических реалиях всей стране, в том числе и нашему Кавминводскому предприятию пришлось жить еще несколько лет — до начала семидесятых, борясь за свое место в энергетической отрасли. А в 1966 году меня вызвал к себе управляющий Ставропольэнерго Александр Петрович Кустов:

— Вы должны завтра утром лететь в Москву, — проговорил он несколько напряженным, как мне показалось, голосом. — Там решается вопрос о вашем выдвижении. Я потом вам обо всем расскажу более подробно. А сейчас — вот вам два пакета. Один вы сразу отдайте Борису Васильевичу Автономову, а второй пока придержите у себя. Вручите его, когда я вам скажу.

Озадаченный необычностью поручения, я вышел из кабинета управляющего в глубоких раздумьях. В двенадцатом часу ночи, когда я уже готовился ко сну, раздался телефонный звонок. Александр Петрович заговорил так, будто продолжал беседу, начатую в его кабинете:

— В первом пакете — препроводительное письмо на имя начальника главка и представление для назначения вас на должность заместителя управляющего Ставропольэнерго по сельской энергетике и распределительным сетям. Но я вам не рекомендую идти на эту должность. Во втором пакете — тоже представление на вас, но для назначения заместителем главного инженера по электрической части. Если на вас будут давить, то вы предъявите второй пакет. Я еще раз повторяю: вам не надо идти на должность заместителя управляющего.

Мне все стало понятно: Кустов не хочет, чтобы я был его заместителем. Но кто же меня тогда выдвигает? Я задумался. Кому выгодно манипулировать мной, отыгрывать на моей скромной персоне сложные

шахматные комбинации? Не окажусь ли я в неудобный для себя момент в роли пешки, выпавшей за пределы игрового поля? Какие силы схлестнулись над моей головой? Насколько они готовы открыться передо мной? И намерены ли вообще делать это?

Положение было тяжелое. Я выбрал свою линию, еще не зная наверняка, куда она может меня привести. Природное чувство подсказывало: «Не отступай, ты прав! Время все расставит по своим местам — и последние станут первыми». Жизнь тем замечательна и трудна, твердил я самому себе, что каждый раз надо все решать самому и с самого начала.

Хорошо помню этот четверг. Начальник Главюжэнерго Автономов принял меня радушно, похвалил за работу, дал понять, что я числюсь у него на хорошем счету. Поблагодарив за добрые слова, я вручил ему первый пакет. Борис Васильевич вскрыл его, прочитал представление и метнул на меня вопрошающий взгляд. Я посчитал нужным сразу же заявить, что не могу согласиться с назначением на должность заместителя управляющего. Он недоуменно спросил:

— Почему?

Я попытался привести какие-то доводы, но Автономов прервал меня:

— На вашем назначении настаиваю я. Если вы еще не приняли решение, я не тороплю: у вас есть время — идите и подумайте.

Начальник главка дал мне сутки на размышление. В субботу я вновь стоял перед его очами.

— Ну что, надумали?

Тогда я подал ему второй пакет со словами:

— Вам это о чем-нибудь говорит?

Борис Васильевич понимающе покачал головой:

— Теперь мне все понятно... Но я по-прежнему настаиваю на вашем назначении на должность заместителя управляющего. Эти вопросы решаю я, а не Кустов.

Я продолжал упорствовать:

— Но работать-то с ним мне! Он же будет создавать у вас мнение обо мне. Тратить энергию на склоки с ним, когда у меня все так прекрасно складывается в Кавминэнерго, я бы не хотел. Во имя чего такие жертвы? Вы же Александра Петровича хорошо знаете.

Когда Борис Васильевич меня отпустил, я позвонил Кустову и сообщил, что отказался от обеих должностей сразу. Я понимал, что становился заложником в непримиримой борьбе между двумя руководителями. Автономов считал нецелесообразным назначать меня на должность заместителя главного инженера. Ему хотелось видеть меня именно заместителем управляющего. Казалось бы, все понятно. Но я знал и хорошую

народную поговорку: «Паны дерутся — у холопов чубы трещат». Поэтому выбрал свой вариант — остаться на предприятии, чтобы довести до конца все свои научные наработки. Мне было всего тридцать лет — торопиться было некуда. Что отсрочено, то не потеряно.

Когда я отказался от должности заместителя управляющего, Борис Васильевич очень огорчился:

— Я вас видеть не хочу! — взорвался он. — Не попадайтесь больше мне на глаза! Вы для меня списаны.

В марте — апреле 1966 года в Москве состоялся «исторический» XXIII съезд КПСС. Из общего ряда себе подобных он запомнился мне тем, что в соответствии с решением Пленума ЦК КПСС, состоявшегося после закрытия съезда, Брежнева стали именовать Генеральным секретарем. Этот высший партийный пост был учрежден в апреле 1922 года, когда Генеральным секретарем был избран И. В. Сталин. После смерти Иосифа Виссарионовича пост Генерального секретаря был упразднен. В сентябре 1953 года был учрежден пост первого секретаря ЦК КПСС: в 1953–1964 гг. его занимал Н. С. Хрущев, а в 1964–1966 гг. — Л. И. Брежнев. К очередному преемнику «высшая благодать» нисходила «по заслугам», одну из которых подметили братья Стругацкие в повести «Трудно быть богом»: «Умные нам не надобны. Надобны верные».

...Во время приездов в Ставропольэнерго в 1967 году Автономов меня не замечал. Мы с ним вновь сошлись только в 1968 году, когда начальник Главюжэнерго приехал отдыхать в кисловодский санаторий имени Серго Орджоникидзе. В здании, построенном в дворцовом стиле неоклассицизма, Борис Васильевич примирительно произнес:

— Ну, ладно, год прошел. Я вас прощаю.

В качестве жеста доброй воли он поручил мне подготовить доклад о состоянии дел в распределительных сетях, путях их совершенствования и повышения надежности. Если раньше, пояснил он, объектом заботы Министерства энергетики и электрификации СССР в основном были системообразующие сети и генерирующие источники, то теперь, после реформирования отрасли, наступила пора поворачиваться лицом к распределительной сети. Уровень напряжения в распределительной сети был относительно невысокий, от 0,4 до 110 кВ, но она имела свою специфику, была более трудоемкой, чем системообразующая сеть.

Что делает дисциплинированный солдат, получив приказ от своего начальника? Отвечает «есть» — и идет выполнять. Выполнять так, чтобы душу не парализовало сомнение в положительном исходе порученного дела, чтобы страх не повелевал умом, а руки не цепенели от нерешительности. Охваченный творческим порывом, я объездил множество энергосистем, знакомясь с их распределительными сетями, ходил,

присматривался, сопоставлял, анализировал. К установленному сроку доклад был готов.

Я выступал на совещании, проходившем на базе Грозэнерго, в городе Грозном (Чечено-Ингушская АССР), в присутствии представителей всех эксплуатационных главков Минэнерго СССР. Доклад специалистам понравился. По окончании совещания многие из них просили Автономова размножить текст доклада и разослать его по энергетическим предприятиям в качестве инструктивно-директивного документа. Министр энергетики и электрификации СССР Петр Степанович Непорожний, подписывая приказ о моем материальном поощрении, эту идею поддержал. С этого времени на министерском уровне во мне увидели специалиста, разбирающегося в распределительной электрической сети. Вскоре наше предприятие стало одним из лучших в Министерстве, к нам даже зачастили делегации перенимать опыт работы. Со своей стороны мы имели профессиональные контакты со многими предприятиями энергосистем Юга страны, но более тесные — с Азовскими электрическими сетями Ростовской области. Во главе программ этих отношений был вопрос о путях повышения уровня надежности, безопасности и живучести распределительных сетей и энергосистем в целом.

1968 год запомнился мне тремя событиями. Первые два — печальные. 27 марта погиб первый космонавт планеты Земля Юрий Алексеевич Гагарин. Своей яркой звездной жизнью он доказал: глубоко ошибаются те, кто полагает, что нужен большой промежуток времени, чтобы сложилась легенда. А через два месяца, 30 мая, умер мой дед. Андрей Иванович Акулов умиротворенно скончался в возрасте 86 лет, лежа на левом боку лицом к стене. В десять часов вечера к нему подошла бабушка, чтобы напоить кефиром, а он уже не дышал. Мой дед жил на земле под девизом: «Лучше умереть, когда хочется жить, чем дожить до того, что захочется умереть». В последний путь полного Георгиевского кавалера провожали все знавшие его соседи. Русские, осетины, ингуши, греки, армяне одной семьей сидели за поминальными столами, развернутыми во дворе дома и вдоль улицы Свободы города Владикавказа, ставшей последним земным адресом Андрея Ивановича.

Ну а третье событие 1968 года было связано с большой семейной радостью: 18 июня Тамара родила вторую дочь. Мы назвали ее Ларисой. Сын Андрюшка, о ком мы мечтали, опять не получился. Зато Лариса, наслышавшись о нашем неосуществленном желании, уже в трехлетнем возрасте лепетала: «Я — папина Андрюшка!»

В августе 1968 года, во время проведения в Москве VII конгресса Мирового энергетического совета (МИРЭС), в Прагу были введены советские войска. Узнав об этом, около двухсот членов делегации ЧССР demonstra-

тивно покинули зал заседаний. Президентом Всемирного энергетического конгресса на следующий трехлетний срок (до 1971 года) был избран наш министр — Петр Степанович Непорожний.

С начала 1960-х годов в стране был взят курс на наращивание генерирующих мощностей электростанций, в первую очередь тепловых, с крупными блоками 200, 300, 500 и 800 МВт. Хрущев подверг большое строительство крупных гидроэлектростанций, отдав предпочтение тепловым. В связи с этим возник острый дефицит специалистов, имеющих опыт работы по вводу и эксплуатации крупных блоков — 300, 500 и 800 МВт, возрос спрос на руководителей крупных энергетических объектов. В 1969 году при Институте повышения квалификации были открыты первые специальные двухмесячные курсы по подготовке резерва руководящих работников Министерства энергетики и электрификации СССР, на которые послали учиться и меня.

В нашей группе было 32 человека, из которых только четыре электрика, а остальные — теплотехники. Учебные дисциплины на курсе были самые практические и интересные. Мы изучали турбины 300 и 500 МВт, прямоточные котлы на сверхкритических параметрах для них, принципы регулирования частоты и напряжения, обеспечения статической и динамической устойчивости Единой энергетической системы страны. Теплотехники помогли мне разобраться в оборудовании, работавшем на сверхкритических параметрах. Экзамены проводились по билетной системе. Все мы получили отличные оценки «по турбинам и котлам», но вопросы, связанные с обеспечением устойчивости работы Единой энергетической системы, регулированием частоты и напряжения, поставили наших теплотехников в трудное положение. Поэтому за неделю до окончания курсов они взяли нечто вроде тайм-аута, и мы, электрики, натаскивали их так же, как они помогали нам разобраться с котлами и турбинами. Для них вместо экзамена был организован зачет.

Я благодарен судьбе, что смог пройти обучение на этих курсах, где по-настоящему изучил паровые турбины и котлы. Эти знания мне пришлось впоследствии применять во время работ на Невинномысской и Ставропольской ГРЭС в должности главного инженера Ставропольской энергосистемы и на других последующих ступенях служебной карьеры. Многие из ребят, окончивших курсы, впоследствии достигли значительных профессиональных высот, стали составной частью «золотого» административно-инженерного ресурса, в течение многих лет поставлявшего в отрасль руководителей крупнейших главков и энергосистем, внесших огромный вклад в развитие энергетики Советского Союза.

К концу 1960-х годов, в связи с развитием ЕЭС на базе крупных единичных блоков, началась как всегда непродуманная политика, а если

сказать точнее, кампания по закрытию малых гидроэлектростанций. Взяли верх интересы мелиорации сельского хозяйства. На мой взгляд, это было неправильно — забирать на орошение полей всю воду из деривационных каналов, на которых стояли гидростанции. Ведь многие малые гидростанции были бы продуктивны вплоть до сегодняшнего времени. Сейчас многие с тоской вспоминают об этом прекрасном времени торжества ресурсосберегающей технологии.

Специалисты утверждают, что технически доступный гидроэнергетический потенциал рек Российской Федерации составляет 1670 млрд. кВт.ч в год — столько энергии мы могли бы получать с помощью гидроэлектростанций. Пока гидроэлектростанции используют энергию речных течений в размере 167 млрд. кВт.ч в год. Тем самым, ежегодно сберегаются около 50 млн. тонн условного топлива и около 110 млн. тонн атмосферного кислорода, а также предотвращается выброс в атмосферу около 150 млн. тонн двуокиси углерода и около 2 млн. тонн окислов серы и азота. Если обратиться к истории вопроса, то в 1912 году в бассейне Волги было 13 326 гидросиловых установок, а теперь — 34, в бассейне Северной Двины было 2213 установок, а теперь — ни одной. Сегодня в России не используется технически доступный гидроэнергетический потенциал в объеме 1503 млрд. кВт.ч в год, что в 1,4 раза превышает выработку всех электростанций РСФСР в «пиковом» 1990 году. Я поддерживаю мнение тех специалистов, которые настаивают, что при каждой плотине должна быть ГЭС хотя бы небольшой мощности, использующая бесплатную и неиссякаемую производительную силу — свойство воды течь всегда сверху вниз.

Я всегда уделял внимание «малой энергетике», до сих пор остающейся моим профессиональным хобби. Конечно, генераторы малых ГЭС не сравнишь с генераторами Саяно-Шушенской или Красноярской ГЭС, но, как говорится, мал золотник, да дорог.

Глава 16

Распоповщина

В марте 1969 года на советском Дальнем Востоке вспыхнули события, нарушившие баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, да и во всем мире. На реке Уссури, в районе острова Даманский, произошло вооруженное столкновение между советскими и китайскими пограничниками, ставшее последней каплей в многолетнем территориально-идеологическом споре между двумя великими соседями — СССР и Китаем. По обе стороны границы достиг апогея накал пропагандистской истерии. Военные доктрины обоих государств работали на подготовку к развертыванию широкомасштабного военного конфликта. В приграничных регионах осуществлялось развертывание вооруженных группировок, предназначенных для отражения агрессии. Острота советско-китайского противостояния дала политологам и ученым повод говорить о том, что и между странами социалистического содружества возможны случаи разрешения споров военным путем. История вновь предоставила нам пример того, как легко человечество может совершать действия, за которые приходится испытывать жгучее чувство стыда перед последующими поколениями. Годы вражды и недоверия дорого обошлись нашей стране. На укрепление ее восточных рубежей были израсходованы огромные финансовые и материальные средства, которые могли бы пойти на нужды народного хозяйства, в том числе и на развитие электроэнергетики.

Кавминводское предприятие электросетей было одним из самых передовых предприятий в области технического перевооружения энергохозяйства и внедрения современных методов обеспечения надежного энергоснабжения потребителей. Научные разработки и новая техника КЭС ставились в пример другим энергопредприятиям, не один раз демонстрировались на ВДНХ СССР. За отличные показатели в работе коллектив и отдельные сотрудники Кавминводской энергосистемы периодически получали переходящие Красные знамена Минэнерго СССР и ЦК ВЦСПС, почетные грамоты, денежные премии. За высокие производственные успехи, разработку и внедрение эффективных технологий мне, главному инженеру, были присуждены и торжественно вручены зо-

лотая, серебряная и две бронзовые медали ВДНХ. О нашем предприятии стали говорить на самом высоком уровне.

Но вот в жизни нашего «датского королевства» наступил тревожный период. Благодаря чьим-то усилиям, наверху, да и в нашей среде вдруг активизировались люди, кому чужая доблесть — злей любой беды. Они в один голос утверждали, что свой успех мы затащили к себе с «черного крыльца», на основании липовых сведений, предварительно хорошо «подмазав» кого-то в центре. Да и как может быть по-другому, шушукались они, если директор КЭС пьет горькую, не просыхая ни днем, ни ночью.

С целью всестороннего изучения обстановки Петр Степанович Непорожний направил к нам в начале 1970 года комиссию во главе с главным инженером Главуралэнерго Борисом Михайловичем Гервицем. В нее вошли пятнадцать человек, в том числе заместители начальников главков по сельской электрификации. Они объехали все наши участки, районы, фермы, везде интересовались, как обстоят дела с электрическим обеспечением. Комиссия признала, что нами много сделано, есть даже чему поучиться другим. Но чем лучше работал коллектив Кавминэнерго, тем поверхностней относился к делам и вел более праздный образ жизни Колосов, почти не выходявший из запоев. Для пьянок — а директор КЭС любил компании — нужны были деньги. И он их «находил» — правда, довольно своеобразным способом.

На нашем предприятии была хорошая художественная библиотека, которая в какой-то момент просто исчезла. Потом я узнал, что Колосов продал ее библиотечному техникуму, официально оформив продажу, как дарение. Но Максим Павлович посягал не только на духовные ценности возглавляемого предприятия. Для повышения надежности обеспечения электроэнергией районного центра — станицы Эссентукской — мы приняли решение перевести ее энергоснабжение с напряжения 6 кВ на 10 кВ. Я лично с большим трудом достал на Ставропольском заводе «Люминофор» три барабана кабеля для запитки центра от подстанции «Эссентукская» 110 кВ. Работы решил выполнить своим персоналом в форме субботника. Уложив в траншею два барабана кабеля, мы поехали за третьим, но, увы, — на складском дворе предприятия его не оказалось. Заведующий складом сказал, что кабель увез директор, который приезжал вместе с директором столовой-ресторана № 1. Я поехал туда. Колосов — уже пьяный — сидел в теплой компании собутыльников на втором этаже, а барабан с кабелем находился во дворе предприятия общепита. Срочно вызвав грузовую автомашину и кран, я чуть ли не силой забрал кабель и незамедлительно уложил его в траншею. На другой день в ответ на мои возмущения Колосов заявил: «Иногда для победы в шахматной игре приходится жертвовать ферзем». Смысл его «игры» был мне ясен.

На этой почве наши отношения с директором становились все более натянутыми, а с его стороны — и неискренними. Хотя Максим Павлович старался делать вид, что в целом ничего не происходит, и между нами все остается по-прежнему, однако его слова существенно расходились с делом. Как только он напивался, все становилось на свои места: он вытворял самые несусветные глупости. А, как известно, судно без кормила — не транспортное средство, а беда.

На дворе стояли 70-е годы XX века. В истории СССР этот своеобразный период получил название «эпохи развитого социализма», эпохи, когда влияние КПСС на все стороны жизни страны достигло своего апогея. Кремлевские идеологи, скрипя перьями, писали текст новой брежневской конституции. Ее несущим стержнем был пункт о руководящей роли партии, закрепивший за партийными лидерами в центре и на местах особый статус. В соответствии с этим статусом партийных секретарей стали подобострастно величать уже порядком подзабытым с 1917 года словом «хозяин». Роль избранных народом Советов постепенно сводилась к минимуму. Вершителями людских судеб в районах и городах становились партийные бонзы, а в ряде случаев, в зависимости от степени морального разложения и интеллектуальной деградации «хозяев», — и их жены.

Рядовым коммунистам было еще невдомек, в какую глубокую яму затащат их только еще набиравшие жирок партийные боссы. Многие, а таких было большинство, продолжали жить в мире иллюзий, вызванных искренней верой в значение и место КПСС — символа идейности, честности, порядочности и чистоты. В рядах ничего не подозревавших строителей «светлого будущего» находился тогда и я, что с точки зрения психологии вполне объяснимо. Ведь полноценная жизнь невозможна без влюбленности во все ее проявления от самых возвышенных до низменных. Зато как много внутренней работы пришлось мне проделать потом, чтобы освободиться от идеологической шелухи и понять истинную цену всему, что происходило вокруг!

На фоне происходивших наверху идеологических сдвигов сменилось руководство и в Предгорном районном комитете КПСС (Ессентуки), первым секретарем которого назначили Александра Павловича Распопова, ничем, на первый взгляд, не примечательного человека. Выходец из Александровского района, выдававший себя за друга М. С. Горбачева, он не заслуживает того, чтобы о нем специально что-то рассказывать. Наверное, каждому хотя бы один раз в своей жизни приходилось видеть, как человек, одаренный призванием к какому-то делу, во время болезни делает это дело с трудом и неловко. С таким же трудом и неловкостью, но уже безо всякой болезни, делает важное и ответственное дело тот, кто занимается им без призвания или по корыстным мотивам. Мне было ясно

одно: из-за таких руководителей, как Распопов, была скомпрометирована Коммунистическая партия Советского Союза и вся социалистическая идея в целом.

В положение дуэлянтов нас поставили банальные житейские обстоятельства. Как-то Распопов попросил меня устроить его жену на наше предприятие. Мне до сих пор не понятно: почему — меня, а не директора? Я предложил Колосову принять ее к нам на работу, совершив тем самым большую ошибку. Жена Распопова оказалась женщиной капризной. Полагая, что ей все позволено, она без уважительных причин не выходила на работу или опаздывала, уходила домой до окончания рабочего дня. На мои просьбы соблюдать трудовую дисциплину она не обращала никакого внимания. В коллективе возник ропот: поведение Распоповой стала предметом пересудов.

Конечно, каждый хочет видеть себя умным, благородным, талантливым и, по возможности, привлекательным. Это желание в гипертрофированных формах обычно присуще дамам, приписывающим себя к «высшему свету», женам высокопоставленных руководителей, любовницам начальников различных рангов. Занимая какую-либо должность, эти матроны не утруждают себя производственными заботами, требуют к своей персоне особого подхода, не терпят никакой критики со стороны сослуживцев и сразу взывают к помощи своего покровителя, если им покажется, что их кто-нибудь притесняет. С такими личностями надо вести себя предельно осторожно. Так вот я, думая только об интересах производства, однажды не просчитал последствий и задел самолюбие одной из таких персон.

В один прекрасный день я собрал совещание, на котором очень сильно покритиковал нерадивых работников, в том числе и жену первого секретаря райкома КПСС, предупредив о недопустимости такого поведения. Мне тогда и в голову не могло прийти, что разговор на этом совещании радикально изменит всю мою последующую жизнь. Строптивая дама стала вести себя вызывающе, пренебрежительно относиться ко мне как должностному лицу. И я вдруг увидел, что остался один. Директор КЭС, вместо того чтобы урезонить «бунтовщицу» и поддержать мой авторитет, расточал Распоповой ласковые улыбки, целовал ей руки и предоставлял служебную машину по любому ее требованию. Заигрывал с «высокопоставленной» сотрудницей и секретарь партийной организации КЭС Лебедев. Все с интересом наблюдали за этой комедией, даже не подозревая, что вскоре ее нелепый сюжет ляжет в основу ситуации, очень близкой к трагедийной. Там, где верх берет рационализм, усиленный злобной волей и поддержкой влиятельных сил, для истины, как правило, места не бывает.

Пытаясь не обращать внимания на происки Распоповой, я продолжал активно вести производственную и общественную работу по линии Предгорного райкома комсомола и своей партийной организации. Я убедил некоторых наших молодых электриков, электрослесарей и водителей, имевших среднее образование (а таких набралось около 25 человек), продолжить учебу на вечерних или заочных отделениях среднеспециальных или высших учебных заведений. Почти все эти ребята окончили потом институты, а многие — достигли приличных высот в нашей профессии. Правильно говорится: гении рождаются редко, талантливым надо помогать, а способных — учить и создавать. Один из таких талантливых и способных — слесарь-связист Владимир Федорович Чумаченко — до сих пор работает рядом со мной в должности вице-президента корпорации «Единый электроэнергетический комплекс». Он — живой свидетель моей работы в КЭС.

«Среди безнадежной мглы настоящего» меня неотвратимо влекло туда, где сиял отрадный луч жизни, придававший моему существованию полноту и завершенность. Это была культурно-массовая работа. Организаторские навыки и увлечение музыкой, развитые в СКГМИ, пригодились мне при создании мужского хора Кавминэнерго. Когда я привез в Ставропольэнерго хор из ста человек, поющих на четыре голоса, Кустов долго не мог поверить, что все его участники — наши рабочие. Большой популярностью в КЭС пользовался созданный мною эстрадный оркестр, также состоявший из работников нашего предприятия.

Я давно заметил, что между участниками хоровых и музыкальных коллективов часто возникают такие взаимосвязи, которые помогают им решать трудные производственные, да и семейные проблемы, способствуют объединению разных людей по интересам, а такая связь, по мнению психологов, обладает наибольшей прочностью. И прав был великий Чайковский, утверждавший: «...Музыка выражает все то, что невозможно выразить словами».

Приходилось мне заниматься и другой, весьма далекой от музыкального искусства, проблемой — беспощадной борьбой с пьянством. Стало расхожим мнением, что непьющий человек имеет якобы мало шансов сделать в России карьеру, что он вызывает у окружающих подозрение, неприязнь, даже брезгливость. Чаще всего непьющего русского человека подозревают в опасной болезни, предательстве, пренебрежении коллективом, даже в скрываемой от окружающих принадлежности к нерусской нации. Несмотря на это, я сразу предупредил, что не пощажу даже своего лучшего друга, если он попадется мне выпившим в рабочее время.

Мой лозунг был кратким: «Выпил на работе — пиши заявление об уходе по собственному желанию». Для проверки на рабочих местах

фактического положения дел с производственной дисциплиной и соблюдением правил техники безопасности я после двенадцати часов дня систематически выезжал в РЭС, в районы и на участки. Иногда застаивал бригаду за дружным распитием «горячительного». В этом случае участники застолья любыми способами пытались ликвидировать следы «преступления» или просто разбежались по лесополосам и кукурузным полям. Многие изучили мой стиль и предупреждали новичков: «Пейте или с утра, чтобы успеть протрезветь к приезду Дьякова, или после его отъезда с объекта».

Строгих, я знаю, не любят, но боятся, уважают. Многие из бывших выпивох до сих благодарят меня за то, что я помог им справиться с губительным для здоровья увлечением и тем самым сохранить семью, уважение детей. В их числе — Николай Петрович Горин, не выпивший ни грамма спиртного в течение тридцати пяти последних лет, Михаил Проценко, в то время почти уже дошедший «до ручки». «Благодаря вам, Анатолий Федорович, — вспоминает он, — я стал человеком, хорошим семьянином, радуюсь своим внукам и правнукам».

Военного моряка Александра Ильича Тимофеева, совершенно разрушенного алкоголем человека, я увольнял за пьянство дважды. Бравый моряк любил приговаривать: «Даже корабельная мачта держит вертикаль всего одно мгновение!» Как-то он «ушел» в очередной запой, отсутствовал на работе месяца два. Естественно, мы его уволили по собственному желанию. Казалось, совсем пропал морской волк, очертив удобный для себя круг жизни, выход из которого — только в никуда.

Вдруг вечером кто-то позвонил в дверь нашей квартиры. Я открыл и увидел на площадке... трезвого Тимофеева. Он стоял передо мной в военно-морской форме капитана второго ранга при всех регалиях. «Шурка пришел сдаваться! — бодро отрапортовал Александр Ильич. — Я всю войну топил корабли, никого не боялся, но здесь вы взяли верх. Всё — завязал окончательно!»

Он попросил разрешения остаться у нас на ночь — я поставил ему раскладушку. О многом мы в этот вечер поговорили: покаяние грешника превратилось в исповедь загнанного человека. Я снова принял его в коллектив. Проработав года полтора и ни разу не притронувшись к спиртному, Тимофеев тяжело заболел и вскоре умер: алкоголь сильно подточил его здоровье.

По моему глубокому убеждению, алкоголизм — это болезнь, которую можно вылечить только силой воли. Правда, трудно было удерживать людей, когда сам директор пил, да еще частенько и с подчиненными. Как из темных океанских глубин к тому, что пахнет кровью, стремится стая хищных акул, так к Колосову прилипали опустившиеся сотрудники. Максим

Павлович, кстати, не скрывал своего недовольства тем, что я увольнял его собутыльников. В то же время его самого я прикрывал, никогда и никому о нем не рассказывал. Директорская жена часто обращалась ко мне: «Помогите его утихомирить, а то я за себя не ручаюсь!» Жизнь всегда вяжет крепкие узлы, и кому-то приходится их развязывать. Особенно это относится к семьям, где муж или отец злоупотребляет спиртным. Сколько горя разлилось по Руси из-за этой проклятой напасти!

Казалось бы, я честно относился к своим обязанностям, бросался на любую задачу, как на вражескую амбразуру, видел в труде только радость, в голову мне никогда не приходила мысль использовать занимаемую должность для получения личной выгоды. Меня замечали, ко мне пришло признание в крайкоме партии, в крайисполкоме, я получил правительственную медаль по случаю 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Решением Ставропольского краевого совета НТО за успехи в научно-производственной деятельности я был занесен в Ленинскую юбилейную книгу трудовой славы. Успех окрылял меня, подобно улыбке, осеняющей уста младенца, лучу света, играющему в чистых водах ручья, восходящему солнцу, заливающему вершину одинокого утеса. Однако полного счастья, как известно, не бывает: пока доберешься до сладкого ядрышка, обломаешь зубы о твердую скорлупу.

Однажды утром я пришел на работу как обычно. Это было сразу после возвращения из Москвы, куда я ездил вместе с секретарем парткома Кавминводского предприятия Юрием Александровичем Лебедевым. Подошел к своему кабинету, вынул из кармана ключ, собираясь открыть дверь. Вдруг, как будто из-под земли, с обеих сторон выросли две фигуры. Один незнакомец представился майором, другой — капитаном, оба показали свои служебные удостоверения. Майор произнес фразу, которую, наверное, произносил уже много раз другим своим «клиентам»:

— Вы задержаны!

В эту секунду я испытал чувство, которое, может быть, охватывает ангела, когда у него с головы соскальзывает нимб. Кто хоть раз в жизни слышал такую фразу в свой адрес, поневоле менялся в лице, еще не зная обо всех невзгодах, ему грозящих. Стараясь сохранять хладнокровие, я сдавленно произнес:

— Покажите мне санкцию прокурора.

Мне вновь повторили:

— Вы задержаны. Санкцию на арест вы получите.

И через некоторую паузу прозвучал вопрос:

— Мы поедем с вами на вашей машине или вы — на нашей?

— Я поеду на своей, — сквозь зубы выдавил я из себя, понимая, что в данной ситуации пререкания бесполезны.

Через некоторое время мы подрулили на моем ГАЗ-69 со «счастливым» номером «10-00» к комплексу зданий, где находились прокуратура, управление внутренних дел и райком КПСС. Когда мы выходили из машины, водитель Василий Романенко спросил у меня:

— Когда приехать за вами?

— Давай к обеду, — непроизвольно выпалил я, на секунду забыв, что здесь действуют другие правила. Меня тут же подправили:

— Ему персональная машина больше не понадобится.

Я сейчас уже не помню, куда меня завели: то ли в прокуратуру, то ли в управление внутренних дел. Там мне предложили написать объяснительную записку, в которой я должен был изложить, какими вопросами по своей должности я занимался и за что несу конкретную ответственность. Случись со мной это сейчас, я бы никогда ничего не стал писать. Ведь это был метод, внедренный еще Андреем Януарьевичем Вышинским, — заставить подозреваемого собственноручно написать, за что он отвечает, чтобы потом было ясно, в каком поле искать его вину.

Рыба попадает на острогу, когда задремлет. Я послушно уселся на указанное место, взял чистые листы бумаги и расписал всю свою деятельность, не скрывая ни одной детали. Каким безукоризненным Ланселотом я представлял в собственных глазах, какой диапазон робингудовских замыслов открывался между строчек моих бесхитростных душевных излияний! Что-то есть услужливое в психике попадающего в неприятный оборот человека, если судить по его попыткам находить объяснения любой создавшейся ситуации, одновременно угождать «и нашим — и вашим». Догадывался ли я, что имею дело с умным и безжалостным ведомством, изрядно поднаторевшим в изысканиях такого рода? В его запасниках хранилась масса неожиданных ходов, испытанных приемов, простых ловушек для наивных и запутанных лабиринтов для искушенных. И не мне было судить, чем закончится день, начавшийся для меня так нетрадиционно.

— Так в чем дело? Почему меня задержали? — спросил я, отдавая написанные мною бумаги.

Видимо, мои глаза лучше, чем кардиограф, передали частоту пульса и давление, которыми мой организм отвечал на приказ мозга собрать все силы.

— У нас есть материалы, — услышал я, — которые свидетельствуют о вашей причастности к хищениям государственного имущества.

Взяв мою объяснительную записку, где я рассказал, за что отвечаю, они удалились в другой кабинет. Минут через двадцать один из них принес пирожки с мясом и предложил мне перекусить. После этого уже трое сотрудников (как я потом выяснил, добавился следователь прокурату-

ры) начали допрос. Их интересовали объемы капитальных ремонтов по ряду объектов — трансформаторным подстанциям и линиям электропередачи.

Время шло. Уже поздно вечером они заявили, что у них есть свидетель, подтверждающий мое участие в хищении средств, и что они сегодня проведут очную ставку его со мной. Примерно в полночь из Пятигорской тюрьмы привезли бывшего энергетика колхоза «Заветы Ленина», а ныне — начальника районных электрических сетей, арестованного за какие-то дела по предыдущему месту работы. Нас свели вместе, задавали какие-то вопросы. «Очная ставка», как было громко названо это мероприятие, скорее всего, не дала ожидаемого результата. Начальника РЭС увезли обратно в тюрьму, а меня отпустили домой.

Моему возмущению не было предела. Что было делать? Ответить на это бранью? Или прибегнуть к хорошо знакомому старому приему: когда на Руси не хватает аргументов, в ход всегда идут кулаки. Нет, этого делать было нельзя, да и силы не в мою пользу. Возможно, меня специально провоцировали на поступки, которые потом можно было как лыко в строку присоединить к надуманным обвинениям. Но и молчать было нельзя. Безропотно согласиться с происходящим — значит отказаться от себя самого, от человеческого достоинства, чести и совести, от неукоснительного и священного права на самостоятельное мнение, каким бы оно ни было, на возможность свободно его высказывать. Хотя сегодня я уже понимаю, что ситуация не требовала мгновенной реакции. Во всяком случае, была возможность оставить какое-то время на выжидание, колебание, сомнение, определение выбора. Одним словом, от моего поведения в создавшейся коллизии зависело многое. За мной, я видел, установили слежку.

И я сделал следующую глупость, которую бы сегодня никогда не допустил. Я написал заявление лично первому секретарю райкома партии, в котором, описав все, что произошло, попросил, чтобы меня оградил от подобного рода эксцессов. Я просил назвать конкретные факты, по которым меня пытаются обвинить. «Но такими методами, — писал я, совершенно убежденный в своей правоте, — действовать нельзя!»

Мое нетерпение было подобно стреле, спешившей достигнуть цели скорее, чем затихнет колебание направившей ее в полет тетивы. Я отдал свое преисполненное гневных чувств заявление первому секретарю райкома КПСС Распопову. Тот черкнул на нем всего три слова: «Прокурору. Прошу разобраться». Прокурор к этой эпистоле добавил: «Приобщить к делу. Считать вмешательством в дела следствия».

Некоторое время спустя мне вручили постановление следователя об отстранении от должности и взяли подписку о невыезде. Получив такое

решение, я понял, что мне объявили войну, что меня хотят изолировать от коллектива. Но противник из своих окопов высовываться не собирался. Хоть бы одним глазком увидеть, на кого он похож: на толстого буржуина в высоком черном котелке, на искривленного злобой фашиста в двурогой каске, на слепо преданного своему вождю хунвэйбина? Все расставил по своим местам его величество случай.

Как-то я стоял на привокзальной площади вместе с директором Кавминэнерго Колосовым и о чем-то с ним разговаривал. К нам подошел расплывшийся в улыбке Распопов. Он поздоровался с нами, по-барски похлопал меня по плечу и как бы невзначай поинтересовался:

— Что там тебя все какие-то мелочи одолевают?

Бывают ситуации, когда становится важным не то, что слышишь, а кто и как это произносит. Я неожиданно резко парировал:

— Никаких мелочей за мной нет и быть не может!

Я понял, что за моей спиной происходит какой-то сговор с целью убрать меня, словно помеху, с пути. «Благородной смоковнице не пристало, — так, наверное, рассуждали мои гонители, — растить свой нежный плод рядом с худой рябиной». Сопоставив факты, я вспомнил, что однажды прокурор нашего района, Юрий Чекмырев, в моем присутствии попросил директора Кавминэнерго выделить квартиру для его любовницы. Колосов замаялся: «Я бы дал, да у меня главный... Ты же вот его знаешь. Он не пойдет на это». Прокурор, как бы в шутку, буркнул: «Тогда надо главного воспитать или убрать!» А я ведь жил среди этих людей, принимал участие в их компаниях, правда, водку избегал пить.

Оказывается, существует особый код взаимоотношений у отдельных особей человеческого сообщества: контактируя друг с другом, они обмениваются опознавательными знаками, показывающими партнеру благорасположение или неприязнь. Мы, люди, как птицы, узнаем друг друга по полету, по неуловимым признакам. Одним из таких опробованных столетиями признаков является процесс совместного распития спиртного, обставляемый по всем правилам сценического искусства: со своим прологом, завязкой сюжета, развитием главной линии, апофеозом последнего акта и жирной точкой завершающей сцены. Интересно наблюдать, как, следуя сценарию, участники действия произносят обусловленные слова, обмениваются отработанными жестами, оценивают друг друга взглядами, несущими столько скрытой информации, которая может быть полезна в последующем. Жизнь меня научила, но, к сожалению, уже поздно: карты нельзя открывать никому и никогда. А во время застолья открываются не только карты, там душа обнажается до такой степени, что просто диву даешься, как человек по своей воле может докатиться до такого нудизма.

Многое мне и коллективу предприятия стало понятным после проведения внеочередного открытого партийного собрания, состоявшегося по требованию Предгорного районного комитета КПСС. Повестка дня была короткой и жесткой: «Персональное дело члена КПСС А. Ф. Дьякова». На собрании присутствовало более ста человек, в том числе второй секретарь райкома КПСС, председатель комиссии по персональным делам и заведующий организационным отделом Предгорного райкома партии. В зале сидели прокурор и начальник УВД района, два следователя и какие-то люди в милицейской форме.

Сначала выступил прокурор, зачитавший справку следователя, из которой следовало, что обвиняли меня по двум вопросам. Первое обвинение сводилось к тому, что будто бы я дал разрешение бригаде Предгорного района во главе с начальником РЭС на проведение в рабочее время незаконных, по мнению следствия, ремонтных работ на трансформаторной подстанции хутора Урожайный и впоследствии получил за это определенные финансовые средства. Второе обвинение состояло в том, что начальник Предгорного РЭС с моего разрешения набирал персонал на временные работы, а часть заработной платы утаивал. Большое число такого рода заявлений о приеме на работу подписывалось не мной, а директором, но на двух были мои визы.

Во всем документе, зачитанном с трибуны, в том числе в постановлении следователя о моем отстранении от должности главного инженера и принятой мере пресечения — «подписке о невыезде», резало слух частое слово «якобы». Ни одного факта, свидетельствующего о моих личных злоупотреблениях, не было приведено. Несмотря на это, орготдел райкома рекомендовал собранию объявить мне строгий выговор с занесением в учетную карточку и вынести мое персональное дело на бюро райкома КПСС.

Я взял слово:

— Все, что нам здесь зачитали, есть не что иное, как ложь и клевета, которые я решительно отмечаю. Это кем-то задуманное желание сфабриковать на меня уголовное дело. А если я виновен, — запальчиво говорил я с трибуны, нисколько не задумываясь, что всякая сильная и ярко выраженная мысль является помехой в житейском обиходе, — то требую меня судить!

Вслед за мной выступили другие коммунисты, подтвердившие, что знают меня как честного сотрудника, по своим морально-нравственным характеристикам совсем не похожего на то, о чем поведал прокурор. Все выступавшие встали на мою защиту. За мою честь активно вступилась молодежь, к которой я предъявлял большие требования. Директор молчал. Секретарь парторганизации Лебедев поддержал мнение райкома

партии. Вопрос поставили на голосование. Собрание, кроме директора и секретаря парторганизации, не поддержало предложение орготдела райкома. Дьяков ни в чем не виновен, и наказывать его не за что — было мнение парторганизации КЭС.

Впоследствии я неоднократно встречался с Лебедевым: он одно время работал в пятигорском бюро «Интуриста», а сейчас отдает свои силы на посту начальника отдела курортов и туризма администрации Кавказских Минеральных Вод. Он извинился передо мной за старое и сказал: «Не на ту лошадь поставил: сильно давил райком партии».

Я не сержусь на него. Нужно было определенное время, чтобы он выздоровел и прозрел. Клевета искусна. Она так готовится к обвинению честного человека, что ему, не готовому к выпадку, зачастую трудно найти слова для оправдания. Не имея возможности указать на поступки, клевета упирает на тайные намерения. Так обвинять легко, но оправдания таким действиям быть не может.

Еще до партийного собрания, когда мне стало ясно, откуда «растут уши», предопределяя возможные сценарии развития событий, я написал управляющему Ставропольэнерго Кустову заявление с просьбой об освобождении меня на период следствия от должности главного инженера с переводом на должность заместителя главного инженера — начальника производственно-технического отдела Кавминводских электрических сетей. Исполняющим обязанности главного инженера я предложил назначить Артюхова. После выхода соответствующего приказа я продолжал работать в своем собственном кабинете.

Но дело мое разрасталось, пополнясь, на первый взгляд, совершенно абсурдными фактами. Мне приписали расходы на организацию рыбалки и застолий во время приезда в Пятигорск министра энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожного, секретаря крайкома КПСС К. В. Никитина, начальника Главюжэнерго Б. В. Автомова. Искали криминал: «На какие деньги угощали вышестоящих товарищей?» Юридическая абсурдность обвинений была видна невооруженным глазом: фактов растраты средств не было. Но зато был хитрый ход: унижить меня объяснениями, бросить тень на руководителей краевого партийного органа, министерства и главка. Главное — поднять шум, заранее отрезать для меня возможность получения поддержки и защиты со стороны руководителей вышестоящих инстанций. Сам следователь мне доверительно признавался: «Дело дутое, сплошные тупики». Но задание есть задание, и они его выполняли.

Однажды я, как председатель НТО, выступал с докладом на конференции этого общества, проходившем на втором этаже клуба Ессентукского консервного завода. Внезапно к зданию подъехали две ав-

томашины: одна, как мне запомнилось, была ГАЗ-51 с характерным «экстерьером» (в народе такие фургоны получили меткое наименование «черный ворон»). Из второй машины вышли несколько милиционеров. Поднявшись на второй этаж, они потребовали объявить перерыв. Пришлось подчиниться. Милиционеры выбрали в зале несколько человек и увезли их в неизвестном направлении.

Продолжая работу конференции, я внешне старался держаться спокойно, но интуитивно чувствовал, что этот демарш предпринят против меня. Через некоторое время «заложников» привезли обратно. Опять — перерыв: увезли очередную партию людей. Милиционеры действовали нагло, ничего не объясняя, что вызывало всякие домыслы. Начальник ОКСа предприятия и мой друг по институту Эдуард Давидович Бацашвили (один из тех, кого увозили), уловив момент, сообщил, что от него требовали любые компрометирующие меня факты. Но, судя по всему, у организаторов этой акции так ничего и не вышло.

Когда мне вручили предписание об отстранении от должности и взяли подписку о невыезде, я обратился в прокуратуру края в попытке доказать, что в отношении меня предпринимаются незаконные действия. Я написал два письма и дважды получил ответы из серии «запустить дурочку». Я излагал факты, касавшиеся работы эксплуатационного предприятия, каковым являлось Кавминэнерго, а мне отвечали: «Ваши наряды на строительно-монтажные работы...». «Какие наряды? Ведь мы — не строительная организация!» — возмущался я.

После второго такого «ответа» я поведал о своих мытарствах соседу по дому, прокурору города Ессентуки И. Б. Поляковскому. Участник войны, очень порядочный человек, он внимательно выслушал и откровенно посоветовал:

— Анатолий Федорович, вы не туда пишете: не тратьте напрасно свои силы и время. Краевая прокуратура не станет принимать никаких решений, она не будет вмешиваться в дела райкома партии. Если бы вы обжаловали действия районного прокурора, было бы логично, а здесь все связано с партийными органами, с первым секретарем райкома партии. Это дело инициировано не прокурором — ищите концы в партийных органах. Ваше дело должен разбирать краевой комитет партии.

Меня не оставляло ощущение напряженного ожидания, когда надежды на лучший исход еще теплятся в душе и не дают сойти с ума.

Глава 17

Путь истины

«Здесь погода ужасная: дожди, ветры, туманы; июль хуже петербургского сентября», — писал М. Ю. Лермонтов о Пятигорске летом 1837 года. Такая же «погода» царила у меня в душе в начале весны года 1971-го, когда в стране полным ходом шла подготовка к XXIV съезду КПСС. Л. И. Брежнев в эти дни отдыхал на Кавказских Минеральных Водах, встречался с краевым и районным партийным руководством. Был там и Распопов, которого Леонид Ильич, одарив часами, пригласил на съезд. Уезжая в Москву на партийный форум, Распопов оставил за себя второго секретаря. Своему заместителю Александр Павлович, как стало ясно впоследствии, доверил выполнение особого поручения, имевшего отношение лично ко мне, независимо от результатов судебного разбирательства по делу начальника Предгорного РЭС, к которому следственные органы и прокуратура района пытались меня присовокупить с самого начала.

Уголовное дело в отношении меня следственные органы вынуждены были прекратить, поэтому на суд я был приглашен как свидетель. На суде в мой адрес никаких замечаний не прозвучало. Был один, обращенный ко мне, вопрос судьи по поводу утверждения проекта схемы энергоснабжения участка «Урожайный»:

— Это ваша подпись?

— Нет, не моя, — ответил я.

Я был оправдан. Но начальник РЭС, которого они пытались использовать в качестве моста для обвинения в мой адрес, вынужден был страдать.

В предсъездовские дни было запрещено проводить всякого рода партийные заседания по рассмотрению персональных дел. Тем не менее, в отсутствие первого секретаря и не взирая на результаты суда, состоялось заседание бюро Предгорного райкома партии, на котором мне «за бесконтрольность и служебные злоупотребления» объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку и рекомендацией о нецелесообразности дальнейшего пребывания на должности.

Я попытался было уточнить основания, повлекшие такое строгое наказание. Мне ничего не смогли объяснить. Заявив о своем несогласии

с принятым решением и намерении бороться за чистоту своего имени, я повернулся к присутствовавшему на бюро директору КЭС Колосову и сказал:

— И ты, и первый секретарь — подонки. Ты же знаешь, что все это не так!

Что бы человек ни делал в этом мире и что бы он ни думал о своих деяниях, всегда может возникнуть ряд обстоятельств, способных внести существенные коррективы в выстраданное им дело и выстроенную им систему представлений о своих поступках, даже сдуть его, как легкую пушинку, с земного лика. Так случилось весной 1906 года с Пьером Кюри, которого на узкой парижской улице задавила повозка, груженная поношенным военным обмундированием. Газета «Монд» по этому поводу писала: «Колесо отсталости переехало носителя прогресса».

Телега, «переехавшая» через меня, слава Богу, нанесла мне только душевную травму, но не лишила способности к самозащите. Я прекрасно понимал, что окружающий нас мир несовершенен, и не питал по этому поводу никаких иллюзий. Никакое добродушие и никакое благоразумие не могут выстоять против злобы. Потому-то злые люди всегда и властвуют. Для иного незрелого руководителя хуже горькой редьки видеть, как кто-то рядом возвышается по результатам работы. Он начинает копить в себе неприязнь к этому человеку, которая томит, как тяжелая и неутолимая страсть. Иной же от обиды так распаляется, что теряет аппетит и сон, пока не причинит «счастливчику» какой-нибудь вред.

В тот же день, сразу после заседания бюро Предгорного райкома КПСС, я поехал к управляющему Ставропольэнерго А. П. Кустову:

— Райком считает нецелесообразным мое дальнейшее пребывание на должности. Вот мое заявление: я прошу освободить меня от должности главного инженера Кавминводского предприятия электрических сетей и перевести работать в аппарат Ставропольской энергосистемы.

Кустов подписал мое заявление и отдал приказ о переводе меня на должность первого заместителя начальника центральной диспетчерской службы по оперативным вопросам Ставропольэнерго. О таких жизненных ситуациях нельзя судить по успеху или неудаче, ибо чаша мерзостей и подлостей никогда не бывает наполненной до краев. Понаблюдайте за человеком, впервые вставшим на коньки: ему хочется стремительно скользить, уподобившись стреле, но как только одна нога выдвигается вперед, другая сразу же отскальзывает назад, вынуждая начинающего конькобежца принимать известную многим позу «коровы на льду». В такой позе нас с удовольствием хотели бы всегда видеть наши недоброжелатели.

Благоразумие подсказывает, что когда имеешь дело с такого рода людьми, всегда приходится в чем-нибудь поступаться. При шторме рас-

судительному яхтсмену лучше, убрав паруса, дрейфовать по ветру. Если это, в конечном счете, не так приятно, то хотя бы безопасно. Но меня не оставляла мысль добиться полной реабилитации. Мне мало было просто снятого выговора — это было бы партийной амнистией, которая в данном случае меня не интересовала. Ведь запись в учетную карточку «за злоупотребление...» тянула за собой такой шлейф! В этом случае люди судят об огне по клубам дыма и просто говорят, что «даже авиньонские кардиналы — не образчики добродетели», что «и на Солнце тоже есть пятна», и тому подобные сентенции.

Тем более что кто-то по-прежнему продолжал упорно распространять вокруг моей персоны самые нелепые слухи. Все они, как я заметил, сводились в основном к тому, чтобы вынудить руководство Минэнерго СССР и Ставропольского крайкома КПСС отмежеваться от меня и от моей судьбы. Некоторые уже поговаривали, что партийные органы основательно за меня взялись, и мне уже никогда не подняться. Например, заместитель управляющего Ставропольэнерго по капитальному строительству С. В. Безугленко, говоря мне в лицо фразу «вы потеряны для энергетики», советовал перейти в другую организацию, в частности начальником предприятия по автоматизации пожарных систем.

Я не мог согласиться с такой несправедливостью, поэтому решил и дальше отстаивать свою правоту. Тогда я, наверное, был похож на одинокого солдата Христова воинства, готового выступить на битву со всеми легионами ада. Однако то, что для тебя кажется ясным и очевидным, не всегда ясно остальным. Кустов старался меня отговорить:

— Ну зачем вам пикироваться с партийными органами? Это же лица...

Я был настроен на решительную борьбу. «Когда желание мести справедливо, то надо молча следовать ему». При этом я хотел не мстить — всего лишь добиться справедливости, отстоять свою чистоту. Жизнь подсказывала: человеку, заблудившемуся посреди необозримой жаркой пустыни, нет необходимости делать резкие шаги — ничего от этого не изменится. В этой ситуации имеет значение не быстрота реакции, а соизмеримость движений с наличными силами, необходимыми для преодоления оставшихся испытаний. Я написал заявление на имя первого секретаря Ставропольского крайкома партии Михаила Сергеевича Горбачева, в котором потребовал создать комиссию для разбора моего персонального дела и обсуждения его на бюро крайкома КПСС.

С переходом на работу в центральную дисперческую службу Ставропольэнерго я встал на персональный учет в Пятигорский горком КПСС, где первым секретарем был Виктор Алексеевич Казначеев. Доложив ему о создавшейся ситуации, я высказал свои соображения о действиях Рас-

попова. Казначеев обстоятельно выслушал меня, ознакомился с постановлениями следственных органов, суда и постановлением Предгорного райкома КПСС:

— В общем, ясно. Постараюсь разобраться, переговорю с Распоповым.

Прошло более месяца. Казначеев вызвал меня к себе:

— Пиши заявление. Мы снимаем с тебя выговор постановлением Пятигорского горкома партии.

Я написал заявление, и городской партийный комитет снял с меня взыскание, несмотря на то что с момента его наложения прошло немного времени, и этим как бы нарушался срок, установленный для этой процедуры. Выговор был снят, но при оставшейся в учетной карточке записи получалось, что виновность с меня не была снята. Поэтому прекратить борьбу я никак не мог. Здесь мне понадобились непреклонность воли, твердость души, отсутствие страха и уверенность в достижении успеха.

Очередным важным стимулом для восстановления моего авторитета в глазах общества и личной моральной поддержкой стало для меня назначение начальником службы надежности и безопасности Ставропольской энергосистемы. Я весь сконцентрировался на новой, но хорошо знакомой мне работе. Но меня ни на минуту не покидало ожидание вестей из крайкома партии по моему заявлению. И вот наступили день и час, когда меня вызвали на заседание бюро крайкома партии. Мой вопрос рассматривался по результатам проверки комиссии последним.

Когда подошла моя очередь, Горбачев спросил:

— Так какой там по повестке дня очередной вопрос?

— Да, вот, — ответили ему, — вынесение необоснованного выговора.

— Какие выводы сделала наша комиссия?

— Вывод однозначный: невиновен. Дело сфабриковано. Необходимо давать оценку деятельности райкома.

Михаил Сергеевич встал и направился к выходу:

— Рассматривайте вопрос без меня.

Заседание бюро остался вести второй секретарь крайкома Жезлов. Пикантность ситуации, как мне кажется, состояла в том, что Михаил Сергеевич был дружен с Распоповым. Члены бюро стали искать пути решения проблемы:

— Как поступить? Кого наказывать: Распопова или других?

В результате долгих дебатов пришли к решению: с выводами комиссии согласиться, рекомендовать райкому партии отменить свое решение и наказать виновных.

Буквально на другой день меня пригласили в Предгорный райком партии. Там ко мне с умоляющим видом обратился второй секретарь:

— Слушай, помоги мне! Напиши заявление с просьбой об отмене решения бюро райкома без указания даты. Не хочу быть крайним во всей этой истории.

Я вначале раздумывал: идти или нет на такой шаг? Потом махнул рукой, написал заявление без даты и отдал ему. Таким образом, решение бюро райкома об отмене наложенного на меня ранее взыскания состоялось как бы сразу после его вынесения — до направления моей жалобы в Ставропольский крайком КПСС.

Понадобился целый год борьбы, чтобы окончательно «отмыться». Что они только не предпринимали, чтобы сломить мой моральный дух: и ночные слежки, и психологическое воздействие на Тамару. Особенно изощрялась в своих «наскоках» жена директора, с лихвой пострадавшая от своего мужа-алкоголика. Она с энергией, достойной лучшего применения, нет-нет да нашептывала моей жене:

— Тамара, не верь ты своему Анатолию: он изменяет тебе. Все они, мужики, одинаковые!

Слепые наговоры, слухи, клевета — вот «доблестный» набор бесчестных завистников всех времен и народов. Главное наговорить побольше гадостей — отмываться ведь придется другому. И неведомо этим «старателям», что слова их нечистые давно обглоданы, обкусаны и засалены от постоянного пережевывания.

Я в полной мере познал многоголосый звон мирской молвы. Она, как вихрь, увлекает в свой водоворот, мчитя то слева, то справа, то ударяет сзади, прихотливо меняя направление, силу удара, все время маскируясь и видоизменяясь. Но для того чтобы быть обманутым, надо хотеть обмануться. Мы не дрогнули, выстояли, сумели доказать, что истина состоит в единственном тождестве между предметом и понятием о нем. Опыт показал, что нельзя вступать ни в какие соглашения с силами зла: понятия чести, совести и достоинства им недоступны. Поле, засеянное плеведами, никогда не даст урожая пшеницы.

Я уже упоминал, что управление Ставропольской энергосистемы находилось в городе Пятигорске. Крайком партии с подачи заместителя управляющего по капитальному строительству С. В. Безугленко, находившегося в резерве на замещение должности управляющего, добивался перевода управления в Ставрополь. Мне эта идея не нравилась, и я неоднократно выступал с критикой нерационального проекта, для осуществления которого требовались огромные деньги. Эту позицию занимал А. П. Кустов, ее поддерживал весь коллектив Ставропольэнерго, такого же мнения был и начальник Главюжэнерго Б. В. Автономов. Самую активную в этом вопросе позицию занимал начальник отдела кадров, полковник запаса Георгий Степанович Семин.

«Далеко не всем, — писал Виктор Гюго, — дано испытывать смутное, но необоримое желание причинять другому вред». Но если такой человек появился рядом с вами, необходимо всегда сохранять бдительность и быть готовым ко всему. На очередном отчетно-выборном партийном собрании коммунисты решили выдвинуть мою кандидатуру на должность секретаря парткома. В это время я уже работал в должности заместителя главного инженера по электрической части Ставропольэнерго. При обсуждении списка кандидатов в состав парткома выступил заместитель управляющего по капитальному строительству Безугленко:

— Я против введения Дьякова в списки для голосования.

На просьбу объяснить причину он ответил коротко:

— Против — и все!

Когда поставили вопрос о включении моей кандидатуры в список для голосования, все, в том числе и жена Безугленко, сидевшая рядом с ним, проголосовали «за». Лишь один Степан Васильевич проголосовал за свое предложение об исключении меня из списка. Меня избрали в партком и секретарем.

Пути Господни неисповедимы. Через месяц в партком Ставропольэнерго поступило заявление от заведующего складом Центральных электрических сетей, участника Великой Отечественной войны Василия Константиновича Никифорова. В заявлении были указаны все данные автора, в том числе и номер партийного билета. В нем детально расписывались похождения С. В. Безугленко: от связей с женщинами до служебных, подпадающих под уголовные, нарушений. Изложенные в заявлении факты свидетельствовали о том, что допустившее их лицо впредь не имело морального права находиться в рядах в партии. Я был поставлен в очень непростое положение.

Что делать? Как поступить? Ведь этот коммунист выступал против меня на партийном собрании. Разбираться с ним объективно и принципиально — значит дать повод для вывода, что я свожу счеты с неудобными. Кустов настаивал на исключении (ему было необходимо убрать претендента на свою должность), но он не был членом парткома. Я долго думал, какие шаги следует предпринять.

Через некоторое время С. В. Безугленко сам напросился на встречу со мной. Я тогда сидел на четвертом этаже, а он — на третьем. Я его терпеливо выслушал. Естественно, он пытался оправдываться.

— Степан Васильевич, — сказал я ему, — своим поведением вы поставили меня в двойственное положение. За все, что здесь написано (я показал ему поступившее заявление), надо исключать из партии. Другого варианта я не вижу. Но если исключить вас из партии, может сложиться впечатление, что я с вами расправился, используя партийное положение.

ние. Я не хочу этого делать и не таю на вас зла, зная все ваши положительные и отрицательные качества. Пусть они останутся вашими.

— Давайте договоримся так, — продолжал я. — Если вы на парткоме признаете все свои ошибки и заявите, что заслуживаете исключения из партии, то я обещаю закрыть ваше персональное дело обсуждением, не объявляя даже простого выговора. Ограничимся обсуждением, строго укажем — и вы останетесь в партии и на должности. Какими бы ни были ваши прегрешения — отдайтесь на милость товарищей, которые, как мне кажется, будут рады пойти навстречу тому, кто обратился к ним за моральной поддержкой. Но вы должны чистосердечно признаться по каждому пункту, изложенному в этом заявлении, и каждому пункту дать оценку.

Он все внимательно выслушал и недоверчиво спросил:

— А вы сможете это сделать? Где гарантии?

Тогда встречный вопрос задал ему я:

— А у вас есть другой выход?

— Нет.

— Ну, тогда решайте. Я о своей позиции объявил и постараюсь сделать так, как сказал. Вы согласны?

— Согласен, — последовал тихий ответ после долгой паузы.

Перед заседанием партийного комитета я никого не стал посвящать в тонкости задуманной операции. После оглашения жалобы первым получил слово С. В. Безугленко. Он чистосердечно признал себя виновным по каждому пункту, сказал, что заслуживает исключения из партии, но попросил коммунистов отнестись к нему снисходительно и оставить в рядах КПСС и на работе.

Начались выступления. Каждый выступавший настаивал на исключении. Степан Васильевич сидел весь мокрый. Я дал выступить всем членам парткома, потом взял слово сам:

— Все мы — товарищи по партии. Скажите, разве он уже потерян для партии? Много ли найдется членов партии, которые вот так чистосердечно могут признать свою вину? Не каждый сделает это. Как руководитель Безугленко работает нормально: находится в резерве крайкома партии на должность управляющего. Да, его действия заслуживают исключения, но у меня есть другое предложение, которое поможет сохранить его для дела. Учитывая чистосердечное признание Степана Васильевича, я предлагаю ограничиться сегодняшним внушением, строго ему указать и в течение года контролировать его поведение.

В зале повисла тишина. Я выдержал паузу и вновь обратился к членам парткома:

— Вы все первыми высказались за предложение исключить Безугленко из рядов партии, а мое предложение — второе. Прошу дать согла-

сие проголосовать первым за мое предложение, а потом голосовать в случае необходимости за ваше.

Все проголосовали — «за».

— Кто за мое предложение, прошу поднять руки?

Все присутствующие коммунисты поддержали меня единодушно.

После заседания я зашел к Кустову.

— Исключили? — сразу с порога обрушил он на меня вопрос.

— Нет, Александр Петрович, не исключили.

Реакция Кустова была для меня неожиданной. Он изо всех сил ударил ногой по рядом стоявшему стулу, который отлетел метра на два.

— Как? Почему? — возмутился он.

Александр Петровичу очень хотелось выбросить Безугленко из резерва, и он с большой заинтересованностью наблюдал за развитием конфликта. Конфуций применительно к подобной ситуации говорил: «Когда дерутся два кабана, панда на горке потирает лапы».

Я сказал:

— Там будет такой протокол, что не только из резерва, а откуда захочешь его можно будет выкинуть.

Протокол был составлен с полным описанием хода заседания. Кустов схватил бумаги и сам отвез их в крайком партии. Примерно дней через десять у меня состоялась встреча с секретарем крайкома Константином Васильевичем Никитиным и заведующим отделом промышленности Иваном Степановичем Брагиным.

— Ну ты и хитер! — с некоторым сарказмом начали они разговор со мной. — Как ты его подрубил!

— Нет, — поспешил опровергнуть я их поверхностные выводы, — я его спас, сохранил в партии, на работе, а самое главное — для семьи. Как с ним договорились, так и сделали.

Безугленко сделал правильные выводы. Между нами установились дружеские отношения. Через некоторое время он был откомандирован за границу, где пробыл года четыре. По возвращении он заезжал ко мне в Москву, как к своему близкому человеку. Потом я помог ему стать директором Центральных электрических сетей, откуда он в 71 год ушел на пенсию. К сожалению, в апреле 1999 года Степана Васильевича не стало. Смерть все высветляет, и лучшее берет верх над худшим.

Глава 18

Дорогами опыта

В декабре 1971 года состоялся партийно-хозяйственный актив Ставропольэнерго, на котором присутствовали начальник Главюжэнерго Б. В. Автономов, первый секретарь Пятигорского горкома партии В. А. Казначеев, секретарь крайкома партии К. В. Никитин. Они обговорили и согласовали вопрос о моем назначении на должность главного инженера Ставропольэнерго. Пятигорский горком и крайком партии утвердили мою кандидатуру. Чтобы подготовить материал по моему назначению на ближайшую коллегию министерства, Борис Васильевич позвонил в Москву главному инженеру Главюжэнерго Василию Павловичу Горюнову и попросил его провести согласование моей кандидатуры со всеми курирующими заместителями министра. Сам Борис Васильевич выехал из Пятигорска в Астраханскую энергосистему по оперативным делам.

Приехав в Москву, я сразу пошел к Горюнову. Тот принял меня с явной неохотой. Они дружили с Лазаревым, на место которого меня назначали. Горюнов все время проводил идею, что сначала надо освободить Кустова, который был на год старше Лазарева, а потом заменять Василия Ивановича. Но на освобождении Лазарева настаивал Александр Петрович Кустов.

Ставропольэнерго курировал заместитель министра Юстинас Матиаус Некрашас, литовец, человек сухой и неприветливый. Теплотехник по образованию, ранее он возглавлял энергосистему Литовской ССР и не стеснялся рассуждать на резавшую тогда слух тему об отделении Литвы от СССР.

Горюнов завел меня в приемную Некрашаса, а сам вошел к нему в кабинет. О чем они говорили, я не знаю. Примерно через полчаса пригласили меня.

Юстинас Матиаус начал беседу агрессивно.

— Какую ремонтную схему вы признаете на тепловых электростанциях? — спросил он.

Приняв его манеру разговора, я решительно ответил:

— Предпочитаю иметь сильный цех централизованного ремонта.

Я знал, что на Литовской ГРЭС функционирует безцеховая структура, в которой ведущее место занимали заместители главного инженера по направлениям деятельности со своим персоналом. Эта схема на Ставрополье не применялась, и я на практике доказал, что там, где есть цех централизованного ремонта, низки потери пара и конденсата, выше уровень эксплуатации и культура работы. Некрашас начал со мной спорить. Я приводил свои доводы, поскольку был довольно хорошо подготовлен. Тогда он задал мне вопрос:

— Вы можете пустить блок?

— Я знаю, как пускать блок и знаю порядок пуска, но пускать не буду, потому что по функциональным обязанностям главному инженеру энергосистемы пуском блока заниматься нельзя. Даже главному инженеру станции не всегда допускается пускать блок, хотя он знает, как это делается. Этим занимается оперативный персонал, внесенный в списки. Если нужно, я могу вам рассказать, что и как должно делаться. Проконтролировать и обучить персонал я могу.

Он задал мне еще несколько вопросов и отпустил. К нему вновь зашел Горюнов. Я чувствовал, что согласования не получилось.

На другой день в Москву прилетел начальник главка Автономов:

— В чем дело?

Я развел руками в неведении. Борис Васильевич забрал документы и через пять минут вернулся с визой Некрашаса.

Через день состоялось заседание коллегии министерства. Мне задавали вопросы, касающиеся электрических сетей, видимо потому, что Ставропольская система имела системообразующие сети 330 кВ и большую распределительную сеть по объектам сельского хозяйства. Звучали вопросы и о гололеде. Меня поддержал первый заместитель министра СССР Егор Иванович Борисов. Назначение мое состоялось. Так я стал первым заместителем управляющего — главным инженером Ставропольэнерго.

Мне кажется, любой нормальный человек в течение своей жизни стремится максимально проявить себя в каких-то постоянно усложняющихся ситуациях, находя удовольствие в их разрешении. Удовольствие от делания равнозначно счастью, даже если при этом достигается эффект Левши: делания в одном, исключительно оригинальном экземпляре. Но добрые творения рук человеческих еще долго демонстрируют будущим поколениям уровень интеллектуального и профессионального мастерства предков, скрытых туманом истории.

С чего мне пришлось начинать на новой должности? Свою главную задачу я видел в повышении уровня эксплуатации и экономической эффективности работы энергетической системы в целом и ее элементов, а

также надежности энергоснабжения потребителей Ставропольэнерго. Ростовскому отделению Энергосетьпроекта (директор — Владимир Викторович Фадеев, главный инженер — Геннадий Антонович Неведров) я заказал разработку необходимого мне проекта. Проекта, согласно которому можно было определять параметры, относившиеся к повышению экономичности и надежности энергосистемы: размеры сетевых предприятий, их напряжение, количество районных электросетей, систему оперативной и диспетчерской связи, порядок создания оперативных бригад. А пятигорскому отделению Сельэнергопроекта (директор — Александр Петрович Нестеров, главный инженер — Алексей Иванович Иванов) был заказан проект, направленный на повышение организации эксплуатации распределительной сети Ставропольской системы.

Это было время создания крупных энергетических объединений, в том числе и на Северном Кавказе. В результате долгих размышлений я пришел к выводу о необходимости укрупнения находившихся в городе Пятигорске Центральных электрических сетей (ЦЭС) за счет объединения с Кавминводским предприятием электрических сетей, находившихся в Эссентуках. Если учесть, что ЦЭС были в основном системообразующие (с напряжением 110 кВ и выше), то при укрупнении получалось компактное, со всеми уровнями напряжения, предприятие под названием «Центральные электрические сети» с дислокацией в поселке Энергетик города Пятигорска.

На подготовительном этапе было высказано великое множество разных мнений, велись ожесточенные споры. Но, как мне кажется, нечего бояться споров, если их предмет является лучший путь к достижению общей цели. Согласовав все вопросы, я подписал у министра энергетики и электрификации СССР приказ об объединении Кавминводского предприятия с Центральными электрическими сетями. В 1972 году директором этого предприятия был назначен Анатолий Сергеевич Федотов, а главным инженером — Иван Иванович Левченко.

Реакция Предгорного райкома партии в лице А. П. Распопова на факт ликвидации Кавминводского предприятия электрических сетей, естественно, была отрицательной. Распопов заявил, что Дьяков мстит району и расправляется с негодными ему лицами. В Предгорном районе был сохранен район электрических сетей (РЭС), который теперь входил в состав Центральных электрических сетей. Начальником РЭС, по настоятельному требованию Распопова, был назначен бывший директор КЭС М. П. Колосов.

В это время у нас происходили события, которые, на первый взгляд, меня вроде бы не касались, но имели далеко идущие последствия. Как правило, на Кавминводы приезжали отдыхать наш министр, началь-

ники главков, другие руководители. Во время неформальных встреч на отдыхе решаются различные, в том числе и кадровые вопросы, ведутся разговоры о работе. Как-то раз во время очередного такого разговора я подбросил в костер полемики идею создания энергообъединения Энергокавказ, которому можно было бы подчинить все энергосистемы, расположенные на территориях Закавказья и Северного Кавказа. Этот замысел Петру Степановичу Непорожнему понравился.

— Что вам для этого надо? — сразу спросил он.

— Ничего, — ответил я. — Только время и ваше распоряжение, чтобы меня допустили к работе в энергосистемах Армении, Азербайджана и Грузии. Я все сделаю сам.

Получив одобрение министра, я подключил свое конструкторское бюро и в течение двадцати дней собрал всю необходимую информацию и справочные данные. Я находился в состоянии азарта, которое всегда охватывает человека, имеющего удовольствие заниматься любимым делом. Ведь труд — великий волшебник. Как бы мы ни устроились в жизни, какими бы глазами ни смотрела она на нас, дружелюбными или суровыми, труд придает важность и значительность нашему пребыванию на земле. «Человек без труда хуже любого зверя становится, — утверждал один из героев Леонида Леонова, — ему тогда весь мир взорвать ни почем». Человек способен вынести стократ больше, если сам на себя положу взваливает, если берется за работу по своей воле, а не по чужому приказу. Каждый день испытываешь чувство, будто до смерти устал, а все же, когда подходит вечер, жалеешь, что день кончился, и не можешь дожидаться утра, чтобы начать все сначала.

Когда все вопросы по созданию объединения были проработаны и подтверждены необходимыми чертежами, справками и аналитическими материалами, я пошел на доклад к министру. Петр Степанович не поверил своим глазам:

— Все это вы сделали сами?

— Да.

— Если бы я поручил эту работу своему институту, — признался Непорожный, — они бы потребовали примерно сто человек и год времени! Приезжайте через неделю в Москву — мы рассмотрим данный вопрос на коллегии Минэнерго СССР.

«Ну, — подумал я тогда, — влип! Ведь я тем самым предлагаю ликвидировать родной главк Главюжэнерго, а начальник главка Автономов ничего еще об этом не знает...» Выдвинутый мной на рассмотрение смелый проект предусматривал выведение Объединенного диспетчерского управления (ОДУ) Северного Кавказа и Закавказья из состава ЦДУ ЕЭС СССР и включение его в производственное объединение Энергокавказ.

Тем самым все энергосистемы Северного Кавказа и Закавказья переподчинялись новому объединению. Со своими предложениями я вторгнулся в чужую епархию, посягал на функции других структур министерства, то есть вступал в борьбу с представителями сильных энергетического мира. Фактически я лез на рожон, не зная, что в результате получу больше всего: тумачков или пятаков.

В установленное время собралась коллегия Минэнерго СССР. Прежде чем предоставить мне трибуну, Непорожний предупредил в своей вступительной речи, что все, о чем я буду говорить, является его личной идеей. «Дьяков действовал по моему поручению, — заявил Петр Степанович, — а поэтому все претензии, если они возникнут, предъявляйте мне». Коллегия прошла удачно, по-деловому, поставленный вопрос был обсужден всесторонне и досконально, приняты соответствующие решения. Петр Степанович объявил мне благодарность за проделанную работу и вручил денежную премию.

Когда кому-либо удастся легко пройти в открытые для него судьбой двери, следует учитывать тот факт, что у этих дверей есть твердый косяк. Как я и опасался, мои действия не нашли поддержки со стороны начальника Главюжэнерго Бориса Васильевича Автономова. Он ушел с коллегии, бросив в мою сторону взгляд, не предвещавший ничего хорошего. Я понял, что надо срочно объяснить ему создавшуюся ситуацию и восстановить статус-кво в наших отношениях.

Войдя в кабинет Бориса Васильевича, я всей кожей ощутил сгустившуюся в нем предгрозовую обстановку, которую помог разрядить случай. Вслед за мной в кабинет начальника вошел мой территориальный сосед по энергосистеме — управляющий Дагэнерго Вагид Мамедович Муслимов. Мы были дружны с этим человеком большой души, профессионалом своего дела, ученым. Глядя на меня, он обратился к начальнику главка:

— Борис Васильевич, вчера до заседания коллегии я купил себе большой чемодан, чтобы ездить из Махачкалы к вам в Москву. Для поездок к Анатолию Федоровичу в Пятигорск мне такой не нужен — обойдусь портфелем. Так что мне делать? Пойти поменять этот чемодан на портфель?

Автономов заулыбался. Я понял: гроза пронеслась мимо.

Борис Васильевич, бросив в мою сторону многозначительный взгляд, произнес:

— Молодость... Ей все простительно. Только не следует забывать одну простую вещь: министр, его покровительство — это хорошо. Но оценку твоей деятельности будет давать начальник главка.

Он пожал мне руку и сказал:

— Материал интересный, но о главке своем помни.

Все складывалось, как никогда, удачно, но я, боясь испугнуть легкую бабочку фортуны, усевшуюся мне на открытую ладонь, старался не думать о своей роли в этом процессе, полагая, что успех одного — это совокупность созидательных, на первый взгляд незаметных, действий многих людей в одном направлении.

ОДУ Северного Кавказа, начальником которого был Анатолий Дмитриевич Смирнов, вот уже три года ютилось в Орджоникидзе, во временном помещении. Мне не давала покоя мысль: «А почему ОДУ обязательно должно находиться в Орджоникидзе, а не в центре нагрузки — в Пятигорске?» Я подготовил соответствующий проект приказа министра энергетики и электрификации СССР с сопроводительной справкой, в которой объяснил всю целесообразность предлагаемого варианта. Непорожный согласился со мной и вскоре подписал приказ о переводе ОДУ Северного Кавказа в город Пятигорск, а точнее, его пригород — поселок Энергетик.

Северо-Осетинский обком партии, по вине которого не были своевременно построены здания для ОДУ, не был согласен с переводом ОДУ в Пятигорск. Первый секретарь обкома Билар Каболоев по этому поводу лично встречался с П. С. Непорожным, но Петр Степанович от своего решения не отступился. Встреча проходила в санатории «Дубовая роща» г. Железноводска.

Я связался с Константином Сергеевичем Сторожуком, уже вставшим во главе ЦДУ ЕЭС СССР (у нас к тому времени сложились отличные отношения), рассказал ему о своем видении этой проблемы. Идея ему понравилась. Затем мы с ним подготовили и подписали распоряжение о строительстве здания ОДУ, которое до сих пор является самым красивым в поселке. Немного позже, в ходе строительства, мы со Сторожуком договорились надстроить здание еще на три этажа — для размещения на дополнительных площадях службы РЭУ Ставропольэнерго.

— Никому бы на это не дал согласия, но вам, Анатолий Федорович, отказать не могу! — таков был ответ К. С. Сторожука.

Разрабатывая проекты по улучшению организации эксплуатации энергосистемы, я видел свою главную задачу в развитии и наращивании ее мощностей. В этом наши планы с Александром Петровичем Кустовым совпадали. Они нашли свое реальное воплощение в борьбе за место возведения Ставропольской ГРЭС общей мощностью 2400 МВт (с блоками по 300 МВт). По балансу мощности новую ГРЭС необходимо было построить на территории Краснодарского края, который и до сегодняшнего дня является дефицитным по электроэнергии. Нам с Кустовым удалось отстоять «в верхах» решение о переносе строительной площадки ГРЭС на территорию Ставрополя, на берег Новотроицкого водохранилища.

При проведении проектных работ меня вызвал Непорожный:

— Я поручаю вам сконцентрировать в проекте Ставропольской ГРЭС все передовое, что накоплено в тепловой энергетике на сегодняшний день по блокам-300.

Вместе с директором строительства Ставропольской ГРЭС Германом Федоровичем Кохомским мы бросились на поиски нового. Разве работа приносила бы радость, если бы человек не искал, не открывал, не творил нового? Скольких прекрасных полезных вещей мы бы лишились, сколько открытий не было бы сделано!

В суете и неразберихе подготовительных работ промелькнул 1972 год. Нашим генпроектировщиком было ростовское отделение института Теплоэнергопроект (директор — Дмитрий Григорьевич Калганов, главный инженер — Валерий Васильевич Ткачев), которое творчески подошло к поручению, в максимально короткие сроки и с высоким уровнем качества выполнив наши условия. В проекте были учтены все последние достижения в области теплоэнергетического строительства. Главный корпус станции предлагалось изготовить из брусковых конструкций, потолок машинного зала — из фольгоизола. В электрической части были применены полуторные схемы, подвесные разъединители, глубинный водозабор и прочие новшества.

Наконец, наступила торжественная минута закладки первого куба бетона. Она состоялась в мае 1973 года в присутствии министра энергетики и электрификации СССР Петра Степановича Непорожного. Специфика проекта состояла в том, что впервые генеральным подрядчиком строительства тепловой станции был строительный трест Севкавгидроэнергострой, специализировавшийся, как это видно из самого названия, на гидростроительстве.

На первых порах многие сомневались в том, что стройка будет благополучно завершена. Но именно этот трест (управляющий — Александр Николаевич Виннечек, главный инженер — Дмитрий Иванович Кондратьев) под неусыпным контролем со стороны заместителя министра по гидростроительству А. А. Александрова успешно справился с этой задачей и построил электростанцию, отвечавшую всем требованиям того времени. Этому способствовала дружная работа таких субподрядных организаций, как тресты Кавказэнергомонтаж (управляющий — Назым Балабекович Усубов, главный инженер — Владимир Михайлович Чурбанов), Теплоэнергомонтаж (управляющий — Алик Абдулович Полозов, главный инженер — Павел Исаакович Шапарив) и Электрожумонтаж (управляющий — Геннадий Петрович Орлов, главный инженер — Александр Авксентьевич Гелетка). Огромную работу по выполнению объемов и координации работ субподрядных организаций выполнило управле-

ние строительства Ставропольской ГРЭС во главе с начальником строительства Валентином Ивановичем Ковалевским и главным инженером Гурамом Сослановичем Гаглоевым.

Альберт Эйнштейн как-то сказал: «Теперь я знаю, почему столько людей на свете охотно колют дрова. По крайней мере, сразу видишь результаты своей работы». Результат этот — в животворном тепле, исходящем от сухих ароматных дров, сгорающих в деревенской печи или городском камине. Сразу видят результаты своей работы и энергетики. Свет и тепло, производимые на наших объектах, стали сегодня основными составляющими понятия комфорта — этой извечной мечты человечества. Поэтому слово «энергетик» я бы смело поставил в один ряд с такими понятиями, как «творец», «созидатель».

Но среди нашего брата можно было найти и таких, кому судьбою доводилось не только возводить объекты, но и разрушать их. А это, поверьте мне, не такое приятное занятие, как колка дров. Об одном таком человеке хочу рассказать подробнее.

Так получилось, что у нас в Ставропольэнерго одновременно работали несколько человек с фамилиями, имеющими церковно-культурное происхождение. И если ухо нормально воспринимало фамилии Попов, Дьяконов, Дьячков и Дьяков, то фамилия Ксёндз явно выпадала из этого ряда — и не только из-за своего польского звучания.

Иван Алексеевич Ксёндз работал начальником производственно-технического отдела. Мы сидели вместе с ним в одном кабинете, когда я был старшим инженером по борьбе с авариями и по технике безопасности РЭУ. Он мне запомнился своим общительным, добродушным нравом, никогда не раздражался, в любых ситуациях сохранял спокойствие и сдержанность. Я не встречал ни одного человека, до такой степени слитного в своей цельности, до такой степени завершённого, будто его кто-то специально вылепил. Глядя на него, нельзя было подумать, что этот обаятельный, умеренный и аккуратный человек смог сохранить свою нравственную цельность в той кошмарной яме, в которую его швырнули власти после войны.

Ивану Алексеевичу посчастливилось работать начальником одного из управлений Днепрогэса, первенца ГОЭЛРО. Затем ему пришлось участвовать в строительстве Баксанской ГЭС, на которой остался работать после введения ее в строй. Когда началась война, Ксёндз жил в Пятигорске, где занимался обслуживанием узловой подстанции «Машук», через которую шла связь Баксанской ГЭС с Кисловодской ТЭЦ. Советское командование перед отступлением распорядилось, чтобы Иван Алексеевич взорвал подстанцию. Ксёндз выполнил распоряжение так, как умел, — добросовестно, но не успел эвакуироваться.

Пришли немцы и стали набирать зондеркоманду для восстановления разрушенной подстанции, не догадываясь, кто к ней приложил руку. В эту зондеркоманду попал и Ксёндз, которому пришлось восстанавливать объект из руин. Через шесть месяцев немцы вынуждены были оставить город, и опять Ксёндз получил распоряжение взорвать подстанцию. Пришлось приказ выполнять.

Когда в Пятигорск вошли советские войска, Ксёндзу было поручено заняться реставрационными работами. После их окончания ценного специалиста по энергетическим объектам арестовали и приговорили к десяти годам лагерной жизни. Иван Алексеевич попал на строительство Волго-Донского судоходного канала. В зоне Ксёндз тоже не сидел без работы: он был начальником производственно-технического отдела строительства.

Он мне рассказывал: «Для человека нет ничего невыполнимого, а точка зрения, что рабство и тирания не являются движущими стимулами в процессе эволюции человечества, еще требует доказательств. Ради сохранения своей жизни человек способен на все. Вот пример. Нам была поставлена задача — ввести канал к декабрю 1949 года, ко дню рождения И. В. Сталина. Предыдущий начальник стройки доказывал, что это сделать невозможно. Колеблющийся руководитель вскоре исчез в неизвестном направлении...»

Ксёндз задумался на минуту и продолжил: «На смену ему прислали нового человека, которого мы никогда не видели в форме. Он собрал нас и сказал: «Ко дню рождения вождя всех вождей мы введем канал, чего бы нам это ни стоило. Любой, кто в этом сомневается, — многозначительно добавил руководитель, убежденный в том, что наше дело правое, — будет расстрелян на месте без суда и следствия». И что бы вы думали? Канал действительно был введен в срок и без недоделок...»

У людей, пострадавших от своего Отечества, провалов в памяти не бывает. Они помнят все до мельчайших подробностей. Однако настоящие патриоты тем и отличаются от огульных обвинителей, что всегда находят в себе нравственные силы провести четкую грань между авантюристами и палачами, с одной стороны, и народом, к которому они принадлежат, — с другой.

Глава 19

Самоутверждение

Добившись строительства ГРЭС на территории Ставропольского края, Кустов предвидел трудности, которые объективно возникают перед подобными масштабными стройками, особенно при строительстве первого блока. У него на этот счет был огромный личный опыт. На Невинномысской ГРЭС мы с ним осваивали 150-мегаваттные блоки, ввели 100-мегаваттную противодавленческую турбину, а также первую в мире парогазовую установку ПГУ-200 с высоконапорным парогенератором (ВПГ), ставшую новым шагом в развитии теплоэнергетики. Но, к сожалению, такого рода проектам, если они хоть как-то не были связаны с военно-промышленным комплексом, в то время почти не уделялось никакого внимания.

В 1973 году в кисловодском санатории «Красные камни» находился на отдыхе Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин. Накануне Международного женского дня он решил посетить в городе Невинномысске трудовые коллективы местного химического комбината и ГРЭС. Однако незадолго до его визита прошел сильный дождь, превративший территорию между цехами химкомбината в грязное месиво. Хотя через лужи проложили дощатый настил, А. Н. Косыгин отказался от дальнейшего осмотра химкомбината и приехал на Невинномысскую ГРЭС.

Наши женщины встретили его букетами цветов, которые он тут же возвращал обратно со словами поздравления с наступающим праздником. Косыгин обошел всю электростанцию. Когда он подошел к ПГУ-200, я начал рассказывать ему о преимуществах и экономической эффективности установки, ее технологических особенностях, в первую очередь о малой металлоемкости блока. ПГУ-200 — это высоконапорный малогабаритный парогенератор, уходящие газы которого, нагретые до температуры 770°C , подаются на 50-мегаваттную газовую турбину, а пар из ВПГ сбрасывается в паровую турбину мощностью 165 МВт под давлением 155 атмосфер. Применение этого типа парогазовых установок весьма перспективно в совокупности с высоконапорными парогенераторами, работающими на твердом топливе.

Среди некоторых мужчин бытует версия, что красивая женщина редко бывает верной, а если она верная — то, как правило, некрасивая. Не буду оспаривать правомочность этого обобщения, но если применить такой посыл к парогазовой установке, то в ней, наоборот, красота внешних форм совпадает с величиной коэффициента полезного действия.

Косыгин внимательно меня выслушал. Набравшись смелости, я спросил его:

— Алексей Николаевич, вам понравилась установка?

Он ответил вопросом на вопрос:

— А вам-то самому она нравится?

— Да, нравится! — отчеканил я, не задумываясь.

— А вот мне — нет! — неожиданно ответил он, уже не слыша посланный ему вдогонку вопрос «почему?».

До этого я не был официально знаком с Алексеем Николаевичем, но в моей жизни уже была одна нечаянная встреча с советским премьером. Летом 1965 года я отдыхал в санатории «Пикет» г. Кисловодска. Прогуливаясь по терренкуру кисловодского парка, я взобрался на смотровую площадку «Серые камни», откуда открывались прекрасные виды Эльбруса. Засмотревшись на горные красоты, я не заметил, как вслед за мной поднялись два человека. Один из них начал фотографировать окружающую панораму. Я обратил внимание, что внизу стояли два автомобиля, а рядом с ними — какие-то люди. Приглядевшись к своим неожиданным соседям, я узнал в одном из них Косыгина. Алексей Николаевич посмотрел на меня и как-то очень обыденно предложил:

— Давайте я вас сфотографирую.

Я еще не успел ничего ответить, как из щели его поляроида медленно выползла фотография, которую он мне и вручил. Я поблагодарил, и Алексей Николаевич вместе со своими провожатыми начал спускаться на тропу терренкура. В тот момент я не понимал всей важности этой совершенно случайной встречи со вторым лицом во властной иерархии нашей страны...

И вот обстоятельства вновь свели нас на Невинномысской ГРЭС. Служба охраны Председателя Совета Министров СССР все время подгоняла организаторов приема, показывая на время. Когда Косыгин уехал, нам сообщили, что он будет проводить совещание в зале заседаний химкомбината. Мы с директором ГРЭС Иваном Степановичем Лазаренко прибыли туда в числе первых. На сцене для свиты премьера было расставлено около полусотни стульев. За Косыгиным гуськом ходили высокопоставленные работники краевого звена во главе с первым секретарем крайкома партии Михаилом Сергеевичем Горбачевым и председателем исполкома Совета депутатов трудящихся Иваном Тихоновичем Тарановым.

Иван Степанович Лазаренко предложил сесть в первом ряду, а я стоял на третьем, подтвердив свой выбор жизненным принципом: «В первый ряд не садись, а коли сел — не высовывайся». Как оказалось, мы сделали правильно. Когда Косыгин вошел в зал, он не стал подниматься на сцену, а остановился у маленького столика перед первым рядом, за которым должна была сидеть стенографистка.

— Я думаю, — сказал Алексей Николаевич, — нет необходимости рассаживать какой-то официальный президиум. Возражений не будет? Товарищ Леонид Ильич Брежнев поручил мне провести совещание. Мне нужно двадцать минут на информацию о внутреннем положении в стране и столько же — для информации о внешнеполитической деятельности правительства. Я сяду за этот столик.

Всем, кто устроился на первых двух рядах, пришлось встать и уйти назад, уступив свои места партийным боссам и членам исполкома края. Передав от «товарища Леонида Ильича Брежнева» поздравления с праздником, Алексей Николаевич похвалил энергетиков за Невинномысскую ГРЭС. Сдержанно высказался он и по ПГУ.

Первая в мире парогазовая установка ПГУ с высоконапорным парогенератором ВПГ мощностью 200 МВт была построена и пущена в эксплуатацию на Невинномысской ГРЭС в октябре 1972 года. Но как только установка была введена в эксплуатацию, интерес к ней почему-то пропал, финансовые средства на ее доводку и усовершенствование не выделялись. Поскольку ВПГ относится к сосудам, работающим под высоким давлением, все работы по нему надо было согласовывать с Госкотлонадзором. Наши обращения туда с целью согласования разреза парогенератора с монтажными работами по установке дополнительных пучков труб были безрезультатны. Видимо, это никому не было нужно. Более того, высоконапорный парогенератор не выдерживал температуру пара при промперегреве, и его необходимо было реконструировать.

Я посоветовался с заместителем главного инженера по теплотехнической части Ставропольэнерго Николаем Федоровичем Горевым и, взяв на себя всю полноту ответственности, разрешил проводить работы по реконструкции. В результате произведенных доработок установка вышла на мощность 180 МВт и держит эту нагрузку до сих пор. Некоторое время спустя на Молдавской ГЭС мы использовали низконапорные парогазовые установки, в которых газовая турбина сама сжигает газ и сбрасывает уходящие газы в котел-утилизатор, создавая экономичный бинарный цикл.

ПГУ-200, пущенная в эксплуатацию на Невинномысской ГРЭС, была разработана, сконструирована и создана совместными усилиями Всесоюзного научно-исследовательского и проектного института промышленной энергетики (ВНИПИЭнергопром), во главе которого более

15 лет стоял Вадим Семенович Варварский, и Центрального научно-исследовательского и проектно-конструкторского котлотурбинного института (НПО ЦКТИ) им. И. И. Ползунова Министерства энергетического машиностроения СССР. ВНИПИэнергопром разработал также ряд проектов аналогичной парогазовой установки для Азэнерго и Тюменской ТЭЦ-1, но уже с новой газовой турбиной ГТ-45 Харьковского турбинного завода, головной образец которой был освоен на Якутской ГРЭС.

На что лично я обратил внимание, присутствуя на встрече с А. Н. Косыгиным? На четкое выполнение объявленного им регламента. Он точно уложился в объявленные им двадцать минут при информации по внутренней и в двадцать минут — по внешней политике партии и правительства. В его выступлении явственно звучала позиция сильного государственного деятеля, хорошо знающего народное хозяйство страны. Чувствовалось, что перед нами стоит, с одной стороны, требовательный и уверенный руководитель, а с другой — человек нелегкой жизненной судьбы.

Впоследствии, когда я уже работал в Минэнерго СССР, мне неоднократно приходилось встречаться с Алексеем Николаевичем. Запомнилась последняя такая встреча, случившаяся за месяц до его кончины. Петр Степанович взял меня с собой, когда поехал навестить Косыгина, проживавшего на даче в Архангельском. Премьер поблагодарил Непорожного за внимание и подарил ему книгу о совместном периоде их работы в Ленинграде. К сожалению, многие великие деятели, проходившие так близко от нас, уходят навсегда, так до конца и не распознанные своими современниками.

Можно логикой, мыслью, волей, всем существом желать что-то, но только случай собирает все в фокус. Как только меня назначили первым заместителем управляющего — главным инженером Ставропольэнерго, Александр Петрович Кустов поднял вопрос об освобождении меня от обязанностей секретаря парткома. Почему это стало его навязчивой идеей, мне сказать трудно, но ради ее осуществления он проявил недюжинные способности. Если говорить образно, клал горчицу не на край, а на дно своей тарелки, черпая ее большой суповой ложкой. Однако горьком партии, посоветовавшись с крайкомом, решил оставить меня на секретарстве, предоставив мне таким образом и партийную, и административную власть. Там понимали, что представляет собой Александр Петрович как руководитель, и этим создавали ему в моем лице своеобразную систему сдержек и противовесов.

Чтобы отмести всякие попытки Кустова сделать из меня карманного секретаря, я откровенно сказал управляющему:

— Я согласен проводить любую линию, но прошу вас: никогда не пытайтесь унижить меня как секретаря. Если вы хоть раз это допустите, то

наши пути разойдутся, и я буду поступать так, как мне будет диктовать моя совесть и объективные обстоятельства. И неужели вы, Александр Петрович, до сих пор не знаете, что опираться можно только на то, что оказывает сопротивление? А лучшей опорой для человека всегда является другой человек.

Обстановка в партийной организации сложилась тогда тяжелейшая. Партийный коллектив вновь раскололся на две группировки. Кустов использовал свои старые методы. Он привез с собой из Калининграда неплохого специалиста, Бориса Семеновича Шароевского, ранее работавшего начальником производственно-технического отдела на Калининградской ТЭЦ-2, 100-мегаваттной среднего давления станции, построенной еще немцами. Шароевский стал у нас начальником производственно-технического отдела — заместителем главного инженера Ставропольэнерго по теплотехнической части.

Борис Семенович был покладистым человеком, всегда поддерживал Кустова, но не смог выдержать методов его работы. На одном из совещаний, реагируя на какое-то жесткое требование Александра Петровича, он резко ответил:

— Знаете, сколько ни заставляй петуха нести яйца, у него это никогда не получится!

Истинно благородный человек оценивает людей не по их речам. А когда какие-то речи ему не нравятся, причину этого он ищет не в личных качествах говорящего. Протеже Александра Петровича не почувствовал надвигающейся беды. Такого тона было достаточно для того, чтобы началась атака.

Кустов моментально нашел компромат на Шароевского, к тому времени уже работавшего начальником службы теплотехнических измерений. Оказывается, его подчиненные «использовали измерительные приборы службы в котельной парка культуры и отдыха имени С. М. Кирова». Этот факт был вывернут наизнанку, и дело было передано в партийную организацию. Борис Семенович получил строгий выговор с занесением в учетную карточку и был понижен в должности до рядового инженера-теплотехника.

Прошел год. Шароевский написал заявление в парторганизацию, где я уже был секретарем, с просьбой о снятии партийного выговора. Александр Петрович, трясясь от негодования, не рекомендовал снимать, считая, что Шароевский потом потребует восстановить его в прежней должности. Я провел с Борисом Семеновичем беседу:

— Давай договоримся так. Сейчас будет собрание, на котором мы снимем тебе выговор. Но ты после этого не пиши заявление с просьбой о своем восстановлении в должности.

Шароевский согласился с этим условием. Накануне собрания состоялось партийное бюро, на котором было принято решение рекомендовать партийному собранию снять выговор с коммуниста Б. С. Шароевского. Собрание гудело. Я выдвинул предложение о снятии выговора с Бориса Семеновича. Все проголосовали — «за». Проблема была решена, как говорится, в одночасье. Но на другой день Шароевский написал Кустову заявление с требованием восстановить его в должности. Александр Петрович вызвал меня. Он выглядел, словно тигр перед прыжком:

— Вы видите, что он творит?

Я вновь пригласил Шароевского:

— Борис Семенович, вы ведете себя неправильно. На парткоме вы обещали не настаивать на восстановлении в должности. Ведь вы создаете неприятную, прямо-таки тупиковую ситуацию. Рекомендую отозвать свое первое заявление, объяснив это тем, что вы, когда его писали, были в шоковом состоянии после похорон своей жены.

— А что я буду потом делать?

Я посоветовал:

— Вам надо переходить на другую работу. У меня есть предложение: идите начальником теплотехнической службы Центральных электрических сетей — будете командовать Кисловодской ТЭЦ,

— Кустов меня не переведет!

— Вы пишите, — сказал я уверенно, — а остальное — моя проблема.

Я принес Александру Петровичу оба заявления Шароевского, и тем самым инцидент был полностью исчерпан.

Но в отношениях со мной Кустов продолжал практиковать свой «иезуитский» метод. В чем он выражался? Казалось бы, в довольно обыденных вещах. Придя домой, «неутомимый» управляющий ужинал и выходил на прогулку. Часов в девять вечера он заходил домой, садился в кресло, стоявшее в его небольшой прихожей рядом с телефонным столиком, и набирал мой домашний телефонный номер.

Первое время Тамара никак не могла понять, с кем это я каждый вечер веду горячую перепалку по телефону. Александр Петрович обычно начинал разговор тихим и спокойным голосом:

— Вы знаете, о вас плохо говорит заместитель управляющего по общим вопросам: вы с ним разберитесь. Вы знаете, Безугленко снова поднимает голову, не так что-то он себя ведет...

Темы каждый раз менялись, но ежевечерне он звонил и звонил, методично истязая и пытаясь столкнуть меня с какими-то людьми. Например, Александр Петрович мог заявить:

— Завтра вы будете участвовать в заседании по распределению квартир. Я прошу такой-то уборщице (или такой-то секретарше) — она о вас плохо говорит — квартиру не выделять.

Я пытался ему возразить:

— Вот вы ей сами об этом и скажите.

— Нет, — настаивал Кустов, — скажите вы. Я вам советую!

Двуличным я быть не мог, а посему старался поступать объективно: выделял работнице квартиру, а женщина, на которую Кустов возводил напраслину, меня потом благодарила. Так продолжалось более года.

Время текло, как песок сквозь пальцы. В конце 1972 года Александр Петрович Кустов решил уйти на пенсию, но представления на кого-либо для назначения на должность управляющего не писал. Мне все время звонили, спрашивали, не представляет ли он меня. Я всем отвечал односложно:

— Нет, меня он к должности не представляет.

По предложению Бориса Васильевича Автономова на должность управляющего Ставропольэнерго был представлен директор Невинномысской ГРЭС Александр Федорович Федосюк, теплотехник по образованию. Борис Васильевич и Александр Федорович были знакомы по совместной работе на Украине, их дружба основывалась не на профессиональных интересах, а на мотивах житейского характера. Александр Федорович всегда демонстративно называл Бориса Васильевича «отец родной». Федосюк был старше меня лет на восемь.

Когда Автономов поручил мне написать на Федосюка представление, я возмутился:

— Почему я должен писать? Пусть Александр Петрович пишет: это его прерогатива.

— Кустов сейчас не может, — уговаривал меня Борис Васильевич, — он отдыхает. Ты же сейчас остался за него. Напиши!

Но, как говорят, человек предполагает, а Бог располагает. В ноябре 1972 года на Невинномысской ГРЭС произошла авария. Там на остававшейся под напряжением линии 330–500 кВ проводили эксперимент по обмыву химического налета с изоляторов обычной водой. Создали соответствующую схему, но релейщики допустили ошибку: не вывели одну накладку устройства резервирования отказа выключателя (УРОВ). Произошло короткое замыкание, начались «качания». В результате вышел из строя трансформатор шестого блока 150 МВт, а также были повреждены проточные части турбины одиннадцатого блока 165 МВт. Последствия эксперимента были довольно неприятные. Я разбирался с причинами аварии: там всему виной были неграмотные действия персонала.

Автономов позвонил мне и настоятельно потребовал:

— Ты должен написать представление на Федосюка, каковы бы ни были результаты расследования!

— Но там же руководящим персоналом были допущены грубейшие нарушения! — упорствовал я.

Борис Васильевич тоже был непреклонен:

— Что вы мне перечите? Я вам не советую препираться со мной и как начальник главка требую: пишите на него представление!

Очень мне не хотелось забивать гол в свои ворота, но выше головы не прыгнешь. Я подписал представление и вручил его Федосюку.

Матрица успеха

В народе издавна подметили: «Как только сокол с места — вороны на то место». 15 января 1973 года было официально объявлено о назначении Александра Федоровича Федосюка управляющим Ставропольэнерго. Вечером в ресторане, называемом в простонародье «Далеко от жен», состоялись сразу и проводы Кустова на пенсию, и церемония инаугурации Федосюка. В мероприятии приняли участие около ста человек. И надо же было такому случиться, что забежавшая во двор ресторана бездомная собака укусила не кого-нибудь, а именно Федосюка. В самом начале своей деятельности на новом посту он вынужден был принять курс инъекций от бешенства и столбняка.

Александра Федоровича я знаю с того времени, когда он стал главным инженером Невинномысской ГРЭС. У меня, главного инженера КЭС, сложились с ним хорошие отношения, перешедшие затем в дружбу. Основой для них стали те непростые проблемы, которые мы вместе решали на Кисловодской ТЭЦ. Персонал Невинномысской ГРЭС помогал нам при ремонтных работах, обеспечивал проведение химической водоочистки. Наша дружба продолжалась и в то время, когда он стал директором Невинномысской ГРЭС, а я вернулся в Ставропольэнерго.

Федосюку, как и всем другим руководителям предприятий Ставропольской энергосистемы, приходилось сдавать мне, начальнику службы надежности и безопасности — заместителю главного инженера Ставропольэнерго, экзамены по знанию правил технической эксплуатации энергетических установок и техники безопасности, а также инструкций. Как правило, Александр Федорович, ссылаясь на занятость или какую-нибудь другую причину, просил оформить результаты экзаменов «в рабочем порядке». Я всегда шел ему навстречу. Наши дружеские отношения сохранились и тогда, когда я стал главным инженером, а он пришел управляющим Ставропольэнерго. На правах старжила и друга я ввел его во все краевые и городские инстанции, с которыми у меня были налажены хорошие контакты. Мы доверяли друг другу.

Но в Александре Федоровиче добрые качества удивительным образом уживались с жесткостью и грубостью. Среди друзей он казался душевным

человеком, но почему-то в присутствии своей жены, которую он называл не иначе, как «лапочка», Федосюк становился неузнаваемым и доходил до открытого хамства, не обращая никакого внимания на окружающих. Но у него можно было поучиться и житейской мудрости. У Александра Федоровича уже тогда проявлялись элементы поведения, присущие «новому русскому» — в нынешнем понимании этого выражения. Он меня сразу предупредил, что «вкалывать» не намерен, так как ему до пенсии осталось... пятнадцать лет. Ввязываться в строительство таких объектов, как атомная электростанция на Чограйском водохранилище и Ставропольская гидроаккумулирующая электростанция, он не желал, поскольку это было бы для него «бесполезной тратой сил и времени».

— Зачем мне это? — говорил он. — Все равно ввод станций в эксплуатацию произойдет, когда я уже буду на пенсии.

К сожалению, вокруг нас есть еще немало сторонников тезиса: «Кто ничего не делает, тот никогда не ошибается». А кто не ошибается, того могут и по головке погладить. А кого по головке гладят, того и возвышают. Мне смешно было слушать разговоры о пенсии из уст 46-летнего человека. Если следовать философии Александра Федоровича, размышлял я тогда, то все начатое нами остановится, рассыплется в прах, исчезнет с лица земли. Поэтому, когда встал вопрос о том, кого назначать председателем Государственной комиссии по пуску агрегатов Ставропольской ГРЭС, Федосюк, за которого ратовали строители в лице управляющего трестом Севкавгидроэнергострой А. В. Виннечека, наотрез отказался. А положение на строительстве было тревожное. Назначили меня. Я согласился, потому что мне всегда претила поза зайца, трясущегося от страха под своим кустом.

В 1973 году, находясь на одномесячных курсах резерва руководящих работников при Институте повышения квалификации Министерства энергетики и электрификации СССР, я решил позвонить домой, где Тамара осталась одна с двумя детьми. После гудка в трубке раздался щелчок, и я неожиданно услышал разговор, который вела моя жена с управляющим Ставропольэнерго Федосюком. Александр Федорович как раз говорил ей примерно следующее: «Тамара, ну что ты так слепо веришь своему мужу? Он там гуляет, а ты... Ну, кому нужна твоя верность?» Тамара дала достойный отпор соблазнителю, спокойно и жестко заявив, что у нее нет оснований не верить своему мужу. Такой бесцеремонности, граничащей с хамством, я от Федосюка не ожидал.

Дослушав разговор до конца, я еще раз набрал номер. Тамара подняла трубку. Я ее похвалил:

— Молодец, устояла!

Она удивилась:

— А ты откуда знаешь?

— Да я все слышал, — признался я.

Вся наша жизнь построена на случайностях. Ни одну из них специально придумать нельзя. Затаил ли я злобу на управляющего? Вряд ли. Человек, если помнит про каждое злодеяние, может сгореть от напрасной злобы. Но в моем представлении о Федосюке — и это естественно — не могла не произойти определенная корректировка.

После ухода на пенсию Александр Петрович Кустов стал штатным заместителем председателя Ставропольского краевого правления НТО, а я — председателем этого правления. На втором заседании правления, где Кустов был докладчиком, у нас произошла стычка. Вопрос был самый элементарный — утверждение плана работы краевого правления, которое состояло из его людей. Ответственным за выполнение какого-то мероприятия он назвал меня. Я спокойно возразил:

— Александр Петрович, я считаю, что это дело — ваше. Вы обязаны это делать, как штатный работник. Я буду помогать, но делать будете вы. Или давайте ставьте ответственным две фамилии — мою и вашу.

Он был против.

— Хорошо, — сказал я, — тогда будем голосовать. Кто за то, чтобы принять предложение Александра Петровича о возложении ответственности за вопрос на меня?

Поднял руку один Александр Петрович.

— Кто за то, чтобы назначить ответственным Кустова?

Подняли руки все присутствовавшие. Это его потрясло. На другой день он позвонил мне и официальным тоном попросил его принять. Я был удивлен (обычно Кустов был вхож в мой кабинет в любое время) и спросил его:

— С каких это пор в наших отношениях такая официальность?

Александр Петрович зашел ко мне со словами:

— Я думал, что знаю вас хорошо, но вы превзошли все мои ожидания...

Не давая ему продолжить, я ответил:

— Все, что есть во мне хорошего и плохого, — это ваше. Я — ваш ученик, вы меня таким воспитали. Вы думаете, что я ничего не вижу и не понимаю? Взять хотя бы строительство вашего гаража. Ни один шаг там не делается без моего ведома. Вам только никто ничего не говорит. Я вас всегда поддерживал и буду поддерживать. Неужели вы этого не понимаете?

Бедный Кустов обмяк.

Подобная стычка уже имела место, когда он был еще управляющим, на одном из заседаний парткома. Вопрос был обычный: распределение обязанностей и заслушивание по итогам работы. Александр Петрович

был членом парткома и отвечал за оказание шефской помощи. Наступила его очередь отчитываться. Он поднялся и, направляясь к выходу, произнес:

— Доложит начальник отдела кадров Семин.

Я искренне возмущился, и моя реакция была мгновенной:

— Коммунист Кустов, вы как себя ведете? Вернитесь!

Он не ожидал такой реакции, опешил, остановился — и сел. После некоторого общего оцепенения я объявил перерыв и подошел к нему:

— Александр Петрович, что вы делаете? Вы же себя подводите. Не позорьте себя! Прошу вас больше так не поступать! Поймите: нельзя проявлять такое пренебрежение к парткому. Или вы хотите унижить меня как секретаря? Но я не из тех, кто дает себя в обиду!

О таких стычках нельзя судить по успеху. Они в равной степени ранят обе конфликтующие стороны. И еще неизвестно, если продолжать использовать спортивную терминологию, кто побеждает и кому от такой победы легче потом жить: победителю или побежденному.

Спор о роли индивида в истории идет давно. Человек может стать создателем, а может быть использован в качестве исходного материала, «глины». Историю движут вперед личности. Те, которые не только знают, «что делать», но и способны в доходчивой форме объяснить, «как именно». Таковым был профессионал Кустов. Но в житейских вопросах Александр Петрович оказался менее твердым. Как-то он позвонил мне: «Хочу с вами посоветоваться по одному вопросу». Дело касалось его дочери, жившей в Калининграде. Она уже давно звала Александра Петровича к себе, а он все никак не мог принять решение. «Посоветуйте, что мне делать», — просил он.

Я ему обстоятельно изложил свое видение проблемы:

— Характер у вас, Александр Петрович, тяжелый. Ведь вы не станете отрицать, что привыкли к самостоятельной и размеренной жизни. Более того, Вы еще и самолюбивы. Вы говорите, что дочь не работает, муж ее, капитан корабля, часто и подолгу находится в плавании. У них двое детей. Поверьте: там вам будет тяжело — вместе вы жить не сможете. А если останетесь здесь — вы всегда управляющий, вам никто ни в чем не откажет. Я не советую ехать к дочери. Но решать вам.

Он не прислушался к совету — уехал. К сожалению, получилось так, как я говорил. Пожил он там каких-то полтора года, и судьба нанесла ему первый удар — умерла его жена.

На должности главного инженера Ставропольэнерго что-то удавалось мне в большей степени, что-то — в меньшей, но однажды я сильно промахнулся. Это произошло при проведении пусконаладочных работ на Ставропольской ГРЭС. В декабре 1974 года был введен в эксплуата-

цию первый энергоблок мощностью 300 МВт, в 1975 году были включены второй и третий энергоблоки.

Ускоренный плановый ввод в один год сразу двух блоков по 300 МВт каждый был осуществлен только благодаря постоянной и существенной помощи со стороны отдела ЦК партии по машиностроению и, прежде всего, заведующего сектором Владимира Михайловича Фролышева и заместителя заведующего отделом Михаила Васильевича Борисова. Под своим контролем нашу стройку держал и сам заведующий отделом ЦК КПСС Василий Семенович Фролов. Они видели и знали все наши трудности и помогали в их преодолении. Своей главной задачей они считали объединение усилий строительных и эксплуатационных организаций во имя одной цели — обеспечить ввод блоков, чтобы все трудились, как одно целое, не перекладывая свои проблемы на других. А самая главная их заслуга состояла в том, что они обеспечивали процесс непрерывного финансирования и своевременной поставки оборудования и материальных ресурсов.

Осваивая новую технику, мы решили осуществить пуск блока на скользящих параметрах и запероли ротор высокого давления на третьем энергоблоке: произошел его прогиб. В это время на стройку прибыл Петр Степанович Непорожний. Узнав о случившемся, министр спокойно выслушал все мои объяснения и спросил:

— Сколько нужно времени, чтобы устранить поломку?

Я попросил десять дней.

— Только лишь? — удивился министр.

— Да, десять дней мне хватит, — еще раз подтвердил я.

— Ну, что же... Давайте посмотрим! — с этими словами министр уехал.

Только те вещи могут не удаваться, которые зависят от случая или посторонних обстоятельств. Здесь моя судьба находилась в моих собственных руках. Мы сделали блок за семь дней, взяв ротор с четвертого блока, находившегося в монтаже, а бракованный отправили на завод. Услышав доклад об устранении поломки, министр нас похвалил:

— Молодцы! Хотел, было, вас строго наказать, а сейчас только развожу руками. Но на коллегии этот случай мы все равно рассмотрим. Примите меры по своевременному вводу в эксплуатацию четвертого блока, с которого был взят ротор.

Коллегия состоялась, но наказания не последовало. Впредь я уже знал, что ничего не может приключиться сверх того, что тебе отпущено свыше.

В феврале — марте 1976 года состоялся XXV съезд КПСС, названный «демонстрацией новых выдающихся достижений советского народа во всех областях коммунистического строительства». Вряд ли кто-нибудь тогда мог предположить, что не пройдет и десяти лет, как эта «грандиоз-

ная стройка» плавно перейдет в перестройку, потом ее прораба снимут с работы, а разрозненные группы «строителей» по революционным праздникам будут топтаться, как неприкаянные, около памятников основоположникам марксизма-ленинизма...

В 1976 году был введен в эксплуатацию четвертый блок Ставропольской ГРЭС, что означало завершение первой очереди строительства. На пусках постоянно находился, совершенно не вмешиваясь в нашу работу, Автономов. Тогда Борис Васильевич признался мне о своем желании уйти на пенсию. Как я его ни отговаривал, он все же подал заявление приехавшему на станцию П. С. Непорожнему, и тот его подписал.

Начальником Главного управления энергетики Юга — Главюжэнерго — с ноября 1976 года был назначен Ким Николаевич Горский. Специалист высокого класса, он был приятен в общении, легко шел на контакт. В рамках своей профессии он чувствовал себя как рыба в воде: мыслил конкретно, образно, эмоционально насыщено. Бог его миловал: он был начисто лишен таких отвратительных качеств, как высокомерие, чванливость, заносчивость. Умея раздвигать узкоцеховые границы, он видел жизнь во всей ее глубине и многогранности.

Ким Николаевич прошел хорошую профессиональную школу, был неплохим организатором, настоящим бойцом за свое дело. Истинный художник в своей области, чей способ работы не допускал подмалёвок, Горский обеспечивал ввод и освоение первых блоков 300 МВт на Конаковской ГРЭС, занимался вводами блоков 300 и 500 МВт в ГДР. Своей практической деятельностью он всем показывал, что авторитет — это не теплая булочка с маком, день ото дня подаваемая руководителю в придачу к чашке утреннего кофе. Авторитет завоевывается трудом, умением, талантом, умом. Ким Николаевич сейчас находится на пенсии, и я до сих пор поддерживаю с ним хорошие отношения. Почему бы и всем людям не питать друг к другу если не величайшую нежность, то хотя бы глубокое чувство уважения, дающее человеку право считать себя существом не только мыслящим, но и сопереживающим?

С вводом в строй первой очереди Ставропольской ГРЭС стали решать, кого и как поощрять. В то «всеблагое» время, когда материальный уровень большинства населения страны был довольно низок, люди привыкли за обычное исполнение своих профессиональных обязанностей получать в качестве отличительной меры те или иные награды. Это нездоровое поветрие поддерживал сам Брежнев, которому 10 мая 1976 года вручили большую «Маршальскую Звезду».

Сам я к наградам отношусь неплохо, но никогда бы не осмелился считать появление их на своей груди символом отличия от других. Награду получать приятно, но это не должно становиться самоцелью для

честного и трудолюбивого человека. Чаще всего награждение — это формальный акт. Мудрые давно заметили, что «чины людьми даются, а люди могут обмануться». Несомненно, любая награда — это прежде всего субъективная оценка личности награждаемого и того, что он совершил. Вряд ли наступит такое время, когда решение о награждении будут принимать руководители, способные видеть объективно, отделяя добродетель от ее носителя, а личные пристрастия от реальной оценки.

Между структурами, занимающимися наградными делами, развернулась подковерная возня. Все зависело от того, какие решения будут приняты наверху. Хотя в Ставропольском крайкоме партии ко мне относились неплохо, но какая-то настороженность из его кабинетов исходила. В чем я скоро убедился. Меня представили к ордену Трудового Красного Знамени, но заведующий отделом краевого партийного комитета Иван Степанович Брагин переделал представление на награждение орденом «Знак Почета». Однако в наградном отделе Минэнерго СССР и в машиностроительном отделе ЦК КПСС думали иначе и... восстановили первоначальный текст представления.

Прошло некоторое время. Постановление Президиума Верховного Совета СССР о нашем награждении было подписано. Меня сразу поздравили из Минэнерго СССР и отдела ЦК КПСС. Позвонил мне и заведующий отделом крайкома партии И. С. Брагин:

— Поздравляю вас с наградой!

— С какой? — спросил я.

— Со «Знаком Почета».

— Меня ведь представляли к ордену Трудового Красного Знамени!

— А я говорю: со «Знаком Почета»! — утвердительно заявил Иван Степанович.

Я смолчал, но от такого диалога на душе стало неприятно. Когда, наконец, пришло постановление, то все встало на свои места: мне вручили орден Трудового Красного Знамени.

Потом произошли и вовсе непредвиденные события. Я готовился к выезду в Прагу для обмена опытом работы по технике безопасности и эксплуатации. Вместе со мной выезжал мой земляк, начальник Управления по технике безопасности и промышленной санитарии Минэнерго СССР Расул Алиевич Гаджиев, работавший до перевода в Москву главным инженером Дагэнерго. Мы с ним подружились в ходе совместной работы над новыми правилами техники безопасности при эксплуатации электроустановок. Это был порядочный человек, грамотный специалист.

Собрав необходимые документы, я доложил в Минэнерго СССР о готовности к выезду. Там мне сказали, что надо срочно позвонить в отдел машиностроения ЦК КПСС, который курировал нашу отрасль. Я позво-

нил. Трубку взял инструктор отдела Дмитрий Федотович Проценко, с которым мы были знакомы. Он сообщил:

— Завтра вы должны быть у нас. Мы вас ждем.

— В чем дело? Почему такая спешка? Через два дня мне нужно быть в Праге.

Проценко сказал, что будет рассматриваться вопрос о возможном моем переходе на работу в ЦК.

Я доложил первому секретарю Пятигорского райкома КПСС Болдыреву о вызове в ЦК КПСС. Я числился у него в резерве на должность секретаря горкома.

— Непонятно! — только и сказал Иван Сергеевич.

Вечером того же дня ко мне неожиданно приехал Брагин. Узнав от кого-то о цели моего вызова в Москву, он начал убеждать меня в том, что идти работать инструктором в ЦК неинтересно — лучше, мол, быть инструктором крайкома. Я слушал и прекрасно понимал, что Иван Степанович со мной неискренен. Им руководили другие соображения. Он явно не хотел иметь над собой куратора в моем лице.

Выслушав Брагина, я сказал, что обязательно учту его рекомендации.

— Но мне, — заметил я, — еще никто ничего не предлагал, и я даже не знаю, о чем идет речь...

Глава 21

В Москву

Янаскоро собрался и вылетел в первопрестольную, в отдел машиностроения ЦК КПСС. Завсектором отдела Фролышев объявил мне о возможном переводе на должность инструктора отдела ЦК партии. Эта новость прозвучала, как гром среди ясного неба. Мне дали бумагу и попросили написать справку, какие проблемы необходимо решить при строительстве второй очереди Ставропольской ГРЭС. Предупредили, что справка должна быть полной по существу, но краткой по форме. Я довольно быстро справился с заданием.

«Писать умеете», — сказали мне (говорят, Ришелье мог судить о человеке по пяти самостоятельно написанным строкам), и с этими словами привели к заместителю заведующего отделом Михаилу Васильевичу Борису. Тот со мной побеседовал и дал свое согласие. Потом меня «пропустили» через первого заместителя заведующего отделом Здорова. В заключение со мной побеседовал заведующий отделом Василий Семенович Фролов. Он спросил:

— На твой взгляд, какие вопросы ты должен решить в ЦК партии перед уходом из Ставропольэнерго?

— Вы знаете, — не растерялся я, — недавно читал приказ министра о закрытии Кисловодской ТЭЦ. Хотя эта станция небольшая, работает на средних параметрах, но ее закрывать нельзя. Она обслуживает особый район: там санатории и все остальное.

Фролов при мне связался по телефону с министром и ходатайствовал об отмене решения о закрытии Кисловодской ТЭЦ, как «непродуманного». В дальнейшем, будучи заместителем министра энергетики и электрификации СССР, я принимал участие в работах по обеспечению реконструкции ТЭЦ города Кисловодска: она прекрасно работает до сих пор.

Потом мою кандидатуру согласовали с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Андреем Павловичем Кириленко. Нынешнему поколению это имя почти ни о чем не говорит — теперь его не включают даже в энциклопедические словари. А тогда этот человек входил в «когорту бессмертных», стоял на третьем месте в партийной иерархии после Брежнева и Суслова. Портреты Кириленко — при любом наборе «выда-

ющихся деятелей Коммунистической партии и Советского правительства» — в обязательном порядке носили на Первомайских и Октябрьских демонстрациях, выставлялись на улицах и площадях.

Проявляя полное безразличие к результатам прохождения моей кандидатуры в столь высоких инстанциях, я улетел в Прагу. Еще одним членом нашей делегации был заместитель главного инженера Главного производственного управления энергетики и электрификации Белорусской ССР Андрей Захарович Красновский. Знакомство с ним, хорошим специалистом и добрым человеком, оставило во мне самые лучшие воспоминания. Командировка была интересной.

Пока мы любовались живописными берегами Влтавы, в Ставропольском крайкоме КПСС произошла смена руководства: второго секретаря Жезлова сменил мой комсомольский товарищ Виктор Алексеевич Казначеев.

Я позвонил домой в Пятигорск. Тамара взволнованным голосом сообщила, что меня срочно ищут в крайкоме.

— Позвони Казначееву! — закончила она.

Звонить Казначееву я не стал, а набрал номер Фролышева.

— Слушай, приезжай срочно в ЦК! — попросил он. — Мне тут «вломили»!

— За что? — удивился я.

— Да ведь мы не согласовали твое назначение с крайкомом партии! — пожаловался Фролышев. — А когда туда позвонили, там поднялась такая «буча».

Оказывается, прежде чем вызвать меня в Москву, Фролышев и Брагин говорили обо мне. Вот почему Брагин приезжал ко мне с уговорами не соглашаться на должность инструктора отдела ЦК КПСС.

Пока я находился в Праге, начался телефонный перезвон, были подняты все «дела», в том числе и решение Пятигорского горкома партии о снятии с меня выговора. Особую активность проявил управляющий Ставропольэнерго Федосюк. Он звонил Тамаре, собирал какие-то справки о ее семье, задавал глупые вопросы по поводу моего назначения в Москву.

В Ставропольском крайкоме КПСС тоже все были против моего ухода в ЦК. Свое мнение выразил даже М. С. Горбачев, заявивший, что крайком не может отпустить Дьякова в Москву: «Он у нас находится в резерве на должность председателя исполкома города Пятигорска».

Я только разводил руками:

— Причем здесь горисполком? Я там никогда в резерве не был и на эту должность не собирался.

Одним словом, мой переход в ЦК партии не состоялся. Надо поставить свечку во здравие тому, кто помешал мне стать номенклатурным

партийным работником. Поистине, всякая правда обладает семью уровнями, и на высшем уровне восседает Правда Божья, которая совершенно не имеет ничего общего с истерзанной правдой человеческой.

В октябре 1976 года до нас донеслись известия о ликвидации в Китае «банды четырех». Какое отношение это событие, произошедшее в правящей верхушке далекой Поднебесной, могло касаться меня, моей Родины, моей семьи и повседневных забот? Оказывается, самое непосредственное. Если смотреть не с точки зрения кулика, для которого собственное болото — это и есть вся необъятная вселенная, то надо признать, что Китай для России значит больше, чем для других стран мира.

В Советском Союзе всегда существовали пережитки высокомерного и одновременно опасливого отношения к Китаю, унаследованные от царских и хрущевских времен. Традиционно считалось, что Китай — это только отсталая Азия, а Советский Союз — это еще и Европа. Но сейчас Россия — больше азиатская страна, чем ранее: в Азии находится более 74% ее территории. Географическая «середина» нашей страны переместилась где-то в район Красноярска, в азиатской части России сосредоточена львиная доля природных богатств.

Даже невооруженным глазом видно, что перспектива возрождения нашей страны неразрывно связана с Дальним Востоком и Сибирью. А это — 12 миллионов квадратных километров и самое протяженное Тихоокеанское побережье. В Азии на протяжении 4200 километров мы соприкасаемся территориально с Китаем, где проживает 20% мирового населения, где 20 миллионов человек пользуются персональными компьютерами и производится в сотни раз больше телевизоров и холодильников, чем в России.

Так что свержение «банды четырех» потрясло не только китайский Олимп. Оно дало толчок модернизации политико-экономической жизни и внешнеполитических связей КНР, что не могло не сказаться на изменении геополитического вектора развития стран всего Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе и нынешней России...

Осенью 1976 года я достиг «роковых» сорока лет. Этот возраст считается рубежом, за которым начинается зрелость. Об этом периоде в народе говорят: «седина в бороду — бес в ребро». Мне повезло: природа оградила меня и от откровенной седины, и от нежелательного беса.

После моего возвращения из Праги Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев поздравил всех строителей, монтажников и эксплуатационников с досрочным вводом в эксплуатацию первой очереди Ставропольской ГРЭС. Состоялось торжественное вручение орденов и медалей. Орден Трудового Красного Знамени вручал мне председатель исполкома Ставропольского краевого Совета народных депутатов Иван Тихонович

Таранов. Потом на Ставропольской ГРЭС был большой митинг, на который съехались буквально все секретари райкомов и горкомов края.

Вскоре я ушел от секретарской работы, оставшись членом парткома Ставропольэнерго. Я неоднократно переизбирался членом Пятигорского горкома КПСС (был там председателем промышленно-транспортной комиссии), а также избирался депутатом Пятигорского городского Совета депутатов трудящихся. Одновременно я создал один из лучших Народных университетов, став его ректором.

До сих пор я глубоко убежден, что на подготовку кадров времени жалеть не надо. Как главный инженер, я провел большую работу по созданию учебного комбината, первым директором которого был назначен мой друг Юрий Иванович Колесников, занимавший эту должность довольно продолжительное время. На десять лет старше меня, он был энергичным и физически крепким. С ним меня познакомила его жена, Надежда Алексеевна, инженер по рационализаторской работе Кавминводских электрических сетей. Мы до сих пор поддерживаем с этой семьей близкие отношения. Когда у них родилась дочь Рената, я стал ее крестным отцом. В городе Ессентуки я создал предприятие Спецэнергоремонт, директором которого долгое время работал Эдуард Давидович Бацашвили. Наша студенческая дружба переросла в семейную. Но, к большому сожалению, Эдуарда Давидовича и нас с Тамарой постигло большое горе: ушла из жизни его жена Бела.

Некоторое время мне пришлось заниматься завершением пуска и вводом в эксплуатацию ГЭС-3 и ГЭС-4 Кубанского каскада. Уникальность этого каскада состояла в том, что вся вода шла через выравнивающие водохранилища, последнее из которых являлось базовым для снабжения самотеком Невинномысской ГРЭС технической водой и охлаждения ее конденсаторов. А в июне 1977 года меня пригласил на беседу министр энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожний, чтобы, как я узнал из верных источников, предложить мне должность начальника Государственной инспекции по эксплуатации электростанций и сетей. Но беседа, к сожалению, не состоялась, так как у Петра Степановича случился сердечный приступ. Начальник управления кадров министерства В. С. Барышев отправил меня домой, как в этом случае говорят, не солоно хлебавши.

Прошло три месяца: настало время идти в отпуск. Я взял путевку в новый, только что введенный в Кисловодске санаторий «Узбекистан». Там мне посчастливилось познакомиться с одним интересным стариком, узбеком по национальности. Звали его Эргаш Зияевич Зияев. Ему было около 80, он приехал к нам из далекого жаркого Андижана вместе со своим сыном Абдукаюмом. Оба чисто говорили по-русски. Своим благообразным видом Эргаш Зияевич чем-то неувлимо напоминал мне моего

деда. Мы быстро сблизились. Я возил своих новых узбекских друзей по Кисловодску, показывал им местные достопримечательности, познакомил с Тamarой. Мы выезжали в Архыз, Домбай, Приэльбрусье, на природе готовили превосходный узбекский плов.

При прощании в аэропорту Эргаш Зияевич растроганно признался:

— С этого дня, Анатолий, ты — мой сын, и я сообщу об этом всем своим девяти сыновьям.

Тогда я не придавал его словам должного внимания.

В октябре 1977 года я получил из Москвы телеграмму, в которой мне предписывалось прибыть в Минэнерго СССР для назначения на должность первого заместителя начальника — главного инженера Государственной инспекции по эксплуатации электростанций и сетей Минэнерго СССР. Назначение состоялось без вызова меня на коллегию министерства и в ЦК КПСС.

Но тут опять поднялся переполох. Позвонил Автономов и предупредил, чтобы я не соглашался на эту должность: «Вы никогда с этой должности не вырастаете!» Заместитель министра Владимир Николаевич Буденный тоже отговаривал: «Не ходите — вы достойны большего!» — «Ничего, — отбивался я. — Прежде всего, нужна голова, а не должность».

Я решил дать согласие, не задумываясь о выгодах, о том, что будет хорошо, а что — плохо. Я проработал с Федосюком уже более пяти лет, передал ему свои личные контакты. Александр Федорович тоже хотел перебраться в Москву. Но он претендовал на очень большие должности в Минэнерго СССР. Я чувствовал, что нам с каждым днем становилось все труднее работать вместе. У него мое назначение вызвало отрицательную реакцию. Он прямо заявлял: «Сначала я должен уйти в Москву, а потом ты!» Я не возражал и был бы рад такому решению, но его не выдвигали, а время шло. Одновременно меня назначили и исполняющим обязанности начальника Государственной инспекции.

Сотворение себя — очень трудный процесс. Как правило, он сопряжен с ломкой привычных представлений, сменой жизненного ритма и увеличением объема задач. И на это надо было решиться. Как-то во время одной из зарубежных поездок мне рассказали замечательную немецкую притчу о человечке, жившем в игрушечном мире, который постепенно начал рушиться. Страшно было маленькому существу ожидать неведомого конца. Но вот, сквозь трещины в мироздании, человечек услышал голос. Голос исходил от фигуры, смутно напоминавшей Христа: «Иди ко мне». Человечек в страхе отшатывался, потому что фигура эта висела в пустоте. «Я упаду, — твердил малыш. — Я провалюсь в бездну». И в ответ он услышал: «Учись падать. Учись падать и держаться ни на чем, как звезды».

В Ставропольэнерго для меня были организованы приличные проводы, в которых принимали участие руководители Ставропольского крайкома и Пятигорского горкома КПСС, представители всех энергопредприятий края. Мне были вручены почетные грамоты от Ставропольского крайкома партии, Верховных Советов народных депутатов Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Праздничные столы были накрыты в ресторане «Пятигорское озеро». От Главюжэнерго мне вручили денежную премию в размере одного месячного оклада.

Федосюк тогда меня спросил:

— Будешь деньгами брать, или тебе что-нибудь купить? Может быть, часы на память?

Я согласился. Тогда хорошие золотые часы стоили 320 рублей. Вручая подарок, Александр Федорович обнимал меня с деланным сожалением. Неужели им тогда руководила зависть — это негативное чувство, которое, подобно клопам в запущенной квартире, обитает в любой сфере человеческой деятельности? Зависть, таящаяся в служебных закоулках, в потаенных уголках израненных человеческих душ. Страдающего завистью человека легко распознать: внешне он высказывает поверхностное признание ваших успехов, а внутри себя болезненно прячет их полное отрицание.

Я уехал в Москву. Трудно передать словами охватившее меня тогда чувство. Вероятно, оно было созвучно с ощущением кровной близости, которое охватывает всякого русского человека в «третьем Риме», расположенном среди безыскусного рельефа Среднерусской возвышенности: ни тебе глубоких пропастей, ни недостижимых вершин, к каким я привык у себя на Северном Кавказе. Я и раньше не один раз бывал в Белокаменной, но теперь смотрел на нее другими глазами. Глазами человека, призванного внести свой посильный вклад в то большое общее дело, ради которого в столице день и ночь трудились многочисленные министерства и ведомства. Прибыв в Москву, я не без гордости оглядывался на свое прошлое, корни и истоки, давшие мне энергию, ум и силу, чтобы вырваться сюда.

В начале ноября 1977 года я вернулся в Пятигорск за семьей и обнаружил, что подаренные мне часы остановились. 7 ноября у нас в квартире собрались самые близкие друзья: Геннадий Николаевич Удовенчик с женой Мариной, Эдуард Давидович Бацашвили с женой Белой, семья Кузнецовых — Александр (заместитель директора Энергосбыта Ставропольской энергосистемы) и Галя, друзья по горкому комсомола. Одним словом — компания большая. Не успевал отвечать на вопросы: «Как встретили?», «Как устроился?», «Когда и какая ожидается квартира?».

Между делом Александр Кузнецов решил посмотреть, в чем причина остановки часов. Бела Бацашвили, листавшая гарантийный паспорт,

вдруг воскликнула: «Номер на часах не совпадает с номером, указанным в паспорте!» Часы и документ на них переходили из рук в руки. Все о чем-то недоуменно говорили. Но для меня, которого ждала новая работа, Москва, — все это было теперь мелочью жизни. Вечер прошел очень весело.

Позже, рассматривая памятный подарок от сослуживцев, я вспомнил одну деталь. Как только Федосюк застегнул часовой браслет на моей руке, директор Невинномысской ГРЭС Иван Степанович Лазаренко внимательно взглянул на циферблат. Потом загадочно улыбнулся и молча отошел в сторону. Часы, насколько мне известно, по заданию Федосюка покупал директор Энергосбыта Ставропольэнерго Кисилев. Я никому не стал рассказывать об этом случае.

Уезжая в Москву, я не думал прерывать связи со Ставропольской энергосистемой, ставшей для меня родным домом. Там я вырос в профессиональном отношении, приобрел богатый практический опыт, так необходимый инженеру-энергетику. В качестве главного инженера Государственной инспекции по эксплуатации электростанций и электрических сетей Минэнерго СССР я должен был и дальше наращивать деловые контакты со Ставропольэнерго. Но с первых дней работы я почувствовал холод, исходивший от Федосюка. Встретившись со мной в Пятигорске, куда я как-то приехал по своим делам, Александр Федорович даже саркастически заявил: «Вы для нас уже отрезанный ломоть!»

Мне было больно слышать это от человека, пришедшего со стороны и ставшего управляющим при моем содействии. Я старался не замечать плохого настроения Федосюка, хотя слышал, что в коллективе Ставропольэнерго по его вине царил нездоровая обстановка. Назревал нарыв, который рано или поздно должен был прорваться.

И действительно, вскоре в ЦК КПСС поступило письмо от начальника службы высоковольтных линий электропередачи Ставропольэнерго Владимира Ивановича Черкасова. Автор подробно рассказал о сложившейся в коллективе негативной ситуации, указывая на Александра Федоровича, как основного виновника всего происходящего. В письме сообщалось, что управляющий занимается поборами, что он якобы безвозвратно «позаимствовал» у Черкасова какое-то количество шкурки норки и нутрии на очень большую сумму. Среди прочего «компромата» прозвучал и факт подмены часов, предназначенных для «лучшего друга — А. Ф. Дьякова».

Это было неожиданно для меня. Снова в куче грязных фактов упоминалась моя фамилия, снова кому-то захотелось меня запачкать. Ведь вокруг столько «доброжелателей», только и мечтающих дать ход очередной пакости!

Разбирательство не заставило себя долго ждать. Для проверки изложенных в письме фактов приехала комиссия ЦК КПСС. Меня спроси-

ли, имело ли место событие, связанное с часами. Мне было стыдно даже говорить на эту тему, и я заявил об отсутствии каких-либо претензий к Александру Федоровичу. Через некоторое время, после благополучного завершения работы комиссии, в Москву приехал Федосюк. Зайдя ко мне в кабинет, он неожиданно, без всяких объяснений, попросил вернуть злополучные часы с компенсацией. На что я ему возразил:

— Жизнь — сложная штука. Я считал тебя своим другом. Эти часы ты мне вручил в качестве подарка, и я буду хранить их в память о нашей дружбе и совместной работе. Они для меня — историческая реликвия!

Начальник Главюзэнерго К. Н. Горский неоднократно просил меня:

— Ну, расскажи, как Федосюк подменил тебе часы?

— У меня нет к нему претензий! — повторял я.

В ответ на мои слова Горский только хохотал.

Чужая душа — потемки, и как порой ни стараются люди понять друг друга, им это редко удается. Спустя шесть лет судьба вновь свела меня с Федосюком. Работая заместителем министра энергетики и электрификации СССР, я должен был срочно найти кандидатуру на должность начальника Главвостокэнерго, ставшую вакантной после моего ухода на повышение. Обязанности начальника главка временно исполнял главный инженер Герман Федорович Кохомский. Петр Степанович Непорожний спросил по телефону мое мнение о кандидатуре Федосюка. Догадываясь, что Федосюк находится в его кабинете и слушает наш разговор, я ответил:

— Я очень хорошо знаю Александра Федоровича... Даже очень хорошо. И вы, Петр Степанович, знаете об этом не хуже меня.

— Конфронтации между вами не будет? — спросил министр.

Я решил не кривить душой.

— Мы с Федосюком проработали вместе более десяти лет. Дружили. Он был в моем подчинении, позже — я у него. Я знаю, он находится у вас и слушает наш разговор. Главное, чтобы он хотел работать и не думал о своей пенсии. Я согласен.

Свое мнение я изложил спокойно. А что я мог сказать? Люди холодного расчета, вопреки глубоко укоренившемуся ошибочному мнению, не добиваются в жизни и половины того успеха, который легко, как это кажется на первый взгляд, плывет в руки людям преданным, привязанным и верным. Просто не следует придавать чрезмерной важности — большей, чем они того заслуживают, — явлениям, происходящим не от злого умысла, а от недомыслия, от душевной недостаточности, от природного дефекта органа, отвечающего за совесть.

На пенсию Федосюка отправлял уже новый министр энергетики и электрификации СССР Анатолий Иванович Майорец. И, наверное, не совсем справедливо, что история не любопытна к побежденным.

Может быть, это кому-то покажется странным, но я до сих пор сохраняю добрые товарищеские отношения и с Александром Федоровичем, и с его сыном. Федосюк потерял жену. Это горе подкосило его: сдало здоровье, пошатнулись силы. Он опустил руки, потерял интерес к жизни. Решая жилищные проблемы своей дочери, Александр Федорович сам остался без крыши над головой. Ко всем прочим тяготам прибавились материальные проблемы: пенсии не хватало. Он поделился со мной своими трудностями, и я помог ему устроиться на работу, поспособствовал в получении квартиры. Когда Тамара об этом узнала, она произнесла одну короткую, но довольно многозначительную фразу: «Я тебя не понимаю».

А как я еще мог поступить? Александр Федорович — мой коллега, товарищ. С ним вместе прошли мы сквозь огонь, воду и медные трубы. У каждого из нас есть свои недостатки и слабости. Конечно, забыть предательство и хамство нелегко, но сжигать себя желанием мести тоже не следует.

Минэнерго СССР

Министерство энергетики и электрификации СССР. Это ведомство располагалось в историческом центре Москвы — в доме № 7 по Китайгородскому проезду — и занимало комплекс из шести-семиэтажных зданий общей площадью более сорока тысяч квадратных метров, построенных в форме двух замкнутых прямоугольников. Новый человек легко мог заблудиться в лабиринтах министерства. Часть служебной площади занимали помещения, в которых работали сотрудники Министерства электронной промышленности СССР и Министерства культуры РСФСР.

В Минэнерго СССР насчитывалось тогда около двух тысяч сотрудников, работавших в двух основных секторах: эксплуатационном и строительном.

Эксплуатационный сектор занимался тепловыми электростанциями (а их насчитывалось более одной тысячи единиц), гидростанциями (более ста объектов) и линиями электропередачи, протянувшимися на расстояние более 2,5 млн. километров. От Чукотки на востоке и до Бреста на западе, от Беломорска на севере и до Кушки на юге — во всем необъятном Советском Союзе трудно было найти хотя бы один регион, который бы находился вне сферы хозяйственных забот наших эксплуатационников.

Строительный сектор объединял около 700 тысяч специалистов, занимавшихся строительством гидро- и тепловых электростанций, фабрик и заводов. Министерство принимало участие в строительстве таких гигантов советской промышленности, как Камский и Тольяттинский автомобильные заводы, Оренбургский газоперерабатывающий завод, Норильский горно-металлургический комбинат им. А. П. Завенягина, и многих других. Мощная база строительной индустрии позволяла рядом с объектами гидроэнергетики возводить добротные и удобные для проживания людей города: Братск, Дивногорск и им подобные.

Министерство энергетики объединяло под своей крышей более шестидесяти проектных и научно-исследовательских институтов, разбросанных по всему Советскому Союзу.

На каждом этаже, в каждом кабинете министерства работали энтузиасты своего дела. В мельчайших подробностях рассказать о них на страницах одной книги невозможно. Одних я знал хорошо и давно и видел крупным планом, других — опосредованно, и они мне представляются отраженными сразу в нескольких зеркалах, а третьих — понаслышке, и линия этих лиц обрывается на какой-то детали. Многие мелькают в памяти эфемерными тенями: так расплывчато и изломанно выглядят предметы, рассматриваемые сквозь грани магического кристалла...

Роль главной скрипки в центральном энергетическом ведомстве играли строители, поскольку Петр Степанович Непорожний большую часть своей жизни посвятил возведению гидроэнергетических объектов. Поэтому на втором месте в министерской иерархии стоял первый заместитель министра по строительству Павел Петрович Фалалеев, бессменно занимавший эту должность с 1968 года.

Высококвалифицированный строитель, возводивший гидроэлектростанции в Средней Азии, Фалалеев казался сложной фигурой, вызывавшей при общении чувство необъяснимой тревоги. Чрезмерное властолюбие переклестывало в нем через край. Обладая высокой работоспособностью, он соизмерял свои требования к подчиненным только с собственной прихотью. Павел Петрович позволял оскорбительные высказывания по отношению к любому сотруднику, стоявшему ниже его на служебной лестнице. Он мог обругать последними словами всякого, кто, по его мнению, не владел ситуацией или же боялся его.

В жизни большинства людей, вероятно, бывает день, когда самая обыденная подробность отпечатывается в памяти навсегда. Познакомился я с Фалалеевым при весьма оригинальных обстоятельствах в Ставропольэнерго, и запомнил это на всю жизнь.

Однажды Фалалеев, отдыхая со своей женой в санатории «Красные камни» г. Кисловодска, позвонил мне домой. Это было воскресенье. Осведомившись, какая ожидается погода, Павел Петрович попросил к одиннадцати часам автомашину, чтобы съездить в Пятигорск, подняться на гору Машук. Я отправил за ним свою «Волгу». Жена собрала и сложила в красивую корзинку все необходимое: коньяк, шампанское, фрукты, конфеты, шоколад, салфетки, питьевую воду и воду для мытья рук, полотенца.

Около двенадцати часов Павел Петрович подъехал к моему дому. Я вышел из квартиры и сел в машину на переднее сиденье, приладив корзинку в ногах. Фалалеев сидел рядом с женой Майей на заднем сиденье, как было видно, в хорошем настроении. Погода стояла солнечная, теплая, по небу плыли отдельные облака.

Павел Петрович приказал ехать на вершину Машука. Машина двигалась по серпантину по направлению к верхней площадке, где воз-

вышаётся телевизионная вышка и находится конечная станция фуникулера. Там я намеревался открыть бутылку шампанского в честь приезда гостей.

Пока мы поднимались, светило яркое солнце. Но на самой вершине нас вдруг накрыла туча. Все вокруг потемнело, пошел моросящий дождь. Мы продолжали ехать вверх. Когда машина остановилась, Павел Петрович, словно внезапно обнаружив, что идет дождь, грубо выругался:

— Ты куда меня привез? — спросил он, прибавив нелитературное слово.

Я опешил. Растерялся и мой водитель Саша.

Жена попыталась его успокоить:

— Паша, не надо...

Фалалеев оборвал ее:

— Что, Паша? Примитивы!

— Павел Петрович, — попытался я успокоить первого заместителя министра, — давайте подождем. Мне кажется, туча скоро рассеется, а мы пока откроем шампанское или коньяк.

Гнев ослепляет. Фалалеев, словно сорвавшийся с привязи голодный пес, зарычал:

— Пошел ты со своим коньяком к... матери! Поехали вниз!

Когда мы проехали метров сто, вновь выглянуло солнце. Внизу Павел Петрович ехидно поинтересовался:

— Наверное, домик Лермонтова сейчас тоже будет закрыт?

Я ответил утвердительно, поскольку было время обеденного перерыва. Он резко бросил водителю:

— Останови машину!

Машина остановилась, и Фалалеев, надувшись чиновничьей спесью, приказал:

— Вы свободны. Выходите!

Я выскочил. Машина газанула, и они уехали в Кисловодск.

Бог создал человека из материалов, оставшихся после сотворения ангелов и животных, речью и разумом отделив его от животных, а гневом и похотью — от ангелов. Но не в каждом человеке эти качества находятся в пропорциональном соотношении. Мне бы не хотелось здесь сравнивать Павла Петровича с каким-либо животным, дабы не обидеть ни в чем не повинных божьих тварей. Но, видимо, христианская заповедь «возлюби ближнего своего, как самого себя» была в те времена для него недоступна. Знать, не читал он пророчеств Исайи, где сказано: «И сильный будет отрешем, и дело его — искрою; и будут гореть вместе — и никто не потушит». Никакие законы не усмирят этих ущербных душой людей: они были, есть и будут, пока общество принимает их такими, ка-

кие они есть, и даже поощряет их скабрёзный разгул. «Лучший способ отомстить недобрым, — рассуждал я тогда, — состоит в том, чтобы им не уподобляться».

Первым заместителем министра энергетики и электрификации СССР по эксплуатации в течение шестнадцати лет был совершенно другой, интеллигентный, чрезвычайно корректный и скромный человек — Егор Иванович Борисов. Борисов внес огромный вклад в развитие отечественной энергетики, принимал самое активное участие в восстановлении энергосистемы в разрушенных войной районах страны. Особое внимание в своей деятельности он уделял дальнейшему развитию энергетической отрасли, совершенствованию управления энергетикой и повышению надежности и экономичности работы электроэнергетики. С 1983 года (до ухода на пенсию в 1988 году) Егор Иванович являлся заместителем председателя научно-технического совета Минэнерго СССР.

С однофамильцем Егора Ивановича — заместителем министра по кадрам Михаилом Васильевичем Борисовым я познакомился на строительстве первой очереди Ставропольской ГРЭС, в его бытность заместителем заведующего отделом ЦК партии по машиностроению. Это он в течение двух лет присматривался к моей персоне, а затем принимал активное участие в подготовке моего перевода на инструкторскую работу в ЦК, к счастью, не состоявшегося вследствие вмешательства Горбачева. Тогда Михаил Васильевич, словно извиняясь, сказал: «Мы все равно заберем вас в Москву. Такие специалисты нужны энергетике страны». У меня с первых дней сложились с ним хорошие деловые контакты.

Заместителем министра по вопросам эксплуатации в части топливо-обеспечивающего оборудования был Владимир Николаевич Буденный, ветеран Минэнерго СССР, активный, переживавший за свое дело специалист и организатор высокого класса, очень земной и в то же время духовно богатый человек. В ведении Буденного находились вопросы налаживания контактов со всеми машиностроительными министерствами, Главснабом СССР и Госпланом СССР. Он отвечал в министерстве за поставки топлива на электростанции, а также оборудования на эксплуатационные и строительные объекты. Владимир Николаевич решал вопросы спокойно и без проволочек. Уравновешенный, высокопорядочный, трудолюбивый, он был окружен добрыми друзьями по духу и делу. К нему можно было всегда прийти за советом. У меня с ним сложились хорошие отношения еще до переезда в Москву, и он старался мне помочь, чем только мог.

Строительную индустрию Министерства энергетики и электрификации СССР возглавлял заместитель министра Александр Николаевич

Семенов. Он пришел к нам с должности начальника крупнейшего строительного объединения Братскгэсстрой, которую занимал с 1973 по 1977 год. Строитель по образованию и опыту работы, Семенов все время старался отделить участки ответственности строителей от участков эксплуатационников.

Работы по строительству тепловых электростанций курировал заместитель министра Федор Васильевич Сапожников. Этот энергичный и целеустремленный человек, которого я всегда приводил всем в пример, являлся заслуженным строителем РСФСР, лауреатом Государственной премии СССР. В начале 1970-х годов Федор Васильевич настоял на строительстве серийных ТЭЦ нового типа, оснащенных малогабаритными газоплотными котлами с вихревой топкой, которые открывали новый этап в котлостроении по сравнению с традиционными котлами с камерной топкой. Если перед Сапожниковым стояла задача — он ее обязательно решал. В 56-летнем возрасте, будучи начальником главка, он защитил кандидатскую диссертацию, в 72 года стал профессором, а в 79 — доктором технических наук.

Федор Васильевич — один из основателей кафедры строительства тепловых электростанций МИСИ, долгое время преподавал там по совместительству. Сейчас Сапожников занимается научными исследованиями в области новых технологий. Ему уже исполнилось 96 лет.

Атомную энергетику (эксплуатацию и частично строительство) с января 1978 года курировал заместитель министра Федор Яковлевич Овчинников — выдающаяся личность, крупный специалист в своей области. Федор Яковлевич отличался большой работоспособностью, аккуратностью, целеустремленностью. Природное чувство юмора и личное обаяние позволяли ему легко и быстро находить общий язык практически с любым собеседником. При решении производственных вопросов старался быть справедливым, и в этом ему помогали умение понимать людей, доскональное знание производства и нормативных документов. Он крайне редко повышал голос, не терпел лжи, пустых обещаний и высказанных «за глаза» мнений.

За строительство гидроэнергетических объектов в министерстве с 1975 года отвечал лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда Николай Максимович Иванцов. Ранее он занимал должность начальника Саратовгэсстроя.

В коллегии Минэнерго СССР также входил Геннадий Михайлович Аксенов. В должности начальника строительства Ладыжинской ГРЭС им впервые был применен метод поточного строительства, который затем будет широко распространен на многих стройках страны. «Ладыга осталась в моей памяти как один решительный штурм», — рассказы-

вал Аксенов. В его послужном списке — Березовская ГРЭС-1 и работа с первого колышка до сдачи под нагрузку энергоблоков самой большой в мире на тот период Экибастузской ГРЭС-1 (4 млн. кВт).

Член коллегии Министерства энергетики и электрификации СССР, лауреат Государственной премии СССР Виктор Иванович Борисов в свое время занимал пост первого секретаря Норильского городского комитета КПСС, а с 1978 года руководил Главным управлением Минэнерго СССР по строительству гидроэлектростанций и электросетей — Главгидроэнергостроем.

Интересной личностью был заместитель министра по эксплуатации Анатолий Иванович Максимов, бывший управляющий Донбассэнерго, пришедший в министерство с должности директора научно-исследовательского института Главпроект. Анатолий Иванович был человеком трудолюбивым, но ему мешали проблемы со здоровьем. Кроме того, он часто был несдержанным, а это создавало неприятное впечатление. Вскоре произошло его назначение на Центральное диспетчерское управление (ЦДУ) Единой энергетической системы, что, на мой взгляд, делать было нельзя.

Влиятельным структурным подразделением Министерства энергетики и электрификации СССР, от которого, без преувеличения, зависело всё и вся, было Главное планово-экономическое управление во главе с Суреном Григорьевичем Мхитаряном, руководителем с ярко выраженными кавказскими чертами характера, что не мешало ему быть деловым, спокойным человеком, с которым можно было решать все необходимые вопросы.

Главатомэнерго возглавлял член коллегии Владимир Петрович Невский. Десять лет проработал Владимир Петрович директором Белоярской атомной электростанции. Это были годы бесперебойной и безаварийной работы станции и расцвета поселка Заречный. В 1973 году Невского перевели на работу в Москву.

Главтехуправление возглавлял ветеран отечественной энергетики, член коллегии Леонид Алексеевич Трубицын, человек с русской внешностью и манерами, напоминавшими мне моего дядю. Спокойный и вдумчивый, Леонид Алексеевич проводил твердую линию на укрепление своего аппарата.

Трубицына окружали относительно молодые заместители — главный электрик Константин Михайлович Антипов (при мне он защищал кандидатскую диссертацию) и главный теплотехник Дмитрий Яковлевич Шамараков, которые делали все от них зависящее для наращивания энергетической мощи страны путем использования отечественного оборудования и внедрения новых технологий.

Главным инженером Главтехуправления был Виталий Иванович Горин. У нас были разные школы: за моими плечами была практика, а у него — должность старшего инженера Союзтехэнерго, я был приверженец практических результатов, а он — статистики.

В Главтехуправлении работали начальники отделов: общестанционного — Марк Федорович Дашевский, котельного — Владимир Романович Сазонов, турбинного — Александр Васильевич Макаров, электротехнического — Павел Сафонович Кабанов, энергосистем — Евгений Давидович Зендельзон, охраны окружающей среды — Владимир Владимирович Жабо.

В период расследования аварийных ситуаций Главтехуправление чаще всего выступало оппонентом Госинспекции. Но, в конечном итоге, когда заканчивалось расследование, мы совместно разрабатывали нормативные документы и противоаварийные циркуляры, которые, после подписи руководства Госинспекции, становились документами директивными, обязательными к исполнению на местах.

Наряду с Главтехуправлением мне приходилось работать и с Союзтехэнерго (раньше оно называлось «Организация рациональной работы государственных электростанций»). Эта очень важная структура занималась разработкой рациональных способов эксплуатации станций и сетей, позволивших накопить огромный банк данных с целью продления ресурса оборудования.

С первых дней работы на должности главного инженера Госинспекции я приступил к установлению деловых контактов с руководителями главных управлений, старой гвардией, элитой, ветеранами энергетической отрасли, оставившими в моей карьере заметный след.

В этом почетном ряду свое место достойно занимал Иван Ильич Бондарев — бывший начальник (на правах министра) Главного энергетического управления (Союзглавэнерго) при Госплане СССР, образованного после ликвидации Министерства электростанций СССР, которое возглавлял Г. М. Маленков. Впоследствии Иван Ильич был назначен начальником крупнейшего Главного управления по эксплуатации энергосистем Сибири — Главвостокэнерго.

В течение двенадцати лет начальником Главцентрэнерго был патриарх энергетики, член коллегии министерства Михаил Владимирович Гурычев. После Великой Отечественной войны он восстанавливал электростанции в Донбассе, работал в Калининской области, руководил реконструкцией городских электростанций. Михаил Владимирович участвовал в разработке проекта и сооружении Конаковской ГРЭС (Калининская область) — одной из крупнейших электростанций не только в России, но и в Европе. В министерстве Гурычева часто критиковали за

упущения, происходившие не по его вине. Впоследствии он был направлен в Болгарию на должность эксперта.

Гурычева сменил Дмитрий Федотович Проценко, ранее в течение долгого времени работавший инструктором отдела машиностроения ЦК партии. Высокого роста, с хорошо поставленной речью, он был своеобразным работником. Я его знаю с 1964 года. Работая в Ставропольэнерго, я помогал организовывать отдых его семьи. Это был специалист среднего уровня. Он приноровился прикрывать свои профессиональные недостатки лоском партийного функционера, получившего большую практику работы с письмами и общественными организациями. Дмитрий Федотович умел красиво говорить, но мягкий характер мешал ему сохранять верность выбранной позиции. Очень добрые от природы люди зачастую проявляют нерешительность и даже готовы на некоторое лукавство только по одной причине: им хочется, чтобы все были ими довольны. Ради сохранения удобного для себя статуса они кажутся непоследовательными и колеблющимися. Хотя это впечатление бывает и обманчивым.

Главным инженером Главцентрэнерго был участник Великой Отечественной войны Юрий Зиновьевич Шугаев, рано ушедший из жизни. Он прошел трудовой путь от кочегара ТЭЦ до главного инженера Татэнерго. В должности главного инженера — первого заместителя начальника Главного техуправления по строительству и проектированию электростанций, подстанций и сетей (Главтехстройпроект) много сделал по пуску и освоению Нижнекамской ТЭЦ-1 и Заинской ГРЭС. Шугаев и Гурычев были активными организаторами работ по освоению блоков 300 МВт и первого в мире блока 1200 МВт на закритических параметрах.

В Главцентрэнерго я сразу нашел контакт с начальником технического отдела Робертом Васильевичем Журавлевым (в начале 1960-х годов он работал заместителем начальника котельно-турбинного цеха ТЭЦ-22 Мосэнерго) и его заместителем Всеволодом Михайловичем Орфеевым. Каждый день я получал от них информацию о происшедших событиях, вместе мы разрабатывали противоаварийные мероприятия, готовили циркуляры.

Главвостокэнерго возглавлял Александр Васильевич Максимовских, занимавший в 1964–1971 годах должность управляющего Горэнерго. Главным инженером был Иван Николаевич Романов, бывший управляющий Омскэнерго, заместителем начальника главка — Вениамин Сергеевич Тимошин, ранее работавший управляющим Новосибирэнерго и отвечавший за капитальное строительство, а вторым заместителем — Сергей Владимирович Сохранский, занимавшийся обеспечением топлива.

Начальник Главсеверовосток Иван Николаевич Кравченко (первый директор Беловской ГРЭС) был старше меня: он работал еще на первых

машинах ВПТ-50 на Барабинской ТЭЦ. Главным инженером Главсевэнерго был Михаил Алексеевич Шувалов, а начальником отдела — Леонард Иванович Арцишевский.

Главсевзапэнерго руководил партфункционер — бывший секретарь парткома Вячеслав Дмитриевич Егорушкин, а заместителем у него был профессор Игорь Александрович Никулин, бывший управляющий Красноярской энергосистемой, в 1950-е годы работавший главным энергетиком Куйбышевэнергостроя. Вся свою жизнь он вынашивал идею о пропорциональном присутствии в энергетике Сибири «тепла» и «гидроэнергетики». Если подходить теоретически, то в какой-то степени он был прав. Хотя толчок развитию всей инфраструктуры Сибири дало не что иное, как строительство гидроэлектростанций.

Вопросами капитального строительства в министерстве занимался Юрий Александрович Кайранский, запомнившийся мне тем, что умел твердо отстаивать свои позиции.

Главуралэнерго с 1970 года возглавлял Вениамин Алексеевич Лукин. Участник Сталинградской битвы, он был демобилизован после тяжелого ранения. Прошел все должностные ступени от машиниста турбин до главного инженера Южно-Кузбасской ГРЭС, а затем — главного инженера Кузбасской энергосистемы. В 1979 году Вениамин Алексеевич был назначен заместителем министра энергетики и электрификации СССР по сетям. В 1986 году он принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. С 1987 года возглавляет редакцию журнала «Промышленная энергетика».

Главным инженером Главуралэнерго с середины 1960-х годов и до ухода на пенсию беспрерывно работал один из старейших энергетиков России Михаил Борисович Гервиц, о котором я уже упоминал, рассказывая о работе комиссии по проверке Кавминводского предприятия. Мои деловые контакты с ним сложились именно в тот «исторический момент». Михаил Борисович на протяжении десятилетий возглавлял уральские электростанции, представлял Минэнерго СССР на строительстве и пуске энергоблоков Кармановской ГРЭС, Ново-Салаватской ТЭЦ, Стерлитамакской и Приуфимской ТЭЦ, Уфимских ТЭЦ-2 и ТЭЦ-4, крупных подстанций, что гарантировало сдачу пусковых комплексов в срок и неизменно с хорошим качеством. Об этом свидетельствует их многолетняя безаварийная работа. Михаил Борисович Гервиц скончался 17 июня 2005 года на 93-м году жизни.

Начальником техотдела этого главка работал Валентин Петрович Зырянов, перешедший впоследствии в Бюро по ТЭК Совета Министров СССР. Этот прекрасный человек работал экспертом в РАО «ЕЭС России», когда я был там председателем совета директоров. Он и сейчас рядом со мной.

Государственная инспекция

Накануне моего назначения Госинспекция как будто застыла в своем развитии: здесь не было начальника более двух лет. Обязанности начальника и главного инженера — заместителя начальника Госинспекции исполнял Борис Николаевич Окунев, незадолго до моего назначения отправленный на пенсию по возрасту. Говорили, что он до самозабвения тянул вверенную ему ляжку. По штату в центральном аппарате насчитывалось пятнадцать сотрудников, а в регионах — пятьдесят один инспектор без подчиненных и транспорта. Большею частью они были предоставлены самим себе, поскольку руководить их деятельностью из Москвы было непросто. Вполне естественно, что с таким количеством персонала было невозможно качественно контролировать работу эксплуатационных структур министерства. Да и руководители этих структур, маститые, тертые, известные энергетики страны, не терпели замечаний в свой адрес.

Коллективу Госинспекции меня представлял первый заместитель министра энергетики и электрификации СССР Егор Иванович Борисов. Признаюсь честно: встретили меня поначалу довольно настороженно. Чувствовалось, что уже задолго до моего приезда кто-то основательно «унавозил» почву слухами и домыслами. Видимо, большой коллектив без клеветника — это нонсенс. Не стала исключением и Госинспекция. По ее этажам и кабинетам всюду гуляла байка о том, что в лице Дьякова приходит самовлюбленный и жесткий руководитель, работать с которым будет почти невозможно.

К распространению нелестных для меня характеристик, как я потом разобрался, были причастны некоторые мои сослуживцы. Среди них наиболее выделялся представитель Госинспекции по Ставропольскому краю Виктор Афанасьевич Филатов — непрощеный духовный организатор всей этой затеи. Этот человек немало повидал в своей жизни: во время Великой Отечественной войны попал в плен, находился в немецком концлагере, был исключен из партии. Кстати, при моей активной помощи он смог восстановиться в рядах КПСС. Да и в период его выдвижения на должность старшего инженера — инспектора Госинспекции по

эксплуатации электростанций и сетей по Ставрополю я тоже не стоял в стороне.

Я так до сих пор и не знаю, зачем Филатову понадобилось распространять обо мне нелепости. Может быть, он проявлял не лучшие стороны своей натуры ради карьеры? Такое бывает довольно часто, и эта истина не тускнеет от повторения. Или ему, подобно актеру, чтобы почувствовать себя живым, нужна была толика вымысла о себе самом и окружающих? Насколько мне известно, воображение — это не пустота, не просто ложь, а игра ума, занятие для впечатлительных душой интеллектуалов.

Филатова к интеллектуалам можно было отнести с большой натяжкой. Но что это было его затеей, мне честно поведал Иван Николаевич Баранов, трудившийся у нас на должности заместителя начальника Госинспекции после ухода Окунева на пенсию. Иван Николаевич с детской непосредственностью удивлялся, насколько «профессионально» собрана негативная информация о моей персоне. «Вы, Анатолий Федорович, — говорил он, — в жизни совсем не похожи на тот персонаж, каким вас некоторые тут представили!»

Тем не менее я не беспокоил Виктора Афанасьевича никакими вопросами, и он еще долго работал на своей должности. Хотя, скажу честно, он принадлежал к тому типу функционеров, на которых открытым текстом написано, что они не годятся исполнять никакие мало-мальски серьезные обязанности. Филатов относился к тем героям, за которыми, словно тень, следовала только слава произносителя «дерзостных речей». Я сейчас даже не помню, какой он был наружности: по прошествии лет она увяла в моей памяти, как луговой цвет перед осенью. Производя впечатление растерянного, удрученного человека, он, скорее всего, был самым заурядным обывателем.

Перед Государственной инспекцией по эксплуатации электростанций и сетей Минэнерго СССР в тот период стояли очень серьезные задачи, связанные с обеспечением бесперебойной работы единственной в мире Единой энергетической системы Советского Союза. В единой сети на переменном токе высокого и сверхвысокого напряжения, протянувшейся от Берлина до Улан-Батора, параллельно работали тепловые, гидравлические и атомные электростанции общей мощностью свыше 360 млн. кВт. ЕЭС СССР была уникальной в мире формой организации энергетического хозяйства с централизованным оперативным управлением производства, передачей и распределением электроэнергии, материально-техническим обеспечением, строительством, финансированием и технической политикой.

Преимуществом Единой энергосистемы была и остается возможность перебрасывать крупные потоки электроэнергии, рационально загру-

жать электростанции различного топлива в целях экономии, повышать надежность энергоснабжения при меньших объемах энерго мощностей. Расположение энергосистемы СССР на территории семи часовых поясов предоставляло возможность использовать несовпадение во времени максимумов нагрузок потребления в различных регионах страны, что приносило ежегодную экономию до 15 млн. кВт электроэнергии и позволяло на эту мощность ограничивать расходы на строительство новых электростанций, их содержание и эксплуатацию.

Для решения стоящих перед Госинспекцией задач требовался высоко подготовленный персонал, прошедший надлежащую выучку и получивший хорошую практику на энергетических объектах. Инспектор, работавший в таком высоком органе, должен был обладать целым рядом качеств, среди которых, помимо профессионализма, можно назвать требовательность, целеустремленность, усидчивость, системность и порядочность. По моим последующим наблюдениям, обозленные люди в Госинспекции долго не удерживались. Но, к сожалению, не многие специалисты выражали желание заниматься такой работой.

Ученые заметили, что после землетрясения даже растения растут по-другому, по-новому, не так, как прежде. Уход человека с одного места работы и приход на другое по силе своего воздействия на психику можно сравнить с землетрясением. Мне кажется, что освоение новой должности — это не бег по спринтерской дорожке и не езда по гладкому шоссе. Это, зачастую, тяжелое путешествие пешком по сплошному бездорожью и узким тропам с многочисленными спусками и подъемами, запутанными ответвлениями и пересечениями, шаткими мостками и гатями.

Исполнение обязанностей начальника и главного инженера Госинспекции в буквальном смысле слова захлестнуло меня с головой. Моя нынешняя должность казалась мне такой же интересной и привлекательной, как и прежняя. Прежде всего я взялся за налаживание информационной системы. Это было очень важно — своевременно и без сбоев получать четкую и соответствующую обстановке информацию обо всех авариях и происшествиях. Задумался я и о реорганизации структуры самой Госинспекции. При каждом удобном случае я пытался доказать, что с таким количеством персонала Госинспекция не может выполнять свои функции в полном объеме.

Дело в том, что Государственная инспекция по эксплуатации электростанций и сетей была создана довольно давно в соответствии со специальным постановлением, подписанным еще И. В. Сталиным. В военное время в круг ее первостепенных задач входило осуществление постоянного контроля за работой всех региональных энергетических систем с целью поддержания в них единой частоты — 50 Гц. В постановлении

черным по белому было записано, что должностные лица, не сумевшие обеспечить поддержание указанной частоты, подлежат суровому наказанию. В то время, когда я принял Госинспекцию, случаи отклонения частоты от стандартных величин становились все более частыми.

Как известно, в конце 1970-х годов советское руководство главный упор в развитии энергетической отрасли делало на атомную энергетику. Да и во всем мире АЭС рассматривались как панацея от всех проблем, полагая, видимо, что они станут главными поставщиками энергии для человечества в XXI веке. Но вскоре политика начала меняться, темпы строительства АЭС везде пошли на убыль, в том числе и в СССР. Внимание специалистов было переключено на создание крупных энергетических комплексов в регионах, богатых природными запасами органического топлива. Но для осуществления такого широкого фронта работ нужна была качественно новая по своему составу и структуре Государственная инспекция.

Эту поистине грандиозную задачу вскоре нам пришлось решать с новым начальником Госинспекции — Константином Сергеевичем Сторожуком. Это был грамотный, амбициозный, энергичный человек. Похожий на огниво, всегда готовое высечь искру из кремня, он умел правильно определять главные задачи. Однако был у него один существенный недостаток: любовь к администрированию.

Чтобы справиться с общим ворохом задач и досконально в них разобратся, я пытался разложить их на главные и второстепенные. Постепенно вырисовывалась общая картина, прояснялись детали, четче становились контуры вопросов, которые требовали срочного решения, а на горизонте возникали очертания проблем, над которыми можно было поразмышлять «на досуге». Но специального времени на долгие раздумья мне выделять никто не собирался: все надо было делать на ходу, в промежутках между выездами на объекты.

Однажды мне было поручено провести расследование крупнейшей аварии, произошедшей на Славянской ГРЭС имени 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции (Донецкая область Украинской ССР). Это была конденсационная, работавшая на мазуте, электростанция мощностью 2100 МВт. На станции было установлено пять турбоагрегатов по 100 МВт (введены в эксплуатацию в 1954 — 1957 гг.) и два энергоблока мощностью по 800 МВт (первый — двухвальный — пущен в 1967 году, второй — одновальный — в 1971 году). Нам доложили, что там, на первом в Советском Союзе одновальном 800-мегаваттном блоке станции, произошло нарушение проточной части турбины.

Сначала на ГРЭС работала собственная комиссия, потом друг за другом — комиссии Донбассэнерго и Минэнерго Украины. Все три, словно

сговорившись, маскировали происшествие под густой вуалью, списывая причины возникновения аварии на заводской дефект: якобы на подшипниках были сделаны недостаточно объемные демпферные баки для масла. Однако машиностроители с таким выводом не соглашались. Дело дошло до ЦК КПСС.

Я находился в Туле, когда мне позвонил Петр Степанович Непорожний и попросил выехать на место для более детального расследования. В Донецке меня встретил и кратко ввел в обстановку главный инженер Донбассэнерго Виктор Сергеевич Жмурко. Из аэропорта мы сразу поехали на ГРЭС, где мне предложили взглянуть на заранее подготовленные документы. «Тебе осталось их только подписать: мы уже все детально расследовали», — услышал я уверенные слова.

— Пока сам не разберусь, — заявил я Виктору Сергеевичу, — ничего не только подписывать, но и смотреть не буду!

Надо сказать, что Донбасскую энергосистему возглавлял тогда Юрий Семенович Семенов, народный депутат Верховного Совета УССР, ранее работавший помощником первого секретаря Донецкого обкома партии. По некоторым признакам я понял, что руководство Минэнерго Украины, Донбассэнерго и, прежде всего, самой электростанции в лице ее директора Николая Николаевича Свешникова и главного инженера Геннадия Владимировича Ачиновича не собираются мне помогать в установлении истинных причин аварии. Никакой другой информации, кроме той, что они заранее написали в акте, от них невозможно было добиться.

С собой я привез человек пятнадцать инспекторов, каждый из которых по моему указанию сразу же занялся своим делом. Пытаясь добраться до истины, мы приступили к детальному обследованию станции, самого блока и блочного щита. Необходимо было залезть буквально в каждый уголок, чтобы не упустить всей цепи взаимосвязанных явлений.

Как стало известно, авария произошла в полной темноте при отсутствии аварийного освещения. Как это могло случиться? Узнать было непросто, потому что вся документация блочного щита куда-то исчезла, и мне не смогли предъявить даже оперативного журнала энергоблока. Заместитель главного инженера Донбассэнерго по электротехнической части представил лишь несколько объяснительных записок, собранных у обслуживающего персонала.

Тогда я направился на главный щит станции. Здесь оперативный журнал был на месте, но в нем была сделана только пометка об аварийной остановке. Просматривая журнал дефектов, я нашел на одной из страниц запись, из которой следовало, что в цепях постоянного тока появилась «земля». Для любой станции — это сигнал бедствия, и персонал

должен незамедлительно определить его причины. Если вовремя этого не сделать, могут произойти всякие неприятности, в том числе и аварийное отключение. Но в журнале дефектов не было указано, в каком конкретном месте произошло короткое замыкание. Стало ясно, что точка «земли» не была выявлена вплоть до момента возникновения аварии.

Пытаясь разобраться в ворохе неизвестных причин, я составил детальную программу, в которой расписал, как, где и в какой последовательности осуществлять проверку.

Первое, что мне удалось обнаружить, это — разрыв в цепи аккумуляторной батареи, произошедший из-за давно перегоревшего временного шунта. Оперативный постоянный ток обеспечивался через установленное на станции выпрямительное зарядное устройство. Зная, что одновременно с переменным током исчез и ток постоянный, я решил, помимо основных, проверить системы резервных и аварийных маслососов станции. Но из-за отсутствия в цепи постоянного тока аварийные маслососы включиться не могли.

Продолжая расследование, я нашел в оперативном журнале электроцеха запись о том, что на блочный щит, на котором все время работала звуковая аварийная сигнализация, говорившая о наличии «земли» в цепях постоянного тока (что было зафиксировано в журнале дефектов), вызывали дежурного старшего электромонтера. Чтобы исключить «шум», образуемый звуковой и световой аварийной сигнализацией, электромонтер попросту изъясил реле блока всей аварийной сигнализации, создав, таким образом, предпосылки для бесконтрольного протекания любой аварийной ситуации на блоке.

Чтобы найти вторую «точку», мне пришлось копаться целую неделю. А скрывалась она в реле, предназначенном для измерения давления масла, смазывающего подшипники турбины и генераторов. Это реле находилось на десятой отметке, на уровне пола, куда, как правило, стекает смешанная с угольной пылью вода. Там изоляция показывала «ноль». Это была вторая точка короткого замыкания в системе срабатывания защит, отключивших энергоблок.

Выяснив эти причины, я вернулся к демпферным бакам. Мне пришлось просмотреть множество чертежей и схем, почему-то проигнорированных членами предыдущих комиссий. И здесь был обнаружен целый ряд недостатков в работе оперативного персонала. Накладка системы определения уровня масла в демпферных баках находилась в нейтральном положении, то есть режим защиты на отключение не действовал. Не было и сигнала при снижении уровня масла в баках.

Обобщив все наблюдения, я пришел к выводу, что аварийная ситуация на станции произошла по вине руководящего персонала.

Чтобы убедиться в правильности своих умозаключений, я поручил одному из госинспекторов прослушать записи всех телефонных разговоров, которые велись накануне аварии на станции. Прослушивание восьмидорожечной ленты заняло у нас трое суток. Но большая часть магнитоносителя по чьему-то указанию была размагничена. Нас не оставляла надежда, что в каком-то месте запись случайно сохранилась. Так оно и оказалось. У кого-то не хватило терпения крутить — и небольшой участок пленки не был размагничен. А там мы услышали разговоры директора станции с управляющим Донбассэнерго и сотрудниками Минэнерго Украины о том, что нужно сделать, чтобы как-то сгладить неприятную ситуацию, а вину за аварию возложить на машиностроителей.

Найденное я приказал переписать на отдельную катушку. Когда управляющий Донбассэнерго, щеголяя депутатским значком, вновь приехал на Славянскую ГРЭС, я доложил ему о своих выводах, заправил пленку в магнитофон и вышел из кабинета. Через стену я слышал, как он ругался самыми последними словами на своих подчиненных: «Даже стереть полностью не могли!»

Некоторым горе-руководителям ложно понимаемый смысл чести мешает хорошо налаживать работу в коллективе. Нечистые помыслы влекут за собой неблагоприятные результаты. Но на то, говорят, и щука, чтобы карась не дремал. Как представитель официального органа, призванного добиваться выполнения предписанных правил, я обязан был докопаться до причин аварии — и добился своего. Это было мое первое профессиональное крещение в должности главного инженера Госинспекции, руководителя инспекционного коллектива. Все, в том числе и мои недоброжелатели, убедились, что я неплохо разбираюсь в конструкции и автоматике самого современного блока.

По приезде в Москву я доложил министру о результатах работы и, к своему удивлению, увидел на лице Непорожного тревогу. Выходец из Украины, Петр Степанович очень не хотел выносить вопрос об аварии на коллегию Минэнерго СССР, поскольку в этом случае все материалы неизбежно попадают в ЦК КПСС. Понимая щекотливость ситуации (при работе на высоте даже самый опытный электромонтер пристегивает предохранительный пояс), я попросил разрешения провести разбор аварии на коллегии Минэнерго Украины. Непорожный подхватил эту идею и поручил мне хорошо подготовиться к докладу. Украинское министерство провело коллегию, подготовив самые жесткие выводы, какие только были допустимы в данном случае. Директору Славянской ГРЭС Свешникову был объявлен строгий выговор, прозвучало предложение снять с работы главного инженера и его заместителя по электрической части.

Присутствуя на коллегии, я внимательно слушал все выступления. Потом встал и заявил о своем несогласии с отстранением от должности главного инженера Ачиновича и других руководителей.

— Они — не потерянные для нас специалисты, — доказывал я, — их опыт еще пригодится энергетической отрасли. Для дела будет лучше, если они сами устранят допущенные недостатки. Не имеет смысла поручать это кому-либо другому.

Всех удивило, что должностное лицо грозной союзной Госинспекции не требовало «жертвенной крови». На республиканской коллегии были рассмотрены также противоаварийные мероприятия, обсуждены способы скорейшего выхода из создавшегося положения. Много внимания было уделено улучшению работы с персоналом, строго осуждены случаи очковтирательства и укрывательства и особо выделены вопросы, на которые следовало обратить внимание директору, главному инженеру, другим руководящим работникам.

С этого дня у меня установились дружеские отношения с министром энергетики Украины Алексеем Наумовичем Макухиным (впоследствии — первый заместитель министра энергетики и электрификации СССР) и его первым заместителем Виктором Федоровичем Скляровым, проводившим заседание коллегии. Руководители других энергосистем тоже поняли, что я ищу не способы подрыва их положения и авторитета, а пути улучшения работы. Я считаю, что в управлении любой отраслью все должно быть пронизано одной, действующей в равной степени для всех, установкой.

Переехав в Москву, я сначала разместился в ведомственной гостинице, а потом некоторое время жил у своей двоюродной сестры, Любы Дьяковой. Но уже в декабре 1977 года мне предложили посмотреть на Волгоградском проспекте будущее жилье. Это была квартира № 48, расположенная на тринадцатом этаже одноподъездного дома № 55, построенного по французской технологии методом скользящей опалубки. Конечно, тринадцатый этаж — это не самый лучший вариант. Впоследствии мы сполна познали все прелести такой высоты над грешной землей, особенно когда по каким-то причинам отключали лифт. Но делать было нечего, и я дал свое согласие.

Моим соседом оказался интересный человек — Георгий Иванович Тихонов, управляющий трестом Таджикгидроэнергострой, зять первого секретаря ЦК Компартии Таджикской ССР Джабара Расулова. Георгий Иванович занимался строительством Нурекской и Рогунской ГЭС, Таджикского алюминиевого завода, заочно учился в Академии народного хозяйства СССР.

Получая жилье в новом доме, поневоле становишься «homo oeconomicus» — человеком хозяйственным. На первый план выдвигают-

ся проблемы ремонта, обустройства, приобретения мебели, стаскивания под одну крышу домашнего скарба. Однажды вечером, подъехав после работы к дому, я увидел молодого человека, сидевшего на лавочке у подъезда. Что-то показалось мне знакомым в восточной внешности парня. Когда, широко улыбаясь, он поднялся мне навстречу, я узнал: это был Абдукаюм, мой названный брат, сын почтенного Эргаша Зияевича. Мы приветствовали друг друга по-восточному.

— Абдукаюм, — спросил я, — как ты узнал, что мне здесь дали квартиру?

— Мы звонили в Пятигорск, — ответил он. — Там нам сказали, что тебя перевели в Москву (мы были с ним на «ты», как и положено братьям). Отец тут же распорядился, чтобы я взял все необходимое (он показал на стоявшие рядом две огромные коробки) и выехал к тебе. Он очень хотел, чтобы я первый поздравил тебя с новосельем.

Я пригласил гостя в свои «апартаменты». Мы долго разговаривали: восточные люди любят неторопливые беседы. В Абдукаюме не было заметно застенчивости, жалкой подавленности, подобострастия — тех вполне объяснимых черт, которые, казалось, должны были присутствовать в представителе среднеазиатского народа, приехавшем в столицу СССР, способную подавить любого своим имперским величием. Ровным голосом, обстоятельным поведением, хорошими манерами он словно доказывал, что главное в человеке заложено природой. Конечно, воспитание, образование, достаток играют определенную роль. Но они — всего лишь дополнения, способные либо развить, либо приглушить главное. Мне потом еще предстояло убедиться, что Абдукаюм и его братья — выходцы из очень уважаемого узбекского рода, восходящего к далеким славным предкам, почитаемым из поколения в поколение.

Маятник нашего разговора перекидывался то на одну тему, то на другую, но никогда не выходил за рамки приличий, так почитаемых на Востоке. Абдукаюм был предельно предупредителен ко мне, старшему по возрасту человеку. Мне он показался не по возрасту мудрым, способным глубоко видеть и объективно оценивать происходящие явления. Наша беседа затянулась, и мы не заметили, как наступила глубокая ночь. Никакой мебели в квартире еще не было, поэтому мы улеглись на лежаки, сооруженные из дверей, снятых с петель. Мне было очень приятно, что где-то в далекой жаркой южной республике есть люди, которые уважительно отнеслись к такой моей маленькой человеческой радости, как получение жилья.

Вспоминая Эргаша Зияевича, исполненного властной силы, уверенности, спокойствия, я еще раз убеждаюсь, что подлинная, истинная красота всегда идет изнутри. Черты, выражение лица, весь внешний облик

человека могут быть прекрасны и сами по себе. Но куда привлекательнее и красивее человек, если он одарен богатством души.

История жизни человека — это движение навстречу задачам, выдвигаемым жизнью, собственным целям, ближайшим и отдаленным, навстречу заветной мечте, находящейся, как правило, далеко за горизонтом. Причем, когда человек достигает всего, о чем он только может мечтать, опрокидывая при этом большинство препятствий, кем-то возведенных умышленно или стоящих на его пути объективно, то ему становится окончательно ясно, что на самом деле он боролся с непредсказуемостью внешних условий бытия, иначе именуемой случаем, роком или судьбой. А борьба с этой троицей, замаскированной под внешние обстоятельства, не дающая ничего, кроме опыта унижений, не каждому может оказаться по силам.

В ночь с 16 на 17 июля 1978 года внезапно скончался член Политбюро, секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству Федор Давыдович Кулаков. Проницательные политические обозреватели заметили, что у его гроба не было Брежнева, Косыгина, Суслова, Черненко, что выглядело беспрецедентным в разработанном до мелочей церемониале на Красной площади. Траурную речь с трибуны Мавзолея произнес приехавший из Ставрополя М. С. Горбачев, он же замуровал урну с прахом Кулакова в красную кремлевскую стену. Это был первый публичный выход Горбачева, положивший начало его вознесению к высотам политического Олимпа. За рубежом все упорнее писали о грядущих переменах в высшем руководстве СССР. Но не надо забывать, что на дворе был конец 1970-х годов, время, когда, как справедливо заметил писатель Юрий Маркович Нагибин, выживали «самые бездарные, никчемные, неумелые и бездушные», а гибли «самые сильные, одаренные, умные, заряженные на свежую и творящую жизнь»...

В этих условиях нужны были такие меры, которые бы не позволили развалиться наследству, накопленному энергетиками многих поколений. Раньше в Государственной инспекции никто не мог допустить и мысли об установлении контроля над Центральным диспетчерским управлением ЕЭС СССР — этим главным оперативным штабом, мозговым центром всей энергосистемы Советского Союза, сформированным в 1969 году. У истоков создания этого важнейшего органа управления стояли главный инженер Г. А. Черня и его заместители: В. А. Семенов, С. А. Савалов, В. Г. Орнов, главный диспетчер И. Т. Калита. Я вынужден был пойти на это, несмотря на недовольство начальника ЦДУ Анатолия Ивановича Максимова, до недавнего времени занимавшего пост заместителя министра энергетики и электрификации СССР. Но я понимал: упустишь контроль — получишь «прямо под носом» такое, что потом

долго придется расхлебывать. И мои опасения по этому поводу вскоре подтвердились.

Однажды в Единой энергетической системе страны возник асинхронный ход — «закачались» уровни напряжения и частоты. Это явление обычно приводит к разрушению изоляции в трансформаторах и генераторах, поломке лопаток турбин и другим неприятным вещам, которые энергетики вполне справедливо сравнивают разве что с последствиями войны. Для проведения расследования причин аварии была назначена высокая комиссия во главе с заместителем министра энергетики и электрификации СССР Ю. М. Некрашасом. В комиссию входили начальник Главюжэнерго К. Н. Горский, начальник ЦДУ А. И. Максимов и другие должностные лица. Я был назначен заместителем председателя.

Анализ оперативных данных и расчетов показывал, что виновником этой аварии является оперативный персонал. Я настаивал на том, чтобы классифицировать аварию как происшедшую по вине руководящего персонала ЦДУ ЕЭС СССР, что прозвучало будто гром среди ясного неба. Некрашас кричал, что с таким заместителем председателя он работать не может. Петр Степанович поддержал меня, но пошел на уступку Некрашасу и Максиму, распорядившись засекретить данные расследования, которые, таким образом, не получили широкой огласки.

Усилив контроль за ЦДУ, я иногда лишал премиальных отдельных его работников за допущенные нарушения. В число наказанных неоднократно попадал и начальник ЦДУ К. С. Сторожук. Но поскольку премия выплачивалась с определенным временным опозданием, то получилось так, что с Константина Сергеевича высчитывали деньги за прошлые упущения уже тогда, когда он возглавил Госинспекцию. Но Сторожук понимал ситуацию и не обижался на меня за такую «жесткость». Увлечшись работой по реорганизации Госинспекции, мы вместе с ним выбрали хорошие кадры, доведя численность персонала до трех тысяч человек, создали территориальные (зональные) органы.

Начальником территориального органа «Центр» был назначен бывший директор Конаковской ГРЭС Владислав Васильевич Бельшев, имевший огромный опыт эксплуатации блоков 300 МВт, спокойный, вдумчивый, дисциплинированный руководитель. На должность начальника территориального органа «Северо-Запад» перешел главный инженер Ленэнерго Борис Иванович Рылов. Управляющий Алма-Атаэнерго Айткал Жакутович Жакутов возглавил Госинспекцию по Казахстану. Руководителем территориального органа «Средняя Волга» стал Юрий Михайлович Куроедов, энергичный, очень порядочный человек, ранее

работавший начальником электроцеха Ставропольской ГРЭС. Территориальные органы «Юг», «Сибирь», «Урал» возглавили (соответственно) Анатолий Андреевич Ткачук, Станислав Александрович Тишлер и Александр Дмитриевич Кривоногов. Зональное подразделение Госинспекции на Северном Кавказе возглавил мой добрый коллега, главный инженер Центральных электрических сетей Ставропольэнерго Иван Иванович Левченко. Оправдав мое доверие, он и сегодня много и активно работает.

Активизируя работу зональных органов и центрального аппарата, мы преследовали главную задачу — ужесточить требования к руководящему персоналу всех энергосистем, станций и сетей. С этой целью мы потребовали проводить экзамены в аппаратах всех главков, произведя этим самую настоящую революцию. Я начал создавать в других системах учебные полигоны для распределительных и высоковольтных сетей, а также учебные комбинаты, наподобие тех, которые были созданы по моей инициативе в то время, когда я был главным инженером Ставропольэнерго. Мы повсеместно проводили увлекающие людей и дающие большую пользу соревнования по профессиям: на лучшую бригаду электромонтеров, релейщиков, тепловиков и других специалистов. Этого требовало быстротекущее время.

Работая в Госинспекции, я имел возможность досконально познакомиться со всей энергетикой Советского Союза. В течение короткого времени я познакомился с руководителями главков и республиканских систем, лично побывал на многих гидро- и тепловых станциях, изучил их оборудование, соприкоснулся со многими новейшими достижениями в области энергетики. Приобретение сведений уже само по себе есть успех. Я вплотную занялся разработкой руководящих указаний по работе с персоналом. Мной и моими коллегами были разработаны системы безопасных мер и ведения учета аварийных отключений, а также новая инструкция по расследованию аварий.

Чем больше я делал, тем более широкие горизонты в работе раскрывались передо мной, тем больше дел надо было начинать. Но это была хорошая основа для дальнейшего профессионального роста и совершенствования.

Что греха таить, энергетики на местах относились к Госинспекции с большой осторожностью, без особой любви. Ведь деятельность Госинспекции сводилась к расследованиям причин аварий, происшествий, нарушений производственных технологий и действующих инструкций. Результатом нашей работы была, как правило, непредвзятая, нелицеприятная, даже жесткая оценка деятельности должностных лиц, что не могло нравиться.

Глава 24

Средняя Азия

Одно время резко неприязненное отношение к Государственной инспекции выказывало Министерство энергетики и электрификации Узбекской ССР, которым управлял 64-летний Азиз Хакимович Хамидов. Вскоре мне представилась возможность расставить все точки над «i». Прибыв в Минэнерго СССР по служебным делам, главный узбекский энергетик сам пожелал встретиться со мной. Над руководителем республиканской энергосистемы сгустились тучи, и он, наверное, надеялся в беседе со мной кое-что выяснить.

Я встретил уважаемого гостя в дверях своего кабинета, почтительно провел к столу, в полупоклоне предложил сесть. Когда секретарь принесла в кабинет поднос с чайными принадлежностями, я взял его и, как принято по восточному обычаю, сам начал потчевать Азиза Хакимовича, делая это стоя, чтобы подчеркнуть уважение к старшему по возрасту. Хамидов изложил мне свои проблемы, а я, в свою очередь, поделился с ним планами взаимодействия с республиканскими энергосистемами. Как мало порой надо для того, чтобы растопить лед недопонимания! Если хочешь расположить человека к себе и своей службе — иди на личный контакт с ним, разговаривай начистоту, открывай все его стороны для себя и, по возможности, всего себя — для него. Успех будет обеспечен. Нашептывания, советы из-за угла, как правило, страдают односторонностью.

Мне показалось, что довольный приемом узбекский министр выяснил все, что хотел. Провожая его в приемную Непорожного, я почему-то подумал, что эта встреча прошла не зря. Самое главное было достигнуто: Азиз Хакимович смотрел на Госинспекцию уже другими глазами, а наши отношения с ним плавно перетекли в доверительные, в чем многие смогли убедиться в самое ближайшее время.

Примерно через месяц после визита А. Х. Хамидова первый заместитель министра энергетики и электрификации СССР Е. И. Борисов должен был проводить в Ташкенте совещание, посвященное проблемам спецэнергоремонта, в котором принимал участие и я. У нас были разные авиационные рейсы: Егор Иванович вылетал утренним, а я — вечерним.

В это трудно поверить, но уровень встречи в ташкентском аэропорту тоже был разным: Борисова встречал первый заместитель министра энергетики Узбекистана Анатолий Васильевич Быков, а меня — сам Хамидов. В республике, сохранившей в неприкосновенности традиции почитания старших, такие вещи не проходят незамеченными. Все были удивлены: «С чего это вдруг Дьякову выражается такое почтение?» А ларчик открывался просто: верх взяли не казенные, служебные, а нормальные человеческие отношения, удвоенные личным уважением.

Ташкент произвел на меня неизгладимое впечатление. Он был практически заново отстроен после разрушительного землетрясения, произошедшего рано утром 26 апреля 1966 года. Оправившись от последствий стихийного бедствия, столица Узбекистана продолжала достойно выполнять миссию центра Объединенной энергетической системы Средней Азии, включавшей в себя четыре республики: Узбекистан, Таджикистан, Туркмению и Киргизию. Здесь находилось Объединенное диспетчерское управление (ОДУ) Средней Азии. Объединенная энергосистема Средней Азии имела электрические связи с энергосистемой Казахстана по линиям 500 кВ: Алма-Ата — Фрунзе и Ташкент — Джамбул. В середине 80-х годов прошлого века на долю ГЭС объединенных энергетических систем (ОЭС) Средней Азии и Казахстана приходилось 14% всего объема производимой гидроэлектроэнергии, причем установленная мощность ГЭС в ОЭС Средней Азии занимала второе место после аналогичного показателя по ОЭС Сибири.

Узбекская энергетика, опираясь на передовые технологии, развивалась более быстрыми темпами, чем российская. В Узбекистане первоначально строились лишь гидроэлектростанции (ГЭС), что обуславливалось наличием источников водной энергии и в то же время отсутствием топлива для тепловых электростанций. С сооружением ГЭС стали строиться гидроузлы и водохранилища. Первая в Узбекистане гидроэлектростанция была введена в строй в 1926 году на канале Бозсу. Гидроузлы помогают комплексно решать такие проблемы, как выработка электроэнергии, орошение земель, обеспечение хозяйств водой, развитие рыбоводства.

В Узбекистане действуют Ташкентская, Ангренская, Навоийская, Тахиаташская и Сырдарьинская ГРЭС. На Ташкентской ГРЭС были освоены открытые блоки 160 МВт на высоком давлении. На Сырдарьинской ГРЭС (десять энергоблоков, работает на природном газе и мазуте), хотя и с большими сложностями, вызванными низким уровнем подготовки кадров и недостаточно сбалансированным водно-химическим режимом, шло освоение блоков 300 МВт на закритическом давлении. Ныне Сырдарьинская ГРЭС вырабатывает одну треть (17 млрд. кВт.ч) всей электроэнергии республики. На Ангренской ГРЭС внедрялся уникальный метод работы

на газе, полученном в результате подземной газификации углей Ангреноского месторождения. Недалеко от Ташкента возведена самая крупная угольная электростанция (мощность 2,1 млн. кВт) — Ново-Ангреноская. Мне пришлось участвовать в пуске ее первых двух блоков 300 МВт, на которых были применены все новейшие технологии.

С работой на энергетических объектах Средней Азии у меня связано много воспоминаний. В должности заместителя министра я руководил пуском Мубарекской ТЭЦ — единственной действующей теплоэлектростанции в Кашкадарьинской области, запроектированной для покрытия тепловых нагрузок Мубарекского газоперерабатывающего завода, развертывал строительные работы на Талимарджанской ГРЭС — крупнейшей в Центральной Азии электростанции проектной мощностью 3,2 ГВт (четыре энергоблока по 800 МВт), работающей на природном газе с использованием малосернистого газа Шуртанского месторождения.

Средняя Азия — это многовековая история, богатая различными, порой захватывающими дух событиями. Взять, к примеру, такие центры культуры, науки, поэзии, как Самарканд, Бухара или Хива. Одни названия этих городов внушают уважение, притягивают людей любой веры и любой национальности, вызывают острое желание познакомиться с ними поближе.

Города Средней Азии до сих пор помнят твердую поступь многочисленных когорт честолюбивого полководца Александра Македонского, прошедшего в Азии почти десять лет и даже перенявшего азиатские нравы ради достижения политических целей. Среди таджиков до сих пор распространена версия, что жизнь Александра оборвалась на территории, которую ныне занимает их республика, что будто бы его тело перед отправкой на родину поместили в емкость с медом. Некоторым таджикским ученым греет душу легенда о том, что от храбрых греческих воинов, оставшихся на Памире, пошла генетическая ветвь людей с голубыми глазами. Есть мнение, что к распространению этой, несомненно, красивой сказки приложили руку властные представители памирских кланов, готовые в случае необходимости проследить свою генеалогию даже от самого Зевса.

Но Средняя Азия была не только объектом завоеваний. Она сама заставляла — и не один раз — дрожать от страха народы ойкумены. Здесь в средние века была военная ставка Тамерлана (Тимура). На месте его захоронения в Самарканде впоследствии был сооружен великолепный мавзолей Гур-Эмир. Но где точно покоился прах «хромого» полководца (при жизни, как утверждают летописи, Тимур хромотал), никто не знал. Мне рассказывали, что с 1918 года поисками могилы Тимура безуспешно занимались многие ученые, в том числе один из известных ленин-

градских профессоров. Прошло двадцать лет, а результатов никаких не было. Местные старики умоляли энтузиастов прекратить поиски: «Тот, кто вскроет могилу Тимура, пожнет ветер войны!» Но ученые не унимались. Они проникли под основание мавзолея на глубину нескольких исторических слоев и обнаружили там три захоронения, в одном из которых находились останки Тимура. Исследования показали, что коленный сустав скелета, который мог принадлежать Тимуру, был изъеден костным туберкулезом. Вскрытие могилы произошло в ночь на 22 июня 1941 года. В это время немецко-фашистская авиация начала бомбить западные территории Советского Союза. Вот и не верь после этого народным предсказателям, передающим из рода в род тревожные предупреждения своим потомкам!

Моя первая командировка в Среднюю Азию состоялась в мае 1978 года: я приезжал в Душанбе в Таджглавэнерго для выяснения причин аварийных отключений потребителей. Энергосистему возглавлял Василий Иустинович Люльчак, главным инженером работал владевший фарси Фархад Хабибович Расулов, сельской электрификацией занимался Бахром Серожевич Серожев, а капитальным строительством — Виктор Иванович Гаврилов.

Значительные гидроэнергоресурсы Таджикистана сосредоточены в основном на крупных реках Вахш, Пяндж, Обихингоу и других, протекающих в глубоких скальных каньонах и позволяющих сооружать эффективные гидроузлы. Энергосистема республики развивалась по восходящей. На Душанбинской ТЭЦ шло освоение передового по тому времени открытого блока 150 МВт. На реке Вахш, в Пулисангинском ущелье, завершалось строительство первенца большой энергетики Таджикистана — Нурекской ГЭС. Это единственная в мире электростанция с земляной плотинной, образованной направленным взрывом (высота — 300 м, объём — 56 млн. куб. м). В строительстве энергетического гиганта на Вахше участвовали более 400 проектных и строительных организаций, промышленных предприятий почти из всех республик Советского Союза. В Нуреке сложился коллектив, в котором насчитывалось до семи тысяч человек, и среди них было немало инженеров и рабочих, в послужном списке которых значилась работа на строительстве Красноярской ГЭС, Асуанской плотины в Египте и других крупных гидротехнических сооружений.

Немало драматических страниц в истории Рогунской ГЭС — шестой, самой верхней, ступени Вахшского гидроэнергетического каскада. Ее строительство было начато в 1976 году, в 110 километрах от Душанбе. По проекту высота насыпной плотины станции должна была достичь 320 метров, а машинный зал с шестью гидроэнергетическими агрегатами (по

600 МВт каждый) должен быть размещен под землей. Однако к середине 1980-х годов республиканский бюджет уже не справлялся с бременем строительства. После массовых беспорядков, произошедших в Душанбе в феврале 1990 года, часть местной интеллигенции развязала кампанию, направленную на окончательный срыв строительных работ. В республиканской прессе появились статьи, в которых утверждалось, что возведение 320-метровой плотины ГЭС приведет к затоплению множества горных селений. Стройка замерла, начался отъезд специалистов-гидростроителей. Уехал и начальник строительства Николай Савченков, которого на прощание подвергли унижительному обыску и оскорблениям.

На реке Вахш были также заложены Байпазинская ГЭС, Сангтудинская и Шуробская гидростанции. Для нужд сельского хозяйства и населения республики был установлен самый низкий тариф — одна копейка за один киловатт-час. Здесь был введен в строй Таджикский алюминиевый завод (ТадАЗ) — крупнейшее предприятие отрасли на территории стран СНГ, работавший на обожженных электродах по энергосберегающей технологии. Годовая мощность ТадАЗа рассчитана на выпуск 517 тыс. тонн первичного алюминия, хотя на такой объем завод не выходил ни разу.

Устроившись в Душанбе, я дозвонился до Андижана и был потрясен, услышав в трубке голос Эргаша Зияевича:

— Дорогой Анатолий, мой дом ждет тебя, как родного. Я уже объявил своим детям, что у них есть брат, а у меня — еще один сын. Приезжай в любое время.

Но я не знал, какое расстояние отделяет нас друг от друга, и как не просто в Средней Азии добраться из одного города в другой. Сжатые сроки командировки тогда не позволили мне съездить в Андижан. Но желание попасть туда меня не оставило. Давно известно: нельзя откладывать «на потом» встречу с желанным человеком, жизнь наша скоротечна, и кто знает, как все может обернуться.

Накануне моего приезда в Таджикистан в соседнем Афганистане в результате вооруженного восстания, вошедшего в историю под названием Апрельской (Саурской) революции, произошла смена власти. Страна была провозглашена демократической республикой. Движущей силой этого восстания и последовавших затем радикальных преобразований выступили так называемые «халькисты», представлявшие революционное крыло Народно-демократической партии Афганистана. Говоря проще, это были афганские большевики, выходцы из малообеспеченных, полупролетарских и трудовых слоев общества, действовавшие в крайне отсталой стране в своеобразных условиях 70-х годов XX века. Председателем Революционного совета и председателем Совета министров ДРА стал писатель и публицист, генеральный секретарь ЦК НДПА

Нур Мухаммед Тараки, а министром иностранных дел — заместителем премьера, его будущий могильщик, а пока — соратник по партии Хафи-зулла Амин.

Вооруженное восстание в Кабуле было встречено простыми людьми с энтузиазмом. Социально-политические преобразования, к которым приступила новая власть в Кабуле, по своему основному содержанию были антифеодальными и антиимпериалистическими. 30 апреля СССР официально признал ДРА. Участились связи и контакты между высшим партийно-политическим руководством СССР и ДРА. По просьбе руководства ДРА в страну было направлено большое число советников из СССР. Из Кабула беспрестанно звучали просьбы об оказании новому руководству страны военной помощи. Как станет ясно позднее, это были первые шаги на пути к драматическим событиям, которые разыграются на афганской земле в последующие годы, в том числе и с участием крупных группировок Вооруженных Сил СССР...

Географические и климатические особенности Средней Азии накладывали свой отпечаток на работу энергетических отраслей Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Развитие гидроэнергетики там тесно увязано с сельскохозяйственными работами по выращиванию хлопка — «белого золота». Хорошо помню историю, происшедшую на Токтогульской ГЭС, которая должна была «поделиться» водными запасами своего водохранилища для удовлетворения нужд мелиорации. К 1978 году строительство электростанции находилось на завершающем этапе: в машинном зале и производственных помещениях полным ходом шли отделочные работы.

К этому времени среднеазиатские реки вследствие засушливой погоды изрядно обмелели: воды для полива хлопковых плантаций катастрофически не хватало. Для спасения урожая необходимо было предпринимать чрезвычайные меры. По настоянию руководителей ЦК Компартии и Совмина Узбекистана Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли решение использовать для полива воду, накопленную в водохранилище Токтогульской ГЭС, которое узким речным каньоном с высокими скалистыми берегами тянулось в горах Киргизии на десятки километров. Здесь были накоплены большие запасы воды — 19,5 куб. км, в том числе несколько кубических километров так называемого «мертвого объема». Чтобы сбросить необходимые объемы воды в обход энергетических агрегатов, руководителям ГЭС приказали взорвать пробку примыкающего к плотине строительного туннеля. Затем сбросное отверстие было заделано, и вновь началось накопление воды на энергетические нужды.

Вырабатываемая Токтогульской электростанцией электроэнергия подавалась по линиям электропередачи, уходящим от открытого распре-

делительного устройства (ОРУ) 500 кВ в горы по перевалу высотой 3200 метров. Трассы ВЛ-500 — это очень сложные в конструктивном и техническом отношении сооружения. Например, расстояние между опорами, стоявшими по обеим сторонам пропасти, могло достигать одного километра, а провес проводов — 800–900 метров. Между тремя проводами сечением от 400 и более квадратных миллиметров (АСУ-400 и АСУ-500) нужно было устанавливать распорки на расстоянии пятидесяти метров друг от друга. Для такой работы нужны были не просто специалисты, а самые настоящие герои-канатоходцы.

Мне было поручено выехать в Киргизию для проверки хода работ по накоплению воды в Токтогульском водохранилище и подготовке электростанции к зиме. Кроме того, мне нужно было осмотреть ВЛ-500, а также проверить, как руководящий персонал Киргизглавэнерго знает правила и инструкции по технической эксплуатации объектов и технике безопасности. Начальником Киргизглавэнерго был участник Великой Отечественной войны, лауреат Государственной премии Киргизской ССР Михаил Михайлович Азрилян, а главным инженером — недавно назначенный на эту должность Жамалбек Тулебердиевич Тулебердиев. Трест Нарынгидроэнергострой возглавлял Казбек Бексултанович Хуриев, уроженец Северной Осетии, посвятивший свою жизнь строительству гидроэнергетических сооружений в Киргизии.

После проведения проверки знаний руководящий персонал Киргизглавэнерго, все члены возглавляемой мною комиссии в сопровождении Тулебердиева решили пролететь на вертолете Ми-8 вначале вдоль высоковольтной линии ВЛ-500, а потом — вдоль каньона Токтогульского водохранилища. Экипаж вертолета состоял из двух пилотов и бортингенера. На борт также поднялись начальник отдела Госинспекции Минэнерго СССР Валентин Дмитриевич Лосевский и старший инженер отдела Лариса Яковлевна Позднякова.

Осмотрев с воздуха труднодоступные участки линии электропередачи, мы полетели над водохранилищем. Вертолет стремительно мчался по каньону, между отвесными — то сходящимися, то расходящимися — берегами реки. Оба пилота, хорошо знавшие эти места, сидели за штурвалами, а бортингенер — на откидном сиденье, у дверного проема в кабину. Я стоял за его спиной — лицом по ходу полета — и смотрел вперед. Когда машина стала приближаться к плотине ГЭС, я увидел какие-то нити, натянутые между берегами реки. Расстояние между вертолетом и препятствием стремительно уменьшалось. У меня перехватило дыхание, горло словно заклинило: я не мог издать ни звука. Когда ужас становится беспредельным, он уже не воспринимается адекватно. В следующий миг раздался крик бортингенера:

— Бросай машину вниз! Зависнем!

Огромная металлическая «стрекоза», со свистом рассекая винтами воздух, камнем рухнула навстречу бушующим водяным потокам, падающим через агрегаты ГЭС со скоростью тысячу кубических метров в секунду. Едва коснувшись кипящей поверхности водосброса, мокрый вертолет вновь взмыл вверх между берегами, в свою родную воздушную стихию. Сделав небольшой круг, командир посадил винтокрылую машину на специальную площадку. Лицо у него стало белым, как полотно, руки заметно дрожали. Бессильно вывалившись из кабины, он произнес:

— На сегодня всё... В рубашке родились!

Оказалось, что он забыл об этих злополучных тросах, натянутых над плотиной между берегами для перемещения кабель-крана при погрузочно-разгрузочных работах на ГЭС. Эта странная «забывчивость» могла нам дорого обойтись. К счастью, вертолет, сбросив высоту, не зацепил тросы. В противном случае, они, подобно натянутой тетиве лука, отбросили бы нас либо на бетонную плотину, либо на скалистые берега, либо в беснующуюся пучину. Бывали случаи падения в поток самосвалов, и тогда всего за какие-то минуты от автомобилей ничего не оставалось: водяная молотилка перемалывала их до неузнаваемых деталей. Мне тогда почему-то подумалось, что жизнь должна выйти лучше и осмысленнее, если она за что-то подарена тебе дважды.

Экипаж отказался лететь обратно в этот же день: сказывалось перенесенное нервное напряжение. Ночь мы провели в поселке при Токтогульской ГЭС. На следующее утро я сообщил министру Хамидову по телефону, что намерен побывать на энергетических объектах Узбекистана и начать осмотр с Андижанской области. Азиз Хакимович поручил своему первому заместителю Марату Садыковичу Ташпулатову встретить меня в Андижане у здания администрации местного предприятия электрических сетей. Каково же было мое удивление, когда в условленном месте рядом с Ташпулатовым и руководителем электросетей я увидел еще и шестерых братьев Зияевых! Мы обнялись, обменялись приветствиями. Вдруг я заметил на их лицах следы печали. Оказывается, семью постигло большое горе: умер Эргаш Зияевич. Поистине, в этой жизни ничто не приходит само, и мало что — надолго.

По мусульманским обычаям не полагается посещать могилы близких когда заблагорассудится, но названные братья не нашли в себе сил помешать мне поклониться праху отца. Эргаш Зияевич был похоронен на давно уже закрытом кладбище, расположенном в центре города. Через центральные ворота мы вошли в обитель последнего упокоения душ правоверных мусульман. Справа от ворот, на специальной площадке, я увидел огромный памятник из черно-серого гранита. Он стоял на вы-

соком пьедестале в виде естественной каменной глыбы. По камню был выбит барельеф и под ним — две фразы на арабском и русском языках: «Здесь покоится муфтий Зияев Эргаш». Оказывается, мой названный отец был муфтием Андижанской области! «Но ведь на могилах мусульман не устанавливают памятников с барельефами», — подумал я тогда.

Братья расположились вокруг памятника: одни сели на скамейку, другие опустились на корточки. Все начали читать молитву из Корана. Видеть это было для меня, по меньшей мере, странно. Как же так? Ведь старший брат, Абдурашит, работал заведующим административным отделом Андижанского обкома КПСС, двое других — крупные руководители областного масштаба: начальники мелиоративного и автохозяйственного управлений. Самый младший, Абдукаюм, сначала руководил районным, а затем областным потребсоюзом. И такая откровенная демонстрация приверженности исламским традициям!

Затем мы поехали в фамильный дом отца, где у каждого из братьев, имевших свои отдельные квартиры, были персональные, но проходные комнаты. Мне предложили взять с собой всех членов комиссии: в Средней Азии существует мнение, что всякий гость от аллаха — чем больше гостей, тем лучше для хозяина. Но я почему-то пригласил с собой только Валентина Дмитриевича Лосевского. В доме на меня надели узбекский халат и тюбетейку, подарили фотографию отца с подписью «от братьев» и провели по всем помещениям, в том числе и на женскую половину, чем еще раз подтвердили, что я — их брат. Жена Эргаша Зияевича ушла из жизни на несколько лет раньше. Затем все уселись за узбекский достархан и провели вечер по законам Востока.

С этого дня у нас установились обычные житейские контакты, как в любой нормальной семье. Первую серьезную помощь пришлось мне оказывать самому младшему брату, Абдукаюму. Как-то раз он приехал к нам в Москву, чтобы пройти обследование и сделать операцию в одной из клиник Московского НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского. Приехал молодой человек с одним кожаным чемоданчиком, который поставил в коридоре у входной двери. Операция прошла успешно. В течение десяти дней, пока Абдукаюм лежал в больнице, Тамара навещала его, возила продукты, смену белья. В последние дни своего пребывания в стационаре мой названный брат попросил купить ему кое-какие вещи, а деньги на эти цели взять в кейсе.

Открыв дома чемодан, который все это время, как бесхозный, стоял у входной двери, Тамара ахнула: он был доверху набит деньгами. Материальный уровень нашей семьи в Москве был уже неплохой, но таких больших денег нам никогда не приходилось видеть. Тамара ничего не взяла, закрыла крышку и спрятала чемодан в шкаф. По возвращении из

больницы Абдукаюм хотел было рассчитаться с Тамарой, но она не взяла с него ни одной копейки. «С братьев денег брать не принято, тем более в трудную минуту!» — твердо заявили мы.

Постоянные контакты установил я и со старшим братом, Абдурашитом. Во время летних Олимпийских игр 1980 года он находился в Москве в служебной командировке: в составе большой группы ответственных работников ЦК КПСС обеспечивал безопасность проводимых мероприятий. Однажды Абдурашит явился к нам без предупреждения, прихватив с собой — ни много, ни мало! — восемнадцать своих коллег из Средней Азии.

Гости едва уместились в нашей небольшой, чуть более чем сорокаметровой, квартире. Но Абдурашиту очень хотелось показать своим товарищам, что в Москве у него есть брат, занимающий солидный пост в Министерстве энергетики и электрификации СССР. А еще он считал, что количество гостей должно быть прямо пропорционально степени уважения к хозяину и его семье. Впрочем, наше мнение в этом вопросе совпадало.

Зная восточные обычаи, Тамара угостила всех чаем, выставив на стол все, что было дома. Желаящим были предложены водка и коньяк, которые в наших «запасниках» никогда не переводятся: сегодня к ним добавились бы еще джин и виски. Пока гости наслаждались чаем и вели беседу, Тамара спустилась в магазин-кулинарию и закупила все необходимое: ее отсутствия никто даже не заметил. Узбекским товарищам можно было подавать все, кроме свинины и вина.

Чаепитие на Востоке — очень тонкая процедура. Если хозяин хочет подчеркнуть уважение к гостю, то наливает чай в его пиалу понемногу, но непрерывно. Когда я бывал у кого-нибудь дома в Узбекистане или в других республиках Средней Азии, где от жары все плавится и без конца хочется пить, я не выдерживал и со смехом просил хозяина налить мне полную пиалу — «без уважения». Естественно, хозяин мою просьбу выполнял, но потом все же неизменно соблюдал заведенный веками обычай до тех пор, пока я не ставил пиалу на стол вверх доньшком.

Мы угощали гостей до позднего вечера. Все были очень довольны оказанным приемом. Но вот что интересно. О наличии у меня названных братьев в Министерстве энергетики и электрификации Узбекистана узнали все — от министра до рядового сотрудника. И с этих пор, когда кто-то из моих братьев приезжал в Ташкент, там всегда уточняли: откуда гость — из Андижана или из Черкесска? В Черкесске мой родной старший брат Александр работал заместителем директора Карачаево-Черкесского предприятия электрических сетей и часто бывал на ташкентских заводах по производству продукции электротехнического машиностроения.

Средняя Азия. Что знает о ней человек, никогда там не бывавший? Только то, что там жарко, а люди ходят в ватных халатах и в меховых папахах. Что там почти нет дождей, и растут огромные сочные арбузы, ароматные дыни, гранаты с рубиновыми кисло-сладкими зернами, другие экзотические овощи и фрукты. Ну, еще в Средней Азии выращивают хлопок. Но мало кто себе представляет, как даются простому дехканину все эти неповторимые блага земли. Ведь рядом — пустыня с беспощадным солнцем и раскаленным воздухом, чье дыхание способно за секунду уничтожить плоды многодневного труда. Жизнь существует только там, где течет вода. И нужно очень сильно гнуть хребет, чтобы по определенной схеме подать эту воду на поля, очистить их от сорняков и вредителей, своевременно снять урожай и донести его до потребителя.

Живительную силу воды познала на себе и столица Туркмении, где, как и во всех других республиках Советского Союза, интенсивно развивалась энергетическая отрасль. Ашхабад стал по-настоящему современным городом лишь благодаря Каракумскому каналу имени В. И. Ленина, строительство которого было начато в 1954 году. В 1986 году его длина уже составляла 1100 километров, а площадь орошения — свыше 500 тысяч гектаров.

В Туркменглавэнерго (управляющий — Вячеслав Васильевич Савченко) входили Безмеинская и Марыйская ГРЭС, Чарджоуэнерго и Небитдагэнерго. В начале 1980-х годов Вячеслав Васильевич был переведен в Москву на должность заместителя начальника отдела энергетики Госплана СССР, а вместо него пришел Юрий Тимофеевич Локтев. Менялись управляющие, а главным инженером бесменно оставался Геннадий Борисович Гинзбург. Я часто бывал в Ашхабаде у гостеприимных туркменских энергетиков. За Безмеинской ГРЭС сразу же открывались бескрайние серые дали пустыни, сквозь марево которой проглядывали ангары авиационной части. В нескольких десятках километров — граница с Ираном.

Помню один почти неправдоподобный эпизод, рассказанный мне туркменскими коллегами. Однажды на территории республики проходили авиационные учения, на которых присутствовали высокие чины из Министерства обороны СССР. Вдруг на один из военных аэродромов, где отрабатывались учебные задачи, приземлился небольшой реактивный самолет с непонятными бортовыми знаками. Постояв несколько минут на одном месте, он разогнался по полосе и взлетел по направлению к иранской границе. Руководители учений сначала опешили. Опомнившись, они бросили вдогонку незваному «гостю» истребители-перехватчики, но время было упущено: нарушитель ушел от преследования на сопредельную территорию. На другой день в иранских СМИ появились

сообщения, что сын шаха Ирана — наследный принц Реза Пахлави — выиграл пари на один миллион долларов, совершив перелет в СССР на собственном самолете. Высокопоставленный «герой» свое обещание выполнил, вот только не успел заправиться нашим горючим. Как известно, иранская монархия прекратила свое существование в 1979 году, а Реза Пахлави находится в изгнании и постоянно проживает в штате Вирджиния (США).

Крупнейшая тепловая электростанция в Туркменэнерго, производящая более 80% электроэнергии республики, — Марыйская ГРЭС, ее установленная мощность — 1250 МВт. Расположенная на юго-востоке Туркмении, она работает на базе Шатлыкского газового месторождения. В курортном месте, где находится известный почечный санаторий, туркменские коллеги показали мне малую ГЭС, построенную еще в начале XX века дядей Николая II, Николаем Михайловичем Романовым. Меня изумили тогда прекрасно сохранившееся оборудование станции и выложенный кирпичом деривационный туннель-канал.

Вспоминая об этих эпизодах, я с горечью осознаю, что входившие в СССР республики имели неоправданное преимущество при распределении средств на строительство энергетических объектов — Россия же получала по остаточному принципу. Ежегодно россияне на безвозмездной основе выделяли по 60–80 млрд. рублей из своих доходов на развитие энергетики в национальных республиках. Благодаря России возведены, например, такие энергетические объекты, как Эстонская и Прибалтийская ГРЭС в Эстонии, Литовская ГРЭС, Игналинская АЭС и гидроаккумулирующая электростанция (ГАЭС) в Литве, Тбилисская ГРЭС и Ингури ГЭС в Грузии. Сейчас некоторые пытаются утверждать, что эти республики тоже имели свой доход. Да, но он был несоизмерим с капиталовложениями, которые шли из России, в результате чего была создана электрическая сеть, связавшая воедино электростанции всех республик.

Глава 25

Встречи на Саяно-Шушенской ГЭС

На первых порах работы в Госинспекции я чувствовал некоторое высокомерное отношение — с элементами пренебрежения — со стороны руководителей Московской энергосистемы, явно не желавших признавать специалистов с периферии. Управлял Мосэнерго ветеран Великой Отечественной войны Игорь Николаевич Ершов, а главным инженером был Нестор Иванович Серебрянников, будущий директор ОАО Мосэнерго. Московская энергосистема всегда получала за работу классные места, переходящие Красные знамена ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Было заметно, что ее, по сравнению с энергосистемами других регионов, старались чаще выделять в лучшую сторону по всем вопросам, в том числе и при оценке итогов соцсоревнования.

Так, накануне подведения итогов очередного Всесоюзного соцсоревнования мне поручили проверить положение дел на ТЭЦ-25 Мосэнерго, на которой шел монтаж энергоблоков. В работе находились два энергоблока с турбинами ПТ-60-130. Одновременно с выработкой электроэнергии они обеспечивали прилегающий жилищный комплекс и промышленные предприятия паром необходимого давления и температуры. Массу строительного-монтажных недоделок, неразбериху в организации работы с персоналом и оперативной документацией, непролазную грязь — вот что увидели мы на этой электростанции.

Директор ТЭЦ, уже не молодой, пенсионного возраста человек, не проявил никакого интереса к проводимой нами проверке. Высказать ему все замечания по результатам нашего осмотра электростанции я смог только после того, как он продержал меня в своей приемной около часа, занимаясь в кабинете своими личными делами. Об этом мне сообщила его секретарь. После этого о положении дел на объекте и свое мнение о руководстве станции я доложил управляющему Мосэнерго И. Н. Ершову. На следующий день, на утреннем оперативном селекционном совещании, проводимом ежедневно министром, управляющий

Мосэнерго доложил, что директор ТЭЦ-25 снят с работы за выявленные инспекцией упущения.

С одной стороны, это поднимало авторитет Госинспекции, но с другой — этот метод приобретения авторитета явно не способствовал установлению открытого и доверительного отношения к инспекции со стороны эксплуатационных организаций. Госинспекция должна быть полезна для них и востребована ими, а этого можно добиться, если персонал электрических станций и сетей будет видеть в ней организацию, которая не только выявляет, но и помогает устранять эти упущения, объективно оценивая действия персонала и, при необходимости, защищая его. Работа должна носить совместный, взаимотребовательный характер, а критерием оценки ее качества должно быть надежное и бесперебойное энергоснабжение потребителей. В основе этой работы должен лежать принцип А. В. Суворова: «Тяжело в учении — легко в бою». Случай с ТЭЦ-25 не сблизил меня с энергетиками.

Казалось, что брешь между мной и энергетиками столицы уже ничем нельзя будет залатать. Однако дело повернулось в другую сторону, время все расставило по своим местам. Сдвиг к взаимопониманию между мной и коллективом Мосэнерго начался под новый 1979 год, когда случилась авария на ТЭЦ-21. В Москве трещали сорокоградусные морозы, а наши тепловые станции были рассчитаны, как правило, на температурный режим не ниже 26° С. Из-за низких температур начались нарушения работы ряда электростанций, повлекшие отключения многих потребителей по теплу, что в свою очередь привело к перегрузке распределительной сети г. Москвы.

На третьем котле ТЭЦ-21 начался пожар из-за возгорания мазута на внешней стороне, в районе шестой отметки. Огонь перекинулся вверх и добрался до общестанционного газопровода. Произошла разгерметизация газопровода. Горящий газ охватил третий котел, ударил в соседний барабан котла и разрезал его, будто резаком. В результате вышли из строя котлы двух турбин Т-100.

Первым на место аварии прибыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома партии Виктор Васильевич Гришин. Не разобравшись в деталях, он вынес свой вердикт: «Судить!» Что скажешь о человеке, которому неведомы великие муки сомнений, обычно присущие деликатным персонам? Мгновенно, словно из-под земли, появились работники Генеральной прокуратуры РСФСР и Генеральной прокуратуры СССР, которые сразу же изъяли и арестовали всю оперативно-техническую документацию.

В этот же день я прибыл на расследование аварии во главе комиссии Минэнерго СССР. Работать пришлось под постоянным оком работников

прокуратуры. Не имея оперативно-технической документации, комиссия была вынуждена начать свое расследование с опроса и взятия объяснений со всех сотрудников, находившихся в период аварии на вахте, изучения осциллограмм, распечаток тепловых приборов, с детального осмотра всего теплосилового оборудования. После нескольких дней осмотра и поиска причин возникновения аварии мы нашли точное место возгорания мазута и, самое главное, выявили, откуда он попал на горячую обмуровку котла.

В районе шестой отметки котла проходит трубопровод горячего мазута с давлением до 40 атмосфер. Известно, что теплый мазут конденсирует влагу. В пробковом кране, расположенном на трубопроводе в непосредственной близости от наружной стенки станции, имеется нижний карман — отстойник влаги. Вследствие низких температур сконденсированная влага замерзла, и чугунный кран треснул. Появилась волосяная трещина. Выходя через эту трещину под давлением, мазут стал заливать внешнюю обшивку котла выше горелочных устройств, а затем воспламенился, что и привело к возникновению пожара, который подпитывался постоянно поступающими порциями топлива.

В соответствии с нашей инструкцией по расследованию аварий мне пришлось квалифицировать эту аварию как происшедшую по вине руководящего персонала ТЭЦ-21. При подписании акта и разработке противоаварийных мероприятий по результатам этой аварии присутствовали и следователи прокуратуры. Им импонировал такой жесткий подход нашей комиссии. Это было видно по их лицам, это звучало в их высказываниях. Получив акт с такой жесткой классификацией, следователи прокуратуры посчитали, что в их руках — документ, позволяющий им выполнить устный приказ члена Политбюро — отдать под суд руководство электростанции. Радостные, они уехали к себе. Но после ознакомления со всеми материалами акта расследования следователи спросили меня: «А где же состав преступления? Где виновники?» Я ответил, что конкретных виновников нет. Преступление «совершила» природа. Людям еще надо сказать спасибо, что при аварии не произошло ничего более серьезного.

Прокурорские работники были озадачены. Они не могли с этим согласиться, им нужны были другие результаты — и все сорвалось. Для проверки уже моего заключения по их требованию была создана новая экспертная комиссия, в которую пригласили десять профессоров. Один из них, прибыв на ТЭЦ, попросил рассказать, что здесь произошло. Я стоял в рабочей фуфайке и каске, ничем не отличаясь от обслуживающего персонала. Все молчали. Пришлось мне говорить о причинах возникновения аварии. Выслушав меня, он признался:

— Что-то мне тут не все понятно...

Тогда я ему задал вопрос:

— А кто вы по профессии?

— Я — специалист по горелочным устройствам, — ответил он с чувством собственного достоинства.

— Так эти устройства у нас прекрасно работали! — успокоил я профессора. — Пожар произошел не из-за них.

Экспертная комиссия не смогла найти в нашем акте расследования аварии ничего такого, что могло бы поставить под сомнение его объективность. К огорчению следователей, она их надежды не оправдала. Комиссию ученых вернули на место, как не справившуюся с заданием. Документы комиссии Минэнерго СССР и пробковый кран с трещиной, ставшей первопричиной пожара, были отправлены для повторной экспертизы в Центральный научно-исследовательский институт тяжелого машиностроения, который после проведения лабораторных и стендовых испытаний поддержал сделанные нами выводы.

Помешав расправе над московскими энергетиками, я создал основу для установления доверительных отношений с руководством Мосэнерго. Снова нашла свое подтверждение истина, гласящая, что к людям всегда можно найти подход, и они пойдут тебе навстречу, если вести с ними честную игру, если они убедятся, что ты действуешь по законам, равным для обеих сторон. Особенно это необходимо делать при расследовании аварий с тяжелыми последствиями, подобно той, что произошла на ТЭЦ-20.

На этой станции проходили практику учащиеся одного из профессионально-технических училищ города Кишинева. Когда группа из двенадцати ребят расчищала кабельный тоннель в подвальной части электростанции, лопнул трубопровод с водой, нагретой до температуры выше 100° С, испарения которой опасны для органов дыхания. Кипяток и пар хлынули в тоннель, и молодые люди погибли.

Трагичность происшествия накладывала отпечаток на ход расследования. Я поставил задачу сделать все, чтобы облегчить горе родителей, оказать внимание каждой пострадавшей семье. В ликвидации аварии самое активное участие принимал заместитель председателя Мосгорисполкома Борис Васильевич Никольский, с которым у нас до сих пор сохраняются надежные деловые контакты. Причиной аварии стали нарушения, допущенные при строительстве тоннеля, но за давностью лет конкретные фамилии виновников установить не удалось. Все ограничилось выговорами, а главного инженера перевели на другую работу.

В зону эксплуатационного контроля нашей Госинспекции входили и атомные электростанции Всесоюзного промышленного объединения (ВПО) Союзатомэнерго Минэнерго СССР, которое возглавлял Владимир

Петрович Невский, являвшийся одновременно членом коллегии Минэнерго СССР. Главным инженером — первым заместителем начальника ВПО был Леонид Михайлович Воронин. Союзатомэнерго курировал заместитель министра Федор Яковлевич Овчинников. Госинспекция и объединение располагались в крыле здания ЦДУ, на одном этаже, друг против друга.

Мое первое трепетно-волнующее, незабываемое знакомство с атомной энергетикой произошло на Ленинградской АЭС. Когда я поднялся на верхнюю крышку ее 1-го атомного реактора мощностью в один миллион киловатт, мне показалось, что все мое тело как будто бы пронизывал огромный пучок излучаемой энергии, которая находилась под моими ногами. Но более предметно мне пришлось соприкоснуться с работой атомной электростанции после аварии, происшедшей в 1980 году на первом блоке Чернобыльской АЭС мощностью один миллион киловатт. Комиссию Минэнерго СССР по расследованию аварии возглавлял я. Моим заместителем был назначен главный инженер — первый заместитель начальника Союзатомэнерго Леонид Михайлович Воронин, с которым у меня сложились хорошие деловые отношения с первого дня работы в центральном аппарате Минэнерго СССР.

Аварийное отключение блока на АЭС произошло с одновременным отключением главных циркулирующих насосов (ГЦН) атомного реактора. Причиной отключения блока явилась поломка торсионного вала, соединявшего генератор с возбудителем, вследствие чего на блоке возник асинхронный ход. Это привело к автоматическому отключению ГЦН и сработке системы управления защитой (СУЗ) реактора. Гашение ядерных процессов в реакторе происходило без циркуляции воды. Разгерметизации и разрушения бетонного корпуса реактора не произошло. Беда прошла стороной. Но никому и в голову не пришло сделать из этой аварии серьезные выводы. Напротив, в речах физиков-ядерщиков, конструкторов и ряда руководителей даже звучали гордые нотки: «Смотрите, какие у нас прочные атомные реакторы!»

Я — не ядерщик, и физические процессы, происходившие в реакторе типа РБМК в период его аварийного останова, оценить не мог. Но разве я мог в то время предположить, что в 1986 году мне придется участвовать в ликвидации последствий аварии на этой же станции, но на четвертом блоке, которая будет протекать в том же порядке, но уже с разрушением реактора?

1980 год запомнился мне и другим событием, связанным с историей моей семьи. Летом я приехал к маме в станицу Марьинскую, куда подъехал также и мой брат Александр. Находясь в нашей хатенке, мы услышали внезапно ворвавшиеся в окна громкие звуки музыки. Такое в ста-

нице бывает не часто, и мы, естественно, вышли на улицу, чтобы узнать, что за торжество, и по какому поводу. Мимо нас во главе с колхозным духовым оркестром двигалась небольшая колонна демонстрантов с несколькими транспарантами и флажками.

— По поводу чего торжество? — спросили мы у шагавших в колонне.

— Сегодня же открытие исторического музея станицы Марьинской, — ответили нам. — Присоединяйтесь!

Спустя полчаса вся наша семья уже была на указанном месте. Музей обосновался в здании бывшей начальной школы, неподалеку от нашего двора, как раз напротив почтового отделения. Мы стали одними из первых его посетителей на правах уважаемых гостей. Как известно, в России ни одно солидное мероприятие не начинают без генерала. В роли экскурсовода — и это было первой приятной неожиданностью — выступала заведующая новым музеем, моя бывшая учительница истории Татьяна Васильевна Мироненко. Это ей я обязан любовью к истории своего народа и других цивилизаций, а история Российского государства, в частности, стала моим любимым занятием на все последующие годы.

Я стал рассматривать стенды с фотографиями основателей станицы и их потомков, среди которых обнаружил и фотографии моего прадеда с сыновьями. Со стенда на меня смотрело также лицо деда по материнской линии: в казачьей форме, с четырьмя Георгиевскими крестами на груди. В глаза бросился небольшой фотомонтаж, посвященный участникам установления Советской власти в Марьинской, в центре которого находилась фотография Александра Зиновьевича Дьякова.

Я спросил Татьяну Васильевну:

— Откуда у Вас эти фотографии?

— Их прислал наш станичник, — ответила она. — Он ветеран Великой Отечественной войны, гидростроитель, энергетик, трудится на Саяно-Шушенской ГЭС. Кроме того, этот человек — почетный гражданин построенного энергетиками города Саяногорска. Зовут его Иван Алексеевич Растеряев.

И это было для меня второй приятной неожиданностью. Ведь я неоднократно бывал на Саяно-Шушенской ГЭС, но об этом ничего не знал. Первое мое знакомство с Саяно-Шушенской ГЭС произошло в 1979 году, когда там, в период паводка, произошла авария из-за перелива воды через строящуюся плотину. Я пообещал Татьяне Васильевне найти этого доброго человека и познакомиться с ним.

Буквально через несколько месяцев мне вплотную пришлось начать заниматься строительством Саяно-Шушенской ГЭС — крупнейшей гидроэлектростанции России (установленная мощность 6721 МВт, среднегодовая выработка электроэнергии 24,5 млрд. кВт.ч). План создания промыш-

ленно-экономического комплекса в районе Саян был утвержден на XXIV съезде КПСС. Здесь планировалось построить 120 крупных промышленных предприятий, питающихся энергией от ГЭС, которую возводили постепенно, один за другим вводя в работу гидроагрегаты на пониженных напорах (первый был введен в эксплуатацию в 1979 году). Это позволило параллельно со строительством электростанции вырабатывать электроэнергию и окупить затраты на строительство ГЭС с вводом десятого агрегата уже в 1987 году.

Я был председателем Государственной комиссии по пуску восьми агрегатов электростанции, начиная с третьего. Под актами о вводе этих агрегатов в строй, фактически давшими станции путевку в жизнь, первой стоит моя подпись. В 2000 году я возглавил центральную комиссию по окончательному завершению строительства и вводу в эксплуатацию этой электростанции и всего комплекса.

Уникальная станция расположена на Енисее, могучей сибирской реке, огромной анакондой вьющейся по территории Красноярского края, который простирается на 3200 километров с севера на юг и на 1800 километров — с запада на восток. Енисей в переводе с тюркского означает «мать воды». Согласно справочникам, он собирает и гонит в Северный Ледовитый океан 116 257 больших и малых рек. В створе Дивногорска Енисей катит в секунду 22 тысячи кубических метров воды. «Дивен Енисей, — писал Виктор Петрович Астафьев, — верхний и средний в особенности, ни одна верста не повторяется, величествен, раздумчив и раздолен он в низовье, где берег с берегом не сходится, в бестуманную погоду отворены здесь речные врата в какую-то одновременно пугающую и манящую даль».

Величавый Енисей уже многие столетия является незаменимой транспортной артерией для всех племен и народов, живущих на его берегах. Со времени основания города Красноярска по Енисею ходили баржи со строительными материалами, пушниной, рыбой, а из Минусинской долины, где ныне расположены города Минусинск и Абакан, гоняли баржи с арбузами, овощами, фруктами. Впервые посетив Абакан, я был поражен буйству местной природы: какая там росла клубника, малина, другая ягода! А ведь это — Сибирь, край, где, по представлению многих, трещат лютые морозы! Но когда мне показали созревшие на открытых огородах сочные сладкие арбузы и красные, размером с большой кулак, помидоры, я потерял дар речи. Мне, жителю Кавказа, никогда не приходилось видеть таких огромных, до килограмма весом, мясистых, сахаристых плодов томата. Не зря местные жители называют этот сорт «бычье сердце». А помидоры лимонного цвета, но размером больше этого знаменитого цитруса?! Его вкусовые качества тоже были мне в новинку.

Енисей — в целом спокойная река, но в Западных Саянах ее берега сближаются чуть ли не до восьмидесяти метров, и течение достигает скорости сорока километров в час. Именно здесь и возведена арочная плотина высотой в 240 метров. Название Саяно-Шушенской ГЭС было predetermined ее географическим расположением. На левом берегу Енисея, ниже поселка Майна, стоит город Саяногорск, где обрабатывают уникальный мрамор, добываемый в здешних местах, относящихся к Хакасии. На правом — знаменитое на весь мир село Шушенское, место традиционной ссылки «неблагонадежных». Здесь были определены на поселение первые декабристы — подполковник Петр Фаленберг и поручик Александр Фролов. Известно, что в 1860 году в Шушенском был Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский, которому смертную казнь заменили каторгой в Забайкалье. С мая 1897 года по январь 1900 года в Шушенском отбывал ссылку В. И. Ульянов, прибывший сюда из Красноярска в каюте второго класса на пароходе «Святитель Николай», принадлежавшем крупному сибирскому промышленнику Ивану Сибирякову.

Выше плотины Саяно-Шушенской ГЭС, в естественных речных берегах, покрытых труднодоступным лесом, образовалось огромное водохранилище. Главвостокэнерго совместно с подрядными организациями пришлось проделать здесь большую работу по строительству жилья для переселенцев, попавших в зону затопления. В нескольких километрах ниже по течению, на левом берегу Енисея, был заложен поселок городского типа, получивший название Черемушки. Когда бывший начальник Главвостокэнерго Иван Ильич Бондарев, находясь на пенсии, впервые приехал на Саяно-Шушенскую ГЭС, он был поражен местной красотой, благоустройством и ухоженностью поселка. Осмотрев Черемушки, он остановился в изумлении и произнес: «Да, сюда, конечно, надо было ссылать людей...» Потом сделал длинную паузу и добавил: «...но только за большие заслуги!»

Первая баржа со строителями и техникой приплыла сюда из Красноярска в июне 1963 года, а через пять лет в воды реки был сброшен первый камень с надписью: «Мы укротим тебя, Енисей!» Первый кубометр бетона в фундамент будущей ГЭС был залит в октябре 1970 года, а еще через пять лет Енисей был перекрыт. Когда дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Георгий Тимофеевич Береговой перерезал красную ленточку, могучие БелАЗы сбросили в проран первые многотонные глыбы камня и бетона. Директором строившегося Саяно-Шушенского гидроэнергетического комплекса в составе Саяно-Шушенской и Майнской ГЭС в июле 1977 года был назначен Валентин Иванович Брызгалов.

Трудовой путь Брызгалова начинался на строительстве Куйбышевской ГЭС, в то время — крупнейшей в мире. В качестве главного инженера он принимал участие в возведении крупнейшей в России Краснояр-

ской ГЭС мощностью 6 млн. кВт. В процессе строительства Саяно-Шушенской ГЭС Валентин Иванович предложил ряд технических решений, которые легли в основу проекта высотной арочно-гравитационной плотины, не имевшей аналогов в мире. Экономический эффект от инженерно-технических новаций Валентина Ивановича оказался таков, что уже к концу строительства стоимость отпущенной электроэнергии втрое превысила затраты на сооружение гидроэлектростанции.

Как известно, в период сибирской ссылки вождя мирового пролетариата осенила идея начать издание марксистской газеты «Искра», из которой в России возгорелось пламя. Но пламя — это не только свет. Это еще и огонь, способный не только освещать наши жилища, но и испепелять их. В декабре 1979 года произошло такое испепеляющее событие, предопределившее дальнейшую судьбу СССР и всего социалистического лагеря: ограниченный контингент советских войск вошел в Афганистан. Впереди было десятилетие бесславной войны, унесшей жизни и здоровье нескольких десятков тысяч солдат и офицеров.

История еще раз доказала, что не все казни совершаются на эшафотах. Поражение СССР в афганской войне привело к экономическому и моральному истощению страны, к потере международного престижа великой державы и права выступать «оплотом мира и социализма» в развивающихся странах. Советский Союз воспротивился против себя весь исламский мир, который до этого считал его союзником в борьбе против военно-политической и экономической экспансии США и Европы.

Афганская война породила множество самых разных проблем и внутри нашей страны: военных, экономических, нравственных. Они постепенно выходят на поверхность: день ото дня мы все более явственно ощущаем их тревожное присутствие. Если после вывода советских войск из Афганистана в 1989 году «афганский синдром» проявлялся в основном среди представителей молодого поколения — бывших «афганцев», то сейчас он, как эстафетная палочка, передан по наследству детям солдат и офицеров, прошедших через афганское пекло. И это как раз тот случай, когда обвинять бесполезно — достаточно установить факт.

В феврале 1981 года, будучи уже начальником Главвостокэнерго, я позвонил Брызгалову и, сообщив о своем вылете к нему, на Саяно-Шушенскую ГЭС, спросил:

— Валентин Иванович, а не знаете ли вы ветерана войны и труда по фамилии Растеряев?

Ответ не заставил себя ждать:

— Да, есть у нас такой! Активный ветеран, уважаемый в коллективе общественик. На всех праздниках он сидит у нас в президиуме.

— Организуйте мне встречу с ним! — попросил я.

— Все будет, как вы просите, — пообещал Валентин Иванович.

Из аэропорта города Абакан мы машиной добрались до Черемушек, но по пути заехали в Саяногорский горком партии. Там и состоялась моя первая встреча с Растеряевым.

В кабинете первого секретаря далекого от Ставрополя городка сидели и разговаривали марьянцы, представляя два разных поколения. Бывает, что к малознакомому человеку сразу возникает безотчетное доверие. Рядом с ним приятно побыть хоть немного, ощущая его удивительное качество — непреодолимую силу притяжения. И приходится только сожалеть, что его лодка по времени существенно оторвалась вперед, и ее в этом жизненном потоке уже никогда не догнать.

Как оказалось, Иван Алексеевич был другом моего дяди, Александра Зиновьевича Дьякова. В двадцатые годы они вместе уехали из станицы, чтобы в Москве поступить учиться: дядя, командир Сунженской армии Терской советской республики и кавалер ордена Красного Знамени, — в школу красных командиров, а Растеряев — в энергетический техникум. После окончания учебы друзей раскидало в разные стороны, но они никогда не забывали друг друга и по мере возможности старались встречаться.

Мой дядя собирал документы о своих предках и участниках установления Советской власти на Кавказе и в станице Марьянской. Незадолго до своей смерти он передал архивные документы Растеряеву с просьбой сохранить их и по возможности опубликовать. Иван Алексеевич все сохранил и предложил материалы мне, заявив, что вручит все до последнего листочка, как только обработает. Но самое поразительное было то, что до отъезда в Москву Растеряев ухаживал за моей мамой, Анастасией Андреевной, и даже предлагал ей выйти за него замуж! Когда при следующей встрече с мамой я рассказал ей об этом, она с каким-то особым блеском в глазах подтвердила этот факт.

Из таких вот старых, не открытых до поры до времени тайн и складывается история российских родов, среди которых история моего рода. Мама сказала, что уже знает о моей поездке на Саяно-Шушенскую ГЭС и о Растеряеве: он написал своим родственникам в станицу Марьянскую и передал теплый привет «многоуважаемой Анастасии Андреевне».

Второй раз мы встретились с Иваном Алексеевичем зимой 1982 года на самой Саяно-Шушенской ГЭС и провели вместе целый день. Тогда он рассказал о своей жизни более подробно. Во время Великой Отечественной войны он, специалист-электрик, принимал из США самолеты, изготовленные для Советского Союза по ленд-лизу. После войны началась кочевая жизнь: одна ГЭС сменяла другую. Саяно-Шушенская в этом ряду была последней. Он никогда не гнался за недостижимым, знал, что в этой гонке можно потерять нажитое. Ведь то, к чему мы всю жизнь стремим-

ся, к чему бежим, как звери, чующие добычу, может быть просто иллюзией. Момент прикосновения к достигнутому значительно короче того времени, которое тратишь, чтобы дотянуться до желаемой цели. «Тот, кто все время стоит на цыпочках, — уверял мой собеседник, — стремясь дотянуться до чего-то там в вышине, на ногах держится нетвердо».

Растеряеву было тогда уже более восьмидесяти лет. Жену он похоронил в Саяногорске. Была у него одна, так и не сбывшаяся мечта. Он хотел приехать поездом в Новопавловскую, а оттуда пешком пройти восемнадцать километров до Марьинской. Там посмотреть на родные поля, пройти мимо двух курганов (мы их называли «Два брата»), взобраться перед станцией на Пикет. Что может быть заманчивей: любоваться панорамой родины, а потом, набрав полную грудь воздуха, припасть губами к холодной воде быстротекущей горной Малки!

Третьей встрече не суждено было случиться: Ивана Алексеевича не стало. Замкнулся круг еще одной жизни, история которой может быть сколь угодно невероятной, но никак не банальной. Он дошел до последнего порога видимого мира в полной уверенности, что можно жить, сохраняя достоинство и уважение к себе и людям. Жить, имея в жизни главное — свое собственное место. Вспоминая Растеряева, я обычно испытываю большое смятение. Через столько лет встретиться двум землякам, представителям разных поколений, работникам одной профессии, в далекой Сибири, чтобы вновь напитаться плодотворными воспоминаниями об общих знакомых, о родной земле, о самих себе. Материалы Александра Зиновьевича Дьякова — архивы моего дяди — по поручению Растеряева мне передали сотрудники электростанции после его смерти...

Эти встречи происходили на берегах могучего и величавого Енисея, оставившего в моей памяти неизгладимые впечатления. Великая река Сибири, после слияния «черного» и «белого» Енисеев, образует один поток на территории Тувинской республики. В столице Тувы — Кызыле — русский географ Владимир Афанасьевич Обручев установил памятник в виде глобуса, символизирующий географический центр Азии.

Ко времени моего назначения начальником Главвостокэнерго действовавшая в г. Кызыле одна тепловая электростанция мощностью до 20 тыс. кВт уже выработала свой ресурс, ее надежность снизилась, а нагрузки, как тепловые, так и электрические, в республике Тува выросли. Тогда в ее столице, расположенной в естественной низине, было построено множество коммунальных и частных котельных, ставших причиной происхождения вредного для здоровья людей густого смога. Надо было срочно искать пути спасения города. За дело взялись рьяно. Сначала была построена подстанция на напряжении 110 кВ, а потом — протянувшаяся от Саяно-Шушенской ГЭС ВЛ-220 кВ.

За период с 1972 по 1985 год были построены и введены в эксплуатацию 13 высоковольтных линий с подстанциями. В это же время была проведена реконструкция Кызылской ТЭЦ, в ходе которой были установлены четыре котла БКЗ-80 и построена теплотрасса до самого города. Распределительная сеть была выполнена линиями электропередачи на напряжении 110, 35 и 10 кВ. Мой вклад в развитие тувинской энергетики был отмечен красивым орденом республики, похожим на орден Дружбы народов.

Накануне своего юбилея Петр Степанович Непорожний через секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, который хорошо к нему относился, добился проведения в ЦК КПСС расширенного совещания по электроэнергетике. На совещание, проходившее в здании ЦК КПСС на Старой площади, были приглашены представители других министерств и ведомств, руководители республик, краев и областей, чтобы обсудить актуальные проблемы энергетики страны, принять неотложные решения, наметить практические меры. Все это, как мы предполагали, должно было актуализировать вопрос о присвоении Петру Степановичу звания Героя Социалистического Труда, которое, как считают все энергетики, он заслужил всей своей деятельностью.

Но получилось не так, как задумывалось. Разговор на совещании принял непредвиденный оборот: на Министерство энергетики и электрификации СССР обрушилось много критики, которая в верхах была истолкована по-своему. Кто-то из членов Политбюро ЦК КПСС не согласился с представлением Петра Степановича к званию Героя. Непорожний получил орден Ленина. Это, конечно, высокая награда. Но этим награждением выставлялась заниженная оценка труда не только министра, но и двухмиллионного коллектива энергетиков Советского Союза, вложивших много сил и знаний в создание и развитие такой мощной и единственной в мире Единой энергетической системы. Энергетикам страны было обидно, что в лице министра их труд оценили таким образом.

Это несправедливое решение не приуменьшило заслуг патриарха советской энергетики, а продемонстрировало мелочность и завистливость власть предержащих. Петр Степанович обладал силой, талантом и мужеством, чтобы не опускаться до разбирательств и выяснения ситуации. В противовес любителям тумана, неясностей и номенклатурного шаманства он проявил достоинство, мудрость и выдержку.

П. С. Непорожний — государственный деятель, ученый, профессор, доктор технических наук, член-корреспондент АН СССР — не терпел рядом с собой неодаренных людей. Он воспитал огромную плеяду талантливых и сильных руководителей, организаторов производства, которым были под силу любые решения и задачи в энергетике страны.

Глава 26

Энергетики Бурятии

В один из августовских дней 1980 года я занимался в своем кабинете обобщением материалов комплексных проверок республиканских энергетических главков. Наступила очередь Эстонии, и я должен был выезжать в Таллин: в кармане уже лежал билет на вечерний поезд. Сторожук находился в отпуске.

Вдруг позвонил Владимир Николаевич Буденный. Его голос звучал празднично:

— Вас можно поздравить!

Я спросил:

— С чем?

— Как с чем? — деланно удивился Владимир Николаевич. — Сегодня министр объявил нам, что вы — начальник Главвостокэнерго!

Это было для меня так неожиданно, что я в растерянности забормотал:

— Впервые об этом слышу... Мне никто ничего не говорил. Я готовлюсь ехать в Таллин.

Буденный рассмеялся:

— Странно! Как это вы ничего не знаете? Тем не менее примите поздравления.

С этим я уехал в Эстонию, где пробыл неделю. Когда я вернулся на свое рабочее место, ко мне зашел начальник Управления руководящих и инженерно-технических кадров министерства Алексей Орестович Липатов. В руках у него был пакет:

— Вам надо срочно прибыть в ЦК партии на беседу.

Разговор в ЦК был недолгим: «Мы все решили без вашего согласия, потому что знаем вас и ваше отношение к работе. У нас была дилемма: либо рекомендовать вас секретарем парткома министерства, либо назначить начальником главка. Поэтому объявление решения немного запоздало».

Откровенно говоря, мне очень не хотелось идти в партком, хотя он был на правах райкома партии. Второй раз судьба оградила меня от возможности попасть в списки партноменклатуры. А стать начальником Главвостокэнерго, самого крупного и мощного главка в стране, было

престижно. В сферу этого главка входила огромная территория: все среднеазиатские республики, Казахстан и Сибирь.

Когда я вернулся из ЦК, ко мне зашел Сторожук. Он с сожалением спросил:

— Зачем вам это надо?

Я спокойно парировал:

— Константин Сергеевич, это же ваш бывший главк! Мне уже хочется на самостоятельную работу.

Видно было: Сторожук очень не хотел, чтобы я уходил из Госинспекции. У нас сложились хорошие отношения, работа шла споро и интересно. Но к тому времени у меня были такие же хорошие отношения со всеми начальниками других главков Минэнерго СССР.

Ситуация развивалась скоропалительно. Министр энергетики и электрификации СССР, не приглашая меня на коллегию, подписал приказ о моем назначении и объявил об этом на селекторном совещании. «Прошу любить и жаловать, — таким было его напутствие. — А новому начальнику главка немедленно выехать в Бурятию, на Гусиноозерскую ГРЭС, для принятия на месте мер по повышению надежности ее работы!»

Бурятия — огромная по территории республика, раскинувшаяся к востоку от озера Байкал на площади более 350 тысяч квадратных километров. Согласно переписи 1979 года, здесь проживало более одного миллиона человек, в том числе — 207 тысяч бурят. В этих местах отбывали ссылку декабристы, которые принесли сюда русскую культуру, познакомили коренных жителей с историей Российского государства, научили их русскому языку. Неподалеку от Гусиноозерской ГРЭС, чуть в стороне от реки Селенга, расположен мемориал, установленный в честь декабристов, навсегда оставшихся в бурятской земле.

Жемчужина Бурятии — озеро Байкал. Роль основной водной артерии, устремляющей свой неудержимый поток в «славное море», выполняет Селенга, образующаяся от слияния рек Идэр и Мурэн и змеей охватывающая всю территорию Бурятской республики. Вдоль южного берега Байкала проходит нитка Восточно-Сибирской железной дороги, а от города Северо-Байкальска, расположенного северо-восточнее озера, в сторону Амура протянулась знаменитая Байкало-Амурская магистраль. Вдоль железнодорожных веток (старой и новой) величественно шагают бетонные и стальные опоры линий электропередачи. Они передают энергетическую силу мощным электровозам, а свет и тепло — поселкам, железнодорожным станциям и городам.

Бурятия — регион распространения в России ламаизма, необычной, для православных почти сказочной, формы тибето-монгольского буддизма. История развития буддизма в России измеряется столетиями. В

1741 году указом Елизаветы Петровны буддизму был придан статус официальной религии, а в 1763 году Екатерина II придала ему статус юридический. За эти деяния обе российские императрицы введены в пантеон буддизма в качестве богинь, Белых Тар. Благодаря «неизменной милости Белого царя» в Санкт-Петербурге был построен буддийский храм. Первое богослужение в этом храме было проведено 21 февраля 1913 года — в день празднования 300-летия династии Романовых. Мне удалось побывать в Иволгинском дацане (ламаистском храме), расположенном в тридцати километрах от Улан-Удэ, побеседовать с пандито хамбо-ламой Жамбалом-Доржо Гомбоевым — участником Великой Отечественной войны, бывшим офицером Советской Армии (умер в 1983 г.).

Большинство бурят были двоеверцами. Исповедуя православие и принимая русские фамилии и имена, они не отказывались и от исполнения буддистских ритуалов. Мне даже пришлось однажды видеть, как второй секретарь Бурятского обкома партии Владимир Григорьевич Бирюков в рамках кампании комсомольского призыва отбирал молодежь для учебы в духовных учебных заведениях Монголии. Но я не заметил среди молодых людей особого рвения полностью отдаваться служению культуре: для этого необходимо давать обет безбрачия. Партийное руководство Бурятии даже вело с духовенством Монголии переговоры о снятии этого условия, и какой-то компромисс, кажется, был найден.

История Бурятской энергетики начинается с 1905 года, когда в городе Верхнеудинске (ныне — Улан-Удэ) была введена в эксплуатацию первая 120-киловаттная электростанция. 2 сентября 1958 года, в соответствии с постановлением № 80 Совета народного хозяйства Бурятии, на базе действовавших 750 электростанций общей мощностью 100 МВт было организовано районное энергетическое управление (РЭУ) Бурятэнерго.

Первым управляющим Бурятской энергосистемы до 1967 года был Борис Степанович Бутин, с 1967 по 1977 год — Станислав Александрович Мельников, с 1977 по 1993 год — Геннадий Очирович Борисов. Большую помощь в становлении и развитии Бурятской энергетики оказывал первый секретарь областного комитета партии Андрей Урупхеевич Модогоев. Бурят по национальности, сын крестьянина, он был ярко выраженным интернационалистом, видевшим главную задачу республики в развитии производительных сил на базе опережающего развития энергетики. На первое место в своей деятельности Андрей Урупхеевич ставил успешное развитие и наращивание энергетических мощностей в республике. Рядом с ним работали незаурядные личности: второй секретарь обкома КПСС Владимир Григорьевич Бирюков и секретарь по вопросам промышленности и строительства Леонид Васильевич Потапов.

Леонид Васильевич Потапов, работавший в Бурятском обкоме КПСС с 1976 года, в 1987 году был направлен в Туркменистан, где занял пост председателя Марыйского облисполкома, а позже — заместителя председателя Верховного Совета Туркменской ССР. В апреле 1990 года Потапов был избран первым секретарем Бурятского обкома партии, а в октябре 1991 года — председателем Верховного Совета Бурятской АССР. Русский, представитель четвертого или пятого поколения так называемых «семейных» переселенцев, он прекрасно владеет бурятским языком, хорошо знает нравы и обычаи барятов, разбирается в особенностях их древней культуры.

В 1994 году Леонид Васильевич стал первым президентом и одновременно главой кабинета министров Республики Бурятия. Он активно помогал энергетикам в решении всех вопросов, связанных с вводом энергетических объектов, обеспечением электростанций топливом, выбором площадки под строительство Улан-Удинской ТЭЦ-2, строительством теплотрассы в столице республики, реконструкцией Улан-Удинской ТЭЦ-1, строительством системообразующей ЛЭП-500 кВ Иркутск — Гусиноозерская ГРЭС.

Глубоко вникал в суть энергетических проблем республики и Владимир Григорьевич Бирюков. Деловые отношения с ним я сохранил и после того, как он возглавил отдел Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Работа в КПК не оказала на него своего негативного влияния: он всячески старался помочь всем, кто по неосторожности попадал в жернова этого карающего органа партии.

Еще в качестве главного инженера Госинспекции по эксплуатации электростанций и сетей мне приходилось бывать в Бурятии на расследованиях аварийных ситуаций, возникавших не только на электростанциях, но и в электрических сетях. Я лично принимал участие в выдвижении на пост директора Гусиноозерской электростанции Евгения Ивановича Карпенко, проработавшего впоследствии на этой должности более 15 лет. В должности заместителя министра по науке и технике я поддержал его идею — создать при Гусиноозерской ГРЭС научный центр по плазменному способу розжига угля, который возглавил сам Евгений Иванович, сначала совмещавший научную и административную деятельность, а затем полностью сосредоточившийся на научной работе в центре, что помогло ему защитить докторскую диссертацию.

В настоящее время Бурятия переживает такие же трудности, как и вся Россия, но энергетика по-прежнему остается основной базой, опираясь на которую можно добиться нового экономического подъема. В республике хорошо помнят тех, кто внес свою посильную лепту в создание этой базы. За вклад в развитие местной энергетической отрасли мне было

присвоено звание «Заслуженный энергетик Бурятской республики». А мое участие в работах по электрификации Байкало-Амурской железной дороги отмечено званием «Почетный гражданин» города Северо-Байкальска — столицы Байкало-Амурской магистрали.

Площадка Гусиноозерской ГРЭС расположена в красивейшем месте — в Загустайской долине, на берегу Гусиного озера, недалеко от границы с Монголией. Электростанция была запроектирована на сжигание углей расположенного рядом Холбольджинского разреза, освоение которого сильно отставало от роста мощностей Гусиноозерской ГРЭС. Из-за отставания вскрышных работ уголь на электростанцию поставляли с зольностью до 22–24% вместо 10–12%, положенных по проекту. Сжигание угля с повышенной зольностью привело к частым зашлаковкам котлоагрегатов, эрозийному износу поверхностей нагрева котлов. Требовалась постоянная подсветка факела мазутом. С годами качество угля Холбольджинского разреза еще более ухудшилось, и зольность достигла 24–30%. В связи с этим было принято решение по реконструкции котлоагрегатов первой очереди станции с переводом их на сухое шлакоудаление.

На Гусиноозерскую ГРЭС возлагались большие надежды. Протянутая от нее в Читинскую область тяговая линия ВЛ-220 кВ не только решала проблему электрификации Восточно-Сибирской железной дороги, но и обеспечивала параллельную работу Читинской энергосистемы с ОЭС Сибири. После ввода первого 200-мегаваттного блока на Хоронорской ГРЭС, что находится в Читинской области рядом с Хоронорским угольным разрезом, снабжающим топливом эту станцию, началось строительство линии электропередачи ЛЭП-500 кВ Гусиноозерская ГРЭС — Чита. Ввод этой линии должен был значительно усилить взаимодействие ОЭС Сибири с ОЭС Востока. В настоящее время построена ЛЭП-500 кВ на участке Иркутская энергосистема — Гусиноозерская ГРЭС, но перевод ее на проектное напряжение, к сожалению, затягивается.

Наращивание энергетических мощностей в Бурятии шло за счет строительства тепловых электростанций. Для усиления контроля со стороны Бурятэнерго за работой, направленной на развитие и повышение надежности эксплуатации тепловых энергообъектов, необходимо было назначить на должность главного инженера Бурятской энергосистемы опытного специалиста, который бы хорошо разбирался в теплоэлектростанциях. Наш выбор пал на директора Назаровской ГРЭС Вольдемара Карловича Шнайдера, уже фактически назначенного мной заместителем главного инженера Красноярской энергосистемы. Мы познакомились с ним во время проведения работ по реконструкции на Назаровской ГРЭС одного из котлов дубль-блока 500 МВт, когда пришлось заменять

традиционную топку котла на топку с высоконапорным вихрем. Бурятский обком партии сразу дал свое согласие на эту кандидатуру, а Красноярский крайком — с некоторыми колебаниями: не хотелось выпускать из края высокого профессионала-энергетика.

У Шнайдера, немца по национальности, была нелегкая судьба. Его семью во время Великой Отечественной войны выселили из Поволжья на север Сибири. Он вынужден был с самого детства терпеть унижения, связанные с необходимостью ежемесячно отмечаться в местных органах МВД. Дорога в институт для него была закрыта (высшее образование он получил заочно только с началом «оттепели»). Став инженером-теплотехником, Вольдемар Карлович понимал, что продвижение по службе ему могут обеспечить только усердие, трудолюбие, дисциплинированность и исполнительность.

Для одних жизнь складывается легко и без потрясений, а для других — это дорога испытаний, преодоления трудностей и препятствий. Вольдемару Карловичу «светил» только второй вариант. Вырвавшись из голодного детства, он не успел расправить крылья и создать семью, как погиб брат. Шнайдеру ничего не оставалось, как взять осиротевших племянников на воспитание. Помогал он и сестре, оставленной непутевым мужем с четырьмя детьми на руках. Потом произошла беда с сыном, студентом четвертого курса медицинского института: после серьезного заболевания ему ампутировали ногу. Тем не менее Вольдемар Карлович не терял присутствия духа, старался быть веселым, щедро оделяя всех вокруг своей лучезарной улыбкой. Боль он надежно прятал в глубине своего отзывчивого, доброго сердца. Энтузиазм и любовь не знают безвыходных положений.

Шнайдер много сделал на должности главного инженера Бурятской энергосистемы. Но я, каюсь, оторвал его от уже освоенного им места, переведя на другой, более тяжелый участок — на должность директора Экибастузской ГРЭС-1. Об этой знаменитой станции много говорили и писали. К ней было приковано внимание ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Много людских судеб было искалечено в ходе строительства этого крупного и значимого для страны объекта. Вокруг него словно витала гнетущая аура всеобщего психоза, что не могло не отразиться на состоянии Вольдемара Карловича.

С приходом Шнайдера обстановка на ГРЭС-1 резко пошла на улучшение. Работы на ней велись круглосуточно, под неусыпным контролем со стороны огромной властной пирамиды от Павлодарского обкома КПСС, ЦК Компартии и Совета Министров Казахстана до ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Казалось, что с любой горы — и малой, и великой — раздавались окрики, понукания, зычные нетерпеливые голо-

са представителей партийных органов и административных структур, действовавших по поручению партии.

В 1985 году итоги работы по вводу в строй и повышению надежности блоков Экибастузской ГРЭС-1 были признаны положительными. Шнайдер был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Он действительно был достоин этой высокой награды. Но трудности, одолевшие его на работе и дома, не могли не сказаться на его здоровье. Вольдемар Карловича мучила бессонница, хотя он никому не рассказывал о своем состоянии. Вскоре дала сбой психика. Насторожили некоторые его необычные распоряжения: он приказал снять двери с кабинета парткома и своей приемной. Свои указания Шнайдер обосновывал необходимостью обеспечить свободный доступ сотрудников к партийному и административному руководству. Когда министр энергетики и электрификации Казахстана Виктор Тихонович Казачков потребовал вернуть двери на место, Вольдемар Карлович прореагировал болезненно и раздраженно.

— Ты что, с ума сошел? — спросил его Виктор Тихонович. — Тогда тебе надо лечиться!

Прямого ответа на поставленный вопрос Шнайдер не дал, зато обрушил на Казачкова шквал грамотно изложенной и глубоко аргументированной критики, которая слово в слово повторялась в разных кабинетах: у самого министра, в Павлодарском обкоме партии, в ЦК Компартии и Совете Министров Казахстана. Казачков попытался уложить взбунтовавшегося директора станции в областную больницу, но Вольдемар Карлович оттуда сбежал. С тех пор министр энергетики и электрификации Казахстана стал для него врагом номер один. Пришлось вмешаться мне. Мое участие не вызвало явного противодействия Шнайдера. Более того, он нашел во мне благодарного слушателя, с юмором рассказывал о происходящих коллизиях.

Двери были повешены на место. Постепенно все стало забываться, но когда разговор заходил о Казачкове, лицо Вольдемара Карловича менялось, становилось серьезным и даже злым. Он мне заявил, что именно такие люди, как министр Казахстана, являясь рудиментами эпохи сталинизма, унижали его в детстве: «Для них не существует прав личности! — чуть ли не кричал директор станции. — Кто они есть? Рабы, холоуи, надзиратели, которым, чтобы выслужиться перед хозяевами, приходится проявлять удвоенную активность!»

Конечно, Казачков допустил ошибку, не поговорив с Вольдемаром Карловичем спокойно, по-человечески. Любой человек с распатанной нервной системой не замечает своих отклонений в поведении. Но стоит ему прямо заявить об этом, да еще сказать, что он чокнутый, неврастенок, шизофреник или сумасшедший, он вам этого никогда не простит.

Шнайдер писал стихи. Выходившие из-под его пера строчки были пропитаны болью. Адресованные России, ставшей для немца родной, стихи повествовали о трудной судьбе автора, об окружающих его людях. Каждое свое очередное стихотворение он прочитывал и дарил мне.

Однажды он явился ко мне в московскую квартиру часов в пять утра с бутылкой вина и какой-то папкой под мышкой.

— Ты чего так рано? — в недоумении спросил я его на пороге. — Еще трамваи не ходят... Откуда ты?

— Нахожусь в Москве в командировке, остановился у сестры, — бодро отрапортовал Вольдемар Карлович. — Весь вечер писал диссертацию и открыл новый всемирно значимый закон!

Далее он сказал, что всю ночь не спал, работал, что сухое вино помогает ему взбодриться, что он пришел от сестры пешком, чтобы как можно быстрее поделиться со мной своим историческим открытием.

Я понимал его состояние. Часа два, до ухода на работу, мы с ним проговорили. Я попытался внушить Шнайдеру, что открытый им закон «черной дыры» во Вселенной — важная тема для диссертации, но здесь много еще недоказанного, спорного. Вольдемар Карлович не слушал меня. Он был непреклонен, заявляя, что уже договорился с некоторыми институтами, которые обещали поддержать его исследование.

Ему действительно надо было срочно лечиться. Но первооткрыватель «черной дыры» уехал в командировку и в течение трех месяцев не появлялся на Экибастузской ГРЭС-1. Должность директора станции являлась номенклатурой отдела машиностроения ЦК КПСС. Я объяснил там сложившуюся обстановку и попросил перевести Шнайдера на более спокойную должность, например, заместителя главного инженера Красноярскэнерго. Это уже управляющий Красноярской энергосистемой Владимир Александрович Кузнецов проявил заботу и положил своего нового сотрудника в психиатрическую больницу, из-за чего стал для Вольдемара Карловича таким же непримиримым врагом, как и Казачков.

Когда Шнайдер вышел из больницы, он выглядел спокойным и уравновешенным, приступил к работе на новом месте. Мы знали, что Вольдемара Карловича нельзя было доводить до волнения, чтобы не сорвать хрупкое душевное равновесие. Этого не учел новый начальник Главвостокэнерго А. Ф. Федосюк. Зная о высоком профессионализме и огромном опыте Шнайдера, особенно в работе, связанной с пуском новых блоков 500 МВт, Александр Федорович переложил на него часть своих обязанностей при пуске первого блока 800 МВт Березовской ГРЭС.

Дисциплинированный и исполнительный, Вольдемар Карлович вновь погрузился в работу с головой. Пуск блока сопровождается, как правило, частыми стрессовыми ситуациями, губительными для сла-

бой психики. Блок был пущен — а у Шнайдера произошел очередной нервный срыв. Он безо всяких на то мотивов ушел из семьи, потом так же неожиданно вернулся. Руководство Красноярскэнерго не нашло ничего лучшего, как освободить его от должности заместителя главного инженера энергосистемы. Вольдемар Карлович перешел на завод металлоконструкций, что само по себе явилось для него глубокой душевной травмой.

В это время сын нашего героя выехал с семьей в Германию и наладил там свое дело. В сердце отца образовалась невосполнимая пустота. Вольдемар Карлович делился со мной своими переживаниями, которые изливал еще и в стихах. Вскоре сын прислал ему приглашение. Я помню нашу последнюю, очень душевную и теплую встречу перед его отъездом. Из Германии Шнайдер прислал мне большую открытку, в которой писал, что скоро вернется в СССР, на свою родину. Хорошая энергия чрезвычайно ранимого сердца этого необычного человека еще долго будет гудеть в проводах линий электропередачи, разбегающихся от электростанций Казахстана, Красноярского края и Бурятской республики.

Глава 27

Суровы разносы

Мало кто знает, каким образом к человеку приходит решение сделать очередной шаг в своем профессиональном росте. Что им руководит, когда он осмеливается оставить проторенную дорогу и вступает в неведомые для себя заросли новых проблем? Какие мысли просыпаются в бездне его души, чтобы в один прекрасный день он был готов сбросить уже растоптанные башмаки привычной обыденности и натянуть новые тесные сапоги с явной перспективой заполучить кровавые мозоли в самое неподходящее время? Мне известно одно: это решение возникает в силу необходимости, вызревает в муках, влечет за собой целый ворох нравственных переживаний, после которых уже не бывает пути назад, к спокойному существованию.

Мой переход в новое качество — на должность начальника Главвостокэнерго — произошел скачкообразно, без необходимых в этом случае этапов предварительного осмысления и психологической перестройки. Бывшего начальника Главвостокэнерго Александра Васильевича Максимовских критиковали на всех уровнях за неудовлетворительные экономические показатели, за допущенные отставания в развитии Канско-Ачинского комплекса и электросетевом строительстве, за аварийные остановки Гусиноозерской ГРЭС и другие недоработки. Им занимался даже Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. В конце концов его сняли с должности и отправили в ГДР на пуск блока-500, где он сменил Кима Николаевича Горского.

Название Главвостокэнерго вызывало в моем воображении вполне определенные представления. Это были сочные и яркие картины бескрайних сибирских просторов, безлюдного и холодного берега Северного Ледовитого океана, славного и священного моря — озера Байкал. Глядя на карту подведомственного мне региона, я любовался извивами могучих полноводных рек, разрезавших зеленый массив девственной тайги. Явственным для меня был кристально чистый воздух плоской, как стол, тундры — обиталища быстроногих оленей, Саянских гор и множества безымянных горных хребтов. Характеризуя сибирский край, декабрист Александр Александрович Бестужев-Марлинский пророчески писал:

«Сама природа указала Сибири средства существования и ключи промышленности... Дав ей обилие вод и лесов, она явно дает знать, что Сибирь должна стать страной фабрик и заводов». Сегодня любому школьнику известно, что Сибирь достаточно богата ресурсами, а ее жители давно сформировались в отдельную народность, и многие из них в графе национальность гордо пишут «сибиряк».

Главвостокэнерго и Сибирь — эти два слова звучали тогда для многих из нас, как равнозначные понятия, как синонимы. Главвостокэнерго было причастно к широкому строительству в Сибири крупнейших в мире комбинатов цветной и черной металлургии, химической, целлюлозно-бумажной, угольной промышленности, крупнейших гидроэлектростанций. В печати, на радио и телевидении постоянными были сообщения о ходе возведения Братской, Красноярской, Саяно-Шушенской, Усть-Илимской, Новосибирской ГЭС, Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, Братского алюминиевого завода. Средства массовой информации соревновались в доведении до советских людей срочных сообщений об очередном прорыве стальных опор сквозь непроходимую тайгу, через широкие речные поймы. ЛЭП-500 кВ стала символом романтики, грандиозной и величественной поступи новой жизни. Вся страна, от мала до велика, распевала в те годы популярную песню: «ЛЭП-500 — непростая линия...».

Но Главвостокэнерго — это еще и залитые жгучим солнцем просторы Средней Азии с легендарными городами-оазисами, неприступные горы Тянь-Шаня и знойные пустыни Туркмении. В ряду грандиозныхстроек почетное место занимали Токтогульская и Нурекская ГЭС, Сырдарьинская и Марыйская ГРЭС, Ташкентская и Фрунзенская ТЭЦ, шедшие одной строкой с не менее важными народнохозяйственными достижениями — рекордными сборами белого золота — хлопка. Это был наш среднеазиатский Восток, который ранее, в том числе и в ходе работы в Госинспекции, я воспринимал как что-то очень далекое, недостижимое.

Какой резкий контраст природных и климатических условий: от вечной мерзлоты Заполярья до сыпучих песков раскаленных пустынь! Объем стоявших передо мной задач читатель может себе представить только по одним названиям энергосистем Сибири и Средней Азии: Барнаулэнерго, Бурятэнерго, Иркутскэнерго, Красноярскэнерго, Кузбассэнерго, Новосибирскэнерго, Омскэнерго, Томскэнерго, Читаэнерго, Узбекглавэнерго, Таджикглавэнерго, Киргизглавэнерго и Туркменглавэнерго.

Если на прежней должности я преимущественно занимался контрольными функциями, то сейчас передо мной вставала стена проблем, связанных с персональной ответственностью за развитие энергетики в крупнейших регионах Советского Союза, каковыми являлись Сибирь

и Средняя Азия. В этих регионах быстрыми темпами шел процесс наращивания энергетических мощностей — основы развития производительных сил в расположенных здесь краях, областях и республиках, и я должен был найти в этом созидательном процессе свое место.

Приступая к работе в роли руководителя какой-либо организации, сразу начинаешь знакомиться с задачами, поставленными коллективу, то есть с планом его работы на текущий год. Эта же проблема встает во главу угла и при освобождении руководителя от должности, особенно с формулировкой, связанной с уходом не по собственному желанию: первое, на что указывают в перечне упущений, — «невыполнение плана». В условиях административно-командной системы план был законом на всех уровнях и для всех организаций, предприятий и учреждений.

От формирования сбалансированного по всем статьям плана зависит нормальный жизненный ритм трудового коллектива. Всегда хочется, чтобы такие плановые показатели, как численность сотрудников, уровень их зарплаты и количество жилья соответствовали определенным нормам. Но такое желание обычно влечет за собой завышение объемов капитальных вложений и перенапряжение при вводе в эксплуатацию завершенных объектов. Выполнение принятого плана-закона, определение путей его реализации и преодоления в связи с этим возникающих проблем — все это находится в прямой зависимости от умения, порядочности, целеустремленности и коммуникабельности руководителя.

За увеличение планов капитального строительства, выделение под них финансовых средств боролись, я бы даже сказал дрались, все руководители областей и краев, союзных и автономных республик СССР. Поэтому в планы строительства крупных электростанций и таких топливно-энергетических комплексов, как Канско-Ачинский, Экибастузский и Западно-Сибирский газовый, закладывались объемы капитальных вложений, явно превышавшие возможности строительно-монтажных организаций по их выполнению в установленные сроки.

Но в случае отставания от сроков, при невыполнении графиков и объемов капитального строительства на стройках начинался поиск виноватых. Генподрядная организация обвиняла заказчика во всевозможных нарушениях: то в несвоевременном предоставлении ей проектно-сметной документации, то в ее низком качестве, то в недопоставке или в поставке с нарушением сроков оборудования и так далее и тому подобное. Если заказчика зацепить было нельзя, тогда искали виновных в лице субподрядных организаций.

В строительном крыле Минэнерго СССР существовала целая система, направленная на снижение затрат при строительно-монтажных работах. Общие сроки ввода объектов в эксплуатацию сохранялись, но работы,

исключенные из пускового комплекса, переключались на эксплуатационный персонал. При утверждении пусковых комплексов вводимых в эксплуатацию объектов шло упрощение и сокращение их до последних пределов возможного. Если не успевают построить дымовую трубу по проекту — ставят временную. Если труба первой очереди уже введена, а вторая — отстает, то принимается решение подключиться к первой, из-за чего резко ухудшаются технико-экономические показатели у эксплуатационной организации. Но это, как считалось, были уже ее проблемы.

Политика урезывания объемов проводилась даже на стадии проектирования. Например, в машинном зале каждой электростанции должны быть ремонтные площадки — они исключались, и таким образом размер здания уменьшался на эту величину. Таким примерам, когда из пусковых комплексов исключались те или иные объемы с переключением недоделок на плечи эксплуатационных организаций, не было числа. Партийное руководство страны все это видело, знало, но требовало одного — выполнения планов по вводу объектов в эксплуатацию. И попробуй только заикнись о послаблениях в сроках! Сразу услышишь в ответ: «А где вы были раньше? Знали и не принимали своевременных мер?» Одним словом, как в пословице: «Что в шапке, что без шапки — все равно дурак».

Несмотря на то что все объемы капитальных вложений и планы ввода объектов в строй проходили согласование в эксплуатационных структурах, которые накладывали отрицательную резолюцию, однако руководители республик, краев, областей, главков и энергосистем как-то больше прислушивались к мнению строителей. С одной стороны, это вроде бы правильно, поскольку от строителей зависит в основном выполнение планов по освоению капитальных вложений и вводу объектов в эксплуатацию. Но часто возникали случаи, когда краю, области или республике надо было что-то построить, а денег для этого не было, и в плане оно не предусмотрено. Начиналась процедура улаживания строительно-монтажных организаций (СМО), зачастую переходившая в угрозы. От СМО, например, требовали, как это было принято по тогдашней терминологии, «оказать помощь сельскому или коммунальному хозяйству той или иной республики (края, области) в строительстве школы или больницы». При попытке доказать, что в плане эта стройка не предусмотрена, звучал контраргумент: «Вы начинайте строительство, а мы добьемся включения его в план — и все будет законно». Получается, как в анекдоте о Феде, которого просят пожарить рыбу. «Где рыба?» — спрашивает Федя. — «Ты, Федя, жарь, а рыба будет».

Многие поднаторевшие руководители строительно-монтажных трестов, заведомо зная о проблемах, существующих в тех регионах, где они состоят на партийном учете, сами старались потрафить местному руко-

водству, предлагая (без согласия Минэнерго СССР) оказать помощь в том или ином строительстве. «Что касается финансирования и включения в план, то этого, — говорят такие «доброхоты», — мы будем добиваться вместе, а пока будем покрывать затраты за счет плановых объектов, нигде в официальной отчетности их не показывая...»

Существовала целая система проверок хода капитального строительства энергетических и других объектов Минэнерго СССР. Она осуществлялась с выездом на стройки по графику представителей заказчика. Это могли быть такие должностные лица, как начальник главка или его заместители, заместитель министра энергетики и электрификации СССР по эксплуатации или представители строительного-монтажных структур Минэнерго СССР того же уровня: начальники строительного-монтажных главков, их заместители или заместитель министра по строительству, курирующий эти главки.

Очень тяжелый осадок оставила у меня в душе одна такая поездка в город Кемерово в составе большой группы строителей и монтажников во главе с Петром Сергеевичем Суровым, занимавшим в это время должность заместителя министра энергетики и электрификации СССР по строительству. До 1980 года он работал на строительстве газоперерабатывающих заводов в Оренбургской области, был главным инженером, начальником управления Оренбургэнергострой Минэнерго СССР. С 1980 по 1982 год Суров был инструктором отдела машиностроения ЦК КПСС. На работу аппарата Минэнерго СССР он, «ответственный партийный работник», смотрел из окна здания на Старой площади.

Мне трудно оценивать Сурова как строителя. Но методами ни за что не отвечающего функционера, наделенного неограниченным правом контроля и оценки, он, видимо, владел в совершенстве. Он любого мог «вывернуть наизнанку», если чувствовал, что эта жертва нужна партийному начальству. И вот что было странно: в повседневной обстановке Петр Сергеевич казался пусть немного тщеславным, но все-таки обычным — дисциплинированным, требовательным, умеющим перехватить инициативу — человеком, сполна и искренне отдающим себя делу. А на официальных совещаниях, особенно в присутствии высоких местных партийных работников или — чего уже более! — представителей ЦК КПСС, он буквально преображался, становясь человеком-начетчиком, начиненным одними догматическими постулатами.

Суров разговаривал с людьми сухим, казенным языком, постоянно напоминая им о партийной дисциплине и ответственности, к которой они могут быть привлечены. И если в поле его «разборки» попадал сотрудник из подчиненного ему подразделения, то решение о снятии с работы становилось делом почти обыденным. На его примере я еще раз

убедился, что никто так не кичится внешними проявлениями власти, как тот, кто недавно к этой власти приблизился. Я много раз вместе с ним присутствовал на различных совещаниях и в должности начальника Главвостокэнерго, и в качестве его равноправного коллеги — одного из заместителей министра энергетики и электрификации СССР. И всегда наши взаимоотношения носили жесткий, почти конфронтационный характер: ни он, ни я не допускали и мысли о каком-либо вмешательстве в сферу деятельности друг друга.

Мы выехали вместе с Суровым в Кузнецкий угольный бассейн, в регион, который средства массовой информации того времени по праву называли «всесоюзной кузницей», «кочегаркой» Советского Союза. Этот регион вписал в историю страны славные страницы, посвященные индустриализации Сибири, повышению оборонной мощи Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. «Черное золото» Кузбасса помогало восстановлению народного хозяйства СССР в послевоенные годы. Быстрыми темпами развивались такие отрасли промышленности, как энергетика, черная и цветная металлургия, базировавшиеся на использовании высококачественного каменного угля. Здесь построены известные на всю страну Беловская ГРЭС (г. Белово, Кемеровская обл.), Томь-Усинская ГРЭС (г. Мыски), Западно-Сибирская ТЭЦ (г. Новокузнецк), Кемеровская ГРЭС и Новокемеровская ТЭЦ.

Кемерово являлся центром Объединенной энергетической системы Сибири. Здесь находились ОДУ Сибири и зональный орган Государственной инспекции по эксплуатации электростанций и сетей. ОДУ Сибири возглавляли опытейшие специалисты, много сделавшие для обеспечения статической и динамической устойчивости Объединенной системы Сибири. Начальником ОДУ был Владимир Николаевич Ясников, главным диспетчером — Евгений Владимирович Каминских, заместителем начальника — Моисей Давидович Шевкинд. Развитием энергетических мощностей занималась Кузбасская энергетическая система — Кузбассэнерго. В этой энергосистеме сформировался как инженер и приобрел качества масштабного руководителя Константин Сергеевич Сторожук. С 1972 года Кузбассэнерго возглавлял опытный инженер-энергетик Герасим Михеевич Полонянкин.

Вместе с нашей группой в осмотре энергетических и других объектов (уже введенных в действие и находившихся в стадии строительства) принимал участие секретарь Кемеровского обкома партии Вадим Викторович Бакатин, ведавший вопросами строительства. С этим человеком, через которого проходили вопросы формирования и финансирования планов, у меня не было особых контактов. Не знаю почему, но, в отличие от секретарей других обкомов, он не занимался в нашем главке форми-

рованием планов капитального строительства по энергетике. Наверное, уровень Главвостокэнерго был для него слишком мал, или он сознательно ограничивал себя контрольными функциями стороннего наблюдателя, ожидая, куда кривая выведет. Я знал, что взаимоотношения между Кемеровским обкомом КПСС и руководителями трестов и управлений были весьма хрупкими, хотя питал надежды, что они когда-нибудь все-таки улучшатся.

В Кемеровской области, кроме Кузбассэнерго с ее электростанциями, предприятиями электрических сетей и другими структурами, размещался крупный трест Кузбассэнергострой. Этот трест в последние годы подвергался постоянной критике, но его коллектив набирал силу и уже выполнял плановые задания, особенно после прихода молодого управляющего Михаила Антоновича Косинова. Другим не менее крупным трестом в области был возглавляемый Вениамином Евгеньевичем Катаровым Кузбассгидроэнергострой, занимавшийся строительством Крапивинского водохранилища. Здесь же размещались мощный трест Электросибмонтаж во главе с управляющим Виталием Деомидовичем Алексеевым и два управления строительства: Беловской и Томь-Усинской ГРЭС.

Знакомство с положением дел на энергетических объектах области Суров начал с Новокемеровской ТЭЦ, директором которой был хороший организатор, настоящий хозяин, специалист своего дела Анатолий Петрович Хлебников. Электростанция выполняла все плановые показатели по выработке электроэнергии и тепла, успешно вела строительство нового котла и турбогенератора. Здесь, правда, было еще много недоделок, но строительные и монтажные организации принимали эффективные меры по их скорейшему устранению. К этой работе подключился даже эксплуатационный персонал. Но Петр Сергеевич посчитал, что эксплуатационники оказывают недостаточную помощь строителям и монтажникам, хотя последние уверяли его в обратном. Шагая по территории, покрытой недавно выпавшим снегом, Суров устроил Хлебникову оскорбительный разнос. Грубиянам всегда доставляют наслаждение сцены унижения человека с чуткой душой.

Суров, не обращая ни на кого внимания, двигался, как Наполеон, от административного здания к машинному залу станции не по расчищенной дорожке, а напрямую. С одной стороны за ним следовал Бакатин, а с другой — Хлебников. Анатолий Петрович, человек исполнительный и дисциплинированный, растерялся под напором незаслуженных обвинений. Было видно, что Бакатину неприятная сцена нравилась.

Петр Сергеевич с каждым шагом все сильнее входил в педагогический раж. В какой-то момент Анатолий Петрович словно переломился: он провалился одной ногой в колодезь еще не сданной в эксплуатацию промыш-

ленно-ливневой канализации, предназначенной для отвода ливневых и талых вод, а также отработанной технической воды. Оказывается, крышка колодца была сдвинута, но под толстым слоем снега заметить это было невозможно. Директор громко вскрикнул от боли, а Суров, прекрасно видевший, что случилось, вместо оказания немедленной помощи продолжал свои назойливые нравоучения. Бакатин невозмутимо стоял в стороне.

Все мы, кто шел в десяти-пятнадцати шагах сзади руководства, бросились на помощь Анатолию Петровичу и вытащили его из колодца. Но Суров, даже не спросив Хлебникова, как тот себя чувствует, продолжал обход электростанции. В течение целого часа бедный директор, волоча ногу, весь в испарине, с трудом плелся вслед за заместителем министра.

Потом все собрались в кабинете Хлебникова. Суров решил первым заслушать директора. Кротость при столкновении с хамством, как правило, терпит поражение. Видя, что Анатолий Петрович вот-вот потеряет сознание, я обратился к Сурову:

— Что вы его мордуете? Его надо срочно отправить в больницу! Я сейчас вызову скорую помощь.

Я попросил Полонянкина вызвать «неотложку». Приехавшие врачи сразу определили, что у Анатолия Петровича сложный перелом берцовой кости со смещением. Рентгеновский снимок подтвердил этот диагноз.

В кабинете повисла гнетущая тишина. Бакатин, чтобы как-то разрядить обстановку, обратился к Сурову с перечислением каких-то претензий в адрес управляющего Кузбассэнергостроя Косинова, который якобы не выполнил дополнительные объемы капитального строительства, начатого по поручению областного комитета партии в целях оказания помощи сельскому хозяйству. При этом обком предложил это сделать за счет финансирования какого-нибудь планового энергетического объекта. Это уже выглядело, как прямое вмешательство в планы Главвостокэнерго. Михаил Антонович было заикнулся: «Если выделите деньги — выполним...».

Суров, словно разъяренный лев, набросился уже не на эксплуатационника, а на строителей, явно пытаясь отыгаться на них после случая с Хлебниковым. Теперь уже стали «раскладывать» Косинова. Когда руководитель треста в своем объективном докладе о положении дел в своей структуре выразил просьбу все-таки профинансировать дополнительные объекты, на него посыпались обвинения во всех смертных грехах, в том числе и в нарушении партийной дисциплины. Вот какой вывод был сделан в результате заслушивания: «Освободить Косинова М. А. от должности управляющего трестом Кузбассэнергострой».

Руководители, которые доказывают свое превосходство, оскорбляя подчиненных, никогда не вызывали у меня чувства симпатии. Я не выдержал:

— Петр Сергеевич, разве можно так вести себя заместителю союзного министра? Ведь вы здесь — впервые и не во все вопросы вникли достаточно глубоко, чтобы решать все наотмашь. Наше министерство проделало огромную работу, по крупицам устанавливая хорошие контакты с руководством области: положительные сдвиги в этом направлении налицо. А вы вместо того, чтобы поддержать наших руководителей, давите их в присутствии представителей Кемеровского обкома КПСС!

Я перевел дух и продолжил, еще более распаляясь:

— Что касается снятия Косинова с занимаемой должности... Он — не мой подчиненный, но руководитель подрядной организации, выполняющей плановую работу в подчиненном мне главке. Я категорически возражаю против такого решения и через министра буду добиваться его отмены!

Потом обратился к Бакатину:

— Вадим Викторович, а вы-то что молчите? Ведь вы тут не постороннее лицо, а секретарь обкома КПСС! Почему вы соглашаетесь с необъективной оценкой человека: такой легкий подход к кадрам не способствует авторитету партийного органа, который вы представляете. Ничего хорошего из этого не выйдет, кроме разброда и шатания в строительных коллективах!

В кабинете опять установилась тишина. Суров и Бакатин переглянулись, вполголоса обменялись мнениями, после чего Петр Сергеевич объявил:

— Завтра мы вместе с Вадимом Викторовичем доложим первому секретарю обкома КПСС Леониду Александровичу Горшкову о положении дел и своих предложениях по наведению порядка.

Я немедленно парировал:

— А почему вы пойдете без меня, начальника Главвостокэнерго — заказчика всех объектов? Это — нонсенс! В таком случае мы, руководители всех организаций Минэнерго СССР, пойдем ко второму секретарю обкома Василию Ивановичу Ситникову и проинформируем его об этой разнузданности, не идущей никому на пользу.

Встреча с Горшковым так и не состоялась: его не было на рабочем месте. Нас же второй секретарь обкома КПСС Ситников принял. Мы доложили ему о положении дел со строительством объектов энергетики, он разделил наши оценки и не согласился с освобождением Косинова от должности.

Улетая на следующий день в Москву, я увидел в депутатском зале аэропорта Сурова и Бакатина, сидевших за отдельным столиком. Потрясенный вчерашним разговором, я не смог преодолеть борющихся во мне чувств и прошел мимо, сделав вид, что не заметил «сладкую парочку».

Я прилетел в Москву раньше Сурова и сразу доложил о происшедшем в Кемерово первому заместителю министра по капитальному строительству П. П. Фалалееву и министру энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожнему, высказав свою точку зрения по всем вопросам, в том числе и кадровым. Суров по возвращении в Москву поставил вопрос о снятии с должности Косинова, но не получил на это согласия. Более того, ему было рекомендовано изменить методы и стиль работы, жить интересами отрасли. Ему прямо было сказано: «Вы — не инструктор ЦК КПСС, а организатор производства. Воспитывая руководителей, вы должны руководствоваться объективными обстоятельствами, а не личными капризами».

Впоследствии Суров занялся самым настоящим «сепаратизмом»: заручившись поддержкой каких-то функционеров из ЦК КПСС, попытался образовать выделенное из Минэнерго СССР некое министерство по строительству промышленных объектов. Ему ли было не знать, что Москва гасила и не такие «благие» порывы. Когда у него ничего из этой затеи не вышло, он перешел на другую работу вне стен Минэнерго СССР.

Повышение по должности не избавляет от трудностей, а добавляет их, расширяет круг ответственности. Некоторые «доброхоты» в министерстве начали мне подсказывать, что аппарат Главвостокэнерго надо разогнать и заменить. Но я решил сам разобраться со всеми вопросами на месте. Работая в Госинспекции, я не уволил ни одного человека и не был намерен освободиться от кого бы то ни было и здесь, на новом месте. На мой взгляд, кадры в главке были нормальные, главное — найти с ними общий язык.

Главным инженером Главвостокэнерго был сибиряк пенсионного возраста Иван Николаевич Романов — масштабная, нетривиальная личность. На должности заместителя начальника главка по капитальному строительству работал Вениамин Сергеевич Тимошин, энергичный, предельно честный и добросовестный человек, много сил отдавший развитию сибирской энергетики. Заместителем начальника главка по вопросам топливообеспечения был Сергей Владимирович Сохранский, внешне спокойный, но очень ответственный человек, прекрасно знавший топливный баланс энергетических систем Сибири. Большую помощь в работе по наведению порядка в аппарате главка и энергосистемах Главвостокэнерго на первых порах оказал мне Иван Алексеевич Матвеев, мой помощник по кадрам, профессиональный военный, пришедший в нашу отрасль с должности заместителя командующего войсками Московского военного округа ПВО. К сожалению, всех троих сегодня нет в живых. Но память о них запечатлена в каждом киловатте электроэнергии, выработанной сибирскими электростанциями. Их труд материализован в свет и тепло, которыми пользуются нынешние жители Сибири. Начальником технического отдела Главвостокэнерго был Сергей Александрович Ткаченко,

прошедший школу производственного мастерства в Красноярской энергосистеме. Насколько я помню, ему были присущи организаторские способности, он обладал интуитивным психологическим чутьем.

Руководить огромным коллективом специалистов — это большая ответственность. Я бы сравнил эту деятельность с работой дирижера, от которого зависит не только характер исполнения музыки. Ведь одну и ту же симфонию можно исполнять как совершенно разные произведения: один дирижер хорошо чувствует форму, другой — каждую тончайшую модуляцию, третий вообще не обращает внимания на детали. Мне же пришлось начинать традиционно — с налаживания жесткой системы контроля.

Любой коллектив делится на группы так называемых пристрастий: так спокойная поверхность морской воды порой скрывает в глубине опасные рифы. Каждая из этих групп, вроде следуя в фарватере общих указаний и правил поведения, тем не менее отдает предпочтение тому или иному руководителю, так сказать своему «неформальному лидеру». Подобные лидеры могут до поры до времени держать себя в узде и не давать волю неумным желанием, либо сразу вылезают наружу для открытого боя.

Мои «оппоненты» вылезли сразу. Ими оказались секретарь партийной организации Сергей Федорович Косиковский, председатель профсоюзного комитета Виталий Дмитриевич Лапин и заместитель начальника главка Сергей Владимирович Сохранский. Они не были моими противниками. Их позиция выражалась в следующем: «Ничего, Максимовских у нас тоже сначала дергался. Сейчас Дьяков немного потрясется и успокоится, а если нет, то мы его в течение двух-трех месяцев живо приведем в чувство!» Об этих своих мыслях они поведали мне впоследствии, во время откровенного разговора в дружеской обстановке.

Уверенный в правоте своих действий, я смотрел фактам в лицо и за короткое время сумел мобилизовать коллектив на слаженную работу. Четко распределив обязанности между всеми работниками главка, я ввел в обиход старый как мир стиль руководства. Он сводился к определению опережающих заданий для каждого, к четкой постановке задач и к своевременному спросу за их выполнение. Это была система контроля и высокой требовательности.

Прошло около трех месяцев, но я не «унимался». Коллектив заработал как единый механизм, а те, кто планировал «привести меня в чувство», быстро забыли о своей идее и стали активно сотрудничать со мной. Руководитель работает на глазах огромного количества людей. Поэтому ему, как обнаженному натурщику, стоящему на возвышении в центре хорошо освещенного зала под перекрестными взглядами, нельзя позволить себе ни расслабиться, ни излишне напрячься — все эти состояния сильно влияют на качество картины.

Глава 28

Начальник Главвостокэнерго

Заступив на новую должность, я в первую очередь начал со знакомства с руководящим составом, исполнительным аппаратом и техническим персоналом подчиненных главку энергосистем, с установления деловых контактов с партийным руководством края, областей и республик, входивших в зону деятельности главка. С этого времени жизнь моя стала еще более динамичной: из самолета — в автомобиль, из автомобиля — в вертолет. Для всех подчинявшихся главку энергосистем я установил порядок ежедневных (с 7 до 8 утра) докладов о положении дел. Об аварийных ситуациях мне должны были докладывать немедленно, в любое время суток.

А докладывать было о чем. В зиму мы входили с большими проблемами. В течение последних восьми-десяти лет по вине Госплана СССР были сработаны запасы воды в водохранилище Братской ГЭС. Достиг низкой, ближе к естественной, отметки уровень воды в Байкале. Оскудели запасы топлива на тепловых электростанциях Сибири, поэтому недовыработку электроэнергии на гидроэлектростанциях перекрыть было нечем. Низкими были запасы воды в водохранилище Красноярской и строившейся Саяно-Шушенской ГЭС: на ней было введено лишь три гидроагрегата на пониженных напорах. Конечно, кто-то был виноват в этих упущениях. Но уже не было времени на поиск виновных, нужны были срочные меры, поскольку ситуация выглядела не совсем так, как ее представляли.

На каждом совещании, проходившем по инициативе ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Минэнерго СССР, где обсуждались вопросы подготовки энергосистем к зиме, начальник ОДУ Сибири Владимир Николаевич Ясников доходил до крика. Он пытался доказать, что в объединенной системе Сибири из-за дефицита мощности в самый неподходящий момент может произойти аварийная ситуация с тяжелыми последствиями для народного хозяйства. Но все, от кого зависело решение вопроса, не обращали на это внимания, надеясь, как всегда, на «авось».

Со всех сторон я слышал обвинительные возгласы: «Вы сработали водохранилище Братской ГЭС и воду Байкала! Как это можно — сработать

такое уникальное озеро?» Я отвечал, что криками делу не поможешь. Естественный уровень воды в Байкале не может быть выше уровня воды в Ангаре. А проект Иркутской ГЭС был выполнен таким образом, что колебания уровня воды в Байкале происходят в пределах уровня дополнительных накоплений. Где взять дополнительную воду? «Со строительством в южной части Иркутска плотины Иркутской ГЭС, — просвещал я своих оппонентов, — пойма реки Ангары превратилась в водохранилище. Берега Ангары позволяют накопить воду до уровня Байкала и поднять уровень в озере сверх естественной нормы до полутора метров. То есть возникает возможность включения Байкала со своей дополнительно накопленной водой в процесс выработки электроэнергии на Иркутской ГЭС».

Но крикунам не терпелось совершить что-то грандиозное. Ведавший вопросами энергетики заместитель председателя Госплана СССР Аркадий Мартынович Лалаянц предлагал даже взорвать Шаман-камень, чтобы спустить воду из Байкала. Он не понимал, что Шаман-камень — это не какой-то незначительный выступ, а вытянутое на семь-девять километров скальное плато, которое взорвать просто невозможно. Об этом даже нельзя было думать. Это было бы кощунством и по отношению к самой природе, и по отношению к Байкалу. Пойти на такой шаг означало совершить преступление международного масштаба.

Я категорически выступал против такого решения. Но никто серьезно не занимался Байкалом — даже после серии общественно-экологических мероприятий, направленных на его защиту, даже после выхода соответствующего постановления ЦК КПСС. Все ограничивалось организационно-административными мерами, поиском «крайнего». Примерно через год состоялось заседание Политбюро ЦК, на котором «за несоблюдение экологических норм» был объявлен выговор начальнику Главного технического управления Минэнерго СССР Виталию Ивановичу Горину. Я в это время находился в отъезде.

Нужно было срочно что-то предпринимать. Во время обсуждения на одном из заседаний коллегии министерства вопроса о скорейшем восстановления гидроресурсов Сибири я заговорил о выделении энергосистем Сибири из параллельной работы в составе ЕЭС. Сама постановка вопроса для многих прозвучала, как взрыв атомной бомбы. «Как же так! — раздались удивленные голоса. — Ведь мы регулируем энергонагрузку в Центральной России за счет воды в Сибири!» Я сказал, что если мы этого не сделаем, то не сможем восстановить энергоресурсы Сибири. После долгих дебатов мне удалось с декабря 1982 года добиться перевода объединенной системы Главвостокэнерго на самостоятельный саморегулируемый режим. Этот шаг позволил в течение двух лет восстановить гидроресурсы и заполнить все водохранилища.

Мне и раньше не надо было доказывать, что электричество — это своего рода кровь, которая, циркулируя по Сибири, окончательно пробудит исполина к жизни, вольет в его мускулы молодость, энергию, мощь. Но, став начальником Главвостокэнерго, я понял, как трепетно следует распоряжаться сибирскими энергетическими богатствами. На примере многолетней, порой бездумной, эксплуатации природы Сибири поневоле начинаешь понимать истинную разницу между добром, как намерением, и злом, которое из этого намерения вытекает.

Дело в том, что в стране наблюдалось общее отставание по выполнению планов добычи угля и другого органического топлива. Для того чтобы свести баланс по стране в целом и по Минэнерго СССР в частности, Госплан СССР делал ставку на выявление виноватого в лице Главвостокэнерго, закрывая весь дисбаланс в топливе непродуманным увеличением выработки электроэнергии на сибирских гидроэлектростанциях. При этом совсем не принималось в расчет то обстоятельство, что главк наряду с другими ведомствами страны должен был отвлекать значительные силы и средства на участие в широкомасштабных работах, в том числе и связанных со строительством Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК).

Планам по созданию КАТЭК придавалось поистине эпохальное значение. Проектирование энергетической части комплекса в 1964–1965 годах осуществило Томское отделение института Теплоэлектропроект. В 70-х годах XX века к проектным разработкам КАТЭК подключились другие институты страны. Полным ходом строительство комплекса развернулось в 1972 году — после того, как город Красноярск посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Как известно, в рамках этого огромного, не до конца продуманного, проекта предполагалось построить десять электростанций мощностью по 6400 МВт каждая. Топливной основой комплекса должны были стать залегающие на поверхности бурые угли, которые можно добывать открытым, вскрышным, методом. Из-за способности к самовозгоранию бурые угли нельзя транспортировать на длинные расстояния. Но есть у них одно несомненное достоинство: низкое содержание серы (до 0,4%). Тогда подсчитали, что если добыча бурого угля будет составлять примерно по одному миллиарду тонн в год, то его запасов хватило бы на 660 лет. Правильно говорил один политический деятель: «Язык нам дан для того, чтобы скрывать свои мысли, а мысли — для того, чтобы оправдывать поступки». Так, первая очередь Березовской ГРЭС-1 возводилась почти 14 лет. Из всей запланированной программы пока введено два блока по 800 МВт. Пуск первого энергоблока состоялся 1 декабря 1987 года, второго — в апреле 1990-го.

Так что главной задачей, стоявшей перед Главвостокэнерго, было наращивание необходимых мощностей. 1981-й был самым тяжелым годом: все было направлено на подготовку к зиме на фоне острого топливного дефицита при сработанных запасах воды на станциях. Я регулярно доводил до руководства министерства информацию о поставках топлива для тепловых электростанций, заострял эту проблему на еженедельных совещаниях, направлял письма за подписью Непорожного в адрес первого заместителя председателя Совета Министров СССР Ивана Васильевича Архипова, заместителя председателя Совета Министров СССР Вениамина Эммануиловича Дымшица и соответствующих должностных лиц Госплана СССР. Докладные записки о запасах топлива на тепловых электростанциях Сибири систематически поступали от меня в отдел ЦК КПСС. Я везде и всюду неутомимо проводил свою линию: «Дайте топливо!» Одним словом, бил тревогу, чтобы спасти энергетику в связи с нехваткой воды, которая была сработана раньше. Конечно же, находились люди, недовольные моей позицией. Громче всех шумел Лалаянц, а Ивановских из Госснаба все время возмущался: «Что он от нас еще требует? Что смогли, то и отдали». «Топлива!» — твердо отвечал я.

Коварство ситуации состояло в том, что при решении общесоюзной, может быть, даже глобальной, проблемы вышестоящее руководство выступало в привычных для себя ролях потусторонних наблюдателей и хотело получать правильные, но кем-то подготовленные решения. А когда им говорили: «Мы же с вами находимся в одной лодке!» — они тут же парировали: «У нас своя компания, у вас — своя». Банальный путь истины — сначала того, кто первый ее озвучил, распинают, потом к ней привыкают, а потом и вовсе говорят: «Нам все это давно уже известно». Никто не брал на себя ответственность за решение вопроса о топливе. Все совещания в Совмине СССР по этим вопросам закрывались формальными бюрократическими протоколами.

В начале 80-х годов высший чиновничий аппарат, скованный инерцией застоя, охватившего все области народного хозяйства, стал уже неуправляемым. Высшие эшелоны были заняты только собой, что наглядно продемонстрировал XXVI съезд КПСС. В звездопаде наград, что обрушился на «дорогого товарища Леонида Ильича Брежнева», не оказалось разве что ордена «Мать-героиня». Почетное оружие с золотым Гербом СССР, комсомольский билет № 1, Ленинская премия по литературе, километры телеграмм, в которых партийно-государственные мужи состязались в лести. Все говорило о том, что партия дряхлаела вместе со своим генсеком. Страна катилась к перестройке...

Однако инерция жизни еще заставляла вертеться колеса огромного народнохозяйственного механизма. На моих глазах мощные темпы на-

бирала энергетика Красноярского края. Здесь шло строительство Саяно-Шушенской ГЭС, разворачивались, хотя и с большим трудом, работы вокруг Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, Красноярск обогревала еще только строившаяся Красноярская ТЭЦ-2, шли работы по закладке ТЭЦ-3. Однако введенная Красноярская ГЭС с установленной мощностью 6 млн. кВт не могла функционировать на полную нагрузку по причине незавершенности работ по обеспечению защиты прибрежных территорий Енисея от затопления в нижнем бьефе.

Энергетики возводили в крае новые города — Дивногорск, Черемушки, Солнечногорск, Шарыпово. В городе Минусинске ни на один день не прекращалось строительство собственной ТЭЦ: первый энергоблок был запущен в декабре 1997 года. На севере, в зоне вечной заполярной мерзлоты, шло освоение Усть-Хантайской ГЭС (440 МВт), предназначенной для электрообеспечения города Норильска и Норильского горно-металлургического комбината. Для энергоснабжения Игарки, Туруханска и всех прилегавших территорий строилась Курейская ГЭС. С освоением энергетического потенциала реки Ангары в Сибири началось ускоренное развитие алюминиевой, химической, целлюлозно-бумажной и других отраслей промышленности. Гигантскими шагами шло наращивание производительных сил на этой огромной территории.

Решением этих грандиозных задач занимался аппарат РЭУ Красноярскэнерго во главе с управляющим Владимиром Ивановичем Иванниковым, молодым, энергичным инженером-теплотехником, получившим большой опыт во время работы на Назаровской ГРЭС с блоками 150 и 500 МВт. Главным инженером — заместителем управляющего был профессионал своего дела Олег Александрович Кучерявый, инженер-электрик, эрудированный, но недостаточно требовательный к своим подчиненным руководитель.

С первого дня работы на должности руководителя Главвостокэнерго я ощутил всестороннюю поддержку со стороны первого секретаря Красноярского крайкома КПСС П. С. Федирко. Павел Стефанович — родом из Краснодарского края. Природа подарила этому человеку сильную хватку, расчетливый и трезвый ум. Павел Стефанович славился своей щедростью, готовностью прийти на помощь друзьям и даже случайным знакомым, если этого от него требовали интересы дела.

В памяти хорошо сохранилась история, связанная с Иванниковым. Весной 1982 года Владимир Иванович допустил одну серьезную бестактность: в нетрезвом виде появился в крайкоме партии. Ему сразу же предложили написать заявление об увольнении по собственному желанию, что он и сделал, причем почерк ясно говорил о его состоянии. В крайкоме мне сказали, что Владимир Иванович — хороший руководитель и специ-

алист, поэтому его надо перевести на руководящую техническую должность. Своим приказом я освободил Иванникова от должности управляющего РЭУ и после долгой воспитательной беседы назначил заместителем главного инженера по теплотехнической части Красноярскэнерго.

Крайком партии к судьбе бывшего руководителя краевой энергосистемы отнесся по-человечески, но близкое окружение и так называемые «соратники» Владимира Ивановича, буквально несколько дней назад певшие ему в моем присутствии дифирамбы, резко от него отшатнулись. Еще раз, теперь на примере другого руководителя, я убедился, какова цена «искренности отношений» в подчиненном коллективе. Пока ты у власти, на тебя смотрят влюбленными глазами. Но не дай Бог оступиться, упасть. Я пришел к выводу: если тебя хвалит зависящий от тебя подчиненный — немедленно от него избавляйся. Хотя, к большому сожалению, сделать это не всегда удается.

Освобождая Иванникова от должности и поручая обязанности управляющего РЭУ главному инженеру Олегу Александровичу Кучерявому, который, кстати, первым отшатнулся от своего бывшего начальника, я превысил свои полномочия: должность управляющего одной из крупнейших энергосистем была номенклатурой отдела машиностроения ЦК КПСС. Мне пришлось давать устные объяснения. Некоторое время спустя, когда на должность управляющего я представлял Валентина Ивановича Брызгалова, заведующий сектором отдела машиностроения ЦК КПСС Владимир Михайлович Фролышев по-отцовски меня пожурил:

— Взвешивай свои решения, не рискуй. С ЦК КПСС, как и с огнем, играть нельзя. Иначе сгоришь, как мотылек.

Для меня это стало уроком. К моей большой радости, Иванников не подвел, оказавшись сильным, волевым человеком. Он защитил кандидатскую диссертацию, получил степень кандидата технических наук и преподавал по совместительству в Красноярском политехническом институте сначала в звании доцента, а потом профессора. Через несколько лет он снова занял должность управляющего Красноярскэнерго. Ведь Брызгалов тогда на эту должность идти не хотел. Под давлением крайкома партии он согласился поработать временно, не оставляя при этом мысли вернуться назад, на Саяно-Шушенскую ГЭС, что впоследствии и сделал.

В Красноярском крае действовали мощные энергостроительные организации. Среди них — трест Катэкэнергострой (г. Шарыпово), возглавляемый Владимиром Афанасьевичем Гурьевым и Красноярскгэсстрой под руководством Станислава Ивановича Садовского. Свой путь в энергетике Садовский отсчитывал с середины 50-х годов, когда принимал участие в строительстве Сталинградской ГЭС-1 и других гидротехнических сооружений. В 1975 году он был назначен начальником управления строитель-

ства крупнейшей в мире Саяно-Шушенской ГЭС. Эта уникальная станция была построена и вышла на проектную мощность 6400 МВт всего за десять лет во многом благодаря его организаторскому таланту и самоотверженной работе созданного им инженерно-технического коллектива. Работать с Садовским было интересно, а главное — результативно.

Главным инженером Красноярскгэсстроя был гидростроитель-энергетик высочайшего класса Кирилл Константинович Кузьмин, носивший звание «Снежный барс». В августе 1959 года заслуженный мастер спорта, один из сильнейших советских альпинистов Кузьмин проложил путь к высочайшей вершине СССР — пику Коммунизма по его южному контрфорсу. Участник Великой Отечественной войны, Кирилл Константинович был одним из соавторов проекта Асуанского гидроузла, а впоследствии — экспертом при ЮНЕСКО.

Близко познакомиться с Кириллом Константиновичем, этим интереснейшим человеком, инженером-профессионалом, ученым, организатором гидроэнергетического строительства мне помог случай, связанный с расследованием нестандартной аварийной ситуации на строившейся Саяно-Шушенской ГЭС. Кто-то из строителей принял ошибочное решение по сбросу части паводковой воды через верхние сбросные отверстия плотины в водобойный колодец. Вследствие этого был вырван и выброшен в русло реки весь бетон объемом более 25 тыс. куб. метров. Аналогичный случай происходил и на одной из гидроэлектростанций США, но мы не обладали материалами о принятых американцами мерах по предупреждению подобных аварий. Нам необходимо было расследовать причины разрушения водобойного колодца у основания арочной плотины станции и разработать перечень ремонтно-восстановительных мероприятий.

В группу расследования входили авторитетный среди гидроэнергетиков специалист, бессменный директор уникальной Саяно-Шушенской ГЭС, доктор технических наук Валентин Иванович Брызгалов, а также ведущий специалист Гидропроекта имени С. Я. Жука, член-корреспондент АН СССР Николай Александрович Малышев. Мы вели свой поиск на основе данных, полученных в результате многочисленных расчетов и научных экспериментов. Как оказалось, причиной аварии стала сила эжекции, создаваемая падающей водой. После выявления всех научных и технических аспектов проблемы мы разработали соответствующие рекомендации, и водобойный колодец был восстановлен.

Большое место в моей деятельности на посту начальника Главвостокэнерго занимала Красноярская ГЭС. С вводом ее в эксплуатацию Енисей был перекрыт плотиной. Нужно было обеспечить судоходство по реке всеми видами судов, в том числе класса «океан — река». Наши проектировщики совместно с конструкторами и гидростроителями раз-

работали уникальную систему переправления судов через плотину с помощью судоподъемника. Это решение было реализовано на нашем отечественном оборудовании.

Что представляла собой эта система? Это — огромная ванна, передвигающаяся по рельсам, которые уходят в воду, в стороны нижнего и верхнего бьефов, вниз от разворотной площадки, расположенной на вершине плотины. Если корабль идет, к примеру, из Красноярска в Абакан, то ванна судоподъемника спускается по рельсам до полного погружения в нижний бьеф. Корабль входит в эту ванну и фиксируется, оставаясь на плаву. Ванна поднимается на разворотную площадку, находящуюся на левой стороне плотины, затем производится разворот судоподъемника и спуск его по рельсам в сторону верхнего бьефа. Там судоподъемник опускается в воду, а корабль остается на зеркале реки, уходя по маршруту.

Идея реализовывалась трудно. Самым сложным элементом, часто дававшим отказы, были масляные двигатели. Проблема судоподъемника была темой частых разборов в Красноярском крайкоме партии. Этой проблемой заинтересовался и КПК при ЦК КПСС. Для выяснения обстоятельств туда были приглашены главный инженер Главвостокгидроэнергостроя Владимир Леонидович Куперман, много сделавший для создания судоподъемника, и я, выступавший как начальник Главвостокэнерго заказчиком этого сооружения.

Рассмотрение вопроса, как всегда, прошло в унижительной, подавляющей человеческое достоинство форме, на фоне несправедливой критики в адрес Минэнерго СССР. Нам с Владимиром Леонидовичем «строго указали». От более серьезного наказания нас спасло то обстоятельство, что по проблеме судоподъемника не было постановления ЦК КПСС. К большому сожалению, судоподъемник сейчас простаивает из-за очень редкого судоходства.

В Иркутской области полным ходом велось освоение энергетической мощи Братской ГЭС. Первый раз я приехал сюда в должности главного инженера Госинспекции Минэнерго СССР. Братская ГЭС является третьей по величине гидроэлектростанцией в стране (после Саяно-Шушенской и Красноярской ГЭС) и одной из самых крупных в мире не только по выработке электроэнергии, но и по параметрам гидротехнических сооружений. Высота ее плотины — 126 метров, а общая длина бетонной и насыпной плотин более пяти километров. С 1974 по 1987 год руководил прославленной станцией Иван Федорович Устинов, много сил и энергии отдавший повышению надежности и экономичности своего детища. Свой путь в директорское кресло он начал с должности начальника электроцеха, куда прибыл в 1961 году с Куйбышевской ГЭС. В его биографии — Иркутская, Саяно-Шушенская и Асуанская ГЭС.

Братская электростанция — это энергосооружение с водохранилищем многолетнего регулирования. Одна из самых больших проблем, которую нужно было там решать ежечасно, — это борьба с «топляком», сплавной древесиной, сначала затонувшей, а затем всплывшей на поверхность. Такого топляка скопилось невероятно много в акватории водохранилища, а также по его берегам. Другая, вынужденная, проблема состояла в противодействии нерациональному использованию воды. На это приходилось идти зачастую по требованию Госплана СССР, настаивавшего то на дополнительной выработке электроэнергии, то, особенно в маловодные годы, на холостых сбросах с целью повышения уровня воды в низовьях Ангары в интересах судоходства.

Глава 29

Коллег достойных длинный ряд...

Общественно-политическая жизнь в СССР, погруженная в состояние застоя, практически не давала советским людям никаких оснований ожидать от Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и государственной власти в целом каких-либо шагов в сторону осуществления радикальных перемен. Не за горами был период, саркастически обозначенный в советской истории тремя буквами «П»: «пятилетка пышных похорон». Что касается экономики страны, то она в этот период продолжала развиваться по инерции, заданной в предыдущие десятилетия. Советский Союз занимал 1-е место в мире по добыче нефти, газа, железной руды, выплавке чугуна и стали, производству кокса, минеральных удобрений, сборных железобетонных конструкций и изделий, обуви, сахара-песка и другим показателям. Наша страна по-прежнему удерживала за собой ведущие позиции в мировой науке и технике, в аэрокосмической и военной промышленности.

Старались не ударить в грязь лицом и работники энергетической отрасли. В частности, набирала мощность Усть-Илимская ГЭС, директором которой был Петр Моисеевич Юсим. Усть-Илимская ГЭС, с установленной мощностью 3840 МВт, является третьей ступенью, после Иркутской и Братской, Ангарского каскада ГЭС. Все энергетическое оборудование станции было произведено на наших, отечественных предприятиях: Ленинградском металлическом заводе, заводе турбинных лопаток и заводе «Электросила».

Темпы развития промышленности в Иркутской области требовали создания как электрических, так и тепловых источников энергии. Поэтому началось наращивание мощностей действовавших и строительство новых теплоэлектроцентралей. Рядом с Усть-Илимской ГЭС возводилась Усть-Илимская ТЭЦ, предназначенная для теплоснабжения строившегося целлюлозно-бумажного комбината. Осуществлялась модернизация ТЭЦ-1, ТЭЦ-9 и ТЭЦ-10 в городе химиков Ангарске. Топливо на эти ТЭЦ поступало из местных угольных разрезов — Азейского и Черемховского.

В самом Иркутске велось строительство Ново-Иркутской ТЭЦ. Рядом с Братской ГЭС работала с низкой надежностью энергоснабжения

Братская ТЭЦ-6, где никак не могли избавиться от зашлаковки котлов, что вызывало поток претензий и жалоб в ЦК КПСС. В ведении Главвостокэнерго были три «трудные» теплоэлектроцентрали, находившиеся в разных энергосистемах: Братская (Иркутскэнерго), Барабинская (Новосибирскэнерго) и Бийская ТЭЦ-1 (Барнаулэнерго, а ныне Алтайэнерго). Мы их называли «проблема трех Б».

Для выправления дел на Братской ТЭЦ-6 директором туда был назначен Олег Иванович Будилов, работавший до этого заместителем главного инженера Иркутскэнерго. Ему пришлось выводить из прорыва самые трудные предприятия. Десять лет жизни отдал Олег Иванович Усолье-Сибирской ТЭЦ-11. Затем в его биографии — пуск с «нуля» Усть-Илимской ТЭЦ, организация ее эксплуатации в жесточайших условиях и при высочайших темпах строительства.

Не менее сложной оказалась работа директором ТЭЦ-6 в Братске. Требовалось тепло для города и промышленности, а станция оказалась парализованной массой накопившихся технических и социальных проблем. Будилов добился смены вида топлива: на станцию стали поставлять угли Ирша-Бородинского месторождения. Следующим его шагом стали практические меры по укреплению трудовой дисциплины. Станция стала работать устойчиво: одно «Б» из трех выпало. Этот случай еще раз доказывает известное мнение: кадры решают все. В 1991 году Будилов стал директором Ново-Иркутской ТЭЦ, которая работала нестабильно и утопала в грязи. Причины оказались теми же — комплекс технических и социальных проблем. Энергия директора помогла создать коллектив единомышленников и превратить ТЭЦ в надежно действующий источник энергоснабжения областного центра.

За период моей работы в Госинспекции и начальником Главвостокэнерго я имел удовольствие сотрудничать с такими известными энергетиками Иркутской энергосистемы, как управляющий Петр Гордеевич Некряченко и главный инженер Борис Григорьевич Рутенберг. Результат их деятельности — это действующие, несущие свет и тепло людям, гидравлические и тепловые электростанции. Но, к сожалению, жесткими факторами, вынуждающими менять надежные кадры, выступают время и неумолимый возраст.

Новым управляющим Иркутскэнерго в 1980 году был назначен Борис Петрович Варнавский, работавший до этого заместителем главного инженера по теплотехнической части, а на должность главного инженера был выдвинут Виктор Митрофанович Боровский. Борис Петрович был грамотным специалистом, спокойным и рассудительным человеком. Он вовремя сумел подхватить эстафету у своих предшественников и с удвоенной силой принялся за устранение массы недостатков, явившихся

следствием «досрочных» вводов и ускоренного освоения энерго мощностей. С ним мне пришлось выходить из создавшегося в Сибири энергетического кризиса, причиной коего стали неразумные распоряжения Госплана СССР.

Организаторские способности Варнавского, его умение работать с потребителями и находить с ними компромиссные решения не могли остаться незамеченными руководителями Минэнерго СССР. Как раз в это время на пенсию по состоянию здоровья уходил Сергей Иванович Веселов, начальник Государственной инспекции по энергонадзору, пользовавшийся большим авторитетом у энергетиков и потребителей. Вместо него и был назначен Варнавский, который прекрасно вписался в рамки своих новых обязанностей, отдавая работе много сил, в том числе и после развала СССР. Став министром топлива и энергетики Российской Федерации, я назначил Бориса Петровича руководителем Департамента государственного энергонадзора и энергосбережения.

С уходом Варнавского в Москву управляющим Иркутской энергосистемой стал Боровский, бесценно занимавший эту должность вплоть до перехода в кресло председателя Законодательного собрания Иркутской области. Результаты его деятельности всегда были неплохими, хотя имелись и недоработки. Я до сих пор с большим уважением отношусь к Виктору Митрофановичу, но установленная мною система контроля и требовательности вызывала у него чувство неуверенности. Как он мне признался гораздо позже (когда я был уже президентом РАО «ЕЭС России»), ему всегда казалось, что я хочу снять его с работы. Если он хотя бы немного проанализировал всю мою предыдущую деятельность, то убедился, что я никогда кадрами не разбрасывался. Грозить — грозил, поскольку единственное зло, которое я не прощаю никому, в том числе и своим друзьям, — это пьянство на рабочем месте и в рабочее время. Надеюсь, Виктор Митрофанович извлек из нашей совместной работы много полезных уроков. Я верю в него и желаю ему успешной работы, где бы он ни трудился.

Строительство крупных энергетических и промышленных объектов в Иркутской области вызвало необходимость создания крупнейших в Советском Союзе и во всем мире строительно-монтажных организаций и баз стройиндустрии. Миллионами кубометров бетона, уложенного по стройкам Сибири и Дальнего Востока, начал писать в эти годы свою биографию знаменитый коллектив Братскгэсстроя, где трудилось свыше ста тысяч человек. Его создателем был известный на весь Советский Союз гидростроитель Иван Иванович Наймушин. У Наймушина было тяжелое детство: он рано остался без родителей, беспризорничал, жил в детских домах. Ради куска хлеба работал грузчиком на стройке, разно-

рабочим на шахтах. После окончания Московского горного института в 1937 году принимал участие в строительстве одиннадцати гидроэлектростанций. Иван Иванович трагически погиб в авиакатастрофе, случившейся с вертолетом Ми-8. У плотины Братской ГЭС Ивану Ивановичу Наймушину установлен памятник.

После него, как я уже говорил ранее, Братскгэсстрой возглавил Александр Николаевич Семенов. Мы с ним почти одновременно перешли в центральный аппарат Министерства энергетики и электрификации СССР. Это — ответственный, хорошо знающий свое дело специалист государственного уровня, сильный организатор энергетического и промышленного строительства. Мне посчастливилось работать с Александром Николаевичем в должностях и начальника Главвостокэнерго, и заместителя министра.

После Семенова Братскгэсстрой возглавил Леонид Иванович Яценко, который затем был переведен управляющим треста Катэкэнергострой. В его ведении был самый широкий круг вопросов: строительство Березовской ГРЭС-1, создание мощной строительной и монтажной индустрии, возведение жилья. В те «благоденственные времена» на месте старого одноименного поселка поднимался новый город энергетиков Шарыпово с развитой городской инфраструктурой, с больницей, хлебо- и молокозаводами и гостиницами. Рядом находился поселок угольщиков, соединенный железной дорогой с Красноярском, возводился аэропорт. Одним словом, была не жизнь, а сплошная строительная карусель.

Начальником Братскгэсстроя вместо Яценко был назначен Анатолий Николаевич Закопырин, ставший прототипом героя пьесы «Ночь на размышление», написанной в 1986 году новосибирским драматургом Александром Косенковым. По этой пьесе на студии «Союзтелефильм» был поставлен одноименный двухсерийный художественный фильм, вышедший на экраны в 1989 году.

Закопырина, в свою очередь, сменил Юрий Абрамович Ножиков, перешедший на эту должность с должности начальника монтажного треста Востокэнергомонтаж. Ножиков относился к категории цепких руководителей, умевших хорошо ориентироваться в обстановке, правильно выбирать наиболее выгодную позицию. Он пользовался большим авторитетом у министра, в обкоме партии и его первого секретаря Василия Ивановича Ситникова. Не случайно после распада СССР Ножиков оказался в кресле губернатора Иркутской области.

С Ножиковым у меня сложились нормальные товарищеские отношения еще с начала 1980-х годов, когда мы с ним «в одной упряжке» обеспечивали ввод энергетических мощностей на строившихся в Сибири тепловых станциях. Но волею судьбы мы разошлись с ним в понимании

вопроса об акционировании энергетики Иркутской области. Юрий Абрамович был единственным из глав администраций РФ, кто встал на путь саботажа. Иркутскую энергосистему в соответствии с Указом Президента РФ Б. Н. Ельцина следовало преобразовать в акционерное общество с передачей контрольного пакета (49%) акций в уставной капитал РАО «ЕЭС России». Указ Президента России иркутской администрацией так до сих пор и не выполнен. И непонятно, почему в этом вопросе такую пассивную позицию занимало Министерство государственного имущества РФ.

До марта 1994 года на должности генерального директора объединенных акционерных обществ и предприятий Братскгэсстроя работал Владимир Степанович Викулов, получивший за вклад в развитие энергетики Сибири звание Героя Социалистического Труда.

В период работы на Братскгэсстрое Яценко и Закопырина на них обрушились проверки, последствия которых стали известны потом на всю страну. Проверялась деятельность первого заместителя министра энергетики и электрификации СССР Фалалеева и ряда других ответственных работников нашего министерства. Материалы затребовал КПК при ЦК КПСС. Порядок их рассмотрения носил откровенно демонстративный характер. Ущерб от имевших место недостатков никак не соизмерялся с удельным весом реально осуществленных полезных дел. Возбужденные против Яценко и Закопырина уголовные дела расшатали могучий коллектив. Много шума было тогда вокруг якобы допущенных ими злоупотреблений. По кабинетам витали злые слухи, от этого страдало дело. И хотя вскоре многие обвинения рассеялись, как туман с восходом солнца, ощущение обиды осталось надолго.

Примерно в это же время был исключен из партии и снят с работы управляющий трестом Энергостальконструкция Генрих Сергеевич Гарибов, ставший жертвой партийных расследований, предпринятых МГК КПСС и все тем же КПК при ЦК КПСС. А ведь Генрих Сергеевич проработал в тресте целых 18 лет. Особой страницей в историю треста и биографию Гарибова вписано строительство ЛЭП-500 Андиджан — Токтогул. Гарибов — автор одиннадцати изобретений (девять из них запатентованы за рубежом). За достижение высоких показателей в работе треста Генрих Сергеевич Гарибов был награжден премией Совета Министров СССР, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть».

Едва избежал исключения из партии генеральный директор производственного объединения Союзэнергоавтоматика Валентин Иванович Павленко, отделавшийся строгим выговором. А вот управляющему трестом Мосэнергострой Игорю Евстафьевичу Баслыку не удалось избежать горькой участи: его исключили из партии и сняли с работы. Много сде-

лавший для развития энергетики Центра крупный энергостроитель под благими лозунгами борьбы с преступностью был безжалостно раздавлен пущенной кем-то слепой машиной.

Без сбоев сработали силы, в том числе и в стенах Минэнерго СССР, затянувшие ситуацию до исключения Фалалеева из рядов КПСС и освобождения его от должности первого заместителя министра. Вынести такого позора гордая душа Фалалеева не могла. Переведенный на должность заместителя начальника главка, Фалалеев, самолюбивый и гордый человек, был морально растоптан и унижен. А «добило» его неискреннее отношение со стороны некоторых руководителей, представлявших элиту министерства. В результате — болезнь и смерть по причине «нежелания жить».

Некоторые скажут: камнепад в горах просто так не возникает. Но, по моему мнению, допущенные нарушения и выбранная мера наказания были несоизмеримы. Исключенный из партии крупный специалист, профессионал был практически обречен. В крайнем случае, ему оставалось влачить остатки жизни на рядовых должностях, без права выезда за границу. С одной стороны, все вроде бы правильно. Борьба за чистоту партийных рядов требовала своих жертв. Но кто брал на себя роль судей? По какому принципу им доверяли вершить людские судьбы, приковывать человека к позорному столбу и издеваться над ним?

Фалалеев, несмотря на свой трудный характер, был, без всякого сомнения, крупным государственным деятелем, вожаком строительного крыла Минэнерго СССР. Этот человек еще много мог бы сделать для энергетики Советского Союза. Он был, как сегодня говорят, трудоголик, досконально знал ситуацию на каждом строившемся энергетическом объекте, смело принимал оперативные решения и не боялся брать на себя ответственность. Но он не умел подстраиваться под других — и этой непокорности не могли простить ему инквизиторы от партии, партийные догматики и начетчики. Что для них было звание члена партии, товарища по духу? Что для них значила чья-то отдельная судьба? Пустой звук! Попробуй только оступись — и тебя вмиг растерзают и растопчут. А если ты еще и крупный руководитель — то сделают это с утроенной силой.

Складывалось впечатление, что кому-то было выгодно проводить политику, направленную на дискредитацию руководящих кадров Минэнерго СССР. Хотя было ясно, что стрелы направлялись в сторону Непорожного, которому было тогда, кажется, уже 73 года.

Наступил 1982 год. В соответствии с графиком, я должен был в восемь утра 9 января заступить на дежурство по Министерству энергетики и электрификации СССР. У меня тогда в голове почему-то мелькнуло: «Очередная годовщина Кровавого воскресенья!» Но произошло непредвиденное. За десять минут до выхода из дому в моей квартире лопнула

труба теплоснабжения, проходившая под полом. Струя кипятка, разворотив пол, ударила в потолок. Вода в доме была перекрыта только вечером при непосредственном участии моего соседа Михаила Александровича Фердинанда.

Почти одновременно с разрывом трубы пришла еще одна «черная весть»: в Сибири начались отключения потребителей, в первую очередь алюминиевых заводов, из-за отсутствия воды в водохранилищах ГЭС. Не зря говорят: пришла беда — отворяй ворота. Бросив затопленную квартиру на попечение жены и соседей, я срочно поехал в главк.

Тем временем в квартире все пропиталось паром. В Москве тогда было холодно: столбик термометра опустился ниже двадцати шести градусов. От остывающих стен в разные стороны с шумом отлетал кафель, словно стреляли шрапнелью. Мои домочадцы, как смогли, собрали вещи в одну комнату, где и разместились, греясь у электрического калорифера.

В этот же вечер Председатель Совета Министров СССР Николай Александрович Тихонов собрал экстренное совещание, на котором прозвучала плохо завуалированная мысль, что мне и Лалаянцу надо «сушить сухари». Я сделал вид, что не понял сурового смысла этого намека. Николай Александрович распорядился создать специальную комиссию, в которую, кроме меня, вошли заместитель председателя Госплана СССР Аркадий Макарович Лалаянц, начальник отдела Госплана СССР Артем Андреевич Троицкий и первый заместитель министра энергетики и электрификации СССР Егор Иванович Борисов.

Надо было готовиться к вылету. Примерно в восемь часов вечера, когда я, наскоро собрав необходимые вещи, уже направлялся к выходу из квартиры, раздался телефонный звонок. Звонил Петр Степанович Непорожний:

— Вы никуда не поедете! Оставайтесь в Москве и руководите ликвидацией аварийной обстановки в Сибири отсюда.

Я остался. Организовал штаб по ликвидации аварии, по три раза в сутки проводил селекторные «оперативки». Комиссия принимала меры на местах. Госплан СССР выделил в необходимых количествах топливо — а это было самым главным — уголь для электростанций. В результате принятых совместных мер, мы кое-как зиму пережили. Успешно решили мы и свою главную задачу, связанную с вводом в строй новых тепловых электростанций, обеспечением их топливом и накоплением воды в водохранилищах. За два года было наполнено Братское водохранилище и восстановлены все водные запасы по Сибири.

Решая проблемы, связанные с отключением промышленных потребителей из-за дефицита воды, мы продумали схему кратковременного поочередного отключения цехов алюминиевых заводов, чтобы не

допустить остановки печей, хотя эта процедура чревата большими неприятностями. Мы делали все, чтобы ущерб для алюминиевой промышленности был минимальным. Но тут нам преподнес сюрприз министр цветной металлургии СССР Петр Фадеевич Ломако. Он предъявил нам иск на возмещение убытков, якобы вызванных отключениями, на сумму недоотпуска электроэнергии в объеме 8 млрд. кВт.ч, хотя фактический недоотпуск электроэнергии всей алюминиевой промышленности составлял около 1 млрд. 200 тыс. кВт.ч. Минэнерго СССР — для прояснения ситуации — требовало создать комиссию при Политбюро ЦК КПСС, но какие-то силы вопрос этот «замыли».

С Ломако тягаться было не просто: в нем одном была сконцентрирована целая историческая эпоха. Он помогал рождению и становлению Советской власти и Советского государства, он создал современную цветную металлургию России. Практически вся алюминиевая промышленность создана и достигла высокого уровня развития по инициативе и под руководством Ломако. Конструкция оказалась настолько прочной, что даже в тяжелейший период «рывка к дикому капитализму» она не просто устояла — оказалась рыночно состоятельной и высоко прибыльной.

Но проблема создавшегося дефицита электроэнергии в Сибири все-таки обсуждалась на Политбюро ЦК партии. Готовясь к заседанию, П. С. Непорожний приказал мне собрать все письма и телеграммы, которые я направлял в разные инстанции. Собрав необходимые документы в хронологическом порядке, я сброшюровал их в две книги. Потом эти книги были сведены в одну, размноженную в четырех экземплярах. Петр Степанович одну забрал себе, другую отдал Председателю Совета Министров СССР Н. А. Тихонову, третью — заместителю председателя Госплана СССР А. М. Лалаянцу. На голосование был вынесен вопрос об объявлении выговоров Непорожнему, Лалаянцу и Троицкому. Когда Лалаянец спросил: «Почему не объявляют выговор Дьякову?» — ему показали книги, составленные из писем, и сказали: «Вот работа Дьякова!»

Достаточно поездив по Сибири и проанализировав особенности сложного периода, выпавшего на мою долю в Главвостокэнерго, я еще раз пришел к убеждению, что порой жизнь оказывается мудрее наших судорожных попыток сделать что-то, проявить себя, как-то выделиться из общей массы: она все расставляет на свои места.

Глава 30

Вместо ГЭС —

трасса для рафтинга

Оставив далеко позади самую высокую точку перевала в своей книге воспоминаний, я на минутку останавливаюсь, чтобы перевести дух и удивиться этому великолепному свойству человека — памяти. У кого-то сказано, что без памяти вообще не о чем было бы думать и ничего нельзя было бы понять. Без нее сама жизнь уподобилась бы топтанию на месте, и никакого значения уже не имело бы время. И как точно замечание: без того, что происходило до сих пор, не было бы того, что есть сейчас и что будет дальше...

Перед Главвостокэнерго и подчиненными ему энергосистемами жизнь открывала огромный фронт практических забот, связанных с реконструкцией, строительством и вводом в эксплуатацию целого ряда энергетических объектов. Эти работы одновременно велись по всей территории Сибири.

На Красноярской ТЭЦ-2 приступили к отработке практических мероприятий по вводу в эксплуатацию энергоблоков. На КАТЭЖе в этот же период велись активные строительные работы. Там в присутствии министра топлива и энергетики СССР П. С. Непорожного был заложен первый куб бетона в 450-метровую дымовую трубу и под 1-й блок 800 МВт Березовской ГРЭС-1. Было развернуто строительство Новосибирской ТЭЦ-5, начата реконструкция Новосибирской ТЭЦ-3.

В Иркутскэнерго параллельно со строительством Усть-Илимской ГЭС и ТЭЦ велось строительство Ново-Иркутской ТЭЦ, разворачивалось строительство второй очереди Гусиноозерской ГРЭС, Улан-Удинской ТЭЦ-2, шла реконструкция Улан-Удинской ТЭЦ-1.

В Хакасии шло строительство Абаканской ТЭЦ, в Туве занимались пуском паровых котлов на Кызылской ТЭЦ, а в Алтайском крае бились над проблемой сохранения, расширения и приведения в соответствие с современными требованиями Бийской ТЭЦ, где был смонтирован тогда двенадцатый котел.

Практически «с нуля» нами была построена и введена в строй Барнаулская ТЭЦ-3. Для разгрузки угля на электростанции был построен вагоноопрокидыватель, а вот железнодорожные пути к нему для доставки вагонов с углем не успели сделать в плановый срок. Чтобы как-то выйти из положения, мы подтянули к вагоноопрокидывателю два железнодорожных вагона. В эти вагоны мы загружали уголь грейдерным экскаватором. Уголь к экскаватору подталкивался бульдозерами от эстакады «больных» вагонов, куда он выгружался через лючки вагонов поступающих составов.

О нашей самодеятельности узнал Владимир Михайлович Фролышев: «Смотри, Анатолий Федорович, будь осторожен! Так ТЭЦ лучше не вводить: можно потерять партбилет!» А я подумал: «Если не введу сейчас, то в случае возникновения дефицита электроэнергии меня точно из партии взащей погонят». Я все-таки рискнул ввести блок с несовершенной схемой подачи топлива, и он до самого апреля проработал устойчиво, ни разу не остановившись. Риск оправдал себя.

Не давали нам спокойно спать проблемы развития энергетики в Заполярье, в зоне вечной мерзлоты. Там находилась Усть-Хантайская ГЭС, подававшая электричество в Норильск. ЛЭП от Курейской ГЭС на Норильск в то время мы протянуть так и не успели, хотя она была заложена в плане. Новосибирскую ТЭЦ-5 мы ввели в работу с использованием трех видов топлива: угля, газа и водно-угольной суспензии. Были разработаны программы развития Омских ТЭЦ-5 и ТЭЦ-6, а также Томской ТЭЦ-3, взятые под контроль ЦК КПСС и Советом Министров СССР.

Суровый местный климат каждый день доказывал нам неопровержимую истину, что человек, самый беспомощный и незащитный среди всех населявших землю существ, давно бы уже вымер, если бы не владел огнем и ремеслами, если бы не приспособливал для своего проживания такие регионы Земли, как Заполярье, с коротким летом и продолжительной холодной зимой.

В соответствии с планом работы главка в июле 1982 года мне было необходимо проинспектировать объекты Красноярской энергосистемы, в том числе находившиеся в Хакасии и Туве. Так получилось, что мероприятия Главвостокэнерго по времени совпали с прилетом в Красноярский край большой группы руководящего состава Минэнерго СССР во главе с П. С. Непорожним. Министр решил провести выездную коллегию министерства в Шарыпово, чтобы на месте более подробно изучить проблемы, возникающие при строительстве Березовской ГРЭС-1.

Город Шарыпово расположен в 360 километрах от краевого центра и в восьми — от ближайшего аэропорта. Шарыповский район называют «маленькой Швейцарией»: здесь насчитывается 273 озера, девяносто из ко-

торых — площадью более одного гектара. Самое большое озеро — Белое, а такие озера, как Ближнее и Малое Степное, обладают лечебным действием. В глубоководном озере Парное водятся двадцать семь различных видов рыб. Большинство водоемов — соленые. Да и в самом Шарыпово есть что посмотреть пытливому глазу. Район интересен памятниками археологии: курганных захоронений насчитывается здесь более полутора тысяч. Большое количество древних селений относится к эпохе палеолита.

Ко времени моего отъезда в Сибирь к нам из Пятигорска приехала дочь Светлана — студентка третьего курса фармацевтического института, чтобы провести студенческие каникулы с родителями. «А почему бы дочери не полюбоваться на сибирские красоты?» — подумал я и после совета с Тamarой заранее купил Светлане билет на авиарейс, на котором вылетала вся наша делегация. В самолете Светлана стала центром всеобщего внимания. Да и ей было интересно увидеть вживую известного на весь мир министра Непорожного. В салоне самолета все еще раз убедились, что в житейской обстановке Петр Степанович был теплым, задушевным человеком, находившимся в удивительной гармонии со своей супругой, Валентиной Кирилловной.

Прилетев в Красноярск, я с министром и всей делегацией отправился на КАТЭК, а Света — на осмотр местных достопримечательностей. В ходе этой экскурсии Светлана узнала, что Красноярск был основан в 1628 году московским дворянином Андреем Дубенским. На месте впадения в Енисей небольшой речки Кача он с отрядом из трехсот казаков решил поставить военную крепость, которой было дано название «Красный». Позднее поселение было переименовано в Красный Яр. Статус города Красноярск получил в 1690 году, когда Сибирь была окончательно присоединена к России. В 1822 году он стал центром Енисейской губернии, а в 1886 году через город прошла Транссибирская железнодорожная магистраль, которая дала новый импульс развитию Красноярска.

Светлана была поражена видом причудливых скал в государственном заповеднике «Столбы». Это уникальное творение природы раскинулось на правом берегу Енисея, в отрогах Восточных Саян. Большинству «столбов», достигающих ста метров в высоту, люди дали причудливые названия: «Перья», «Львиные ворота», «Дед», «Большой Беркут». Сильное впечатление на дочь произвел закрытый город Красноярск-45, расположенный на левом берегу реки Кан. Здесь находятся крупнейшие объекты энергетической и атомной отраслей: тепловая электростанция мощностью более одного миллиона киловатт с блоками 150 МВт, работающая на углях расположенного рядом Ирша-Бородинского угольного разреза, а также электрохимический завод (ЭХЗ) по производству низкообогащенного урана для ядерных реакторов.

Светлану покорила красота природы и самого города. Находясь в городе, она заявила первому секретарю горкома КПСС Серебряному:

— После окончания института хочу приехать к вам на работу!

После заседания коллегии министерства Петр Степанович Непорожный вернулся в Москву, а я остался в Красноярске, чтобы с Валентином Ивановичем Брызгаловым проинспектировать энергетические объекты в городе. Мы посмотрели, как ведется строительство Красноярской ТЭЦ-2. Ее котлы являлись аналогом, хотя и меньше по производительности, будущих котлов П-67, предназначенных для блоков 800 МВт Березовской ГРЭС-1 КАТЭКа. Опыт их работы был очень важен для нас в будущем при освоении блоков на Березовской ГРЭС. Нами был также рассмотрен ход монтажа энерготехнологической установки по переработке угля ЭТХ-175 и утверждены мероприятия по устранению отставания в темпах ведения монтажных работ на этой установке. Был осмотрен участок строившейся теплотрассы города Красноярска в том месте, где ее перекидывали с правого берега Енисея на левый. Для этого под водой в железобетонной скорлупе прокладывали герметичный дюкер — заранее сваренную трубную плетть диаметром три метра. Мы встретились с коллективом Красноярской ГЭС, посетили площадку, выбранную под строительство ТЭЦ-3, так необходимой по балансу теплоснабжения города Красноярска.

На другой день Брызгалов, Светлана и я вылетели самолетом в Игарку. Игарка — это старинный, в основном одноэтажный, деревянный городок, расположенный на берегах Игарской протоки Енисея и доступный для захода морских судов из Енисейского залива. Бросалась в глаза активность в речном порту, где под загрузкой стояли различные корабли. В них грузили лес различной формы — от неочищенного кругляка и бревен до пиломатериалов в упаковке, явно предназначенной для зарубежного потребителя. В эти дни в Сибири стояла жара: в Игарке столбик термометра упирался в тридцатиградусную отметку.

Из Игарки группа проектировщиков, директор Усть-Хантайской ГЭС Владимир Александрович Кузнецов и мы на вертолете Ми-8 вылетели на створ проектировавшейся тогда крупнейшей в мире Туруханской ГЭС мощностью двадцать миллионов киловатт (двадцать агрегатов по одному миллиону каждый). Еще в аэропорту мы почувствовали запах дыма. Когда поднялись в воздух, перед нами предстала картина горящего леса. Вертолет неоднократно входил в зону сильной задымленности, и нигде не было видно, чтобы кто-то вел борьбу с пожаром.

После долгого перелета мы увидели внизу похожую на змею ленту, искрившуюся и извивавшуюся между лесными зарослями. Это была река Нижняя Тунгуска. Огромный водный сток Нижней Тунгуски, по

расчетам проектировщиков, позволял построить здесь станцию с проектной мощностью 12 млн. кВт и среднегодовой выработкой 46 млрд. кВт.ч, равной годовой выработке всего Волжско-Камского каскада, состоящего из одиннадцати ГЭС. Однако в отличие от них строительство ГЭС в малообжитом и труднодоступном регионе России сводит к минимуму отрицательное воздействие на окружающую среду. Благодаря большой емкости водохранилища (более четырехсот кубических километров), Туруханская ГЭС может в течение одного года выдать до 90 млрд. кВт.ч электроэнергии, развивая в пике мощность до 20 млн. кВт, что составляет 10% мощности всех электростанций России. Чтобы представить эту величину, надо сопоставить ее с выработкой Саяно-Шушенской ГЭС, превышающей 20 млрд. кВт.ч.

Вокруг строительства Туруханской ГЭС в стране велись ожесточенные споры. Некоторые ответственные работники Госстроя СССР пытались доказать, что ее водохранилище затопит почти десять тысяч квадратных километров земельных и лесных угодий с запасами древесины более 50 миллионов кубометров. Разработанное в конце 1980-х годов технико-экономическое обоснование строительства ГЭС не было доведено до конца. Сам я всегда выступал за преимущественное строительство горных, каскадных гидроэлектростанций, поскольку стремление к получению максимальной энергетической эффективности от работы равнинных электростанций неизбежно выводит на социальные, экологические и исторические проблемы. Тем не менее, на интуитивном уровне я чувствовал, что для освоения этого северного региона Туруханскую станцию строить надо. Если не мы, то наши потомки ее обязательно построят. Она должна стать общенациональным проектом России.

Наш вертолет сделал два круга над местом, где должна была строиться эта гигантская энергетическая машина. Но где можно было посадить машину? «Вертушка» низко зависла над землей, кто-то из экипажа выпрыгнул на камни и стал показывать пилоту, на какие три каменные глыбы надо сесть. Река в этот период времени была маловодной.

До распада Советского Союза в Красноярский край входила Хакасская автономная область, равно как Алтайская автономная область — в Алтайский край. Но если энергетика Хакасской республики впоследствии выделилась из Красноярской энергосистемы, то в Алтайском крае и Алтайской республике, после их разделения, осталась единая энергосистема (ранее Барнаульэнерго, а ныне — Алтайэнерго). Первое знакомство с этой энергосистемой (в основном — электросетевой, куда входили Барнаульские ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, а также Бийская ТЭЦ) у меня началось с формирования зональных органов Госинспекции, которые бы курировали ее работу. Территория огромного края, имеющего огромную сис-

темообразующую и еще большую распределительную сеть, испытывала недостаток электрической мощности в городах, и в первую очередь в Барнауле.

В 1979 году управляющим Барнаулэнерго был назначен Юрий Иванович Жильцов, имевший определенный опыт руководства электрическими сетями. Главным инженером здесь работал Дмитрий Георгиевич Димитриади, а заместителем управляющего — Самуил Семенович Рапопорт.

Твердую линию, направленную на ликвидацию дефицита электрической и тепловой энергии, проводили первый секретарь крайкома партии Николай Федорович Аксенов, второй секретарь Виктор Тимофеевич Мищенко и заведующий промышленно-транспортным отделом (впоследствии — секретарь) крайкома Владимир Васильевич Постольный. С этими энергичными и порядочными людьми мне работалось легко и приятно, товарищеские отношения с ними установились как-то сами по себе.

При непосредственном участии этой «великолепной тройки» было начато строительство Барнаульской подстанции, рассчитанной на получение электроэнергии по ЛЭП-500 кВ из соседней Новосибирской энергосистемы. В рамках этих работ было развернуто строительство Барнаульской ТЭЦ-3, а на Алтайском коксохимическом заводе, расположенном в городе Заринске, что на реке Чумыш, — Заринской ТЭЦ, работающей на коксовом газе.

Огромное внимание уделялось бесперебойному функционированию Бийской ТЭЦ-1, главным образом обеспечению надежности технологических процессов ее химического цеха. ТЭЦ расходовала огромное количество химически очищенной воды в то время, когда запасов воды, как правило, не хватало. Решение проблемы было простым: необходимо было ввести новую обессоливающую установку и новые котлоагрегаты в котельном цехе, а также своевременно ремонтировать старые. И это все — на фоне острой нехватки квалифицированных кадров.

Усилиями коллектива Главвостокэнерго была построена вторая ЛЭП-220 кВ, которая связала в единую цепь Барнаульскую и Алтайскую энергосистемы, а также город Усть-Каменогорск в Казахстане.

Алтайский край — сибирская житница России. Здесь выращивается пшеница твердых сортов, содержащая клейковины во много раз больше, чем обычная пшеница. Столица края — город Барнаул — основан в 1730 году на берегах Оби, одной из великих сибирских рек. А какие красоты открываются глазу, когда любишь уникальным созданием природы — Телецким озером, покоящимся в гигантской чаше, окаймленной берегами, покрытыми величественным темно-зеленым лесом! В Телецкое озеро впадает до 70 рек, а вытекает одна — Бия, на берегу которой раскинулся город Бийск. Телецкое озеро — естественный, еще не тронутый человеком,

уголок природы. От Бийска через деревню Сростки и далее в Монголию протянулся Чуйский тракт, являющийся частью знаменитого Шелкового пути на территории России. Деревня Сростки известна всему миру как место рождения, учебы и первых трудовых шагов поистине народного режиссера, актера и писателя Василия Макаровича Шукшина.

Река Катунь, левая составляющая Оби, протянувшаяся почти на 690 километров, таит в себе огромные энергетические возможности. Ее узкий горный каньон, лишь немного расширяющийся в районе поселка Еланда, за сорок километров до места слияния с рекой Бией, позволяет построить мощную гидроэлектростанцию. Коренной народ Алтая и его правительство выступают за строительство ГЭС. Местному населению эта электростанция нужна. Она дала бы толчок развитию культуры, промышленности, в конце концов, просто помогла бы улучшить условия жизни всем, кто живет в здешних суровых климатических условиях. Но этим планам помешали «зеленые» — борцы за сохранение природы из Киева, Новосибирска, Кемерово, Санкт-Петербурга, Москвы и даже из Канады, которые сумели в период перестройки сорвать намечавшиеся планы строительства Катунской ГЭС. Проект станции был отклонен Государственной экологической экспертизой, как «экологически не проработанный и научно не обоснованный». Тогда было заявлено, что строительство Катунской ГЭС привело бы «к затоплению плодородных пойменных земель, к уничтожению десятков видов животных и растений, занесенных в Красную книгу, подорвало бы основу существования уникального алтайского этноса».

Но это — совершенная неправда! Водохранилище, которое могло бы здесь образоваться, не нанесло бы никакого социального ущерба. Поселки, пойменный лес и санаторий «Чемал» не подверглись бы затоплению, так как находились бы ниже плотины потенциальной станции. Почему же не прислушиваются к голосам профессионалов? Почему местные жители выступают за строительство станции, а те, кто прогуливается по Крещатику или Невскому проспекту, кричат — «нельзя», «не допустим»? Ларчик открывается просто. Одна из причин, повлекшая за собой запрет на строительство ГЭС, состоит в том, что река понадобилась для других, далеких от интересов местных жителей, целей. Своими характеристиками (сложным каньоном, скоростью воды, резкими перепадами высот и крутыми неожиданными поворотами) Катунь приглянулась любителям одиночного и группового спортивного плавания на плотах и резиновых лодках, известного как рафтинг. Ежегодно более трех тысяч человек участвуют в сплавах по Средней и Нижней Катунь. Но за этой цифрой простой люд, как известно, не скрывается.

Когда были преодолены все препоны — не стало Советского Союза, а затем и денег в бюджете независимой России. Почему-то не возникли на горизонте ни спонсоры, ни инвесторы, которые могли бы вложить средства в так необходимую всем ГЭС. Поселок Толгоёк, задуманный как город строителей Катунской ГЭС и рассчитанный на 40 тысяч жителей, постепенно пришел в запустение. Здесь успели поставить лишь несколько двухэтажных домов-временок, внушительные корпуса школы, детского сада, сдать мощную котельную и проложить кое-какие коммуникации. Когда идея ГЭС отпала, основная масса людей разъехалась, а с поселком произошло то же, что и со многими военными городками России в результате конверсии: они брошены, люди в них не имеют работы и средств к существованию.

Но не все в этих краях так печально, как в Толгоёке. В месте впадения Чемала в Катунь, например, до сих пор продолжает работать малая гидроэлектростанция с двумя гидрогенераторами по 100 кВт, построенная в 1935 году под патронажем супруги «всесоюзного старосты» М. И. Калинина, Екатерины Иоганновны.

Глава 31

По Сибири и Монголии

Когда я возглавлял Главвостокэнерго, выдача электрической мощности с Братской и Усть-Илимской гидроэлектростанций производилась по двум ЛЭП-500 кВ от Братского переключательного пункта в сторону Красноярской энергосистемы. Далее сюда добавлялась мощность Красноярской ГЭС по двум ЛЭП-500 кВ, ведущим из Красноярской в Новосибирскую энергосистему. Руководителем Новосибирскэнерго в то время был Олег Иванович Нарышкин, а главным инженером был назначен Виталий Георгиевич Томилов, молодой, энергичный человек с необузданным темпераментом, имевший опыт работы в монтажной организации и главного инженера тепловой электростанции.

Новосибирск испытывал большой дефицит тепловой энергии, который не могли покрыть четыре городские ТЭЦ, требовавшие технического перевооружения и ремонта оборудования. Но существовала и вторая проблема: Новосибирску не хватало природного газа, необходимого для растопки котлов на угле. Опытным полигоном по применению плазменного розжига угля и отработке устройств, контролирующих соответствие газов, уходящих из котлов в дымовую трубу, установленным экологическим нормам, стала ТЭЦ-4.

Положение улучшилось с вводом в эксплуатацию газопровода, подававшего газ из Тюменской области в Новосибирск и далее в Кемеровскую энергосистему. Дефицит тепла был ликвидирован с вводом мощной котельной, а затем и самой электростанции Новосибирской ТЭЦ-5 с мощной теплотрассой. А недостаток электроэнергии, вырабатываемый Новосибирской гидроэлектростанцией и тепловыми электрическими станциями, покрывался за счет перетока из Красноярскэнерго.

В непрестом положении находилась и Омская энергосистема, во главе которой стояли: управляющий Владимир Иванович Кротов и главный инженер Юрий Семенович Брылкин. Электрическая связь между ОЭС Сибири и Омской энергосистемой по сети 110 кВ была очень слабой. Более мощной была связь Омскэнерго с Павлодарской энергосистемой: по ЛЭП-500 кВ от Экибастузской ГРЭС-1 до Таврической подстанции 500 кВ Омской энергосистемы.

Город Омск запомнился мне своей ухоженностью и какой-то аристократичностью. По его центру можно провести не одну экскурсию на тему «Античные мотивы в скульптуре и мелкой пластике». Меня поразило здесь обилие цветов, роскошных фонтанов и уютных сквериков. Как известно, в период Гражданской войны Омск ровно один год и один месяц был столицей Верховного правителя России адмирала Колчака. Здесь размещались даже посольства большинства иностранных держав. Это историческое обстоятельство вспоминал иногда в своем кругу управляющий Омской энергосистемой Кротов, шутливо заявлявший иркутским энергетикам: «Мы требуем контрибуцию в виде бесплатной поставки электроэнергии Омской энергосистеме за то, что 7 февраля 1920 года вы расстреляли и бросили в прорубь Ангары нашего Верховного правителя».

Между городами Омском и Новосибирском расположена знаменитая Барабинская ТЭЦ, входящая в энергосистему Новосибирскэнерго и являвшаяся в шестидесятые годы настоящей кузницей кадров для вновь строящихся ТЭЦ. Она строилась для энергоснабжения химического комплекса, ее устаревшее оборудование требовало замены и реконструкции. Поэтому было принято решение подавать электроэнергию по ВЛ-500 кВ из Новосибирска, а ТЭЦ перевести на режим работы по тепловому графику. Впоследствии планировалось от Барабинской ТЭЦ построить ЛЭП-500 до Омска, но реализация этого проекта затянулась.

В ходе служебных поездок по объектам Омской энергосистемы мне посчастливилось в 1984 году близко познакомиться с моим земляком, первым секретарем Омского обкома КПСС Сергеем Иосифовичем Мянкиным, уже проработавшим на этом посту целых 23 года. На Ставрополье он работал директором МТС, председателем колхоза, заведующим сельскохозяйственным отделом Ставропольского крайкома КПСС, председателем Ставропольского крайисполкома. По своему внешнему облику, манере разговора и темпераменту Сергей Иосифович напоминал моего родного дядю — Николая Афанасьевича.

Во время наших бесед я услышал от Сергея Иосифовича необычную по тем временам трактовку некоторых исторических и современных событий и деяний. Он, например, утверждал, что переселение крестьянских семей из Центральной России в Сибирь в ходе Столыпинской аграрной реформы — это прогрессивный шаг по освоению просторов Сибири, способствовавший интенсификации развития сельского хозяйства Омской области.

Первый секретарь областного обкома партии открытым текстом заявлял, что система выдвижения молодых специалистов на партийные, советские и хозяйственные должности с комсомольских должностей не оправдывает себя, не дает должного эффекта. Конвейер подготовки кад-

ров, прошедших школу комсомольской руководящей работы, был налажен правящей элитой СССР только лишь потому, что «там, наверху» всегда проявляли осторожность по отношению к пришельцам и ревниво оберегали кадры, выращенные в собственных инкубаторах.

Но этот принцип выращивания кадров, был убежден Манякин, строился, как сегодня выражаются, по мафиозным законам. Попадая в райком или горком комсомола, молодой специалист налаживал нужные связи. Переходя в обком комсомола, он уже тянул за собой верных и надежных соратников. Далее по пути карьерного следования — райком партии, горисполком. И так — до самого верха, в сопровождении колонны из своих «ребят», связанных, как в банде, личной преданностью.

Комсомол, утверждал Манякин, приучает приспособливаться, обходить трудности стороной или переваливать их решение на плечи других. Внешне там любят козырять принципиальной позицией, а на деле готовы изменить ее на строго противоположную. Дело подменяется пустым словоблудием. «Одним словом, — заключал Сергей Иосифович, — стрелкулисты!»

И еще одной необычной мыслью поделился со мной земляк.

— У меня в области, — говорил он, — благополучно решена проблема с мясом. Если по всему Советскому Союзу стоят бесконечные очереди за скудными «суповыми наборами», то на рынках и в магазинах Омской области — можешь сам посмотреть! — торгуют свежайшей первосортной свининой. И цена приемлемая — три с полтиной за килограмм.

— Как же вы этого добились? — удивлялся я.

— Да очень просто. У нас в области построен откормочный комплекс на двести семьдесят семь тысяч голов свиней. Там используются самые новейшие технологии: для каждой свиноматки — отдельное светлое и стерильное помещение. Все процессы полностью механизированы и автоматизированы.

— Неужели дело только в этом? — спрашивал я, заинтригованный рассказом.

— Конечно же, нет, — добродушно улыбался Манякин. — Наблюдая за процессами откорма с момента опороса свиноматок до убоя, наши специалисты пришли к выводу, что для свиней, так же как и для человека, большое значение имеет создание особого психологического, «семейного», климата. А его можно создать только в том случае, если молодняк растет вместе со своей маткой. В этом случае прирост веса ускоряется почти в полтора раза!

Сергей Иосифович был, что называется, человеком «от сохи», а на таких людях всегда держалась и до сих пор держится наша матушка Россия.

На посту начальника главка я вплотную занимался Монголией, которая питалась от Гусиноозерской ГРЭС по двум линиям электропередачи 220 кВ. Там находился наш зарубежный трест Монголзарубежэнергострой, наши подразделения и все необходимые структуры. Министром топлива и энергетики Монголии был тогда Очирбат Пунсалмагийн, впоследствии, с 1993 года, — первый президент страны, а заместителем председателя Совета Министров МНР, постоянным представителем Монголии в СЭВ — Мятывын Пэлжээ. Вспоминаю главного инженера Монгольской энергосистемы Чойжилсурэнгийн Пурэвдоржа, ставшего заместителем председателя Совета Министров Монголии. Начальником энергосистемы МНР долгое время являлся мой давний знакомый Чемит.

Монголия — это мир, где господствует буддизм и его ветвь — ламаизм. В Улан-Баторе расположены ведущие дацаны, при посещении которых словно попадаешь в зазеркалье. В начале XX века монгольская нация стояла на грани вырождения, вымирала от повальной эпидемии сифилиса и проказы. Распространителями сифилиса зачастую выступали сами ламы, обладавшие правом первой брачной ночи. Страшные болезни удалось преодолеть только при помощи России. На некоторых картинах местных художников, изображающих прежний быт, можно увидеть так называемые «долины смерти», где дикие собаки терзают трупы людей. Согласно верованиям ламаизма, копать землю — тяжкий грех. Если человек тяжело заболел, а лама принимал решение, что заболевший — не жилец на этой земле, то несчастного, пусть даже еще и живого, вывозили в «долину смерти» и бросали на произвол судьбы. Если отверженный все-таки выживал, и его не загрызали собаки, он все равно не мог вернуться домой. Для своей семьи он становился птицей, цветком или пылью, то есть находился в другом измерении. Человека, осмелившегося вопреки всему вернуться, ждала суровая расправа.

Советский Союз считал подготовку энергетиков для молодой монгольской промышленности одним из своих основных приоритетов. Вся энергосистема Монголии была создана в советские времена, по советским технологиям и с участием советских специалистов. С помощью СССР в этой соседней стране была создана объединенная энергосистема Центрального района, синхронно работавшая с Единой энергосистемой нашей страны по двум линиям 220 кВ.

В период моей работы начальником Главвостокэнерго нам вплотную пришлось заниматься проблемами надежности ТЭЦ-1, которая фактически была переведена в котельную. Именно из коллектива этой станции на околоземную орбиту поднялся первый космонавт монгольской национальности.

Шло освоение и налаживание работы ТЭЦ-3. С ее реконструкцией и переводом на угли Баганурского месторождения, расположенного в 130 километрах восточнее Улан-Батора, было значительно снижено вредное влияние станции на окружающую среду, повышена надежность и эффективность ее эксплуатации.

Строительство Улан-Баторской ТЭЦ-4 было начато в 1980 году. Топливом для котлов были также предусмотрены угли Баганурского разреза. Установленная электрическая мощность станции после окончания строительства составила 410 МВт, а тепловая — 460 МВт. В 1987 году был разработан проект расширения ТЭЦ-4, согласно которому предусматривалась дополнительная установка двух котлоагрегатов БКЗ-420-140 и двух турбин типа ТП-80-130. Расширение станции было завершено в 1989 году. Ее электрическая мощность достигла 570 МВт, а тепловая — 1050 Гкал/ч. ТЭЦ-4 является одной из наиболее мощных электростанций, действующих на сегодняшний день в Монголии.

Много сил пришлось нам потратить при развертывании и освоении первой машины на ТЭЦ-4. Трудности заключались в слабой подготовке кадров из числа «монгольских товарищей». Бывшие ойраты-кочевники с трудом осваивали пульт управления, оборудование высокого давления и высоких температур. Иногда они просто покидали рабочие места, могли целую неделю заниматься личными делами, а потом, как ни в чем ни бывало, заявлялись на станцию. Бывали случаи откровенного вредительства: кто-то бросал песок в масло редукторов дымососов или вентиляторов, что приводило к их остановке, а следовательно, и к остановке котлов. По имевшимся фактам проводились расследования, виновные строго наказывались. Вообще проблем было много: приходилось привозить в Монголию роторы турбин, двигатели, аккумуляторы, другое имущество и оборудование — и все, в основном, на безвозмездной основе.

За совместную работу мы награждали монгольских специалистов советскими правительственными наградами, а также профессиональными знаками отличия. Один из таких знаков, в частности, был посвящен 60-летию плана ГОЭЛРО. В свою очередь, монгольские руководители благодарили и советских энергетиков. В 1981 году, в дни празднования 60-летия образования Монгольской народно-революционной партии, в Монголию была приглашена делегация Минэнерго СССР, в которую входили заместитель министра Михаил Васильевич Борисов, начальник Всесоюзного объединения Загранэнергостроймонтаж Александр Павлович Поддубный и я. Нас принимал генеральный секретарь ЦК МНРП, председатель президиума Великого народного хурала МНР Юмжагийн Цеденбал. Мое участие в работе по оказанию братской стране помощи в создании собственной энергетической отрасли было отмечено правительственной наградой Монголии.

На посту начальника главка я, как и мой предшественник, получил возможность поближе познакомиться с методами работы «карающего меча» партии — КПК при ЦК КПСС. Через полгода после назначения я получил задачу представить от Главвостокэнерго достойную кандидатуру на присвоение звания Героя Социалистического Труда. Подумав, я решил предложить Бориса Александровича Растоскуева, 60-летнего директора Красноярской ГЭС, станции-красавицы, уже вышедшей на максимальную мощность. Для этого были все основания.

Вклад Бориса Александровича в дело строительства Красноярской ГЭС и города Дивногорска велик и бесспорен, но еще более значителен он был в деле формирования и становления эксплуатационного коллектива ГЭС. В течение длительного времени коллектив Красноярской ГЭС был лучшим эксплуатационным коллективом Минэнерго СССР. Можно смело сказать, что на Красноярской ГЭС была создана своя школа гидроэнергетиков-эксплуатационников, главными чертами которой являются высокая квалификация, ответственность, производственная культура и дисциплина.

Но тогда мало было определить подходящую кандидатуру: ее еще нужно было согласовать с крайкомом партии, что я и сделал, обратившись к секретарю по идеологии Полине Георгиевне Макеевой. Партийная дама не согласилась с моим предложением (по ее мнению, директор был «в возрасте») и посоветовала подумать о кандидатуре рабочего или женщины. Я упорно стоял на своем, а когда понял, что спорить бесполезно, пошел к первому секретарю Красноярского крайкома КПСС Павлу Стефановичу Федирко, предварительно переговорив со вторым секретарем крайкома КПСС Леонидом Георгиевичем Сизовым.

Федирко безо всяких проволочек официально согласовал предложенную мной кандидатуру, и директор Красноярской ГЭС Борис Александрович Растоскуев стал вскоре Героем Социалистического Труда. А Полину Георгиевну Макееву буквально через три месяца перевели на работу в КПК при ЦК КПСС, которую возглавлял член Политбюро ЦК КПСС Арвид Янович Пельше. И надо же было в это время случиться аварии на линии электропередачи, питавшей Красноярский алюминиевый завод (КраАЗ) от Красноярской ГЭС! Кто-то шепнул Макеевой, что отключение произошло по вине Растоскуева. На Бориса Александровича тут же было заведено «дело». На место выехал инспектор КПК, чтобы «раскрутить» проблему, а заодно вместе с новоиспеченным Героем наказать и меня.

Я хорошо помню эту голгофу. Меня вызвали в КПК, дали бумагу и выставили в коридор. За приставным столиком я должен был написать о своей причастности (или непричастности) к факту аварии на ЛЭП в Красноярске. Это была довольно неприятная процедура. Я честно опи-

сал все причины аварийной ситуации, встав на защиту директора: он ни в чем не был виновен. Потом состоялось разбирательство, в ходе которого было вынесено решение с известной всем формулировкой: «Дьякову А. Ф. строго указать...». Таким образом, я уже на своей шкуре познал неумолимость КПК, который, разбираясь с проступком коммуниста, преследовал одну цель — подавить его личность, заставить бояться, принудить к унижительным просьбам о прощении. Потом мне еще четыре раза пришлось побывать на КПК, но и тогда я сумел отстоять свою позицию. Какие бы нажимы ни делались, ломаться человек не должен. Он должен защищать объективную позицию, а не признаваться в том, что выгодно кому-то другому.

10 ноября 1982 года в 8 часов 30 минут утра (мне в этот день исполнилось 46 лет) скоростижно скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев. В стране был объявлен четырехдневный траур. В день похорон Брежнева страна приникла к телевизорам. Затаив дыхание, мы наблюдали за процедурой похорон государственного деятеля, стоявшего во главе могущественной партии ровно 18 лет. Все знали, что Брежнев никогда не выдавал себя за реформатора, не обнаруживалось в нем и революционных качеств. Скорее всего, как точно выразился бывший канцлер ФРГ Вилли Брандт, это был «консервативно настроенный управляющий огромной державы».

Я смотрел тогда на процедуру похорон и думал: «Более четырех пятых своей жизни я прожил при ВКП (б) — КПСС и ее вождях. Каждый из них провозглашал какие-то программы, призывал население поднатужиться, чтобы приблизить их выполнение. Коммунизм, обещанный советскому народу еще Хрущевым, как раз и должен был быть построен к 1982 году, ровно к дате смерти Брежнева. Но щедрые обещания благ народам, как подтверждает история, еще никогда и никем не выполнялись». Мечта о светлом будущем всего человечества развеялась так же бесследно, так растаял над Красной площадью дым оружейного салюта, прогремевшего в честь «верного ленинца», ушедшего в иной мир. Потом серыми тенями вслед за ним ушли калифы на час — Андропов и Черненко...

Этот период в политической истории нашего Отечества получил название «застоя», или, если использовать иностранное слово, «стагнации». В советском обществе созревало осознание объективной необходимости осуществления решительных шагов в сторону изменения сложившегося положения дел. Для дальнейшего движения к социализму требовалось разгрести накопившиеся завалы, слово привести в соответствие с делом. Чтобы быстрее и увереннее идти дальше, требовалось, наконец, ответить на вопрос: «Где мы находимся?»

Само слово «перестройка» появилось намного позже. Но впервые о ней было упомянуто в докладе Юрия Владимировича Андропова на ноябрьском (1982 года) Пленуме ЦК КПСС. Новоиспеченный Генеральный секретарь ЦК партии говорил о необходимости ускорения работы по совершенствованию всей сферы руководства экономикой, управления и планирования хозяйственного механизма, предоставления большей самостоятельности предприятиям, колхозам и совхозам, ведения решительной борьбы с повальным нарушением дисциплины.

Правда, наметившиеся тогда первые ростки перестройки были мягко и спокойно забыты сразу же после смерти Ю. В. Андропова. С приходом на пост Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко вновь был возрожден брежневский стиль восхваления партийного вождя. Нам, энергетикам, пришлось искать уже давно не существовавшую деревню, перенесенную в другое место при затоплении водохранилища Красноярской ГЭС, в которой якобы родился Генеральный секретарь. Указом Президиума Верховного Совета СССР центр Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, построенный нами, энергетиками, на месте старинной деревни Шарыпово, был переименован в город Черненко. Краевое партийное руководство Красноярского края развернуло активнейшую работу по созданию в городе Красноярске мемориального комплекса, в центре которого возвышался бюст К. У. Черненко. От всего этого несло архаикой и нафталином. Но еще более тяжелое и неприятное состояние пришлось испытать мне в 90-х годах, при очередном посещении Красноярского края, когда этот мемориал был разрушен, бюст К. У. Черненко «передан» в музей, а городу энергетиков было возвращено его прежнее название — Шарыпово. В эти годы энергетики понимали необходимость перестроечных процессов, но без ломки и разрушения созданного, при сохранении и наращивании энергетического потенциала страны.

Генсеки приходили и уходили, а энергетическая отрасль страны оставалась, требуя повседневной заботы и решения выдвигаемых жизнью проблем. Одной из них была проблема создания экологически чистой тепловой электростанции на угле. Для этого велись поиски и предпринимались определенные шаги по внедрению новых методов сжигания угля и новой техники, что давалось нам не очень просто. В частности, много сил и энергии было отдано созданию и освоению энерготехнологической установки ЭТХ-175 на Красноярской ТЭЦ-2, предназначенной для переработки угля в объеме 1 млн. 300 тыс. тонн в год методом высокотемпературного пиролиза. Этот метод позволял получить для электростанции газ, а для промышленности — жидкие фракции типа бензина, а также тяжелые и легкие смолы.

В основу конструкции установки было заложено оборудование, прошедшее длительные испытания на малой ОПУ, созданной на ТЭЦ-2 Тверьэнерго, производительностью 3,5 тонны в час по подмосковному бурому углю. Установка в Твери безотказно проработала более десяти лет и полностью подтвердила результаты исследований, проведенных в Государственном научно-исследовательском энергетическом институте им. Г. М. Кржижановского (ЭНИН).

Некоторая задержка с вводом в эксплуатацию и освоением ЭТХ-175 в эксплуатацию вызвала то ли интерес, то ли раздражение инспекторов КПК, опять возжелавших всыпать мне по первое число. Но в связи с тем, что она строилась не по постановлению ЦК КПСС, а по решению Совета Министров СССР, то вопрос переадресовали в Комитет народного контроля СССР. Был строго наказан главный инженер Главвостокэнерго Герман Федорович Кохомский: он получил выговор и был оштрафован в размере трех месячных окладов.

Прошел 1983 год. Вдруг обнаружилось, что по вине проектировщиков и строителей неустойчиво и с большими выбросами золы начали работать первые блоки Экибастузской ГЭС, современной станции, работавшей на твердом, довольно высокозольном, каменном угле. Ее первый энергоблок мощностью 500 МВт был пущен в эксплуатацию в 1980 году. Станцию курировал заместитель министра по эксплуатации Минэнерго СССР Юрий Кузьмич Семенов. В ЦК партии и Совмине СССР требовали освободить Семенова от должности. Особенно старался заместитель Председателя Совета Министров СССР Вениамин Эммануилович Дымшиц. Однако вскоре на пенсию был отправлен сам Дымшиц. На его место был назначен Борис Евдокимович Щербина. Когда при Совете Министров СССР было создано Управление топлива и энергетики, Щербина на должность начальника этого управления назначил Семенова.

К самому памяtnому личному событию тех лет я отношу защиту кандидатской диссертации по теме «Системный подход к предотвращению гололедных аварий в энергосистемах». Она состоялась в Новочеркасском политехническом институте (НПИ). Моим научным руководителем был Александр Сергеевич Засыпкин, с которым мы работаем сейчас вместе в научных советах МЭИ по защите докторских диссертаций. Доктор технических наук, профессор Засыпкин заведовал кафедрой «Автоматизированные электроэнергетические системы» Южно-Российского государственного технического университета.

На моей защите Александр Сергеевич сказал:

— Анатолий Федорович представил интересную, многогранную, имеющую практическое значение диссертацию. Хотя я официально и числюсь его руководителем, но кто из нас и кем руководил — это еще вопрос спорный!

Для участия в защите я с разрешения министра взял недолгий отпуск — якобы по семейным обстоятельствам. Надо же было вдруг случиться, что в это время я понадобился Непорожнему. Он позвонил мне домой, а Тамара ответила:

— Вы же подписали ему отпуск!

— Да я помню! А где он?

— А вы разве не знаете? Он же защитил кандидатскую диссертацию.

Петр Степанович умиrotворенно произнес:

— Я снимаю перед ним шляпу...

Когда на следующее утро я появился на селекторном совещании, проводимом министром, Непорожний объявил на весь Советский Союз:

— Хочу сообщить всем хорошую новость. У нас теперь есть еще один кандидат технических наук — Анатолий Федорович Дьяков. Но я уверен, что он обязательно будет и доктором наук, и профессором!

Новая должность — новые задачи

После вступления советских войск в Афганистан репутация СССР на международной арене была окончательно испорчена. В создавшейся ситуации партийному руководству страны уже не было смысла оглядываться на мировое общественное мнение в решении внутриполитических вопросов. А их накопилось немало. В частности, головной болью обитателей кабинетов на Старой площади стало «движение инакомыслящих», так называемых диссидентов, с лидерами которого руководство КГБ СССР расправлялось самым решительным образом. В январе 1980 года, как говорится, без суда и следствия, был выслан в г. Горький на поселение академик А. Д. Сахаров. В Москве вслед за ним были арестованы 23, а в следующем году — еще 11 известных диссидентов.

Насильственной изоляции были подвергнуты более 500 человек, относивших себя к сторонникам точки зрения о путях дальнейшего развития СССР, не совпадавшей с официальной, в том числе почти все лидеры национальных и религиозных движений. В 1982 году прекратила свою деятельность Международная Хельсинкская группа. Однако очередная идеологическая кампания, предпринятая с целью очистки советского общества от плевел инакомыслия, не была доведена до конца. Комитету госбезопасности оказалось уже не по силам приостановить тайную работу диссидентской мысли, продолжавшей оказывать определенное влияние на умы и настроения людей. Естественная потребность в обмене идеями и информацией была загнана в подполье и происходила уже далеко от глаз и ушей посторонних: через «самиздат», на конспиративных квартирах, при встречах во время выезда за границу.

Я считаю, что смутьяны, бунтовщики, революционеры — это хотя и радикально настроенные, но естественные представители человеческого рода, без которых не обходилась и не обходится ни одна эпоха и ни одно общественное устройство. Своими идеями и действиями они словно подают властям сигнал, что в обществе назрела потребность в осуществлении перемен. Однако их стремление к ниспровержению авторитетов и открытию, как им кажется, новых направлений движения к «светлому будущему» лишь тогда может считаться полезным, если выдерживает

испытание опытом, унаследованным от прошлого, доказывает свою целесообразность по прошествии времени.

Не каждый сдвиг земной коры на глубине океана должен заканчиваться разрушительным цунами, но каждый мало-мальски серьезный шторм должен наталкивать жителей прибрежных районов на размышления о необходимости укрепления береговой линии волноотбойными сооружениями. К счастью, свою наибольшую активность диссиденты, как правило, проявляли в гуманитарной, правовой и общественно-политической областях, не соприкасавшихся с проблемами, которыми приходилось повседневно заниматься работникам электроэнергетической отрасли народного хозяйства СССР.

Как-то раз министр энергетики и электрификации П. С. Непорожний проводил очередную селекторную оперативку. После совещания он попросил меня зайти к нему. Предложив сесть, Петр Степанович сказал доверительным тоном:

— Знаете, меня волнует эффективность работы нашего главного планово-экономического управления...

На секунду задумавшись, он продолжил:

— Его возглавляет Панфилов... Но он — капитальщик и не знает экономики. Я хочу предложить эту должность вам. Если согласитесь — станете членом коллегии министерства.

Я ответил просто:

— Это новая для меня работа, но как скажете, так и будет.

— Хорошо, — кивнул Петр Степанович, — будем оформлять.

На этом мы расстались. На следующее утро — это было 1 марта 1984 года — Петр Степанович, начиная селекторное совещание, объявил:

— Я хочу вам зачитать один документ. Постановление Совета Министров СССР, номер, дата... Назначить Дьякова Анатолия Федоровича на должность заместителя министра энергетики и электрификации СССР. Подпись — Тихонов.

Сказать, что это решение было для меня большой неожиданностью, — значит не сказать ничего. А Непорожний тем временем разъяснял:

— Он будет ведать всеми вопросами эксплуатации энергетических объектов Российской Федерации и Казахской ССР. Сегодня произошла авария на первом блоке Экибастузской ГРЭС. Вам, Анатолий Федорович, надо немедленно вылететь туда и приступить к работам по восстановлению.

За два месяца до аварии в Экибастузе меня упорно уговаривали дать согласие на назначение министром энергетики и электрификации Казахской ССР. Я не согласился, и 3 марта 1984 года туда назначили Виктора Тихоновича Казачкова, ранее работавшего управляющим РЭУ Свердловскэнерго.

В Экибастузе Павлодарской области (в переводе с казахского — «две головки соли»), я бывал уже не один раз. Поселение на этом месте возникло рядом с Экибастузским каменноугольным месторождением, открытым в 1876 году местным жителем Косумом Пшембаевым в 110–120 километрах к западу от Павлодара. До революции добычей угля занимались англичане. В советское время была разработана программа промышленной разработки экибастузских углей, но к ее осуществлению приступили только после Великой Отечественной войны. В 1948 году был забит первый колышек на месте строительства нового поселка, а в 1957 году Экибастузу был присвоен статус города. Строили Экибастуз всем миром всерьез и надолго. В строительстве только одной ГРЭС-1 участвовало множество различных предприятий, организаций и научно-исследовательских институтов. Экибастуз считался центром крупнейшего топливно-энергетического комплекса.

Сами экибастузцы с полным правом называют свой регион угольной столицей Казахстана. Но экибастузские угли отличаются высокой зольностью, достигающей 47–54%. Здесь ходит шутка: «От экибастузской золы у овец в Монголии зубы стерлись». И в ней, наверное, есть доля истины: ведь дым из труб электростанций уносится ветром, в основном, в сторону Китая и Монголии.

Старожилы Экибастуза насчитывали в своем городе семь «чудес света». Первое «чудо» — каменный цветок из угля — встречал каждого, кто въезжает в город. Второе — кривая дымовая труба Экибастузской ГРЭС-1, укороченная на пятнадцать метров. Третье — перпендикулярный поворот дороги направо при съезде с железнодорожного моста. Четвертое — углеобогатительная фабрика, не работавшая ни одного дня. Пятое — ковш никогда не работавшего нового экскаватора, поставленный на пьедестал в День шахтера главным инженером, впоследствии снятым за это с должности. Шестое — памятник «Единственному непьющему шахтеру в Экибастузе». И седьмое — семиэтажная гостиница, которую не могли ввести в строй в течение двадцати лет.

До моего назначения заместителем министра было сделано немало по выявлению и устранению узких, аварийных мест на Экибастузской ГРЭС-1, много было наработано предложений по улучшению ее работы. Не хочу преувеличивать здесь свою роль. Но и мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы реализовать все намеченные мероприятия, чтобы все ее энергоблоки, в конце концов, заработали нормально.

Занимаясь освоением и вводом восьми блоков 500 МВт на Экибастузской ГРЭС-1, Минэнерго СССР осуществляло разработку проекта Экибастузской ГРЭС-2 и поставляло на нее оборудование с учетом использования высокозольных углей. На работах, связанных с освоением блоков

на этих двух электростанциях, было сконцентрировано внимание ответственных должностных лиц ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Экибастузскими станциями лично занимались Петр Степанович Непорожный, пришедший ему на смену Анатолий Иванович Майорец, министр энергетического машиностроения Владимир Макарович Величко, а также заместители Председателя Совета Министров СССР Алексей Константинович Антонов, Вениамин Эммануилович Дымшиц, Борис Евдокимович Щербина. Работы на Экибастузских ГРЭС курировал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Динмухамед Ахмедович Кунаев. Дела на станции постоянно держал в поле своего внимания Председатель Совета Министров Казахской ССР Нурсултан Абишевич Назарбаев. Мы часто встречались с ним как на самой ГРЭС, так и на совещаниях в Алма-Ате, вместе докладывали Кунаеву о ситуации на Экибастузских ГРЭС и в республиканской энергетической отрасли в целом.

Много пришлось уделить внимания повышению надежности работы Ермаковской ГРЭС, трех ТЭЦ в Павлодаре, а также строительству ТЭЦ-3 в Алма-Ате. В 1988 году была построена и освоена первая в мире ЛЭП ультравысокого напряжения 1150 кВ Барнаул — Экибастуз. ЛЭП-1150 кВ строилась в качестве сверхмощного энергомоста для передачи электроэнергии от Экибастузского энергоузла и электростанций Сибири на промышленные объекты уральского региона и Центра страны. Она является единственной в мире линией электропередачи такого класса напряжения.

Для обеспечения надежной работы ЕЭС СССР и сохранения ее статической устойчивости с вводом в эксплуатацию этой мощной линии электропередачи сверхвысокого напряжения, с передачей по ней мощности до 5500 МВт, было запроектировано и начато строительство другой линии на напряжение 1500 кВ постоянного тока с подстанцией в городе Экибастузе. С точки зрения новых технических решений, это был уникальнейший проект, позволявший увеличить передачу энергомощности в этом сечении с обеспечением статической и динамической устойчивости Единой энергетической системы страны в случае аварийных отключений одной из них. К большому сожалению, эта линия с подстанцией, ставшая ненужной двум суверенным государствам, в настоящее время разрушена и разграблена.

В этот период по всей стране начали уделять много внимания вопросам экологии. Тогда на тепловых электростанциях Казахстана проводилось немало мероприятий, связанных с природоохранной деятельностью и экологией. В частности, велись работы по уменьшению выбросов пыли, окислов серы и азота.

В 1984 году моя дочь Светлана вышла замуж за Геннадия Яковлевича Красникова. Моей семье повезло, что у нас появился такой прекрасный человек. Геннадий воспитывался в рабочей семье, был приучен к труду с детства. После окончания в 1981 году физико-технического факультета Московского института электронной техники по специальности «инженер-физик» он работал на ведущем российском предприятии по производству интегральных микросхем «НИИ молекулярной электроники и завод «Микрон» (город Зеленоград), где прошел должности начальника участка, цеха, секретаря комитета ВЛКСМ (на правах райкома), заместителя генерального директора.

Геннадий обладает характером лидера, человека целеустремленного, собранного, с обостренным чувством долга. Поэтому не удивительно, что в 1991 году ему был доверен пост генерального директора завода. Красников — один из немногих руководителей электронной промышленности, который сумел удержать предприятие «на плаву» без больших потерь. «Микрон» за годы реформ сумел заключить экспортные контракты и поставляет интегральные схемы для производства электроники нашим восточным соседям — странам, которые называют азиатскими драконами. В последующем Геннадий Яковлевич стал генеральным директором концерна, генеральным конструктором — научным руководителем концерна «Научный центр», входящего в крупнейший российский холдинг — АФК «Система».

Узнав, что я стал кандидатом наук, Геннадий заявил, что на ниве науки он меня не только догонит, но и не даст оторваться далеко. Свое слово он сдержал: защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал профессором, а в 1997 году был избран членом-корреспондентом РАН. Геннадий Яковлевич — прекрасный семьянин, хороший муж, отец, отличный товарищ. Мы все его глубоко уважаем, любим и считаем своим родным сыном.

Но человеческая жизнь — это, в большинстве случаев, не гладкая дорога, ведущая вперед к достижению новых успехов и получению радостей. Порой, это путь, на котором судьба выставляет перед нами свои самые сложные, непреодолимые преграды, это линия, указывающая направление, по которому, независимо от нашего желания, нас тихо покидают самые близкие и дорогие люди. 2 октября 1984 года, в возрасте 78 лет, умерла моя мама. Я отдыхал в санатории «Сочи», когда мне сообщили, что ее разбил инсульт, и она плохо себя чувствует.

Брат перевез маму из Марьинской в Черкесск. Я срочно прилетел туда и поднял на ноги весь крайком партии: в Карачаево-Черкесии не нашлось нужных врачей. В Ставропольском крайкоме «на хозяйстве» оставался тогда Иван Сергеевич Болдырев, который на следующий год

встал во главе краевого комитета партии и находился на этом посту до августа 1991 года. Он сделал все, чтобы врачи прибыли по вызову. Но, к сожалению, помочь маме уже ничем было нельзя: в семь утра она скончалась.

Похороны в станице Марьинской были назначены на 4 октября. Съехалось более трехсот человек — все мои друзья, представители из республик Северного Кавказа. Таких проводов станица никогда не видела: было прислано более ста пятидесяти венков. Я хорошо помнил мамины слова. Она говорила: «Вот умру, похорони меня со священником, по церковному обряду. Но прошу об одном — обо мне плакать не надо. Не люблю, когда голосят по покойнику».

Так оно и получилось. В одной комнате у гроба звучали смешные эпизоды из маминой жизни, а в другой, по инициативе подруг Анастасии Андреевны, всю ночь пел церковный хор, активной участницей которого она была. Певчим были розданы изданные в старину тексты Священного Писания, а также принадлежавшие покойнице сборники молитв с нотами.

На другой день кто-то пригласил из Нальчика священника, который был закреплен за паствой церковного прихода станицы Марьинской. Решив не «раздражать» многочисленных партийных и государственных работников, присутствовавших на похоронах, и не компрометировать меня, члена КПСС, он сказал моей жене, Тамаре Федоровне:

— Я не хочу лишних разговоров и неприятностей Анатолию Федоровичу. Я понимаю всю сложность ситуации, поэтому отпою усопшую в церкви по всем правилам сам, без нее. Для Анастасии Андреевны я сделаю все, что полагается в этом случае в нашем православном мире.

От дома по пути на кладбище играл духовой оркестр. На похоронах от начала до конца присутствовал второй секретарь Кировского райкома партии Владимир Федорович Рыков, с которым у нас установились дружеские отношения. Одно время он возглавлял администрацию моего родного района, а затем стал генеральным директором АО Ставрополь-стройнеруд.

На могиле сразу был установлен металлический обелиск с ввинченной в него звездой, а через двое суток вместо звезды появился крест. Выглядело это, может быть, кощунственно, но, как говорят, что было — то было... Через год я организовал поминки, которые, несмотря на «сухой закон», прошли, как положено, — по-русски. Чувство потери любимого человека по прошествии времени становится гораздо сильнее, чем на другой день после его смерти. И чем дальше я отдаляюсь от печальной даты, тем острее осознание невозвратимости. До сих пор в моем сердце, словно заноза, сидит боль неотвратимой утраты.

Примерно в этот период в Москву приезжал Александр Петрович Кустов. На проходной министерства ему назвали мой внутренний телефонный номер «03», говорящий о том, что обладатель магических цифр — третье лицо в энергетической иерархии. Трудно было не узнать его голос:

— Звонил в вашу приемную. Мне сказали номер телефона «03». Помните, я вам говорил, что вы далеко пойдете?

Я ему ответил коротко:

— Я помню все, что связано с вами, и хочу за все сказать вам большое спасибо.

Так уж устроено вокруг, что мир непрерывно обновляется: одна жизнь стареет, отходит в прошлое, а другая нарождается, молодеет, расцветает, берет инициативу в свои руки. Но ничто в жизни не кончается, не пропадает, никто не уходит бесследно. То, что начинает один, продолжает другой. От одного поколения к другому переходит эстафетная палочка добрых и полезных дел.

После смерти Константина Устиновича Черненко в кремлевском окружении началась напряженная суета, словно все понимали, что на пьедестале советской истории осталось не так уж и много места. На созванном в срочном порядке мартовском Пленуме ЦК КПСС вопрос избрания нового генсека не занял много времени. По предложению А. А. Громыко Генеральным секретарем ЦК КПСС был единодушно избран М. С. Горбачев. В июле 1985 года поступок Андрея Андреевича был вознагражден: он был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Узнав о перестановках в Кремле, я сразу позвонил первому секретарю Ставропольского крайкома партии Ивану Сергеевичу Болдыреву. Тот назвал назначение Горбачева «историческим событием». «Как это важно, что наш земляк, Михаил Сергеевич, стал Генеральным секретарем ЦК КПСС!» — захлебывался от восторга Иван Сергеевич. Более прозорливым оказался мой двоюродный брат, Николай Николаевич. «Ну, все, Советскому Союзу — конец!» — был его приговор. Аналогичное заявление прозвучало и от бывшего секретаря Ставропольского крайкома партии Земцова. Тогда в это было трудно поверить. Но пророчества трезвомыслящих людей сбылись.

Началась перестройка, идеи которой не свалились неизвестно откуда. Созрев на базе социально-нравственного опыта самого советского общества, они породили в кремлевском руководстве иллюзии о возможности достижения народного благоденствия путем декретирования сверху мобилизационных, ударных действий. Государственную программу подменили сумбурными призывами к «избиению» то директоров предприятий, то секретарей обкомов партии. Никто тогда не имел ни ма-

лейшего представления о какой-либо выстроенной системе перехода к рынку. В экономике возник хаос, а в обществе — разброд и шатания. Партия потеряла рычаги управления, ее роль была сведена к нулю. А ведь можно было пойти и «другим путем»...

В марте 1985 года, находясь в командировке на Невинномысской ГРЭС, я узнал из телевизионных новостей об отправке на пенсию Петра Степановича Непорожного, проработавшего на министерском посту почти четверть века. Энергетики это сообщение восприняли тяжело, да и сам Непорожный долго не мог привыкнуть к своему положению. Но мне тогда показалось, что уход Петра Степановича на заслуженный отдых спасет его от какой-то неприятности. Не зная, что делать с экономикой страны, в верхах искали пути повышения эффективности работы. Началось передвижение руководителей по горизонтали. Но как бы музыканты не садились...

На место Непорожного в марте 1985 года пришел Анатолий Иванович Майорец. Значительная часть трудового пути Анатолия Ивановича связана с Запорожским трансформаторным заводом. Здесь с 1953 по 1965 год он прошел путь от электромонтера до директора завода. В течение двадцати лет он занимал посты заместителя и первого заместителя министра, а затем — министра электротехнической промышленности СССР.

Энергетика для Майорца была неисследованным полем деятельности. Вначале мы к нему присматривались: «Как начнет мести новая метла?» Анатолий Иванович — надо отдать ему должное — ничего не стал сразу ломать, сохранил цепочку преемственности в кадровой политике: на освобождающуюся руководящую должность всегда выдвигал заместителя ушедшего руководителя. Видно было, что у него была своя система в работе, чего нельзя было сказать о Петре Степановиче, который в последние годы руководил так, как считал нужным, был, может быть, излишне демократичным.

С Анатолием Ивановичем у меня сложились неплохие взаимоотношения. Он полностью мне доверял, поручив одну из самых тяжелых миссий в министерстве: обеспечение надежной эксплуатации всех энергосистем страны и диспетчерское управление ими. Но, вместе с тем, итоги работы энергетической отрасли в 1985 году были плачевными. Утвержденная в 1982 году постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР Энергетическая программа СССР на длительную перспективу была поставлена под удар. Выступая на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года, Ю. В. Андропов заявил, что, «если не принять неотложные меры, Энергетическая программа будет сорвана». Энергетическая программа, как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК партии, — это план ГОЭЛРО в новых условиях, а поэтому партии и государству необходимо уделять

ей больше внимания, необходимы опережающие темпы развития большой энергетики.

До Ю. В. Андропова к проблемам энергетической отрасли серьезно относились Н. С. Хрущев и Л. И. Брежнев. Еще будучи вторым секретарем ЦК КПСС, отвечающим за военно-промышленный комплекс, Леонид Ильич — сам опытный инженер — оказывал огромную помощь и поддержку в разработке и производстве уникального оборудования для энергетиков. Когда он стал Генеральным секретарем ЦК, эта помощь была усилена во много раз. С приходом к власти в период глубокого застоя К. У. Черненко экономическое положение страны еще более усугубилось. Поскольку лидер партии не являлся специалистом и не знал особенностей экономики государства, он не мог оказать квалифицированную помощь в работе по выполнению Энергетической программы СССР.

Поэтому, начиная с 1984 года, в развитии электроэнергетической отрасли начался период снижения вводов энерго мощностей, что привело к необходимости использования оборудования электростанций, уже выработавшего свой ресурс, для покрытия растущего электро- и теплопотребления. А это повлекло за собой невыполнение плана по удельному расходу топлива по отрасли и вынужденные отключения потребителей для поддержания частоты в Единой энергетической системе.

На работу Минэнерго СССР неблагоприятно влияло негативное отношение Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова к нашему министру П. С. Непорожнему, что чувствовалось почти на всех заседаниях правительства. Заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Э. Дымшиц неоднократно говорил Петру Степановичу о том, что Николай Александрович недоволен его деятельностью на посту руководителя министерства. Начало такого рода «недружеским» отношениям было положено еще в то время, когда Тихонов занимал должность заместителя Председателя Совета Министров СССР и ведал металлургической промышленностью. А причина состояла в постоянной недисциплинированности металлургов, допускавших перебор лимитов потребления электроэнергии.

В январе 1985 года П. С. Непорожний добился, чтобы его принял М. С. Горбачев — самый молодой, подающий надежды секретарь ЦК КПСС. Министр доложил о положении дел с развитием электроэнергетики страны в целом и, в частности, по вопросам электрификации сельского хозяйства. К большому удивлению Петра Степановича Горбачев не проявил никакого интереса к информации, свидетельствующей о тревожном положении в электроэнергетике. Более того, он даже выразил недовольство по поводу просьб П. С. Непорожного и заявил о своем негативном отношении к пришедшему к нему на прием министру энергетики и электрификации СССР. М. С. Горбачев явно забыл, какой огром-

ный объем работ по развитию большой энергетики и электрификации Ставрополя был выполнен под руководством этого министра. Разговор состоялся ровно за два месяца до избрания М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

По завершении года, после ухода Непорожного, никого из энергетиков не представили к наградам. Только лишь два человека получили ордена: директор Экибастузской ГРЭС — Трудового Красного Знамени, да я — Октябрьской Революции.

С приходом Анатолия Ивановича Майорца на должность министра энергетики и электрификации СССР в министерстве на более высокий уровень была поднята работа по контролю над качеством энергетического оборудования, поставляемого на электростанции и сети машиностроительными заводами всех министерств и ведомств. Под его руководством была создана по-настоящему действенная система противодействия браку и недоработкам. Основной причиной, подтолкнувшей к созданию такой системы, стали поставки некачественного оборудования на Экибастузскую ГРЭС-1, Березовскую ГРЭС-1, да и на многие другие энергообъекты. Первой серьезной реакцией союзного министерства на некорректные действия поставщиков был возврат с Березовской ГРЭС-1 (с предъявлением штрафа на двенадцать миллионов рублей) на Подольский машиностроительный завод им. С. Орджоникидзе (ныне «ЗИО — Подольск») котла П-67 первого 800-мегаваттного блока. А вес котла был более 20 тысяч тонн, да и высота внушительная — 110 метров.

В преамбуле к претензионному письму Анатолий Иванович написал, что возврат предпринят для восстановления «чистоты отношений» между производителем оборудования и потребителем, коим является Минэнерго СССР. Это вызвало бурю негодования в Министерстве энергетического машиностроения СССР. Владимир Макарович Величко открыто материл Минэнерго СССР и лично его руководителя Анатолия Ивановича Майорца: «В гробу я видел эту чистоту отношений!» Но завод все-таки переделал котел и заплатил штраф, что, несомненно, оказало воспитательное воздействие на другие ведомства и организации, поставлявшие оборудование на наши энергетические объекты.

Отставание объемов ввода новых энергетических мощностей от Энергетической программы заставило нас думать о продлении ресурса действующего энергетического оборудования. Для активизации и повышения эффективности работы в этом направлении в Минэнерго СССР под моим руководством работала комиссия по техническому перевооружению и реконструкции. Членами комиссии являлись представители Академии наук СССР и Государственного комитета СССР по науке и технике, видные ученые и инженерно-технические специалисты машино-

строительных министерств, проектных, научно-исследовательских институтов, эксплуатационных главков и других организаций и ведомств.

Так, ГКНТ СССР в комиссии активно представлял легендарный энергетик, организатор, ученый Дмитрий Георгиевич Жимерин — выпускник Московского энергетического института 1931 года. Первый трудовой опыт он получил, работая в ЦК профсоюза электриков и в Наркомате тяжелой промышленности СССР. В 1939–1940 годах Дмитрий Георгиевич последовательно занимал должности главного инженера и начальника Главного управления электростанций и электросетей Юга, а затем — первого заместителя наркома электростанций и электропромышленности СССР. 20 января 1942 года Жимерин занял пост министра электростанций СССР. При укрупнении министерств 5 марта 1953 года он был назначен на должность первого заместителя министра электростанций и электропромышленности СССР. Позже Дмитрий Георгиевич занимал высокие посты в Бюро Совета Министров СССР по химии и энергетике и Госплане СССР. В период с 1964 по 1971 год он возглавлял Государственный научно-исследовательский энергетический институт им. Г. М. Кржижановского (ЭНИИ), а с 1971 года работал в Государственном комитете науки и техники на должности первого заместителя председателя. Жимерин — доктор технических наук, член-корреспондент АН СССР.

Комиссия заседала не реже одного раза в месяц и проработала вплоть до распада Советского Союза. Большой вклад в проделанную работу внес ответственный секретарь комиссии И. Н. Кравченко. Ранее он занимал должность начальника Главсеверовостокэнерго и очень много сделал в области развития энергетики и электрификации региона. Комиссией была подготовлена Концепция технического перевооружения и реконструкции отрасли. На базе этой концепции были утверждены «Основные положения по техническому перевооружению и реконструкции тепловых электростанций Минэнерго СССР до 1990 г.». Через комиссию, после предварительного обследования, были пропущены все ТЭС, выработаны предварительные рекомендации и разработаны технико-экономические расчеты их технического перевооружения. Всего за этот период были выполнены технико-экономические расчеты технического перевооружения и реконструкции 109 ТЭС, а работы по реконструкции велись на 61 электростанции.

Программа по реконструкции и расширению действующих гидроэлектростанций до 1990 года предусматривала реконструкцию 17 и расширение 8 объектов гидроэнергетики за счет установки дополнительных агрегатов. Пробуксовка в выполнении запланированных объемов технического перевооружения и реконструкции происходила из-за срыва поставок электроэнергетического оборудования и узлов к ним.

Цена своеволия

Занимаясь энергетикой Казахстана, я имел счастье участвовать в работах, связанных с обеспечением космических запусков с космодрома Байконур, расположенного рядом с городом Ленинском. Кто в Советском Союзе знал тогда об этом городе, основанном 5 мая 1955 года, но так и не обозначенного на картах? Только лишь местные жители, да военные, выполнявшие свои особые задачи. В Ленинске находилась ТЭЦ, обеспечивавшая город теплом, а космодром — электроэнергией. Электростанцию эксплуатировали военные, и она была доведена «до ручки». О какой-то надежности электроснабжения космодрома не могло быть и речи. А ведь в период запуска ракеты была необходима четкая, бесперебойная и надежная поставка электроэнергии на все установки, пульты управления, главный вычислительный центр запуска.

Передо мной была поставлена четкая задача — обеспечить такую надежность. Первым моим шагом было строительство подстанции 500/220 кВ. Основными источниками энергии, подававшейся по линиям 220 кВ, являлись Джамбулская ГРЭС им. 50-летия Октябрьской революции (ныне — Жамбылская ГРЭС им. Т. И. Батурова) и Кызылордынская ТЭЦ. Резервным источником питания являлся Карагандинский энергетический узел, подававший энергию по линиям электропередачи в габаритах 500 кВ, но работавших на напряжении 220 кВ. С введением такой схемы надежность электроснабжения была резко повышена, но стопроцентной гарантии все равно дать было нельзя. Поэтому при космических запусках все время приходилось волноваться и задавать себе один и тот же вопрос: «А не произойдут ли непредвиденные сбои, которые повлекут за собой тяжелые последствия?» К счастью, таких сбоев не было.

За несколько суток до запуска я получал совершенно секретное оповещение, после чего начиналась подготовка к обеспечению надежного энергоснабжения. Для энергетиков этого региона вводился режим работы «особый период», который действует, как правило, только в военное время. Основная тяжесть при этом ложилась на ОДУ энергосистем Казахстана и сетевые предприятия Южказэнерго, где управляющим был Калык Абдуллаевич Абдуллаев, вскоре назначенный первым заместителем

лем министра энергетики и электрификации Казахской ССР. Я уважал и поддерживал этого молодого, энергичного руководителя и в меру своих возможностей способствовал его выдвижению на должность первого заместителя Председателя Совета Министров — председателя Госплана Казахской ССР.

На Байконуре я был причастен и к совершенно секретному тогда проекту многоразовой космической системы «Энергия-Буран». Мне посчастливилось работать вместе с летчиком-космонавтом № 2, в то время еще генерал-лейтенантом Германом Степановичем Титовым, возглавлявшим группу ответственных специалистов, отвечавших за наземные инженерные коммуникации, куда входил и я. Проект «Буран» находился в стадии активного испытания, и все свидетельствовало о том, что Советский Союз находится на пороге очередного прорыва в космос. С ноября 1987 года по март 1988 года летчики-испытатели Иван Иванович Бачурин и Алексей Сергеевич Бородай выполнили шесть атмосферных полетов на аналоге «Бурана» — БТС-002, отрабатывая автоматическую и ручную посадку корабля. Свой первый и последний полет «Буран» совершил в беспилотном режиме в ноябре 1988 года. Бачурин ушел на пенсию в декабре 1992 года, а через год уволился из армии и Алексей Бородай. В 1993 году программа «Буран» была закрыта.

Мои домочадцы не знали о моих командировках на Байконур, а тем более — о работе в составе правительственной комиссии по «Бурану». Я тогда наивно полагал, что при наличии такой мощной силы, как КГБ, коей полагалось денно и ночью заботиться о сохранении государственных интересов, об утечке сведений по закрытым темам не может быть и речи. Однако Герман Степанович развеял мою уверенность и показал американский журнал, на страницах которого, как говорится, «в полный рост» было помещено изображение ракеты-носителя и нашей, по выражению Титова, «птички» с указанием всех параметров. Герман Степанович тогда горько усмехнулся:

— Мы думаем, что все держим в секрете, а они-то, оказывается, все знают...

За участие в космической программе «Буран» я был отмечен крупной по тем временам денежной премией, которую получил через закрытый спецотдел министерства общего машиностроения СССР. А жене пришлось сказать, что это — вознаграждение за рационализаторское предложение.

Столкнувшись с проблемой обеспечения надежности энергоснабжения Байконура, я принял решение о строительстве временной передвижной электростанции мощностью 72 МВт. Такая электростанция состояла из трех вагонов, каждый из которых обеспечивал мощность по

24 МВт. В свою очередь, в каждом вагоне размещалось по две турбины по 12 МВт. Но, по большому счету, там необходимо было строить стационарную электростанцию мощностью порядка 400 МВт, которая работала бы на таком чистом в экологическом отношении топливе, как газ. Предварительно я согласовал с военными все вопросы строительства. Мы все просчитали, наметили разработчика генерального проекта. Но перед окончательным принятием решения на строительство нужно было определить генерального подрядчика.

В городе Ленинске находилась военно-строительная организация Министерства обороны СССР, имевшая хоть и небольшую, но собственную строительную базу. Поэтому я полагал нецелесообразным привлекать генподрядчика со стороны: им должно было стать Министерство обороны. При этом наши тепломонтажники уверяли, что все сделают, как надо. Но военные не захотели брать на себя решение этой проблемы. Тогда я предложил вынести этот спорный вопрос на решение заместителя Председателя Совета Министров СССР В. Е. Щербины.

Борис Евдокимович запомнился мне как неординарная личность. Занимая выборные комсомольские и партийные должности, он дошел до первого секретаря Тюменского обкома КПСС. Благодаря его усилиям в Тюменской области был создан топливно-энергетический комплекс, бурное развитие получила энергетическая, лесная, деревообрабатывающая, легкая промышленность, различные виды транспорта. Щербина одним из первых выступил с идеей закрепления человека на Севере. Он считал, что на Севере человек должен жить в домах, которые не хотелось бы покидать. Результатом его последующей — в течение 11 лет — работы в должности министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР стало удвоение протяженности магистральных трубопроводов и возрастание в несколько раз темпов обустройства нефтяных и газовых промыслов, что позволило стране выйти на первое место в мире по добыче нефти и газа. Это был энергичный, сильный руководитель, умевший, как говорится, схватывать на лету и не боявшийся внедрять в практику производства все, что появлялось нового в технике, технологии и науке.

В его кабинет в кремлевском здании Совета Министров СССР были приглашены заместитель министра общего машиностроения СССР — начальник Главкосмоса СССР, а также более десяти генералов и полковников, представлявших интересы военного ведомства. На совещании также присутствовали министр энергетики и электрификации СССР Анатолий Иванович Майорец, начальник ЦДУ ЕЭС СССР Евгений Иванович Петряев, заместитель председателя Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу Юрий Кузьмич Семенов.

Щербина, в силу особенностей своего характера, проводил совещания своеобразно. В соответствии со своим стилем он сразу расставлял все точки над «і». Демонстрируя силу с целью привлечения внимания всех присутствующих на совещании к своей персоне, обладавшей, как он, наверное, полагал, непререкаемым авторитетом, Борис Евдокимович выбирал жертву, которую должен был размазать по столу у всех на глазах.

С краткой информацией о цели совещания выступил Семенов. Никаких вопросов ко мне не последовало. Вдруг Щербина взвился:

— Безобразие! Как вы могли довести энергоснабжение космодрома до такого состояния? Вы занимаетесь своим делом или нет!?

Военные съезжились. Они знали, что это я привел их сюда, проделав большую работу по устранению недостатков, которые у них накопились. На этом совещании должна была получить одобрение программа действий, выработанная мной совместно с военными. Вопрос был подготовлен досконально. Нужно было просто договориться, кто будет генеральным подрядчиком: Минэнерго СССР или Минобороны СССР. Но Щербина, не вникнув в суть проблемы, решил продемонстрировать военным свои властно-волевые качества, выбрав для этого такую фигуру, как заместитель министра энергетики и электрификации Союза ССР. Майорец сидел рядом со мной с опущенной головой.

Поначалу я молчал, слушая несправедливые нападки, но скоро терпение мое лопнуло. Я встал и довольно резко оборвал Щербину:

— Почему это вы решили отчитывать меня в присутствии подчиненных и военных? Смею вам напомнить, что это совещание подготовлено и проходит по моей инициативе. Это я настоял на его проведении! Это я готовил все вынесенные на сегодняшнее обсуждение вопросы! Как мне кажется, вы должны были свои претензии высказать Министерству обороны СССР, а не хлестать меня по физиономии перед собравшимися. Разве можно так себя вести? Вместо принятия решения вы изощряетесь в способах, как меня лучше пригнуть.

Борис Евдокимович опешил. Остолбенели и военные. Хорошенькая была картина: заместитель отраслевого министра схлестнулся с заместителем Председателя Совета Министров СССР! Не каждый день увидишь такое. Видно было, что Щербина не ожидал такого отпора. Растерянный, он повернулся к Майорцу и промолвил:

— Анатолий Иванович, что он такое говорит?

Анатолий Иванович молчал. Я чувствовал, что он тоже оскорблен до глубины души и не хочет принимать сторону Щербины.

В кабинете повисла гнетущая тишина. Казалось, воздух звенел от напряжения, как перетянутая струна. Никто не знал, как выйти из этого положения. Вместо делового обсуждения получилась какая-то сва-

ра. Чувствовалось, что тяготевший к популизму Щербина не был готов к проведению такого серьезного совещания, а поэтому решил показать генералитету свою эрудированность и способность быстро решать проблемы. Как правило, он проявлял активность лишь в том случае, если наверняка знал, на чем можно выгодно сыграть. Тогда он брал на себя инициативу и начинал давить с целью продемонстрировать, что он сидит на своем месте, владеет ситуацией и может ее решить.

Затянувшуюся паузу прервал Юрий Кузьмич Семенов, знавший слабые стороны своего начальника. Спасая положение, он сказал:

— Борис Евдокимович! Посмотрите, как удачно сюда можно провести газопровод...

Тот сразу встрепенулся:

— Где чертеж?

Щербина углубился в изучение чертежа, делая вид, что никакого инцидента не произошло. Полилось обсуждение тонкостей строительства газопровода. Совещание продолжилось, но к вопросу о назначении генерального подрядчика так и не подошли. Я напомнил Щербине:

— Так надо все-таки определить, кто будет генподрядчиком!

Тот опять вскинулся раздраженно:

— Вы, что, сами договориться не можете? Анатолий Иванович, я поручаю вам самому решить этот вопрос с Министерством обороны.

Сбросив тяжесть проблемы на чужие плечи, Борис Евдокимович объявил совещание закрытым, а мне предложил остаться.

Когда все вышли, Щербина начал меня стыдить:

— Анатолий Федорович, разве можно так вести себя? Вы же находитесь у зампреда Совета Министров...

— Борис Евдокимович, — перебил я его, — а вам так вести себя разве можно? Я ведь заместитель союзного министра, работаю не за страх, а за совесть. Вы даже не вникли в суть дела. Ведь это я их вытащил к вам. Это я организовал совещание. Это я поставил вопрос, чтобы ускорить процесс. Вместо того, чтобы пожурить военных за десятилетнее ничегонеделание, за срыв энергоснабжения космодрома — я их спасаю все время «временками», несмотря на затраты! — вы меня при них — мордой об стол! И должностные лица Минобороны, которых я укорял и воспитывал, сидели и злорадствовали, любуясь сценой моего унижения. Я никому не позволю так к себе относиться!

Щербина не стал комментировать мои доводы:

— Вы все же подумайте на будущее. Так нельзя...

На этом мы с ним расстались. Я вышел из его кабинета. В приемной меня ждал Анатолий Иванович. Мы с ним переглянулись — и ему все стало понятно.

Впоследствии Борис Евдокимович относился ко мне корректно, давал задания и даже приводил в пример другим, как надо готовить совещания. Он никогда больше не повысил на меня голос. Но в нужное время он воспользовался случаем и напомнил, «кто есть кто», не поддержав мою кандидатуру при выдвижении на пост министра энергетики и электрификации СССР.

Майорец тоже не поддавался давлению Щербины, вел себя независимо, с достоинством, как и полагается министру огромной и важной отрасли промышленности, что не нравилось Борису Евдокимовичу, создавало в отношениях между ними ненужные трения. А от этого страдали все мы и наше общее дело.

Мои воспоминания о Борисе Евдокимовиче Щербине были бы неполными, если бы я не привел здесь еще несколько связанных с ним эпизодов. Человек неординарной судьбы, инженер-практик, он много внимания уделял новым технологиям, пытался во всем найти полезное и прогрессивное. Борис Евдокимович поддерживал все передовые научные разработки в области энергетики. Когда возникли сомнения по поводу того, продолжать или нет внедрение 800-мегаваттных блоков, он волевым решением, при опоре на мнение научных кругов, заставил ввести еще четыре блока-800 на Сургутской ГРЭС-2.

Щербина был профессиональным строителем, поэтому его очень увлекла идея трубопроводной транспортировки угля от мест добычи до котлов электростанций в виде водно-угольных суспензий (ВУС). В производственной практике конца 80-х годов XX века применялось два метода сжигания водно-угольной суспензии. Первый заключался в обезвоживании (такой опыт был накоплен на Беловской ГРЭС): водно-угольная суспензия в пропорции примерно 50 на 50 подается из шахты на станцию, где с помощью центрифуг производится ее обезвоживание, дробление и сжигание, как в обычной топке. Но отделяемая в процессе обезвоживания вода содержит много вредных компонентов, из-за чего сброс ее в водные бассейны по экологическим нормативам недопустим. Этот хороший метод так и не был внедрен из-за слишком больших затрат (предполагавшихся, но так никем и не подсчитанных) на очистку воды, которые необходимо было учесть при организации производства.

На Беловской ГРЭС были проведены испытания другого метода, заключающегося в сжигании водно-угольной суспензии без обезвоживания. Но для этого необходимо было отслеживать несколько параметров: оптимальное соотношение угля и воды, стабильность подачи суспензии, чтобы в случае ее непредвиденного останова уголь не выпадал в осадок и не закупоривал трубопровод, величину зольности угля. Наши опыты показали, что для устойчивой работы этого вида транспорта зольность

угля не должна была превышать 10–12%. Кроме того, необходимы были пластикаторы, которые бы обеспечивали беспрепятственное скольжение суспензии по трубопроводу.

Начинать такие работы на ровном месте было совсем непросто. Мы знали, что в США проводились исследования и даже накоплен кое-какой опыт в этой области, но он еще нигде не применялся. Щербина принял волевое решение: «Таким трубопроводам быть!» Он поручил одному из институтов Нефтегазстроя разработать проект трубопровода Белово (Кузбасс) — Новосибирск общей протяженностью 260 километров с несколькими станциями перекачки. Не дождавшись окончания проектных расчетов и результатов экспериментов, Борис Евдокимович буквально «через колено» заставил строителей уложить этот трубопровод в землю.

Энергетиков мучил один вопрос: «А будет ли гореть эта суспензия?» Опытное сжигание суспензии на Беловской ГРЭС показало, что при нормальной работе котлов происходило снижение мощности до 10%. Чтобы исправить создавшееся положение, нужно было решить массу проблем, связанных с реконструкцией действующих котлов и горелок. Срочно понадобились емкости, в которых можно было бы хранить суспензию перед ее введением из трубопровода в котел. Необходимо было разработать механизм поддержания суспензии во взвешенном состоянии во избежание зашлаковки емкостей.

Борис Евдокимович никого не жалел. Он рвал и метал, заставляя решать эти проблемы незамедлительно. Нами были испробованы различные виды горелок, в том числе и ротационные, но, в конце концов, были все-таки разработаны обычные. А вот с подачей суспензии в котел дело застопорилось: нужны были насосы специальной конструкции.

Для обсуждения проблемы транспортировки водно-угольной суспензии по поручению Щербины было подготовлено заседание коллегии Государственного комитета по науке и технике Совета Министров СССР, председателем которого был академик Гурий Иванович Марчук, до этого занимавший пост президента Академии наук СССР. Мы ожидали взвешенного подхода к стоящим задачам, определения путей их решения и выделения необходимых финансовых средств. Но вместо серьезного разговора прозвучали речи, похожие на призывы и лозунги.

Министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Владимир Григорьевич Чирсков доказывал: «Мы готовы сколько угодно закопать трубопроводов, и задание по укладке трубопровода Белово — Новосибирск выполним непременно!» Бил себя в грудь министр угольной промышленности СССР Михаил Иванович Щадов: «Я готов выдавать на гора угля столько, сколько необходимо, но при зольности не менее 25%. Пусть берут! Обогащать уголь до 10% не будем». Когда

его стали убеждать, что при таких условиях система работать не будет, он возмутился: «Какая разница? Что вы в этом понимаете? На обогащение у меня нет денег. У меня не хватает средств даже на вскрышные работы!»

Присутствовавшие на коллегии ГКНТ СССР ученые заняли соглашательскую позицию и послушно кивали головами. Я поднялся на трибуну:

— Вы понимаете, что при зольности 25% котел не будет работать. Подать можно, суспензия придет, но величина зольности угля влияет на силу и устойчивость факела горелки, не говоря о быстром выходе из строя горелок из-за эрозийного износа.

Марчук изрек:

— А вы сделайте, чтобы горелки вращались, как барабан нагана!

Я его спросил:

— Гурий Иванович, а вы представляете себе, что такое горелка? Это же не маленькое отверстие — это огромное сооружение.

Как видно, ответственные лица принимали решение, не представляя проблемы в целом. Они относились к той категории людей, которые воображают, что им принадлежит право судить обо всем, не отвечая за последствия своих оторванных от земли суждений.

Я продолжал:

— Продумали все: и как делать дробилки, и как производить обогащение. Но никому не была поставлена задача: исследовать проблему сжигания. Ведь это — главная, конечная цель, которую так никто и не сформулировал.

Нам пришлось на ходу переделывать первый, второй и третий котлы на Новосибирской ТЭЦ-5, чтобы подогнать их под суспензию. По моему мнению, бурые (с зольностью не более 18%), да и каменные угли легче транспортировать на большие расстояния по трубопроводным системам, чем другим видом транспорта. Наличие воды в водно-угольной суспензии уменьшает количество выбросов окислов азота, то есть решается частично проблема экологии. А если уголь сернистый, то надо делать установки по улавливанию окислов серы, чтобы тепловая электростанция была экологически чистой.

Несмотря на сопротивление советских ученых, Щербина распорядился передать заказы на изготовление насосов итальянской фирме «Sun Projette», которая впоследствии получила за свою работу около 15 миллионов долларов. К тому времени, когда итальянские насосы доставили на Новосибирскую ТЭЦ-5, мы уже применили там простые отечественные плунжерные насосы, которые работали ничуть не хуже.

Вот к чему привел принцип руководства «давай-давай», положенный в основу административно-хозяйственной системы. Никого не интересовал конечный результат: «А какой эффект получают в итоге энергетики?»

Как в сатирической интермедии в исполнении Аркадия Райкина: «Мне, Барабашкин, не рыба важна — мне сам процесс важен!»

Когда линия трубопровода на участке Беловская ГРЭС — Новосибирская ТЭЦ-5 заработала, в перегоняемой суспензии было примерно 70% угля, 29% воды и 1% пластификатора, добытого нами с большим трудом в результате долгих поисков. Систему запустили, но бесперебойность ее работы, как мы не раз заявляли, зависела от качества угля. Угольная промышленность подавала нам уголь с превышением зольности, доходившей до 24%, в результате чего в трубопроводе образовывались пробки. При первом же останове трубопровод был разморожен. Так очередная небрежность погубила ценную идею прямо на корню. Проблема эта так до сих пор и не решена, хотя, если исходить из нынешнего курса рубля, такой способ подачи топлива, по сравнению с перевозкой угля железнодорожным транспортом, обходится гораздо дешевле.

В неудаче обвинили преимущественно энергетиков, хотя решение всего комплекса вопросов поручали Госкомитету по науке и технике Совета Министров СССР и Академии наук СССР. Использование водно-угольной суспензии влекло за собой необходимость внесения изменений подхода к конструкции всей системы, в том числе котлов, горелочных устройств и насосов. Практика показала: на старых принципах организации работы, да на одних окриках далеко не уедешь.

Тревожные предвестия

Заканчивалась вторая половина 80-х годов XX столетия. На экранах телевизоров доминировала общественно-публицистическая программа «Взгляд», в кинотеатрах крутили художественный, но так похожий на документальный, фильм Сергея Александровича Соловьева «Асса», молодежь заслушивалась философскими песнями Виктора Цоя и Бориса Гребенщикова, в русскую литературу, как признанный классик, вошел Андрей Платонов. На улицах советских городов еще появлялись, словно последние могикане в «свободной» Америке, тройки дружинников, гонявшихся за так называемыми «неформалами». Всем хотелось многое наверстать и успеть, жалко было потерянного дня, ночи, минуты. В 1986 году весь мир облетели сообщения о националистических волнениях в столице Казахстана Алма-Ате, а в декабре 1988 года страшный подземный удар до основания разрушил армянские города Лениканан, Спитак, Степанаван. Но самым страшным бедствием не только в истории нашей страны, но и всего человечества, был взрыв ядерного реактора на Чернобыльской АЭС.

В апреле 1986 года, занимая должность заместителя министра энергетики и электрификации СССР по науке и технике, я в составе советской делегации выехал в Милан для участия в научном конгрессе, посвященном проблемам развития атомных электростанций. Мне было поручено выступить с сообщением о месте и роли АЭС в советской энергетике и перспективах поставки получаемой на них электроэнергии западным странам. Но именно в этот день из Москвы неожиданно пришла спутавшая все наши планы новость о взрыве на 4-м блоке Чернобыльской АЭС, произошедшем в ночь на 26 апреля. Наша делегация сразу же приняла решение о немедленном возвращении домой, а я полетел в Киев.

Самолет приземлился в столице Украины, когда радиация вовсю «гуляла» по улицам города. После ознакомления с ситуацией в Минэнерго Украины я получил команду вернуться в Москву. С этого дня была установлена очередность выезда в Припять всех работников аппарата Министерства энергетики и электрификации СССР. Тогда еще никто не ощущал на себе опасности, исходившей от разрушенного блока. В самом

начале царило полное непонимание сути происшедшего, люди были совершенно не готовы осознать его катастрофичность.

Чернобыльская атомная электростанция (ЧАЭС) расположена в восточной части белорусско-украинского Полесья, на берегу впадающей в Днепр реки Припять. Этот регион характеризуется относительно плоским рельефом и небольшой плотностью населения. В начале 1986 года общая численность населения в 30-километровой зоне вокруг АЭС составляла около 100 тыс. человек, из которых 49 тысяч проживали в городе энергетиков Припять, расположенном к западу от трехкилометровой санитарно-защитной зоны АЭС.

Какие только причины возникновения аварии на ЧАЭС ни назывались за прошедшие годы! В 2003 году Служба безопасности Украины (СБУ) обнародовала документы из архивов КГБ, в которых якобы говорится, что в 1979 году были отмечены отклонения от проекта и технологии при строительстве реакторов, а в 1982 году на станции произошла авария, сопровождавшаяся выбросом в атмосферу значительных количеств радиоактивных веществ.

Но обычным людям теперь уже мало дела до причин, приведших к катастрофе: пусть в них разбираются специалисты. Страшно другое: до сих пор не осознаны все страшные последствия взрыва на ЧАЭС. Как считал один из крупнейших генетиков мира, ныне покойный академик РАН Николай Петрович Дубинин, чернобыльская авария по загрязненности территории трех государств долгоживущими радионуклидами «эквивалентна действию взрыва двухсот-трехсот бомб, сброшенных американцами в 1945 году на Хиросиму». По данным шведских ученых, уже 28 апреля 1986 года чернобыльские «осколки» были зафиксированы на восточном побережье Балтийского моря, а в течение трех недель мая того же года, согласно некоторым научным публикациям, они дважды достигали западного побережья Северной Америки.

Многих «ликвидаторов» сегодня уже нет среди живых. Большие дозы облучения получили Щербина и Майорец. Борис Евдокимович, как истинный партиец, на ликвидацию аварии бросался грудью. Потом у него было обнаружено сердечно-сосудистое заболевание. Несмотря на предупреждения врачей, он старался жить активно. За три дня до смерти Борис Евдокимович «для разминки» еще что-то копал на дачном участке.

Взрыв на 4-м блоке станции тяжело отразился на состоянии и последующем развитии атомной энергетики нашей страны. Изначальная причина катастрофы на Чернобыльской АЭС была заложена в недооценке на самом высшем уровне фундаментальных принципов безопасности. Хотя некоторые администраторы и ученые, в том числе академик Александр

Петрович Александров и бывший министр среднего машиностроения Ефим Павлович Славский, продолжали выступать за развитие АЭС на реакторах большой мощности канальных (РБМК).

Получив сообщение о трагедии, Горбачев заявил, что за такие дела министра надо снимать с работы и судить. В Политбюро ЦК КПСС был поставлен вопрос о строгом наказании руководства Минэнерго СССР. Но кого надо было наказывать? Нового министра энергетики и электрификации СССР Майорца? Так он никакого отношения к этому происшествию не имел, так как был недавно назначен. В результате рассмотрения дела Анатолий Иванович получил выговор и понес его по жизни, словно тяжкий крест. А Петр Степанович Непорожный родился в рубашке. Не уйди он в то время на пенсию, его бы просто растоптали. Видимо, действительно, нет худа без добра. Обстоятельства сложились таким образом, что для России был сохранен крупный руководитель и ученый, которого мы по праву называем патриархом энергетики Советского Союза.

В 80-е годы XX века перед человечеством возникла еще одна, тогда не до конца осмысленная, угроза с грозно рычащим названием «терроризм», ставшая, по меткому определению Жака Ширака, «оружием безграничной и чаще всего безликой войны». Если с 1970 по 1980 год во всем мире было совершено 1814 террористических актов, то с 1980 по 1986 год их число увеличилось более чем вдвое. Главной целью терроризма стала дестабилизация государственных режимов, возбуждение у населения обеспокоенности из-за своей незащитности перед лицом насилия, смена государственной власти в стране и осуществление иных политических, национальных или религиозных чаяний. Стремясь своими варварскими акциями вызвать в обществе страх, панику и депрессию, а во властных структурах — безволие и неспособность принимать адекватные решения, террористы пытаются ускорить осуществление тех задач, обсуждение которых за столом переговоров заранее обречено на провал.

Советские граждане об этой напасти узнавали главным образом из сообщений средств массовой информации. Но мало кто из них мог предположить, что разнесенные ветром ненависти семена терроризма, упав на почву нерешенных социально-экономических и национальных проблем, вскоре дадут буйные всходы в ряде регионов нашей страны, в том числе и на родном для меня Северном Кавказе.

Задумываясь над этим новым для нашей страны явлением, я прихожу к выводу, что терроризм, как и другие ростки зла, произрастающие на земле со времен создания мира, невозможно искоренить изданием «хороших» указов и постановлений. В каждой цивилизации настает время, когда старое подвергается пересмотру и перелицовыванию, но проходит еще немало времени, прежде чем станет ясно, правильными

или ошибочными были проведенные преобразования. Окончательный вывод возникает в результате длительных раздумий и изысканий, да и то, если эти изыскания пойдут в верном направлении. Однако не всех обнаруженная истина может удовлетворить — и не только потому, что она не абсолютна, но и потому, что она одной из сторон не выгодна. А если учесть, что процесс поиска истины осложняется еще и человеческой предрасположенностью к ошибкам, то возникает благоприятная среда, в которой гордиев узел терроризма затягивается еще туже.

1986 год памятен и приятными для меня событиями. 9 мая в семье моей старшей дочери Светланы и Геннадия родился сын. С этого времени в этот день наша семья отмечает годовщину Великой Победы, день рождения Светланы и день рождения внука Андрея. Этот малыш был ниспослан нам свыше в ознаменование памяти о моем отце, унесенном неумолимым шквалом прошлой войны, а также в знак вознаграждения за мое трудное сиротство. Светлана, не советуясь ни с кем, назвала сына в честь моего деда. Что я не смог сделать сам — воплотить себя в сыне и назвать его в честь любимого деда, полного Георгиевского кавалера, — то сделала моя дочь. Она с детских лет знала о моей мечте и переживала вместе со мной. Я горжусь своей дочерью: Светлана окончила 1-й Московский медицинский институт, стала провизором, фармацевтом. Она любящая жена и заботливая мать.

10 ноября 1986 года, в самый разгар «сухого закона», я отметил свой полувековой юбилей, который совпадал с 50-летием моей родной Ставропольской энергосистемы и Баксанской ГЭС. Меня пришли поздравить все заместители министра, но праздника не получилось. В воздухе висело ощущение какой-то неловкости. Дело в том, что хотя столы и ломились от разнообразных закусок и прохладительных напитков, на них не было ни одной бутылки спиртного. Накануне из партии с шумом был исключен один заместитель министра по сельскому хозяйству, употребивший спиртное на охоте. Когда он под винными парами сошел с трапа самолета, кто-то зафиксировал «жареный» факт.

Официальная часть чествования проходила на заседании коллегии Минэнерго СССР. Несколько теплых слов сказал Анатолий Иванович Майорец, отметивший мой вклад в развитие энергетической отрасли страны. Он выразил мне благодарность за работу и зачитал приказ министра о присвоении мне звания «Почетный энергетик СССР». Он напомнил также о высокой правительственной награде — уже врученном мне ордене Октябрьской Революции, как неоспоримом свидетельстве государственной оценки моих усилий, направленных на развитие Экибастузского топливно-энергетического комплекса. Мне вручили памятные адреса от коллективов многих энергосистем.

Большую радость вызвало у меня поздравление от коллектива Ставропольской ГРЭС, который в этом году отмечал свой праздник — 10-летие со дня пуска станции. В этой станции была заложена и частица моего труда, о чем мне напоминал орден Трудового Красного Знамени. Земляки вручили мне памятный адрес, фотоальбом о ходе строительства электростанции и настольный символ Ставропольской ГРЭС: на плоской мощной каменной плите прикреплен бронзовый контур ГРЭС с цифрами, указывающими дату ее рождения. Приятным сюрпризом прозвучало поздравление от группы военных, прибывших на мой юбилей во главе с космонавтом Германом Степановичем Титовым. Он вручил мне на память о нашей совместной работе на космодроме Байконур настольный макет космического корабля «Союз-Аполлон».

Большой неожиданностью для меня было поздравление от Комитета государственной безопасности СССР, который был представлен генералом и полковником. Мне приходилось часто встречаться с этими людьми. Это были грамотные, высоко подготовленные инженеры. Они прекрасно ориентировались в тонкостях и проблемах энергетической отрасли, давали обдуманные, доброжелательные рекомендации. Сотрудники КГБ вручили мне радиоприемник, снабженный ремнями для переноски, с мощными элементами питания, который я в тот же день спрятал в металлическом сейфе. Об этом подарке я вспомнил через три года. Приемник, заработавший, к моему удивлению, с первого щелчка тумблера, я передал уже подростку внуку Андрею. Еще мне подарили фотоальбом, где хронологически была представлена вся моя жизнь от босоного марьянского мальчишки до заместителя союзного министра.

Торжественное празднование 50-летия Ставропольской энергосистемы и Баксанской ГЭС состоялось в Пятигорске, в здании Ставропольского государственного краевого Театра музыкальной комедии. Мне вручили памятный адрес и свидетельство о внесении моего имени в Книгу трудовой доблести и славы Ставропольской энергосистемы с присвоением звания «Почетный работник энергосистемы». Управляющим Ставропольэнерго был тогда Иван Степанович Лазаренко. Как легко я чувствовал себя в окружении друзей и товарищей, с которыми начинал свою деятельность! Они были свидетелями моего становления, среди них я начинал молодым свой марш по профессиональной стезе.

Министр энергетики и электрификации СССР Анатолий Иванович Майорец довольно уверенно влился в жизнь коллектива нашего министерства. Немало сил и энергии отдал он совершенствованию системы управления огромным аппаратом. Но отношения со Щербиной и руководством Бюро по ТЭК при Совете Министров СССР у него что-то не складывались. В повседневную работу министерства постоянно вмешивался

Юрий Кузьмич Семенов, собравший в Бюро по ТЭК всех обиженных из числа бывших работников Минэнерго СССР. Он был большой любитель накалять обстановку, занимался критиканством, нужно и не нужно поучал каждого, кто подворачивался ему под руку.

На совести Семенова лежит несправедливое освобождение от должности первого заместителя министра энергетики и электрификации СССР по капитальному строительству Станислава Ивановича Садовского, имевшего огромный опыт управления строительными коллективами, возводившими Чарвакскую ГЭС в Узбекистане, Саяно-Шушенскую и Красноярскую ГЭС. Семенову была явно не по нутру принципиальная позиция Майорца по многим вопросам. Развязка наступила неожиданно.

Это было майским субботним утром 1989 года. Направляясь в свой служебный кабинет, я оказался в лифте вместе с Анатолием Ивановичем. Он поздоровался со мной и сказал:

— Поздравляю вас, Анатолий Федорович, с новым министром.

— С каким министром? — недоуменно спросил я. — Что это за человек? И почему вы уходите? — засыпал я его градом вопросов.

— Вашим министром будет «ЮК», — коротко обронил он.

«ЮК» — так у нас еще со времен Непорожного называли Юрия Кузьмича Семенова.

— Вчера состоялось заседание Секретариата ЦК, на котором принято решение освободить меня от должности, — продолжал Майорец. — На пост министра рассматривались два человека: Семенов и вы. Егор Кузьмич Лигачев и я поддерживали вашу кандидатуру. Наши доводы сводились к тому, что вы грамотнее, да и рука у вас потяжелей, чем у Семенова. Щербина выступил за назначение Юрия Кузьмича. Горбачев спросил мнение у Председателя Совета Министров СССР. Николай Иванович Рыжков ответил, что поддерживает предложение Щербины, поскольку работать с министром ему.

Майорца освободили от должности министра за полтора месяца до шестидесятилетнего юбилея. Семенов приступил к обязанностям в июле 1989 года. Я очень хорошо знал личные и деловые качества нового министра энергетики и электрификации СССР.

В период пребывания Семенова в Бюро по ТЭК при Совете Министров СССР оттуда доносились его странные высказывания о том, что как только он станет министром, всех уволит, «в том числе и профессора Дьякова». И действительно, не успел «ЮК» усесться в министерское кресло, как увольнения последовали одно за другим. С должностей были сняты заместитель министра по кадрам Валентин Логинович Смирнов, член коллегии, начальник Главного научно-технического управления Виталий Иванович Горин, начальник Главного научно-технического уп-

равления по капитальному строительству Александр Пудович Гуцин и другие работники, относившиеся к категориям, на которые министр вообще не должен был сосредоточивать свое внимание.

У нас с «ЮК» были хорошие, дружеские отношения, но мои успехи в науке почему-то не давали ему покоя. Он все время пытался как-то меня задеть, предъявлял необоснованные претензии. На первой же коллегии Минэнерго СССР он заявил о себе:

— Мой недостаток состоит в том, что я все знаю.

Так продолжалось до нашей совместной поездки в Ленинград, где проходило заседание Научно-технического общества (НТО) СССР. Перед его открытием были зачитаны фамилии участников заседания и их научные звания. Очередь дошла до управляющего Ленэнерго, профессора, доктора технических наук Семена Арминаковича Казарова. Семенов не выдержал и вслух обратился к Казарову:

— И ты — профессор?

Вечером произошло наше объяснение с Семеновым. Казаров решил поднять бокал за министра, сказав, что «Юрий Кузьмич был единственным и незаменимым кандидатом на пост министра». Реакция Семенова была мгновенной. Показывая на меня пальцем, он воскликнул:

— Как это — единственный? А он?

— Ну и что же в этом плохого? — спросил я. — Юрий Кузьмич, давай будем работать спокойно. Не нагнетай обстановку. Убрать меня тебе не удастся — поломаешь зубы. А ненужная борьба ни к чему хорошему не приведет.

Один мудрый человек как-то сказал, что факты нашей жизни, которыми мы, порой, придаем такое большое значение, имеют общественный смысл лишь в том случае, если они обладают способностью лететь над землей, словно вольные птицы, если их можно заставить задышать, как выпавшего из гнезда и обмершего от страха птенца. Никто не отнимает у нас право на поиск смысла. Но дело это рискованное, есть шанс, что там, где мы его ищем, давно уже ничего не лежит...

В последние месяцы существования СССР мы предлагали Семенову создать на базе Минэнерго СССР Всесоюзную корпорацию «Единая энергетическая система», но ему очень не хотелось расставаться с министерским портфелем. Не оказавшись он в первый день августовского путча в Финляндии, наверняка влился бы в ряды активных гэкачепистов, как это сделал его заместитель Алексей Наумович Макухин, занимавший до 1982 года пост министра энергетики и электрификации Украинской ССР.

Ю. К. Семенов немного поостыл, когда мы начали создавать Инженерную академию. Не желая быть ее членом (моей заветной целью была

Российская академия наук), я постарался, чтобы Семенов был избран академиком-секретарем электроэнергетического отделения Инженерной академии.

Есть такие области деятельности, которые постоянно выдвигают перед человеком массу самых язвительных, неудобных вопросов, ни на один из которых порой нельзя найти нигде вполне вразумительных ответов. Хотя постоянно присутствует ощущение, что ответы где-то совсем рядом. Такой областью для меня было все, связанное с созданием нового вида оборудования, работавшего на газе и угле.

Как известно, на территории бывшего Советского Союза (а сейчас — России) имеются огромные запасы газа. Но любой трезвомыслящий человек понимает, что это — временное благо, подаренное нам природой, и к нему надо относиться бережно. Сжигать газ — это, по выражению Дмитрия Ивановича Менделеева, все равно, что топить печь ассигнациями. Коэффициент полезного действия тепловых электростанций, работавших на газе, составлял не более 40%.

Все тепловые электростанции и котельные, работавшие на газе, используют традиционные технологии его сжигания, не позволяющие поднять их коэффициент полезного действия. Поэтому, создавая новые технологии, ориентированные на использование газа, мы ставили перед собой задачу создать малогабаритный котел с высокотемпературным вихрем, низкой металлоемкостью, который удовлетворял бы всем экологическим требованиям. Более эффективный путь использования газа в энергетике — это сжигание его в парогазовых установках (ПГУ) с использованием газовых турбин для выработки электроэнергии с утилизацией уходящих газов из них для выработки пара для паровых турбин.

В СССР была разработана программа реконструкции тепловых электростанций с установкой на них до 140 таких новых парогазовых установок. Но для их создания нужны газовые турбины. Именно они в XXI веке при производстве энергии должны стать высококонкурентными и высокоэффективными преобразователями первичных топливных ресурсов.

Производство газовых турбин, относящееся к высоким технологиям, налажено в Германии, России, США, Англии и Франции. Объемы производства мирового газотурбинного бизнеса, по прогнозам американского агентства военных исследований «Forecast International», в ближайшие десять лет достигнут 280 млрд. долларов. Россия, за исключением авиационного двигателестроения, пока имеет здесь небольшую долю. Огромный спрос на газовые турбины в России освоен пока не в полной мере вследствие общего экономического отставания и отсутствия необходимых на это инвестиций.

К новым технологиям

Время показало, что эффективность работы ПГУ с ВПГ на газе гораздо ниже, чем ПГУ с низконапорным сбросом в паровой котел-утилизатор газов, выходящих из газовой турбины. ПГУ с ВПГ может работать и на угле — с использованием газификатора угля, установленного перед ВПГ. Первую ПГУ на угле начали строить в городе Кирове. Против этого проекта поднялись «зеленые», совершенно не вникнув в суть установки. Кировский обком КПСС во главе с В. В. Бакатиным слабо влиял на процессы, связанные со строительством ПГУ, в результате проект был приостановлен из-за отсутствия финансирования.

В каждом городе существуют десятки работающих на газе коммунальных котельных. Они поставляют тепло в дома и на промышленные предприятия, вследствие чего происходит сильное загрязнение атмосферы окислами азота и углекислого газа. Дым этих котельных, выходящий из низких дымовых труб, распространяется приземно, создавая слой смога. ВНИПИэнергопром разработал ряд проектов с использованием газовых турбин мощностью от 1 до 30 МВт, в зависимости от тепловой мощности котельной. Были разработаны рекомендации по устранению шума и созданию компрессоров для повышения давления газа перед газовой турбиной. Но эта программа тоже не была реализована из-за распада Советского Союза.

Разработкой проектов более мощных парогазовых установок на отечественном оборудовании занимался всемирно известный институт Теплоэлектропроект, возглавляемый Иваном Алексеевичем Алексеевым. В связи с реализацией программы строительства атомных электростанций Теплоэлектропроект был преобразован в институт Атомтеплоэлектропроект, директором которого назначили Валерия Ивановича Курочкина.

После чернобыльской аварии программа строительства атомных электростанций была свернута. Атомные электростанции были выделены из Минэнерго СССР во вновь созданное Министерство атомной энергии СССР. С этого времени институт Теплоэлектропроект вновь приобрел самостоятельность, а его директором стал Сергей Григорьевич Трушин. В ходе всех пертурбаций со сменой названий, подчиненности и директоров главным инженером бесспорно оставался Владимир Николаевич Охотин.

Согласно правительственному постановлению, Ленинградскому металлургическому заводу (ЛМЗ) было предписано освоить производство газовых турбин (ГТ) мощностью 150 МВт, работающих в режиме температур 950–1150° С. Для выполнения этой программы Минэнерго СССР построило на ЛМЗ огромные цеха. Испытательным полигоном для головных образцов ГТ-150 была определена ТЭЦ-3 Мосэнерго. Теплоэлектропроект разработал проект ПГУ-800 МВт Кармановской ГРЭС Башкирэнерго. Первые два блока предполагалось оснастить здесь двумя газовыми турбинами по 150 МВт с температурой 950° С перед первой ступенью, а третий и четвертый блоки — по 150 МВт, но с температурой перед первой ступенью уже в 1150° С. Проект был готов в установленные сроки, но на ЛМЗ допустили отставание в темпах работ по изготовлению и освоению головного образца.

К сожалению, проект на Кармановской ГРЭС до сих пор не реализован. До этого Башкирэнерго объявляло тендер на реализацию данного проекта. В тендере со своими газовыми турбинами приняли участие корпорации «Siemens AG», «ABB», «Westinghouse Electric» и «General Electric». Победила группа «ABB», но реализация проекта сорвалась из-за сложной и неустойчивой схемы финансирования. Казалось, пришло время, когда вновь можно было вернуться к первоначальному проекту, ориентированному на отечественное оборудование.

Внедрять только отечественное оборудование и работать только на отечественном оборудовании — это всегда было моим кредо, независимо от занимаемой должности. Но это не означает, что я в корне отвергаю зарубежные образцы, особенно если они базируются на передовых технологиях. Наоборот, я всегда ратовал и выступаю сейчас за производство лучших зарубежных образцов на территории СССР, а сейчас в России, при сохранении их «ноу-хау». Это сулит нам прямую выгоду: сохраняются рабочие места, обретается независимость при приобретении запасных частей, возникает фронт деятельности для конструкторских изысканий, вообще для науки в целом.

Впоследствии Теплоэлектропроект разработал новую ПГУ-450 МВт с двумя отечественными газовыми турбинами и одной паровой (по 150 МВт каждая). Эта схема применена в проекте Щекинской ГРЭС, при расширении Псковской ГРЭС двумя блоками ПГУ-450 и в ходе модернизации проекта Калининградской ТЭЦ-2. Для парогазовых установок были необходимы газовые турбины различной мощности: 25, 45, 60 и 100 МВт. Разработка газовых турбин 45 и 100 МВт велась на Харьковском турбинном заводе, но распад СССР не позволил начать их массовое производство. Технология изготовления газовых турбин на заводах СССР явно отставала от Запада.

В конце 1980-х годов в Минэнерго СССР было принято решение поручить Николаевскому НПО «Южно-турбинный завод» разработать проект современной отечественной газовой турбины ГТ-100 МВт с применением новейших технологий, Рыбинскому авиадвигательному заводу изготовить ГТ-100, а стендовые испытания головного образца провести на Ивановской ТЭЦ. К сожалению, реализация и этого решения затянулась. Но меня ни на одну минуту не покидает уверенность в том, что турбина все-таки будет. Новая ГТ-100 уже заложена в проект реконструкции Конаковской ГРЭС.

Рассматривая топливно-энергетический баланс СССР, в том числе и России, мы не могли в своей повседневной деятельности не прийти к вполне справедливому выводу о том, что в стране, располагавшей большими запасами угля, непременно должны быть экологически чистые, работающие на угле, электростанции. В этой связи задачей номер один стало создание экологически чистых котлов, приспособленных для сжигания угля. Для сокращения выбросов окислов азота и окислов серы, образующихся при сжигании угля, были применены самые новейшие технологии. Особое место в разработке и освоении экологически чистой технологии сжигания угля занимает создание отечественных котлов, в которых уголь сжигается в кипящем слое. На Барнаульской ТЭЦ-3 происходит освоение первого в России такого котла.

На блоке-800 Березовской ГРЭС проходили испытание котлы П-67 с традиционной топкой, с горелочными устройствами и более мощными вентиляторами. На Усть-Илимской ТЭЦ был установлен разработанный профессором Ленинградского политехнического института, доктором технических наук В. В. Померанцевым котел № 6, в котором уголь сжигался в низкопотенциальном температурном вихре.

На Ново-Иркутской ТЭЦ мы опробовали сжигание угля в кольцевой топке. Характерной особенностью кольцевой топки является высокая равномерность распределения температуры и тепловосприятия наружных и внутренних экранов по периметру топки. В сравнении с традиционным П-образным котлом такой же мощности высота данного котла на 20 метров меньше.

Программа переработки твердого топлива (угля, сланцев) с целью получения экологически чистого газа (для котлов электростанций), жидких фракций (для двигателей транспортных средств), различных смол (для брикетирования угля, не подлежащего транспортировке в виде сырья) находилась под неусыпным контролем со стороны секретаря ЦК КПСС Владимира Ивановича Долгих. Он лично заслушивал доклады о ходе научных исследований и внедрения энерготехнологий, либо по его поручению за состоянием этой работы бдительно следили сотрудники отдела машиностроения ЦК КПСС.

Научное руководство Государственной научно-технической программой «Экологически чистая энергетика» осуществляли академики Юрий Николаевич Руденко, а затем Олег Николаевич Фаворский. Академик-секретарь отделения физико-технических проблем энергетики РАН Юрий Николаевич Руденко ушел из жизни в ночь на 7 ноября 1994 года — в возрасте 63 лет. С его именем у меня связано слишком много. Я бесконечно благодарен ему за то, что он постоянно держал в сфере своего внимания огромный комплекс научных работ, направленных на совершенствование и повышение надежности, обеспечение статической и динамической устойчивости ЕЭС России. Ранее Юрий Николаевич работал в ОДУ Объединенной энергосистемы Сибири, знал всю эту структуру изнутри. Тема надежности ЕЭС была для него актуальной и в период работы директором Сибирского энергетического института РАН (г. Иркутск).

Это был наш академик, «энергетический». Мы уважали и любили его за широкую душу, внимание, доброту. Он не допускал безразличного отношения к своему делу, коллегам и друзьям. Его преждевременный уход стал большой потерей для энергетиков. Продолжая дело Руденко, мы создали Фонд его имени «Надежность энергетических систем», президентом которого посчастливилось стать мне. При непосредственном участии Юрия Николаевича я был избран членом-корреспондентом РАН, а после его смерти возглавил Совет РАН по проблемам безопасности и надежности больших энергетических систем, созданный руками самоотверженного ученого.

Государственная научно-техническая программа «Экологически чистая энергетика» включала шесть направлений. Одно из них было нацелено на создание экологически чистой тепловой электростанции на угле. С момента утверждения программы я являлся научным руководителем этой части.

В это время жизнь случайно свела меня с работниками Гипроцветмета, которые решали проблему использования в энергетических целях тепла, излучаемого из ванн расплава при производстве алюминия. В ходе разговора у меня возникла мысль: «А что если вместо глинозема, исходного материала для алюминия, плавить в ваннах уголь?» Я поделился идеей с директором Всесоюзного научно-исследовательского теплотехнического института им. Ф. Э. Дзержинского (ВТИ) Гургенем Гургеновичем Ольховским.

— Будем работать? — спросил я его.

— Нет, не будем! — ответил он. — Мне эта идея не нравится, и я в нее не верю.

В моей приемной тогда случайно оказался директор Донецкого отделения ВТИ А. А. Мадаян. Я предложил ему:

— Ну, как, Ашот, займемся?

— Конечно, займемся! — сразу загорелся Ашот Арминакович.

Одним из вариантов такой тепловой электростанции стала электростанция, оборудованная котлами с особой топкой (кистером), в которой происходит сжигание угля в расплаве, барботируемом кислородом во избежание образования окислов азота. Наша идея заключалась в том, чтобы отработать способы введения в ванну добавок, связывающих серу. Самое главное здесь состоит в том, что в расплаве угля можно найти всю таблицу Менделеева. Оттуда можно извлекать и золото, и олово, и даже радиоактивные вещества. Органические вещества сгорают, а расплав сепарируется по слоям, расположенным в котле по своему удельному весу: легкие элементы — вверху, а тяжелые — внизу. Сам расплав может идти на производство кирпича, глазурованных плиток и других строительных материалов. У этой идеи много противников, но я продолжаю над ней работать с надеждой, что она найдет практическое применение.

Следующей научной проблемой, которую мне приходилось решать, была проблема повышения противопожарной надежности наших установок, прежде всего атомных и тепловых электростанций. Тепловые станции с блоками 300 МВт и выше работают на закритических параметрах при давлении 240 атмосфер и температуре пара 565° С (паропроводы раскаляются до вишневого цвета). Нельзя забывать и того, что электростанция буквально нашпигована находящимися под напряжением установками постоянного и переменного тока. Существует также потенциальная возможность разгерметизации маслосистем и водорода, охлаждающего генераторы. Можно представить, какие могут быть последствия, если на такой станции возникает пожар: кровля машинного зала станции обрушивается в течение пяти минут.

Поэтому для нас актуальными были исследования, направленные на внедрение пожароустойчивого оборудования (прежде всего за счет исключения водорода), а также на создание мощных, с водяным охлаждением, 800- и 500-мегаваттных генераторов, работавших по системе «три воды». В лабораториях ВТИ были разработаны новые масла на неорганической основе, обеспечивающие такую же эффективность, как и органические, но не подверженные возгоранию. Лицензию на применение новых масел закупили некоторые зарубежные организации, но у нас оно внедряется ни шатко, ни валко. По части изобретательства мы часто бываем впереди всей планеты, а вот с внедрением в практику производства нам что-нибудь да мешает: то консерватизм чиновников, то банальное отсутствие средств.

Организуя научные изыскания и практические мероприятия, я погружался в проблемы по самую макушку. У нас всегда были в запасе идеи, ожидавшие своего решения. Одна из таких идей выводила на создание комплексных энергетических установок с магнетогидродинамическим генератором (МГД-генератором).

МГД-генератор — это новый тип электрической машины без вращающихся частей. Если заменить ротор струей раскаленных газов, плазменной струей, содержащей много электронов и ионов, и пропустить такую струю между полюсами сильного магнита, то по закону электромагнитной индукции в ней обязательно возникнет электрический ток, потому что струя движется. Электроды, с помощью которых должен выводиться ток из раскаленной струи, могут быть неподвижными. Такой тип электрической машины получил название магнитогидродинамического генератора.

У нас в Москве была опытная установка У-02, директором которой был кандидат технических наук Д. К. Буренков, позволившая накопить научно-экспериментальный опыт и получить данные, существенно расширившие представления о возможностях практического использования МГД-установок. Несколько позднее было начато строительство опытно-промышленной МГД-установки У-25.

Темой научных исследований и создания МГД-генераторов у нас в стране руководил выдающийся ученый, академик Александр Ефимович Шейндлин. Создатель Института высоких температур Академии наук СССР, он долгие годы был бессменным директором, а ныне является почетным директором этого института исследования. Академика А. Е. Шейндлина активно поддерживал ныне уже покойный академик В. А. Кириллин, в то время занимавший пост заместителя Председателя Совета Министров СССР — председателя Государственного комитета по науке и технике СССР.

А. Е. Шейндлину принадлежат пионерские исследования термодинамических свойств воды и водяного пара — основы создания тепловых станций нового поколения со сверхкритическими параметрами. Многие ученые мира одновременно с Шейндлиным вели разработки в этом направлении. Он развернул работы по изучению теплофизических свойств металлов и их паров (натрий, калий, цезий, рубидий, жидкий уран). Многие из этих свойств были открыты и сформулированы впервые в мире. Результаты труда ученого нашли широчайшее применение в ядерных энергетических установках и установках прямого преобразования энергии, высоко оценены правительством СССР: ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В нашей стране, если говорить вообще, был накоплен некоторый опыт в области создания импульсных МГД-генераторов, да и то только в интересах обороны. Энергетики такого опыта не имели, да и сама идеология не была толком апробирована. Поэтому в работе с МГД-генераторами была допущена непоправимая ошибка. Не создав еще комплексной пионерной установки, мы сразу приступили к строительству крупной 450-мегаваттной установки в Рязани. Но вскоре стало понятно, что установка не пойдет. Нужно было как-то выходить из создавшегося провального положения. В прессе стали появляться критические материалы.

Планы строительства МГД-генераторов в это время не критиковал разве только Иоанн Павел II.

Но благодаря сдержанной позиции Минэнерго СССР и Академии наук СССР все было спущено на тормозах. Мы в Минэнерго СССР приняли решение — с целью минимизации ущерба срочно перепрофилировать установку под теплосиловой блок 300 МВт. Кстати говоря, на этой теме многие защитили диссертации. В частности, по МГД-генераторам защитил кандидатскую диссертацию Эдуард Петрович Волков, нынешний директор Государственного научно-исследовательского энергетического института имени Г. М. Кржижановского (ЭНИН).

Как известно, прописные истины время от времени необходимо пересматривать. Простое сжигание бурых сибирских углей было неэффективно. Из-за их низкой калорийности нужно было создавать огромные котлы и топки, чтобы добиться большого паросъема. К тому же, они не транспортабельны. Поэтому нам необходимо было ответить на вопрос: «А нельзя ли эти угли газифицировать или получать из них жидкие фракции (например, бензин), тяжелые и легкие смолы, которые можно будет перемешивать с углем и делать брикеты?» В этом направлении параллельно работали энергетики, создавшие ЭТХ-175 на Красноярской ТЭЦ-2, и угольщики, создавшие установку СТ-105.

Практическим разработчиком установки ЭТХ-175, работавшей на принципе высокотемпературного пиролиза, был конструктор Николаев, а теоретические исследования выполнял член-корреспондент РАН Зиновий Федорович Чуханов. Идея не была провальной — ее можно было бы провести в жизнь, но работы над установкой были приостановлены из-за отсутствия финансирования.

Государственным научно-исследовательским энергетическим институтом им. Г. М. Кржижановского (ЭНИН) в это время также была создана и освоена в промышленном масштабе пиролизная технология переработки горючих сланцев. Две наиболее крупные установки этого типа УТТ-3000 (производительностью по сланцу 139 тонн в час) были сооружены на Прибалтийской ГРЭС в Эстонии. В настоящее время УТТ-3000 — самые мощные в мире и наиболее эффективные промышленные установки, пригодные для переработки сланца любой крупности.

Во второй половине 80-х годов XX века Минэнерго СССР резко активизировало свою работу по решению экологических проблем на подведомственных объектах. На тепловых электростанциях систематически снижались выбросы в атмосферу, в водные бассейны и на поверхность Земли окислов азота, серы и пыли, проводилась рекультивация золоотвалов. Для воссоздания рыбных запасов на тепловых и гидроэлектростанциях были созданы и практически действовали рыбообразовные хозяйства.

Наши научно-практические изыскания осуществлялись в конце 1980-х годов, когда развитие экономических реформ в СССР определяли две тенденции: расширение самостоятельности государственных предприятий и расширение сферы действия частного сектора экономики. Были приняты Законы: 1) «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1986 г.), легализовавший частную предпринимательскую деятельность в 30 видах производства товаров и услуг, преимущественно в сфере кустарно-ремесленных промыслов и бытового обслуживания (впервые за многие десятилетия в СССР появились официально разрешенные «частники»); 2) «О государственном предприятии» (1987 г.), согласно которому госпредприятия переводились на хозрасчет, самокупаемость и самофинансирование, могли самостоятельно заключать договоры на поставки с партнерами, некоторым крупным предприятиям был разрешен выход на внешний рынок; 3) «О кооперации в СССР» (1988 г.). В 1989 году была разрешена аренда земли сроком на 50 лет.

Все эти уступки «капитализму» осуществлялись по принципу «шаг вперед — два шага назад». Частники и кооператоры были обложены высоким (65%) налогом. К 1991 году в кооперативном секторе было занято не более 5% трудоспособного населения, а на селе в руках арендаторов находилось ничтожное количество земли и скота (соответственно 2% и 3%). За 1986 — 1990 годы средняя заработная плата рабочих и служащих увеличилась в 1,4 раза — со 190 до 270 рублей в месяц, в то время как рост производительности труда был примерно в пять раз меньше, а повышение качества продукции практически не наблюдалось.

В 1989 году я успешно защитил докторскую диссертацию. Накануне вышла в свет моя монография «Системный подход по предупреждению и ликвидации аварий в энергосистемах». Через год мне было присвоено учёное звание профессора по кафедре эксплуатации электроэнергетических систем, станций и сетей Московского энергетического института, я стал заведующим этой кафедрой. С 1995 года я веду кафедру релейной защиты и автоматизации энергетических систем МЭИ.

Когда я готовился к защите докторской диссертации, мне из Красноярска поступило предложение о выдвижении кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Я поблагодарил и отказался, считая, что в такое неустойчивое время лучше быть доктором, чем депутатом. Мне кажется, политикой занимаются люди, не нашедшие себя в других областях деятельности. Согласно результатам социологических исследований карьерного роста выпускников престижных вузов, проведенных в одной из западных стран, блистательные студенты чаще идут в бизнес, одаренные — в науку, исполнительные становятся чиновниками, а посредственные — политиками. Такая вот тенденция!

Международное сотрудничество

Сотни лет большинство народов мира жило в условиях относительной изоляции. Это привело к выработке каждым своих собственных нравов и обычаев, своей морали и своих представлений о том, что такое — хорошо, а что такое — плохо. По существу то, что мы называем менталитетом, представляет собой спрессованную в умах людей историю народа, квинтэссенцию его прошлого. И я благодарен судьбе, что мне представилась возможность убедиться в этом в ходе своих многочисленных поездок по различным странам мира. Полагаю, что государственные границы являются существенным препятствием для народов мира, стремящихся к взаимному изучению друг друга. Тем более, никаких государственных границ не должно быть для науки. Любые искусственные преграды, «железные», «бетонные» или еще какие-нибудь занавесы приводят к огромным финансовым затратам, увеличению сроков научных исследований, ущемлению возможностей ученых как в стране, отгородившейся от всего мира, так и в других странах земного шара. Контакты советских ученых с внешним миром вступили в наиболее активную стадию после прихода к власти М. С. Горбачева — с началом перестройки.

Вопросами внешнеэкономической деятельности в Министерстве энергетики и электрификации СССР занималось Главное управление строительства энергетических объектов за рубежом — Главзагранэнерго. Обязанности начальника главка исполнял главный инженер Андрей Александрович Живов, с которым мы в течение семи лет соседствовали в доме на Волгоградском проспекте.

Научно-технической политикой в отрасли, внедрением новых технологий, новой техники, а также организацией и планированием научно-технического сотрудничества с зарубежными странами занималось Главное научно-техническое управление энергетики и электрификации (Главтехуправление), начальником которого был Виталий Иванович Горин, главным инженером — Виктор Викторович Нечаев, а заместителями — Константин Михайлович Антипов, Юрий Николаевич Филимонцев и Дмитрий Яковлевич Шамароков.

Главтехуправлению подчинялись все научные институты, в том числе такие всемирно известные, как Всесоюзный теплотехнический институт имени Ф. Э. Дзержинского, Государственный научно-исследовательский энергетический институт имени Г. М. Кржижановского (ЭНИН), Всесоюзный институт электроэнергетики (ВНИИЭ), Научно-исследовательский институт постоянного тока (НИИПТ) и Всесоюзный институт гидротехники имени Б. Е. Веденеева.

Много сил и энергии отдал Всесоюзному теплотехническому институту имени Ф. Э. Дзержинского Виталий Ефремович Дорожук. В 1984 году ему на смену директором пришел Гурген Гургенович Ольховский. С доктором технических наук, профессором, а ныне — членом-корреспондентом РАН Г. Г. Ольховским мы успешно сотрудничаем и по сей день. Признанный ученый в области газовых турбин, он является членом Российского национального комитета Всемирного энергетического совета (МИРЭС), председателем которого являюсь я.

С коллективом ЭНИН мне пришлось тесно взаимодействовать еще в то время, когда его возглавлял член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор Юрий Николаевич Вершинин. Отсчет сотрудничества с ним я веду с того момента, когда мы занимались внедрением энерготехнологической установки ЭТХ-175 и разработкой пионерного проекта геотермальной электростанции, преобразующей внутреннее тепло Земли (энергию горячих пароводяных источников) в электрическую энергию, на Ставрополье, что рядом с селом Каясула. Надо сказать, что в России первая Паужетская геотермальная электростанция мощностью 5 МВт была пущена в 1966 году на Камчатке, впоследствии ее мощность доведена до 11 МВт.

После отъезда Юрия Николаевича в Свердловск на пост директора ЭНИН пришел доктор технических наук, профессор Эдуард Петрович Волков, до этого работавший заведующим кафедрой тепловых электростанций Московского энергетического института. Волков — автор ряда исследований в области моделирования процессов горения и переработки твердых топлив, экологии энергетики. Это активный и энергичный специалист. Эдуард Петрович, выступая сторонником внедрения энерготехнологических установок, много сил отдал научному сопровождению запуска в работу первой в мире установки УТТ-3000 по переработке сланцев.

Моей первой зарубежной страной, куда я выехал с докладом по проекту ПГУ-800 МВт, оснащенной отечественными газовыми 150-мегаваттными турбинами, была Италия. Там, в городе Брешия, что расположен в области Ломбардия к востоку от Милана, я принимал участие в IV научно-техническом симпозиуме «Италия — СССР», организованном по

инициативе председателя Общества дружбы «Италия — СССР» господина Корги, приложившего немало усилий для налаживания деловых контактов между заинтересованными фирмами и организациями Италии и соответствующими заводами, организациями и объединениями Советского Союза.

Корги являлся членом Итальянской коммунистической партии (ИКП) и хорошо говорил по-русски. Свою карьеру он начал простым рабочим, потом был избран депутатом парламента. Выйдя на пенсию, он, по его словам, в материальном отношении стал жить лучше, так как сумма его двух пенсий — начисляемой и выплачиваемой заводом и депутатской — была выше его государственной зарплаты. В разговорах с нами Корги представлялся пацифистом, противником режима Муссолини. Впоследствии за огромный вклад в дело укрепления дружбы и сотрудничества между народами Италии и СССР он был награжден орденом Дружбы народов.

Советскую делегацию на симпозиуме возглавляли руководители ГКНТ СССР: заместитель председателя Комитета, доктор технических наук Михаил Георгиевич Круглов и начальник отдела энергетики и электрификации ГКНТ СССР, доктор технических наук Виктор Иванович Доброхотов.

Виктор Иванович был высочайшим организатором научно-технической политики в отрасли. Мы дружили с ним, как говорят, «домами». Он поражал меня своей глубокой, до малейших деталей, осведомленностью о стоящих проблемах и путях их решения, умением сплотить вокруг себя ученых-единомышленников, правильно сформулировать задачи и добиться их включения в государственные программы. Доброхотов возглавлял редакцию журнала «Теплоэнергетика». У него в любое время суток можно было получить исчерпывающую информацию с оценкой нынешнего уровня технологии в энергетике и о методах внедрения более совершенных технологий. До сих пор не могу себе представить отдел энергетики бывшего ГКНТ, преобразованного в Министерство науки РФ, без милейшего Виктора Ивановича...

До начала работы симпозиума нам удалось вкратце познакомиться с Миланом, этим великолепным городом, основанным на Паданской равнине (Северная Италия) около двух с половиной тысяч лет назад. В III веке до нашей эры город получил имя Медиоланум, что означает «срединный». Здесь находятся базилика Санта Мария делла Грацие со знаменитой «Тайной вечерей» Леонардо да Винчи и не менее известный оперный театр «Ла Скала». Затем мы переехали в небольшой город Брешиа с населением 200 тысяч человек, лежащий на полпути между Миланом и Венецией неподалеку от озера Гарда, одного из самых больших

озер Европы. Среди ярких достопримечательностей города — монастырь Санта Джулия, Художественная галерея. Во время экскурсии по Риму неизгладимое впечатление на меня произвело посещение Ватикана, где сосредоточены ценнейшие сокровища культуры и искусства. Побывали мы в Пизе, Флоренции и в других городах Италии, давшей миру столько живописцев и композиторов, сколько не дала вся остальная Европа.

В память глубоко врезались впечатления, связанные с посещением энергетических объектов, принадлежащих крупнейшим итальянским фирмам: электроэнергетической компании «ENEL» и военно-промышленному концерну «Ansaldo». Итальянские энергетики, например, довольно просто решили проблему обеспечения электрической энергией жилых домов и крупных холодильных установок, расположенных на острове Сан Джулио, получая ее с помощью не только дизельных электростанций, но и батарей прямого преобразования солнечной энергии в электрическую. Сотрудники «ENEL» продемонстрировали хорошо зарекомендовавшую себя систему энергосберегающих технологий на примере одного школьного здания, обогрев которого осуществляется водяными трубчатыми панелями, уложенными на кровле. Нагревание воды в панелях происходит за счет солнечного тепла. На случай резкого похолодания предусмотрен резервный вариант, когда воду нагревают в небольшом электродкотле.

Фирма «Ansaldo» предложила нам для ознакомления образцы газовых турбин ГТ-25, используемых в режиме выработки электроэнергии со сбросом отработанных газов в водогрейные котлы. Надо сказать, что систему использования тепла отработанного пара для обогрева промышленных объектов и жилых домов впервые начали использовать в Советском Союзе еще в 1928 году. С этого времени в лексиконе всех народов появилось слово «теплофикация». В Италии мы своими глазами увидели, с какой эффективностью используются за рубежом российские научные идеи.

Моя должность заместителя министра энергетики и электрификации СССР по науке и технике была для руководства ГКНТ СССР весомой причиной для того, чтобы сделать мне предложение: возглавить Советский национальный комитет Международного совета по большим электрическим системам высокого напряжения (Conseil Internationale des Grandes Reseaux Electriques, CIGRE).

CIGRE — крупнейшая международная неправительственная научно-техническая организация в сфере электроэнергетики. Она была создана в 1921 году в Париже, там же находятся сейчас ее центральный офис и секретариат. Россия стала членом CIGRE с момента ее основания по инициативе ряда российских ученых и инженеров, поддержанной Г. М. Кржижановским. Всего в CIGRE входит 53 страны, имеющие офи-

циально признанные национальные комитеты. Спонсором Международного совета выступает французская государственная энергетическая компания «Электриситэ де Франс» (EdF). Руководящими органами и структурными подразделениями CIGRE являются исполком, административный совет, технический комитет, пятнадцать исследовательских комитетов и в их составе — более восьмидесяти рабочих групп.

В конце 80-х годов XX века президентом CIGRE был Уильям Уайт — председатель правления одной из пяти крупнейших американских энергетических компаний «АЕР» (г. Колумбус, штат Огайо). Генеральным секретарем являлся бывший сотрудник «EdF» Жерар Леруа, председателем технического комитета — профессор К.-Х. Шнайдер (от компании «Siemens AG», ФРГ), казначеем — Л. Эрхарт (Швейцария). Кроме того, в состав исполкома входили: представитель Бразилии Е. Лепеки, руководящий сотрудник Центрального агентства Великобритании по производству электроэнергии «СЕGB» Дж. Бэнкс, руководящий сотрудник токийской энергетической компании «TEPCO» профессор Я. Секине, член совета директоров французской энергетической компании «EdF», руководящий сотрудник французской компании «Транспортные магистрали» П. Шалвон де Марсей, представитель компании по производству мобильных систем связи «Nokia» (Финляндия) Р. Коскинен, представитель сиднейской энергокомпании (Австралия) Ф. Далхант, представитель итальянской компании «ENEL» Л. Парис, вице-президент компании «Епесо Енергіе» (Голландия) Т. Икема.

В заседаниях административного совета принимали участие представители всех ведущих стран-членов CIGRE: США, Канады, Франции, Великобритании, Италии, ФРГ, Швеции, Швейцарии, Японии, Китая, ЮАР, Греции, Австрии, Бразилии, Аргентины, Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии.

В конце 1986 года я впервые принимал участие в заседаниях исполкома и административного совета CIGRE, проходивших в Рио-де-Жанейро (Бразилия). Раньше такого рода поездки были для энергетиков редкими. Бразилия — сказочная страна для любого европейца, а уж тем более — для простого советского труженика, как правило, не имевшего возможности выезжать за границу без серьезных на то оснований. Рио-де-Жанейро (в переводе с португальского — «январская река») основан 1 марта 1565 года на берегу залива Гуанабара. В этом городе пел когда-то Федор Иванович Шаляпин. «Казалось, — писал великий русский бас в своих воспоминаниях, — что здесь люди трудятся играючи, так легко и весело кипела жизнь». Над городом, на горе Корковадо, возвышается огромная статуя Иисуса Христа с распахнутыми руками. Поражают своим величием пляжи Копакабаны.

После окончания официальных заседаний членов исполкома и административного совета SIGRE отвезли на отдых в частный ночной клуб, расположенный на островке одного из озер. Ночь, луна, скользящие по небу облака. Мы расположились в зале за столиками по шесть человек. Я оказался за центральным столиком вместе со своим коллегой Владимиром Антоновичем Миролубовым, президентом SIGRE Уайтом и председателем бразильского национального комитета Коуэном, которые были с супругами. Для возбуждения аппетита подали аперитив, а затем угощали блюдами европейской кухни. Звучали национальные бразильские мелодии.

В самый разгар застолья ко мне подошел председатель национального комитета ЮАР в SIGRE и в шутку спросил:

— Господин Дьяков, вы употребляете спиртные напитки?

— Да, немного, — ответил я.

— Но ведь в России это запрещено — сухой закон. Простит ли вас Горбачев, если узнает, что вы, заместитель министра, нарушаете партийные установки?

— Думаю, что простит, — уверенно ответил я. — Мы находимся на другом континенте, в другом климате, здесь другая микро- и биосфера, поэтому нам просто необходимо продезинфицироваться изнутри. Так что мы не пьем, а лечимся!

Было уже поздно, и мне показалось, что прием подходит к концу. Вдруг свет в зале погас, одна стена зала медленно раздвинулась, и нашим взорам предстало ярко освещенное пятно в зале. В ослепительных лучах света появились восемь нагих девушек-мулаток. Их обнаженные тела нежно переливались матовыми оттенками кофе с молоком. У всех танцовщиц, как на подбор, были большие голубые глаза и белые ослепительные зубы. В золотистых туфлях на высоком каблуке они казались длинноногими весталками, пришедшими сюда из волшебного и загадочного мира грез. Шеи очаровательных жриц были обрамлены богатыми ожерельями, на руках сияли браслеты, а на головах колыхались сооружения из разноцветных перьев.

Во всем мире бразильцы известны как танцующая нация, любящая чувственную и зажигательную музыку. И, видимо, это нам пытались сейчас доказать. Сказать, что девушки были прекрасны, — значит, не сказать почти ничего. Перед нами двигались восемь оживших изысканных статуэток, словно вылитых из бронзы по одной совершенной форме, где все соизмеримо и пропорционально.

Но вот мелодия сменилась, и веселые «девчонки из Ипанемы» стали вытаскивать гостей из-за столиков, приглашая к танцу. Загорелся свет в зале. Все происходившее было для меня в диковинку. Одна из девушек вознамерилась усесться на колени президенту SIGRE, но жена аме-

риканца вежливым жестом не позволила сделать этого. Тогда девушка обошла стол и направилась ко мне. Я растерялся. Единственное, что я смог сделать в этой ситуации, — это указать на Владимира Антоновича.

Юная особа пираньей ринулась к новой цели. Миролубов от неожиданности вскочил, замахал руками. Но девушка не прекратила своих усилий, а с еще большим упорством попыталась затянуть моего коллегу в танцующую группу. Владимир еле вырвался. Сидевшие за столами с удовольствием наблюдали за сценой «преследования», смеялись, шутками подзадоривали участников своеобразного шоу. Потом эти сестры Огненной Звезды Самбы исполнили групповой танец, щедро демонстрируя подаренную им природой красоту и грацию. Прием длился до самого рассвета, и все было пристойно, в рамках приличия.

В Бразилии меня избрали в состав исполкома и административного совета SIGRE. Там я познакомился с работой самой большой в мире гидравлической электростанции «Итайпу», состоящей из 18 турбин. Протяженность плотины — восемь километров, высота — 196 метров, мощность — 12 600 000 кВт. Построенная на границе между Бразилией и Парагваем, на реке Парана, она является совместным проектом двух стран, обеспечивая 25% необходимой Бразилии и 95% необходимой Парагваю электроэнергии. Для обеспечения работы станции было создано искусственное озеро площадью 1350 квадратных километров. В рамках работы станции действует проект по охране природы. На ее территории есть лесное хозяйство и резервуары для разведения рыбы.

Существует ряд интересных фактов из истории «Итайпу». Несмотря на огромные размеры и сложную технологию возведения такого сооружения, она была построена в кратчайшие сроки. Цемента, использованного при строительстве этой ГЭС, хватило бы на 120 стадионов типа «Маракана», а из израсходованного железа и стали можно было бы построить 380 эйфелевых башен. Все оборудование для ГЭС бразильцы изготовили на своих заводах. В 1985 году Американская инженерная ассоциация (American Society of Mechanical Engineers, ASME) признала «Итайпу» одним из семи технических чудес света.

В связи с моральным и физическим старением тепловых и гидроэлектрических электростанций СССР перед нами вставала задача поиска путей производства для них оборудования на отечественных заводах совместно с иностранными фирмами. После трудных, длившихся почти два года, переговоров фирма «Siemens» дала согласие на создание на базе Ленинградского металлического завода (ЛМЗ) российско-германского совместного предприятия (СП) Интертурбо, которое должно заниматься тиражированием, на первых порах сборкой, немецкой газовой турбины мощностью 150 МВт ФАУ-94-2.

Договор предусматривал сборку газовых турбин уже в России из комплектующих деталей, изготовленных на заводе «Siemens», с постепенной заменой их на наши, отечественные. Уже девятая газовая турбина должна была полностью собираться из деталей, изготовленных у нас на ЛМЗ. Первые две газовые турбины, изготовленные СП Интертурбо, были поставлены за границу, в Пакистан, из-за отсутствия у нас в России платежеспособного спроса на них. Точек, где их можно было бы использовать в нашей Единой энергетической системе, было много, но на это отсутствовали инвестиции.

Для себя я считал важнейшей задачей — это была моя цель, которой я посвятил не один год — построить в России первую тепловую электростанцию с блоком ПГУ-450 с использованием газовых турбин, изготовленных у нас в стране. Станцию, которая бы стала прообразом для дальнейшего распространения таких ПГУ в другие регионы России. Учитывая, что единственным в то время источником валютного финансирования мог стать контракт на продажу электроэнергии в Финляндию через Выборгскую вставку постоянного тока Ленэнерго, я лично принял решение разместить эту электростанцию с ПГУ-150 в зоне Ленинграда или Ленинградской области. Более подходящей оказалась площадка на северо-западе Ленинграда, хотя с нее для строительства электростанции предстояло вывести огромный объем торфа, пласт которого достигал толщины до десяти метров.

Относительно этой площадки мэр города Ленинграда господин Собчак занимал уклончивую позицию. Накалилась обстановка и по вопросу, какие газовые турбины ставить на этой электростанции. Представители американской фирмы «General Electric», используя свое влияние на главного инженера Ленэнерго Станислава Яковлевича Михайлова, которого они принимали у себя с распростертыми объятиями, известного российского телеведущего господина В. В. Познера и вице-президента РФ А. В. Руцкого, предприняли огромные усилия, чтобы получить контракты на строительство этой электростанции и оснастить ее газовыми турбинами собственного производства.

Вопрос был вынесен в правительство России. Виктор Степанович Черномырдин, в то время — заместитель Председателя правительства России, поддержал мою точку зрения о строительстве ПГУ с использованием газовых турбин совместного производства СП Интертурбо. Для строительства этой Северо-Западной ТЭЦ был создан консорциум, лидером которого выступила финская фирма «Imatra Voima — Oyj», покупающая у нас электроэнергию, а членами — немецкая фирма «Siemens AG», РАО «ЕЭС России» и финская строительная компания «Polar». Условия и сам контракт, заключенный между членами консорциума в Санкт-Петербурге, с российской стороны довелось подписать мне. С немецкой сто-

роны его подписал руководитель департамента «Производство энергии» (KWU), член правления фирмы «Siemens AG» господин Хиршманн.

После процедуры подписания господин Хиршманн сказал:

— Более двадцати четырех лет я работаю с энергетиками Советского Союза. Начало моих контактов со специалистами вашей отрасли восходит еще ко времени назначения на пост министра энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожного. Сегодня я могу смело признаться, что впервые добился существенного результата: контракт подписан. Теперь я спокойно уйду на пенсию.

При подписании контракта о создании в России первой электростанции с новейшими технологиями присутствовал первый вице-мэр города Санкт-Петербурга Владимир Владимирович Путин. Это очень символично, что подписание контракта, имевшего судьбоносное значение для дальнейшего развития энергетики нашей страны, происходило в присутствии будущего Президента Российской Федерации.

Всю вторую половину 80-х годов XX века Минэнерго СССР работало под тяжелым прессом необходимости соблюдения экологических требований при строительстве энергетических объектов. Порой ситуация доходила до приостановки работы электростанций. Под воздействием общественности, например, был закрыт разработанный ВНИПИэнергопром проект экологически чистой ПГУ на угле, которую планировалось возвести близ музея-заповедника «Ясная Поляна» (в 14 километрах от Тулы). Однажды сотрудники природоохранных служб совместно с «зелеными», которых я называю «народными мстителями», провели замеры уровня окислов азота в атмосфере: приборы показали высокую концентрацию вредных выбросов. В прессе поднялся шум, виновниками загрязнения были объявлены Щекинская ГРЭС и Щекинский химический комбинат.

Научные обоснования, доказывавшие предвзятость выводов, сделанных борцами за чистую экологию, в расчет не принимались. В Совете Министров СССР, возглавляемом Н. И. Рыжковым, было принято решение о закрытии станции и химкомбината. Все успокоились. Когда по прошествии определенного времени вновь сделали замеры, то уровень содержания окислов азота в атмосфере стал еще больше. А ларчик открывался просто. Рядом проходила дорога с интенсивным автомобильным движением, неподалеку располагались птицефермы, а на ближайших колхозных полях были свалены сотни тонн суперфосфата. Выбросы ГРЭС, как это и доказывалось раньше, из-за высокой дымовой трубы не могли попасть в район усадьбы великого писателя. Но дело было сделано — строительство электростанции с передовыми технологиями было закрыто.

В этой связи я все время вспоминаю слова некоторых своих зарубежных коллег. Как-то на одном из заседаний Исполкома CIGRE ко мне об-

ратился один из его членов — господин Бенс, одно время занимавший в правительстве Маргарет Тэтчер пост советника по энергетике. Англичанин со свойственной ему деликатностью спросил меня:

— Господин Дьяков, почему в Советском Союзе имеющиеся финансовые средства необдуманно вгоняются в экологические мероприятия вместо того, чтобы направить их на повышение уровня благосостояния народа?

— Видимо, потому, что мы берем пример с вашей страны, господин Бенс, — так же любезно ответил я. — Ведь госпожа Тэтчер постоянно критикует Советы за нерешенные экологические проблемы.

— Да! Но вы же прекрасно понимаете, что это делается только в политических целях. Надо, извините, думать собственной головой. Я думаю, что голодный, разутый и раздетый человек, влачащий жалкое существование в неустроенном жилье, не будет задумываться о том, какое значение имеет для него экология.

— Что есть экология? — продолжал мой собеседник. — Это, прежде всего, возможность постоянного и нормального питания, обеспечение нормальных социальных условий прежде всего человека. Или я не прав?

В соответствии с соглашениями по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, заключенными Советским Союзом с зарубежными государствами, были созданы постоянные двусторонние комиссии по энергетике, во главе которых находились сопредседатели от каждой страны-участницы. Мне довелось быть сопредседателем комиссий по энергетике «СССР — ФРГ», «СССР — Швеция», «СССР — Австрия» и «СССР — Финляндия», а также членом комиссий «СССР — МНР» и «СССР — Франция».

В двусторонних комиссиях сопредседателями с зарубежной стороны были: «СССР — ФРГ» — статс-секретарь федерального министерства экономики и технологий ФРГ доктор Бёге, «СССР — Швеция» — статс-секретарь министерства развития и энергетики Швеции Рольф Аннерберг, «СССР — Австрия» — председатель правления, генеральный директор австрийского энергообъединения, доктор Вальтер Фремут. Данные комиссии способствовали более широкому взаимному обмену между заинтересованными специалистами информацией о промышленном и научном потенциале стран-участниц и их конкретных фирмах, установлению тесных деловых контактов между этими фирмами и их руководителями.

Комиссии заседали два раза в год, поочередно в странах-участницах, даже в разных городах и регионах этих стран. Например, двусторонняя комиссия «ФРГ — СССР» заседала в Дюссельдорфе, Эссене, Кёльне, Бремене, Майнце, Саарбрюккене, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне и Гамбурге.

На немецкой земле

ФРГ всегда стремилась к сотрудничеству с СССР в области энергетики, проявляя особенный интерес к советскому энергетическому оборудованию. Целый ряд немецких фирм неоднократно выступал с предложением о внедрении на наших электростанциях своих систем очистки уходящих газов от окислов серы и азота, о поставке в Россию автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУ ТП), включая приборные части. Между нашими странами происходил обмен опытом в области эксплуатации и повышения надежности энергосистем и атомных электростанций. Наибольшую активность проявляли «Siemens», немецкое отделение «ABB», «Steinmuller», «Lenties AG», «Bischoff», «Deutsche Babcock Riley», «Lurgi of Metallgesellschaft», «Tissen», «Preussen Electra» и другие.

Фирмы «Lenties AG» (г. Дюссельдорф, генеральный директор — доктор Фридрих Шмидт) и «Bischoff» (г. Эссен, президент — Хагеманн) занимали самую активную позицию в области внедрения на наших электростанциях установок для улавливания окислов серы «мокрым» методом. С руководителями этих фирм у меня с первых дней сложились деловые отношения. Они познакомили нас со своими установками, выполненными в соответствии с самыми передовыми мировыми технологиями и действовавшими на многих электростанциях в Германии и за рубежом. Мы начали с ними переговоры о строительстве сероочистительной установки для Добротворской ГРЭС (Украина). Они согласились с нашими требованиями, которые сводились к тому, чтобы максимальное количество деталей и конструкций к этой установке изготавливалось на наших заводах. Оставалось определиться с финансированием заказа, но этот — самый важный — вопрос решался со скрипом. Каждый раз, когда наша советская делегация приезжала в ФРГ, Хагеманн и Шмидт старались сделать для нее что-нибудь приятное, но ни в какую не соглашались с нашими предложениями осуществлять финансирование проекта через кредитование, поставки угля или электроэнергии.

Хагеманн, несмотря на свои пятьдесят, был холостяк. Это был приятный, умный и, как все умные люди, очень мягкий, преданный своему

делу человек. Из близких родственников у него была лишь двадцатилетняя кузина, учившаяся на юридическом факультете. Хагеманн поддерживал ее материально и с видимым удовольствием рассказывал нам о ее жизни. Однажды Хагеманн пригласил нас съездить в Бонн, где его кузина проходила практику. Два часа езды в небольшом автобусе по прекрасному автобану — и мы в столице ФРГ, тихом, маленьком курортном городке. Встретив нас, девушка предложила совершить экскурсию по городу. Она с большим удовольствием рассказывала о старейшем Боннском университете, показала представительства каждой земли и резиденцию канцлера Западной Германии.

На правом берегу Рейна мы видели выделяющееся среди других тридцатиэтажное здание аппарата и депутатов бундестага. От него вдоль берега реки тянулась закрытая парковая зона со спортивными площадками и бейсбольным полем. После окончания экскурсии девушка минут на двадцать нас покинула, а вернувшись, о чем-то переговорила со своим дядей. Господин Хагеманн сообщил нам, что сегодня бундестаг не работает, но наш экскурсовод, его кузина, готова провести нас туда, поскольку главный дежурный, ответственный за охрану всех государственных учреждений Бонна, — ее друг, с которым она намерена связать в ближайшем будущем свою судьбу. Мы осмотрели несколько этажей, а затем поднялись на самый последний, тридцатый. Весь город лежал перед нами, как на ладони.

Когда мы вышли из высотки, друг нашей милой сопровождающей предложил осмотреть находившийся в другом здании зал заседаний бундестага, в котором еще никогда не было советских делегаций. Перейдя дорогу, мы оказались перед запертой дверью, которую незамедлительно открыли, как только от нашего сопровождающего последовало короткое распоряжение по рации. По коридору, выполненному из пуленепробиваемого стекла, мы вошли в фойе невысокого здания, а из него — в зал, напоминавший амфитеатр, с уклоном пола градусов 30. Три прохода пересекали ряды кресел, выстроенных полукругом. В президиуме, на фоне государственного флага ФРГ, возвышалось кресло президента страны. Немного ниже стояло кресло западногерманского канцлера, а еще ниже были оборудованы места для глав федеральных земель. На передней стене — герб ФРГ в виде рассерженного одноглавого орла. Нам разрешили посидеть в любом кресле, за исключением тех, в которых размещаются первые лица страны. Громко объявив, что по духу мне ближе Вилли Брандт, я нашел в первом ряду его кресло, уселся в него и подумал: «Вроде бы мелочь, а ведь это — исторический миг: я сижу в зале, где принимались решения по возрождению Германии».

С весны 1999 года заседания парламента объединенной Германии проходят в историческом здании германского рейхстага, расположенно-

го на Кенигсплац в Берлине. Но тогда, во время осмотра парламентского зала в Бонне, меня все время не оставляла одна назойливая мысль. Здание напоминало мне машинный зал гидроэлектростанции: под потолком располагались подкрановые пути и крановая тележка. На мой недоуменный вопрос друг кузины Хагеманна ответил, что это помещение действительно относилось к гидроэлектростанции, переоборудованной после войны под зал заседаний парламента страны. Мы поблагодарили молодого человека за интересную экскурсию, а кто-то даже сделал комплимент всей западногерманской полиции.

Этой оценки не разделил находившийся вместе с нами сотрудник фирмы «Bischoff», американский гражданин, хорошо говоривший по-русски. В присутствии друга кузины он рассказал историю, случившуюся с ним три года назад, когда он приехал в ФРГ. Решив изучить немецкий язык, он позаимствовал у своего знакомого необходимые учебные пособия и стал заниматься. Когда надобность в учебниках отпала, американец решил отнести их хозяину. По дороге ему попалась неизвестно зачем собравшаяся толпа людей, окруженная служителями порядка. Не успел он приблизиться к этому скоплению, как к нему с криком подбежал небольшого роста полицейский. Американский гражданин протянул ему кипу учебников немецкого языка и пытался объяснить, что направляется к знакомому. Но уже в следующий миг полицейский нанес несчастному удар дубинкой по голове. Гражданин свободной демократической Америки от удара потерял сознание и очнулся лишь минут через двадцать.

Какой-то старичок помог ему прийти в себя и подняться на ноги. Наш рассказчик считал, что в этом мире умный человек должен наказывать неправоту не только ударами шпаги, но и усилиями речи. Он написал во все инстанции несколько возмущенных писем, требуя наказать драчуна в униформе. Но отовсюду получал вежливые послания с извинениями и припиской: «Впредь мы не советуем вам принимать участие в несанкционированных демонстрациях!»

Генеральному директору фирмы «Lenties AG» Шмидту было в то время, может быть, лет 56. Он был строен, подтянут, обладал цепкой памятью и острым чувством юмора. Женатый мужчина, Шмидт исправно посещал протестантскую церковь. Но, как оказалось, меня с ним связывало нечто большее, чем просто профессиональные интересы.

Во время проведения заседания двусторонней комиссии «СССР — ФРГ» в Пятигорске мы вывозили своих зарубежных гостей в Приэльбрусье, где поднялись по склону Эльбруса до самой станции «Мир». На высоте 3200 метров находилось захоронение погибших здесь советских и немецких солдат. Шмидт тогда очень сильно разволновался.

— В чем дело? — спросил я его.

— Здесь, на Кавказе, в Баксанском ущелье, в 1942 году погиб мой отец, — еле слышно произнес генеральный директор дюссельдорфской фирмы.

— И моего отца война унесла в 1942 году, — участливо заметил я. — Похоронен он тоже на Кавказе, там, где река Баксан впадает в реку Малка.

Я знал, что к утрате близкого человека привыкать бессмысленно: она, эта утрата, все равно безвозвратна. Время лечит, рана затягивается. Но в такие минуты рана как будто бы открывается вновь — и щемит, щемит острой болью, вызванной неожиданными воспоминаниями. Наверное, по приказу своих командиров наши отцы стреляли друг в друга. Эх, война, сколько бед и горя принесла ты в каждую семью, скольких детей ты осиротила!

Все пришли к единодушному мнению, что лучше в этом мире не иметь врагов, а если они все-таки появляются, то не менее славно побеждать их неотразимыми аргументами на переговорах, чем истребляющим оружием на полях сражений. Во время наших совместных бесед с доктором Шмидтом тема осуждения войны была доминирующей, и это еще больше сблизило нас. Я познакомил его с Тamarой и Ларисой.

Во время следующего приезда в ФРГ мы провели напряженные переговоры с руководством фирмы «Lenties AG». По их окончании доктор Шмидт объявил, что вечером нашу делегацию ждет сюрприз. Нас пригласили в ресторан, находившийся в десяти километрах от города Эссена, на покрытой лесом возвышенности. Первая часть вечера прошла под здравицы в честь советско-немецкого научно-технического и экономического сотрудничества. Хозяева и гости попеременно провозглашали тосты за мир и дружбу. Играл оркестр, звучали песни, в основном на русском языке. Застолье набирало темп.

После небольшого перерыва свет в ресторане погас, и началось представление в духе сказок «Тысяча и одна ночь». В зал медленно и беззвучно вошла группа девушек-танцовщиц. Они изображали одалисок, одетых в разноцветные шелковые шаровары. Первая девушка несла на вытянутых руках тюрбан, трое за ней — шитый золотом халат, остальные — туфли, ковер, подушки, опахала, огромный поднос с фруктами, наполненные графины. Справа и слева двумя колоннами женскую процессию сопровождали красиво сложенные молодые мужчины в чалмах.

Девушки с халатом направились прямо ко мне и накинули это богатое одеяние, явно предназначенное для султана, на мои плечи. Не успел я опомниться, как на голове у меня оказался тюрбан, а на ногах — туфли с загнутыми носками. Затем меня вывели в центр зала. Там уже успели расстелить ковер, разложили мягкие подушки и расставили яства. Меня заставили возлечь среди всего этого великолепия, и я подчинился.

Звучала восточная музыка. Одни девушки исполняли вокруг меня танец живота, другие — угощали фруктами. Мое разгоряченное лицо ласкали легкие волны воздуха, потревоженного широкими опахалами. Я чувствовал себя, как турецкий паша в серале.

Вдруг откуда-то появились фотографии. Мне стало неловко, возникло даже некоторое чувство тревоги. У нас в стране только-только началась перестройка, еще никто не отменял жестких норм поведения советских граждан за рубежом. Вот будет новость, если в прессе появятся фотографии заместителя союзного министра, отдыхающего во время служебной командировки в капстрану в окружении полуобнаженных красавиц! Я надвинул тюрбан глубоко на лоб и опустил голову, чтобы не показывать лицо фотоаппаратам.

Программа затянулась до поздней ночи. Когда вечер закончился, меня провели в одежде султана через два зала ресторана в гардероб. Подыгрывая актерам, я тепло попрощался со «своими одалисками». В качестве доказательства реальности, хотя и кратковременной, султанской жизни мне вручили готовые фотографии.

— Ну, как, удался сюрприз? — обратился ко мне Шмидт.

— Удался! Большое спасибо, — ответил я с напряженной улыбкой, думая о том, каким образом это невинное развлечение может аукнуться мне дома.

Неплохими темпами развивалось наше сотрудничество с фирмой «Steinmuller» (президент — доктор Зигфрид Михельфельдер), занимавшейся решением экологических проблем на наших электростанциях и машиностроительных энергетических заводах. По соглашению с финской фирмой она зарегистрировала на территории Советского Союза совместное предприятие «Energy, Ecology, Engineering» (СП «ЕЕЕ»), генеральным директором которого вплоть до настоящего времени является Юрий Павлович Черкун. С немецкой стороны техническим директором по осуществлению проектов был назначен Иоганн Кён. СП «ЕЕЕ» успешно выполнило ряд проектов, и для ее дальнейшей деятельности в нашей стране раскрывались широкие перспективы.

В марте 2002 года мне стало известно, что Михельфельдер был арестован по обвинению в нелегальном финансировании кёльнского отделения СДПГ. В 1994 году его фирма получила заказ на строительство крупного предприятия по сжиганию мусора стоимостью 800 миллионов марок. Ради получения этого заказа менеджерам «Steinmuller» пришлось проявить «политическую активность», то есть выплатить многомиллионные взятки ряду политических деятелей. У политических триллеров свои законы развития. Когда одни его герои лакомятся невесть откуда свалившимся хлебом с маслом, других воротит от вида и запаха тюремной баланды.

Хорошо помню европейскую конференцию по проблемам, связанным с перспективами развития энергетики и экологии, состоявшуюся в городе Дортмунде. Сюда съехались представители правительственных кругов, крупные ученые и руководители фирм из разных стран мира. Мне было предложено выступить с докладом на этом важном форуме. Каждому докладчику мэр города Дортмунда вручал на память бронзовую статуэтку девушки, играющей на свирели. Большой неожиданностью для меня стал тот факт, что за выступления выплачивался гонорар, как за научно-лекторскую работу за рубежом (мне, например, заплатили 1500 немецких марок). Не знаю, как для кого, но для меня это были большие деньги.

На заключительном заседании конференции я попросил слова и поднялся на трибуну. Поблагодарив за приглашение, хорошо организованную работу, глубокое обсуждение вопросов и за сувенир, я сказал:

— Земля Дортмунда всегда щедро одаривала Россию, посылая своих очаровательных дочерей на исполнение ответственной миссии: быть верными спутницами жизни российских наследных принцев, кои впоследствии занимали российский престол. Теперь удостоился такой чести и ваш покорный слуга. Жаль только, что эта девушка — бронзовая, а не живая. Но бракосочетание должно состояться!

С этими словами я вручил мэру города искусно вырезанного медведя, играющего на балалайке.

— Брак немецкой девушки с русским медведем состоялся! — торжественно объявил я, сходя с трибуны под долгие аплодисменты всего зала.

На мысль подарить именно такой сувенир меня натолкнуло почти случайное обстоятельство. Однажды я принимал участие в переговорах с представителями фирмы «Deutsche Babcock», проходивших неподалеку от Дюссельдорфа. В этом городе родился Генрих Гейне, здесь любил бывать Наполеон. За городом тянется слава самой длинной в мире барной стойки: только в одном его старом центре сосредоточено 260 пивных баров. Но мое внимание в офисе фирмы привлек металлический глобус диаметром чуть более метра, изготовленный еще в девятые годы XIX столетия. На его поверхности были четко выведены очертания стран Европы. Была там показана и территория России, откуда в сторону Запада выползал медведь с оскаленной мордой.

Выезжая на конференцию в Дортмунд, я прихватил с собой привезенную из СССР игрушку, еще не зная, как ею распорядиться. Оказывается, случай представился вполне удобный. В этой связи вспоминается образ блошки, приведенный современной писательницей Татьяной Толстой. Насекомое не знало привычного для нас «третьего» измерения. Блошка ползала по глобусу и считала его не круглым, а плоским. Если

же ее поднимали на определенную высоту, откуда мир представляется круглым, она чувствовала себя неуютно. Мне кажется, что многие методы западной антисоветской пропаганды являлись производным такого вот «блошиного» представления об окружающем мире. А иначе не появлялись бы пугающие немецких обывателей изделия с мордой русского медведя, рыкающего на их устоявшийся мирный быт.

Очередное заседание германо-советской комиссии по энергетике проходило в ноябре 1989 года в Майнце. Этот город известен тем, что здесь в середине XV века жил и работал изобретатель книгопечатания Иоганн Гуттенберг. Он напечатал так называемую 42-строчную Библию — первое полнообъемное печатное издание в Европе, признанное шедевром ранней печати. Заседание германо-советской комиссии вел, как это и было положено при работе на территории ФРГ, доктор Бёге. В зале присутствовало человек шестьдесят. Когда все вопросы повестки дня были обсуждены, и остался только пункт «прочее», я попросил хозяина принимающей стороны разрешить мне дальше вести заседание. Доктор Бёге, еще не понимая, в чем дело, передал мне бразды правления.

Я поблагодарил Бёге за хорошо организованное обсуждение всех поставленных вопросов и отметил:

— Вы, несомненно, заслуживаете поощрения за проделанную работу. Что можно вам подарить? Наверное, такую вещь, которая бы постоянно напоминала о необходимости выполнения решений, принятых на этой комиссии. Я хочу вручить вам вот этот русский самовар. Наливая из него очередной стакан чая, вы, я очень надеюсь, не сможете забыть, при каком условии он у вас оказался.

Вручив сияющий, расписанный русской вязью самовар доктору Бёге, я пожелал ему успехов и здоровья.

— Среди нас находится человек, — продолжил я, — у которого сегодня, 9 ноября, день рождения. Это — член правления, прокурисст фирмы «Steinmuller» Клаус Ойлер. Он сейчас, так же, как и все мы, находится далеко от семьи. Давайте от всей души поздравим его, пожелаем крепкого здоровья и, как у нас говорят, сибирского здоровья и кавказского долголетия! Тем более что сегодня исторический день — пала Берлинская стена!

Я предложил присутствовавшим поздравить Клауса так, как каждый считает возможным: сувениром, стихами или песнями. Возражений ни от кого не последовало. Для начала все расписались под памятным адресом, выполненном на немецком и русском языках. После этого на Клауса посыпались индивидуальные поздравления со стороны советской делегации (а было нас человек пятнадцать). Ему дарили русскую водку и украинскую горилку, изделия из хрусталя и поделки из Хохломы. Виновику торжества повязали через плечо расписной украинский руш-

ник, а напоследок вручили кавказский кинжал со словами: «Заметьте, советская сторона разоружается, а немецкая — вооружается! Да и в какой день! Когда идет пересмотр итогов Второй мировой войны...»

Немцы сначала не проявляли активности в церемонии чествования, а потом тоже разошлись и стали декламировать стихи, петь песни, дарить ручки и папки. Клаус был растроган до слез и заявил с волнением в голосе:

— Такого внимания к своей персоне я еще ни разу не испытывал. Спасибо всем. Я этого никогда не забуду!

Он пригласил нас к себе домой, пообещав познакомить с семьей и отцом, которому было уже более 83-х лет. Но эта встреча состоялась только через полгода. Оказывается, отец Клауса по профессии был горный инженер. В 1942 году в звании обер-лейтенанта его направили в Донбасс для восстановления шахт, взорванных отступавшими советскими войсками. Ветеран показал нам фотографии того периода: он все время мечтал побывать в этих местах, где у него «осталось много знакомых». Отец Клауса выглядел молодожаво, самостоятельно водил автомобиль и не чурался водить дружбу с прекрасной половиной человечества. Во мне боролось два чувства. С одной стороны, мы вроде бы должны быть благодарны за хороший прием, с другой — проявлению таких эмоций мешала, жгла боль за прошлое.

Как близко друг от друга лежат в тайниках нашего сердца любовь и ненависть, мед и трава! Они могут никогда не коснуться друг друга, но в определенных ситуациях, когда возникают в мозгу неуловимые помышления, когда картины окружающей действительности впиваются в душу, все может слиться. И тогда, сколь не старайся этого не замечать, все-таки не преминешь обнаружить, что в сердце образовалась такая гремучая смесь, от которой ничего доброкачественного образоваться уже не может.

Возвращаясь к проблемам электроэнергетики, я не могу обойти молчанием тот факт, что в последнюю четверть XX века советские машиностроители допускали существенные отставания при выполнении планов производства газовых турбин, а отечественная энергетика испытывала трудности с внедрением автоматизированных систем управления технологическими процессами. В начале этой главы я упоминал о намерении ряда немецких фирм осуществлять поставки в Россию АСУ ТП, включая приборные части. Нам просто было необходимо наладить сотрудничество с фирмами «Siemens AG» и «ABB», занимавшими ведущее место в мире в этих областях. После проведения соответствующих переговоров фирма «Siemens AG» взяла на себя вопросы ознакомления представителей наших институтов, заводов и руководящего аппарата Минэнерго СССР со своим заводом, расположенном в западной части Берлина. Там

был налажен процесс изготовления не только газовых турбин в целом, но и лопаток к турбинам, работающим при температурном режиме 1150 градусов и выше. Нам была предоставлена возможность устанавливать контакты с заводами одного из департаментов фирмы «Siemens AG», нацеленного на производство электротехнического оборудования и систем АСУ ТП в электроэнергетике.

Очень интересными были совместные поездки по энергетическим объектам Турции и Англии, организованные департаментом «Производство электроэнергии» (KWU) фирмы «Siemens AG» во главе с Бёмом и членом правления этой фирмы Вернером Шрёдером. Мы побывали в Стамбуле на возведенной фирмой «Siemens AG» электростанции с блоками ПГУ немецкого производства, осмотрели ряд подобных электростанций в Англии. Постоянную и оперативную связь с нами поддерживали старший директор Шведманн, а также директор по реализации проекта, заместитель руководителя департамента Клаус-Дитер Шуберт.

В целях координации и эффективности совместных действий по развитию сотрудничества фирм «Siemens AG» с Минэнерго СССР была создана рабочая комиссия с участием представителей обеих сторон. Состав комиссии был утвержден председателем правления фирмы «Siemens AG» доктором фон Пироном и мной. С фон Пироном у нас сложились хорошие отношения, которые укреплялись от встречи к встрече, происходивших попеременно в ФРГ и в СССР. Последняя такая встреча произошла в феврале 1997 года на Международном экономическом форуме в Давосе (Швейцария).

Однажды фон Пирон пригласил нас в город Эрланген (Бавария), где расположен департамент фирмы «Siemens AG» «Производство электроэнергии» (KWU), на ежегодный праздник пива, называемый Октоберфест. Праздник зародился 12 октября 1810 года, когда кронпринц Баварии Людвиг решил напоить баварский народ на собственной свадьбе с Терезой Саксонской. По этому случаю везде возводятся пивные дворцы, которые почему-то именуются палатками. Соревнуются пивные концерны, свою продукцию выставляют на всеобщий суд и монахи-августинцы. Там мы вдоволь насмотрелись на веселящийся народ, перепробовали множество сортов пива и закусок к нему. Для публики, буквально в метрах 30–40 друг от друга, играли, словно соревнуясь в мастерстве, небольшие оркестры, отдельные музыканты, кривлялись клоуны, а фокусники упражнялись в ловкости рук. Великое пивное братство объединяет. Публика находилась во власти странного, труднообъяснимого, зато отчетливого чувства надклассового единения. Немцы, как здоровая нация, выработала свои устойчивые формы публичных торжеств, соответствующих национальным привычкам.

Господа фон Пирон, Бём и Шрёдер все время были с нами на этой встрече, которая проходила, как сегодня принято говорить, без галстуков. Они обходили вместе с советской делегацией один пивной павильон за другим, не чураясь никаких развлечений. Например, между командами ФРГ и СССР было организовано соревнование по стрельбе в тире сдвигающимися и вращающимися мишенями. Советскую команду поручили представлять Виктору Яковлевичу Миронову и мне. К нашему большому удивлению, мы победили, за что получили около двадцати призов, которые были разделены поровну между всеми участниками турнира.

По пути в Эрланген мы посетили баварские города Мюнхен и Нюрнберг, хранящие свидетельства темного прошлого немецкого народа. В стоящем на реке Изар Мюнхене зародился и набрал силу фашизм. Здесь 9 ноября 1923 года молодая нацистская партия впервые попыталась силой захватить власть. Мы молча рассматривали огромный пивной зал «Бюргенброй-келлер», где собирались на свой шабаш фашистские молодчики, площадь, на которой они демонстрировали испуганным бюргерам свою строевую слаженность и бьющую через край жажду власти. Организатор коричневого путча Гитлер был осужден на пять лет тюрьмы, но уже через полгода помилован «за примерное поведение». В крепости Ландсберг ему ничто не помешало написать книгу «Майн кампф» («Моя борьба»), ставшую библией для нацистов.

Всплыли в памяти проглоченные войной лица близких, дни оккупации и сиротства. В голове мелькнуло: «Вот оно, логово, давшее жизнь человеконенавистнической идеологии! Отсюда, товарищ заместитель союзного министра, на твою землю пришли существа с черной душой. Они самонадеянно хотели лишить тебя всего, что дали тебе мать, родина, станица Марьянская. Но вопреки всему ты выжил, сформировался, занял достойное место и сейчас в качестве партнера одной из крупнейших фирм ФРГ спокойно гуляешь по городу, за которым так и осталась слава рассадника коричневой чумы». Правда, атмосфера современного города ничуть не напоминает ту послевоенную обстановку, когда желание достойно наказать главных нацистских военных преступников буквально накаляло воздух.

Глава 38

Гельмут Коль

Так получилось, что во время работы в комиссиях стран-участниц СЭВ по энергетике мне много раз приходилось бывать в странах социалистического лагеря, но в ГДР — только единожды. Я хорошо был знаком с министром энергетики ГДР Мицингером и его заместителем Краузе. В рабочую группу секции тепловых и гидравлических электростанций от ГДР входил начальник отдела по международным связям министерства энергетики Ахим Зауэр. Он принимал активное участие в работе секции, которую на очередной срок было поручено возглавлять мне. Любой обсуждавшийся вопрос по его инициативе либо отправлялся на доработку, как не соответствовавший интересам ГДР, либо принимался с массой лишних оговорок, совершенно ничего не дававших его стране. Видимо, противодействовать всему было его призванием. Но надо же было знать и меру! Ведь энергия — это только половина гения; другая его половина — узда. Во время одного из заседаний секции, проходившей на Ставропольской ГРЭС, я в шуточной форме высказал Ахиму все, что о нем думаю.

— Ну и зануда же вы, товарищ Зауэр! — влепил я тогда своему гостю. — Столько выпили моей крови — со счета собьешься. Я говорю вам со всей откровенностью, как только может говорить член КПСС члену СДПГ: просите у Бога прощения, иначе он вас накажет.

Ахим принимал мою шутку, смеялся от всей души и извинялся, заявляя при этом, что по-другому поступать все равно не может.

Когда произошло объединение Германии, фирма «Siemens AG» попросила меня приехать в Западный Берлин и среди нескольких подобранных кандидатов определить того, кто мог бы занять пост руководителя московского представительства департамента KWU («Производство электроэнергии») фирмы «Siemens AG». На приеме, организованном в одном из ресторанов, собрался весь цвет фирмы «Siemens AG», в том числе Бём, Шрёдер, Петер Шведманн и другие руководители. Бём сообщил, что скоро должен подойти один из кандидатов.

Каково же было мое удивление, когда им оказался Ахим Зауэр! Я вышел к нему навстречу и обнял своего старого соратника. Было заметно,

что Ахим чувствовал себя не в своей тарелке, сильно волновался: от его прежней бравады не осталось ни следа. Скорее всего, его не предупредили, кто будет принимать участие в «смотре». Да и меня он, видно, не ожидал встретить. Он понимал, что должен будет преодолеть большой барьер, реально выстроенный властями новой Германии для всех, кто все это время жил и работал в ГДР.

Я сразу же заявил, что фирма «Siemens AG» нашла достойного кандидата для московского представительства.

— Господин Зауэр — грамотный, дисциплинированный и исполнительный до мелочей специалист, — объявил я во всеулышание. — Все эти его положительные качества я прочувствовал на себе в процессе наших предыдущих контактов.

Итак, доктор технических наук Ахим Зауэр стал заместителем генерального директора департамента по производству электроэнергии (KWU) фирмы «Siemens AG» — руководителем представительства в Москве. Он много сделал для налаживания и развития экономических и научно-технических связей своей фирмы с энергетическими предприятиями России. Мы с ним до сих пор поддерживаем добрые, товарищеские отношения. Супруга его работает учителем в московской школе, и недавно Ахим стал дедом.

Не менее активно, чем фирма «Siemens AG», искала пути расширения сотрудничества с энергетиками Советского Союза и фирма «ABB». Группа компаний «ABB» была образована в 1987–1988 годах в результате слияния двух национальных компаний среднего размера: шведской «ASEA» и швейцарской «Brown Boveri». К концу 1989 года в нее вошло еще около 40 компаний по всему миру, в том числе североамериканская сеть передачи и распределения энергии «Westinghouse Electric Corporation». Крупнейшим приобретением 1998 года стала компания «Elsag Bailey Process Automation», сделавшим «ABB» одним из мировых лидеров в области промышленной и энергетической автоматизации.

Фирма «ABB» взяла курс на внедрение в России своих газовых турбин (мощностью 60 и 100 МВт), систем автоматизации и автоматического управления, в том числе и на производстве, а также на поставку нам современного подстанционного оборудования и приборов учета энергии. В ходе длительных взаимных поисков специалисты «ABB» разработали проекты с использованием на наших энергетических объектах своих газовых турбин мощностью 17, 25, 50 и 80 МВт, в том числе GT-8С мощностью 50 МВт на Ново-Горьковской ТЭЦ и GT-10 мощностью 25 МВт на Тюменской ТЭЦ-2 и на Сочинской ТЭЦ. Фирме удалось ввести в эксплуатацию на Южной ТЭЦ (Ленэнерго) газовую турбину GT-8С мощностью 50 МВт.

«АВВ» приняла наши условия об изготовлении необходимого для данного проекта оборудования на заводах СССР. С этой целью на территории России был создан ряд совместных предприятий: «АВВ» — Невский машиностроительный завод (газовые турбины GT-8С, GT-35, GT-10), «АВВ» — Москабель, «АВВ» — «Реле Чебоксары» и «АВВ» — Мосэнергоцит. Президент «АВВ» Банервек держал под личным контролем состояние и развитие всех контактов в области экономического и научно-технического сотрудничества между нашими странами. В тесном взаимодействии с нами работал глава ассоциации энергетиков Германии, руководитель европейского отделения «АВВ» и член ее правления доктор фон Кёрбе.

Фирма «АВВ» — постоянный участник всех мероприятий, проводимых по линии CIGRE. Во время проведения международных ассамблей CIGRE (раз в два года) в Париже она брала на себя инициативу проведения приема для делегаций-участников ассамблеи с ужином на экскурсионном речном пароходе, курсирующим по Сене. Руководители и некоторые члены нашей делегации удостоивались чести сидеть за столом вместе с доктором фон Кёрбе.

Руководителем заводского комплекса по производству газовых турбин и другого энергетического оборудования в ФРГ был доктор Хуберт Лиенхард. В один из моих приездов в старинный, известный с 1-го века до нашей эры город Кёльн, он прислал за мной машину с приглашением поучаствовать в открытии нового мощного научного центра «АВВ» в городе Хальденберге. Организатором торжества от фирмы был фон Кёрбе, сообщивший мне, что на открытии будет присутствовать Гельмут Коль. Приготовления к встрече высокопоставленного лица говорили сами за себя: все вокруг было оцеплено полицейскими, не допускавшими проезд транспорта в центр города. Когда сообщили о приезде канцлера ФРГ, фон Кёрбе пошел ему навстречу, взяв с собой и меня. Коль пожал нам руки, после чего фон Кёрбе представил меня главе немецкого правительства:

— Господин канцлер, неделю тому назад вы принимали у себя президента России господина Ельцина. Разрешите представить вам президента РАО «ЕЭС России», нашего партнера, хорошего друга Германии господина Дьякова!

Гельмут Коль, высокий мужчина с атлетической статью боксера-тяжеловеса, приветливо кивнул, вновь пожал мою руку и пригласил нас вместе с фон Кёрбе встретить его супругу, которая вот-вот должна была подъехать к месту церемонии открытия. Первая леди Германии, Ханнелоре Коль, вскоре подъехала, и мы направились в зал научных заседаний центра, где собралось много людей. Собравшиеся тепло приветствовали канцлера страны.

Доктор фон Кёрбе открыл торжественное заседание. В своем вступительном слове он сообщил о присутствии на открытии центра «президента РАО «ЕЭС России» господина Дьякова», положительно охарактеризовал состояние германо-российского научно-технического сотрудничества, в двух словах рассказал о результатах моей научной деятельности и состоянии наших с ним отношений. Затем выступил Гельмут Коль. Он также сказал несколько добрых слов о развитии сотрудничества между нашими странами в различных областях, назвал своим другом Бориса Николаевича Ельцина и подчеркнул острую необходимость наращивания делового взаимодействия в области науки. Канцлер перечислил имена российских ученых, которые активно работают вместе с немецкими учеными, не забыв при этом и мою фамилию.

После официальной части здесь же, в огромном зале научного центра, состоялся обед. Каждый стол был накрыт на восемь персон. За одним из центральных столов расположились Гельмут Коль, фон Кёрбе, бургомистр города Хальденберга, Лиенхард и я с переводчицей. Ханнелоре Коль устроилась за другим столом вместе с женщинами. Канцлер ФРГ вел себя просто, ничем не подчеркивая свое особое положение. Каждый выбирал понравившиеся закуски и горячие блюда по принципу «шведского стола». Кофе подавали официанты. Коль задал мне несколько вопросов, в том числе касающихся возможных направлений взаимовыгодного сотрудничества. Я как можно полнее старался удовлетворить его любопытство, более детально осветив состояние уже имеющихся контактов.

По окончании трапезы Коль пригласил меня с собой, чтобы вместе осмотреть стенды, лаборатории, аппаратуру научного центра. Во время осмотра я продолжал рассказывать канцлеру об аналогах энергетического оборудования, представленных в центре. Дольше всего мы задержались у стенда, где были выставлены образцы лопаток для газовых турбин. Затем Гельмут Коль перешел к следующему стенду, а я немного отстал. Он повернулся ко мне и сказал:

— Я обещаю вам свою личную поддержку во всех делах и в Германии, и в России. Обращайтесь по любым вопросам, для решения которых понадобится мое вмешательство.

От такого поворота событий я даже немного растерялся и поблагодарил канцлера за внимание к моей персоне. Окончив осмотр, Коль попрощался со всеми и направился к машине. Затем обернулся и, обращаясь ко мне, громко сказал:

— Господин Дьяков, все, что я вам сказал, — серьезно. При необходимости обращайтесь ко мне. Желаю успеха!

Минут через десять уехала и Ханнелоре Коль.

Кто-то сказал, что успех политика определяется тем, сколько и каких трудностей он сумел преодолеть. Одной из таких трудностей для Гельмута Коля была война, опалившая его в мальчишеском возрасте. Его отец участвовал и в 1-й, и во 2-й мировых войнах: был уволен из вермахта в 1944 году после тяжелого заболевания. Незадолго до окончания войны девятнадцатилетним юношей погиб родной брат Вальтер, и это стало потрясением для всей семьи. «Мы не участвовали непосредственно в войне, — говорил Гельмут Коль во время своего визита в Москву в июле 1990 года, — но мы помним войну, видели ее ужасы». Может быть, импульсы, исходящие из этой незаживающей в сердце немецкого канцлера раны и заставили его так доверительно обратиться ко мне, тоже безмерно пострадавшего от той войны?

Летом 2001 года уже экс-канцлеру Гельмуту Колю пришлось выдержать еще одно страшное испытание: 5 июля добровольно ушла из жизни его Ханнелоре. Супруги Коль прожили в браке 41 год...

Сотрудничество между Россией и Германией, находившееся в стадии непрерывного совершенствования и роста, нашло свое практическое воплощение в совместной работе по организации эксплуатации и перспективного развития энергосистем и электрических сетей между ЕЭС России и такими фирмами, как «Preussen Electra AG», «RVE», «VEBA AG» и др. В частности, немецкому энергетическому концерну «Preussen Electra AG» принадлежала идея создания электрического моста Восток — Запад по высоковольтной линии постоянного тока, которая могла быть проложена между Россией и Германией по территориям Белоруссии и Польши. Было даже создано пять рабочих групп по разработке этого проекта, согласно которому предусматривалась передача электрической мощности 6 млн. кВт из России в Германию и обратно. Однако реализация проекта затянулась, прежде всего, по политическим мотивам и из-за отсутствия схемы его финансирования.

В области технико-экономического сотрудничества СССР со странами Запада не последнее место занимала Франция. Первый раз я посетил Францию в 1985 году по плану обмена делегациями в рамках советско-французского экономического сотрудничества. Энергетика — одна из сильных сторон французской экономики. В 2002 году «Электриситэ де Франс» стала одной из крупнейших компаний в мире по производству электроэнергии.

Кто не мечтает хотя бы раз в жизни побывать во Франции — самой крупной западноевропейской стране, родоначальницы демократических идей? Революционная «Марсельеза», написанная Руже де Лилем в 1792 году и придававшая униженным и угнетенным всего мира новые силы, стала государственным гимном Франции. Отсюда в Россию пришло по-

нятие «враг народа», узаконенное якобинским Конвентом 10 июня 1794 года. Отсюда на русскую землю привел свою отборную гвардию человек в треугольной шляпе и в белых лосинах, сумевший с ноября 1799 года превратиться из генерала в ничем не ограниченного повелителя французского народа. Здесь в 1871 году поднялась и через семьдесят два дня героически пала Парижская коммуна.

«Увидеть Париж и умереть» — так назывался художественный фильм, вышедший на экраны сразу после распада Советского Союза. Я ехал в столицу Франции совсем с другими, более конструктивными намерениями. Мне интересно было забраться на Эйфелеву башню, походить по историческому центру Парижа — острову Сите, где стоит собор Парижской богородицы (Notre-Dam de Paris). На левом берегу Сены сияет золоченый купол Дома инвалидов, где в мраморном саркофаге покоятся останки Наполеона Бонапарта. Мост через реку Сену носит имя российского императора Александра III. Я не мог пройти мимо особняка герцога де Эстре на улице Гренель — резиденции российского посла в Париже с 1854 года. В 1896 году в этом особняке останавливался император Николай II, приезжавший на торжественную закладку Моста Александра III. Много впечатлений получил я от прогулки на теплоходе по Сене. Посчастливилось мне побывать и в таких знаменитых театрах Парижа, как «Мулен Руж» и «Лидо».

Франция стала последним прибежищем для многих русских белоэмигрантов, воевавших за сохранение монархии, за единую и неделимую Россию. Три волны эмиграции, начиная с 1917 года, принесли сюда русскую культуру, знания, профессионализм. Среди белоэмигрантов были крупные ученые, инженеры, артисты, писатели, офицеры, генералы и адмиралы русской армии, представители казачества, Русской Православной церкви — богатейший фонд невостребованных на родине талантов! Имена многих из них, объявленных «врагами» советской власти, было даже запрещено упоминать на Родине.

Невзирая на запреты, я посетил русские православные церкви в Париже, познакомился со многими живущими там потомками русских белоэмигрантов. Моим главным интересом стали кладбища, где похоронены наши соотечественники. Одно из них расположено в местечке Сен-Женевьев-де-Буа, что в сорока километрах от Парижа. Наши неоднократные попытки с Миролюбовым, работавшим в то время заместителем начальника отдела международных организаций и проектов ГКНТ СССР, получить в советском посольстве разрешение на посещение этого кладбища, наткнулись на противодействие. Вроде бы не отказывали — просто переносили сроки.

Когда руководство фирмы «EdF» предложило нам посетить научный испытательный центр сверхвысокого напряжения, мы тут же поинте-

ресовались, а не в той ли стороне знаменитое русское кладбище. «Да, в той», — ответили нам. Мы попросили по возможности заехать туда. Сопровождавший нас представитель французской стороны пообещал похлопотать, чтобы получить разрешение в полиции (в то время при получении визы указывались города, разрешенные для посещения). После ознакомления с научным центром нам сообщили, что разрешение получено. На обратном пути мы заехали на знаменитое место упокоения великих русских.

Территория пантеона огорожена каменной стеной с двумя воротами, расположенными друг от друга на расстоянии полукилометра. Во двор кладбищенской церкви, построенной в 30-х годах XX века на денежные пожертвования белоэмигрантов, ведет маленькая калитка. Через левые ворота мы прошли в самую старую часть усыпальницы, где одна за другой ровной шеренгой стоят могилы генералов, писателей и поэтов, о которых мы ничего в СССР не знали.

Первой попалась мне на глаза могила князя Феликса Феликсовича Юсупова и его жены. Личностью этого знаменитого наследника русской княжеской фамилии я заинтересовался давно. Так совпало, что буквально за несколько дней до этой поездки во Францию мы с Тamarой были в Ленинграде, где посетили дворец на Мойке, принадлежавший до революции Юсупову. Спускались мы и в подвальное помещение, ставшее местом казни Григория Распутина, откуда его, смертельно раненного, вывезли на лед Невы, чтобы сбросить в прорубь. До отречения царя от престола тогда оставалось 74 дня.

Стоя под сводами театра, где в молодые годы пела супруга Юсупова, племянница последнего российского императора Ирина Александровна, мы размышляли о прихотливой нити судьбы, которая порой водит нас по лабиринтам жизни, как ей заблагорассудится. Директор музея, выполнявшая при нашем посещении функции гида, посетовала: «У нас богатый материал о Феликсе Юсупове, а вот о месте захоронения нет ничего». Тогда у меня и возникла идея привезти из Франции фотографию могилы Феликса Юсупова.

И вот мы стоим у этой могилы. Казалось, время на кладбище остановилось. Вокруг не было ни души, только один высокий пожилой мужчина в светской одежде стоял напротив церкви. Услышав наш разговор, незнакомец спросил на хорошем русском языке, каким изъяснялись, видимо, в начале XX века:

— Вы из России? Извините, из СССР?..

Получив утвердительный ответ, он поспешил нам представиться. Это был православный священник местной церкви, ему было 72 года, он родился в России и все это время жил с болью в душе за нашу страну.

— Я всю свою жизнь пропагандирую во Франции русский борщ и котлеты, — пошутил наш собеседник.

Он должен был куда-то ехать, кто-то его ждал, но ради русских гостей он пожертвовал своим временем и провел нас по кладбищу. Мы стояли у могил русского писателя Ивана Алексеевича Бунина и балерины Матильды Феликсовны Кшесинской. Бросилась в глаза идеальная ухоженность территории. На могилах «дроздовцев» мы прочитали слова-молитву: «Боже, прости и спаси Россию». Далее следовали могилы чернышевцев, офицеров подразделений контрразведки белой армии. За мемориалом белого движения — надгробия казаков-белоземigrants. В центре скорбного поля — большой черный круглый камень со встроенным наверху крестом, а на нем слова: «... и поглотила казака чужбина». Могилы кадетов выглядят так же чисто и невинно, как помыслы и мечты тех юношей, что сложили свои головы в бессмысленной братоубийственной бойне...

Участие в международных организациях позволяло Минэнерго СССР успешно расширять научно-технические и экономические контакты на уровне различных фирм, и часто эти контакты перерастали в двусторонние соглашения и контракты. А самое главное — эти контакты развеивали негативную информацию о нашей стране, о ее людях, особенно в тех уголках земного шара, с которыми у нас до перестройки по тем или иным причинам не было связей.

В 1990 году заседания исполнительного комитета и административного совета CIGRE проходили в Австралии — сначала в Сиднее, а затем в Брисбене. Перелет через экватор занял более тридцати восьми часов с посадками в Дакаре и Сингапуре. Австралийский континент для подавляющего большинства советских людей был, пожалуй, одной из самых малоизвестных частей земной суши. Его земля обильно полита кровью коренных австралийцев, которых англичане подвергли массовому истреблению в ходе колонизации, начавшейся в конце XVIII века. До середины XIX столетия Великобритания направляла сюда в ссылку нарушителей закона. Заселена Австралия преимущественно переселенцами из Великобритании, на стороне которой австралийцы воевали в ходе 1-й и 2-й мировых войн.

Национальная энергосистема Австралии объединяет пять штатов: Куинсланд, Новый Южный Уэльс, Территория Австралийской Столицы, Виктория, Южная Австралия. Установленная мощность генерирующих станций по всей Австралии составляет 37 206 МВт, из них 29 817 МВт приходится на ТЭС, а 7389 МВт — на ГЭС. В качестве первичного энергоносителя используются: уголь — 91%, гидроресурсы — 4%, газ — 3%, мазут — 1%.

Мы с Миролюбовым прилетели в Сидней рано утром. Этим же рейсом в столицу Австралии прибыла другая советская делегация из десяти человек во главе с первым заместителем министра энергетики и электрификации СССР по строительству В. И. Садовским. Она должна была принять участие в заседании исполкома Международной комиссии по большим плотинам (ICOLD). В состав этой делегации входили депутат Верховного Совета СССР, бывший заместитель министра энергетики и электрификации СССР Георгий Иванович Тихонов, начальник подотдела отдела энергетики Госплана СССР Л. Н. Торопов и другие.

Эта командировка запомнилась мне сразу несколькими казусами. Еще в Москве нас предупредили, что в Австралию нельзя ввозить продукты питания. Но сумма суточных была так мала, что тратить их на еду было просто кощунственно. Поэтому каждый запасался, чем только мог, теща себя одной мыслью — «проскочить» таможенный досмотр. У меня был дипломатический паспорт с дипломатической визой, поэтому мой багаж досмотру не подвергался. У В. И. Садовского, Г. И. Тихонова и Л. Н. Торопова тоже были дипломатические паспорта, но с обычной визой.

Первым к стойке таможенного контроля подошел Торопов. Он открыл свой чемодан, доверху наполненный консервами и другими съестными припасами. Служащая таможи все его банки — одну за другой — побросала в черный виниловый мешок. Очистив чемодан, она подняла голову и взглянула на стоявшего перед ней крупного руководителя из страны Советов. Видимо, в душе у нее шевельнулась жалость. Она улыбнулась, подвинула Торопову его пустой чемодан, а затем протянула ему мешок с продуктами. Садовский и Тихонов мгновенно сориентировались и во избежание унижительной процедуры передали свои чемоданы помощникам, которые прошли досмотр без всяких осложнений.

Мы добрались до гостиницы, которая стояла напротив знаменитого театра, построенного в форме парусного корабля, символа города Сиднея. Там нам было уготовано новое испытание. Мне, заместителю министра, уровень расходов на проживание в гостиницах не регламентировался, а вот Миролюбову, работнику ГКНТ СССР, для этих целей на сутки выделялось всего 80 австралийских долларов. За такую сумму номеров в гостинице не оказалось — все выше ста. Что тут будешь делать? Пришлось мне брать коллегу в свой номер, что вызвало у обслуживающего персонала недоуменные улыбки. По западным понятиям, в одном гостиничном номере обычно селятся мужчины, имеющие вполне определенные наклонности. С «суточными» у нас тоже было не густо — по 24 доллара, что едва хватало на один самый дешевый завтрак «континентал».

Вечером по приглашению министра энергетики и минеральных ресурсов Австралии мы присутствовали на концерте в том самом театре,

выполненном в виде галеона, уплывающего в страну эльфов. По мнению специалистов, Сиднейский оперный театр — единственное здание XX века, которое можно поставить в один ряд с такими великими архитектурными символами, как Биг-Бен, Статуя Свободы, Эйфелева башня, Айя-София и Тадж-Махал.

Концерт, который мы прослушали, состоял из трех отделений. В первом отделении звучала музыка аборигенов Австралии, во втором — мировая классика, а в третьем наш слух порадовали мелодии вальсов обоих Иоганнов Штраусов (отца и сына). В ложе рядом с австралийским министром по одну сторону сидели мы с Миролюбовым, а по другую — президент SIGRE Уайт с супругой. У американки был неплохой слух, и она с удовольствием напевала мелодии вальсов вместе с хозяином принимающей стороны.

После концерта мы перешли в ресторан, где в нашу честь был дан ужин. Расселись по шесть человек. Мы оказались за одним столом с австралийским министром энергетики и минеральных ресурсов. Супруга президента SIGRE, находясь под впечатлением услышанного на концерте, продолжала напевать. Ко мне обратился министр Австралии:

— Профессор Дьяков, а у вас в России поют?

— Конечно! — засмеялся я. — Россия — музыкальная страна.

— Вы лично поете? — продолжал допытываться мой собеседник.

— Да.

— Чему отдаете предпочтение?

— Люблю лирические песни, — признался я.

— Вы можете сейчас что-нибудь нам исполнить?

— Пожалуйста, — сказал я и, немного подумав, затаил песню из кинофильма «Гибель резидента».

Под сводами ресторана зазвучали русские слова: «Я в весеннем лесу пил березовый сок...» Пропев один куплет, я замолк. Меня попросили спеть еще раз. В это время за моей спиной уже разместился оркестр ресторана. Собравшись с духом, я вновь запел. Оркестр, что называется «на ходу», подобрал мелодию, и я допел песню до конца уже под его аккомпанемент. Гости ресторана бурно аплодировали, благодарил меня за исполнение и австралийский министр. Так в далекой Австралии мне пришлось экспромтом пропагандировать русскую песенную культуру.

Путь к развалу

По мере того, как наша страна становилась все более открытой, международное сообщество внимательно присматривалось к содержанию перестроечных процессов, происходивших на одной шестой части земной суши. В советском обществе мало у кого возникали сомнения в правильности пути, нацеленного на совершенствование социализма. Ведь термин «перестройка» предполагал именно такое толкование. В середине 80-х годов XX века никто даже подумать не мог, что эта перестройка приведет великую страну и народ к катастрофе — к развалу СССР, экономическому кризису, абсолютному обнищанию большинства населения и национальному позору.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года, принятые на старте перестройки, предусматривали стандартный набор мер, начинавшихся словами «обеспечить», «осуществить», «нацелить», «поднять», «продолжить», «совершенствовать». Речь в этом документе шла о всесторонней интенсификации и рационализации производства, научно-техническом прогрессе, плановой социалистической системе хозяйства, полной занятости. XII пятилетка должна была стать основой для решения главной задачи перестройки — неуклонного улучшения жизни людей. Хотя в начале перестройки отрасли, производящие товары массового спроса, в своем развитии оказались замороженными, а темпы роста продукции машиностроения, металлургии и угледобычи не могли вызывать удовлетворения, но весьма внушительными оставались ежегодные приросты добычи нефти и газа, производства электроэнергии. Страна совместными усилиями создавала мощнейший западносибирский нефтегазовый комплекс, развивала Экибастузский и Канско-Ачинский топливно-энергетические комплексы, строила БАМ, возводила жилье, вводила в строй промышленные и сельскохозяйственные объекты. Выполнялись программы по освоению космоса.

Страна с большим энтузиазмом восприняла решения январского Пленума ЦК КПСС 1987 года, принявшего решение о демократизации общества, гласности и наметившего пути реформирования партии. Было

решительно заявлено о необходимости отказа от несвойственных партийным органам управленческих функций, от стремления единолично решать все вопросы партийно-хозяйственной жизни, подменяя советские, хозяйственные и общественные органы. Стали возникать кооперативы, осмелели предприниматели, на территории СССР одно за другим проходили регистрацию совместные предприятия, международные объединения и организации, основанные на совместном капитале.

М. С. Горбачев ввел в политический лексикон новое понятие — «гласность», под которой власть понимала «здоровую» критику существующих недостатков, большую информированность населения и некоторое ослабление цензуры. Главным разрешенным объектом критики стал «сталинизм», главным идеалом — «возвращение к ленинским нормам партийной и государственной жизни». В рамках этой кампании были реабилитированы партийные деятели Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев.

С ослаблением тисков цензуры началось массовое оживление демократической печати. На прилавках книжных магазинов появились запрещенные ранее произведения В. С. Гроссмана, А. П. Платонова, А. Н. Рыбакова, В. Д. Дудинцева, А. И. Приставкина, Д. А. Гранина, О. Э. Мандельштама, А. А. Галича, И. А. Бродского, А. И. Солженицына, В. П. Некрасова, Дж. Оруэлла, А. Кэстлера. На телевидении появились программы «Двенадцатый этаж», «Взгляд», «Пятое колесо», «До и после полуночи».

Вместе с тем, именно с января 1987 года начинается отсчет неуклонного движения страны к экономической и идеологической пропасти. Если до январского Пленума ЦК КПСС еще сохранялась видимость, что все преобразования в стране происходили как бы с опорой на партию, по ее указанию, то после него партийная элита впала в неврастеническое состояние. Впервые в истории СССР были напрямую и непосредственно затронуты интересы партийного аппарата, который узурпировал всю власть в стране и установил свою диктатуру, в том числе и над партийными массами. Партийный аппарат, развращенный вседозволенностью и неприкасаемостью, таких шуток над собой не прощает. В партии началась сначала скрытая, а потом и открытая борьба.

1988 год стал годом усиления кризисных явлений в экономике, начальным годом ажиотажного спроса. Параллельно с созданием «народных фронтов» в защиту перестройки и трансформацией «неформальных» групп в политические объединения — прообразы политических партий, в ряде регионов страны начались демонстрации, забастовки, столкновения на национальной почве. Произошли драматические события в Сумгаите: город был ввергнут в кровавую вакханалию, в ходе которой совершались насилия над мирным армянским населением, многие

десятки лет проживавшим в Азербайджане. Сумгаит повторился в Гяндже, Ханларе, Дашкесане, Шанхоре, Мингечауре и Баку.

В 1989 году в стране резко обозначились признаки политического и экономического кризиса. Произошло падение темпов экономического роста. Развал потребительского рынка вызвал лавину митингов, манифестаций и забастовок. Все более частыми стали волнения в шахтерских регионах с требованиями повышения заработной платы, установления выходных дней, изменения цен на уголь. Усиливался накал межнациональных конфликтов в различных точках страны. Во весь рост поднялась проблема Нагорного Карабаха, которая не находит своего политического решения и где продолжает литься кровь. Крупными международными событиями стали падения режимов Тодора Живкова в Болгарии, Николае Чаушеску в Румынии, Эриха Хонеккера в ГДР. Пал коммунистический режим в Венгрии.

Важным российским событием этого года стало принятие Верховным Советом РСФСР поправок к Конституции РСФСР, предусматривавших созыв Съезда Советов и создание двухпалатного Верховного Совета. Второй съезд народных депутатов СССР принял постановление о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. По докладу председателя Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года А. Н. Яковлева съезд осудил пакт Риббентропа — Молотова. На этом съезде обсуждалась программа двухэтапного длительного перехода к рыночной экономике.

Последний год двенадцатой пятилетки явился началом распада СССР. Союзные республики одна за другой начали заявлять о своем суверенитете. Этот год вошел в историю СССР, как год парада «суверенитетов». Даже автономные республики заявили о своем стремлении к самоопределению. Все рвались из СССР на свободу, добивались независимости, но какой и от кого — было трудно понять. Гарантом сохранения СССР оставались действовавшая Конституция СССР и Верховный Совет с Президентом, которые в свою очередь должны были являться гарантами безусловного исполнения этой Конституции. Они всеми имеющимися в их руках средствами власти должны были обеспечить безусловное исполнение Основного Закона государства и, прежде всего, неизблемость его границ. Но для этого руководитель государства должен иметь волевой, сильный, твердый характер, государственный ум и, главное, — обладать способностью на самопожертвование во имя сохранения вверенного ему судьбою государства.

К сожалению, Горбачев этих качеств не проявил. Он больше думал об усилении собственной власти и под видом развития демократии и

внедрения «нового мышления» делал одну за другой непозволительные уступки, систематически разрушавшие базу существования одной из самых сильных держав мира с огромным экономическим потенциалом. Возглавив «архитектурную мастерскую» перестройки, Горбачев не сумел отречься от форм и методов работы, установившихся в замкнутом пространстве партийно-государственной номенклатуры, поскольку он сам являлся ее типичным представителем. Любивший критиковать застой, Михаил Сергеевич был его ярким произведением. Он жил и работал без жесткого, основанного на принципах, внутреннего стержня, предпочитая лавировать и приспособливаться. Если Горбачев и проявлял активность и целеустремленность, то только лишь в том случае, когда рвался к власти.

Получив неограниченную власть, Михаил Сергеевич начал с кадровых перестановок, процесс которых был осуществлен в течение 1985–1989 годов. Кардинальная смена кадров, очень напоминающая чистку, была осуществлена на всех этажах руководства партии. В 1986–1989 годах сменилось более 90% секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик и более 80% секретарей райкомов, горкомов и окружкомов КПСС. Приходившие им на смену новички сплошь и рядом не имели опыта политической работы ни в партии, ни в массах. Цель подобного «обновления» теперь не вызывает сомнений: изменить менталитет кадрового корпуса государства и правящей партии.

Мой земляк и не скрывал этой цели. В 1988 году он говорил: «Опыт нашей перестройки показывает: пока не произойдет переворота в мозгах — движения в политике, в практике не будет». Кадровые перестановки по давно заведенному в нашей стране порядку всегда вызывают удовлетворение в широких слоях общества. Как же! Сняли с должности несостоявшегося руководителя — значит, новый начальник будет работать лучше. Но никто не задавал себе вопрос: «А что станет со страной, когда у власти сверху донизу окажутся малоопытные в вопросах управления государством и экономикой люди?»

За фасадом перестройки происходил энергичный процесс смены ориентиров. Спекулируя лозунгом «приоритет — общечеловеческим ценностям», Горбачев сделал свой первый серьезный ревизионистский шаг. Шаг в сторону отказа не только от классового подхода в оценке социальных процессов, но и от национальных и государственных интересов державы, которую он возглавлял. Откровенно ревизионистский курс был положен им в основу политических решений, направленных на пересмотр итогов 2-й мировой войны и нарушение соглашений Ялтинской и Потсдамской конференций и Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, провозглашавших незыблемость

послевоенных границ. Именно так, под словоблудие об общечеловеческих ценностях и под диктат Запада, были ликвидированы Организация Варшавского Договора, Совет Экономической Взаимопомощи, Германская Демократическая Республика.

Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачев постоянно маневрировал, пытаясь сохранить хорошие отношения как с партийным ортодоксом Лигачевым, так и с вольнодумцем Яковлевым. Но он пропустил тот момент, когда вплотную к нему, обжигая горячим дыханием, подошел еще один политический стайер — Борис Николаевич Ельцин. Смелый до безрассудства, — как характеризуют его многие российские и зарубежные аналитики, — честолюбивый уралец обладал неукротимым бойцовским характером. Добиваясь собственного места на кремлевском небосводе, недавний первый секретарь Свердловского обкома КПСС умело разыгрывал собственную карту, которая, как доказали последующие события, была беспроектной. На советской политической сцене появился государственный деятель, сопоставимый, может быть, с той, непременно возникающей в беспокойном море, высокой волной, которая настигает другие, более слабые волны и подавляет их своей громадой.

Первое известное серьезное столкновение Ельцина с Горбачевым произошло 19 января 1987 года на заседании Политбюро ЦК КПСС. Тогда Борис Николаевич высказал ряд критических суждений по проекту доклада, с которым должен был выступить Генеральный секретарь на январском Пленуме ЦК. Получив резкую отповедь со стороны коммунистических патриархов, обвинивших его в намерении начать перетряску советского общества, Ельцин притих в ожидании удобного для себя часа. Этот «час» наступил на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК, где обсуждался доклад, посвященный 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Выступление Ельцина на Пленуме 21 октября было коротким, не более десяти минут. Противник велеречивости, человек конкретных действий, он во всеуслышание заявил, что вера в перестройку у людей начала падать, что, по его словам, «перестройку заболтали». В те времена иметь мнение, хотя бы одним словом не совпадающее с точкой зрения ЦК, было равнозначно подвигу бесхребетной гусеницы, убежденной, что с ней ничего не может случиться под тяжелой пятой слона.

«Бунтарь» знал, о чем говорил. Два года горбачевских преобразований породили в народе скепсис и неверие в успех затеянного. Чем больше бодрых речей произносилось наверху, тем чаще исчезали из продажи сахар и мыло, зубная паста и школьные тетради. Многочасовые очереди выстраивались за мясом, обувью, одеждой, табачными изделиями. Страна медленно, но неуклонно, как в годы войны, переходила на карточную

систему обеспечения. Замороженный разговорами о перестройке, советский народ не догадывался, что под нее не было заложено никакой экономической платформы, хотя о новых методах руководства экономикой (о многоукладности, поддержке частного предпринимательства и другом) говорилось все чаще и чаще. Но это были первые несмелые шаги на пути к рынку, который находился от нас еще очень и очень далеко.

Правила игры по-прежнему определял «его величество» государственный план развития народного хозяйства СССР. Горбачев и его коллеги понимали: выход — в радикальных переменах. Но вот программу перемен выработать они не успели. «Самый большой из дефицитов социализма, — как выразился один из бывших московских политиков, — не колбаса, не холодильники, а головы». Думающих голов, способных дать стратегию перестройки, в аппарате ЦК вообще не было, а поиски вне стен Кремля и ЦК были чужды тоталитарному мышлению.

Змея, вполне терпимая в естественном природном окружении, невероятно страшна, когда неизвестно откуда появляется в комнате английской леди. Жало ельцинской критики тайло в себе смертельную опасность для традиционалистов из Политбюро ЦК КПСС. В ноябре 1987 года Бориса Николаевича убрали с политического Олимпа, сняв с поста первого секретаря МГК КПСС и назначив для отвода глаз на пост первого заместителя председателя Госстроя — министра СССР. «Благонадежная» придворная публика тут же отшатнулась от Ельцина, как в ужасе отшатывались от Данте флорентийцы, считавшие, что он побывал в аду, коли все так точно о нем узнал и описал в своей «Божественной комедии». Всем казалось, что джинн навсегда загнан в бутылку.

В такой ситуации собралась XIX Всесоюзная конференция КПСС, которую Горбачев использовал для принятия решений об изменениях в системе советской власти. Главная приманка этих изменений состояла в том, чтобы совместить на местах посты партийных секретарей и председателей исполкомов.

25 мая — 9 июня 1989 года работал 1-й съезд народных депутатов СССР. С его трибуны звучало то, о чем раньше осмеливались говорить разве что на кухнях. Казалось, что вот-вот рухнет система лжи и откроются новые горизонты. Этот съезд называют сейчас «съездом последних идеалистов». С его помощью Горбачев пытался в генеральном плане добиться такого положения, чтобы телегу реформ тянули два коня — КПСС и Советы. Но на практике телега партийно-государственного социализма начала сразу же разваливаться. Съезд превратился в начало конца КПСС, поскольку отменил положение Конституции СССР о руководящей роли партии в делах государства. Это был, несомненно, правильный шаг. Ведь даже такой диктатор, как Сталин, несомненно, считавший

Коммунистическую партию руководящей силой, всегда ставил ее ниже государственной власти. Не должна была кучка людей в виде Политбюро ЦК КПСС руководить такой огромной страной, как наша!

На этом съезде Горбачев был избран на пост Председателя Верховного Совета СССР без отчета о прошлой работе и без изложения плана на будущее. Но решающим стал не сам съезд, а то, что происходило в стране, граждане которой поняли, что съезду нет никакого дела до их проблем. И народ решил действовать. Летом 1989 года вспыхнули первые «перестроечные» шахтерские забастовки, радикально изменившие политическую, а позже и географическую карту страны. Пример подали Междуреченская шахта имени Л. Д. Шевякова в Кузбассе, а 17 июля уже не работало 167 предприятий, или более 180 тысяч человек. Журналисты сравнивали забастовки со стрелой, получившей энергию полета от тугой тетивы социально-экономических и политических реалий того времени.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР М. С. Горбачев, совместив в своем лице партийную, а теперь и государственную власть, должен был иметь четкую программу выхода из политического и экономического кризиса, созданного под его непосредственным руководством. Но, к большому сожалению, такой программы у него не было. А, может быть, он ее и не хотел иметь? Партия неуклонно теряла свою власть и авторитет. Роль Генерального секретаря ЦК КПСС в управлении государством снижалась не по дням, а по часам. Вместо того чтобы заниматься экономикой, Горбачев сосредоточил все свои силы на разработке процедуры введения в стране должности Президента СССР, противоречащей логике и духу Конституции СССР.

На съезде народных депутатов СССР 15 марта 1990 года Горбачев был избран первым и последним Президентом СССР. Но даже в этом случае он проявил трусость, не решившись пойти на всенародные выборы Президента СССР, что послужило бы сильнейшим аргументом в пользу сохранения Советского Союза. Если бы президент получил мандат народного доверия, его власть была бы наполнена реальным содержанием. А так — получился очередной мыльный пузырь. Чувствуя это, Горбачев изо всех сил держался за пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Укрепляя личную власть, Михаил Сергеевич утратил нити руководства деятельностью народных депутатов СССР, не говоря уже о лидерах союзных республик.

В июле 1990 года состоялся XXVIII съезд КПСС, последний съезд в истории партии, на котором произошел ее фактический раскол. На этом съезде из партии вышли Борис Николаевич Ельцин, Гавриил Харитонович Попов, Анатолий Александрович Собчак.

Ситуация, пущенная Горбачевым на самотек, развивалась не в его пользу. Образовавшаяся в начале июля 1989 года Межрегиональная депутатская группа (МДГ) сформулировала три основные задачи текущего момента, сводившиеся к «денационализации», «десоветизации» и «дефедерализации» страны. В целях внесения изменений и дополнений в Конституцию СССР народными депутатами СССР были приняты законы «О земле» (28 февраля 1990 г.) и «О собственности» (6 марта 1990 г.). Положения этих законов нашли закрепление в соответствующих статьях Конституции СССР, принятых 14 марта 1990 года внеочередным 3-м съездом народных депутатов СССР без какого-либо обсуждения.

Одновременно из Конституции СССР была исключена 11-я статья. В статье 11 Конституции СССР перечислялись и закреплялись объекты «общего достояния всего советского народа» — единая территория, единая экономическая система и единая семья народов, вместе составлявшие материальную основу единства страны — единое политическое, экономическое, правовое и военно-стратегическое пространство. На территориях союзных республик располагалась общесоюзная, общенародная собственность, так как она была создана совместным трудом живших и ныне живущих поколений людей и по праву принадлежала всему народу СССР.

В соответствии с принятыми поправками в Конституцию СССР, безраздельные права собственности на землю (а она не мыслится без территории) перешли к национально-государственным административным образованиям. За союзным государством не было оставлено ни одной пяди земли, чем Союз ССР обрекался на ликвидацию, ибо даже та земля, где размещались союзные органы власти (например, Кремль), стала территорией России. Одновременно была перечеркнута и статья 75 Конституции СССР о единой территории СССР и узаконен сепаратизм, заявивший о себе декларациями о суверенитете, начиная с союзных республик и кончая автономиями.

Президентское кресло Горбачева, стоявшее на зыбучих песках его собственных представлений о развитии обстановки в стране и мире, с каждым днем теряло свою устойчивость. В марте 1990 года Борис Николаевич Ельцин был избран народным депутатом, а 30 мая — Председателем Верховного Совета России. 12 июня была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР, что привело к усугублению процесса дезинтеграции. Другим советским республикам, в частности, Белоруссии и Украине, уже ничто не мешало пойти на принятие собственных деклараций о независимости.

1990 год открывал новую страницу в истории государства, подводя жирную черту под длительным периодом развития советского общества в рамках государственного планирования. Энергетическая отрасль

страны одна из первых испытала на себе давление политических и экономических изменений. Но никто из энергетиков, будь то рядовой электромонтер, монтажник, строитель или руководитель министерства, не пытался уклониться от решения возникавших проблем. Напротив, благодаря огромному чувству ответственности за надежное и бесперебойное энергоснабжение потребителей, жесткой дисциплине и профессионализму работники энергетической отрасли трудились, как единый механизм. Энергетики не допускали мысли об использовании «рубильника» для достижения каких-то своих корыстных или политических целей, старались своевременно выполнять ремонты оборудования, создавать запасы топлива, готовиться к работе в осенне-зимний период.

Одной из главных наших задач было своевременное, опережающее наращивание энергетических мощностей. Наверное, благодаря этой жизнеутверждающей цели, с 1985 по 1990 год включительно установленная мощность электростанций в целом по СССР выросла с 314,7 до 348 млн. кВт, в том числе по России с 195,8 до 213 млн. кВт. Производство электроэнергии в СССР выросло с 1545 до 1728 млрд. кВт.ч, в том числе по России с 962,15 до 1082,1 млрд. кВт.ч. Энергетиками за пять непростых лет был выполнен большой объем работ по техническому перевооружению и реконструкции энергетических объектов.

Как ни странно, но именно в этот период в Единой энергетической системе СССР были введены в эксплуатацию современные блоки единичной мощностью 500, 800 и 1000 МВт каждый, завершено строительство 10 агрегатов Саяно-Шушенской ГЭС по 640 МВт каждый, технические возможности которых позволяли взять нагрузку на каждом агрегате до 730 МВт. Были построены и введены в эксплуатацию 8 блоков по 800 МВт: три — на Пермской ГРЭС, три — на Сургутской ГРЭС-2, два — на Березовской ГРЭС-1 в Красноярском крае, работающие на буром угле Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. Большим достижением было завершение строительства и включение в единую сеть 3-го блока мощностью 1000 МВт на Балаковской АЭС в Саратовской области), двух блоков по 1500 МВт каждый на Игналинской АЭС в Литовской ССР.

Были достигнуты заметные успехи и в строительстве гидроэнергетики: пущены в работу четыре агрегата обратимой гидроаккумулирующей Загорской электростанции по 200 МВт каждый, введены гидроагрегаты мощностью 120 МВт на Курейской ГЭС, по 78 МВт на Чебоксарской ГЭС в Чувашской АССР и Нижнекамской ГЭС в Татарской АССР. В Казахстане был введен в эксплуатацию 1-й блок 500 МВт на Экибастузской ГРЭС-2. Отличие этого блока от блоков 500 МВт Экибастузской ГРЭС-1 состоит в его возможности работать на высокозольных углях с содержанием золы до 46%.

Развивались источники и системы теплоснабжения: в Новосибирске — с вводом турбины № 4 мощностью 180 МВт на Новосибирской ТЭЦ-5, на котле этого блока шло освоение сжигания водно-угольной суспензии, а также в Москве — с вводом теплофикационных блоков Т-250 МВт на ТЭЦ-25 и ТЭЦ-26 Мосэнерго.

С трудом, в борьбе с «зелеными», было начато строительство ТЭЦ «Северная» Мосэнерго. Успешно шло строительство и освоение линий электропередачи сверхвысокого и ультравысокого напряжения 500, 750 и 1150 кВ. Этим самым усиливалась мощь Единой энергетической системы страны.

Были введены в эксплуатацию высоковольтные линии электропередачи: ВЛ-1150 кВ: Экибастуз — Кокчетав, Экибастуз — Барнаул, Барнаул — Итат; ВЛ-750 кВ: подстанция Североукраинская — Курская АЭС, Смоленская АЭС — Михайлов; ВЛ-500 кВ: Саяно-Шушенская ГЭС — Новокузнецк, подстанция «Демьянская» — Сотинская, Балаковская АЭС — Куйбышев, Волгодонск — Шахты, Вологда — Череповец, Балаковская АЭС — Куйбышев (2-я цепь), Итат — Томск, Балаковская АЭС — подстанция «Трубная», Петропавловск — Курган, Нерюнгринская ГРЭС — Сковородино, Троицкая ГРЭС — Магнитогорск, Тюмень — подстанция «Луговая», Ириклинская ГРЭС — подстанция «Газовая».

Министр топлива и энергетики России

Мое первое знакомство с Ельциным произошло в Свердловске, когда в должности заместителя министра энергетики и электрификации СССР по эксплуатации, а потом — по науке я выезжал по служебным делам в РЭУ Свердловскэнерго. Раньше существовало такое негласное правило: руководитель любого ранга, прибывающий в регион из центра, должен был непременно предстать перед очами первого секретаря местного партийного комитета. Так поступал и я. Но мои встречи с первым секретарем Свердловского обкома КПСС Ельциным носили в большинстве случаев конструктивный характер. Мне удавалось решить у него множество практических вопросов, предварительно проработанных с региональными энергетиками.

Борис Николаевич беседовал со мной с большим интересом, живо и остро реагировал на любые просьбы и незамедлительно принимал по ним решения. Он владел информацией обо всех проводившихся в Свердловской области работах по наращиванию энергетических мощностей и реконструкции крупнейшей на Урале тепловой электростанции — Рефтинской ГРЭС, проявлял заботу об ускорении поставок казахстанских углей из Экибастуза и снижении остроты экологических проблем в регионе.

Не лишенный чисто мужского обаяния, Ельцин выглядел властным и полным кипучей энергии руководителем, склонным к резким поворотам и решениям. Он казался мне человеком дальновидным и надежным. Но уже тогда было заметно, что политика со всеми ее «оборотными» сторонами стала частью его жизни, наложила на него свою несмываемую печать.

Когда Ельцин занял пост первого секретаря МГК КПСС, мне в качестве заместителя министра приходилось бывать на заседаниях Бюро Московского горкома, когда там обсуждались вопросы подготовки города к зиме. Борис Николаевич на этих заседаниях, проходивших в жестком ключе, производил впечатление активного хозяйственника. Выступал он бодро, задиристо, используя примеры из жизни города, поскольку

лично ездил по заводам, магазинам, больницам. Он работал как бы на опережение, «нюхом» чувствуя настрой людей. Видно было, что ему досаждала необходимость вечно жить с оглядкой на мнение вышестоящих инстанций.

На одном из заседаний Бюро МГК КПСС он обратился ко мне со словами:

— Анатолий Федорович, я прошу вас взять над Москвой шефство по вопросам энергетики.

— С удовольствием, Борис Николаевич! — ответил я тогда.

Я почему-то поверил в этого бескомпромиссного человека, в котором вполне уместное честолюбие не заглушало все остальные движения души. Мне уже с первых дней нашего знакомства показалось, что Ельцин руководствовался одним из испытанных древних постулатов: «Не пытайся быть умней своих подчиненных, и тебя полюбят». Скорее всего, из этого постулата проистекало его мнение о Горбачеве и его (ныне уже покойной) супруге Раисе Максимовне, чьи формы общения с народом страдали снобизмом, уходом в бесплодные умствования, в далекие от народных проблем эмпирии.

О семейном дуэте Горбачевых я был наслышан еще на Ставрополье. И если Борис Николаевич что-то о них недоговаривал, так это, вероятно, потому, что обладал качеством настоящего политика — не говорить правду, что вовсе не равнозначно лжи: просто бывают случаи, когда лучше промолчать. Уж кто-кто, а он хорошо знал, что с давних лет за познание монарших тайн следовало проклятие, а за их прилюдное оглашение — аутодафе.

«Заря дерзает, когда занимается», — вполне справедливо утверждают французы. Первые разговоры, в которых в виде замысла формулировались пожелания иметь в России собственное Министерство топлива и энергетики, относятся к 1990 году. Считается, что замысел — это вполне реальная вещь, и если он где-то витает, значит уже существует во плоти и находится в ряду с другими реальностями, которые невозможно разрушить, как бы это кому ни хотелось. Но министра энергетики и электрификации СССР Юрия Кузьмича Семенова идея создания первого в истории Российского государства министерства по управлению топливно-энергетическим комплексом совершенно не трогала. Ему и его окружению казалось вполне достаточным, что в составе Совета Министров СССР действовало Бюро по ТЭК, председателем которого в 1989–1991 годах был Лев Дмитриевич Рябев.

Рябев считался высокоподготовленным специалистом и профессиональным руководителем. После окончания в 1957 году Московского инженерно-физического института он работал во Всесоюзном научно-

исследовательском институте экспериментальной физики (ВНИИЭФ, Арзамас-16), который возглавил в 1978 году. В 1984 году Лев Дмитриевич перешел с должности заведующего сектором оборонного отдела ЦК КПСС на административную работу, став заместителем министра, первым заместителем министра, министром среднего машиностроения СССР, заместителем Председателя Совета Министров СССР. Бюро по ТЭК под его руководством курировало вопросы, входившие в ведение Министерства энергетики и электрификации СССР, Министерства угольной промышленности СССР, Концерна Газпром СССР, Министерства нефтяной промышленности СССР, Министерства нефтяной и нефтехимической промышленности СССР, Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, других министерств и ведомств. В подчинении Совета Министров РСФСР находился только Ростопром РСФСР, ведавший работой мелких угольных шахт местной промышленности, расположенных в областях, краях и республиках России, и торфоразработками, которые велись в интересах энергетики, а также (в большей своей части) — сельского хозяйства.

Энергосистемами РСФСР мне пришлось заниматься с первой минуты после назначения на пост заместителя министра энергетики и электрификации СССР, не делая никакого различия между союзными и российскими энергетическими объектами. Более того, Верховный Совет РСФСР и Совет Министров РСФСР, различные комитеты и ведомства часто приглашали меня для доклада по вопросам состояния энергетики в России. Я никогда не скрывал своего недоумения по поводу того обстоятельства, что управление энергетикой РСФСР осуществлялось на союзном уровне. В отличие, например, от национальных республик, входивших в состав Союза ССР, которые имели собственные управленческие структуры в виде министерств или главных управлений энергетики двойного подчинения (республиканского и союзного). А еще большее непонимание вызывал у меня казус с формированием государственного плана развития электроэнергетики СССР. Россия, как это ни удивительно, в этом плане никогда не занимала приоритетного положения — к ней относились по принципу: «На тебе, боже, что нам негоже». Поэтому, считал я, в России необходимо было создавать ведомство, которое бы стояло на защите ее энергетических интересов.

Между тем, советская экономика все более стремительно приближалась к черте, за которой явственно маячили признаки всеобщего коллапса. В декабре 1990 года, констатируя обвал экономики и «срыв перестройки», глава правительства Н. И. Рыжков подал в отставку. 14 января 1991 года премьер-министром СССР был назначен Валентин Сергеевич Павлов, ставший вскоре председателем Государственного совета по экономической реформе и членом Совета Безопасности СССР.

В конце января на совещании в ЦК КПСС первых секретарей ЦК республиканских компартий член Политбюро Ислам Каримов (нынешний президент Узбекистана) открытым текстом сказал Горбачеву: «Михаил Сергеевич, нам пора перестать делать вид, будто всё, что происходит сейчас в партии и стране, происходит стихийно. Ведь очевидно, что есть специальные центры и есть люди, которые организуют все эти опасные процессы. Нам нужно говорить о них открыто, называть их». Наверное, нет смысла уточнять, что это благое пожелание повисло в воздухе.

В феврале 1991 года вышло в свет Постановление Верховного Совета РСФСР, где — пока еще в виде строчки на бумаге — говорилось о создании Министерства топлива и энергетики Российской Федерации. Юридический акт состоялся. Но процесс практического формирования новой управленческой структуры затянулся на несколько месяцев. Председатель Совета Министров РСФСР Иван Степанович Силаев, да, наверное, и другие руководители, от решения которых зависело ускорение работы, не проявляли особого интереса к этой проблеме. С подбором кандидатуры на пост министра топлива и энергетики тоже не спешили. Этим занимался заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Игорь Трифонович Гаврилов, ведавший вопросами промышленности, транспорта, топлива, энергетики и связи. У нас состоялся длительный и обстоятельный разговор в его кабинете. Ученый, геолог, демократ в хорошем смысле этого слова, Игорь Трифонович, наверное, увидел во мне профессионала, разбирающегося в тонкостях организации работы как союзной, так и российской энергетики. Убедившись в этом лично, Гаврилов предложил мне возглавить новое министерство. Я был готов к этому предложению и согласился без излишнего жеманства.

Затем со мной побеседовал первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Юрий Владимирович Скоков, с которым я был знаком еще с того времени, когда он занимал пост генерального директора Межотраслевого научно-производственного объединения «Квант». Это известное в Советском Союзе объединение занималось производством оборудования, предназначенного для преобразования (с помощью кремниевых элементов) солнечной энергии в электрическую в целях дальнейшего использования в коммунальном хозяйстве и в быту.

Я видел, что Юрий Владимирович не имел ничего общего с образом бюрократа, создававшего себе репутацию известными навыками угождения начальству. Вряд ли он относился и к людям, которые любой ценой готовы добиваться укрепления своего положения. И уж тем более к тем, к кому без всяких усилий удача сама идет в руки, кого можно назвать истинными баловнями судьбы. Как мне показалось, Скоков пользовался в жизни только тем, что было заработано им собственными руками. На-

верное, поэтому Ельцин приблизил к себе Юрия Владимировича, сделав его впоследствии своим доверенным лицом на президентских выборах.

Со всеми, с кем Скокову приходилось работать в рамках своей должности, он поддерживал ровные деловые отношения. Лишь Силаев вызывал в нем какие-то особые ассоциации, и Юрий Владимирович никогда не упускал случая подчеркнуть несоответствие последнего занимаемой должности. Сначала это казалось мне странным, но, поработав немного с Иваном Степановичем, я понял мотивы поведения Юрия Владимировича.

Скоков встретил меня в своем кабинете очень дружелюбно. Мы разговорились, как давние знакомые, как коллеги-энергетики. Юрий Владимирович сразу же заявил Гаврилову, что полностью поддерживает мою кандидатуру на пост министра топлива и энергетики России.

— Уже давно надо было сформировать министерство! — сердито заметил Скоков. — Мне кажется, что его создание кем-то неоправданно затянулось.

Затем со мной побеседовал Иван Степанович Силаев. Встреча была короткой, но теплой, как это бывает, когда встречаются два профессионала, знающие свое дело и имеющие опыт государственной деятельности. Иван Степанович — инженер-механик самолетостроения, был директором авиационного завода им. Серго Орджоникидзе в городе Горьком. В течение одиннадцати лет он прошел такие высокие ступени в должностной иерархии, как заместитель министра авиационной промышленности СССР, министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР, министр авиационной промышленности СССР. Почти пять лет Силаев работал заместителем Председателя Совета Министров СССР. 18 июня 1990 года Съезд народных депутатов РСФСР утвердил его кандидатуру на должность Председателя Совета Министров РСФСР. Мне неоднократно приходилось встречаться с Иваном Степановичем, когда тот занимал должность председателя Бюро по машиностроению при Совете Министров СССР, решать с ним вопросы по изготовлению и поставке оборудования для нужд электроэнергетики, в частности, для обеих Экибастузских ГРЭС.

Иван Степанович задал мне всего два вопроса. Один касался моих научных званий. Ему было непонятно, как мне удалось их получить при непрерывном трудовом стаже.

— Наука, — отвечал я, — всегда была и сейчас является неотъемлемой частью всей моей производственной деятельности. В электроэнергетике без науки успеха не будет.

Другой вопрос был связан с моей фамилией, вернее, с вариантами ударения в ней. Силаев недоумевал, почему я настаиваю, чтобы ударение делалось на окончание «ов», а не на букву «я».

— Фамилия моя, — пояснил я, — чисто русская, одна из тех, в которых ударения делаются, как правило, на последнем слоге. Попробуйте в фамилии Попов сделать ударение на первом «о». Получится не очень благозвучно. Для примера можно взять такое понятие, как «дьяковская культура» (с ударением на «о»), о которой можно прочитать справку в любой энциклопедии.

Иван Степанович завизировал проект постановления, дав согласие на мое назначение на пост министра топлива и энергетики РФ, которое было направлено в Верховный Совет РСФСР. Мне пришлось пройти согласование у заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Михайловича Исаева и первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР Руслана Имрановича Хасбулатова. Затем я был приглашен на заседание высшего законодательного собрания России — Верховного Совета РСФСР. Процедура рассмотрения была недолгой: большинству депутатов моя личность была давно и хорошо известна. В зале сидели знакомые лица. Не задав мне ни одного вопроса, законодатели постановили: «Назначить!» Это решение было оформлено соответствующим постановлением Верховного Совета РСФСР в марте 1991 года.

Говорят, жизненная удача заживляет старые раны, словно густым плющом прикрывает образовавшиеся трещины, придает новые силы для созидательной работы в будущем. Но все было не так просто. Министерство топлива и энергетики России существовало пока только на бумаге, не имея, как говорят в народе, «ни кола, ни двора». Мне нужно было проделать огромный объем организационной работы: защитить смету в Минфине РСФСР, изготовить печать, получить пишущие машинки, автотранспорт, помещения для персонала. Но на моем пути огромной машиной стояла управленческая система, внутри которой меня ни к чему не подпускали — я везде натыкался на вежливое противодействие. Благо, никто пока не настаивал на моем освобождении от должности заместителя министра энергетики и электрификации СССР. Пользуясь своими полномочиями, я шаг за шагом приближался к окончательному формированию Минтопэнерго РФ.

Мое вхождение в круг обязанностей по новой должности происходило на фоне двух знаменательных событий. 17 марта 1991 года, в соответствии с решением IV съезда народных депутатов, состоялся Всесоюзный референдум. На всеобщее голосование был вынесен вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в котором в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» В референдуме приняли участие 80% избирателей страны, из них «да» ответили 76,4%. Одновременно с Всесоюзным

референдумом проходило и всероссийское голосование по поводу введения в России поста Президента. За введение поста Президента РСФСР проголосовало 70% людей, участвовавших в голосовании.

Президент СССР М. С. Горбачев получил всенародную поддержку по вопросу сохранения Союза ССР, но, к сожалению, не сумел реализовать результаты волеизъявления народа. В стране продолжались митинги и демонстрации, в политическую забастовку горняков и шахтеров включились свыше трети угледобывающих предприятий угольных бассейнов страны. В это время бастовало более 150 шахт в Кузбассе, Воркуте, Донбассе, в Ростовской и Львовской областях, на Сахалине, в Красноярском крае и в других регионах. Российский парламент потребовал от Павлова немедленно начать переговоры с бастующими шахтерами.

Но вместо кропотливой работы с недовольным народом вышла очередная бумага. В постановлении Верховного Совета СССР «О забастовках шахтеров» отвергался путь политических ультиматумов, а всем трудовым коллективам предлагалось «полностью отказаться от забастовок». В конце марта 1991 года на внеочередном III съезде народных депутатов РСФСР прозвучало требование немедленно отменить распоряжение союзных властей о вводе в центр Москвы крупных сил милиции и внутренних войск в связи с предстоящим демократическим митингом в Москве. Президент СССР М. С. Горбачев выступил в своем амплуа и отказал народным депутатам РСФСР. Съезд народных депутатов в качестве протеста прервал свою работу. Несмотря на запрещение Верховного Совета СССР, московские власти все же разрешили проведение демонстраций и митингов. 28 марта они состоялись на Новом Арбате, а также на площади Маяковского с участием нескольких десятков тысяч человек. Утром 29 марта Горбачев убрал войска с улиц города.

До избрания Президента России III съезд народных депутатов предоставил Президиуму и Председателю Верховного Совета РСФСР чрезвычайные полномочия. Съезд отказался голосовать по вопросу о недоверии Ельцину, на чем настаивали некоторые руководители российского парламента. Напротив, депутаты приняли предложения Бориса Николаевича о перераспределении полномочий между высшими органами республики, а также решили провести выборы Президента РСФСР в испрошенный им срок — 12 июня 1991 года. Внеочередной III съезд народных депутатов РСФСР вошел в историю как съезд укрепления власти и роли Ельцина.

Укрепление позиций Ельцина сопровождалось беспрецедентным явлением в истории Советского Союза — массовым исходом из КПСС. Теряя власть и авторитет, партия потихоньку разваливалась. По некоторым сведениям, ряды партии покинули: за 1990 год — 1,8 миллионов

человек, а за первый квартал 1991 года — 587 тысяч человек. О том, что верховное руководство партии недорабатывает, самоустраняется от выполнения своих уставных требований, было видно каждому. Я думаю, что это видел и сам Горбачев, которого попытались снять с поста Генсека ЦК КПСС на совместном заседании Пленума ЦК и ЦКК КПСС. Но партийную власть он отдавать не хотел. Ставропольский краснойбай не позволил свалить себя, превращаясь в главного гробовщика партии. Неужели это было целью его жизни?

В апреле 1991 года на съезде народных депутатов РСФСР был принят Закон «О выборах Президента РСФСР». Избирательная кампания по выборам Президента РФ была сконцентрирована вокруг шести кандидатов, олицетворявших определенную тенденцию общественно-политического развития России. Помимо Б. Н. Ельцина на пост Президента РСФСР были выдвинуты кандидатуры бывшего Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова, бывшего министра внутренних дел СССР В. В. Бакатина, председателя Либерально-демократической партии СССР В. В. Жириновского, председателя Кемеровского облсовета А. М. Тулеева, командующего войсками Приволжско-Уральского военного округа А. М. Макашова.

Центр борьбы за пост Президента РСФСР находился между Ельциным и Рыжковым. Каждый из них персонифицировал различные пути развития общества и государства. Если Рыжков в массовом общественном сознании ассоциировался с прошлым, то Ельцин — с будущим. Большинству избирателей нравился Ельцин, который к этому времени уже дважды избирался всенародно: сначала как народный депутат СССР, а затем как народный депутат РСФСР. К тому же, он являлся Председателем Верховного Совета РСФСР. Бакатин занимал промежуточное положение между лидирующей двойкой и тремя остальными претендентами. В общественном сознании Бакатин воспринимался как человек, приближенный к Горбачеву. Остальные три кандидата — Жириновский, Тулеев и Макашов как серьезные претенденты не рассматривались. Считалось, что они могут отобрать лишь определенную часть голосов у того или иного лидера.

В апреле 1991 года стартовал «новоогаревский процесс», в ходе которого предполагалось разработать новый Союзный договор. Основных проблем было две: во-первых, стремление автономных образований участвовать в дележе «союзного пирога» на равных с республиками, что не устраивало высшую власть, а во-вторых, вопрос о том, что делать с Горбачевым. Горбачев настаивал на своем праве распоряжаться налоговыми поступлениями из всех новых образований, а затем справедливо перераспределять их. Ельцин и его сторонники предлагали иной вари-

ант: каждый сам собирает налоги, а затем из собранного некую часть посылают Горбачеву.

В мае месяце, пока стороны, не желавшие выходить на компромисс, препирались друг с другом, на рабочий стол Горбачева легла толстая папка, в которую первый секретарь ЦК КП РСФСР Иван Кузьмич Полозков сложил присланные из регионов письма с требованием отставки Генерального секретаря ЦК КПСС.

Формирование впервые созданного в истории России Министерства топлива и энергетики было сильно осложнено в связи с одновременным проведением кампании по подготовке выборов Президента РСФСР. Естественно, внимание всех госструктур и политических сил было приковано к этим выборам. Казалось, что никому до нашего министерства не было дела. Чиновники из Министерства экономики и финансов РСФСР и Госкомитета РСФСР по управлению государственным имуществом не ударяли пальцем о палец, чтобы выделить вновь созданной управленческой структуре служебные помещения, определить численность персонала, начислить фонд зарплаты. Все приходилось по крохам выбивать самому.

А тут еще шахтерские волнения! Рассмотрение требований шахтеров с момента моего назначения министром стало первой и главной проблемой тех дней. Это был настолько большой вопрос, что первым по счету работником аппарата Минтопэнерго РФ, раньше меня, стал первый заместитель министра по вопросам угольной промышленности Александр Евдокимович Евтушенко, назначенный постановлением правительства. Из-за массовости проблем, выдвигаемых шахтерами, которые требовали оперативного вмешательства правительства с целью их разрешения, даже рабочий кабинет Александру Евдокимовичу был предоставлен здесь же, в Белом доме.

Ко времени своего назначения во вновь образованное Министерство топлива и энергетики РФ Евтушенко имел значительный опыт работы в угольной промышленности. Он занимал различные должности на самой крупной в России угольной шахте «Распадская», а в 1986 году стал ее генеральным директором. Пока я решал организационные вопросы, Евтушенко от имени Правительства России гасил, как мог, накал шахтерских забастовок.

На встрече представителей шахтерских рабочих комитетов и стачкомов, состоявшейся в мае 1991 года после серии локальных забастовок в угольной промышленности страны, был образован Межрегиональный координационный совет рабочих — полномочных представителей угольных регионов страны. Но совет только аккумулировал проблемы, а решать их с утра до вечера приходилось нам с Александром Евдокимовичем. По требованию рабочих комитетов мы состыковывали их с раз-

личными столичными ведомствами, либо выезжали в регионы к митингующим или бастующим горнякам. Шахтеры жаловались на низкую и несвоевременно выплачиваемую зарплату, требовали, с одной стороны, ограничения годовой продолжительности времени нахождения под землей, а с другой — увеличения продолжительности трудового отпуска и наведения порядка в сфере предоставления жилья.

В подавляющем большинстве случаев мы были вынуждены выступать в роли посредников, потому что все, что касалось угольных шахт, находилось в ведении еще существовавшего Министерства угольной промышленности СССР. И это еще полбеды. Самое неприятное было в том, что требования бастующих шахтеров приобретали все более политизированный характер.

Глава 41

ГКЧП

Середина 1991 года стала рубежом, дальше которого прогнозировать характер развития событий не взялся бы ни один политолог мира. На президентских выборах 12 июня 1991 года убедительную победу одержал Б. Н. Ельцин. Через пять дней в Кремле был разработан и направлен на рассмотрение Верховных Советов союзных республик проект Договора о Союзе Суверенных Государств. 17 июня 1991 года на сессии Верховного Совета СССР с большой тревогой и озабоченностью за судьбы страны выступил В. С. Павлов. «Шестой год так называемой перестройки привел страну к развалу экономики и политической системы, — говорил он. — В экономике происходят процессы, которые привели страну на грань катастрофы. Падают выпуск продукции, национальный доход. Упала дисциплина на производстве. Расстроена денежная система. Практически потеряно управление народным хозяйством. Объявленные суверенитеты привели страну к гражданской войне, в результате мы имеем сотни погибших и около миллиона беженцев».

Ельцин в своих воспоминаниях о том времени воздал должное смелости руководителя союзного Кабинета министров: «Новый премьер Павлов за период с апреля по июнь очень резко обозначил независимость своей позиции, «особое мнение» по многим экономическим и политическим вопросам, противодействие общему курсу горбачевской администрации». Павлов доложил, что за пять месяцев дефицит союзного бюджета достиг уровня 39 млрд. рублей. Впервые была названа сумма ущерба, понесенного бюджетом страны от проведения антиалкогольной кампании Горбачева — Лигачева, — 200 млрд. рублей. Павлов потребовал предоставить его Кабинету чрезвычайные полномочия, в рамках которых не было места для Горбачева.

Союзного премьера поддержали Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов, а также руководители силовых структур — министр обороны СССР Дмитрий Тимофеевич Язов, министр внутренних дел СССР Борис Карлович Пуго и председатель КГБ СССР Владимир Александрович Крючков. Крючков вообще заявил, что перестроечные реформы навязаны нам Центральным разведыватель-

ным управлением США и проводятся повсеместно внедренными «агентами влияния». Владимир Александрович, видимо, не кривил душой, когда предупредил: «Если не будут приняты чрезвычайные меры, наша страна прекратит свое существование». В принятом 21 июня 1991 года постановлении Верховного Совета СССР «О социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране» впервые в истории страны деятельность Президента СССР М. С. Горбачева и Председателя Кабинета Министров СССР В. С. Павлова получила неудовлетворительную оценку.

В целях исправления указанных недостатков Кабинет министров СССР принял решение, в соответствии с которым был сделан дальнейший шаг на пути структурной перестройки народнохозяйственного механизма. Предприятия получили право самостоятельно распоряжаться средствами амортизационного фонда, они были освобождены от налога на прибыль, объем госзаказа был снижен до 50% от фактического уровня производства 1990 года.

Но не этого хотели руководители республик. Им был нужен не переход в рынок, а автономизация вплоть до отделения. «Невиданное доселе ослабление центральной власти в Москве, — пишет в книге «Крестный путь России» Николай Леонов, — не могло не породить возникновения мощного сепаратистского движения в национальных республиках, входивших в состав СССР. Руководители союзных республик довольно быстро сменили свои костюмы коммунистов-интернационалистов на националистические свитки, халаты, бешметы. Каждому хотелось, по старой поговорке, стать Иваном Ивановичем в своей деревне, чем оставаться Ванькой в городе».

На горизонте возникало чудо, достойное Книги рекордов Гиннеса: каждый союзный орган управления увеличивался в количестве, равном числу претендентов на независимость. На фоне резкого ухудшения управления народным хозяйством бюрократический аппарат стремился к самопроизводству и разбуханию.

Стремительные эстафеты в сторону выхода из состава Союза ССР могли бы приостановить народы, проживавшие в национальных республиках, если бы знали, что вместо обещанных прав, свобод и «райских кущей» они получают гипертрофированный суверенитет политиков, никогда не связывавших себя и свое материальное благополучие с участием в решении проблем своих регионов. Лавина социально-экономических трудностей и пронизанные сепаратистским духом пропагандистские кампании, ослабившие последние скрепы, которые обеспечивали единство страны, стабильный социальный порядок и личную порядочность граждан, лишили народы ряда национальных республик СССР способ-

ности глубоко поразмыслить о своих ближайших исторических, политических и экономических перспективах.

Тем временем, Россия постепенно готовила юридическую базу для формирования суверенного государства. 3–6 июля 1991 года стали датами рождения нескольких основополагающих законов: «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР», «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», «О приватизации жилищного фонда в РСФСР», «О местном самоуправлении в РСФСР» и другие. В этом же месяце весь Кабинет министров РСФСР в соответствии с Конституцией был отправлен в отставку. К нашим должностям были прибавлены буквы «и. о.» — «исполняющий обязанности». Процесс формирования правительства шел ни шатко, ни валко.

12 июля состоялась процедура вступления Бориса Николаевича в должность Президента РСФСР, совпавшая с торжествами Русской Православной церкви, посвященными памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла. И в этот же день Лариса родила нам внука. Дочь наша никогда не верила в Бога, но как только вышла из роддома, сразу направилась в церковь. Там она приняла крещение сама, заставила то же сделать своего мужа Михаила и крестила сына, которого назвала Петром.

История, иногда даже помимо нашего желания, порой сталкивает нас с неожиданными ситуациями. Крестным отцом Петра стал Андрей Юрьевич Брежнев. Мог ли я подумать, что наступит такое время, когда внук «коммуниста № 1» Леонида Ильича Брежнева будет бережно носить по церкви моего собственного внука во время обряда крещения! А крестной матерью Петра стала невестка бывшего первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Ивана Васильевича Архипова.

День 12 июля знаменателен еще и тем, что Верховный Совет СССР принял постановление «О проекте Договора о Союзе Суверенных Государств», в котором утверждалась полномочная делегация для подписания Договора из 13 человек, а также предлагалось доработать проект Союзного Договора. Тем самым фактически было высказано недоверие М. С. Горбачеву, пытавшемуся единолично решать этот вопрос. Проект Договора был отправлен на доработку, но М. С. Горбачев так ни разу и не собрал союзную делегацию. В июле Горбачев провел в Ново-Огареве целый ряд встреч по обсуждению изменений в Договор о Союзе Суверенных Государств. Датой его подписания было названо 20 августа.

Моими первыми соратниками в новом министерстве были начальник хозяйственного управления Юрий Александрович Благодравов и работавший с 1987 года заместителем начальника планово-экономического управления Минэнерго СССР по производству, ставший теперь одним из

моих заместителей, Владимир Андреевич Джангиров. Владимир Андреевич прошёл путь от дежурного инженера электростанции до заместителя управляющего Магаданэнерго. Многие годы работал на Дальнем Востоке заместителем начальника Главсеверовостокэнерго Минэнерго СССР. Принимал непосредственное участие в развитии и освоении энергетики Забайкалья, Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Первым заместителем министра топлива и энергетики России, по моему представлению, был назначен Анатолий Тихонович Шаталов. Он работал на руководящих должностях на предприятиях и в учреждениях Министерства газовой промышленности СССР, а последние пять лет — в аппарате Бюро по ТЭК при Совете Министров СССР.

На должность своего заместителя по экономике я пригласил Анатолия Ивановича Барановского. Анатолий Иванович работал начальником Главного планово-экономического управления Минэнерго СССР, заместителем председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы.

С этим небольшим штатом я и начал работать на новой должности. Но за три месяца численность штата Минтопэнерго РФ была доведена до 50 человек, которые теснились, где только было можно. Когда заместитель Председателя Совета Министров СССР — председатель Бюро по ТЭК Л. Д. Рябев, оказывавший нам всяческую поддержку на непростом организационном этапе, выразил желание приехать в новое российское министерство, мне ничего не оставалось, как отшутиться:

— Нет у меня еще, Лев Дмитриевич, собственных апартаментов, чтобы достойно принимать высоких гостей! Ваш покорный слуга размещается пока в собственном кабинете заместителя министра энергетики и электрификации СССР.

В конце июля 1991 года было решено провести в Москве совещание руководящих работников всех энергосистем и аппарата Минэнерго СССР. Совещание открыл министр энергетики и электрификации СССР Ю. К. Семенов. Рядом с ним за столом президиума расположились заместители министра, председатель Бюро по ТЭК при Совете Министров СССР Л. Д. Рябев, другие должностные лица.

Я очень хорошо помню гнетущую, словно наэлектризованную, атмосферу зала, помню себя, сидевшего в этом зале в ожидании чего-то недоброго. Слышались выкрики: «Почему в президиуме нет министра топлива и энергетики России?» Юрий Кузьмич, выискивая меня бегающими глазами среди сидящих в зале людей, недоуменно воскликнул:

— Как это нет? Давайте пригласим нашего выдвиженца...

Я поднялся на сцену и сел рядом с Рябевым. По поведению Льва Дмитриевича я почувствовал, как резко изменилось его отношение к ми-

нистерству топлива и энергетики России и происходящим демократическим преобразованиям. Из разговора с ним я понял: в самое ближайшее время в стране что-то должно будет произойти. В ходе совещания меня насторожило, что руководство Минэнерго СССР пытается исподволь давить на меня, как будто я был руководителем подчиненной структуры. Они никак не могли понять, что я стал министром — членом Правительства не той России, какой она была раньше, а новой, объявившей о своем суверенитете.

В 1991 году в Бюро по ТЭК при Совете Министров СССР была развернута интенсивная работа по подготовке текста Энергетической хартии, к которой привлекли и меня как министра России. При обсуждении проекта документа я выразил мнение, что Россию нельзя рассматривать только как ресурсную страну, что данная хартия должна быть дорогой с двусторонним движением: не только обеспечивать доступ Запада к нашим ресурсам, но и России — к ресурсам Запада. Экономические отношения между Востоком и Западом, на мой взгляд, должны быть взаимовыгодными. Мое мнение было учтено, и в документе появились формулировки, учитывающие стратегические интересы России.

Европейскому сообществу, как воздух, нужна была конструкция, которая бы гарантировала энергоснабжение на длительную перспективу. ЕС стремился определить внутренние правила взаимоотношений в сфере энергетики, но самое главное — прочно привязать к своему рынку основных поставщиков энергоресурсов: Россию, азиатские республики СССР, Алжир, Норвегию, Нидерланды. США Энергетическую хартию не подписали.

К сожалению, в 1991 году мало кто прислушивался к трезвым голосам по поводу печальных перспектив, с которыми неизбежно должна была столкнуться Энергетическая хартия. Тогда на повестке дня стояли другие, более неприятные вопросы...

В это сложное для страны время, когда шел процесс резкого ослабления власти союзного государства, когда со стороны союзных республик, уже ставших суверенными, предпринимались активные, больше похожие на таран, действия, направленные на окончательное разрушение СССР, когда КПСС, из которой демонстративно вышел близкий соратник Горбачева Э. А. Шеварднадзе, явно утрачивала свою прежнюю организующую роль в связи с вступившим в силу Указом Президента СССР «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР», Президент СССР М. С. Горбачев вдруг решил выехать 4 августа 1991 года на свою крымскую дачу на отдых. Во время проводов перед вылетом в Форос Горбачев сказал своему

вице-президенту Г. И. Янаеву: «Ты остаешься на хозяйстве». Такое поведение президента трудно объяснить простой человеческой логикой. Задача исследователей — установить истинные причины и цель отъезда Михаила Сергеевича из Москвы именно в этот период. Ведь здоровье, как он впоследствии неоднократно заявлял, у него было хорошее.

Наступило утро 19 августа 1991 года. Это был понедельник, великий христианский праздник Преображения Господня на горе Фавор. В Евангелии от Матфея сказано: «... взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна... и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как Свет». Этот день на Руси совпадал с концом летних крестьянских трудов, в храмах освящались плоды, а потому он известен еще как Яблочный, или Второй спас. По всем телевизионным каналам играла классическая музыка. Настроение у меня было бодрим. Я радовался началу рабочего дня, который сам должен был наполнить содержанием, сделать что-то стоящее.

Накануне я подписал приказ о создании Российского государственного газового концерна Газпром и о назначении Виктора Степановича Черномырдина его руководителем, а Рема Ивановича Вяхирева — главным инженером. Это был один из первых важных практических шагов Министерства топлива и энергетики России на пути выполнения первоочередной задачи, состоявшей в том, чтобы вывести все активы и все имущество предприятий, расположенных на территории РСФСР, из-под юрисдикции союзных министерств, объединенных в топливно-энергетический комплекс. Суверенная Россия объявляла: все, что находится на ее территории, является ее собственностью.

На мой взгляд, самой удобной формой управления имуществом в отраслях промышленности в переходный период становилась форма корпоративная. Поэтому все внимание Министерства было сосредоточено на разработке учредительных и уставных документов по управлению угольной, нефтяной и электроэнергетической отраслями, строительством энергетических объектов, а также предприятий нефтяной и газовой промышленности. Разработанные уставные документы рассматривались и утверждались на заседаниях Совета Министров РСФСР после предварительного согласования в Министерстве экономики РСФСР.

19 августа я должен был согласовать и завизировать в Министерстве экономики РСФСР документы, подготовленные для учреждения российских государственных корпораций Росуголь и Роснефтегаз взамен упраздненных Министерства угольной промышленности СССР и Министерства нефтяной и газовой промышленности СССР. Для этого я направился прямо к ведавшему вопросами ТЭК заместителю министра экономики Владимиру Михайловичу Лопухину, с которым у меня было

налажено полное взаимопонимание. В 9 часов утра в его кабинете мы приступили к обсуждению подготовленных министерством топлива и энергетики РСФСР документов. Настроение было деловое, никакой тревоги не ощущалось.

Примерно в половине десятого утра мне передали записку, в которой просили срочно прибыть в Дом правительства к Силаеву: был объявлен срочный сбор всех членов правительства. Я быстро собрался и вскоре уже был на Краснопресненской набережной. Вокруг было безлюдно и тихо. Когда члены Правительства РСФСР собрались в зале заседаний, Иван Степанович объявил:

— Президент СССР Горбачев отстранен от исполнения своих обязанностей! Власть в стране перешла в руки группы лиц во главе с Янаевым, назвавшей себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению (ГКЧП) СССР!

Из «Заявления советского руководства», переданного средствами массовой информации, все узнали о персональном составе ГКЧП. В него вошли: заместитель председателя Совета Оборона СССР О. Д. Бакланов, председатель КГБ СССР В. А. Крючков, Премьер-министр СССР В. С. Павлов, министр внутренних дел СССР Б. К. Пуго, председатель Крестьянского союза СССР В. А. Стародубцев, президент Ассоциации государственных предприятий и объединений промышленности, транспорта и связи СССР (АГПО) А. И. Тизяков, министр обороны СССР Д. Т. Язов, вице-президент СССР Г. И. Янаев.

Членами ГКЧП были подготовлены и подписаны «Обращение к советскому народу», «Обращение к главам государств и правительств и Генеральному секретарю ООН», Постановление № 1 ГКЧП. Своим указом вице-президент СССР Янаев объявил о взятии на себя полномочий Президента в связи с состоянием здоровья Горбачева.

Кардиологи знают, что в нашем сердце есть так называемый «синусно-прицельный узел» — орган, задающий ритм сокращений. От него по специальным электропроводящим путям на сердечные мышцы подаются электрические сигналы. Но случается, что вдобавок к этим токопроводящим путям в тканях сердца появляются дополнительные — «патологические». Они сбивают синхронизацию «электрической схемы» сердца и приводят к аритмии, являющейся, согласно статистике, причиной смерти двухсот тысяч человек в год. Я не мог понять, чем были вызваны асинхронные процессы, возникшие в сердце кремлевского политического организма. Да и никто, наверное, тогда толком не понимал, откуда, вдруг, взялась эта «патология».

Верно писал венгерский классик Лайош Мештерхази в книге «Загадка Прометея»: «Порой люди делают много странного, понятного

только им одним — такого, в чем и богу не разобраться, что невозможно ни предугадать, ни обосновать разумом». Получалось, что какие-то Янаев, Бакланов, Болдин и иже с ними — все, кого возвышал и приближал к себе Горбачев, его же и свергли! Каким же близоруким нужно было быть, чтобы не заметить заговора собственных сатрапов! Да и был ли этот заговор? В это трудно поверить. Нам был преподан очередной урок из истории России, шитой новыми узорами по старой канве. Все тайны этой истории так или иначе замешены на предательстве, жестокости и смерти.

В зале собралось почти все правительство России. У всех на лицах было написано вопросительное недоумение. Иван Степанович сообщил, что Ельцин выступил с «Обращением к гражданам России», в котором осудил отстранение от власти Президента СССР. В Обращении, в частности, говорилось: «Руководство России заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству Советского Союза, единству России... Такое развитие событий вызывало озлобление реакционных сил, толкало их на безответственные, авантюристические попытки решения сложнейших политических и экономических проблем силовыми методами... Мы считали и считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе «холодной войны» и изоляции Советского Союза от мирового сообщества. Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета... Необходимо обеспечить возможность Президенту страны Горбачеву выступить перед народом. Требуем немедленного созыва Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР».

— Наше правительство должно официально заявить о своем отношении к ГКЧП, — с этих слов начал заседание правительства Силаев.

Иван Степанович известил членов правительства об уже принятых практических шагах:

— Министр иностранных дел РСФСР Андрей Владимирович Козырев срочно выехал во Францию для подготовки базы для российского правительства в изгнании в случае возникновения угрозы его ареста. А Олег Иванович Лобов откомандирован в Свердловск для организации, в случае необходимости, подпольного правительства.

Слушая Премьера, мы, естественно, задавали себе немые вопросы: «Как себя вести? Какую позицию следует занять по отношению к ГКЧП?» В зале стояла тишина. Мы еще толком не понимали, что такое ГКЧП. Если он действует в поле действующей Конституции — это одно, а если это — захват власти, так все его члены ее и так имели. Если при-

знать ГКЧП вне закона, то он обязан интернировать наше правительство. Кто-то громко заявил, что выразить свою позицию — это гражданский долг каждого члена правительства.

Начались споры о том, что и как писать. В конце концов, пришли к выводу: квалифицировать создание ГКЧП как государственный переворот и заявить, что Правительство РСФСР не будет выполнять его распоряжения. Проект решения Правительства тут же в зале было поручено формулировать группе, в которую вошли министр печати и массовой информации РСФСР Михаил Никифорович Полторанин и заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Игорь Тимофеевич Гаврилов.

На период подготовки документа объявили перерыв. Некоторые члены правительства стояли тут же в зале у высоких оконных проемов в глубоком раздумье. Люди не очень склонны к многословию, когда стремительное течение неизвестной реки увлекает их в теснину, покрытую туманом. На сердце было тяжело. Наверное, многие из нас в тот момент были похожи на людей, чья жизнь в одночасье пошла прахом, в чьих чувствах и восприятии происходящего царили хаос и сумбур. Вспомнились кадры художественного фильма об Октябрьской революции, когда в зал заседаний Временного правительства России врываются вооруженные люди во главе с Антоновым-Овсеенко. Вспомнились строчки Владимира Маяковского: «Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время».

Вдруг на лицах стоявших и наблюдавших в окна из Белого дома возникло неподдельное изумление: по улицам Москвы шли танки. Несколько бронированных машин остановились на мосту через Москву-реку, как раз напротив Дома правительства, другие рассредоточились вокруг здания. Отовсюду сбегались какие-то люди. Кто их посылал сюда, откуда они шли? Во второй половине дня 19 августа Дом правительства РСФСР был оцеплен по периметру многослойной людской массой. Часть собравшихся занялась возведением баррикад. Казалось, что идет спектакль о путче, происходящем в другой точке земного шара, а его статисты, бравируя мимолетностью своего искусства, стараются изо всех сил, чтобы создать в сознании зрителей наибольшее впечатление от происходящего.

Все мы словно заглянули в лицо Медузе-горгоне. Обнадеживала лишь мысль о неизменности человеческой природы: то, что происходило тогда перед нашими глазами, много раз повторялось в древности. Все правящие режимы на протяжении прошедших столетий от князей, царей и императоров до генеральных секретарей и президентов формировали над одной шестой частью суши такую атмосферу, при которой, хочешь ты этого или нет, истина оказывалась ложью, преступление — спасением, смерть — оправданием, да и той не всегда принадлежало последнее слово.

Драматическая обстановка августа 1991 года еще раз доказывала ставшую для меня уже неопровержимой истину: Русь, Россия, СССР и новая Россия являлись наследниками ордынских порядков и типа власти, утверждающей себя не достижением компромисса, не установлением согласия, а уничтожением конкурентов. Создавалось ощущение, что на страну напоззала, как Луна на Солнце в час затмения, тень страшного прошлого. Поддержкой душевных сил у большинства народа в эту минуту была лишь интуитивная вера в позитивный характер действий, предпринимаемых Б. Н. Ельциным.

Каждому школьнику известно, как на ход истории влияют великие деяния. Но вполне можно допустить, что на ход исторического процесса так или иначе воздействуют вообще все поступки и происшествия. Все, наверное, помнят, уже ставшие историческими, телевизионные кадры, запечатлевшие Бориса Николаевича, выступающего с брони грозного боевого танка. Он выглядел таким же решительным, каким был на XXVIII съезде КПСС, когда прилюдно положил свой партийный билет на стол перед оторопевшими членами президиума. Только ли честолюбие руководило его действиями? Может быть, его обуревало желание быстрее довести задуманное до конца, доказать стране и миру свое значение? Трудно сформулировать сегодня ответы на эти вопросы. Но уже тогда чувствовалось, что этот человек не остановится ни перед чем, и плохо придется тому, кто перейдет ему дорогу.

Откуда нашло на него это озарение, уверенность в правильности своих действий? Может быть, правы новомодные исследователи человеческой психики, утверждающие, что мозг человека не «производит» мысли, а лишь воспринимает их извне, от некоего Супермозга? Действительно, когда речь идет о рождении теорий, гипотез, неожиданных открытий, в том числе и в области политики, то тут возникает много необъяснимого. И неужели только Ельцину было известно, как вытянется дальше цепь инициированных им событий, куда она доведет и какое у этой цепи будет последнее звено?

Тем временем группа Полторанина подготовила Обращение в адрес Янаева, которое нам зачитали вслух. Каждый должен был сам принять решение, подписывать его или нет. Отступить было некуда, свой выбор сделал и я, поставив свою подпись под документом. Силаев повез письмо в Кремль. Мы с тревогой ждали: вернется он назад или нет. Если не вернется, думали мы, значит, дело зашло слишком далеко и надо готовиться к аресту. Но Иван Степанович вернулся из Кремля через два-три часа в целостности и сохранности. У нас отлегло от сердца. Председатель Правительства сообщил, что в Кремле пока все спокойно, но нам расслабляться не следует.

Поступила команда: здесь же, в Белом доме, всем получить оружие. У меня, как заместителя министра энергетики и электрификации СССР, оружие было уже давно. Оно хранилось в сейфе, в моем министерском кабинете. Многие бросились получать оружие. Особую активность в его получении проявили шахтеры, находившиеся в Доме правительства. Их мы приглашали для участия в совещании по вопросу ликвидации задолженности государства по зарплате перед угольщиками, которое Председатель Совета Министров РСФСР И. С. Силаев должен был проводить 20 августа.

Я наблюдал за всей этой суетой и ажиотажем и никак не мог понять: зачем все это, кому все это нужно? В кого стрелять? Кто враг? Где он? Как часто люди, думал я тогда, совершая безотчетные поступки, иссушают источники собственного бытия и тем самым лишают себя возможности приникнуть к ним потом, в минуты слабости и сомнений, чтобы напиться их чистотой и радостью, набраться новых сил, так необходимых для преодоления препятствий, оставшихся на дороге жизни, уже отмеренной аршином Всевышнего...

Глава 42

ТЭК России

Господь создал людей с очень разными способностями к анализу и синтезу. Но каждый знает, как эти способности обостряются в кризисных ситуациях. В голове с ураганной скоростью проворачивается сразу несколько вариантов поведения, а интуиция безошибочно выбирает из них самый верный.

Как член правительства России, я жил на даче в Архангельском. Там же была и дача Бориса Николаевича. В правительстве высказывались предположения, что аресты, которые должны состояться в эту ночь, могут быть именно там, вдали от городской суеты. Я подумал — и решил не ехать в Архангельское. Вернувшись в свой рабочий кабинет, я попытался заняться делами, чтобы отвлечь себя от тяжелых мыслей. По телевидению показывали пресс-конференцию, организованную членами ГКЧП в пресс-центре МИД СССР. Ее главным и обнадеживающим моментом стали дрожащие руки и. о. президента Янаева. Было видно, это — не лидер, а слабак.

Вечером ко мне зашел Анатолий Иванович Барановский. Он меня успокаивал: «Скоро все прекратится и встанет на свои места». Я подумал: «Нет, что-то здесь не так. Все это не так просто...»

После него ко мне в кабинет приехали руководители двух фирм из «новых ребят», которые предложили взять меня под охрану. Неожиданная забота сначала в какой-то степени насторожила меня, а потом породила в моей голове массу вопросов. Я поблагодарил их, но от услуг отказался, сказав, что обращусь к ним, если будет в этом необходимость. Но, видно, правы те специалисты, которые утверждают, что в человеческой психике есть механизмы, с помощью которых в ее темной глубине сами собой взвешиваются, отбрасываются и решаются проблемы. Вчера вроде было все темно и мрачно, а сегодня с первыми лучами солнца эмоции уже улеглись и руки тянутся к работе...

Примерно в десять часов вечера я позвонил жене. Тамара настаивала на поездке в Архангельское. Я, как мог, старался переубедить ее, доказывал, что туда ехать сейчас нельзя.

— Почему? — удивилась Тамара.

— Не поедем — и все! — отрубил я.

Тамара закатила истерику. Видимо, сказалось нервное перенапряжение. В половине двенадцатого я приехал домой, в московскую квартиру.

— Все, закрываемся на ключ. Если придут арестовывать — дверь не открывать! — заявил я безапелляционным тоном.

Потом я объяснил Тамаре, почему нам нельзя ехать в Архангельское: ведь там — внук и дочь, и их не следовало пугать возможными арестами. Очень часто обстоятельства жизни представляются нам пленом, когда кажется, что идешь между рекой и пропастью. Чтобы не соскользнуть в поток и не свалиться в бездну, нужны мощные крылья. Почти каждая человеческая душа имеет два таких крыла: одно символизирует независимость, другое — беспристрастность. Не всем известно, что независимость — прерогатива частного лица, а не государственного мужа. И не все понимают, что беспристрастность — это редкая способность мыслить категориями истории и философии. Я не знаю, какая мера самопожертвования требуется для того, чтобы обрести независимость, но уверен, что нужно обладать железной беспристрастностью, чтобы ее сохранить.

Однажды для каждого человека и для каждого народа настает момент выбора. Вот и для меня наступило время, когда такие слова, как «родина», «дом», «патриотизм» необходимо было наполнить своим смыслом и познать заложенную в них тайну. Не сделав этого, нельзя было остаться человеком, гражданином страны, членом семьи. Только такая деятельность ума, словно перед дальней дорогой увязывающая в один узел все предыдущие и нынешние этапы жизни, и может вывести на нужную дорогу. На ту дорогу, которая ведет к Божьему Граду, то есть к каким-то обязательно необходимым каждому человеку метафизическим понятиям и представлениям.

Утром 20 августа я вновь приехал на работу. Стояла необычная тишина. Вокруг Дома правительства сформировалось кольцо оцепления. В половине девятого утра мне позвонили заместители Председателя Совета Министров РСФСР Михаил Дмитриевич Малей и Игорь Трифонович Гаврилов. Михаил Дмитриевич с 21 ноября 1990 года занимал должность председателя Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом. Они просили меня срочно приехать, чтобы решить проблему бесперебойного обеспечения электричеством Дома правительства.

Мои попытки пробиться туда сначала не увенчались успехом: меня не пропускали через многослойное живое кольцо оцепления. Не помогло и удостоверение заместителя министра энергетики и электрификации СССР: ведь оно было «с Кремлем». Меня чуть ли не в загривок погнали прочь. Я пытался убедить «защитников»:

— Я министр России!

— Где удостоверение?

— Да не успел я получить удостоверение — ездил по командировкам!

Не помогло. Тогда решил пробиваться, как участник живого кольца, и минут через двадцать пробрался к подъезду № 20, откуда смог, наконец, заказать пропуск. Когда я доложил о своих трудностях из-за отсутствия удостоверения министра России, мне моментально выписали «историческое» удостоверение министра топлива и энергетики РФ. Полученное 20 августа 1991 года, почти в боевой обстановке, на баррикадах, это удостоверение я храню как бесценную реликвию.

В кабинете Малая мы обсудили способы и схемы сохранения энергоснабжения Дома правительства при различных сценариях развития обстановки. Я приступил к реализации этого задания.

Когда я вернулся в свой служебный кабинет, ко мне вбежал заместитель министра энергетики и электрификации СССР по кадрам Валерий Иванович Коробов:

— Скажите, пожалуйста, обслуживающие вас по штатам Минэнерго СССР помощник и секретарь-машинистка еще не уволены?

— Нет, они по-прежнему работают.

— Мы их увольняем! Это требование министра энергетики и электрификации СССР Семенова.

Уже через полчаса был подписан приказ об освобождении двух этих сотрудников от должностей в составе Минэнерго СССР, поскольку они работали в аппарате министра топлива и энергетики РСФСР.

Я позвонил начальнику ЦДУ ЕЭС СССР Федору Яковлевичу Морозову и главному инженеру Анатолию Андреевичу Окину с просьбой выдать мне, министру топлива и энергетики России, чертежи энергоснабжения Дома правительства. В ЦДУ меня никто не захотел слушать. Дело в том, что 20 августа утром Юрий Кузьмич Семенов вернулся на свое рабочее место из отпуска, который он проводил в Финляндии. Всем своим поведением «ЮК» четко продемонстрировал поддержку ГКЧП. Его позиция оказывала влияние на часть подчиненных ему руководителей структур Минэнерго СССР.

Тогда я обратился в Мосэнерго. Руководителя РЭУ Мосэнерго Нестора Ивановича Серебрянникова в Москве не было: обязанности управляющего исполнял главный инженер Игорь Тимофеевич Горюнов. Я позвонил ему и директору Московской кабельной сети Анатолию Яковлевичу Свистунову и пригласил их к себе в кабинет. Я задал им только один вопрос:

— Я обращаюсь к вам, как министр России. Намерены ли вы в это сложное время поддерживать Правительство России и содействовать лично мне в работе?

— Намерены! — ответили они, не задумываясь.

— Тогда везите чертежи и схемы энергоснабжения Дома правительства! — распорядился я.

Мы все стремимся больше знать друг о друге, что не совсем правильно. Лучше чувствовать друг друга, не тратя лишних слов. Это позволяет уделить больше времени глубокому распознаванию внутреннего мира человека, оценке его основополагающих качеств, что крайне необходимо в кризисных ситуациях.

Когда Игорь Тимофеевич и Анатолий Яковлевич вернулись со схемами в Министерство топлива и энергетики РСФСР, я поставил им задачу обеспечить энергоснабжение правительственного здания. Хотя ТЭЦ-12, откуда подавалась к нему электроэнергия, охраняли танки, и обжигающее дыхание лернейской гидры прошлого, выпущенной из своего болота путчистами, казалось устрашающим, мы знали, что второй кабельный ввод шел от распределительного устройства, находившегося на площади имени Маяковского. Лидеры ГКЧП даже не представляли, какие объекты энергетики надо было охранять. Что может сделать тупая сила против знающего специалиста? Не зря ведь много тысяч лет назад среди приматов победили те, у кого было больше серого вещества, а не мускулов.

Электричество в кабинеты власти новой России с этого момента подавалось бесперебойно, а библейские слова «Да будет свет...», вынесенные в заголовок этой книги, в своем символическом значении могут быть истолкованы, как пожелание надежды на скорейшее преобразование старого уклада нашей жизни в новый, более совершенный уклад.

В пять часов вечера мне нужно было снова вернуться в Дом правительства, чтобы поговорить со своим заместителем Евтушенко. В начале шестого я был уже у двадцатого подъезда. Что такое? Все куда-то бежали сломя голову. Мне навстречу попались Гаврилов и Малей: «Анатолий Федорович, — кричали они, — смывайся! Сейчас омовцы будут захватывать здание! Уезжай скорее из города!»

Силаева к этому времени на работе уже не было. Все бежали в бункер. Я некоторое время стоял в раздумьях: «Куда бежать?» На этажах стояли вооруженные люди, у окон лежали мешки с песком, по коридорам сновали какие-то фигуры в камуфляже. Поднявшись к своему заместителю, я спросил его:

— Что будем делать? Куда поедем?

К шести часам вечера 20 августа народ внизу рассосался. Оставшимся на ночь в оцеплении представители каких-то фирм раздавали чай. Какой верой должны были обладать эти безымянные «защитники Белого дома», чтобы ежеминутно подвергать себя смертельному риску! Отбросив в сторону свои житейские проблемы, они безоговорочно пош-

ли вслед за человеком, открыто восставшим против коммунистических догм, нисколько не задумываясь о том, а в ту ли вообще сторону поведет их этот политик завтра. На их лицах словно было написано: «Мы есть моральное ядро будущей новой России!» Да это так, если все это они делали не за деньги и не по чьей-то указке, а по повелению своего сердца.

Мы с Евтушенко спустились вниз, сели в машину и приехали ко мне в кабинет на Китайгородском проезде. Дом правительства так никто и не штурмовал. Судя по всему, члены ГКЧП не осмелились предпринять какие-либо практические меры, направленные на дальнейшее обострение ситуации. «Напрасно ахнула Европа...»: разрушительная энергия путча ушла в свисток, а бразды правления российской власти перешли в другие руки.

На другой день обстановка в аппарате Минэнерго СССР резко изменилась. Все стали вдруг замечать, что есть Министерство топлива и энергетики РСФСР во главе с министром, что в его распоряжении имеется немало сотрудников. Некоторые так прямо открыто стали заискивать передо мной. Вернувшийся из Фороса Президент СССР отменил своим указом все решения ГКЧП, как незаконные. Горбачев, отдавая приказ отвести войска в места постоянной дислокации, заявил, что связь его со страной восстановлена, и он полностью владеет ситуацией.

Президиум Верховного Совета СССР дал согласие на арест и привлечение к уголовной ответственности за участие в «антигосударственном заговоре» народных депутатов Бакланова, Болдина, Варенникова, Стародубцева, Шенина. Все члены ГКЧП были арестованы. В соответствии с Указом Президента СССР от 25 августа 1991 года был создан Комитет оперативного управления народным хозяйством СССР во главе с И. С. Силаевым. Его заместителями были назначены Аркадий Иванович Вольский, Юрий Михайлович Лужков, Григорий Алексеевич Явлинский. В связи с этим Иван Степанович Силаев был освобожден от должности Председателя Совета Министров РСФСР. Исполняющим обязанности Председателя Совета Министров РСФСР был назначен Олег Иванович Лобов.

С ним, как первым заместителем Председателя Совета Министров России, у нас сложились самые непринужденные отношения. Лобов работал в промышленных и строительных организациях города Свердловска, в областном комитете КПСС на должностях секретаря, а затем второго секретаря Свердловского обкома партии. В 1985–1991 годах Олег Иванович возглавлял Свердловский облисполком, был инспектором ЦК КПСС, заместителем Председателя Совета Министров РСФСР, вторым секретарем ЦК Компартии Армении. В Свердловске и Ереване мы встречались довольно часто. Мне импонировали в этом человеке такие черты, как деловитость и конкретность.

Надо сказать, что личности в команду Силаева на посту Председателя Комитета оперативного управления народным хозяйством СССР были подобраны неординарные, имевшие огромный опыт производственно-хозяйственной, партийной, государственной, организаторской и научной деятельности. Все эти персоны играли заметные роли в последние годы существования СССР, а также в новейшей истории России на рубеже XX и XXI веков.

В соответствии с постановлением Комитета оперативного управления народным хозяйством СССР с 25 августа в подчинение Минтопэнерго РСФСР были переданы все бывшие союзные министерства топливно-энергетического комплекса. Это давало мне определенный простор для размещения персонала Минтопэнерго РСФСР. Сейчас я сожалею, что сделал медвежью услугу родным энергетиками, разместив Минтопэнерго России на площадях бывшего Минэнерго СССР. Сначала двум корпорациям, а потом и РАО «ЕЭС России» пришлось стать квартирантами на своей бывшей родной территории. Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина также было объявлено государственной собственностью России все принадлежащее КПСС и Компартии России имущество, расположенное на территории РСФСР и за границей.

Уже давно подмечено, что когда нам приходится очень плохо, для утешения хочется найти другого человека, которому еще хуже. Так уж, видно, мы устроены: стоит убедиться, что чужая беда злей нашей, настроение повышается. Но эта сентенция никак не подходила к позорному политическому действию в Доме правительства, когда Борис Николаевич Ельцин, выслушав отчет Горбачева о его заточении в Форосе, с ехидным злорадством произнес: «Подписываю указ о запрете Коммунистической партии Советского Союза!»

Михаила Сергеевича было по-человечески жалко. Прочность цепи определяется по ее слабому звену. Он суетился вокруг Ельцина, чуть ли не хватал его за руки, просил не делать этого. Во мне смешалось тогда несколько противоречивых чувств. С одной стороны, было неприятно смотреть на заискивающее поведение Горбачева. С другой — все было предопределено. Мы были простыми свидетелями последнего акта распisanного кем-то сценария. «Оптимистическая трагедия», начавшаяся в России осенью 1917-го, претерпев за 74 года большевистского правления значительную метаморфозу, вернулась к нам в переписанном виде, где каждый персонаж по-прежнему играл свою роль, но уже с обратным знаком.

В своем выступлении в Верховном Совете РСФСР 24 августа Президент СССР и Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев согласился с запретом своей партии, сложил полномочия Генсека и призвал ЦК к самороспуску. Если бы Горбачев, остававшийся Верховным главнокомандующим стра-

ны, вооруженный результатами Всесоюзного референдума, проявил решительность, не отступил, не сложил оружия, все было бы сейчас по-другому. «Есть люди, которые, попав в неопределенное положение, — писал Виктор Гюго, — склонны колебаться между двумя решениями, рискуя быть раздавленными судьбой, внезапно закрывающей для них все выходы. Слишком осторожные, при всех их кошачьих свойствах и благодаря им, иногда подвергаются большей опасности, чем смельчаки». Проявленная Михаилом Сергеевичем трусость была схожа с трусостью Николая II. Но если последний русский царь действовал так из-за боязни за свою семью и больного ребенка, то чем можно оправдать поведение Горбачева?

«Ну, ладно, — задавал я себе нескончаемые вопросы, — струсил Генеральный секретарь. Но почему Верховный Совет не взял на себя правящие функции? Неужели все оказалось настолько гнилым и нежизнеспособным? И почему бездействовали почти шестнадцать миллионов коммунистов, считая тех, которые приехали в столицу на танках? Среди них почему-то не оказалось ни Павла Власова, ни Павки Корчагина...»

Обращаясь в Доме правительства к стоявшему рядом исполнявшему обязанности Председателя Совета Министров РСФСР Олегу Ивановичу Лобову, я спросил:

— Так что мы, бывшие члены КПСС, будем делать? Я, например, коммунист с тридцатилетним стажем...

После короткой паузы я поправился:

— Нет, всё-таки я — не коммунист, а только член партии. Выступая за частную собственность, правда, в разумных пределах, фактически стою на социал-демократической платформе. Наверное, все мы уже давно социал-демократы. Так что мы будем делать?

— Поживем — увидим! А пока будем хранить партийные билеты, как реликвию, — кратко ответил Лобов.

Наше сознание порой воспринимает ход времени странно и противоречиво. Известно, что лишённые ярких событий дни пролетают совершенно незаметно. Но когда время пестрит происшествиями, то кажется, что всё длится очень долго. Я думаю, что в ходе этого «великого перелома» мы как бы заново прожили свои жизни. Это еще не была ностальгия, которая рассматривает прошлое как предлог, чтобы отказать настоящему в понимании, а болезненное, неудобное, почти царапающее осознание неприглядности происходящего.

В сентябре 1991 года вышел Указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина, в соответствии с которым я во второй раз был назначен министром топлива и энергетики РСФСР. Все свои силы я сосредоточил на сохранении управляемости отраслями топливно-энергетического комплекса России. 11 октября на базе российских угольных предприятий и ап-

парата Министерства угольной промышленности СССР в Москве была создана Российская государственная корпорация угольной промышленности. Руководителем корпорации был избран Валерий Евгеньевич Зайденварг, работавший в Минуглепроме СССР начальником Главного научно-технического управления. Зайденварг принял дела от министра угольной промышленности СССР Михаила Ивановича Щадова. Руководство корпорации разместилось на площадях и в кабинетах бывшего Минуглепрома, где раньше работали аппарат и министр.

Сложнее проходило формирование руководства корпорации Роснефтегаз. Я хотел назначить на должность ее руководителя Вагита Юсуфовича Алекперова. Я уже тогда увидел в нем перспективного организатора хозяйственно-экономической деятельности «высшей пробы». В 1990–1991 годах он был заместителем, затем — первым заместителем министра нефтяной и газовой промышленности СССР, являлся вице-президентом Международного нефтяного консорциума, заместителем председателя Союза экспортеров нефти России.

Вагит Юсуфович дал согласие возглавить корпорацию. Мы были уверены, что так оно и будет, но просчитались. Председатель корпорации избирался руководителями предприятий, входивших в ее состав. Одно предприятие, как юридическое лицо, имело один голос. При подготовке собрания мы не учли, что трубопроводный транспорт на момент собрания был представлен не одним юридическим лицом, а двенадцатью. Трубопроводчики большинством голосов проголосовали за бывшего министра нефтяной промышленности СССР Льва Дмитриевича Чурилова. Я лично переживал эту неудачу, но Вагит был спокоен и даже успокаивал меня, заявив, что у него есть не менее интересные планы, которые ему хотелось бы реализовать. Этот талантливый, умный, высокообразованный профессионал сумел одним из первых создать известную на весь мир нефтяную фирму «Лукойл», которая успешно развивается и завоевывает достойные позиции на нефтяном рынке.

Формирование корпорации Роснефтегазстрой и избрание ее руководства прошло спокойно и организовано. В декабре 1991 года председателем правления и одновременно председателем совета директоров РАО Роснефтегазстрой, образованного на базе концерна Нефтегазстрой, был избран Геннадий Иосифович Шмаль. Геннадий Иосифович был заместителем министра, а с 1984 года — первым заместителем министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. После упразднения министерства в 1990 году являлся председателем правления государственного концерна Нефтегазстрой.

Более напряженно происходил перевод управления в родном для меня Министерстве энергетики и электрификации СССР. Наши энерго-

строители и монтажники, обуреваемые чувствами сепаратизма, потребовали создания самостоятельной энергостроительной корпорации. Демократия есть демократия. Я дал свое согласие. Российская корпорация по энергетическому строительству и строительной индустрии Росэнергострой была создана постановлением Совета Министров РСФСР № 590 от 6 ноября 1991 года. Президентом корпорации стал Семен Яковлевич Лаценов. Это была достойная кандидатура.

А вот с избранием президента Российской корпорации по эксплуатации электростанций и сетей Росэнерго возникли некоторые сложности. Ее создание и избрание руководителя проходило в обстановке накаленных страстей. Ю. К. Семенова в очередной раз подвела его самонадеянность. Для него, министра энергетики и электрификации СССР, стало ударом известие о том, что выбрали не его, а Олега Викторовича Бритвина. Он был очень удивлен, что выбрали не его. Поднявшись на трибуну, Юрий Кузьмич в сердцах начал отчитывать всех находившихся в зале:

— Как вы посмели отвергнуть меня, министра, специалиста с таким большим опытом и знаниями!?

Но, как говорится, — увы, увы...

Необходимость сосредоточения реального управления всеми отраслями ТЭК в руках Министерства топлива и энергетики России потребовала срочного его структурного изменения, увеличения численности и повышения качества специалистов. Формирование аппарата Минтопэнерго РФ велось с учетом рыночного опыта работы иностранных энергетических фирм. Одной из первых рыночных структур ТЭК стала Российская топливно-энергетическая биржа, которую возглавил мой помощник Юрий Анатольевич Суздальцев. Именно на этой бирже были проведены первые торги по продаже угля, мазута, металла и других энергоносителей.

Холодная осень 91-го

Как часто внешняя обстановка, которая нас окружает, меняет наше отношение к жизни, особенно если эта жизнь протекает в России, где почти всегда складывается крайняя ситуация. У нас не нужно выдумывать никаких дополнительных трагедий и обстоятельств: достаточно выглянуть в окно или послушать последние известия. В нашей стране легче, наверное, жить просто, без затей, ничего не планируя далеко вперед. Здесь надо относиться к тому, что не можешь изменить, обреченно, как к землетрясению, от которого спрятаться невозможно. Главное — выжить. Хотя, если до конца следовать литературным канонам, к обобщениям можно переходить только тогда, как читателю предоставлены все аспекты случившегося, чтобы он сделал собственные выводы...

В конце октября 1991 года меня пригласили в Париж для ведения переговоров с французскими энергетическими компаниями «EdF», «Thomson» и «Jack Alstom». Разрешение на поездку дал мне Олег Иванович Лобов.

— Почему бы вам, — с юмором сказал он тогда, — не использовать случай и одновременно не отдохнуть на Лазурном берегу? Ведь впереди — полная неизвестность...

4 ноября я уже находился во Франции. Работая в стране, благополучно пережившей и якобинцев, и Вандею, я следил за событиями в России, где набирала силу волна неудовлетворенности социально-экономическими реформами.

Шасси самолета, на котором я возвращался в Москву, коснулись взлетно-посадочной полосы аэропорта Шереметьево 10 ноября — как раз в день моего 55-летия. Встречал меня чем-то взволнованный первый заместитель министра топлива и энергетики РФ Анатолий Тихонович Шаталов. Пытаясь успокоить своего подчиненного, я заговорил с ним в шуточной форме:

— Не волнуйся, Анатолий Тихонович. Давай, я сначала расскажу анекдот. «Возвращается как-то директор с женой с курорта. Его встречает секретарь: «Иван Петрович, у меня для вас две новости: одна — хорошая, а другая — плохая. С какой начинать?» Он говорит: «Давай — с

хорошей». Она ему прямо в лоб: «У нас будет ребеночек!» «А какая же плохая?» — спросил директор, глядя на жену и покрываясь испариной. «Вас сняли с работы!» — выпалила секретарь». Так, что, — обратился я к своему визави, — давай, дуй с последней!

Шаталов доложил:

— Правительство страны вновь отправлено в отставку, но указ о вашем освобождении от должности не подписан. Видимо, вам надо позвонить Ельцину или Бурбулису.

Зная, что последний занимался формированием нового состава правительства, я ответил:

— Анатолий Тихонович! Я пошел работать в министерство по убеждению, а не по чьей-либо воле. Просить должность мне стыдно, и я не стану делать этого.

Сообщение Шаталова не стало для меня неожиданностью. Я вспомнил одно событие, напрямую связанное с тем, о чем только что рассказал мой заместитель. Как раз накануне моего отъезда во Францию на заседании Правительства России рассматривался вопрос о привлечении французских фирм к разработке нефтяных месторождений в Саратовской области. Обсуждение прошло успешно, велись активные подготовительные работы. Проблему почему-то поручили контролировать вице-президенту РФ А. В. Руцкому. Вскоре он пригласил меня к себе для беседы.

В кабинете Александра Владимировича находился министр атомной промышленности РФ В. Н. Михайлов. С Виктором Никитовичем мы были знакомы давно: ранее он работал в Министерстве среднего машиностроения СССР. Когда создавали Министерство топлива и энергетики РФ, я предлагал ввести в него атомную энергетику. Со мной тогда не согласились. Министерство среднего машиностроения было сохранено — только лишь переименовано в Министерство атомной промышленности РФ, которому в подчинение были переданы и атомные электростанции.

Я изложил Руцкому свое мнение по всем интересовавшим его вопросам.

— Вот так надо работать! — одобрительно заметил Александр Владимирович. Затем, выдержав некоторую паузу, вице-президент, словно невзначай, спросил:

— А что вы думаете по поводу своих перспектив в новом правительстве?

Он отошел к своему рабочему столу и взял какой-то листок.

— Та-а-к, — протянул он, всматриваясь в текст, — какие тут по вашей кандидатуре предложения...

Раздалось крепкое словцо.

— Все понятно!

В списке напротив должности «министр топлива и энергетики РФ» стояла фамилия другого человека. Но тогда этому факту я не придал ника-

кого значения. Теперь же, увязав тот разговор в кабинете Рудцкого с информацией Шаталова, я был готов к возможным изменениям своего статуса.

Отправив Тамару домой, я предложил Анатолию Тихоновичу поехать со мной на работу. Было около восьми часов вечера. В одной из комнат министерства мы отметили мой день рождения, просидев за разговорами почти до полуночи. Нас потревожил звонок Лопухина. Надо сказать, что Владимира Михайловича я хорошо знаю с того времени, когда он работал консультантом, а затем — заместителем министра экономики РСФСР по вопросам реструктуризации ТЭК.

Голос молодого человека в трубке звенел, как хорошо натянута гитарная струна:

— Анатолий Федорович, хочу поделиться с вами новостью: меня назначают на должность министра топлива и энергетики России!

— Поздравляю, Владимир Михайлович. Дерзай! — коротко ответил я. Лопухин продолжал:

— Анатолий Федорович, я бы хотел, чтобы вы остались у меня заместителем.

Первым моим порывом было послать всех подальше. В конце концов, зачем мне, доктору технических наук, профессору, заведующему кафедрой, все эти унижительные игры с назначениями и отставками! Работу в научной сфере я себе всегда найду, но... мне всегда была по душе активная практическая деятельность.

— Хорошо, — отложил я окончательный ответ, — подумаю.

Вскоре наши энергетики мне посоветовали: «Анатолий Федорович, не уходите: соглашайтесь с предложением Лопухина».

И я согласился. Сейчас, по прошествии шестнадцати лет, я могу, положив руку на сердце, откровенно сказать, что пошел в команду Ельцина вполне осознанно. Мной руководило искреннее желание — способствовать ускорению демократических преобразований в стране, проведению линии, которая бы вела к упрочению мощи России на вверенном мне участке. Мне кажется, в природе не существует никаких поводов, чтобы обвинить меня в карьеристских намерениях, чтобы утверждать, что я лез Борису Николаевичу на глаза из конъюнктурных соображений. Я служил не ему, а России — и только делом.

Большие трудности в энергетике создавал принятый еще 17 июня 1983 года, а затем переизданный в России Закон «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями». Теперь, в создавшихся условиях, надо было хорошенько поломать голову и сделать так, чтобы, не нарушая требований данного Закона, сохранить энергетику, как единое целое. Я пришел к мнению о необходимости создания в Министерстве топлива и энергети-

ки РФ ряда комитетов, которые, под кураторством соответствующих заместителей министра, ведали бы основными направлениями отрасли. Новая схема управления по своей структуре напоминала Бюро по ТЭК при Совете Министров СССР. В этой схеме предусматривался и Комитет электроэнергетики, возглавлять который и предложил мне Лопухин.

Прошел ноябрь 1991 года. Формирование Правительства России все еще продолжалось. В середине декабря я взял отпуск и уехал в Кисловодск — в санаторий «Красные камни». Как оказалось, в последний раз при советской власти. Обстановка в стране не располагала к спокойному отдыху. Из телевизионных новостей узнал, что в семь часов вечера 25 декабря Горбачев подписал Указ о сложении с себя полномочий Верховного Главнокомандующего. 26 декабря палата Совета Республик Верховного Совета СССР приняла Декларацию о прекращении существования СССР как государства и субъекта международного права. Над Кремлем был спущен красный Государственный флаг СССР с изображением серпа и молота. Его место занял бело-сине-красный Государственный флаг Российской Федерации. С ноября 1991 г. по июнь 1992 г. пост главы Правительства России занимал Ельцин.

Я никогда не приветствовал действий, направленных на раскол Союза ССР, поэтому распад великой державы воспринял очень болезненно. Сегодня в определенных кругах принято утверждать, что вся вина за развал Советского Союза якобы лежит на Ельцине, Кравчуке и Шушкевиче. Это они, говорится в некоторых источниках, пребывая будто бы в пьяном угаре, подписали 8 декабря 1991 года в резиденции «Вискули» Беловежские соглашения. Анализируя все «за» и «против», я пришел к убеждению, что разрушение державы не явилось следствием произвольных действий вышеназванной «тройки». Эта «тройка» в конце 1991 года лишь зафиксировала опасность такого разрушения. Охваченные чувством тревоги по поводу будущего славянских народов, руководители России, Украины и Белоруссии предложили свой вариант сохранения отношений между странами, которые они возглавляли. Учитывая тенденции, ведущие к распаду Союза, они сформулировали проект Соглашения о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Соглашения, которое, как признается в книге «Дни поражений и побед» Е. Т. Гайдар, было написано его рукой «от начала до конца».

Первым 10 декабря 1991 г. ратифицировал документы беловежской встречи Верховный Совет Украины. На следующий день ту же процедуру проделал Верховный Совет Белоруссии. Верховный Совет РСФСР ратифицировал Соглашение о создании СНГ своим постановлением от 12 декабря 1991 года. Одновременно высший орган государственной власти России, большинство в котором составляла региональная парт-

номенклатура, проголосовал за денонсацию Договора об образовании СССР. Девять дней спустя, 21 декабря 1991 года, главы одиннадцати независимых государств, опираясь на решения своих парламентов, подписали в Алма-Ате Протокол к Соглашению и Декларацию о создании СНГ, что юридически положило конец существованию СССР. Свои автографы на алма-атинских документах поставили такие высокопоставленные члены ЦК КПСС, как С. А. Ниязов, И. А. Каримов, Л. М. Кравчук, Б. Н. Ельцин, Н. А. Назарбаев и другие.

Осознавая объективность происшедшего, мне, тем не менее, кажется, что расчленение великой державы на отдельные независимые государства было проделано с иезуитской жестокостью. Если нельзя было сохранить единство бывших социалистических республик на союзной основе, то надо было сделать это на основе конфедеративной, не нарушая сложившихся экономических и военно-политических связей. По живому разорвав карту СССР, сторонники «размежевания», сами того не ведая, отбросили народы бывших советских социалистических республик на десятилетия (а некоторые — и на столетия) назад.

Лидеры ряда республик, ранее входивших в Советский Союз, оказались ничем не лучше тех российских народных радетелей, которые помогали освободить крестьян от крепостной зависимости только для того, чтобы сразу превратить их в пролетариев. Повсеместный спад производства жизненно необходимых товаров, в том числе и в Российской Федерации, руководители вновь образованных государств вынуждены были компенсировать за счет увеличения импорта, что в свою очередь привело к удушению внутреннего производителя. Так из-за непродуманности действий высших эшелонов власти состоялась очередная трагедия на одной шестой части суши.

После распада СССР мир стал свидетелем нового «великого переселения народов», не желавших быть погребенными под его обломками. Как свидетельствует немецкая газета «Тагесцайтунг», в 1990–2002 гг. в Россию были вынуждены вернуться более 8 миллионов этнических русских, проживавших за пределами границ РФ. Свыше одного миллиона евреев эмигрировало в Израиль и в Германию. С территории бывшего Советского Союза в Германию переселилось более двух миллионов российских немцев, в том числе 600 тысяч человек из России, а остальные — из республик Средней Азии и Казахстана. Многие граждане России перебираются из районов Восточной Сибири и Крайнего Севера в европейскую часть страны. На юге России ищут приют беженцы с Кавказа. В различные регионы Российской Федерации в поисках работы и лучшего заработка ежегодно приезжают от трех до пяти миллионов сезонных рабочих-мигрантов, из них только в Москву — один миллион человек.

Сторонникам принципа «сегодня — и все сразу» надо было не пронозировать и злобствовать по поводу нашего прошлого, а хотя бы на минуту остановиться и оглядеться вокруг. Когда мы, подобно Иванам, не помнящим своего родства, в упоении разваливали СССР, Старый мир создавал «Euroland» — Европейский Союз, своеобразную землю обетованную для народов цивилизованного мира. Когда мы в угоду заокеанским правителям ликвидировали Варшавский Договор, на Западе выработывали практические меры по усилению блока НАТО. Если мы с первых дней реформирования России сразу же взяли за образец страны Запада, то почему не позаимствовали оттуда и способы решения интеграционных проблем?

Как здесь не вспомнить Федора Михайловича Достоевского, который прозорливо писал о современных аксиомах «русских мальчишков», сплошь выведенных «из европейских гипотез». Но любителям «шоковой терапии», прежде чем браться за разрушение сложившейся системы, надо было изучать опыт не Запада, а нашего восточного соседа — Китая. Экономические успехи этой страны лежат, прежде всего, на прочном фундаменте политической стабильности и невмешательства государства в экономику. Госсектор там сравнительно невелик: с ним связано около 100 млн. человек из 1 миллиарда 300 миллионов, преимущественно проживающих на селе, как это было в СССР в годы нэпа. Китайским предпринимателям, как известно, была предоставлена полная свобода. Она-то и послужила начальным импульсом для экономического роста, усиленного результатами деятельности малого бизнеса и эффектом от иностранных инвестиций, поступающих в первую очередь от хуацяо — китайцев, проживающих за рубежом.

Хотя нельзя не видеть и происходящих там негативных моментов. Курс на построение социалистической рыночной экономики обернулся поляризацией в обществе. Тем не менее, в Китае сократились масштабы абсолютной нищеты, увеличилась продолжительность жизни, стало больше грамотных. КПК обеспечила себе легитимность в глазах жителей Поднебесной тем, что сумела создать условия, при которых экономика растет невиданными темпами. Сегодня Китай, как когда-то Британию, называют мастерской мира, и каждый его житель находит для себя соответствующие ориентиры в будущем.

Что же касается граждан бывшего СССР, то они, словно терпящие кораблекрушение, стали цепляться за все, что уходит корнями в прошлое, пытаясь там найти покой, равновесие, устойчивость — эти неперемненные условия, без которых жизнь не может считаться счастливой. Но жить только прошлым нельзя. Чтобы считаться полноценной и осмысленной, жизнь людей должна быть нацелена вперед. В России стали

модными разговоры о национальной идее, на фундаменте которой вроде бы должно покоиться здание нового государства. В поисках спасительной панацеи на всех уровнях власти и общества было произнесено много слов, исписано море чернил и поломана уйма перьев. Но воз и ныне там. Вместо прочного идеологического фундамента мы имеем эклектичную крошку из противоречащих друг другу точек зрения.

Действительно, какую идеологию должен выбрать для себя гражданин России в качестве душеспасительной основы современного мироустройства? До 1917 года идейной основой России была православная, монархическая идея. С крахом монархии рассыпалась Российская империя. После октября 1917 года идейным фундаментом СССР служила коммунистическая идея. С ее ликвидацией в 1991 году погиб и Советский Союз. Коммунистическая идеология, впитавшая в себя основополагающие принципы идеологии христианской, была безжалостно отброшена, а новая так и не возникла. Кто думал, что с уходом коммунизма на Земле расцветут райские сады, испытал горькое разочарование. В умах россиян образовалась сумятица, в которой стало невозможно отличить здравый смысл от безумия.

На мой взгляд, в нашей стране, где большинство населения, в силу исторических традиций, придерживается консервативных взглядов и испытывает недостаток в объективной информации, нельзя пренебрегать идеологией, в очередной раз подвергая разрушению духовные храмы. Нельзя в одночасье менять полюса нравственных критериев и доказывать, что основой человеческой жизни является теперь материальное благополучие. Разжигая частнособственнические инстинкты среди широких слоев населения, новые пастыри, видимо, забыли, что градус отношения к богатству на Руси нашел отражение в пословице: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». В нашем менталитете моральность, находясь в связке с интеллектуальностью, явно опережает такие параметры, как стремление к прибыли, богатству, личному преуспеянию. Не случайно в России из всех библейских историй наиболее популярно повествование о Христе, пришедшем в храм, чтобы изгнать оттуда менял — ростовщиков и верой укрепить слабого душой человека.

Необъяснимая спешка, на мой взгляд, присутствовала и при выборе названия для нашей страны. Что может быть важнее для русского человека? Пристально наблюдая за дебатами по этому вопросу, я недоумевал: почему на первое место ставится «Российская Федерация», а потом, в скобках, «Россия»? Почему бы не поставить слово «Россия» на первое место? Кого мы боимся? Неужели и это святое дело нужно было превращать в предмет политического торга? Или это вновь борение двойственной русской души, волей истории помещенной между Востоком и Западом и всегда ищущей путь своего дальнейшего следования?

После «великого перелома» жизненный путь многих из нас стал столь же неисповедим, сколь и мучителен. Гайдаровская шокотерапия, приведшая к либерализации цен, вызвала резкое обострение кризиса в экономике. Удар пришелся по нашему отечественному производителю и резко снизил уровень жизни населения страны. Только в первые три месяца 1992 года «испарились» денежные накопления российских граждан, хранившиеся в Сберегательных кассах. Причем, были потеряны не просто деньги, а то последнее, что годами откладывалось на квартиру или на машину, на свадьбу или достойные похороны. Вслед за уничтожением сбережений появились коммерческие банки и инвестиционные фонды, обещавшие доходы от оборота вложений до 1200%. Когда эти приманки для легковверных лопнули, более сорока миллионов человек потеряли свои сбережения вторично. Мало кто из простых людей смог получить дивиденды и право голоса в решении вопросов управления предприятиями в ходе «ваучерной» приватизации, начавшейся в октябре 1992 года.

Машина вселенского обмана набирала обороты. После октябрьских событий 1993 года были созданы так называемые уполномоченные банки, ведавшие государственными счетами. Эти банки задерживали выплаты по государственным обязательствам и использовали бюджетные фонды для краткосрочных межбанковских кредитов по ставкам, достигавшим 400%. Неплатежи по заработной плате стали постоянной чертой российской жизни.

К концу 1994 года, когда началась денежная приватизация, население России уже было разделено на два лагеря. К одному прибились лица и организации, имевшие возможность принимать участие в торгах, к другому — остальные, все, кому это было не по зубам. Но обо всем этом мне, как и другим гражданам России, станет известно позже, а пока в повестке политической жизни страны стоял один вопрос: реорганизация органов государственного управления и формирование очередного Кабинета министров.

В соответствии с Указом Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 242 «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР» в структуре центральных органов государственного управления было предусмотрено создание девятнадцати министерств, семи государственных комитетов, трех комитетов при Правительстве РСФСР, одной службы, одного агентства и одного главного управления при Правительстве РСФСР — всего 32 органов государственного управления.

В новом Правительстве РСФСР, названном «кабинетом реформ», ключевые посты заняли: первого заместителя Председателя — Г. Э. Бурбулис, заместителя Председателя, министра экономики и финансов — Е. Т. Гайдар, заместителя Председателя, министра труда и социальной

защиты — А. Н. Шохин, министра печати и информации — М. Н. Полторанин, председателя Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом — А. Б. Чубайс. Подписанный в эти дни пакет из десяти президентских указов и правительственных постановлений закрепил факт реального перехода России к рыночной экономике.

Говоря откровенно, мне не по душе результаты либеральных реформ в России. Многое из советской действительности надо было все-таки сохранить. В первую очередь — социальные завоевания. Ведь рыночная экономика может быть социально ориентированной. Это давно доказали такие страны, как Германия, Великобритания, Франция, Италия, Швеция. Чтобы наше общество не утонуло в стремительном потоке рыночных реформ, его следовало хотя бы приспособить к требованиям рынка, закрепить доступность социальных льгот соответствующими государственными актами.

Да и к демократии надо относиться с известной долей осторожности: под ее флагами порой скрываются чудовищные режимы. Не зря ведь мудрый законодатель Ликург на требование одного из своих радикальных оппонентов учредить демократию в Спарте ответил: «Для начала, мой друг, введи ее у себя дома». Ведь демократия всегда понималась не только как власть, которая руководствуется волей большинства, но и как сила, с помощью которой бедное большинство контролирует богатое меньшинство. В странах, где к богатым относится как раз большинство, демократия перестает служить социальной справедливости, а скорее способствует росту социального неравенства.

В таких невеселых размышлениях проводил я свой отпуск у подножия живописных красных скал, что возвышаются в знаменитой курортной зоне Кавказских Минеральных Вод. В первых числах января 1992 года на мое имя в санаторий «Красные камни» пришла телеграмма, в которой сообщалось о назначении А. Ф. Дьякова на должность заместителя министра топлива и энергетики РФ по электроэнергетике.

С чего мне пришлось начинать после возвращения в Москву? Прежде всего, с выработки механизма сдерживания процесса разрушения централизованного Оперативно-диспетчерского управления Единой энергосистемой бывшего СССР, вызванного суверенизацией входивших в него республик. Первым о своем отказе работать в едином оперативно-диспетчерском пространстве во главе с ЦДУ России объявило Министерство энергетики и электрификации Украины. Нужно было искать новые формы налаживания взаимодействия между суверенными энергосистемами. Предварительно изучив обстановку на энергетическом фронте вместе со всеми руководителями энергосистем теперь уже независимых государств, я предложил создать Электроэнергетический совет (ЭЭС) СНГ.

Первое учредительное собрание, на котором с правом решающего голоса присутствовали почти все руководители энергосистем стран — участниц СНГ, состоялось 14 февраля 1992 года в г. Минске (Белоруссия). Несмотря на деструктивную позицию украинской делегации, ЭЭС СНГ был учрежден в соответствии с Соглашением о координации межгосударственных отношений в области электроэнергетики, подписанным главами правительств стран СНГ. Основная задача ЭЭС СНГ — проведение скоординированных действий по обеспечению устойчивого и надежного энергоснабжения экономики и населения государств на основе эффективного функционирования объединенных электроэнергетических систем. В состав ЭЭС СНГ вошли по должности первые руководители органов управления электроэнергетикой — полномочные представители Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины.

Первым президентом ЭЭС СНГ был избран министр топлива и энергетики Республики Беларусь Валентин Васильевич Герасимов, а председателем исполнительного комитета (постоянно действующего органа) — Владимир Андреевич Джангиров, ранее работавший под моим началом в ранге заместителя министра топлива и энергетики РФ.

В соответствии с положениями Устава, президент ЭЭС СНГ должен был избираться сроком на один год, а ротация руководителей совета — производиться в алфавитном порядке по первым буквам названия государства. В соответствии с таким регламентом очередь России могла наступить лишь через десять лет. Но жизнь доказала целесообразность другого порядка. Уже в 1993 году президентом ЭЭС СНГ от России сроком на пять лет избрали меня.

С удовлетворением отмечаю, что я не ошибся в выборе Джангирова на должность председателя исполкома ЭЭС. Его энергия, организаторские способности и огромное трудолюбие имели большое значение для сохранения Электроэнергетического совета СНГ в дееспособном состоянии.

Цель — единство энергосистемы

В первой половине 1992 года западная печать стала активно муссировать тему о надвигающемся в Российской Федерации государственном перевороте, подхваченную высшими должностными лицами страны и ее столицы. Так, мэр Москвы Г. Х. Попов в середине мая выступил со статьей, опубликованной во французской газете «Либерасьон» под заголовком «Необходимость сильного режима в России». Признавая очевидный факт, что «большинство русских против рыночной экономики», московский градоначальник сделал вывод, что «заставить страну перейти к рынку сможет лишь сильная власть». В этой статье он подчеркнул, что в «ближайшее время вопрос о том, кто обладает властью в Москве, будет иметь большое значение». Дальнейшие события показали, что новоявленной Кассандре не удалось дожидаться исполнения своих пророчеств в уютном кресле городского головы.

В июне 1992 года Попову пришлось оставить свой пост, а мэром Москвы был назначен Лужков. Юрий Михайлович проявил исключительную активность во время работы в Комитете по оперативному управлению народным хозяйством СССР под руководством И. С. Силаева, где он курировал поставки в Россию и СССР иностранной гуманитарной помощи.

В мае 1992 года Б. Н. Ельцин предпринял, пока словесную, атаку на Верховный Совет РФ, заявив во время пребывания в Череповце о необходимости «разгона Съезда народных депутатов». В интервью «Комсомольской правде» он указал даже срок: «Все надо сделать к осени».

С назначением на новую должность я по-прежнему занимался электроэнергетикой, но теперь уже в масштабе России. Это время было богато на всякие законы и постановления: их плодили почти ежедневно. Один из них — Закон о госпредприятиях на территории России, заложивший бомбу под Единую энергетическую систему страны. В соответствии с этим Законом любое государственное предприятие имело право выйти из любого объединения и принять собственную программу действий. Постановление Верховного Совета России о ликвидации всех объединений также вело к развалу ЕЭС, как раз и состоявшей из объединений, базировавшихся на территории областей и республик. Если раньше над нашей

энергетикой стояло Министерство энергетики и электрификации СССР, выполнявшее хозяйственные функции, то теперь роль этого ведомства была сведена к минимуму. После передачи всего имущества в ведение Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом (ГКИ), по сути дела, чужому дяде, ничего не понимавшему в энергетическом оборудовании, Министерство топлива и энергетики РФ, в полном смысле этого слова, оставалось не у дел.

Последней каплей, способствовавшей развалу ЕЭС России, был подготовленный в ГКИ Указ Президента РФ от 1 июля 1992 года № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества». В нем говорилось, что любое предприятие принимает решение об акционировании самостоятельно, а в случае противодействия со стороны руководителя трудовой коллектив имеет право сам провести акционирование с выходом как предприятия из объединения, так и структурного подразделения из предприятия. Согласно этому документу, каждое крупное предприятие подлежало приватизации до 2 ноября 1992 года. То есть все отдавалось на откуп трудовому коллективу, который мог теперь действовать по принципу: «Что хочу — то и ворочу!» Так оно и получилось. В течение нескольких месяцев все мало-мальски крупные предприятия подали заветные заявки на акционирование, положив начало процессу ежедневной приватизации десятков заводов и фабрик.

Как видно, советской партийной и административной элите на этом этапе нужна была видимая легитимизация действий, направленных на конвертирование имеющейся власти в частную собственность с целью последующего наследования этой собственности. И то и другое она получила в первые же годы реформ: вчерашний директор становился хозяином-собственником. «Каких-нибудь полдюжины баронов в процессе приватизации 90-х годов, — писала английская «Файнэншл таймс», — выиграли контроль над сотнями компаний и предприятий, заполучив их с невиданной скидкой, в основном благодаря контактам в политических сферах». Однако, прибрав к рукам заводы и фабрики, почти никто из этих «баронов» так и не сумел правильно организовать процесс развития и расширения производства, ради чего, собственно, и замышлялась приватизация. И в этом состояла вся глубина трагедии, поскольку подлинные богатства создаются не спекулятивными сделками, не перераспределением уже созданных ценностей, а прямым созиданием — новыми изобретениями и их воплощением в жизнь через достижения науки, инженерную мысль и произведения рук человеческих. Как тут не вспомнить слова одного из героев А. П. Чехова: «Уж очень вы, господа, умствуете!»

Все норовите, как бы это по-умному, да по принципам, да со всякими выкрутасами, а выходит у вас только одно: тень наводите...»

Указ № 721 убивал энергетику наповал. Понимая это, мы все свои усилия сосредоточили на поиске наиболее целесообразных путей, ведущих к сохранению Единой энергосистемы России. Еще до выхода Указа нами был всерьез изучен опыт работы в рыночных условиях энергетических компаний Финляндии, Японии, Франции, ФРГ и США. Взяв за пример французскую государственную акционерную компанию «EdF», работавшую в условиях, близких к российским, мы организовали курсы по обмену опытом работы, приглашали французских менеджеров, которые рассказывали нам, что и как надо делать в рыночных условиях. Мы направляли во Францию своих специалистов, проводили конференции и совещания, то есть вели большую подготовительную работу, направленную на принятие грамотных решений, касающихся существования ЕЭС России в качестве государственной компании в рыночных условиях.

Счетчик времени, установленный президентским Указом, был запущен. Нужно было срочно искать выход, иначе в одно прекрасное утро можно было проснуться и узнать, что, согласно очередному закону, нашей системы больше не существует. Так у нас сложилось, что развитие производительных сил в любой точке России в ближайшей перспективе без Единой энергетической системы невозможно. Рост благосостояния людей напрямую зависит от объемов потребляемой электроэнергии на душу населения. Накануне распада в СССР на одного человека в год приходилось по 6,5 тыс. кВт.ч, в то время как в США — 13–15, а в Швеции — 20–24 тысячи. До этих уровней производства электроэнергии нам еще надо было расти и расти.

Беда в том, что многие в нашей стране не понимали чрезвычайной важности наличия Единой энергосистемы. Поэтому-то и раздавались голоса, предлагавшие ее приватизировать, разделив между отдельными собственниками. «Зачем и почему, — заявляли эти люди, — в России необходимо сохранять единую систему энергетики? В США ее нет. Давайте сделаем так, как за океаном!»

Обсуждая эту важную для России проблему, противники целостной энергосистемы вели себя так, как московские актеры в одном спектакле, поставленном однажды по пьесе Метерлинка. По воле режиссера, видимо, полагавшего, что содержание пьесы — дело десятое, что интересна не суть, а сценическая картинка, они то и дело переходили на французский язык, непонятный большинству зрителей. Всякое дело может быть доведено до абсурда. Нельзя нам в строительстве энергетической отрасли переходить на «американский язык» хотя бы потому, что Россия — особая страна во многих отношениях. Здесь на 2,33% населения земного шара

приходится 35% природных ресурсов Земли, а 70% нашей территории лежит в зоне вечной мерзлоты и продолжительного холодного сезона.

ЕЭС СССР охватывала всю страну, протянувшись с востока на запад и с севера на юг и пересекая разные временные зоны. Когда на Дальнем Востоке утро, на Москву опускается ночь. Максимальный уровень нагрузки в системе приходился на вечерние и утренние часы. Эти два пика идут с востока на запад с интервалом в два часа. Если предположить такую ситуацию, что ЕЭС окажется разделенной на несколько частей, то сразу возникнет необходимость одновременного возведения электростанций общей мощностью 15 млн. кВт в дефицитных регионах страны, в том числе 7 млн. кВт — в России.

Более того, любая попытка расчленения системы на части приведет к возникновению серьезных проблем в регионах. Ведь из 80 российских энергосистем только 14 были избыточными. Например, Московская энергетическая система имела мощности, превышавшие потребности региона, поэтому она имела возможность передавать излишки энергии другим территориям. А 66 энергосистем фактически являлись потребителями электроэнергии, которая вырабатывалась в соседних энергосистемах. Если отделить, образно говоря, доноров от реципиентов, то первые должны будут решать проблему, как продать лишнюю электроэнергию, а другие — где ее взять. У энергообеспеченных может возникнуть соблазн использования избытка электроэнергии в качестве экономической удавки.

Эффект параллельной работы системы снижает необходимость иметь большие мощности, что не только дает экономию эксплуатационных расходов примерно на 1 млрд. долларов, но и снижает необходимость инвестиционных расходов. Удивительно получается! Когда мировое экономическое сообщество семимильными шагами идет к интеграции, к объединению крупных фирм, у нас реанимируют ярлыки типа «монополизм», призывают к борьбе с ним до последней капли крови. А монополизм можно сделать явлением технологическим, всего-навсего децентрализовав проблему распределения электроэнергии. В разговорах о борьбе с монополизмом я усматриваю попытку посягнуть на безопасность государства. В моем понимании, Единая энергосистема — это кровеносные сосуды одного единого и неделимого организма, каковым является Россия.

Выступая принципиально против приватизации, я не мог не признать, что принятые в спешке, один за другим Законы о предприятиях и объединениях, об изменении роли Министерства топлива и энергетики РФ, а также Указ Президента РФ № 721 лишали нас возможности сохранить энергетику страны в форме единой системы. Тогда я стал искать ответ на вопрос: «А как можно сохранить централизованную систему управления электроэнергетикой при любой форме собственности?»

Как мне представлялось, в каждом субъекте Российской Федерации надо было создать такую структуру, которая могла бы самостоятельно решать проблемы обеспечения электроэнергией на уровне своего региона. А Центр, делегировав большие права регионам, должен оставить у себя возможность управлять ими через финансы, экономику, кадры и другие рычаги.

Обдумав все, как следует, я пришел к заключению, что у нас остается только один путь — через акционирование. Не действовать, когда приходит время, значит, себя погубить. Во исполнение и развитие Указа № 721 нами в срочном порядке был подготовлен проект Указа Президента РФ № 923 от 15 августа 1992 года «Об организации управления электроэнергетическим комплексом Российской Федерации в условиях приватизации». Большую помощь в подготовке проекта Указа нам оказал заместитель председателя ГКИ Петр Петрович Мостовой, который впоследствии длительное время являлся членом совета директоров РАО «ЕЭС России».

В Указе № 923 был заложен основополагающий принцип о принадлежности системообразующих сетей 220, 330, 500, 750 и 1150 киловольт центральному акционерному обществу без права их приватизации. Для завершения этой работы нам надо было перевести в акционерные общества каждую энергосистему и электростанцию, чтобы полученные от них контрольные пакеты акций сконцентрировать в каком-то московском центральном органе. Министерство топлива и энергетики РФ этого сделать не могло. ГКИ мог бы, в принципе, управлять пакетом акций, но это не входило в его функции. Тогда было предложено создать Российское акционерное общество (РАО) «ЕЭС России», передав ему в собственность всю системообразующую сеть, которая до этого времени была государственной.

Для того чтобы все энергосистемы были в равных условиях, было предложено выделить в самостоятельные акционерные общества (юридические лица) все ГРЭС мощностью 1 млн. кВт и выше. То же самое надо было проделать и с гидростанциями мощностью 300 МВт и выше с выведением их из подчинения региональных энергосистем. Эти электростанции стали на оптовом рынке электроэнергии страны самостоятельными юридическими лицами. Параллельно проводилось акционирование региональных энергосистем с предоставлением части акций коллективу и передачей контрольных пакетов (49, 51 или 100%) в уставной капитал РАО «ЕЭС России», которое становилось собственником электросети с системой диспетчерского управления и контрольных пакетов акций своих дочерних компаний — АО-энерго и АО-электростанций. Так мы нашли форму управления, которая дала возможность сохранить Единую электроэнергетическую систему России.

Американские специалисты неоднократно высказывали мне свое удивление: как нам удалось в такое короткое время провести эту гигантскую работу, не дав развалиться Единой энергетической системе? И действительно, в результате напряженной и оперативной работы — всего лишь за две недели! — руководством и специалистами Комитета по электроэнергетике Минтопэнерго РФ, был подготовлен важнейший, можно сказать, судьбоносный для энергетики России закон.

Провал экономической стратегии «команды Гайдара» стал очевиден уже к началу лета 1992 года. По официальным данным, в стране за первые пять месяцев национальный доход сократился на 17%, промышленное производство — на 13%, розничный товароборот — на 44%, реальные доходы населения — на 40–50%. Тяжелое положение с капитальными вложениями сложилось и в ТЭК России.

К маю 1992 года Владимир Михайлович Лопухин должен был разработать единую концепцию реформ в ТЭК. Согласно предложенной им концепции, правительство должно было оставить за собой право регулирования цен на газ и электроэнергию, а цены на нефть сделать свободными. Против этого предложения выступил министр экономики РФ Андрей Алексеевич Нечаев, считавший правильным осуществление административного регулирования всех цен в ТЭК и плавное их повышение. Ельцин не одобрил концепцию Лопухина, что, по всей вероятности, стало одной из причин его отставки с поста министра топлива и энергетики. В мае мы отмечали день его рождения. В. С. Черномырдин поздравил именинника и подарил ему кейс. А на другой день появился приказ об освобождении Лопухина от занимаемой должности.

Заместителем Председателя Правительства России по топливно-энергетическому комплексу Указом Президента РФ 30 мая 1992 года был назначен Виктор Степанович Черномырдин с возложением на него обязанностей министра топлива и энергетики РФ. Назначение Виктора Степановича породило у нас, энергетиков, большие надежды на изменения в экономике страны в лучшую сторону. Мы верили в него. Он был «наш».

Виктор Степанович управлял нами оперативным способом, появляясь в министерском кабинете лишь для проведения необходимых встреч и совещаний. Месяцев семь или восемь обязанности министра топлива и энергетики РФ исполнял первый заместитель министра Эдуард Вячеславович Грушевенко.

В. М. Лопухин, если не принимать в расчет его непрофессионализм, умел прислушиваться к чужому мнению, стремился найти точки взаимопонимания. В электроэнергетику он не вмешивался: ему больше импонировали проблемы, связанные с нефтегазовой промышленностью. Поэтому я был полностью свободен в выборе главных направлений своей

деятельности — как текущей, так и перспективной. Но многих энергетиков раздражала некомпетентность Владимира Михайловича. По сравнению с предыдущими руководителями энергетической отрасли страны выглядел он, конечно, бледно. Вокруг его имени шли разные толки, хотя он был достойным человеком.

Исчерпывающую характеристику Лопухину дал в интервью «Общей газете» (26 августа 1999 г.) Виктор Степанович Черномырдин: «Первоначально министром топлива и энергетики был Лопухин — молодой парень, который до того работал советником в каком-то управлении Госплана России. Вот он нас первый раз собрал на совещание. Там сидят союзные еще министры, обсуждают, как обычно, ситуацию по топливу: что обеспечивать, как заготавливать, куда складировать. Лопухин сидит и, по глазам вижу, ничего не понимает. Я после совещания попросил остаться и говорю ему: «Слушай, хочу тебя откровенно спросить, как ты сюда попал? Как ты мог за это взяться?»

Проект Указа Президента РФ и учредительные документы РАО «ЕЭС России» мы готовили уже после отставки Владимира Михайловича. Прежде чем направить на регистрацию подготовленные учредительные документы по созданию РАО «ЕЭС России» В. С. Черномырдин собрал у себя совещание. На это совещание были приглашены я как заместитель министра — председатель Комитета по электроэнергетике, заместитель министра по экономике Анатолий Иванович Барановский, президент корпорации Росэнерго Олег Викторович Бритвин, президент корпорации Росэнергострой Семен Яковлевич Лащенко. Широко улыбаясь, Черномырдин оглядел нас и спросил:

— Кого будем выдвигать на пост президента РАО «ЕЭС России»?

Все единодушно предложили мою кандидатуру.

— Согласен. Так тому и быть! — завершил разговор, как отрезал, Виктор Степанович.

1 декабря 1992 года за подписью исполняющего обязанности Председателя Правительства РФ Е. Т. Гайдара вышло правительственное постановление «О назначении А. Ф. Дьякова президентом РАО «ЕЭС России».

Не дожидаясь регистрации Общества, мы приступили к формированию структуры и штатов головной компании РАО «ЕЭС России» и ее руководящих органов. При формировании состава совета директоров возник вопрос о его председателе. Согласно Указу Президента РФ, на первых этапах деятельности общества представители государства в совет директоров назначались распоряжением Правительства РФ. Одновременно они образуют коллегия представителей государства по управлению имуществом РАО «ЕЭС России». В соответствии с этим же Указом Президента РФ коллегия представителей государства в совете директо-

ров акционерного общества возглавляет президент РАО «ЕЭС России», который одновременно является председателем правления.

Я предложил Виктору Степановичу Черномырдину самому возглавить совет директоров РАО «ЕЭС России». После недолгих раздумий он отказался от этого предложения. Рассмотрев ряд других кандидатур, мы пришли к выводу, что на данном этапе будет более целесообразным, если и председателем совета директоров будет сам президент РАО «ЕЭС России».

Правительство РФ утвердило пятнадцать членов совета директоров РАО «ЕЭС России» и вошедших в его состав семерых представителей государства: президента, председателя совета директоров и председателя правления РАО «ЕЭС России» Анатолия Федоровича Дьякова, заместителя Председателя Правительства РФ, министра внешнеэкономических связей РФ Олега Дмитриевича Давыдова, первого заместителя председателя Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом Петра Петровича Мостового, первого заместителя министра экономики РФ Андрея Георгиевича Шаповальянца, заместителя Председателя Государственного Комитета РФ по антимонопольной политике Юрия Ивановича Бурлинова, заместителя министра топлива и энергетики РФ Юрия Николаевича Корсуна и заместителя министра финансов РФ Сергея Васильевича Горбачева.

От субъектов Российской Федерации в совет директоров РАО «ЕЭС России» были избраны три человека: генеральный директор АО Дальэнерго Юрий Дмитриевич Башаров, генеральный директор АО Свердловскэнерго Валерий Николаевич Родин и генеральный директор АО Колэнерго Виталий Николаевич Мешков.

Собрание миноритарных акционеров избрало в состав совета директоров РАО «ЕЭС России» пятерых своих представителей: генерального директора АО Тюменьэнерго Валентина Федоровича Богана, генерального директора АО Ставропольэнерго Евгения Андронниковича Желтикова, генерального директора АО Красноярскэнерго Владимира Михайловича Иванникова, первого заместителя Председателя Правительства г. Москвы Бориса Васильевича Никольского, генерального директора АО Колымаэнерго Владимира Алексеевича Пехтина.

Акт о регистрации РАО «ЕЭС России» был подписан 31 декабря 1992 года. На гербе нашего общества изображен двуглавый орел с раскинутыми на фоне расходящихся лучей крыльями. Все это символизирует единство системы, которая словно энергетический мост соединяет европейскую и азиатскую части нашей страны, обогреваемой потоками света и тепла.

Когда древнегреческий философ Эмпедокл высказывал предположение о том, что для прохождения из одной точки в другую свету требуется время, он, скорее всего, не мог и помыслить, что не пройдет и пары де-

сятка веков и на Земле возникнет целая отрасль — электроэнергетика, главной задачей которой станет выработка и доставка этого света человеку. И только работникам этой отрасли очевиднее других станет простая истина: прежде чем в квартирах людей, в общественных зданиях и производственных корпусах загорятся яркие электрические лампочки, заработают бытовые приборы и загудят машины и станки необходимо не только время и даже не материальные расходы, но и огромные затраты душевных сил и физической энергии как отдельных сотрудников, так и огромных коллективов, объединенных и озабоченных одной целью — сохранением единства энергосистемы.

Параллельно с выстраиванием здания РАО «ЕЭС России» происходило становление созданного в 1990 году Электробанка и налаживание деятельности собственной страховой компании Энергогарант, зарегистрированной в декабре 1992 года.

На первом заседании совета директоров РАО «ЕЭС России», состоявшемся в январе 1993 года, был утвержден состав правления РАО в количестве девяти человек. В него вошли: президент РАО «ЕЭС России» Анатолий Федорович Дьяков, вице-президент РАО «ЕЭС России» Анатолий Иванович Барановский, вице-президент РАО «ЕЭС России» Олег Викторович Бритвин, вице-президент РАО «ЕЭС России» Семен Яковлевич Лащенко, начальник департамента экономики РАО «ЕЭС России» Николай Дмитриевич Бойко, начальник департамента финансов РАО «ЕЭС России» Евгений Иванович Борисов, начальник департамента эксплуатации энергосистем и электрических станций РАО «ЕЭС России» Владимир Иванович Городницкий, начальник департамента стратегического управления и контроля Виктор Викторович Нечаев, начальник департамента энергетического строительства РАО «ЕЭС России» Валерий Арташесович Саакян.

Акционирование электроэнергетики России с созданием РАО «ЕЭС России» — фирмы, полностью соответствующей рыночным условиям, было проведено собственными силами, в кратчайший срок и без привлечения каких-либо дополнительных средств. Переход на новую форму управления энергетикой страны произошел без каких-либо коллизий, быстро и незаметно для потребителей. Была проделана огромная работа по созданию оптового рынка электроэнергии, производимой субъектами рынка — электростанциями, ставшими самостоятельными юридическими лицами.

Что помогло нам добиться поставленной цели? Прежде всего, убежденность в своей правоте и твердость в следовании заданным курсом. Наша убежденность базировалась на осознании значимости сохранения единой энергосистемы, а твердость подпитывалась неоспоримостью идеи.

Выжить — во что бы то ни стало!

Несмотря на загруженность внутренними проблемами, мы ни на минуту не прекращали работу, направленную на развитие международных контактов российских энергетиков с коллегами из зарубежных стран. Яркой по своему содержанию была поездка большой делегации энергетиков России в Мадрид для участия в XV Исполнительной ассамблее Мирового энергетического совета (МИРЭС). Возглавлял делегацию по должности я — председатель Российского национального комитета (РНК) МИРЭС, заместитель министра — председатель Комитета электроэнергетики Министерства топлива и энергетики РФ. В работе Исполнительной ассамблеи принимал участие король Испании Хуан Карлос I с супругой и сыном — наследным принцем.

Дипломатические отношения между СССР и Испанией были установлены довольно поздно — лишь после смерти Франко, в 1977 году. Большой вклад в развитие экономических, научно-технических и культурных связей нашей страны с Испанией в начале 90-х годов внес посол СССР Игорь Сергеевич Иванов, впоследствии министр иностранных дел РФ, а ныне — секретарь Совета Безопасности России. При каждом посещении Испании мы чувствовали реальную поддержку со стороны российского посольства и лично И. С. Иванова как посла нашей страны. С какой любовью и гордостью за Россию он рассказывал нам о своем посольстве, знакомил со зданием, прекрасными картинами Ильи Глазунова! В посольстве нашей страны в Испании царил русский дух, в нем пахло Русью.

Столица Испании, традиционно встречающая туристов тепло и приветливо, оставила у меня немало приятных воспоминаний. Помню разносившийся по улицам Мадрида аромат цветущих роз, маков, других дивных цветов. Все вокруг свидетельствовало о стабильности, благополучии и достатке. Приезжающих в столицу встречают бесстрашный костлявый Дон Кихот и его верный оруженосец Санчо Панса, трусящие на своих одрах под пристальным и заботливым взглядом Сервантеса. В художественном музее Прадо, в других выставочных залах родины иберов посетители любят картины великих художников Эль Греко, Веласкеса, Сальвадора Дали, Гойи. В Мадриде похоронены многие зна-

менитости, составляющие гордость национальной культуры и науки. В их числе — Мигель де Сервантес Сааведра, Кальдерон де ла Барка, Франциско Гойя, Лопе де Вега, художник Клаудио Коэльо.

Испания сумела спокойно и беспристрастно разобраться в перипетиях своей истории и добиться согласия и примирения между противоборствующими лагерями. Символом примирения служит мемориал Эскориал, расположенный в 80 километрах от Мадрида. Это огромный храм-пантеон, выполненный в виде грота, над которым возвышается гора, а над ней парит гранитный крест, видимый за десятки километров. Здесь захоронен Франко с соратниками и их противники — республиканцы. Подобное примирение давным-давно состоялось в Америке между южанами и северянами. Хорошо бы уже и в России повернуть на путь поиска точек соприкосновения между противоборствующим силами, не ограничиваясь сменой «дня примирения и согласия» на «день народного единения»...

Министерство топлива и энергетики РФ, РАО «ЕЭС России» и другие фирмы нашей страны, имеющие деловые интересы на Пиренейском полуострове, установили и развивают взаимовыгодные экономические связи с соответствующими компаниями Испании. На территории Испании при участии РАО «ЕЭС России», корпорации «Единый электроэнергетический комплекс» («ЕЭЭК») и АО Энергомашкорпорация было создано одно из многих совместных предприятий «Энергия Руссо-Эспаньола» (ИРЭСА). К сожалению, результаты деятельности этого СП, по вине учредителей этой фирмы с испанской стороны, были разорительными. Испанскую сторону в руководстве фирмы представляли люди, родившиеся в России, но теперь живущие в Испании. Эти полуиспанцы использовали партнерство только в личных интересах.

Но основным фактором, влиявшим на состояние духа, помыслы и дела моих коллег, оставались все-таки события, развивавшиеся внутри страны. Вспоминаю обстановку, царившую в первой половине декабря 1992 года, когда VII съезд народных депутатов РФ утверждал кандидатуру В. С. Черномырдина на должность Председателя Правительства России. Мои товарищи по ТЭК с пониманием встретили новое назначение. Искренне радуясь за коллегу, с которым у нас всегда были дружеские отношения, я в душе желал Виктору Степановичу успеха на посту руководителя кабинетом министров страны, находившейся на сложном перепутье. Около пяти лет мне посчастливилось работать под руководством Черномырдина, большого знатока своего дела, профессионала с большой буквы. За это время я его ни разу не подводил.

4 мая 1993 года первым заместителем Председателя Правительства РФ был назначен О. Н. Сосковец, опытный производственник, умевший, как писали о нем газеты, держать в руках не только ручку, но и

молоток. Назначение Олега Николаевича породило во мне некоторые надежды на конструктивное сотрудничество. Но вскоре, откуда ни возьмись, появилась «черная кошка». Ее роль хорошо исполнил Владимир Николаевич Костюнин, занявший должность первого заместителя министра топлива и энергетики РФ. Я с ним познакомился по работе, когда он был заместителем председателя Государственного комитета СССР по материально-техническому снабжению. Владимир Николаевич занял негативную позицию по отношению к РАО «ЕЭС России», выпячивал свои знания в области электроэнергетики, особенно по вопросам обеспечения топливом. К сожалению, Сосковец к нему прислушивался, и это обстоятельство придавало действиям Костюнина живительный импульс и подтверждало справедливость древней сентенции о том, что благополучие негодяев ставит под сомнение существование богов.

Тем временем все большие обороты набирала приватизация государственной собственности. Ее проводили на волне широкой пропагандистской кампании, непомерно раздувавшей весомость изобретенных специально для граждан России ценных бумаг, получивших название «ваучеры». Приватизация, в зависимости от того, какие цели перед ней ставятся и каким способом она проводится, может одновременно стать и двигателем экономического развития, и причиной экономического упадка государства. Это положение было неоднократно подтверждено мировой практикой. Приватизация в короткий срок и в таких масштабах не оправдала возлагавшихся на нее надежд: замерли целые народнохозяйственные отрасли, сократились объемы производства, медленно умирала торговля, придушенная костлявой рукой дефицита.

Я полагаю, что любое изменение формы собственности должно способствовать улучшению экономических показателей, повышению производительности труда, росту эффективности производства. К сожалению, самые первые шаги в приватизации не оправдали надежд на лучшее. В нашей стране все пошло шиворот-навыворот, объемы производства стали свертываться, а цены на продукцию — расти.

Перед нами, энергетиками, также стояла огромная масса проблем, связанных с реализацией государственной политики по приватизации. В январе 1993 года в руководстве Минтопэнерго РФ произошли изменения. Указом Президента РФ министром топлива и энергетики России был назначен Ю. К. Шафраник. Мы были с ним знакомы с конца 80-х годов и всегда поддерживали хорошие, деловые отношения. К моменту его назначения РАО «ЕЭС России» было зарегистрировано. Мы сделали все, чтобы сохранить единую электроэнергетическую систему России.

Самое трудное состояло в том, что этот огромный объем работы по коренному изменению формы управления государственной собственнос-

тью через акционирование с передачей необходимой части акций в руки членов трудовых коллективов энергетических предприятий, пришлось по времени на конец 1992 и начало 1993 года — в период прохождения осенне-зимнего максимума нагрузки в ЕЭС. Но многотысячный коллектив профессионалов-энергетиков, днем и ночью нацеленных на обеспечение надежного и бесперебойного энергоснабжения всех потребителей, успешно справился с этой задачей: грамотно и четко осуществил процедуру акционирования по всей электроэнергетической отрасли России.

Эта огромная по своим географическим масштабам и глубокая по смысловому содержанию работа осложнялась борьбой за власть, развернувшейся в России накануне и сразу же после проведения в Москве VIII и IX съездов народных депутатов РФ, прошедших в марте 1993 г. Различные политические силы не оставляли надежд втянуть руководство РАО «ЕЭС России» в свои политические сети. Нужно было действовать смело и решительно, чтобы предотвратить подобного рода попытки и объединить все отрасли экономики, работающие в интересах энергетики страны. Одним из таких практических шагов было учреждение и регистрация общероссийской политической общественной организации — Российский энерготехнологический конгресс (РОТЭК). Он стал одним из эффективных инструментов в борьбе за сохранение единства энергосистемы России, которое я рассматриваю в качестве неперменной предпосылки для сохранения единой и неделимой России. Президентом РОТЭК единогласно избрали меня.

В апреле 1993 года состоялся Всероссийский референдум, на котором Президент РФ Б. Н. Ельцин получил хотя и не подавляющее, но существенное доверие народа. Результат всенародного голосования стал для него мандатом для проведения более решительных мер в области социально-экономической политики. Но оппозиция не дремала. Ее авангард ринулся в атаку сразу же после опубликования президентского варианта Конституции страны. Средства массовой информации не жалели красок для описания битв и сражений, развернувшихся на российских политических подмостках вокруг нового текста Основного Закона. Одни видели в нем панацею от всех российских бед, другие называли его «конституцией монарха».

Остроту схваток усиливали такие явления, как дефицит потребительских товаров, скачки цен, возрастание в структуре товаров повседневного спроса доли импорта. Все это явилось прямым следствием проводимой либерализации цен и приватизации, начатых по-кавалерийски, наскоком, без прогнозирования возможных последствий. К 1993 году оптовые цены в промышленности в целом выросли в 34 раза, а в топливно-энергетических отраслях — в 80 раз, что вызвало лавинообразный

кризис неплатежей в народном хозяйстве, разрывало хозяйственные связи Российской Федерации со странами — участницами СНГ, между предприятиями внутри самой России.

Экономическое состояние страны создавало неблагоприятный фон для внутриполитической борьбы за власть, вспыхнувшей между Ельциным, с одной стороны, и Верховным Советом РФ и вице-президентом РФ Руцким — с другой. Первая кровь пролилась 1 мая 1993 года во время вооруженного столкновения противоборствующих сил на улицах Москвы. Выступая 12 августа в Доме российской прессы, Борис Николаевич сделал многозначительное заявление о своем намерении расправиться с оппозицией. 18 сентября, вместо отстраненного Лобова, первым заместителем Председателя Правительства России, вопреки воле Верховного Совета РФ, он назначил Е. Т. Гайдара.

В восемь часов вечера 21 сентября Президент РФ подписал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», а на следующий день в Москве открылся X внеочередной (чрезвычайный) съезд народных депутатов России, который прекратил президентские полномочия Ельцина, возложив их на Руцкого. Народные избранники решением съезда утвердили в должностях: министра обороны — генерал-полковника Владислава Алексеевича Ачалова («вытащен» из запаса, в котором находился с ноября 1991 года), министра безопасности — генерала армии Виктора Павловича Баранникова (накануне уволенного с военной службы по болезни), исполняющего обязанности министра внутренних дел — Андрея Федоровича Дунаева. Занимавшие эти должности (соответственно) Павел Сергеевич Грачев, Николай Михайлович Голушко и Владимир Федорович Ерин были отправлены в отставку. В телеэфире прозвучало обращение Ельцина, в котором он рассказал «россиянам» о глубоком кризисе государственности. В эти же дни был создан Федеральный информационный центр (ФИЦ) во главе с Михаилом Никифоровичем Полтораниным, который обеспечивал пропагандистскую поддержку Бориса Николаевича.

28 сентября Дом Советов РФ был окружен тройным кольцом подразделений МВД, экипированных для ведения силовых действий. Сотрудникам МВД заведомо объяснили, что они прибыли уничтожить не кого-нибудь, а коммуно-фашистов. 2 октября на Смоленской площади произошли столкновения демонстрантов, представлявших движения «Трудовая Россия» и «Трудовая Москва», с подразделениями специального назначения. 3 октября в Москве начались события, оставшиеся в истории как «октябрьские». Пользуясь случаем, Лужков объявил о разгоне Советов города Москвы и передаче их имущества в фонд города. Под запретом оказались оппозиционные средства массовой информации, в

том числе газеты «Советская Россия», «Правда», «День», «Народная правда» и «Гласность», телепрограммы «600 секунд», «Парламентский час» и «Русский дом». Объявил о своем уходе в отставку Председатель Конституционного Суда России Валерий Дмитриевич Зорькин.

4 октября 1993 года по Дому Советов России был открыт огонь из танковых орудий. Какая-то зарубежная газета написала тогда, что Президент РФ Борис Ельцин вошел в историю России точно так же, как король Луи-Филипп — в историю Франции: оба пролили кровь «в целях излечения».

«Октябрьские события» тяжело отразились на политической и экономической жизни страны. В те трагические дни все видели взлет и падение новоявленных вождей-однодневок, которые сначала хорохорились, призывая бомбить Кремль и выбивать «жидов» из Останкино, а затем в одночасье превратились в унылых и безвольных меланхоликов. Большие планы и смелые замыслы оппозиции обернулись жалким зрелищем, а действия победителей напоминали расправу.

В смутные октябрьские дни 93-го я впервые был предан энергетиками. Тогда разве что уличные лоточники не отдавали мне команду на отключение электричества от Дома Советов. Я отбивался, насколько мог, отвечая, что готов выполнять только официальные распоряжения Правительства РФ. На эту тему пытался со мной говорить и Шафраник. Когда я его спрашивал, можно ли считать отданное им распоряжение официальным, он шел на попятный и заявлял: «Нет, никаких официальных распоряжений я давать не собираюсь».

Моя официальная позиция была безупречной. Но кто-то запустил обо мне сплетню: будто бы я противодействую каким-то правительственным установкам. 6 октября мне вручили письмо от столичного головы. В нем предписывалось «в целях усиления управления» выделить Мосэнерго из РАО «ЕЭС России» и передать его в подчинение московской мэрии. На письме рукой Ельцина было написано: «Согласиться».

Я пригласил к себе генерального директора ОАО Мосэнерго Серебрянникова и напрямую спросил:

— Кто готовил это письмо?

Он заявил, что не знает, — и это было неправдой. Оказалось, что готовил и визировал это письмо сам генеральный директор, которого я уважал как «технаря», специалиста-теплотехника, не жалевшего сил для повышения уровня эксплуатации оборудования Московской энергосистемы. Нестор Иванович везде и всюду подчеркивал свою преданность Единой энергосистеме России, демонстрировал свою принципиальность, а в трудные минуты дал слабину. Это было для меня ударом.

Но времени на переживания не было. Я подготовил на имя Б. Н. Ельцина письмо, в котором постарался аргументировано доказать,

что подобная передача повлечет за собой целую цепочку нарушений: Указа Президента РФ, ряда Законов РФ, положений, изложенных в программе приватизации, других документов. Письмо подписали Шафраник и я. Вскоре стало известно, что нас поддержала Администрация Президента РФ. Но с этого времени мое отношение к Серебрянникову резко изменилось: он упал в моих глазах. Разве можно делить собственность, разрушая этим ЕЭС России, да еще когда вокруг стреляют? Хотя бы предупредил. Естественно, передача Мосэнерго мэрии не состоялась.

В начале нового 1994 года мы подвели итоги, сделали прогноз на ближайшее будущее. Анализ социально-экономического развития страны прошедшего года позволил нам сделать вывод, что 1993 год был потерян для коренных преобразований в экономике, серьезной структурной перестройки и оздоровления народного хозяйства. Хотя в 1993 году и наблюдалось некоторое замедление спада в экономике, но происходило это, скорее, не в результате продуманных действий наших «реформаторов», а вследствие постепенного исчерпания ранее накопленного потенциала. В течение года нарастала проблема взаимных неплатежей предприятий, отчего в первую очередь страдала энергетика. Принятое в стране решение о вексельной форме учета задолженности предприятий с последующей, возможной, процедурой принудительного их банкротства для нас, энергетиков, имеющих двукратное превышение дебиторской задолженности за отпущенную электроэнергию над кредиторской — за топливо и материальные ресурсы, не решало проблему финансового обеспечения надежной и бесперебойной работы энергопредприятий и ЕЭС в целом.

1993 год стал годом решительного ускорения процесса приватизации. В акции были обращены миллионы приватизационных чеков населения. Процесс невиданного в истории перераспределения собственности остановить уже было невозможно. К сожалению, российские экономисты и политики до сих пор не дали правильную оценку периоду «ваучеризации» России, не выявили все его плюсы и минусы для экономики, не определили тяжесть социальных и политических последствий. Но уже тогда было видно, что приватизационные чеки послужили на благо только узкой группе лиц, близких к вершине пирамиды власти. Об этом свидетельствовала разница в доходах между бедными и богатыми, которая выражалась отношением 1:26.

12 декабря 1993 года в стране была организована значимая политическая акция, включавшая в себя референдум по проекту Конституции РФ и выборы депутатов парламента России нового состава. Декабрьская (1993 г.) Конституция РФ закрепила важнейшие изменения в политической системе России. Новый парламент страны состоял теперь из двух палат: Совета Федерации и Государственной Думы РФ. Был сделан

окончательный выбор в пользу президентской республики, в которой представительные органы стали играть значимую, но не первостепенную роль. Отныне у них было отнято, ранее казавшееся неизбежным, право вторгаться в сферы полномочий исполнительной и судебной властей, чем не раз грешили прежние представительные органы.

В январе 1994 года, в соответствии с положениями Основного Закона страны, Президент РФ произвел реформирование российского правительства, имевшее целью развести функции президентской и исполнительной вертикалей. Правительство РФ сосредоточило в своих руках высшие функции хозяйственного управления, став преимущественно органом хозяйственной и экономической политики. А президентская вертикаль сконцентрировала функции политического руководства — от высших президентских органов до местных администраций. Подобное разграничение полномочий между ветвями власти, свойственное президентским республикам, не нашло поддержки со стороны лидеров оппозиционных сил России в связи, как они полагали, с имеющейся возможностью воспользоваться новой Конституцией для создания в стране авторитарного режима.

Несмотря на все политические катаклизмы, происходившие в стране в 1993 году, энергетики выполняли свой профессиональный долг. В этом году были введены в эксплуатацию энергоблок № 4 на Балаковской АЭС, два энергоблока по 110 МВт в Мосэнерго на ТЭЦ-12 и ТЭЦ-11. На Западно-Сибирской ТЭЦ по плану реконструкции введен агрегат № 1 мощностью 60 МВт. По планам технического перевооружения введены в эксплуатацию энергоблок № 7 на Томь-Усинской ГРЭС (200 МВт), два агрегата в Мосэнерго — № 7 на ТЭЦ-9 (65 МВт) и № 1 на ТЭЦ-28 (25 МВт), агрегат № 1 на Беловской ГРЭС (200 МВт) и агрегат № 9 на Орловской ТЭЦ-1 (65 МВт). Введены энергоблоки № 6 на Гусиноозерской ГРЭС (210 МВт), 1-й энергоблок на Псковской ГРЭС (215 МВт), агрегат № 6 на Владимирской ТЭЦ-2 (15 МВт), энергоблок № 3 на Ульяновской ТЭЦ-2 (100 МВт).

В течение первого года существования РАО «ЕЭС России» были введены в эксплуатацию высоковольтные линии электропередачи ВЛ-500 кВ: Усть-Илимская ГЭС — Лена восточная протяженностью 282,6 км; Гусиноозерская ГРЭС — Иркутск (участок линии по Иркутской области длиной 145 км); Приморская ГРЭС — Чугуевка протяженностью 295,5 км. Построены линии электропередачи на напряжение 330 кВ: Курск — подстанция «Сеймская» — 421 км, Псковская ГРЭС — Новоосокольники — 145,2 км, заходы на подстанцию «Каменогорская» — 65 км.

Протяженность линий электропередачи в РАО «ЕЭС России» всех напряжений увеличилась на 7 тыс. км. Тем самым протяженность высоковольтных линий всех напряжений достигла 2568 тыс. км. Но, к большо-

му сожалению, в стране продолжались процессы свертывания объемов производства, поэтому энергетики были вынуждены снижать на электростанциях выработку электроэнергии. За год производство электроэнергии снизилось на 50 млрд. кВт.ч, достигнув уровня 956,6 млрд. кВт.ч.

В этом же году — в самый напряженный месяц октябрь — в Санкт-Петербурге нами, энергетиками, была произведена закладка первого кубометра бетона в основание Северо-Западной ТЭЦ — электростанции, строившейся с новейшей технологией — комбинированным парогазовым циклом. На церемонии закладки присутствовали первый заместитель мэра города Санкт-Петербурга Владимир Анатольевич Яковлев, заместитель президента РАО «ЕЭС России» Семен Яковлевич Лащенко, генеральный директор АО Ленэнерго Семен Арменакович Казаров, председатель Технопромэкспорт С. М. Боков и я. От иностранных фирм — членов консорциума присутствовали президент финской энергокомпании «IVO» Калеви Нуменен, исполнительный директор компании «Polar Electro-ou» Ибго Арто и группа представителей немецкого концерна «Siemens AG» во главе с членом правления Петером Швегманном.

Все мы стали свидетелями первого шага к реализации мечты, как моей личной, так и многих моих коллег-энергетиков и машиностроителей России, — начала строительства в нашей стране крупных электростанций на базе парогазовых установок. К этому моменту все мы шли довольно долго, и в том, что он настал, немалая заслуга принадлежит вновь созданному РАО «ЕЭС России». Самое главное в том, что усилиями акционерного общества удалось найти 350 миллионов долларов США, которые пошли на финансирование строительства первого блока мощностью 450 МВт, состоящего из двух газовых и одной паровой турбин мощностью 150 МВт каждая.

Началу этого строительства, как я уже писал, предшествовала большая и кропотливая работа по созданию концерном «Siemens AG» и Ленинградским металлическим заводом (ЛМЗ) СП Интертурбо, задачей которого стало совместное производство на площадях ЛМЗ газовых турбин ФАУ-94-2 мощностью 150 МВт. На стройплощадке Северо-Западной ТЭЦ с первых дней царил нетипичная для России аккуратность и чистота. Вот что писала, например, газета «Известия»: «Новую стройку начали в абсолютно необычных условиях — на стройплощадку дамы приходили в вечерних туфлях, а прилетевший на торжество заместитель торгового представителя России в Финляндии Николай Гурин так и не распаковал захваченные по привычке высокие сапоги».

Любая страна, поставившая своей целью развитие экономики, в том числе и в рыночных условиях, должна изыскивать возможности как для сохранения имеющихся в стране энергетических мощностей и своевре-

менного проведения их технического перевооружения, так и для возведения мощностей дополнительных, необходимых для замены тех, что уже выработали свой ресурс, предусматривать необходимые для этого инвестиции в тарифе на электроэнергию. Источником рублевых инвестиций для развития электроэнергетики у нас в стране была принята 16-процентная составляющая в тарифе на электроэнергию.

В постановлении Правительства РФ, которого энергетики с трудом добились при письменной поддержке почти всех субъектов Российской Федерации, было определено, что одна половина от суммы предназначалась для акционерных обществ, созданных на базе бывших энергосистем, а другая — сосредоточивалась в РАО «ЕЭС России». Привлечение инвестиций со стороны для строительства новых электростанций происходит, как правило, в тех странах, где установлен высокий тариф на электроэнергию или существуют правительственные гарантии, позволяющие обеспечить быструю окупаемость и возврат средств инвестору. И, конечно же, следует учитывать, что уровень тарифов на электроэнергию всегда зависит от материального благосостояния населения: уровня зарплаты, величины прожиточного минимума и других показателей.

Первый год существования РАО «ЕЭС России» убедительно доказал, что мы создали эффективную, соответствующую рыночным условиям, компанию, обеспечивающую как надежное и бесперебойное снабжение потребителей электроэнергией, так и перспективное развитие Единой энергетической системы страны.

Глава 46

Сосковец

3 марта 1994 года умер мой брат. Печальная весть застала меня в Брюсселе, куда я прилетел из Давоса, где принимал участие в работе Международного экономического форума. Срочно вернувшись в Москву, я едва успел добраться до станции Марьинской, чтобы отправить в последний путь самого близкого мне человека.

В это время Олег Николаевич Сосковец проводил заседание Оперативной комиссии Правительства РФ. РАО «ЕЭС России» представлял заместитель президента акционерного общества Анатолий Иванович Барановский. На заседании рассматривался вопрос о повышении тарифов на электроэнергию, которые по нашим расчетам утверждала Государственная федеральная комиссия. В адрес РАО «ЕЭС России», в мой личный и Барановского прозвучала острая, но не совсем обоснованная критика. Сосковец предложил снять меня и Анатолия Ивановича с работы. Вездесущая пресса по-своему трактовала мое отсутствие на заседании, утверждая, что будто бы я специально спрятался от начальственного гнева.

Вернувшись с похорон брата, я стал продумывать возможные варианты исхода развязанной против меня борьбы и способы предотвращения негативных последствий для энергетики и для себя лично. В апреле 1994 года я собрал в городе Пятигорске руководителей всех наших энергосистем, электростанций, ремонтных и строительно-монтажных организаций. Мы всесторонне обсудили создавшуюся ситуацию, а затем подготовили и подписали документ о создании электроэнергетической ассоциации — «Корпорация «Единый электроэнергетический комплекс» («ЕЭЭК»). За образец мы взяли Ассоциацию энергетиков США.

Кое-кто тогда увидел в наших действиях тайный умысел: дескать, корпорация возникла не зря, ей отведена роль защитницы моей персоны. Корпорация была создана с целью оказания общественной защиты интересов входящих в нее юридических лиц, лоббирования интересов энергетики в Администрации Президента РФ, Правительстве РФ, Совете Федерации РФ и Государственной Думе РФ, в субъектах Российской Федерации. Главная ее задача — сохранение Единой энергосистемы России и ее элементов, сохранение строительно-монтажных, ремонт-

ных и машиностроительных организаций и комплексов, призванных эффективно способствовать ее функционированию.

Естественно, исходя из задач ассоциации, президентом корпорации избрали меня. Коллеги мне доверяли, и я старался их доверие оправдать. Но суровый рык, раздавшийся вскоре из поднебесных сфер, не позволил мне долго пребывать на лаврах. Из подписанного В. С. Черномырдиным постановления Правительства РФ я узнал, что мне объявлен выговор. В этом же документе председателю совета директоров РАО «ЕЭС России» А. Ф. Дьякову предписывалось снять с работы А. И. Барановского.

Мне ничего не стоило выполнить правительственное постановление. Но во мне заговорила оскорбленная честь. Уволить Анатолия Ивановича — означало признать и свою вину. Обсуждение этого вопроса я вынес на заседание совета директоров РАО «ЕЭС России». Итог был такой: восемь человек (с превышением в один голос) проголосовали против увольнения Барановского. Я направил в Правительство РФ докладную, в которой сообщил об отказе совета директоров РАО «ЕЭС России» снять А. И. Барановского с должности заместителя президента РАО «ЕЭС России» и объявлении ему выговора.

«Строптивное» поведение коллегиального органа управления акционерным обществом стало причиной «необъявленной войны», которую развязал против меня Сосковец. Ее холодное дуновение я чувствовал буквально из каждой щели. Но идти к нему на поклон я не собирался. В это время я назначил вице-президентом — главным инженером РАО «ЕЭС России» В. В. Кудрявого, прошедшего под моим началом немало должностей. Я знал о неустойчивости характера Виктора Васильевича. Но не разглядев в нем тогда элементы карьеризма, о которых мне говорил управляющий Мосэнерго Серебрянников, когда ставил вопрос об освобождении Кудрявого с должности главного инженера Московской энергосистемы, я перевел его на должность начальника Главного технического управления Минэнерго СССР. Нестор Иванович оказался прав.

Прошло некоторое время, и я отправился вместе со «свеженазначенным» Кудрявым на заседание, которое по инициативе профсоюзов проводил Сосковец. В повестке дня стоял острый вопрос: о неплатежах по заработной плате на предприятиях Министерства атомной энергии. Профсоюзы требовали снятия с должности министра Виктора Никитовича Михайлова. Конечно, проблема неплатежей за электроэнергию была общей головной болью. Поскольку за выработанную на атомных электростанциях электроэнергию расплачиваться с ними должны энергосистемы РАО «ЕЭС России», то в этой ситуации всю вину за накопившиеся неплатежи по заработной плате своему персоналу Минатомэнерго возлагало, естественно, на нас.

Мои объяснения Сосковец выслушал спокойно, без каких-либо «накатов». Я доложил график погашения задолженности, с которым он согласился. Но представители профсоюзов были непреклонны и продолжали требовать снятия министра Михайлова с работы.

Обстановка была накалена. Сидевший рядом со мной В. В. Кудрявый все время тербил меня, выражая желание выступить на этом совещании. Я спросил его:

— Что нового ты можешь предложить в этой ситуации? Лучше сиди и слушай.

Но он поднял руку и попросил слова. В своем выступлении Виктор Васильевич отошел от обсуждаемой темы. Он начал доказывать, как трудно приходится нам самим, энергетикам, что еще больше обозлило профсоюзников и обострило ситуацию.

Сосковец послушал его немного и резко спросил:

— Откуда взялся этот «свисток»? Уберите его отсюда! Кто его пустил сюда? Прошу больше не пускать!

Когда Кудрявый сел на свое место, я спросил его:

— Ну что, получил?

Позднее мне пришлось вместе с Олегом Николаевичем лететь в одном самолете на совещание по проблемам, связанным с проектом «Черноморское электроэнергетическое кольцо». В его работе принимали участие первые руководители России, Украины, Румынии, Турции, Албании, Греции, Грузии, Армении, Азербайджана. В российскую делегацию были включены Вагит Юсуфович Алекперов, один из заместителей председателя правления Газпрома и я. Удобно устроившись в хвостовой части Ил-62, я задремал. Вдруг словно что-то подтолкнуло меня. Я открыл глаза — и увидел перед собой Сосковца.

Мы поздоровались. Он сказал:

— Ну, Анатолий Федорович, спасибо! Молодец — не стал мельтешить.

Я ответил:

— Это не в моем характере. Мне больше нравится заниматься делом, а не перетряхиванием грязного белья в чужом сундуке.

— Все! — решительно тряхнул головой Олег Николаевич. — Будем работать.

С этого момента у нас установились хорошие деловые отношения.

Только улеглись страсти борьбы с первым заместителем Председателя Правительства России, как начался прессинг со стороны заместителя Председателя Правительства РФ Анатолия Борисовича Чубайса. За срывы в обеспечении электроэнергией потребителей Дальнего Востока он требовал снять с должности генерального директора Дальэнерго Ю. Д. Башарова.

Юрий Дмитриевич в энергетике Приморья был отнюдь не новичок. Как генеральный директор ОАО Дальэнерго, он знал все сильные и слабые места дальневосточной энергетики. Необузданность действий главы Администрации Приморского края Е. И. Наздратенко, обвинявшего во всем Центр, привело его к противостоянию с А. Б. Чубайсом. Посылая стрелы в такого специалиста, как Башаров, Чубайс хотел, естественно, наказать в первую очередь Наздратенко. Чтобы сохранить Башарова, я объявил ему выговор, но с должности не снял. Узнав о принятых мерах в отношении руководителя Дальэнерго, Анатолий Борисович со скрытым упреком сравнил мои действия с манерами типичного секретаря обкома партии.

Не каждый год оставляет в нашей жизни яркие отметины. Отдельные периоды времени протекают до того безлико, что порой бывает довольно непросто что-нибудь о них вспомнить. Но 1994-й — особый год в моей биографии. Навсегда ушел старший брат, и на свете из всей нашей семьи я остался один. Важной вехой в моей научной деятельности, длившейся более четверти века, стало избрание меня в последний день марта членом-корреспондентом Российской академии наук. Огромное удовлетворение приносили итоги успешной работы вновь созданной компании. Приятно было осознавать, что мы не ошиблись с созданием Российского акционерного общества энергетики и электрификации — РАО «ЕЭС России».

Деятельность энергетиков, как и работников других отраслей промышленности страны, проходила в обстановке нараставшего политического и экономического кризиса. Поэтому Правительство РФ, Министерство топлива и энергетики РФ мало обращали внимания на деятельность РАО «ЕЭС России», предоставляя нам возможность самим выплывать из экономического водоворота. О нас вспоминали только при возникновении аварийных ситуаций, происходивших время от времени в каких-нибудь субъектах Российской Федерации. За факты отключений потребителей от источников электроэнергии, по каким бы причинам это ни происходило, нас безжалостно критиковали на всех уровнях — и в субъектах Российской Федерации, и в Правительстве РФ. В каждом случае непременно звучали угрозы строгого наказания. Но никто не хотел понимать, что наши возможности — это кувшин, из которого выливается ровно столько, сколько в него налито.

Главной бедой для всех энергосистем и РАО «ЕЭС России» в целом все больше и больше становилась проблема неплатежей за электроэнергию. Но мы, на протяжении многих лет воспитанные на правиле, гласящем, что в мире нет причин, какие могли бы оправдать перебои с обеспечением потребителей электроэнергией, старались, несмотря ни на что, бесперебойно поставлять ее абонентам. Доля денежных средств, посту-

павших к нам в качестве оплаты за отпущенные электроэнергию и тепло, снизилась до уровня менее чем 30%. Этой суммы катастрофически не хватало, чтобы рассчитаться с поставщиками топлива, ремонтными предприятиями, государственным бюджетом.

РАО «ЕЭС России» в первый год существования взяло на себя функции, связанные с реализацией электроэнергии, освободив от них электростанции, выведенные на оптовый рынок. Это был первый отрицательный опыт как для энергетиков, так и для потребителей энергии. Когда потребители стали покупать электроэнергию непосредственно в РАО «ЕЭС России», то тариф на нее подскочил за счет налога на добавленную стоимость. Став естественным монополистом, РАО «ЕЭС России» само по крупному задолжало в бюджет страны из-за недополучения денежных средств за отпущенную электроэнергию.

В январе 1994 года на заседании правления общества было принято решение отказаться от такой практики. Отныне, в соответствии с постановлением Правительства РФ и указами Президента РФ, функции РАО «ЕЭС России» ограничивались действиями по организации и координации оптового рынка электроэнергии в стране. Источником финансирования деятельности материнской компании РАО «ЕЭС России» — собственника всех системообразующих линий электропередачи, подстанций, центрального диспетчерского и объединенных региональных диспетчерских управлений, стала абонентская плата за пользование этими сетями и инвестиционная составляющая в объеме 8%, включаемая в тариф за электроэнергию, устанавливаемый государством в лице Федеральной энергетической комиссии. В рамках этих средств совет директоров РАО «ЕЭС России» утверждал смету на содержание центрального аппарата в городе Москве, численность которого на первом этапе не превышала 400 человек, а затем, в период моего руководства компанией, составила немногим более 600.

РАО «ЕЭС России» проводило огромную работу по регистрации учредительных документов с целью формирования АО-энергосистем, АО-электростанций и других акционерных обществ, создаваемых на их базе. При этом ни в одной энергосистеме, ни на одной электростанции или в каком-либо другом структурном подразделении ни на минуту не прерывался нормативный объем эксплуатационных, ремонтных и строительно-монтажных работ. Одновременно в каждом создаваемом акционерном обществе формировались руководящие органы. Все бывшие управляющие энергосистем, по аналогии с материнским обществом, каковым выступало РАО «ЕЭС России», были избраны либо президентами, либо генеральными директорами, а директора электростанций стали генеральными директорами вновь созданных АО. Из-за отсутствия кадров,

имевших опыт работы в рыночных структурах, председателями советов директоров АО избирались, как правило, руководители этих обществ, что обеспечивало безболезненное проведение процесса акционирования.

Для контроля над деятельностью избранных советов директоров РАО «ЕЭС России» ввело в их состав своих представителей. Как президент РАО «ЕЭС России», я, например, вошел в советы директоров АО Мосэнерго, Ленэнерго, Красноярскэнерго, Ставропольэнерго и ЦДУ «ЕЭС России». Формирование советов директоров при наличии контрольных пакетов по каждому акционерному обществу проводило непосредственно РАО «ЕЭС России».

Были, конечно, на этом непростом пути и промахи, порой, очень досадные. Большой личной неудачей я считаю невыполнение Указа Президента РФ при акционировании Иркутской энергосистемы. Можно, конечно, называть объективные и субъективные причины, одна из которых — моя сердобольность, желание войти в положение подчиненных, в дом которых нагрянула беда. Сейчас, наверное, об этом можно сказать открыто.

В соответствии с принятым порядком проведения акционирования энергосистем, проекты необходимых учредительных документов, в частности, Устава и учредительного протокола, готовились в РАО «ЕЭС России». Для согласования и подписания документов руководитель соответствующей энергосистемы должен был прибывать в Москву. Естественно, что был приглашен в столицу и управляющий Иркутской энергосистемой Виктор Митрофанович Боровский.

Иркутская энергосистема в соответствии с Указом Президента РФ акционировалась на условиях передачи в уставный капитал РАО «ЕЭС России» всех линий электропередачи 220 кВ и выше, а также 49% акций создаваемого акционерного общества. Построенные за счет общесоюзных, народных средств такие известные во всем мире гидроэлектростанции, как Братская, Усть-Илимская и Иркутская должны были выделиться из Иркутской энергосистемы и стать самостоятельными юридическими лицами — субъектами федерального оптового рынка электроэнергии.

К необходимому сроку Боровский в Москву не прибыл. Я потребовал по телефону письменного подтверждения его выезда в РАО «ЕЭС России». Наконец, Боровский появился. Ознакомившись с документами по акционированию Иркутской энергосистемы в департаменте РАО «ЕЭС России» по акционированию, начальником которого была Вера Ивановна Редько, Виктор Митрофанович зашел ко мне. Выглядел он подавленным.

Я спросил его:

— В чем дело? Вас что-то гнетет?

Голос Боровского дрожал:

— У меня тяжело болеет жена. Врачи сказали, что не сегодня — завтра она умрет.

— Давайте сделаем так, — решил я тогда. — Берите мою машину и поезжайте в аэропорт. Вернемся к вопросу оформления документов по акционированию Иркутскэнерго немного позже.

Он уехал и с тех пор больше никак не реагировал на мои требования прибыть в Москву. Впоследствии мне стало известно, что его жена на самом деле была сильно больна и умерла месяца через полтора после нашей встречи с ним в Москве.

Губернатор Иркутской области Ю. А. Ножиков, накануне приезда Боровского в Москву, начал вместе с ним готовить документы на акционирование Иркутской энергосистемы в качестве самостоятельной региональной компании с передачей 49% акций Комитету по имуществу Иркутской области, что противоречило Указу Президента РФ.

Иркутскэнерго было акционировано по решению Малого совета Иркутской области, главы администрации Иркутской области и распоряжению территориального агентства Госимущества РФ. Комитет по управлению госимуществом Иркутской области утвердил план приватизации, в соответствии с которым 24,5% акций предполагалось передать в областную собственность и еще 24,5% — в уставный капитал создаваемого РАО «ЕЭС России». При этом 49% акций не были переданы в собственность Российской Федерации, как не было произведено и указанного в плане приватизации разделения пакета.

РАО «ЕЭС России» попыталось вмешаться ситуацию и направить ее в рамки, определенные Указом Президента РФ. В свою очередь, губернатор Ножиков с целью подтверждения правильности действий, выполненных субъектом Российской Федерации, направил иск в Конституционный Суд РФ. В постановлении высшей судебной инстанции России от 10 сентября 1993 года говорится, что положения Указа не противоречат нормам Конституции, однако президенту РФ и органам власти Иркутской области надлежит использовать согласительные процедуры для урегулирования возникшего спора по вопросу разграничения государственной собственности. При одном голосе «против» было принято обтекаемое решение: для выполнения Указа Президента РФ надо создать двухстороннюю согласительную комиссию, в которой представители Центра и субъекта Российской Федерации должны сами обсудить форму акционирования Иркутскэнерго.

Целый год Иркутская область саботировала процедуру создания согласительной комиссии. Правительство РФ и Государственный комитет по контролю над имуществом РФ проявляли к решению создавшейся про-

блемы минимум внимания, были почти безразличны. Хотя руководство РАО «ЕЭС России» продолжало «давить» на руководителей Иркутской области, оно так и не сумело заставить их выполнить Указ Президента РФ. Ведь в Договоре о разделении сфер полномочий и имущества между Центром и Иркутской областью, как субъектом Российской Федерации, подписанном Борисом Ельциным с одной стороны и Иркутской областью — с другой, не были четко прописаны разграничения в области электроэнергетики. Разграничения должны были бы вытекать из Указа Президента РФ об особенностях акционирования предприятий электроэнергетической отрасли, имеющего силу закона. Вопрос остается открытым до настоящего времени, но чем дальше, тем сложнее его будет решить.

Что же касается Боровского, то он, не принимая во внимание очевидные факты, продолжал наводить тень на плетень. Свою версию событий Виктор Митрофанович изложил 30 августа 2001 года во время выступления на вечере памяти академика Ю. Н. Руденко, организованном в Институте систем энергетики. Боровский, в частности, сказал: «В 1993 году, в период разбирательства в Конституционном суде РФ спора между Иркутской областью и Мингосимуществом РФ о незаконности изъятия каскада ангарских ГЭС и ЛЭП-500 из состава Иркутскэнерго в пользу РАО «ЕЭС России», я обратился к Юрию Николаевичу, тогда уже академику, за поддержкой. И он, как ученый, понимающий законы функционирования макросистем, и непосредственный создатель участка такой системы в Сибири и Иркутской области, оказал мне не только моральную поддержку, но и организовал техническое заключение в пользу Иркутской области, хотя понимал, что в лице президента РАО «ЕЭС России» Анатолия Дьякова получит в этом случае противника». Вот так — коротко и ясно.

Хронические неплатежи за электроэнергию и отсутствие «живых» денег в энергосистемах не позволяли нам своевременно выполнять графики ремонтных работ и готовить энергетическое оборудование для работы в период осенне-зимнего максимума нагрузок. Чтобы облегчить энергетическим предприятиям решение таких неотложных проблем, как приобретение запасных частей, материальных ресурсов и специальной техники, мы пошли на взаиморасчеты — эту вынужденную и экономически малоэффективную форму взаимодействия региональных энергосистем с потребителями. Теперь потребители рассчитывались с нами за полученную электроэнергию своей продукцией. Наши энергетические предприятия не отказывались, но брали то, что было им необходимо, в первую очередь, для нормального функционирования самих энергосистем и электростанций. В этом смысле 1994 год может считаться благоприятным, поскольку удалось приобрести, в пределах нормати-

вов, необходимое количество техники и материальных ресурсов, чтобы обеспечить все эксплуатационные и аварийно-ремонтные бригады необходимым транспортом, специальными механизмами и связью.

Неплательщиками были и крупные предприятия, выведенные на оптовый рынок, и авиационные заводы, продукция которых — самолеты — реализовывалась на рынке слабо. Так что в качестве расчетов за электроэнергию нам предлагалась и продукция самолетостроения. В связи с этим у меня возникла идея создать в РАО «ЕЭС России» собственную авиакомпанию, которая вскоре приобрела реальные очертания.

Толчком к реализации этой идеи послужил приход ко мне племянника начальника хозяйственного управления РАО «ЕЭС России» Александра Рафаиловича Благонравова. Ранее он жил в Тбилиси, работал первым пилотом, потом ведущим пилотом-инспектором летного комплекса Грузинского управления гражданской авиации. Рассказав о своих задумках, я предложил ему возглавить будущую авиакомпанию — Авиаэнерго. Он согласился.

Компания Авиаэнерго была учреждена и зарегистрирована 30 июня 1994 года в качестве стопроцентной акционерной «дочки» РАО «ЕЭС России». К этому времени мы уже приобрели два новых самолета ТУ-154А. Впоследствии самолетный парк авиакомпании расширился. В нем появились еще один ТУ-154А, по два ИЛ-62 и ИЛ-76, самолеты АНТ-74, ТУ-134, ЯК-40 и пять вертолетов МИ-8. Грузовые самолеты служили нам для перевозки оборудования, техники и других грузов, необходимых, в первую очередь, нашим энергетическим предприятиям, а вертолеты МИ-8 — для обслуживания наших электрических сетей. Еще раз подчеркну, что авиационная техника приобреталась нами вынужденно — в качестве взаиморасчетов.

Благонравов, надо отдать ему должное, оказался прекрасным организатором и руководителем авиакомпании. Он быстро укомплектовал, в основном, за счет кадрового персонала, ранее работавшего с ним в Грузии, экипажи всех самолетов. Он сам, являясь пилотом высшего класса, быстро подобрал опытный и надежный летный состав. Когда президент РАО «ЕЭС России» объявлял о решении лететь по делам на самолете, принадлежащем Авиаэнерго, за штурвал садился генеральный директор авиакомпании. Александр Рафаилович сажал самолеты в любую погоду мягко и красиво. Я в нем не ошибся. С годами Благонравов стал прекрасным менеджером нашей авиакомпании и обеспечивал, несмотря на трудности (а они были буквально на каждом шагу), нормальное ее функционирование. Мне всегда приятно видеть в московских аэропортах авиалайнеры с бортовой эмблемой РАО «ЕЭС России» и надписью Авиаэнерго. Но сердце наливается особой гордостью, когда я это вижу за рубежом.

Финансовые трудности, с которыми энергетика постоянно сталкивалась вследствие неплатежей, заставляли нас постоянно вести поиск источников «живых» денег для оборотных средств. Такая насущная потребность подтолкнула нас к созданию своего банка. Коммерческий топливно-энергетический межрегиональный банк реконструкции и развития («ТЭМБР-банк») был учрежден и зарегистрирован 28 марта 1994 года. Председателем совета директоров банка избрали меня.

Была и другая причина, заставившая нас ускоренно создавать «ТЭМБР-банк». К этому времени для РАО «ЕЭС России» был фактически потерян созданный нами ранее Электробанк, так как ранее принадлежавшие энергосистемам акции банка были разделены между работниками этих энергосистем за счет имевшихся в то время фондов накопления госпредприятий, находившихся в ведении трудовых коллективов. При акционировании большинство энергосистем уже не располагали акциями Электробанка, которые, перейдя в личную собственность работников, стали скупаться на фондовом рынке ценных бумаг, в результате чего контрольный пакет попал, на наш взгляд, в руки нечистоплотных структур. РАО «ЕЭС России», не имевшее в этом банке своего пакета акций, постепенно прекратило обслуживаться в нем в качестве клиента. Электробанк «залихорадило», и он был объявлен банкротом.

Мы понимали, что успех вновь рожденного банка будет зависеть от того, кто станет председателем правления. Из представленных кандидатур наиболее приличный опыт ведения банковского бизнеса имел Виктор Семенович Каравдин. Я побеседовал с ним. Он произвел на меня хорошее впечатление, и на совете директоров мы утвердили его в должности председателя правления «ТЭМБР-банка». Последующие годы показали, что он оправдал наши надежды, еще более отшлифовав качества руководителя, менеджера-финансиста и организатора банковского дела. Банк стал акционерным, его уставный капитал вырос во много раз. Но самое главное состоит в том, что он безупречно обслуживает клиентов, в первую очередь, предприятия РАО «ЕЭС России» и концерна Атомэнерго.

Лицей

«Воспоминания бывают радостные, бывают печальные», — утверждал китайский классик Лу Синь. Он уподоблял их деревьям и травам, растущим в безводной пустыне, которые изо всех сил всасывают корнями влагу из источников, скрытых глубоко под землей. Мне кажется, что в окончательном виде воспоминания о собственном прошлом должны соответствовать сложности прожитой жизни, отражать все ее изломы и извивы.

Тяжелый кризис, поразивший экономику страны, не мог не отразиться на технико-экономических и финансовых показателях работы Единой энергосистемы России. Свертывание промышленного и сельскохозяйственного производства привело к тому, что на наших электростанциях в 1994 году было произведено 875,9 млрд. кВт.ч электроэнергии, что меньше на 80,7 млрд. кВт.ч, чем в 1993 году. Такое положение дел тяжелым грузом давило на уровень нашей рентабельности, сильно минимизировало прибыль. Страдали темпы капитального строительства новых электростанций и электрических сетей, почти замерли работы по техническому перевооружению и реконструкции отработавших свой ресурс энергетических объектов. Величина амортизационных средств, предназначенных для начисления на основные фонды, была смехотворно мала вследствие предпринятой Правительством РФ переоценки их стоимости в сторону занижения.

Основные фонды народного хозяйства России после их переоценки, по состоянию на 1 июля 1992 года, составили 41,3 трлн. руб., в то время как валовой внутренний продукт, произведенный в стране за 6 месяцев 1992 года, — 41,8 трлн. руб. Основные фонды Единой энергетической системы, например, оказались заниженными в десятки раз. Разве может все накопленное десятилетиями, если не веками, национальное богатство России равняться половине годового валового продукта? Это же абсурд! А ведь из основных фондов мы начисляли амортизацию, закладывали ее в цену, формировали инвестиционные ресурсы.

В 1993 году фонд накопления России, по данным Госкомстата РФ, составил по удельному весу 46,9%, а такой величины просто не может

быть! Однако так было, потому что в фонде накопления заложены не столько инвестиции, которые сами по себе минимальны, сколько находившиеся без движения, омертвленные материальные ресурсы, нараставшие объемы незавершенного строительства. Наша экономика была деформирована невообразимо, и эта деформация давила на энергетику. В энергосистемах накапливалась «незавершенка» по многим электростанциям и электрическим сетям, строительство которых было начато в последние годы существования СССР.

Тем не менее, надо было как-то выкручиваться. Мы свели в один узел все имевшиеся у нас источники денежных средств, формировавшиеся из прибыли, амортизации, инвестиционной составляющей в тарифе и дивидендов, которые начислялись на государственный пакет акций РАО «ЕЭС России» и предназначались, в соответствии с Указом Президента РФ, для перспективного развития энергосистемы страны.

Благодаря этому мы сумели в 1994 году ввести в работу новые генерирующие мощности: энергоблок № 1 на Нижневартовской ГРЭС (800 МВт), агрегат № 5 на Загорской ГАЭС (200 МВт), агрегат № 5 на Колымской ГЭС (180 МВт), агрегат № 5 на Курейской ГЭС (120 МВт), блок № 5 на Новосибирской ТЭЦ-5 (180 МВт). Трудной, но заслуженной победой был ввод энергоблока № 1 мощностью 80 МВт на ТЭЦ-1 в Йошкар-Оле.

В рамках программы технического перевооружения были введены энергоблоки: № 7 на Новокемеровской ТЭЦ (80 МВт), № 2 на Беловской ГРЭС (200 МВт), № 5 на Тольяттинской ТЭЦ (80 МВт), № 7 на ТЭЦ-16 Мосэнерго (110 МВт), № 4 на Волгоградской ТЭЦ-2 (25 МВт).

На Брянской ТЭЦ, Челябинской ГРЭС, Кемеровской ТЭЦ, Приаргунской ТЭЦ и Волховской ГЭС были введены (на каждой из них) агрегаты мощностью по 12 МВт. Также был введен ряд агрегатов мощностью от 1 до 12 МВт на ряде других электростанций.

В электрических сетях были построены и введены в эксплуатацию системообразующие высоковольтные линии: Курская АЭС — подстанция «Металлургическая» — 750 кВ, Гусиноозерская ГРЭС — Иркутск (участок на территории Бурятии) — 500 кВ, Ирганайская ГЭС — Махачкала — 330 кВ, заходы на подстанцию Шебекинского БХЗ — 330 кВ.

На 1 января 1995 года общая мощность электростанций России, с учетом выбытия выработавших свой ресурс агрегатов и фактически выполненных объемов технического перевооружения и новых вводов, составила 215 миллионов кВт.

В целом вся внутривнутриполитическая обстановка в стране в этот период носила нестабильный и взрывоопасный характер. Годовой бюджет был принят только в конце первого квартала 1995 года. Ельцин наложил вето на Закон о выборах, принятый Госдумой РФ 21 апреля, подписав его но-

вую редакцию через два месяца. После вступления в силу Закона России «Об общественных объединениях» началась кампания по массовому учреждению и регистрации в Минюсте РФ различных общественных объединений. В мае состоялся учредительный съезд новой политической организации (ее сразу назвали «партией власти») «Наш дом — Россия» («НДР»), которую возглавил Председатель Правительства РФ В. С. Черномырдин. РОТЭК вошел в «Наш дом» на правах коллективного члена, а я был избран в состав его политсовета, насчитывавшего 169 человек.

Декабрьские выборы в Государственную Думу РФ явились не более чем прелюдией к основным событиям. Во вновь избранном российском парламенте сложилась ситуация, при которой никто не обладал решающим перевесом, а любое решение становилось объектом борьбы, согласований и компромиссов. «Наш дом» получил чуть более 10% голосов. Остро звучали основные вопросы современности: «Кто будет сидеть в президентском кресле России до 2000 года?», «Будут ли продолжены реформы, продвигающие страну по капиталистическому пути, или произойдет откат к государственно-монополистической, распределительной экономике и жесткому политическому режиму?» Ответы на эти и другие вопросы целиком и полностью зависели от результатов борьбы за пост Президента России. До выборов, которые рассматривались как последнее и решающее столкновение сторонников и противников ельцинского курса, оставались считанные месяцы. Месяцы, полные драматизма.

А тем временем на южных рубежах России назревала проблема, решить которую органам государственного управления и силовым структурам не удастся до сих пор. Имя у этой проблемы короткое, как свист нагайки, — Чечня. Незначительная по географическим меркам территория одной из республик Северного Кавказа превратилась в зону насилия, с территории которой все еще исходит реальная угроза безопасности всей страны. «Странная» братоубийственная война, ничуть не являвшаяся отражением действительной сущности межнациональных отношений русских и чеченцев, унесла с обеих сторон огромное число людей. Все эти годы Россия была похожа на большую, пораженную молнией.

Президент и правительство страны в течение 1995 года предпринимали некоторые усилия для прекращения чеченской войны. Но договоренность о прекращении огня с обеих сторон почти не соблюдалась. Как по расписанию происходили вооруженные столкновения чеченских боевиков с федеральными войсками. Террористы особенно обнаглели накануне и в период выборов главы Чеченской республики, состоявшихся в Чечне 15 декабря. Дудаевцы ужесточали вооруженные вылазки с целью демонстрации силы на предстоящих переговорах с российским руководством. В июне 1996 года после ряда неудачных попыток в Назрани было

подписано соглашение о прекращении боевых действий и последующем мирном процессе между Грозным и Москвой. Вскоре эти договоренности были сорваны, и в августе 1996 года сепаратисты вновь заняли Грозный. В конце августа в Хасавюрте был подписан новый договор на худших для федеральных властей условиях.

Я всегда негативно относился к эскалации боевых действий в Чечне. Рожденному на Кавказе и прожившему долгие годы среди его народов, мне трудно представить чеченский народ в качестве врага России. Но в то же время я и в мыслях не допускал возможного отделения Чеченской Республики от России. Не зная менталитета кавказских народов и, в первую очередь, чеченского, руководство России, опьяненное взятой властью в период сплошной суверенизации, — а об этом из субъектов Российской Федерации кто только не объявлял, — безрассудно предоставило чеченцам полную свободу: «Берите власти, сколько хотите!» С большими трудностями и уговорами на пост руководителя Чеченской Республики был импортирован боевой генерал ВВС. В его распоряжение были предоставлены огромные государственные запасы оружия, военной техники и боеприпасов.

Спокойно взирая на усиление антироссийских настроений и не принимая своевременных мер, руководство России фактически способствовало быстрому развитию идей сепаратизма и суверенизации, глубоко укоренившихся среди вновь народившейся руководящей элиты в Чеченской Республике и направленных на выход из состава Российского государства. Идей, ставших для чеченцев особенно актуальными после разгона Верховного Совета республики.

Я вижу будущее Кавказа только в мирном сосуществовании всех обитающих здесь народов. Однако чеченская проблема относится к числу одной из самых сложных и болезненных в российской политике последнего десятилетия. Затяжной кровавый конфликт унес сотни тысяч жизней, а также породил тотальную криминализацию экономики и активность сил, использовавших «горячую точку» в Чечне для ведения незаконного бизнеса.

Чеченская проблема затронула все стороны жизни российского общества — она обременила экономику огромными военными расходами, создала реальную угрозу безопасности жизням сотен тысяч людей, существенно подорвала общественную мораль и репутацию России на международной арене. Боюсь, что пролитая кровь промыла уже довольно глубокую пропасть между русскими и чеченцами. Сейчас надо думать, как искоренить метастазы ксенофобии, как привить северокавказской молодежи чувства уважения друг к другу, любви к своему народу и народам, проживающим по соседству, чувства уважения к родной земле и нашей общей родине — великой России.

Уже в первые месяцы чеченской войны у меня возникла идея — по аналогии с Царскосельским лицеем, где учился А. С. Пушкин, создать на Северном Кавказе особое учебное заведение, в котором бы набирались знаний дети местных народов. Местом расположения вполне мог стать расположенный под городом Железноводском поселок Иноземцево, ведущий свою историю от первой немецкой переселенческой аграрной колонии Каррас, основанной в 1802 году. Здесь РАО «ЕЭС России» уже возводило — компактно расположенные — четыре жилых дома, два пятиэтажных корпуса под общежития, среднюю школу. Мой замысел горячо поддержал мэр города Железноводска Иван Иванович Никишин. Правление и совет директоров РАО «ЕЭС России» согласились с моим предложением об использовании строящихся зданий под лицей, который было решено назвать «Южно-Российский лицей казачества и народов Кавказа».

Всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в свое время. Открытие лицея состоялось 2 сентября 1996 года в г. Железноводске. Оно стало крупнейшим событием на ниве российского просвещения, настоящим народным праздником, в котором приняли участие губернатор Ставропольского края Петр Петрович Марченко, глава Карачаево-Черкесской Республики Владимир Исламович Хубиев и представители администрации Кавказских Минеральных Вод. На церемонии открытия были также руководители энергетических структур, расположенных на Северном Кавказе, атаманы Терского казачьего войска, близлежащих станиц, пятигорского отдела, представители всех северокавказских национальностей.

Строительством лицея занимался производственный коллектив Управления строительством Кавэнергострой во главе с управляющим Петром Николаевичем Абрамцом, который ради этой стройки не жалел ни сил, ни времени, вложил в нее частицу своей души и тепло своего сердца. Зато объект вышел на славу. Таким по праву может гордиться любой строитель. В учебном комплексе лицея на 1200 детей, помимо классных комнат, комнат отдыха, кинозала, библиотеки и музея, имеется много других помещений. В их числе — два больших спортзала, два бассейна, столовая, два общежития для проживания лицеистов, два жилых дома для преподавателей, стадион, автошкола, конно-спортивная школа, стрелковый тир, отдельное здание музыкальной школы. Вся территория обнесена красивой оградой.

Некоторое время спустя в г. Железноводске организовано прошла Всероссийская конференция. Посвященная великому поэту М. Ю. Лермонтову и русскому языку, как средству общения между народами Северного Кавказа и объединения их в одну многонациональную семью,

она как нельзя лучше отразила общее стремление к миру и согласию в этом регионе России. Дагестанскому поэту Расулу Гамзатову и мне вручили на конференции золотые медали имени М. Ю. Лермонтова. Расулу Гамзатову — за выдающиеся достижения в поэтической сфере, а мне — за создание лицея.

Для оказания лицею повседневной помощи и осуществления постоянно-го надзора за его работой был создан под моим председательством — действующий до сего времени — попечительский совет, членами которого стали представители республик Северного Кавказа, Ставропольского края, г. Железноводска и расположенных в регионе энергетических предприятий РАО «ЕЭС России». В лицее существует казачий круг, который формируется по личному желанию из лицеистов и преподавателей, относящих себя к казачьему сословию. Атаманом круга является председатель попечительского совета. В мою бытность президентом РАО «ЕЭС России» на содержание лицея из фондов акционерного общества выделялись определенные средства. Спонсорами выступали также Карачаево-Черкесская Республика, Дагестан, Ставропольский край и Железноводск.

О том, с каким высоким качеством готовят в лицее ребят к большой жизни, свидетельствует тот факт, что на протяжении нескольких лет лицеисты-казачата традиционно занимают первые места в военно-спортивных соревнованиях среди школ Ставрополья. Но главная задача лицея — не натаскивание детей для последующей военной службы, а воспитание в них, независимо от национальной принадлежности, места будущей работы и специальности, чувства патриотизма, превращение их в подлинных государственников.

Трудно было создать лицей, но не менее сложно организовать и обеспечить его нормальное функционирование. Эта проблема достойно решалась и решается руководством Железноводска: на первом этапе Иваном Ивановичем Никишиным, а в последующие годы — Анатолием Семеновичем Зубцовым, который принимал активное участие в создании лицея в должности заместителя городского головы. С этими прекрасными людьми у меня сложились по-настоящему крепкие, деловые отношения.

Иван Иванович Никишин был моим старым другом и товарищем. Мы познакомились с ним еще в те «стародавние времена», когда он занимал посты первого секретаря Пятигорского горкома комсомола и секретаря Ставропольского крайкома КПСС. Внутренне он ничуть не изменился, став мэром города Железноводска и главой Администрации Кавказских Минеральных Вод. Иван Иванович умело подбирал кадры, вдумчиво, по-отечески терпеливо и требовательно готовил их к самостоятельной

работе. Он занял достойное место в ярком ряду российских региональных деятелей: талантливый руководитель, умелый организатор добрых и полезных дел, кладезь конструктивных идей, каждая из которых уже претворена в жизнь или ждет своего времени. Иван Иванович был патриотом России, которую любил искренне и безоглядно. К большому сожалению, жизнь Никишина оборвалась в самом расцвете творческих сил. Он умер 7 июля 1998 года в возрасте 49 лет.

Достойным преемником Ивана Ивановича на посту мэра Железноводска стал его соратник Анатолий Семенович Зубцов, работающий в администрации города с 1995 года. При Анатолии Семеновиче город Железноводск — самый крупный по территории курортный город Кавказских Минеральных Вод — из населенного пункта, существовавшего за счет дотаций из федерального Центра, превратился в прибыльный, самокупаемый субъект местного самоуправления. Зубцов — надежный семьянин, добрый и заботливый отец. Он любит свой город и делает все возможное, чтобы вывести его в число наиболее красивых и гостеприимных курортов. Анатолий Семенович взял на себя основное бремя поиска финансовых средств, необходимых для содержания лица.

Название для этого необычного учебного заведения было выбрано не случайно. До октябрьской революции 1917 года казачество Северного Кавказа не отделялось от народов России, считало себя составной частью одной великой державы. В состав Терского и Кубанского казачьих войск входила большая часть населения северокавказского региона, а с учетом территории Войска Донского — народу там было немало. Между казаками и проживавшими рядом соседями нормой были отношения, основанные на взаимной экономической выгоде. Обращение «кунак» («друг, приятель»), как связующий пароль, открывало двери перед всеми, кто стремился к установлению и поддержанию добрых, дружеских контактов.

Социальная психология казачества, особенности его быта, моральные нормы и традиции формировались в течение ряда веков. Казачество по своему национальному составу было весьма многолико. Кроме русских, украинцев, белорусов в него входили калмыки (проживали на реке Сал), осетины, черкесы, кабардинцы, буряты, татары, башкиры и якуты. Уклад жизни казаков был привязан к двум основным задачам: несению воинской повинности и обработке земельных наделов, выделяемых за преданную службу Родине. Причем, вторая функция находилась в прямой зависимости от первой. Но октябрьский переворот и Гражданская война раскололи казачество. Многие казаки поверили Советам и встали на их сторону. Но это их не спасло. Варварская установка большевистского руководства на уничтожение российского казачества,

оформленная в последующем в специальную директиву за подписью Л. Д. Троцкого и Я. М. Свердлова, сыграла трагическую роль в их дальнейшей судьбе.

Под лозунгами «рассказачивания» Советы жестоко расправлялись с казаками, лишали их земли — основного средства к существованию, разрушали казачьи станицы, а вместе с ними — и вековые традиции казаков, устранили казачьи представительства из низших и высших органов власти. Только по приказу Г. К. Орджоникидзе, призывавшего к борьбе с казачеством — «источником контрреволюционных настроений», на Тереке были сожжены до десятка станиц, а 70 тысяч казаков были депортированы на Север и в другие отдаленные регионы страны. Горели казачьи станицы на Кубани. Особенно усердствовали Ф. И. Голощекин, А. И. Микоян, Л. М. Каганович и другие. Только по обвинению в «принадлежности к казачеству» они подвергали ни в чем неповинных людей арестам, ссылкам и депортации.

В 1920 году казачество как сословие было упразднено. Все члены казачьих семей, избежавшие репрессий, стали колхозниками, служащими или рабочими. Когда я учился в Марьинской школе, более половины детей принадлежало к семьям, обосновавшимся в нашей станице в довоенные или послевоенные годы. В школе нам рассказывали — и мы в это верили — о контрреволюционной сути казачьего сословия. Казаков малевали самой черной краской, представляя их опорой самодержавия, царскими сатрапами, не жалевшими народной крови во имя защиты монархических устоев, злейшими врагами советской власти. Тайной за семью печатями был для нас тот факт, что в 1-ю мировую войну казачьи войска вплоть до отречения царя от престола были самими дисциплинированными и верными защитниками России. Среди казаков не существовало понятия «дезертир». Они демонстрировали верность данной присяге, безоговорочно подчинялись приказам командиров и начальников.

После революции часть казаков в составе своих воинских подразделений оказалась в белой армии. Но если, например, в первые дни армия генерала А. И. Деникина на 80% была казачьей, то к концу Гражданской войны казаков в ее рядах насчитывалось уже менее 20%. Со слезами на глазах им пришлось навсегда покинуть свою горячо любимую Родину.

Большевики не успокоились, пока полностью не разрушили казачий социально-экономический уклад. За 1930–1931 годы по всей стране было арестовано и выслано более 300 тысяч человек, а на Северном Кавказе — 170 тысяч. Казаки, пытаясь спастись от преследований, бежали за границу, укрывались в глухих районах России. Так, например, часть казаков Сибири и Дальнего Востока (более 30 тысяч человек) бежала в Китай, а часть растворилась в крестьянской массе. Сейчас об этом гордом

сословии напоминают только места его бывшего проживания — станицы, где настоящих казаков уже почти не сыскать. Может быть, в некоторых семьях еще можно обнаружить выцветшие фотографии, на которых изображены отцы, деды и прадеды в казачьей форме. У кого-то, наверное, хранятся потускневшие медали и кресты, полученные предками за храбрость и мужество, да потрепанные временем черкеска или бешмет.

В мои школьные годы никто из учеников или преподавателей не рассказывал о своих казачьих корнях и храбрых предках, которые, не жалея себя, грудью вставали на защиту интересов своей Родины, когда ей угрожали иноземные захватчики. Да и в мирное время казаки не сидели сложа руки: они выращивали хлеб, воспитывали детей, обустроивали места своего обитания. Большим счастьем, чуть ли не даром небес считалось в семье казака рождение мальчика. Ведь государство выделяло земельные наделы из расчета имевшихся в семье лиц мужского пола. Поэтому, чем больше в семье было мужчин, тем зажиточнее она считалась.

Но это все осталось в далеком прошлом. Советская власть забыла о казачестве. В то время как народы, испокон веков проживавшие рядом с казаками, получали право на автономию, а впоследствии приобрели даже статус субъектов Российской Федерации, казаки остались ни с чем. Они растворились в общей массе населения России, лишены каких-либо признаков народа, имеющего свою историю. Какие только басни ни выдумали о казаках в годы советской власти! До сих пор, например, бродит устойчивое мнение, что казаки — махровые антисемиты. Ничего глупее, наверное, придумать было нельзя. Я — коренной станичник. Никогда и ни в какой форме я не замечал на своей родине проявлений антисемитизма. Мой двоюродный брат, командир авиационного полка полковник Дьяков Владимир Павлович был женат на еврейке. Покинув эту жизнь в 46 лет, он оставил жену и двух дочерей. У меня много друзей еврейской национальности. Все они — профессионалы своего дела, замечательные, отзывчивые люди, всегда готовые помочь в трудную минуту.

После принятия 26 апреля 1991 года Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» вновь заговорили о возрождении казачества. Казачество приступило к объединению своих рядов. Появились общественные общероссийские организации: Союз казаков, Союз казачьих войск России, Союз казачьих офицеров, Кубанская казачья ассоциация «Россия». Все они имеют близкие по задачам уставы, предусматривающие деятельность по культурно-экономическому возрождению казачества, восстановлению демократических основ самоуправления и долевой формы собственности на землю, возрождению воинских и культурных традиций. Но такие, разработанные в последнее время, юридические акты, как Указ Президента РФ «О возрождении Казачества РФ» и Пос-

тановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации и возрождении казачества» не решают главной проблемы, поскольку не содержат всех атрибутов землеустройства районов проживания казаков. А ведь казачество, если отнестись к нему с подобающей серьезностью, может сыграть свою позитивную роль в деле налаживания многонациональных связей между народами, гармонизации межнациональных отношений, укрепления российской государственности на совершенно новой основе. Именно поэтому созданный Южно-Российский лицей мы назвали «лицей казачества и народов Кавказа».

Я не мог стоять в стороне от позитивного по своей сути движения по возрождению казачества, с каждым днем набиравшего все более быстрые темпы. Используя возможности энергетических предприятий региона, мы оказывали посильную материально-финансовую помощь Донскому, Кубанскому, Терскому и другим казачествам. Казаки, приняв во внимание мой личный вклад в развитие экономики России и возрождение казачества, а также мое казачье происхождение, присвоили мне звание «генерал-лейтенант Войска Донского, Войска Терского и Кубанского». Мне было лестно, что казаки избрали меня почетным гражданином Войска Донского, почетным казаком 1-го взвода атаманской сотни Горячеводского казачьего Круга и атаманом казачьего Круга Южно-Российского лицея казачества и народов Кавказа. Сверх этих званий я награжден именным оружием Кубанского, Терского и Донского казачьих войск, нагрудными знаками и крестами, орденом Ермака.

Дорога к Храму

Процесс возрождения казачества проходит в тесной взаимосвязи с шагами по укреплению Русской Православной церкви, ведь духовной основой казачества всегда выступала православная вера. Особенно активное развитие Русской Православной церкви наблюдалось в СССР в последние годы перестройки. Стали возникать инициативные группы, которые взялись за строительство новых и восстановление ранее разрушенных храмов и часовен. Энергетики уже в 1989 году оказали большую помощь в строительстве в городе Шарыпово Красноярского края нового Свято-Троицкого пятикупольного храма со звонницей с семью колоколами. Высотой чуть менее пятидесяти метров и вместимостью 1200 человек, храм воздвигнут строителями в самом центре КАТЭК на площади в два с половиной гектара. В 1994 году РАО «ЕЭС России» выступило одним из учредителей Международного фонда возрождения Валаамского архипелага и Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального мужского монастыря, наместником которого является архимандрит Панкратий. Фонд был учрежден в соответствии с Указом Президента РФ Б. Н. Ельцина от 28 июня 1993 года и действует с благословения Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.

За это время в рамках оказания благотворительной помощи было подготовлено технико-экономическое обоснование работ по организации энергоснабжения Валаамского архипелага и Спасо-Преображенского монастыря. Были профинансированы затраты, связанные с воссозданием раки с мощами валаамских преподобных святых Сергия и Германа, доставлены продукты питания и топлива, произведена оплата за электроэнергию. Материальная помощь монастырю, как правило, предоставлялась в ответ на соответствующие обращения, поступавшие от Алексия II и архимандрита Панкратия.

Для нас с женой незабываемым событием в жизни стало посещение Валаамского монастыря. Мы находились на острове Валаам в период с 9 по 11 июля 1994 года, где в составе делегации во главе с Алексием II принимали участие в торжествах, посвященных памяти святых Сергия и Германа. От стенки речного порта Санкт-Петербурга к берегам сказки

Севера нас доставил теплоход «Родина». В храме, построенном в честь преподобных святых Сергия и Германа, состоялась божественная литургия, которую провел Алексей П. Были организованы экскурсионные осмотры Воскресенского и Гефсиманского скитов, горы Елеон, хозяйственной фермы, центральной усадьбы.

Валаамский архипелаг, расположенный в северной части Ладожского озера, очаровывает, прежде всего, своей уникальной и неповторимой природой. Название Валаам происходит от финно-угорского слова «валамо» — высокая, горная земля. Ни с чем нельзя сравнить поднявшиеся со дна озера-моря «Валаамские граниты», остроконечные ели и разноцветье трав и цветов. Но не менее впечатляют произведения рук человеческих, созданные в суровых условиях русского Севера. Гармонично сливаются с природой, выделяясь изяществом форм и искусством мастеров, Спасо-Преображенский собор, церковные и хозяйственные постройки монастыря, монашеские скиты. В монастыре, кроме электростанции, налажены и другие производства, в гранитных скалах проложены дороги, действует водопровод.

Когда на теплоходе класса «ОМ» мы отправились осматривать Большую и Малую Никоновские и Монастырскую бухты, меня принял Патриарх Московский и всея Руси Алексей П. Встреча за чашкой чая проходила на палубе. В ходе беседы мы затронули целый ряд вопросов: о социально-экономической обстановке в России, о роли РПЦ в работе по духовному возрождению нашего народа, о возрождении казачества. Был затронут вопрос о необходимости усиления миссионерской работы православных священников среди населения, принудительно отлученного от православия в прошлом.

Разговаривая с предстоятелем РПЦ, я любовался открывавшимися видами северной природы. Малая Никоновская бухта — самая спокойная из всех доступных для судов бухт на Валааме. В Ладожское озеро она выходит довольно узким проливом. Почти в ее центре стоит небольшой островок. Берега бухты очень красивы. Левый, одетый густым лесом, спускается к воде полого. Правый поднимается из вод залива крутой сорокаметровой скалой, получившей название гора Елеон. Из ее расщелин поднимаются стволы немногочисленных сосен. При входе в Монастырскую бухту открывается прекрасный вид на центральную усадьбу монастыря с белыми келейными корпусами и пятиглавым Спасо-Преображенским собором. На скалистом берегу Монастырской бухты, под горой Фавор, на которой стоит монастырь, находится Покровская часовня.

Удивительная красота природы Валаама привлекала внимание многих известных людей России. Такие выдающиеся русские художники, как Иван Иванович Шишкин, Архип Иванович Куинджи, Николай

Константинович Рерих, Михаил Васильевич Нестеров и многие другие посвятили Валааму свои живописные шедевры. Вторую часть своей знаменитой первой симфонии (клавир называется «Угрюмый край, туманный край») Петр Ильич Чайковский написал после поездки на Валаам. Несколько месяцев на Валааме прожил писатель Николай Семенович Лесков, воплотив свои наблюдения в документальных очерках «Монашеский остров» и в известной повести «Очарованный странник». Россия обязана возродить и дать новую жизнь Валааму. Все, кому дороги наша история, культура и народная память, не могут не принять посильное участие в этом священном деле.

Из разговора со Святейшим Патриархом я понял, что его очень волновали непростые проблемы, связанные со снабжением монастыря и жителей архипелага электроэнергией. На острове, в приспособленном монастырском здании, установлен единственный энергоисточник — дизельная электростанция, появившаяся там на несколько лет раньше, чем в Санкт-Петербурге. Срок эксплуатации ее дизелей уже исчислялся 20–30 годами, электрические сети требовали значительного ремонта. Топливо для станции доставлялось на остров два раза в год, но топливный склад не соответствовал современным санитарным и экологическим нормам. Стоимость электричества, производимого на Валааме, в несколько раз превышала средние показатели по Республике Карелия. Впоследствии РАО «ЕЭС России» совместно с ОАО Карелэнерго разработали меры по улучшению электроснабжения и регулированию графика реализации электроэнергии.

Алексий II благословил начатую пятигорскими энергетиками практику введения духовников в штаты акционерных обществ. В Южэнерго, например, на духовной ниве трудился кандидат богословия, протоирей о. Анатолий (в миру Лобков), назначение которого состоялось благодаря нашему прошению, отправленному на имя митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона. Хорошие контакты установились между руководством РАО «ЕЭС России» и заместником Свято-Введенского монастыря «Оптина пустынь» архимандритом Венедиктом (Пеньковым). Оптиная пустынь — древнейшее монашеское поселение. Есть предположение, что оно было основано монахолюбивым князем Владимиром Храбрым или ближайшими его наследниками. По другой версии, ее основал в древние времена покаявшийся разбойник Опта, принявший в монашестве имя Макарий, почему ее называли и Макарьевской.

Однако более реальным является предположение, что ранее обитель была общей для монахов и монахинь — а таковые ранее носили название Оптиных. Вероятнее всего, основателями ее стали неизвестные отшельники, избравшие для своих подвигов глухое место в лесу, вдали от

всякого жилья, у пограничной засеки с Польшей, место неудобное для хлебопашества, никому не нужное и никому не принадлежавшее. Сегодня энергетики РАО «ЕЭС России» и ОАО Калугазэнерго шефствуют над монастырем и его братией. Уже оказана помощь в строительстве питающей монастырь линии электропередачи 10 кВ с трансформаторной подстанцией, приобретении и монтаже сборных двухэтажных домиков, асфальтировании дорог и площадок, издании церковно-просветительской литературы.

До тридцатых годов в моей родной станице стояла красивая, довольно больших размеров, деревянная церковь. По разнарядке сверху и под воздействием разрушительного духа атеизма, насильственного внедренного в сознание народа, церковь была разграблена и разрушена. На ее фундаменте была сооружена огражденная сеткой танцплощадка. Меня всегда мучил вопрос: «Зачем надо было разрушать созданную руками человека красоту, ставшую историческим архитектурным памятником?» Храмы и церкви всегда были украшением станиц, деревень и сел. Забрали церкви — так используйте их для своих целей, но зачем разрушать-то? Такое поведение свидетельствует о варварстве, духовной пустоте и абсолютном безразличии к истории своего народа, о предательстве собственных корней и основ государства Российского. Мог ли я раньше предполагать, что мне представится возможность принять активное участие в возведении храма, который стоит в моей станице примерно на том же месте, где возвышался разрушенный. Церковь построена, но в ней, к сожалению, нет постоянного священника. Прежний, о. Ефрем, при котором она строилась, был переведен в г. Ессентуки.

В лоно Ставропольской и Владикавказской митрополии было безвозмездно передано купленное в станице Марьинской одно здание, которое после ремонта и соответствующего оснащения используется как воскресная школа при Михайло-Архангельской церкви. В небольшом школьном дворике стоит часовенка в честь преподобной Марии Египетской. У этого здания — необычная, трогающая душу история. Раньше под его крышей проживали учителя Марьинской средней школы, здесь свои детские годы провел мой земляк, сын моей учительницы Марии Федоровны Каньшиной, Александр Николаевич Каньшин.

Наверное, здесь уместно будет сказать, что Александр Николаевич — полковник запаса, доктор философских наук, председатель совета директоров национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил «Мегапир». Корпорация «Единый электроэнергетический комплекс» является членом ассоциации, а я — членом совета ее директоров. После развала Советского Союза Александр Николаевич, как и многие другие офицеры-политработники, посвятившие себя служению

Родине, был уволен из Вооруженных Сил. Но он не поддался унынию и не опустил руки. Обладая сильным характером и прекрасными организаторскими способностями, Каньшин занялся мужским делом: объединил вокруг себя выбитых из военной колеи генералов и офицеров — на первых порах Сухопутных войск, а в последующем и других силовых структур.

В ассоциации «Мегапир» сейчас активно трудятся Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов, маршал артиллерии Владимир Михайлович Михалкин, генерал-полковники Николай Андреевич Моисеев, Михаил Данилович Попков, Юрий Дмитриевич Букреев, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Виталий Андреевич Ульянов и многие другие видные военачальники. Верными помощниками Александра Николаевича являются генерал-майор Виктор Семенович Навознов и полковник Борис Иванович Волков. Ассоциация проводит огромную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи, оказывает необходимую помощь ветеранам войны, поддерживает контакты с Северо-Кавказским военным округом, участвующим в чеченской войне, другими военными округами.

РАО «ЕЭС России» не стояло в стороне от забот, связанных с восстановлением объектов духовной православной культуры. Совместно с энергосистемами Ставропольского и Красноярского краев, Белгородской области, Москвы и Подмосковья мы принимали участие в финансировании храмового строительства. В городе Кисловодске энергетики участвовали в восстановлении Свято-Никольского собора, уничтоженного в 1936 году. Уникальный памятник архитектуры и истории был построен в 1888 году в честь святителя Николая Чудотворца и в ознаменование 900-летия крещения Руси. Расписывали собор Виктор Михайлович Васнецов, Михаил Васильевич Нестеров, Василий Дмитриевич Поленов, Николай Александрович Ярошенко. Неземной благодатью наполняется душа, когда смотришь на воссозданное творение — православный храм, еще более украшающий курортный город.

Силами наших энергетиков была построена церковь в поселке Иноземцево, неподалеку от Южно-Российского лицея казачества и народов Кавказа. Энергетиками Архэнерго была оказана помощь в реконструкции и ремонте схемы энергоснабжения Соловецкого монастыря, созданного в XV веке молитвенными подвигами и трудами преподобных Зосимы, Савватия и Германа. Силами Колэнерго в Свято-Никольском храме (г. Мурманск) был выполнен ремонт и наладка системы отопления. Энергетики Оренбургэнерго профинансировали ввод в эксплуатацию Свято-Троицкой обители милосердия в поселке Саракташ Оренбургской области.

Ставропольэнерго и Севкавинвестбанк выделили необходимые средства на золочение куполов церкви в честь Праведного Лазаря, епископа Китейского (г. Пятигорск), освященной 17 октября 1903 года. В Кресто-Воздвиженском храме (г. Кисловодск), первом храме, построенном за годы советской власти, где настоятелем был протоиерей о. Анатолий, произведен ремонт внутреннего и внешнего убранства и подсобных помещений. Мы подвели от центральной городской теплосети отопление, начали строительство просфорни и столярной мастерской. «Храм стал как игрушка», — выразился о. Анатолий. В Москве мы оказали финансовую помощь в проведении работ по восстановлению Сретенского Ставропигиального мужского монастыря на Большой Лубянке, основанного в 1397 году.

Объем, качество и периодичность помощи, которую епархии Русской Православной церкви получали от энергетических объединений, всегда были предметом моей особой заботы. Энергетики могли еще более существенно проявить себя в этой благородной сфере, если бы на их пути не стояли как объективные, так и субъективные препятствия. Наше внимание к нуждам православных приходов на местах было отмечено Московским Патриархатом. Так, за участие в восстановлении Валаамского Спасо-Преображенского Ставропигиального монастыря я был награжден орденом князя московского Даниила II степени. Эту высокую награду я получил из рук Святейшего Патриарха Алексия II, в его рабочей резиденции, что в Чистом переулке города Москвы.

Рассказывая о наших усилиях по материальной и финансовой поддержке объектов православного культа и прихожан, исповедующих православную веру, я бы не хотел, чтобы читателям показалось, будто бы я игнорирую другие религии. Нет, я в равной степени приветствую помощь, которая оказывается нашими энергосистемами при строительстве или восстановлении исламских мечетей, буддийских дацанов, иудейских синагог. Я не чужаюсь посещать местные мечети во время пребывания в регионах проживания мусульман, дацаны — при посещении Бурятии или Калмыкии, синагоги — в поездках по нашей стране или за рубежом. Нам надо научиться с большим уважением относиться к чувствам верующих, какому бы богу они ни молились, и не допускать случаев их оскорбления.

РАО «ЕЭС России» по истечении второго года со времени создания осуществляло свою деятельность в обстановке продолжающегося спада производства, снижения энергопотребления, роста неплатежей, высоких темпов инфляции. Это далеко не полный перечень негативных факторов, которые влияли на нашу работу. Но даже в этих неблагоприятных условиях РАО «ЕЭС России» продолжало выполнять свои основные уставные функции и задачи по обеспечению надежной работы Единой

энергетической системы России и устойчивому энергоснабжению потребителей. Тем самым в очередной раз подтвердило репутацию крупнейшей в мире электроэнергетической компании, продемонстрировало высокую степень живучести и правильность стратегических решений по реформированию отрасли, принятых в 1992 году.

Нами был сохранен высокий технический уровень эксплуатации оборудования электростанций и сетей, почти на 20% снижено общее количество аварий, технологических и функциональных нарушений, снижен, по сравнению с нормативом, удельный расход топлива на каждый отпущенный киловатт-час и потери электроэнергии в электрических сетях. Прошедший год стал годом завершения чекового этапа приватизации Единой энергетической системы страны. Акционерами РАО «ЕЭС России» стали более 195 тысяч физических и юридических лиц.

Значительно увеличился оборот акций РАО «ЕЭС России» на рынке ценных бумаг. Цена одной акции РАО «ЕЭС России» на фондовом рынке превысила 0,4 доллара США. Стратегической целью деятельности акционерного общества стало приведение курсовой стоимости акции РАО «ЕЭС России» в соответствие с реальной обеспеченностью активами общества. Для этого была разработана специальная стратегия, положенная на ближайшие 2–3 года в основу работы по обеспечению интересов акционеров, в том числе, основного из них — государства, путем повышения курса акций и роста дивидендов при сохранении надежного и бесперебойного энергоснабжения всех потребителей на территории России.

В этих целях был сделан первый шаг на пути к цивилизованному вхождению РАО «ЕЭС России» в крупнейшие международные фондовые рынки. Для приведения финансовой отчетности общества в соответствие с международными требованиями совместно с московским представительством международной аудиторско-консалтинговой компании «Price Waterhouse Coopers» был начат двухлетний цикл работ по международному аудиту. Кроме того, была начата работа по выпуску американских депозитарных расписок (АДР) 1-го уровня на акции РАО «ЕЭС России», находящиеся в обращении, для свободной котировки на Нью-Йоркской фондовой бирже. Прошедший год был годом становления правовых служб и организации правовой работы во всех АО-энерго, АО-электростанций и в самом РАО «ЕЭС России». Резко возросла эффективность нашей претензионно-исковой работы в арбитражных судах.

Будущее любого государства зависит не от политического словоблудия. Его судьба определяется грамотной экономической политикой и эффективной работой всего хозяйственного механизма, а это достигается последовательными и ответственными действиями правительства. От каких факторов зависит эффективность принимаемых правительственных программ?

Прежде всего, от того, насколько верная оценка дается конкретным причинам кризиса, как правильно подсчитываются имеющиеся ресурсы, насколько глубок анализ состояния производительных сил страны.

К большому сожалению, после распада СССР такой работы в России не проводилось. В систему вошли обращения правительственных чиновников, министерств и ведомств к зарубежным специалистам, поскольку, как давно известно, нет пророка в своем Отечестве. При этом нередко приходится иметь дело с людьми, чей кругозор ограничен университетскими курсами макроэкономики, которые слабо разбираются, а иногда не разбираются вообще, в особенностях не только российской, но и своей экономики.

Правильно по этому поводу сказал лауреат Нобелевской премии по экономике Рональд Гарри Коуз: «Экс-коммунистическим странам советуют переходить к рыночной экономике, и их лидеры стремятся сделать это. Но рыночная экономика, какого бы ни было уровня, невозможна без наличия соответствующих институтов. Если бы мы знали больше о своей собственной экономике, то были бы для них (т. е. для стран Восточной Европы и России) более полезными советчиками». К большому сожалению, рекомендации российской экономической науки никогда не были в почете у политических лидеров нашего государства. Понуждать наших властителей прислушиваться к мнению ученых пока так же бесперспективно, как искать волосы на панцире черепахи или рога на голове зайца. Стало почти традицией, за малым исключением, приступать к обсуждению какого-либо важного экономического документа, не имея по нему экспертного заключения, увязанного со всеми действующими нормативно-законодательными актами и оценкой последствий, которые могут возникнуть на практике. Руководители различных уровней в своем подавляющем большинстве до сих пор не научились прислушиваться к мнению независимых профессионалов. Потом можно соглашаться или нет, но заслушивание экспертов по обсуждаемым вопросам необходимо сделать неременным условием. Тогда и ошибок в экономической политике будет значительно меньше.

В соответствии с рекомендациями Правительства РФ РАО «ЕЭС России» также пригласило американских специалистов-энергетиков для совместной разработки программы дальнейшей приватизации и акционирования энергетики России через Агентство международного развития США (US AID). При этом нас не удовлетворял слепой перенос на Российскую землю методов работы иностранных, особенно американских, энергетиков. Американские рукава не подходят к русскому кафтану, так как в США, в отличие от России, были созданы и до сих пор функционируют локальные электроэнергетические системы. Электроны в них бегают одинаковые, но система их практического распространения — разная.

В ходе совместной работы необходимо было изучить российский опыт акционирования и приватизации электроэнергетики на первом этапе и сопоставить его с подобным опытом, имеющимся в США. Вскоре один из американских специалистов недвусмысленно заявил, что не следует тратить времени, чтобы убедиться: полученный нами опыт и имеющиеся технико-экономические данные говорят в пользу РАО «ЕЭС России». Едва успел он произнести эти слова, как тут же получил команду немедленно возвратиться на родину. Накануне отъезда я пригласил этого честного американского эксперта в РАО «ЕЭС России» и в присутствии всех членов совместной рабочей группы поблагодарил за проделанную работу. Более того, от имени правления общества вручил ему знак «Заслуженный работник РАО «ЕЭС России».

Работа над проектом программы реструктуризации и приватизации российской электроэнергетики, которую финансировало Агентство США по международному сотрудничеству, заняла полтора года. От Агентства в разработке этой программы участвовала фирма «Хаглер, Байкли консалтинг, инкорпорейтед». Работа велась в пяти рабочих группах, каждую из которых возглавляли по два сопредседателя-специалиста в области электроэнергетики — от России и США. Рабочие группы получили задание разработать рекомендации, касающиеся самых различных сторон функционирования российской электроэнергетики.

В июне 1995 года проект документа был завершен. В нем отмечалось, что на темпы экономических преобразований в России негативное влияние оказывают такие факторы, как внутренняя нестабильность, гиперинфляция, снижение экономической активности и объема потребляемой энергии. Экономическое неблагополучие государства усугубляется кризисом неплатежей, из-за чего предприятия, в том числе и электроэнергетические, не имеют достаточных поступлений наличности для финансирования насущных затрат и необходимых проектов, особенно в АО-энерго и АО-электростанций. Задолженность потребителей перед предприятиями электроэнергетики на 1 января 1995 года составила 15 трлн. рублей и продолжала расти в последующем. Объем электроэнергии, выработанной на электростанциях в 1995 году, достиг уровня 860 млрд. кВт.ч, что на 15,9 млрд. кВт.ч меньше, чем в 1994 году.

После утверждения документа главой московского отделения «US AID» Дж. Джорджем и мной он был представлен в Правительство РФ, а также в Министерство экономики РФ, Министерство топлива и энергетики РФ, Министерство финансов РФ, Федеральную энергетическую комиссию и Антимонопольный комитет. К большому огорчению, Правительство РФ так и не сумело рассмотреть представленные ему ценные предложения. Я до сих пор не могу понять, почему это произошло.

Международный валютный фонд

РАО «ЕЭС России» с первых дней своего создания считало важной стратегической задачей сохранение кадрового потенциала отрасли. Кадрам и только кадрам принадлежит главная заслуга в организации надежного функционирования Единой энергетической системы России. Кадровый персонал, обслуживающий электроэнергетические системы, работает на сложнейшем оборудовании в условиях непрерывного процесса, постоянно подвергая свою жизнь реальной опасности. Выполнение служебных обязанностей из года в год, круглосуточно, в непогоду, по выходным и праздничным дням требует от персонала высокой квалификации, повышенной ответственности и дисциплины. Руководство общества понимало, что добросовестное отношение персонала к своим функциональным обязанностям достигается соответствующим уровнем заработной платы и предоставлением весомого пакета социальных льгот. По размеру заработной платы электроэнергетика занимала 4–5 места среди отраслей топливно-энергетического комплекса. Благодаря удовлетворительному уровню оплаты труда, обеспеченности жильем и решению других социально-бытовых вопросов, показатели, характеризующие сменяемость и текучесть кадров в электроэнергетике, снизились в 1995 году в полтора раза.

Но вскоре на предприятиях возникла проблема, которая оказывала отрицательное влияние на психологический климат. Во многих АО-энерго и АО-электростанциях участились задержки с выдачей заработной платы. В некоторой степени этот вопрос был решен в связи с выходом в свет постановления Правительства России, в котором устанавливался льготный порядок использования денежных средств, поступающих на расчетные счета для выплаты заработной платы. К сожалению, размер резервирования этих средств к концу года с 30% был уменьшен до 10%.

Тем не менее, в РАО были установлены выплаты социального характера, позволявшие поддерживать работников, попавших в экстремальные условия. Стали правилом единовременные выплаты при получении работником инвалидности в результате увечья или профзаболевания, бесплатные путевки в оздоровительные лагеря семьям с двумя и более

детьми, компенсация затрат на содержание детей в детских дошкольных учреждениях. Были разработаны и утверждены документы, определявшие порядок предоставления работникам самых различных льгот. Главные среди них — льготы по медицинскому страхованию, оплате расходов, затраченных на операцию, частичной оплате средств, затраченных на приобретение лекарств при обострении хронических заболеваний. Энергетикам полностью или частично компенсировалась стоимость путевок в дома отдыха, санатории, пансионаты. Женщинам, имевшим двух и более детей, предоставлялись дополнительные отпуска. Возмещалась стоимость услуг по захоронению умерших работников и членов их семей, а также выделялась дополнительная материальная помощь.

В ноябре 1993 года в РАО «ЕЭС России» были учреждены почетные звания «Заслуженный работник Единой энергетической системы России» и «Ветеран энергетики», присваиваемые за особые заслуги в развитии энергетики России работникам акционерных обществ электроэнергетики, имеющим стаж работы (соответственно) 15 и 20 лет. Обладатели этих званий получили право на получение единовременного вознаграждения в размере двух (или трех) должностных окладов, а по достижении награжденными пенсионного возраста — на доплату к пенсии по старости (соответственно званиям) в размере 10% (15%) от суммы пенсии из средств РАО «ЕЭС России». Награжденным вручаются также соответствующие знаки и удостоверения к ним.

С целью усиления социальной защиты энергетиков, готовящихся к уходу на пенсию, 17 марта 1995 года был создан Негосударственный пенсионный фонд электроэнергетики — НПФЭ. Лицензия на право деятельности фонда, учредителями которого стали РАО «ЕЭС России», корпорация «ЕЭЭК» и ряд энергосистем, получена 9 октября 1995 года. Генеральным директором НПФЭ был избран Г. А. Давыдовский. К этому времени он имел за плечами опыт работы на постах главного инженера Тюменской энергосистемы и заместителя начальника одного из департаментов РАО «ЕЭС России». Гарольд Александрович доказал, что крупный технический руководитель, хорошо знающий электроэнергетику, может, при желании, стать грамотным и преуспевающим менеджером. Он быстро освоил новое поле деятельности и стал одним из ведущих специалистов по негосударственному пенсионному обслуживанию. Давыдовский — хороший семьянин, верный друг, отзывчивый товарищ. Под его руководством наш внебюджетный фонд успешно выполняет поставленные задачи.

Не забывали мы и о пенсионерах, отдавших лучшие свои годы развитию отечественной энергетики. В целях оказания помощи энергетикам — пенсионерам и ветеранам Великой Отечественной войны и труда при АО Информэнерго РАО «ЕЭС России» и под моим руководством был

создан фонд социальной защиты ветеранов электроэнергетики. Штатным и бессменным вице-президентом фонда является Михаил Зиновьевич Татауров. Его постоянными помощниками по связи с ветеранами стали старейший энергетик Константин Васильевич Зубанов и бывший начальник Управления кадров Министерства энергетики и электрификации СССР Владимир Арсентьевич Барышев.

На финансово-экономическую деятельность предприятий электроэнергетики сильно влияло отсутствие необходимой нормативно-законодательной базы. Чтобы как-то устранить этот досадный недостаток, РАО «ЕЭС России» приняло инициативное участие в разработке шести проектов Законов РФ и трех проектов постановлений Правительства РФ. Результат не замедлил сказаться. Уже в 1995 году были приняты Законы РФ — № 41-ФЗ от 14 апреля «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию» и № 158-ФЗ от 18 октября «О внесении изменений в Закон РСФСР «О налоге на операции с ценными бумагами». Правительство РФ подготовило постановления: № 603 от 26 июня «О мерах по подготовке народного хозяйства к работе в осенне-зимний период 1995–1996 годов» и № 1089 от 5 ноября «О неотложных мерах по стабилизации энергоснабжения».

Ради одной строчки в документе нам порой приходилось помногу дней вести телефонные разговоры, организовывать встречи и проводить переговоры на самых различных уровнях. Например, чтобы продлить до конца 1995 года срок действия постановления Правительства РФ № 513 от 29 июня 1993 года, согласно которому основным источником инвестиций в электроэнергетику являются средства, включаемые в тариф за электроэнергию, мы провели консультации и согласования со всеми субъектами Российской Федерации и Правительством РФ. В течение 1995 года имели место неоднократные попытки Министерства финансов РФ разрушить действующие механизмы образования инвестиционных фондов в электроэнергетике, но мы сумели их отстоять и продлить их действие на перспективу. Этот источник инвестиций позволил РАО «ЕЭС России» в 1995 году ввести в эксплуатацию первый блок 215 МВт на Харанорской ГРЭС (Читинская область).

Мы продолжили финансирование работ по строительству: первого блока ПГУ мощностью 450 МВт (Северо-Западная ТЭЦ, Санкт-Петербург), второго блока 800 МВт (Нижневартовская ГРЭС), Ирганайской, Бурейской и Богучанской гидроэлектростанций и др.

По плану технического перевооружения были введены энергоблоки: № 3 на Беловской ГРЭС (200 МВт), № 9 на Томь-Усинской ГРЭС (200 МВт), № 8 на Курганской ТЭЦ (100 МВт), № 6 на Владимирской ТЭЦ (65 МВт), № 13 на Кемеровской ГРЭС (110 МВт), № 4 на ТЭЦ-21 Мосэнерго

(110 МВт), а также ряд агрегатов мощностью 6, 12, 22, 25 МВт других электростанций.

В 1995 году были введены в эксплуатацию ВЛ-500 кВ: Ростовская АЭС — Буденновск — 445 км, Ростовская АЭС — подстанция «Южная» — 194 км, Пыть-Ях — Нелымский — 226 км, а также заходы 330 кВ на подстанцию «Буденновск».

Было развернуто строительство второго блока 110 МВт на ТЭЦ-1 в г. Йошкар-Ола. За ввод первого агрегата на этой теплоэлектроцентрали Президент РФ своим Указом наградил меня орденом Дружбы.

Деловые контакты, вызванные требованиями времени, установились между РАО «ЕЭС России» и Российской академией наук, возглавляемой академиком Юрием Сергеевичем Осиповым. Однако с развалом СССР стали слабеть, а в большинстве случаев и разрушаться существовавшие ранее научные связи с бывшими союзными республиками. На их сохранение и развитие мы подняли самые лучшие силы. 28 ноября 1994 года было зарегистрировано общественное объединение «Международная энергетическая академия» (МЭА). В нее (на правах индивидуальных членов-академиков) вошли почти все члены отделения ОФТПЭ РАН, видные доктора, кандидаты наук, крупные руководители энергетических предприятий, институтов. Коллективными членами МЭА по собственному желанию стали многие энергетические системы, электростанции, академические и отраслевые институты, заводы энергетического машиностроения и другие структуры. Меня избрали президентом МЭА, а одним из заместителей президента стал академик-секретарь отделения физико-технических проблем энергетики Олег Николаевич Фаворский, сменивший на этом посту Ю. Н. Руденко.

В декабре 1995 года произошли важные для энергетиков события. Состоялся второй съезд Всероссийского профессионального союза электроэнергетиков, на котором я выступил с докладом «О состоянии электроэнергетики России, социальных отношениях между работниками отрасли и стоящих перед ней задачах». Съезд принял радикальное решение — добиваться изменения курса социально-экономических реформ. Причем, такого изменения, чтобы оно служило делу повышения уровня производства, защиты отечественного производителя, обеспечения полной занятости и, на этой основе, защиты трудовых, профессиональных и социальных прав и интересов работников таких отраслей промышленности, как электроэнергетическая, электротехническая и торфяная.

Пост председателя общественного объединения «Всероссийский электропрофсоюз» с 4 декабря 1990 года занимал В. П. Кузичев. Валерий Поликарпович посвятил работе в электроэнергетической отрасли 36 лет своей жизни. Он всегда выступал за сохранение политической

стабильности, создание условий для мирного развития России и совершенствование системы социального партнерства.

Мне хорошо запомнился наш профессиональный праздник — День энергетика, который мы, в ознаменование принятия плана ГОЭЛРО, ежегодно отмечаем 22 декабря. На традиционном торжественном вечере, посвященном этой дате, как правило, присутствуют высокие гости из Администрации Президента РФ, Совета Федерации РФ и Государственной Думы РФ, Правительства РФ, различных министерств и ведомств. В 1995 году Правительство РФ представлял у нас Олег Николаевич Сосковец. Ему я и предоставил слово сразу же после открытия собрания. Первый заместитель Председателя Правительства РФ, не отступая от заведенного порядка, поздравил энергетиков России с профессиональным праздником и зачитал тексты приветственных адресов, поступивших от Президента РФ Б. Н. Ельцина и Председателя Правительства РФ В. С. Черномырдина. Затем Олег Николаевич дал оценку работе Единой энергетической системы, руководству и аппарату РАО «ЕЭС России». Обращаясь к залу, он заявил:

— В прошлом году я считал, что президент РАО «ЕЭС России» Анатолий Федорович Дьяков неправильно выстраивает свою работу по целому ряду направлений. Помнится, в этой связи я даже поднимал вопрос об освобождении его от руководства акционерным обществом. Оценив итоги двухлетней работы РАО «ЕЭС России», я с этой трибуны сегодня официально заявляю о своей неправоте. Прав оказался мой друг — Анатолий Федорович!

Последние слова Сосковца вызвали бурю аплодисментов. Следует заметить, что на такое самокритичное выступление перед двухтысячной аудиторией способен далеко не каждый.

Но минуты радости оставались всего лишь минутами. Тот, кто работает, знает, что у поражения и победы вкус одинаковый: у поражения — вкус слез, а у победы — вкус пота. Меня по-прежнему не оставляли в покое мысли по поводу сложившейся в стране обстановки, давил груз ответственности за энергоснабжение потребителей России, которое при любых обстоятельствах должно быть надежным и бесперебойным. В суете и заботах я и не заметил, как наступил 1996 год, год для меня юбилейный, суливший целую череду событий как приятных, так и не очень.

Развитие экономического кризиса в стране шло по восходящей линии. Его негативное влияние мы ощущали, в первую очередь, в связи с продолжавшимся снижением показателей уровня потребления электроэнергии, что влекло за собой и уменьшение на такую же величину объемов выработки ее на электростанциях ЕЭС. Кризис еще более обострился в результате выполнения нашей страной требований Междуна-

родного валютного фонда (МВФ), буквально продиктованных Правительству России при подписании им соглашения о получении кредита. Складывалось впечатление, что МВФ все более настойчиво претендовал на роль некоего «потустороннего» органа власти над законодательной и исполнительной вертикалями России, которую в недалеком прошлом играл в экономике страны ЦК КПСС.

Об этом наглядно свидетельствовал меморандум (так и не опубликованный в российской печати), подписанный Международным валютным фондом и Правительством РФ в феврале 1996 года, в котором российскому руководству безапелляционно предлагался своеобразный трехлетний план экономического развития. В обмен на послушание Россия получала право на кредит в размере 10,2 млрд. долларов США. Но не сразу, а помесечно, определенными долями — как в награду за выполнение требований, звучавших из-за океана. По каждому из пунктов этого плана Правительство России ежемесячно подвергалось строгому спросу. Сдал экзамен — получай денежки! Если нет — очередной транш не выплачивался.

Соглашение с МВФ было подписано после вступления в силу Федерального Закона «О федеральном бюджете на 1996 год». Даже невооруженным глазом было видно, что многие обязательства, взятые Правительством РФ перед МВФ, противоречили действующему российскому законодательству и способствовали усугублению экономического кризиса в стране. Согласно закону о бюджете, экспортные пошлины на нефть и газовый конденсат являлись одними из самых доходных статей. Поэтому их, по указанию МВФ и в нарушение закона, упразднили, компенсируя потери нефтяников увеличением акцизов, в среднем, с 30 тысяч до 55 тысяч рублей за тонну с 1 апреля и до 70 тысяч рублей за тонну с 1 июля 1996 года. Одновременно был увеличен тариф за трубопроводную транспортировку нефти.

Но если замена пошлины акцизом сравнительно мало что изменила для зарубежного покупателя, то на внутреннем рынке стоимость нефти существенно возросла — в среднем с 320 тысяч до 390 тысяч рублей за тонну. А это немедленно вызвало в стране очередной виток инфляции, сопровождаемой быстрым ростом цен на продукцию во всех отраслях промышленности — от добычи и производства топлива и электроэнергии до машиностроения и транспортных услуг. Возросшие в промышленности цены бумерангом возвратились в нефтяную промышленность в виде подорожавших ресурсов. Платежеспособный спрос на внутреннем рынке снизился еще больше, и, как следствие, производство в стране стало сворачиваться.

Акцизная ставка в 70 тысяч рублей за тонну нефти долго, но безуспешно оспаривалась Министерством топлива и энергетики РФ. Более

того, МВФ обусловил выдачу согласованного кредита еще и удержанием денежной массы на определенном уровне (примерно 12% от объема ВВП). Как известно, основная причина недобора налогов во многом кроется во взаимных неплатежах, которые возникают вследствие дефицита в стране денежных средств. Когда денежная масса насильственно удерживается на уровне 12% от объема ВВП, то для полного выкупа всего объема надо, чтобы деньги сделали восемь полных оборотов в год. Они же оборачивались, в лучшем случае, трижды. Даже при существенно меньшем, по сравнению с прошлыми годами объеме ВВП, дефицит платежного оборота превышал 60%. Отсюда — вынужденный бартер, многие незаконные товарные операции, катастрофические задолженности.

Между тем, в самих США объем денежной массы составляет 120% от объема ВВП. Поэтому американцы так заинтересованы в распространении долларов по всему свету — иначе их задушит инфляция. Авторы и проводники политики долларизации России внесли значительную лепту в развал отечественной экономики. Этой же цели служило и другое требование МВФ, касавшееся отмены всех без исключения налоговых льгот, которое мы должны были неукоснительно выполнить.

Как показала статистика, кредит на условиях МВФ лишь усугубил кризис российской экономики. Ведь заимствованную валюту, как подчеркивается в соответствующем Указе Президента РФ, запрещено использовать у нас в качестве платежного средства. С полученными в Международном валютном фонде долларами Центральный банк РФ проделывает сложные манипуляции. Он обменивает иностранную валюту на рубли, печатая при этом соответствующее количество рублевой денежной массы, а валюту размещает на зарубежных депозитах под очень низкие проценты. Спрашивается, зачем это России нужно: занимать напечатанные в США доллары, а потом с убытком для себя обменивать их на рубли? Такой кредит — не что иное, как дырка от бублика, поскольку иностранные заимствования не позволяют оставлять в стране созданную прибавочную стоимость: она почти вся вывозится за рубеж. Да еще вдогонку приходится отдавать проценты.

Особое место во взаимоотношениях России с МВФ, безусловно, занимает такая личность, как Юсуке Хоригучи — руководитель департамента МВФ по связям со странами Восточной Европы, глава миссии МВФ в России. В 1995–1997 годах (период активнейшего взаимодействия Москвы и Вашингтона) Хоригучи был для правительства Черномырдина своего рода «лицом» МВФ. В те годы Фонд ежемесячно отслеживал ситуацию в российской экономике, так что миссия Хоригучи работала в «челночном» ритме: две недели переговоров в Москве — две недели отчетов и информирования совета директоров МВФ в Вашингтоне. Именно в

этот период была подготовлена и успешно выполнена программа резервного кредита «Stand-by». Как сообщает «Время новостей», Хоригучи установил рекорд, который вряд ли перекроет какой-либо другой чиновник Фонда, — больше 40 визитов в подведомственную страну.

22 декабря 1996 года Юсуке Хоригучи направил в Правительство РФ «памятную записку», в которой излагались первоочередные требования по выполнению меморандума, в том числе и в области «структурных реформ». К ним относились такие меры, как ограничение индексации пенсий, продажа госпакета акций 550 предприятий, увеличение тарифов пассажирских железнодорожных перевозок, прекращение выдачи субсидий селу и многое другое. Хоригучи, по сути дела, поручал российскому кабинету министров уже в четвертом квартале 1996 года довести сбор платежей за электроэнергию и газ, включая прежнюю задолженность, до 110%, причем, не менее 90% необходимо было собрать «живыми» деньгами. Одновременно глава миссии МВФ в России предписал существенно сократить перечень стратегических потребителей, которых нельзя отключать от электро- и газоснабжения.

Изложенные в «памятной записке» Хоригучи требования по безусловному выполнению положений меморандума являлись примером беспардонного вмешательства во внутренние дела нашей страны. Особенно кардинальным, с точки зрения ускорения возможности окончательного развала российской экономики, явилось требование прекратить электроснабжение предприятий-должников. В условиях привязки объема денежной массы к уровню ВВП, обязательных для выполнения в соответствии с тем же меморандумом, это неизбежно привело бы к гибели такого рода предприятий, а также к исчезновению многих отечественных видов продукции, используемой в многоступенчатых бартерных цепочках, благодаря чему, собственно, электроэнергетика и выживает.

В гонке за призраком побеждает тот, кто раньше остановится. Возглавляя электроэнергетику России, я, естественно, не мог согласиться с такими мерами. Наша дебиторская задолженность в два раза превышала кредиторскую. Неплатежи за электроэнергию и тепло и недостаток денежной массы вызывали возникновение в Единой энергетической системе огромных проблем, выражавшихся, прежде всего, в задержках с проведением таких финансовых операций, как выдача заработной платы, расчеты с бюджетом, оплата топлива и обеспечение материальных ресурсов для проведения ремонтно-эксплуатационных работ. Энергетики фактически кредитовали промышленность и сельское хозяйство, давая им возможность выжить, сохранить нашего отечественного производителя. Однако вместо слов поддержки в наш адрес из стана сторонников всеобщей либерализации России летели стрелы массивной критики.

Либерализация экономики не имеет ничего общего со вседозволенностью — в странах с цивилизованной рыночной экономикой цены регулируются государством и корпоративными промышленными объединениями. В полной мере так называемую «свободу» западного рынка испытали на себе некоторые российские металлургические предприятия: за попытку продать свою продукцию в некоторых странах Запада по заниженным ценам против них тут же были выдвинуты судебные иски за нарушение антидемпингового законодательства.

Я знал о недовольстве представителей МВФ и их российских приспешников моей сдержанной позицией по отношению к их рекомендациям в области «структурных реформ». Они видели в моем лице существенное препятствие на пути предлагаемых ими структурных преобразований в электроэнергетике. Так мешает движению вперед, например, лежащее на дороге бревно. Со своей стороны я понимал, что они обладают определенными возможностями, чтобы убрать меня с глаз долой. Но для осуществления задуманного им сначала пришлось бы обновить состав Правительства России, а также изменить в нем расстановку сил. Да еще нужно, чтобы новые министры, вопреки действующим Указам Президента РФ, имеющим статус законов Российской Федерации, осмелились внести поправки в уставные документы РАО «ЕЭС России».

В этот непростой период я с огорчением наблюдал, как анархия рыночных отношений захватывала здравоохранение, науку, образование, культуру и спорт. В один из февральских дней 1996 года ко мне на прием пришел президент Федерации хоккея России В. Л. Сыч. Мы были с ним знакомы еще по работе в Совете Министров СССР, где Валентин Лукич занимал должность первого заместителя председателя Госкомспорта СССР. Рассказав о трудностях, переживаемых российским хоккеем, он сформулировал ряд предложений, направленных на их преодоление и возрождение былой славы отечественного хоккея. В этом разговоре Сыч предложил мне возглавить вновь создаваемую Российскую хоккейную лигу (РХЛ), в которую были приглашены все хоккейные клубы высшей лиги и класса «А» России. На РХЛ возлагались обязанности, связанные с организацией и проведением чемпионатов России по хоккею, контролем за состоянием и содержанием ледовых дворцов, организацией судейства на хоккейных матчах. В качестве награды для победителя хоккейного чемпионата РХЛ учреждала переходящий серебряный Кубок, а для занявших первые три места — соответственно золотые, серебряные и бронзовые медали.

Валентин Лукич заметил, что накануне он согласовал мое избрание на пост президента РХЛ с Председателем Правительства РФ В. С. Черномырдиным. Я попросил дать мне неделю на размышления, а затем объ-

явил Валентину Лукичу, что от его предложения отказываюсь. Каких только увещательных слов я тогда не услышал! И... сдался. Я понимал, что хоккейные клубы и их команды хотели от РАО «ЕЭС России» и региональных АО-энерго, прежде всего, финансовой и материальной помощи. Поэтому, несмотря на имевшиеся в электроэнергетике трудности, мы изыскивали возможности, чтобы необходимую помощь предоставлять. Вице-президентом РХЛ был избран руководитель вексельного центра «ЕЭЭК» Иван Борисович Кожин, а исполнительным директором — известный хоккеист Владимир Александрович Игошин.

В РХЛ сложилась деловая, творческая обстановка. Мы старались сделать все от нас зависящее для сохранения и развития российского хоккея, который был насквозь пронизан коммерциализацией, как больной организм — раковыми метастазами. Одновременно с избранием на пост президента РХЛ я стал и вице-президентом Федерации хоккея России. Уже в мае 1996 года я принимал участие в чемпионате мира по хоккею, проходившем в столице Австрии — Вене, где наша команда заняла четвертое место. Она, в основном, состояла из «легионеров» — российских хоккеистов, выступавших в различных зарубежных командах, в том числе США и Канады. Когда хоккейная сборная России встречалась на льду с командами этих стран, наши соотечественники, лишь на время чемпионата «призванные» в отечественную сборную, играли, как правило, скванно и нерезультативно. К большому сожалению, почти все знаменитые хоккеисты Советского Союза и России были куплены зарубежными клубами. Происходит это по разным причинам: либо по собственному желанию игроков, либо по инициативе руководителей российских клубов, желающих поправить финансовое положение спортивных коллективов.

После Венского чемпионата мира у меня сложилось твердое убеждение, что пора уже отказаться от практики приглашения «легионеров» в сборную России и впредь формировать ее из молодежи, пусть пока менее опытной, но зато патриотично настроенной. Для молодых спортсменов, заинтересованных в успехе российского хоккея, даже первые проигрыши в международных матчах будут хорошей школой. Гордость за Россию и личное тщеславие — вот что должно заставить их побеждать! А сколько среди молодежи России будущих ледовых витязей — надо только суметь их найти. Такого же мнения придерживается и заслуженный тренер СССР и России Виктор Васильевич Тихонов, с которым у меня сложились теплые, дружеские отношения. Я благодарен судьбе, что она свела меня с этим прекрасным человеком.

Мне хочется помянуть добрым словом и Валентина Лукича. Он очень хотел сохранить российский хоккей, поднять его на более высокий уровень. И добился бы этого наверняка. Ведь Сыча глубоко уважали в ми-

ровом хоккейном сообществе, он пользовался огромным авторитетом в Международной ассоциации хоккея, членом совета которой являлся. Но сложившаяся в российском спорте обстановка требует от человека наличия особых качеств, не имеющих к спорту никакого отношения. Качеств, необходимых для того, чтобы просто остаться в живых. Вирус наживы, пришедший одновременно с наглой приватизацией ледовых дворцов, спортивных баз, школ и клубов, разрушил и сделал малоэффективными усилия Федерации хоккея России во главе с Валентином Лукичом, направленные на возрождение российского хоккея.

Пытаясь выработать комплекс мер по сохранению и развитию хоккея России, Сыч ухватился за идею объединения всех хоккейных клубов страны, независимо от их формы собственности, в ассоциацию, почему и родилась РХЛ. Разработанные Сычем практические меры по организации системы проведения хоккейных чемпионатов России, установлению единых правил поведения хоккейных клубов и взаимодействия между ними пришлись не по вкусу некоторым спортивным чиновникам и их прихлебателям, коих на околоспортивной орбите всегда превеликое множество. Недовольство проявили не радители российского спорта, а паразитирующие на нем элементы. Именно в этих кругах были рекрутированы силы, которые, не сумев сломать Сыча духовно, пошли на его физическое уничтожение.

22 апреля 1997 года президент Федерации хоккея В. Л. Сыч выехал на служебной автомашине из своей подмосковной дачи. Кроме водителя в машине находилась и супруга президента — Валентина Дмитриевна. Через несколько минут водитель Сыча притормозил: дорогу перегородила зеленая машина. Убийца хладнокровно разрядил в пассажиров обойму. Шофер и супруга президента получили серьезные ранения, а Сыч скончался на месте.

«Вексельное дело»

Еще в сентябре 1994 года ряд энергосистем Сибири, Урала и Центральной России (в том числе ОАО Мосэнерго и РАО «ЕЭС России») подписали с Горно-Алтайским Сибэнергобанком договор об использовании в качестве вынужденной меры так называемой «вексельной системы». В тот период она была крайне необходима для своевременного приобретения топлива для электростанций и выдачи заработной платы персоналу. Красноярская прокуратура увидела в этом один из способов хищения средств. 31 марта 1996 года она возбудила уголовное дело против учредителей Сибэнергобанка. По делу проходили председатель совета директоров Сибэнергобанка А. Н. Митяшин, председатель правления этого же банка Иннокентий Тенгерекров, генеральный директор ОАО Красноярскэнерго В. М. Иванников, генеральный директор ОАО Алтайэнерго Владимир Зубков и я, как президент РАО «ЕЭС России».

Генеральная прокуратура России это дело неоднократно продлевала, поэтому тянулось оно более двух лет. В ходе следствия проводилась гласная и скрытая проверка моей деятельности. С целью определения источников моих доходов шел поиск счетов, открытых на мое имя в банках Москвы и других регионов России. В средства массовой информации сбрасывалась неточная, а зачастую просто искаженная информация. Организаторы интенсивной информационной атаки пытались доказать, будто в сети правосудия попали крупные руководители энергетической отрасли страны, только и думающие о том, как набить собственные карманы, что операция по их обезвреживанию стоит в одном ряду с нашумевшим в прошлом «узбекским делом». Но «вексельное дело» было с самого начала шито белыми нитками, поскольку следователи подходили к оценке вексельной системы в рыночных условиях с позиций системы плановой, административной.

Пошумев в прессе, красноярская прокуратура попала в щекотливое положение. Выходом из него стало обвинение, предъявленное генеральному директору ОАО Красноярскэнерго В. М. Иванникову в операциях по «прокручиванию денег». За основу был взят факт выделения Иванниковым краткосрочной ссуды в 1 миллиард 200 миллионов, в то

время еще неденоминированных, рублей Сибэнергобанку. Хотя сумма через несколько дней была возвращена в ОАО Красноярскэнерго, никому не причинив финансового ущерба, однако, по мнению служителей Фемиды, банк таким образом получил прибыль, которая в форме материальной помощи была выделена учредителям банка и руководству Красноярскэнерго. Но при этом почему-то было проигнорировано такое немаловажное обстоятельство: вся сумма прибыли была незамедлительно внесена в уставной капитал ОАО Сибэнергобанк. Председатель совета директоров Сибэнергобанка А. Н. Митяшин был осужден, а генеральный директор ОАО Красноярскэнерго В. М. Иванников освобожден от уголовной ответственности по амнистии.

Поднятая суматоха фактически разрушила худо или бедно отлаженную нами систему выживания электроэнергетики в период сплошных неплатежей за отпущенную энергию. Как еще были далеки некоторые государственные чиновники, в том числе и те, кто работал в силовых структурах, от понимания особенностей создавшейся в стране экономической обстановки! Ведь на законодательном уровне наша страна уже перешла на рыночные отношения, в рамках которых существовали и банки, и рынок ценных бумаг, и частная акционерная собственность.

Да что говорить о других! Мы сами, энергетики, создав РАО «ЕЭС России», все еще по старинке подходили к своим обязанностям. Мы не только не отключали тех, кто не платил, а наоборот, шли им навстречу и при отсутствии «живых» денег как-то «выкручивались»: электроэнергию все-таки вырабатывали и подавали по назначению. Подавали, несмотря на то что многие неплательщики проявляли непозволительную наивность и задарма пользовались нашей продукцией, не замечая, что вокруг — уже давно рынок, что услуги перестали быть бесплатными. «Идеализм теперь не в моде, — говорил один из героев А. П. Чехова. — Теперь царит рубль, и если хочешь, чтобы не спихнули с дороги, то распластайся перед рублем и благоговей...»

Наверное, каждому человеку хотя бы один раз в жизни приходится переживать свою «страстную неделю». Многое пришлось передумать и мне: где был не прав, что сделал не так, не допустил ли где-нибудь промашки, не подвел ли чем-нибудь друзей, соратников, коллег? Но относительно истории с векселями я был совершенно спокоен, так как никаких противозаконных действий не совершил. Я никогда не требовал от руководителей подчиненных мне структур и предприятий действовать противозаконно или совершать что-то такое, что противоречило бы совести.

Из жизненного опыта мне давно известно, как много непредвиденных обстоятельств опутывают своими невидимыми нитями смельчаков, вступающих в неравную борьбу с пороками, бедами и несправедливос-

тями окружающего мира. Прихотливо скручиваясь и переплетаясь, они образуют обманчиво-тонкую, но удивительно прочную сеть, которая в самый неожиданный момент, словно божье наказание, падает на людей откуда-то сверху, сковывает их движения и лишает возможности действовать в соответствии с намеченными ранее планами. Что уж в этом случае говорить о темпе и скорости на пути к достижению поставленных целей! Преодолеть состояние беспомощности, разорвать назойливые путы обстоятельств и направить их в предсказуемое русло можно только величайшим напряжением духа. Не всегда и не у всех это получается сразу и в полной мере. Но в случае удачи приходит необыкновенное ощущение легкости, позволяющее честно смотреть людям в глаза и добросовестно выполнять свои обязательства перед обществом.

Тем временем в стране развивались события, предопределившие основные направления социально-экономического развития России на ближайшие годы. Началась подготовка к президентским выборам. 15 января 1996 года на основании Указа Б. Н. Ельцина был создан общероссийский штаб по выборам Президента России. Штаб должен был заняться организацией и проведением президентских выборов, назначенных на 16 июня. Его на общественных началах возглавил О. Н. Сосковец. Заместителем Сосковца стал Сергей Александрович Филатов, подавший для этого в отставку с поста руководителя администрации главы государства.

Образование штаба вызвало политический скандал. Ведь Закон о выборах президента запрещает государственным органам и их сотрудникам оказывать содействие конкретным кандидатам на президентский пост, в том числе и при проведении предвыборной агитации. К тому же в январе предвыборная агитация официально еще не была разрешена. 29 января Центризбирком определил позицию по отношению к общероссийскому штабу по выборам Президента России. Было решено, что деятельность общероссийского штаба по выборам Президента «может осуществляться без нарушений избирательного законодательства, если этот орган не станет брать на себя функций Центризбиркома по проведению выборов, а будет лишь содействовать ему».

15 мая 1996 года стартовал агитационный тур по городам России «Ельцин — наш Президент». Всем членам Правительства были «нарезаны» свои участки ответственности. Сосковец поручил мне курировать регионы так называемого «красного пояса», к которым относились Ростовская область, Хакасия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Сам он, курируя Министерство путей сообщения РФ, решил использовать особенности этого железнодорожного ведомства для организации сбора подписей в поддержку Ельцина. Но в этом весьма деликатном деле Сосковец прибег к примитивным административным

методам, что вызвало массу скандалов. Слушания в Государственной Думе РФ по вопросу о законности создания штаба выявили случаи принудительного сбора подписей в поддержку кандидатуры Ельцина.

Принимая участие в этой работе, я прекрасно понимал, что уход Ельцина повлечет за собой смену курса. Его здоровье, ошибки и просчеты для меня в это время весили меньше, чем очередная смена политико-экономических ориентиров. Кажется, Наполеон любил говорить: «Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц». Недалек в своем умственном развитии тот политический вождь, который в борьбе за голоса избирателей манит их знанием способов борьбы со всеми проявлениями социального зла. Ельцин таких способов, скорее всего, не знал. Но он знал путь, по которому идти было нельзя.

Как известно, после первого тура голосования Ельцину не удалось набрать нужного количества голосов. В провале предвыборной кампании обвинили Сосковца, которого тут же атаковала пресса, опубликовавшая ряд компрометирующих материалов. 20 июня 1996 года Сосковец был отправлен в отставку в компании с Александром Васильевичем Коржаковым и Михаилом Ивановичем Барсуковым. Чуть позднее к ним присоединился председатель Госкомитета РФ по физической культуре и туризму Шамиль Анварович Тарпищев.

Второй тур выборов было поручено организовать Анатолию Борисовичу Чубайсу, негласному руководителю одной из аналитических групп предвыборного штаба. Почти во всех субъектах Российской Федерации, порученных мне, мы выиграли. Значительный вклад в победу Ельцина внес Черномырдин. 10 июля, после официального оглашения итогов президентских выборов, Б. Н. Ельцин обратился к народу. Поблагодарив избирателей, голосовавших в пользу его кандидатуры, он констатировал, что с уважением относится и к мнению тех, кто высказался против. Борис Николаевич отметил, что такой итог свидетельствует о неблагоприятном состоянии дел в некоторых российских регионах, об ошибках и промахах, допущенных как Правительством, так и Президентом страны. 9 августа 1996 года вновь избранный Президент России, возложив руку на текст Основного Закона РФ, произнес торжественную присягу.

Кто знает, какой мерой нужно измерять достоинства людей, чтобы судить о них справедливо? Сегодня политические аналитики, давая разнополюсные оценки первому Президенту РФ, сходятся в одном: он уже тем навсегда обеспечил себе место в истории, что не побоялся использовать шанс изменить российскую судьбу. В середине 1980-х годов он, наверное, был одним из немногих, кто воспринял перестройку не как спасение, а как возможность спасения, которой еще надо было по-умному воспользоваться. Осуществляя задуманное по-своему, по-русски, он

еще раз доказал, что является человеком страны и поколения, несущего в себе гигантский груз привычек и иллюзий прошлого, с которым он связан в буквальном смысле слова генетически.

Любая произвольно взятая жизнь тянет на несколько романов — стоит лишь внимательнее приглядеться. А что говорить, если это — жизнь Ельцина? Исследователей ельцинского феномена, я думаю, должны заинтересовать ассоциации, выводящие на последние выводы астрономической науки о движении звезд во Вселенной. Оказывается, скорость этого движения свидетельствует о том, что массы небесных светил должны быть в несколько раз больше видимых. Какая-то огромная масса космических путешественниц скрыта, она не светится, поэтому не поддается наблюдению. Эту массу условно назвали «темной энергией». Что это за энергия, какая материя в ней сокрыта, из чего она состоит — ответов пока нет. Кто знает, может быть, и Ельцин нес в себе массу, не видимую глазу рядового обывателя, а потому казался непредсказуемым? «Я считаю, — говорил в одном из своих последних интервью газете «Русская мысль» академик Д. С. Лихачев, — что он действительно думает о народе, но порой попадает в лапы недобросовестных людей, тратит деньги не на то, что нужно стране, и расстраивается, когда видит, что его усилия не приводят к желаемому результату».

Решение главного политического вопроса — о власти в стране — ни на йоту не отодвигало нас от профессиональных забот. В соответствии с программой приватизации в 1996 году предусматривалось продать 8,5% акций РАО «ЕЭС России», принадлежавших государству в лице Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом и Российского фонда федерального имущества. В руководстве РАО «ЕЭС России», как и в Правительстве страны, хорошо понимали, что эти акции смогут приобрести лишь иностранные фирмы и банки, а банки России — только в том случае, если смогут объединиться. Но самое главное, что цена акций РАО «ЕЭС России» на фондовом рынке была почти в тысячу раз ниже реальной стоимости энергетических объектов, внесенных в уставной капитал. Никому в голову не пришло произвести предварительную оценку стоимости этих 8,5% акций по правилам, сложившимся на международном рынке.

В создавшейся ситуации мы не могли оставаться простыми созерцателями. По нашему мнению, программа приватизации должна была проводиться таким образом, чтобы происходил возврат финансовых средств, которые бы использовались для инвестиций в новые энергетические проекты, а не для пополнения бюджета и выплаты заработной платы госслужащим. Поэтому совет директоров РАО «ЕЭС России» выступил против продажи акций. Такую же позицию на первых порах за-

няла и Государственная Дума РФ. Примерно за полгода до окончательной реализации программы приватизации нами в РАО «ЕЭС России» был разработан проект бизнес-плана. В нем предполагалась передача этих 8,5% акций в управление дочерней РАО «ЕЭС России» инвестиционной компании с правом их выкупа у государства по цене фондового рынка в течение одного-двух лет. Перепродажа акций не предусматривалась: они должны были стать залоговым инструментом для кредитования строительства новых энергетических объектов в России.

Проект плана был одобрен советом директоров РАО «ЕЭС России» и направлен на рассмотрение в правительственные инстанции. Вскоре мы узнали, что наш документ одобрил заместитель Председателя Правительства РФ — председатель Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом Александр Иванович Казаков. Но, к сожалению, нам не хватило двух дней, чтобы подготовить постановление Правительства РФ, поскольку Ельцин объявил об очередной отставке кабинета министров.

15 августа 1996 года первым заместителем Председателя Правительства РФ был назначен Владимир Олегович Потанин, а в сентябре пост заместителя Председателя Правительства РФ — председателя Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом занял Альфред Рейнгольдович Кох. Сразу стало понятно, что пришли руководители «новой волны», со своим представлением о путях развития страны. Оба, словно сговорившись, предприняли активные действия с целью ускорить продажу 8,5% акций иностранным фирмам. Проект совета директоров РАО «ЕЭС России» был предан забвению. Наши позиции были ослаблены еще и отставкой Шафраника. Вместо него на пост министра топлива и энергетики РФ 17 августа был назначен бывший директор компании Лентрансгаз Петр Иванович Родионов. С Родионовым я познакомился, когда он был членом совета директоров ЗАО «Северо-Западная ТЭЦ» (Санкт-Петербург). Там он проявил себя толковым энергичным руководителем, настоящим профессионалом-газовиком. Но, как мне показалось, ему мешали замкнутость характера и непоследовательность при принятии решений.

Спустя некоторое время после своего назначения Родионов пригласил меня в кабинет, где еще совсем недавно располагался я. Без лишних предисловий он спросил:

— Какие у вас планы на будущее?

— А почему вы об этом спрашиваете? — ответил я вопросом на вопрос.

— Дело в том, — отчеканил Родионов, — что в Правительстве России есть мнение освободить вас от обязанностей председателя совета директоров РАО «ЕЭС России», оставив за вами должность председателя правления — президента РАО «ЕЭС России».

— А кого вы планируете назначить руководителем совета директоров? — спросил я.

— Министра топлива и энергетики РФ, то есть самого себя, — без тени смущения ответил Петр Иванович.

Мне не удалось узнать, от кого исходило решение: от первого заместителя Председателя Правительства РФ Алексея Алексеевича Большакова или же лично от В. С. Черномырдина. Я с возмущением заявил:

— Пока мне об этом решении не объявит сам Виктор Степанович, я не буду обсуждать этот вопрос и согласия давать не стану. Я не намерен превращать РАО «ЕЭС России» в придаток Газпрома. И вообще вы поступаете некорректно. Лидер в электроэнергетике России пока я. К тому же, смею напомнить, я еще не достиг пенсионного возраста!

Родионов мне напоминал человека, о котором в России XIX века говорили: «Кто знает, что он задумал: то ли уйти в монастырь, то ли спалить деревню». С какой легкостью он берется за определение чужих судеб! С каким наглым самомнением лезет туда, куда его никто не приглашает!

— Вы начинаете реорганизацию РАО «ЕЭС России», — продолжал я в наступательном тоне, — даже не поговорив со мной, не объяснив, какие цели преследует эта реорганизация. В настоящее время все нити управления электроэнергетикой держит в своих руках государство. Совет директоров РАО «ЕЭС России» предпочитает вести свои дела в прозрачном режиме. Мы никому не позволим расправиться с электроэнергетикой так, как это было сделано с другими отраслями. Я знаю, как смотрят на меня в Международном валютном фонде и Всемирном банке реконструкции и развития. Как на камень преткновения! Как на препятствие, мешающее им окончательно приватизировать электроэнергетику России. А вы льете воду на их мельницу!

Я вышел из кабинета Родионова, зная, что каждый из нас остался при своем мнении. По своей сути предложение министра имело право на существование, но по форме оно было нетактично и вызывало естественное чувство протеста.

На первых порах Петр Иванович активно выступал против продажи 8,5% акций РАО «ЕЭС России». Государственная Дума РФ на одном из своих заседаний также приняла постановление, призывающее воздержаться от их продажи. Но Госкомимущество России и Российский фонд федерального имущества настойчиво требовали продать акции иностранным фирмам во главе с «Bank of New-York». На совещании в Правительстве РФ, которое 12 сентября 1996 года проводил Потанин, нас обвинили в игнорировании и срыве плана приватизации РАО «ЕЭС России». От нас потребовали немедленно обеспечить продажу 8,5% акций РАО «ЕЭС России» при очень смешной первоначальной аукцион-

ной стоимости — 300 миллионов долларов. Это уже было требование первого заместителя Председателя Правительства РФ, изложенное в письменной форме. Но мы, продолжая стоять на своем, выдвинули следующее условие. Иностранная фирма, выражающая намерение приобрести наши акции, должна подписать с РАО «ЕЭС России» соглашение о конфиденциальности информации, полученной от РАО в ходе осуществления сделки. Иностранные фирмы отказывались подписывать такое соглашение, а мы со своей стороны не спешили продавать акции.

Наше «непослушание» не понравилось Коху и исполняющему обязанности председателя Российского фонда федерального имущества Игорю Борисовичу Липкину. Они направили в совет директоров РАО «ЕЭС России» письмо-заявление, в котором выражалось неудовлетворение фактом задержки продажи 8,5% акций. Авторы письма требовали провести внеочередное собрание акционеров РАО «ЕЭС России» и решить вопросы о досрочном переизбрании совета директоров и президента акционерного общества. Согласно существующему положению, у нас было десять дней на рассмотрение поступившего заявления на совете директоров, но через неделю мы получили очередное письмо-заявление, уже подписанное Кохом, Родионовым и Липкиным. В нем предлагалось на внеочередном собрании акционеров РАО «ЕЭС России» рассмотреть целый ряд неотложных вопросов. Один из них был связан с внесением изменений в Устав РАО «ЕЭС России», касающихся разделения функций между председателем совета директоров и президентом РАО «ЕЭС России». Другой — с досрочным прекращением полномочий членов совета директоров общества — представителей государства и избрании на их место новых представителей государства. К письму прилагался утвержденный Кохом порядок голосования по указанным вопросам представителей государства, избранных в органы управления РАО «ЕЭС России», на заседании совета директоров. Голосования, естественно, только «за». Не знаю, почему Родионов примкнул к этой группе: ведь он был против продажи акций. Вероятно, он решил облегчить себе задачу и объединенными усилиями произвести замену в руководстве РАО «ЕЭС России».

Совет директоров РАО «ЕЭС России» рассмотрел письмо и направил ответ, в котором аргументировал невозможность проведения внеочередного собрания акционеров. Во-первых, требование о созыве внеочередного собрания РАО «ЕЭС России» было подписано лицами, не обладающими на это правом. Во-вторых, полномочия по управлению принадлежащими государству акциями РАО «ЕЭС России» возложены на коллегию представителей государства в действующем совете директоров РАО «ЕЭС России», а она такого решения не принимала. В-третьих, в письме не были указаны мотивы внесения в повестку дня внеочеред-

ного собрания акционеров РАО «ЕЭС России» предлагаемых вопросов. И, в-четвертых, Устав РАО «ЕЭС России» был приведен в соответствие с требованиями Федерального Закона «Об акционерных обществах», в том числе с учетом пункта 5 статьи 1 указанного Закона, и утвержден общим собранием акционеров всего несколько месяцев назад, а точнее 17 мая 1996 года. Устав был зарегистрирован с поправками в Московской регистрационной палате 22 июля 1996 года, и внесение дополнительных изменений в него не требовалось.

За отказ от проведения внеочередного собрания акционеров РАО «ЕЭС России» проголосовали 11 членов совета директоров, лишь один Мостовой согласился с требованиями, изложенными в письме. После принятия такого решения я поставил вопрос о дальнейшем доверии мне как председателю совета директоров общества и президенту РАО «ЕЭС России». Все члены совета директоров, в том числе Мостовой, проголосовали за полное доверие, заявив, что «А. Ф. Дьяков на должном уровне выполняет возложенные на него обязанности в соответствии с заключенным контрактом».

О решении совета директоров не созывать внеочередное собрание акционеров РАО «ЕЭС России» было письменно сообщено Коху, Липкину и Родионову в отведенные Уставом акционерного общества сроки. Естественно, такой ответ их не устраивал. По требованию наших оппонентов Председатель Правительства РФ В. С. Черномырдин собрал у себя совещание, на которое были приглашены Родионов, Кох, Потанин, Большаков и я. В ходе совещания Родионов, делая вид, что не замечает меня, обратился к Коху:

— Ты можешь снять Дьякова с работы?

— Нет, он этого сделать не может! — ответил я за Коха.

Коху осталось только подтвердить мои слова.

Виктор Степанович начал разговор с решения Государственной Думы РФ о запрете продажи 8,5% акций РАО «ЕЭС России».

— Вы поссорите меня с Думой! — заявил он. — Но в то же время есть программа приватизации, и продажа этих акций — один из основных источников пополнения бюджета. Денег в казне нет.

Круг замкнулся. Виктор Степанович принял решение проводить аукцион, но с участием российских банков и фирм: «Акции должны остаться в России!» На этом совещании не обсуждался вопрос о нашем отказе от проведения внеочередного собрания РАО «ЕЭС России» с целью переизбрания руководства. Но обстановка оставалась накаленной, поскольку ни Кох, ни Потанин, ни Родионов не собирались успокаиваться.

По всей стране шла интенсивная подготовка энергетических объектов к работе в условиях осенне-зимнего максимума нагрузки. Большую помощь

в этом оказывал нам первый заместитель Председателя Правительства РФ А. А. Большаков. Но над руководством РАО «ЕЭС России» и энергетикой в целом по-прежнему висела угроза расправы. Учитывая сложившуюся обстановку, наблюдательный совет корпорации «Единый электроэнергетический комплекс», исполнительный совет Российского энерготехнологического конгресса и Электротехнический профессиональный союз приняли решение созвать 18 декабря 1996 года в Москве 2-й съезд энергетиков России. Обстановка была невероятно тяжелой: неплатежи, трудности с оформлением договоров на поставку топлива, его малые аварийные запасы. Проблемы решались, но за счет огромного перенапряжения.

5 ноября 1996 года я попал в больницу с диагнозом «предынфарктное состояние». Сразу скажу, что поправился я быстро, и через десять дней был уже в норме. 10 ноября мне исполнилось шестьдесят. С днем рождения меня приехала поздравлять вся семья, близкие друзья, руководство Центральной клинической больницы. Конечно же, больничная палата — не место для юбилеев, но внимание родных и друзей послужило для меня дополнительным источником сил и бодрости.

Выписавшись из больницы 15 ноября, я сразу же поехал на работу. Родионов поздравил меня и вручил Почетную грамоту от имени Министерства топлива и энергетики РФ. А вот Виктор Степанович Черномырдин, с которым мы долгое время работали вместе в Совете Министров СССР, а затем в Правительстве России, не только не приехал, но и не нашел времени, чтобы просто позвонить. Замечу, что за все время пребывания на посту Председателя Правительства РФ Виктор Степанович ни разу не был в РАО «ЕЭС России», ни разу не пригласил меня к себе, чтобы поинтересоваться делами энергетики. Лишь при случайных встречах, в совместных командировках и пару раз по телефону он рассеянно спрашивал меня о делах. Причем тут же заявлял, что ко мне имеются претензии по тарифной политике, вероятно, не зная, что тарифы утверждает Федеральная энергетическая комиссия (ФЭК) России. Меня такие отношения устраивали, я усматривал в них полное доверие к себе и старался ни в чем его не подводить. Видимо, он руководствовался русской пословицей: «Яблоне не надо беспокоиться, чтобы на ней яблоки росли, — сами вырастут». Я же видел свои обязанности в обеспечении надежного энергоснабжения потребителей и перспективного развития энергетики России. Решая эту задачу, я тем самым поддерживал его, как Председателя Правительства РФ.

Вечером ко мне приехал с поздравлениями заместитель Председателя Правительства Виталий Никитич Игнатенко, который вручил Почетную грамоту Правительства России. Меня поздравили коллеги, а также представители Русской Православной церкви. От Федерации

хоккея России приезжали В. Л. Сыч, В. В. Тихонов, Б. А. Майоров, В. А. Игошин. С поздравлениями пожаловали руководители российских регионов: Президент Республики Бурятия — Л. В. Потапов, Президент Чувашской Республики — Н. В. Федоров, Президент Республики Северная Осетия-Алания — А. Х. Галазов, Президент Карачаево-Черкесской Республики — В. И. Хубиев, Президент Кабардино-Балкарской Республики — В. М. Коков. Передали свои поздравления и награды руководители Тувы и Калмыкии, представители почти всех субъектов РФ.

Свой юбилей я рассматривал не как подведение итогов сделанного, а как рубеж определения задач на будущее, особенно в этот сложный переходный период в истории России. На следующий день я уже был занят заботами, связанными с подготовкой съезда энергетиков.

Съезд энергетиков

2-й Всероссийский съезд энергетиков прошел, как принято выражаться в официальных документах, на высоком организационном уровне. В его работе приняли участие первый заместитель Председателя Правительства РФ А. А. Большаков, министр топлива и энергетики РФ П. И. Родионов, председатель Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) А. И. Вольский и другие. Я выступал с докладом «О положении дел в энергетике и путях выхода из кризиса», а также работал над документами съезда во главе редакционной комиссии.

Съезд продемонстрировал высочайшую сплоченность работников электроэнергетической промышленности, несокрушимую солидарность нашего профессионального братства, его умение грамотно и целеустремленно решать назревшие вопросы. В зале не было равнодушных. В его стенах собрались люди ответственные, беспокойные, мыслящие. В прениях по докладу и в выступлениях с мест звучали слова, пронизанные тревогой за общее состояние дел в экономике страны. Но в них присутствовала и твердая вера в возможность поступательного развития электроэнергетической отрасли, выражалась готовность добиваться поставленной цели всеми доступными средствами. По мнению делегатов, важным шагом на путях вывода страны из кризиса могли бы стать разработанные на съезде и направленные в Правительство РФ предложения по сохранению Единой энергетической системы в рыночных условиях.

2-й Всероссийский съезд энергетиков еще раз напомнил стране о тревожном состоянии, сложившемся в энергетической отрасли, обсудил имеющиеся проблемы, наметил способы и сроки их устранения. К сожалению, выработанные на съезде предложения не вызвали особого интереса в правительственных кругах.

Вскоре после съезда, 22 декабря 1996 года, наступил наш профессиональный праздник — День энергетика, который широко отмечался как в РАО «ЕЭС России», так и во всех энергосистемах страны. Мысленно мы уже прощались с уходящим в историю высокосным 1996 годом. Ходили слухи о предстоящих перемещениях в Правительстве России. Но для меня не было актуальнее задачи, чем борьба за единую и неделимую энер-

гетическую систему, к какой бы форме собственности ни относились ее составные элементы. Эту задачу нельзя было откладывать в долгий ящик, поскольку наше движение к рынку происходило в условиях отсутствия или несовершенства нормативно-законодательной базы. К тому же совсем неожиданно — грозой среди ясного неба — над нашими головами польхнула проблема, связанная с защитой электростанций от банкротства.

В процедуре банкротства были заинтересованы, как правило, организации, с большим дисконтом скупавшие кредиторскую задолженность электростанций у поставщиков топлива, оборудования, запасных частей и других материальных ресурсов. Нам было трудно понять, почему такая жизнеобеспечивающая отрасль российской экономики, как электроэнергетика, вынуждена была защищаться в судах от попыток её обанкротить? Ведь дебиторская задолженность потребителей за полученную на предприятиях электроэнергетики продукцию во много раз превышала задолженность кредиторскую. Нам приходилось прилагать огромные усилия, чтобы через Правительство РФ и Государственную Думу РФ ограничить распространение такого нежелательного явления, как банкротство, и защитить интересы государства и акционеров РАО «ЕЭС России».

В этот период взаимоотношения руководства РАО «ЕЭС России» с центральной властью отличались особой напряженностью. Поэтому в качестве приоритетного направления в работе мы определили налаживание деловых отношений с региональными лидерами. С ними мы решали самые различные вопросы: тарифной политики, развития отрасли, подготовки энергохозяйств к зиме, энергоснабжения потребителей. Деловые контакты, установленные нами с большинством руководителей субъектов Российской Федерации, с каждым днем становились все объемнее и богаче, наполняясь новым содержанием.

После новогодних и рождественских праздников в стране наступило короткое политическое затишье. Однако уже в конце января 1997 года представители политической и финансово-экономической элиты России, ориентированные в основном на ценности западного мира, отправились в Швейцарию (Давос) для участия в работе Международного экономического форума. Председатель Правительства РФ В. С. Черномырдин выступил на форуме с сообщением о ходе политических и экономических реформ в России, ставшей на путь активного внедрения рыночных отношений. Совместно с председателем правления концерна «Siemens AG» доктором Хайнрихом фон Пирером и губернатором Нижегородской области Б. Е. Немцовым мне пришлось принять участие в одном из заседаний по вопросу хода реструктуризации электроэнергетики в различных государствах, в том числе и в России.

Форум произвел на меня тягостное впечатление. Огромная масса представлявших Россию политических и государственных деятелей, бизнесменов, банкиров и менеджеров действовала разобщенно. Кажется, что их интересуют только две проблемы: с кем еще из сильных мира сего установить личное знакомство да как провести свободное время на зимнем курорте. В Давосе с Россией разговаривали в назидательном тоне, с интонацией школьного директора, отчитывающего провинившегося ученика. Там мы с Немцовым договорились: после возвращения из Швейцарии встретиться в Нижнем Новгороде и в очередной раз обсудить положение дел с электроэнергетикой в Нижегородской области.

Я знал Бориса Ефимовича с 1991 года: он приезжал ко мне в подмосковный санаторий «Сосны», где я отдыхал с Тamarой Федоровной. Гость произвел тогда на нас приятное впечатление. Это был молодой, начинающий политик демократических убеждений, депутат Верховного Совета РСФСР. Между нами сразу установились добрые отношения, поскольку мне импонировали его молодость, активность, напористость. Немцова сопровождал генеральный директор Нижегородского производственного объединения энергетики и электрификации Нижновэнерго Александр Филиппович Евдокимов.

Сразу после создания РАО «ЕЭС России» в феврале 1993 года мы с Немцовым подписали совместную программу модернизации, реконструкции и расширения Нижегородской энергосистемы, внедрения на ней передовых, экологически чистых, ресурсосберегающих технологий. Нижний Новгород в соответствии с распоряжением Правительства РФ № 568-р от 5 апреля 1993 года, подписанным В. С. Черномырдиным, был включен в перечень так называемых «энергоэффективных демонстрационных зон», создаваемых на территории России в рамках проекта «Энергетическая эффективность — 2000», разработанного Европейской экономической комиссией ООН. При составлении программы были учтены и напряженная экологическая обстановка в регионе, и принятые решения о переводе электростанций Нижновэнерго на сжигание газового топлива.

Совместный документ предусматривал строительство экологически чистого парогазового блока мощностью 450 МВт в ячейке существовавшего третьего блока Дзержинской ТЭЦ и ПГУ № 2 такой же мощности в расширяемой зоне электростанции. В проекте предполагалось использование газовых турбин мощностью 150 МВт совместного производства «Siemens AG» — ЛМЗ, а также котлов-утилизаторов Подольского завода. Установка ПГУ отечественного производства предусматривалась на Нижегородской ГРЭС, Сормовской ТЭЦ, Новогорьковской ТЭЦ и Игумновской ТЭЦ. Источниками финансирования этой программы являлись централизованные средства РАО «ЕЭС России», создаваемые за счет включенной в тариф

на электроэнергию инвестиционной составляющей, средства АО Нижновэнерго и бюджет области. Были расписаны сроки проектирования, строительства и ввода всех указанных объектов. Для контроля были созданы совместные рабочие группы, систематически представлявшие руководству РАО «ЕЭС России» и губернатору Нижегородской области сведения о ходе реализации и предложения по совершенствованию этой программы. Аналогичные совместные программы РАО «ЕЭС России» подписало и с другими субъектами Российской Федерации.

Вернувшись из Давоса, я 7 февраля 1997 года был уже в Нижнем Новгороде с большой группой ответственных работников РАО «ЕЭС России». Немцов удивился моей оперативности. Мы рассмотрели порядок реконструкции каждой электростанции, включенной в программу, вопросы комплектования оборудованием строящихся объектов, ход реализации контрактов, заключенных с международными концернами «Siemens AG» и «ABB», а также с российскими заводами. К большому сожалению, пуск первой газовой турбины ГТ-150 на Дзержинской ТЭЦ, намеченный на ноябрь — декабрь 1996 года, был сорван по причине незавершенности строительно-монтажных работ, которые не были вовремя профинансированы. Чтобы найти дополнительные средства, необходимые для ускорения работ по подготовке блока к пуску, было решено часть имущества Нижегородской ГЭС передать Нижновэнерго в аренду. Это не представляло особой трудности, поскольку ГЭС работала с нагрузкой до 120 МВт исключительно в режиме санитарного пропуска Горьковского водохранилища и не влияла на формирование оптового рынка электроэнергии. Такой шаг позволял снизить региональные тарифы на электроэнергию, отпускаемую областными предприятиям — экспортерам энергоемкой продукции, восстановить их работу в области и обеспечить поступление недостающих валютных средств для финансирования работ по реконструкции Дзержинской ТЭЦ.

Мы с Немцовым направили в ФЭК России просьбу поддержать предлагаемое решение и учесть его при формировании энергобаланса федерального оптового рынка электроэнергии на 1997 год. Вторым дополнительным источником инвестирования в электроэнергетику Нижегородской области был определен в договоре, подписанном между ЦДУ РАО «ЕЭС России», АО Нижновэнерго и АО «Волга». В этом договоре перечислялись условия, которые были необходимы для объединения усилий и средств с целью производства на АО «Волга» предназначенной на экспорт конкурентоспособной продукции, ее реализации и распределения вырученных средств между сторонами пропорционально долям участия. В соответствии с этим договором ЦДУ «ЕЭС России» поставляло определенные объемы электроэнергии, по фиксированной цене и в установленные сроки, с

федерального оптового рынка в АО Нижновэнерго, которое в свою очередь транспортировало ее в АО «Волга». Доля участия АО Нижновэнерго в данном договоре определялась стоимостью затрат, возникающих в период передачи электроэнергии по собственным электросетям.

Помимо программы развития электроэнергетики Нижегородской области мы обсудили с Борисом Ефимовичем довольно большой круг вопросов. Я поделился с ним своими мыслями о том, как увести электростанции и энергосистемы от возможного (согласно действовавшим на том этапе законам) банкротства, возникавшего из-за невозможности возврата ими средств, заимствованных для приобретения топлива, запасных частей, оборудования и материалов. Для защиты энергопредприятий от банкротства мы создали торговый дом «Энергопереток» и вели работу по созданию его отделений в регионах. По нашему замыслу, торговому дому и его региональным отделениям должны были передаваться как дебиторская, так и кредиторская задолженность. Немцов высказал просьбу ускорить создание регионального торгового дома в Нижегородской области. Итоги нашей встречи мы подвели в совместном заявлении о проделанной работе и планах на будущее, с которым выступили по местному телевидению. В общем, встреча наша прошла, как пишут в прессе, в теплой, дружественной обстановке, в атмосфере доверия и взаимопонимания.

Я уже тогда обратил внимание, что Немцов, в каких бы мероприятиях он ни участвовал, в первую очередь заботился о своем имидже. Для него главное — это public relations, положительное освещение его имени в средствах массовой информации. Некоторые руководители РАО «ЕЭС России», принимавшие участие во всех наших с Немцовым встречах, совещаниях, поездках по энергетическим объектам Нижегородской области, обращали мое внимание на одно странное обстоятельство. Оказывается, Борис Ефимович, когда меня не было рядом, в разговорах со своими сотрудниками или журналистами по-своему трактовал принятые нами совместные решения, порой даже допускал их искажение.

Я не придавал тогда существенного значения информации о двуличии Немцова, хотя, конечно же, знал, что политика — дело грязное, что с политиками откровенничать нельзя. Общаясь с этой публикой, следует помнить пословицы, вошедшие в сокровищницу народной мудрости: «Слово — серебро, а молчание — золото», «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь». Я же предпочитал добавлять: «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь, а козь поймают, сам вылетишь». В мудрости этих слов мне неоднократно приходилось убеждаться. Подтвердились они и впоследствии. Но в то время всё это для меня представлялось мелочью по сравнению с главным — сохранением энергетической мощи страны, поиском путей, ведущих к её обновлению и наращиванию.

Между тем экономическая обстановка в стране продолжала оставаться очень напряженной: социально-экономические потери России в результате радикальных реформ были огромны. На 1 января 1997 года в стране насчитывалось 1665 предприятий, имевших перед федеральным и местными бюджетами огромную задолженность. Она превышала 60% задолженности всех налогоплательщиков России перед государственной казной. Крупнейшие предприятия-должники были сосредоточены в основном в Москве, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Оренбургской и Кемеровской областях, в Красноярском крае, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Общий объем произведенной в январе 1997 года продукции в сопоставимых ценах составил 72% по отношению к январю 1996 года. Падение объемов производства в оборонном комплексе в первом месяце 1997 года до 17,8% от уровня января 1991 года свидетельствовало о вхождении оборонной промышленности «в штопор».

Несмотря на тяжелейшую ситуацию, энергетики все же сумели обеспечить ввод новых объектов общей мощностью более 1 млн. 200 тыс. киловатт и произвести техническое перевооружение энергоблоков на целом ряде электростанций.

Были введены в эксплуатацию новые энергоблоки: № 2 215 МВт на Псковской ГРЭС, № 1 80 МВт на ТЭЦ-27 и № 5 150 МВт на ГРЭС-3 (оба в Мосэнерго), № 1 180 МВт на Челябинской ТЭЦ-3, № 1 80 МВт на Томской ТЭЦ-3. Завершено техническое перевооружение энергоблоков: № 3 60 МВт на Западно-Сибирской ТЭЦ, № 5 200 МВт на Беловской ГРЭС, № 10 115 МВт на Волгоградской ГЭС, № 5 100 МВт на Южно-Уральской ГРЭС. Продолжалось, хотя и с большими трудностями, строительство Северо-Западной ТЭЦ, 2-го блока Нижневартовской ГРЭС, Зеленчукского каскада, Богучанской, Бурейской, Ирганайской гидроэлектростанций. Велось строительство новых линий электропередачи (ЛЭП): 330 кВ Буденновск — Кизляр — Махачкала — 407 км, 500 кВ Заря — Барабинск — 370 км, 500 кВ Барабинск — Таврическая — 368 км.

По РАО «ЕЭС России» и её дочерним компаниям был разработан и утвержден план-прогноз — 1997 по вводу новых объектов и техническому перевооружению общей мощностью в 2 млн. 465 тыс. кВт.

В феврале 1997 года Ельцин выступил с программным радиообращением к гражданам России. В своей речи, прозвучавшей в эфире «Радио России», он заострил внимание на пенсионном обеспечении граждан страны. Назвав «преступлением» намерение некоторых должностных лиц о прекращении пенсионных выплат работающим пенсионерам, Борис Николаевич обещал не увеличивать возрастной порог для выхода на пенсию. Кроме того, он еще раз напомнил о своем указании Правитель-

ству РФ — обеспечить выплату текущих пенсий без задержек, начиная с февраля 1997 года. Затронул Президент РФ и другие проблемы. Говоря о результатах выборов в Чечне, Борис Николаевич выразил уверенность, что русским и чеченцам суждено жить вместе. Ельцин обозначил себя противником внесения поправок в Конституцию по конъюнктурным соображениям. «Конституция, — сказал он, — самое неподходящее поле для импульсивных решений и непродуманных экспериментов».

В конце февраля 1997 года Ельцин произвел на свет очередную кадровую «загогулину». Он предложил Черномырдину так реорганизовать Правительство РФ, чтобы оно стало «более мобильным и способным оперативно решать возникающие вопросы». Глава государства поставил перед Виктором Степановичем задачу — сформулировать соответствующие предложения по структурным изменениям в кабинете министров, а если необходимо, — то и по конкретным кандидатурам. Борис Николаевич, опираясь на «мнение россиян», негативно отозвался о качестве работы Правительства РФ в социальной сфере. «Недовольных уже большинство», — заявил Ельцин. Свой взгляд на предстоявшие изменения в составе кабинета министров Президент РФ изложил на встрече в Кремле с главными редакторами ряда центральных российских средств массовой информации. Новое Правительство России, заявил он, будет принципиально другим: «Это не будет московская тусовка — там будет много новых людей». Хотя намекнул, что часть бывших министров и вице-премьеров все же останется.

17 марта 1997 года Ельцин назначил первым заместителем Председателя Правительства РФ — министром финансов Анатолия Борисовича Чубайса, а первым заместителем Председателя Правительства РФ — Бориса Ефимовича Немцова. Заместителями Председателя Правительства РФ были назначены Владимир Борисович Булгак, Альфред Рейнгольдovich Кох — председатель Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом, Яков Моисеевич Уринсон — министр экономики РФ и Олег Николаевич Сысуев.

Алексей Алексеевич Большаков, Виктор Васильевич Илюшин и Владимир Олегович Потанин были смещены с должностей первых заместителей Председателя Правительства РФ. Потеряли должности заместителей Председателя Правительства РФ Александр Харлампиевич Заверюха, Виталий Никитич Игнатенко, Александр Яковлевич Лившиц (переведен на должность заместителя руководителя Администрации Президента РФ) и Олег Иванович Лобов. Эта же участь постигла заместителя Председателя Правительства РФ — министра внешних экономических связей Олега Дмитриевича Давыдова, а также некоторых министров — Ефима Владимировича Басина, Юрия Александровича

Беспалова и Зиновия Петровича Пака. В связи с переходом на другую работу был освобожден от должности министра экономики РФ Евгений Григорьевич Ясин.

Черномырдин, представивший Президенту РФ свои предложения по структуре Правительства и кадрам, был поставлен в неудобное положение, как говорят, остался «с носом». Чувствовалось, что ему была отведена своеобразная роль — «царствовать, но не править», да и то, вероятно, недолго. Он был оставлен командиром — но уже чужой команды. Из «его людей» в Правительстве осталось человека три-четыре. Вся полнота власти оказалась в руках двух «молодых реформаторов», любимчиков Президента, которых он два года обещал не трогать.

Ельцин в свойственной ему манере одним ходом обыграл всех. Была сохранена милая его сердцу система сдержек и противовесов. Но у Чубайса, черномырдинского противовеса, ведавшего в новом правительстве экономикой и финансами, не было своей сильной команды. Да к тому же назначение Немцова первым заместителем по вопросам естественных монополий и социальной сферы было явно предпринято для ограничения влияния Чубайса.

Превратности судьбы, с которыми человек постоянно сталкивается в своей жизни, в большинстве случаев зреют подспудно. А порождаются они множеством, на первый взгляд, незначительных причин, переплетенных друг с другом в самых невообразимых комбинациях. В повседневной суете мы обычно не отягощаем себя поиском питательной среды, возвращающей для нас очередные проблемы. Но иногда, доведенные до отчаяния, все-таки беремся за этот неблагодарный труд, чтобы в конце концов докопаться до сути. При этом нет никакой уверенности, что поиски этой сути могут увенчаться каким-нибудь существенным успехом.

Спустя некоторое время после формирования нового состава Правительства РФ я почувствовал, что «второй Боря» (так за глаза называли Немцова) проявляет к РАО «ЕЭС России» огромный интерес, который очень скоро «материализовался». В один из выходных дней я выбрался на дачу, расположенную в Жаворонках рядом с пансионатом имени 60-летия плана ГОЭЛРО, принадлежащим РАО «ЕЭС России». Раздался телефонный звонок. Это был генеральный директор АО Нижновэнерго А. Ф. Евдокимов. Он сообщил мне, что тоже находится в пансионате, и хотел бы, выполняя задание Немцова, кое о чем со мной поговорить.

Вместе с Евдокимовым пришел молодой человек, в котором я узнал председателя правления «Нижегородского банковского дома» («НБД-банка») Бориса Бревнова. До этого первый раз я его увидел в РАО «ЕЭС России», в кабинете вице-президента общества Анатолия Ивановича Барановского, а второй раз — в Нижнем Новгороде, в приемной Немцова.

Чувствовалось, что он — близкое, доверенное лицо губернатора области. Это отчетливо проявилось при подписании договоров по финансированию реконструкции Дзержинской ТЭЦ, когда Немцов настойчиво требовал, чтобы уполномоченным по контролю и проведению всех взаиморасчетов между участниками договора был «НБД-банк». Что еще сразу бросилось в глаза: они были внешне сильно похожи друг на друга. Глядя на них, невольно возникал вопрос: «А не родственники ли они?»

Отведя меня в сторону, Евдокимов заявил, что Немцов предлагает назначить Бревнова первым заместителем президента РАО «ЕЭС России» по экономике и финансам. Я возмущился такой бесцеремонностью. Во-первых, в штатном расписании РАО «ЕЭС России» не было должности первого заместителя президента, а во-вторых, почему Немцов делает это через посредника? Я понимал, что Немцов хочет заслать в аппарат РАО «ЕЭС России» своего «казачка» для получения информации о состоянии экономики и финансов, расстановке кадров и по другим важным вопросам, имевших большое значение для осуществления и корректировки политических планов.

Не дожидаясь ответа, Евдокимов начал уговаривать меня, советовать, как поступить. Он в цветах и красках обрисовал ситуацию, которая может сложиться, если я отвечу отказом, аргументируя примерами сложных взаимоотношений, которые были у него самого с Немцовым в прошлом.

Внимательно выслушав Александра Филипповича, я заявил, что не боюсь никаких коллизий, которые бы могли возникнуть между мной и Немцовым, и добавил:

— Я еще подумаю, взвешу все «за» и «против». О решении объявлю только после встречи с Немцовым.

Вскоре эта встреча состоялась. К чести Бориса Ефимовича, он не пытался тупо продавливать свое предложение. Разговор протекал спокойно, в конструктивном русле. Немцов мягко намекнул, что его назначение первым заместителем Председателя Правительства состоялось благодаря Ельцину, что «царь Борис» очень благоволит к нему, и ему предоставлены большие полномочия по реформированию естественных монополий.

Развивались бы события иначе, если бы Бревнов не стал первым заместителем президента РАО «ЕЭС России»? Не думаю. В качестве моего заместителя он ничего другого не мог делать, кроме доставления информации на стол Немцова. Поэтому, назначая 28 марта 1997 года Бревнова первым заместителем президента, я ввел в штатное расписание не одну, а две единицы первых заместителей президента. Первым заместителем президента — главным инженером РАО «ЕЭС России» я назначил Владимира Андреевича Стенина. По сложившейся традиции, главный инженер считался в любой структуре Минтопэнерго и РАО «ЕЭС России»

первым среди других первых заместителей. Владимир Андреевич Стенин относился к руководителям крупного масштаба, хорошо знал электроэнергетику, обладал богатым опытом работы, хорошими организаторскими навыками.

Назначение Стенина вызвало негативную реакцию в немцовой команде. Я понял, что трудоустройство Бревнова является первым шагом в реализации какого-то далеко идущего плана.

В чьих руках рубильник...

Через три дня в Правительстве РФ состоялось совещание, на котором присутствовали Анатолий Борисович Чубайс, Борис Ефимович Немцов, Евгений Григорьевич Ясин, Яков Моисеевич Уринсон, а также председатель Федеральной энергетической комиссии России Юрий Николаевич Корсун и заместитель министра топлива и энергетики РФ Анатолий Гаврилович Козырев. Я выступал с докладом о выполнении инвестиционной программы и плана-прогноза ввода в эксплуатацию новых объектов энергетики в 1997 году. Я собирался довести до уважаемых слушателей, что в целом инвестиционная программа по энергетическому комплексу составила 41,4 трлн. рублей капитальных вложений. Сюда входили 10,6 трлн. рублей целевых инвестиционных средств РАО «ЕЭС России», образовавшихся за счет инвестиционной составляющей, которая была включена в себестоимость электроэнергии и услуг, а также амортизационных отчислений, прибыли и дивидендов на государственный пакет акций в РАО «ЕЭС России». Но вникать в мои цифры и доводы на данном совещании никто не собирался. Мне было сразу заявлено, что пора отказаться от практики включения инвестиционной составляющей в себестоимость электроэнергии и услуг. Необходимо, мол, перейти на «цивилизованный» порядок инвестирования капитального строительства через прибыль. Мои попытки доказать, что это делать нельзя, остались без внимания.

Через два дня вышло постановление Правительства РФ, которое отменило действовавшую в течение пяти лет систему формирования инвестиционных средств в электроэнергетике. А ведь благодаря этой системе были введены новые энергетические объекты и проведено техническое перевооружение имевшихся объектов общей мощностью около 8 млн. кВт, построено более 60 тыс. километров новых линий электропередачи напряжением 35 кВ и выше. Ранее утвержденный на 1997 год план-прогноз строительства и ввода в эксплуатацию объектов энергетики подлежал вынужденному пересмотру в сторону уменьшения как по объему капитальных вложений, так и по количеству возводимых объектов. В целом по энергетическому комплексу объем капитальных вложений со-

кратился до 32,9 трлн. рублей, в том числе за счет целевых инвестиционных средств РАО «ЕЭС России» — до 5,4 трлн. рублей.

Однако реальное выполнение и этих цифр находилось под большим сомнением. При существовавшей тогда системе неплатежей за электроэнергию было почти невозможно получить реальный источник финансирования капитального строительства через прибыль. Ликвидация хотя и слабого, но гарантированного источника, обеспечивавшего финансирование перспективных планов развития электроэнергетики страны, стала своеобразным и ощутимым «вкладом» в ее реформирование. Из-за неплатежей за электроэнергию трудно также было ожидать каких-либо поступлений в бюджет страны за счет налога с прибыли, на которые так надеялись младореформаторы. Это было видно по результатам 1996 года. Из 8 трлн. 563 млн. рублей, предусмотренных планом-прогнозом капитальных вложений по РАО «ЕЭС России», было освоено 6 трлн. 117 млрд. рублей (только 71,4%), в том числе: «живыми» деньгами — 57,3 млрд. рублей, ценными бумагами — 1 трлн. 300 млрд. рублей, остальное — с помощью взаимозачетов. Как при этом можно было рассчитывать с бюджетом?

Величина платежей, которые предстояло осуществить РАО «ЕЭС России» после перехода на систему финансирования капитальных вложений из прибыли, резко увеличилась. Оставался только один путь взятия кредитов и их погашения — через повышение тарифов на электроэнергию. В случае сохранения объема принятого на 1997 год бизнес-плана капитального строительства тарифы на электроэнергию должны быть увеличены на 30%. Чтобы не допустить их повышения, надо было сократить развитие электроэнергетики. Вот на это и толкали нашу страну «советники» из Международного валютного фонда, по чьей команде Правительством РФ принималось это пагубное решение.

Социальные реформы, включая коммунальную, за которые взялся Немцов, — дело очень тяжелое. Для их проведения требовалось пойти на очень непопулярные меры, и, чтобы решить хотя бы один вопрос в ситуации, сложившейся тогда в экономике страны, нужны были «живые» деньги, а ими ведал не он. Деньги были у А. Б. Чубайса, забравшего под себя Министерство финансов РФ. Поэтому на поле этих реформ популярность Немцова явно не ждала. Ведь это только талантливые, богато одаренные натуры знают, как им жить, и идут своей дорогой. Средним же людям, которые, по мудрому замечанию одного русского классика, сами ничего не знают и ничего не могут, ничего больше не остается, как подметить какое-нибудь глубокое общественное течение и плыть, куда оно понесет.

Для Немцова оставались естественные монополии. Для их реформирования необходима отчаянная решимость в сочетании со знанием дела

и пониманием всей ответственности перед государством и народом за последствия реформ. Немцов, подобно Ходже Насреддину, взявшемуся за двадцать лет научить читать ишака, решил преуспеть в реформировании естественных монополий всего за два отведенных ему года. Он рассуждал, видимо, так: «Если при этом выживет страна, то выживу и я, Немцов, герой, реформатор-победитель, а не выживет — судить будет некому». Более того, к естественным монополиям было приковано постоянное внимание средств массовой информации, а быть постоянным персонажем телевизионных и газетных репортажей — это было главной целью жизни и деятельности Бориса Ефимовича.

Реформирование ряда естественных монополий Немцов начал с замены первых руководителей — пока мирным, переговорным путем. Так, по его требованию подали в отставку министр путей сообщения и председатель Федеральной энергетической комиссии. Министр путей сообщения РФ Анатолий Александрович Зайцев вновь стал начальником Октябрьской железной дороги, освободив место Николаю Емельяновичу Аксененко, который возглавил Министерство путей сообщения с 14 апреля 1997 года. Председатель ФЭК России Юрий Николаевич Корсун был переведен на должность заместителя министра топлива и энергетики РФ. 25 июня 1997 года председателем ФЭК РФ был назначен Андрей Федорович Задернюк, до этого занимавший должности заместителя главы администрации Нижегородской области, директора департамента топливно-энергетического комплекса Нижегородской области, председателя региональной энергетической комиссии. Новый председатель ФЭК был известен тем, что первым в России ввел шестиступенчатые тарифы для населения и разработал механизм конкурентного рынка для потребителей Нижегородской области.

Я чувствовал, что скоро наступит и моя очередь — и не ошибся. Немцов пригласил меня в свой кабинет и без всякого предисловия предложил написать заявление об уходе с должности президента РАО «ЕЭС России». Я спокойно выслушал Бориса Ефимовича (поскольку был готов к любому развитию событий) и ответил, что не стану ничего писать, так как не вижу для этого никаких оснований. Кроме того, я спросил:

— Это ваше желание отправить меня в отставку? А каково мнение по этому вопросу Виктора Степановича Черномырдина?

Немцов разъяснил:

— Черномырдин знает об этом, он согласен.

— Тогда пусть он сам мне об этом и скажет! — заявил я.

— Хорошо, — ответил Немцов и стал набирать номер телефона приемной Председателя Правительства РФ. — Я попрошу Виктора Степановича, чтобы он нас немедленно принял...

В приемной ответили, что Черномырдин находится у Президента России. Когда будет у себя — неизвестно.

Положив трубку, Немцов объяснил мне, что сразу после того, как он и Чубайс, по настоянию Ельцина, получили свои назначения, состоялась их встреча с Председателем Правительства РФ В. С. Черномырдиным, на которой они высказали ему свои предложения по реформированию страны и практическим мерам, направленным на активизацию деятельности Правительства России. Был затронут вопрос и о кадровых перестановках в руководящем звене федеральной власти. Черномырдин якобы ответил им тогда: «Меняйте кого хотите, но только не трогайте в Газпроме Рема Ивановича Вяхирева!»

— Так что он вас всех сдал! — подытожил Немцов.

— Тем не менее, — парировал я, — писать заявление и напрашиваться к Черномырдину, чтобы выяснить свои перспективы, не буду. Если ему надо — пусть пригласит меня сам.

Борис Ефимович, подумав, заметил:

— Возможно, вы и правы...

Почему я вел себя так уверенно? Да потому, что знал: чтобы освободить меня от должности президента РАО «ЕЭС России», необходимо было провести общее внеочередное или годовое собрание акционеров общества при соблюдении всей процедуры созыва собрания и утверждении соответствующей повестки дня. Но до тех пор, пока я оставался председателем коллегии представителей государства в совете директоров РАО «ЕЭС России» по управлению государственным пакетом акций, сделать это было почти невозможно. На этом уже один раз обжигались и Кох, и Родионов. Но это пока. Я догадывался и представлял, что именно с этого и должен был начать дальнейшее давление на меня Немцов.

В нарушение Указа Президента России от 5 ноября 1992 года о том, что коллегия по управлению государственным пакетом акций в РАО «ЕЭС России» образуется только из представителей государства, уже являющихся членами директоров этого общества, Немцов подписал у Черномырдина постановление Правительства РФ от 4 апреля 1997 года № 401, согласно которому формирование коллегии представителей государства производилось из числа лиц, не состоявших в совете директоров РАО «ЕЭС России». В постановлении было записано: «Для представления интересов государства по принадлежащему Российской Федерации пакету акций в РАО «ЕЭС России» назначить следующих представителей государства: В. Е. Белова, А. Г. Белоусова, А. Л. Кудрина, Г. П. Кутového, Н. Г. Шамраева и Е. Г. Ясина».

Но как можно представлять интересы государства в любом акционерном обществе, не являясь членом его совета директоров — главно-

го руководящего органа? Грубейшим фактом беззакония стало исключение из состава представителей государства действующего президента РАО «ЕЭС России», назначенного на этот пост в соответствии с постановлением Правительства РФ и решением общего собрания акционеров общества. Ведь в Указе Президента РФ четко записано, что генеральный директор (президент) РАО «ЕЭС России» входит в состав коллегии представителей государства. Контроль за выполнением этого постановления был возложен на Немцова.

Из этого постановления стало видно, что Немцов хочет не просто сменить руководство РАО «ЕЭС России», но и создать систему личного и непосредственного управления этой важнейшей для страны естественной монополией. Что и подтвердилось совсем скоро. На свет божий появилось еще одно постановление Правительства РФ № 439 от 22 апреля, подписанное Черномырдиным, из которого для меня прежде всего стало ясно, что для лидера движения «Наш дом — Россия» этого «дома» не стало. Его пока интересовал лишь его «дом» — Газпром, к которому он пытался не допустить «младореформаторов». Да и это было, мне кажется, лишь одно политическое позерство, а точнее — торг по разделу сфер влияния между ними.

Последним постановлением при Правительстве РФ была создана коллегия — фактически новый самостоятельный орган, в который вошли должностные лица, назначенные постановлением от 4 апреля 1997 года, а также Б. Е. Немцов, А. Г. Козырев, П. П. Мостовой и генеральный директор концерна Росэнергоатом Е. И. Игнатенко. В состав коллегии включили также представителей комитетов по управлению имуществом субъектов Российской Федерации. Свершилось самое главное, к чему так стремился Немцов: он был утвержден председателем коллегии с правом самостоятельно вырабатывать и беспрепятственно реализовывать стратегическую линию в области электроэнергетики.

Новой коллегии поручалось включить в повестку дня ближайшего общего собрания акционеров РАО «ЕЭС России» вопросы переизбрания совета директоров РАО «ЕЭС России» и внесения изменений в его Устав. Изменению в первую очередь должно было подвергнуться положение о том, что лицо, единолично осуществляющее исполнительные функции, не может быть одновременно председателем совета директоров общества. Получив такие права, вершителем дальнейшей судьбы РАО «ЕЭС России» становился Немцов.

Я не мог не переживать, наблюдая за всем происходившим. И было бы неправдой, если бы я сказал, что не осуждал тогда поведение Черномырдина, что у меня не было к нему претензий. Но я видел, в какой ситуации находился Виктор Степанович, понимал меру унижения, которому

подверг его Президент страны. Мне было обидно за этого человека, которого я глубоко уважал. Виктор Степанович не мог не видеть отсутствие виз руководства РАО «ЕЭС России» на проектах постановлений, представлявшихся ему на подпись, о подготовке которых мы в РАО «ЕЭС России» ничего не знали. Но, наверное, его не интересовало наше мнение, поскольку он даже не удосужился позвонить. А наше мнение — я имею в виду мнение действовавшего совета директоров и правления РАО «ЕЭС России» — выслушать было бы надо, чтобы решить — ставить свою подпись или нет. Скорее всего, ему не хотелось встречаться со мной, действующим президентом РАО «ЕЭС России», в обстановке незнания собственных перспектив.

Даже преступникам перед объявлением приговора дают в суде последнее слово. А здесь произошел тихий, ползучий захват власти над жизнеобеспечивающей отраслью — и все нормально! Во время революционных переворотов в первую очередь, как правило, захватывают электростанцию, водокачку и телефонную станцию. А здесь была узурпирована Единая электроэнергетическая система огромной страны, от надежности работы которой зависит благополучие каждого человека, всего народа и страны в целом. И никто этого не заметил! В народе говорят: «В чьих руках рубильник, тот и командует парадом». Поэтому Президент и Правительство страны должны всегда знать, в какие руки они его отдают.

Предпринятые с моей стороны попытки связаться с Черномырдиным не увенчались успехом, и я решил действовать по обстановке — в соответствии с возможностями, убеждениями и авторитетом. Я во что бы то ни стало должен был отстаивать интересы своего детища, следуя неоспоримому жизненному правилу: «Спасение утопающего — дело рук самого утопающего». К этому меня подтолкнула еще и неожиданная отставка Родионова, человека из лагеря Черномырдина, с поста министра топлива и энергетики РФ. Процесс внесения изменений в расстановку сил в Правительстве РФ продолжался — но не в пользу его Председателя. Вся полнота власти по руководству важнейшим для страны топливно-энергетическим комплексом переходила к первому заместителю Председателя Б. Е. Немцову, назначенному Указом Президента РФ от 20 апреля 1997 года одновременно и министром топлива и энергетики России.

Так уж повелось, что во все времена наиболее энергичным представителям молодого поколения отводится роль подмастерьев истории, чьей задачей становится ниспровержение авторитетов прошлого и установка на их уютных постаменты новых кумиров. А поскольку при этом зрители кумирен в своем стремлении к вполне понятной экономии «забывают» обеспечивать услужливых мастеровых необходимыми ма-

териалами, то в плавильные печи идет лом, накопившийся в процессе разрушения прежних основ. Кто знает, каков процент отливочного материала переходит из одного изваяния в другое, передавая, словно по эстафете, негативную генетическую информацию о безумии людских сообществ, так и не научившихся жить спокойно, без принесения кого-либо в жертву, без поиска объектов для насмешек, презрения или снисходительной жалости, без культовых восхвалений своих вождей? И не по этой ли причине последующие поколения навеки обречены нести в себе вирус болезни разрушительства, под воздействием которой одурманенные толпы строителей «новой жизни» вновь и вновь отправляют на свалку забвения объекты поклонения, так и не успевшие покрыться спасительной пылью веков?

Немцов настолько торопился с принятием решений по РАО «ЕЭС России», что исчислял время не днями, а часами. Еще не высохли чернила на постановлении Правительства РФ о новом составе коллегии представителей государства, уполномоченных управлять государственными акциями РАО «ЕЭС России», как Немцов назначил заседание этих представителей. Оно должно было состояться в 23 часа в его кабинете, расположенном в Доме правительства. На заседание были приглашены я и Бревнов. Последний — уже в ранге первого заместителя президента РАО «ЕЭС России». Но в назначенное время заседание не состоялось. Все собравшиеся в приемной первого заместителя Председателя Правительства РФ более часа ждали Немцова, который был где-то в отъезде.

Заседание, как объявил Немцов, вновь назначенной коллегии представителей государства в РАО «ЕЭС России» началось уже 23 апреля после полуночи. Это был ночной сбор еще не победителей, но людей, очень жаждавших своего победного успеха в получении возможности безгранично использовать экономический, социальный и политический ресурс важнейшей жизнеобеспечивающей отрасли страны.

Мне, как председателю совета директоров РАО «ЕЭС России», коллегия сразу поручила предложить совету директоров включить в повестку дня ближайшего общего собрания акционеров общества вопрос о переизбрании совета директоров РАО «ЕЭС России». Также был предложен персональный список кандидатов, рекомендуемых коллегией в новый состав совета директоров. В него вошли: Вадим Евгеньевич Белов — исполняющий обязанности председателя Государственного антимонопольного комитета (ГАК) России, Александр Константинович Белоусов — заместитель председателя Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом, Алексей Леонидович Кудрин — первый заместитель министра финансов РФ, Георгий Петрович Кутовой — заместитель председателя ФЭК России, Петр Петрович Мостовой — руководитель Фе-

деральной службы России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению (ФСДН), Николай Григорьевич Шамраев — заместитель министра экономики РФ, Евгений Григорьевич Ясин — министр Правительства Российской Федерации, Анатолий Федорович Дьяков — президент РАО «ЕЭС России», но с припиской — обязан голосовать в совете директоров РАО «ЕЭС России» в соответствии с решением коллегии представителей государства.

В жесткой ультимативной форме мне было также предписано включить в повестку дня общего собрания акционеров РАО «ЕЭС России» вопрос о внесении изменений и дополнений в Устав РАО «ЕЭС России». При этом особое внимание обращалось на введение положения, запрещающего совмещение в одном лице функций председателя правления и председателя совета директоров общества.

Без всяких сомнений коллегия приняла удивительно единодушное решение: на ближайшем общем собрании акционеров РАО «ЕЭС России» предложить кандидатуру Бревнова для избрания председателем правления общества. А ведь к этому моменту еще не был разработан проект Устава с изменениями и дополнениями, не было определено, где будет избираться председатель правления — на общем собрании или заседании совета директоров. Казалось, что все спешили побыстрее застолбить за Бревновым эту должность — ковали железо пока горячо.

Довольный принятым решением и с трудом скрывая радость, Немцов произнес:

— Кого будем рекомендовать на должность председателя совета директоров РАО «ЕЭС России»?

Поднялся гвалт, все зашумели и засуетились. После недолгого обсуждения были предложены две кандидатуры — Ясина и моя. Кандидатуру Ясина активно отстаивал Кутовой, который до перехода в Федеральную энергетическую комиссию России работал вместе с Евгением Григорьевичем в Министерстве экономики РФ. До меня уже доходили слухи о намерении «продать» Ясина на пост председателя совета директоров РАО «ЕЭС России». Об этом уже писали газеты «Сегодня» и «Деловой мир». Но произошло неожиданное: Ясин категорически отказался от предложения, чем несказанно удивил всю аудиторию, да и меня тоже. Я думаю, он не хотел взваливать на себя бремя огромной ответственности, находясь в связке с таким «выдающимся профессионалом», как Бревнов.

С резкой критикой в мой адрес выступил генеральный директор концерна Росэнергоатом Евгений Иванович Игнатенко. В итоге остановились на моей кандидатуре, что показалось мне вынужденным тактическим приемом. Мои противники понимали, что все принятые сейчас решения

надо будет провести через совет директоров и общее собрание акционеров РАО «ЕЭС России». А в действовавшем на тот момент совете директоров РАО «ЕЭС России», состоявшем из 15 человек, только два человека (Белоусов и Мостовой) входили в состав новой коллегии представителей государства по управлению акциями РАО «ЕЭС России». И еще неизвестно, как повел бы себя возглавляемый мной совет директоров в случае объявления меня на этих ночных посиделках персоной нон грата.

Как выражаются моряки, ветер крепчал, но я демонстрировал спокойствие и хладнокровие, поскольку еще не ушли в небытие мои тесные связи с субъектами Российской Федерации — акционерами РАО «ЕЭС России». Я был уверен, что акционеры из АО-энергосистем и АО-электростанций, если я к ним обращусь, в своем подавляющем большинстве выступят на моей стороне. Возможно, эта борьба не сулила мне выигрыша, однако Немцов и его команда, затеявшие нечистоплотную возню, в глазах общественного мнения только бы проиграли.

На работе я старался, чтобы сослуживцы и члены правления не догадывались о характере происходивших событий, понимая, что любые комментарии могут повредить делу, породят нежелательные слухи и кривотолки. Мне не нужна была атмосфера переживаний и злорадства, в которой трудно наладить работу по надежному энергообеспечению потребителей страны. Никто не вправе был нарушить раз и навсегда отлаженный механизм. Тем временем Немцов, пользуясь полномочиями первого заместителя Председателя Правительства РФ — министра топлива и энергетики РФ, 13 мая 1997 года «протокнул» на пост первого заместителя министра топлива и энергетики РФ «своего человека» из нижегородской команды — Сергея Владиленовича Кириенко.

Приход во властные структуры России амбициозных и целеустремленных представителей новой генерации — процесс сам по себе позитивный. В целом он свидетельствует о налаживании системы преемственности в кадровой политике, выработке механизмов передачи опыта от старших к младшим, учета и сохранения баланса интересов различных поколений. Властная вертикаль и экономические отрасли страны, как никогда ранее, нуждаются сегодня в молодых политиках и бизнесменах, капитанах промышленного и сельскохозяйственного производства, обладающих новым экономическим мышлением, способных идти неизвестными путями, принимать рискованные решения.

Новым руководителям, назначенным на высокие административно-хозяйственные должности, приходится жить и работать в непривычных социально-экономических условиях. Сферы их практического действия широки и неординарны. Однако направляя свою энергию и профессионализм на решение актуальных задач, стоящих перед страной, молодые

топ-менеджеры — каждый в своей области деятельности — должны прежде всего блюсти национальные интересы России. Новым управленцам, если они хотят остаться в благодарной памяти россиян, следует думать не о благах и льготах, прилагаемых к высоким должностям, а о том, чтобы в кратчайшие сроки улучшить материальное положение нашего народа, повысить его духовный уровень, укрепить экономический и оборонный потенциал страны.

Слова песни: «Молодым везде у нас дорога...» я бы дополнил сегодня так — особенно тех случаях, когда они идут по ней с грузом ответственности за настоящее и будущее своего государства.

Конаково. 30 мая 1997 года

Происходившие события не помешали проведению в нашей стране крупного международного форума в области электроэнергетики. В апреле 1997 года по инициативе руководства МИРЭС и его Российского национального комитета, председателем которого я до сих пор являюсь, в Москве было проведено согласованное с Правительством РФ совещание «Европейский электроэнергетический рынок: будущий выбор». Избранная тема была очень актуальной в связи с необходимостью осуществления положений Международной энергетической хартии и договора к ней, установивших единые нормы и правила производства и использования энергоресурсов, инвестирования в них, транзита и торговли ими в странах — участницах соглашения. На форуме были обсуждены вопросы формирования общеевропейского рынка электроэнергии и расширения инвестиций в топливно-энергетический комплекс России вообще и в электроэнергетику страны, в частности.

МИРЭС был представлен на совещании на самом высоком уровне. В Москву прибыли председатель Исполнительной ассамблеи Джон Бейкер и генеральный секретарь Ян Линдсей. От Правительства России на форуме присутствовал Б. Е. Немцов. В своем выступлении он заявил, что Правительство РФ совместно с Министерством экономики РФ и РАО «ЕЭС России» разработало программу, правила и механизм введения конкуренции на рынке электроэнергии.

Однако наши потенциальные партнеры вопросы конкуренции представляли несколько иначе, выдвинув односторонние условия вхождения России в общеевропейский рынок электроэнергии. Их требование состояло в том, чтобы Единая энергосистема России присоединялась к общеевропейской энергетической системе (ИСРТЕ) последовательно, отдельными своими частями. Европу совершенно не волновало, что сотрудничество на таких условиях приведет к нарушению единства российской энергосистемы, резко снизит ее устойчивость и надежность. Наш опыт создания и эксплуатации системы «Мир» от Улан-Батора до Берлина с мощностью параллельно работающих электростанций 400 млн. кВт свидетельствует о возможности соединения ЕЭС России и

ИСРТЕ в одну синхронно работающую энергосистему без каких-либо серьезных оговорок и без ограничения ее масштабов.

Заместитель министра топлива и энергетики РФ Виталий Васильевич Бушуев и я в своих выступлениях остановились на том, что предложения о распространении стандартов ИСРТЕ на ЕЭС России не обеспечены ни с научной, ни с экономической, ни с технической точек зрения. Проект такого объединения необходимо было разрабатывать совместно. Однако даже согласованный проект Единой европейской энергосистемы не предоставлял преимуществ для сбыта российской электроэнергии другим странам. Системы ИСРТЕ, как и Единая энергосистема России, располагали значительными избытками мощности. Совершенно очевидно, что страны ЕС в первую очередь будут заботиться об интересах своих государств и компаний и в ближайшей перспективе не пропустят РАО «ЕЭС России» в Европу, хотя это противоречит положениям Международной энергетической хартии о равноправном экономическом партнерстве. Запад в основном стремится получить доступ к нашим энергоресурсам, не желая допускать на свой рынок дешевую российскую электроэнергию. Именно по этой причине европейские партнеры сделали все, чтобы заморозить создание энергетического моста «Восток — Запад», проект которого разрабатывался уже несколько лет.

После завершения форума началась подготовка к общему годовому собранию акционеров РАО «ЕЭС России», намеченному на 30 мая 1997 года. Все свое внимание я сконцентрировал на разработке содержания повестки дня, в первую очередь на формулировках предполагаемых изменений и дополнений в Устав РАО «ЕЭС России». В соответствии с проектом нового Устава уже не предусматривалась должность президента РАО «ЕЭС России», председатель правления избирался советом директоров, а председатель совета директоров — общим собранием РАО «ЕЭС России» (сроком на пять лет).

Совет директоров РАО «ЕЭС России», руководствуясь прежним Уставом, в первых числах марта 1997 года рассмотрел предложения, представленные до 1 марта акционерами общества, в том числе и государства, по вопросам повестки дня общего годового собрания, по персональному составу совета директоров и ревизионной комиссии. От каждого кандидата в выборные органы общества было получено письменное согласие. Но Немцова не устраивали намеченные персоналии. Он настоял на том, чтобы каждый бывший член коллегии представителей государства, ранее включенный в списки кандидатов на избрание в совет директоров РАО «ЕЭС России», заявил в письменном виде об отказе от вхождения в руководящие органы РАО «ЕЭС России». Заявление об отказе вновь войти в состав совета директоров подал и очень близкий к Черномыр-

дину человек, бывший заместитель Председателя Правительства РФ — министр внешнеэкономических связей Олег Дмитриевич Давыдов. Это лишний раз свидетельствовало о сложности обстановки вокруг Председателя Правительства России.

28 мая Немцов поручил Кириенко представлять государство на годовом общем собрании акционеров РАО «ЕЭС России». Ему было предоставлено право голосовать пакетом обыкновенных акций общества, принадлежащих Российской Федерации, за избрание совета директоров РАО «ЕЭС России» в составе: президент РАО «ЕЭС России» А. Ф. Дьяков, исполняющий обязанности председателя Государственного антимонопольного комитета (ГАК) России В. Е. Белов, заместитель председателя Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом А. К. Белоусов, первый заместитель министра финансов РФ А. Л. Кудрин, заместитель председателя Федеральной энергетической комиссии (ФЭК) России Г. П. Кутовой, руководитель Федеральной службы России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению (ФСДН) П. П. Мостовой, заместитель министра экономики РФ Н. Г. Шамраев, министр Правительства Российской Федерации Е. Г. Ясин.

От субъектов Российской Федерации и миноритарных акционеров в списке по избранию в совет директоров остались: начальник территориального центра Востокэнерготехнадзор АО Дальэнерго Ю. Д. Башаров, генеральный директор АО Свердловскэнерго В. Н. Родин, первый заместитель премьера Правительства г. Москвы Б. В. Никольский, генеральный директор АО Тюменьэнерго В. Ф. Боган, генеральный директор АО Ставропольэнерго Е. А. Желтиков, генеральный директор АО Красноярскэнерго В. М. Иванников, генеральный директор АО Колымэнерго В. А. Пехтин.

Сергею Владиленовичу Кириенко было поручено также голосовать за внесение изменений и дополнений в Устав общества, в том числе за устранение должности президента РАО «ЕЭС России», за разделение функций председателя совета директоров и председателя правления общества и за избрание меня председателем Совета директоров.

Я прекрасно понимал, что как только пройдет собрание и будут переизбраны руководящие органы общества, повсеместно начнется кадровая чистка, резко изменится отношение к развитию и наращиванию мощностей Единой энергетической системы. Останется только мечтать о притоке инвестиций в электроэнергетику — даже при условии соблюдения прозрачности балансов по таким видам деятельности ЕЭС России, как генерация, транспортировка и система сбыта, за разделение которых так рьяно ратует Международный валютный фонд. Объемы капитального строительства новых объектов электроэнергетики пойдут на

убыль — это будет никому не нужно. Россия вступит на путь, никуда не ведущий!

Чтобы как-то смягчить ситуацию, я делал все возможное для сохранения руководящих кадров, и в первую очередь, правления РАО «ЕЭС России». Накануне общего годового собрания я продлил контракты со всеми членами правления. Форсированно принимал всевозможные меры по скорейшему созданию и регистрации Расчетно-диспетчерского центра Федерального (общероссийского) оптового рынка энергии (мощности) — РДЦ ФОРЭМ. Его создание я поручил заместителю генерального директора ЦДУ «ЕЭС России» Борису Дмитриевичу Сюткину и генеральному директору Центроэнерго РАО «ЕЭС России» Александру Николаевичу Ремезову. К сожалению, они не сработались, между ними начались распри, взаимные оскорбления, что отрицательно сказывалось на ходе работ. Надо было срочно принимать меры, и я сделал ошибку: оставил Сюткина завершать дело, а Ремезова отстранил, вернув на прежнее место работы. Сюткин затянул процесс оформления перевода работников из ЦДУ «ЕЭС России» в РДЦ ФОРЭМ и не смог до начала годового общего собрания акционеров РАО «ЕЭС России» обеспечить работу РДЦ в качестве самостоятельной организации. Расчетно-диспетчерский центр ФОРЭМ начал функционировать с лета 1997 года.

Как ни старался я сдерживать распространение информации о предстоящих изменениях в руководстве и в Уставе РАО «ЕЭС России», отовсюду поступали предложения о помощи. Звонили руководители многих субъектов Российской Федерации, городов и районов, наших акционерных обществ и задавали один вопрос: «Какую помощь и в какой форме оказать?» Отвечал я всем одинаково: «Не нужны никакие акции в мою защиту. Следует прибыть на собрание и проголосовать по всем вопросам повестки дня собрания, подготовкой которого я сейчас занимаюсь». Большинство из звонивших выражали недоумение по поводу занятой мною позиции.

Годовое общее собрание акционеров РАО «ЕЭС России», как и планировалось, началось 30 мая 1997 года во Дворце культуры города Конаково Тверской области, известного крупнейшим в России фарфорово-фаянсовым заводом. В зале будто бы гудел пчелиный рой, вырвавшийся из улья. Ситуация напоминала пороховую бочку, готовую взорваться от любого брошенного огня в любое время. Во всяком случае от меня ждали такого взрыва. И удивлялись, почему я спокоен, да еще сдерживаю собравшихся, не давая вырваться наружу энергии, направленной, с одной стороны, против предлагаемых изменений, а с другой — на поддержку моих действий.

Перед обсуждением изменений в Уставе акционерного общества собравшиеся были проинформированы о необходимости решить один очень

непростой, можно сказать, животрепещущий вопрос. Он уже давно витал в воздухе, создавая определенное напряжение в коллективе, поскольку был связан с ликвидацией должности президента РАО «ЕЭС России». Итоговое решение ни для кого не являлось тайной, и оно могло бы стать для меня чем-то вроде тяжелого занавеса, неумолимо падающего на сцену по окончании пьесы. По ту сторону занавеса могло бы остаться всё, чему я посвятил свою жизнь, а по эту — мои переживания, раздумья и планы о совершенствовании отрасли, выводе ее на новые рубежи.

Совершенно неожиданно слово взяли акционеры, представлявшие Самарскую область, Республику Северная Осетия-Алания и другие субъекты Российской Федерации. Они рассказали о моем вкладе в развитие электроэнергетики России и моих усилиях, направленных на создание и сохранение целостности Единой энергетической системы в сложнейший период развития нашего государства. Сделать это можно было, говорили выступавшие, «только через формирование такого уникального акционерного общества страны, каковым является поистине любимое детище А. Ф. Дьякова — РАО «ЕЭС России». На этом чрезвычайно сложном участке деятельности, подчеркивали ораторы, «роль основателя и первопроходца переоценить невозможно». Звучали и другие, разной степени весомости, факты и аргументы. В результате на голосование было выдвинуто предложение об избрании меня почетным президентом РАО «ЕЭС России» пожизненно. Поддержка зала была почти единодушной. Одновременно, в соответствии с внесенными в Устав поправками, меня избрали председателем совета директоров общества сроком на пять лет.

После собрания Кутовой попросил членов вновь избранного совета директоров РАО «ЕЭС России» пройти в небольшую комнату, примыкавшую к сцене. Там собравшимся (а было их всего семь человек) было предложено избрать на пост председателя правления РАО «ЕЭС России» Б. А. Бревнова. Для принятия положительного решения не хватило одного голоса. Что делать? Кутовой быстро нашел выход: он позвонил Шамраеву, не прибывшему на заседание совета, который и отдал свой голос в пользу Бревнова. С этого момента Бревнов стал председателем правления РАО «ЕЭС России». Надо сказать, что накануне этого «исторического решения» позвонил сам Немцов. Он потребовал ни много ни мало: по возвращении в Москву организовать нечто вроде массового шоу, на котором представить российским и зарубежным средствам массовой информации нового председателя правления РАО «ЕЭС России».

Вернувшись в Москву, мы с Бревновым в половине шестого вечера поднялись в рабочий кабинет, который до этого времени занимал я, будучи президентом РАО «ЕЭС России». В приемной уже толпилась журналистская братия, представлявшая разнообразный спектр электронных и

печатных СМИ. Судя по возбуждению, витавшему в атмосфере, профессиональным репортерам не терпелось как можно быстрее зафиксировать для истории факт взлета к высотам энергетической власти федерального уровня представителя «нижегородской команды». Интересно, приходилось ли всем этим бойцам информационного фронта когда-нибудь слышать мнение великих о том, что слава — это яркая заплатка тщеславия на рубище духовной несостоятельности?

Ожидавший нас в кабинете Немцов неожиданно произнес:

— Избрать-то мы Бревнова избрали, а вот что теперь делать будем?

Чувствовалось, что Борис Ефимович хоть и удовлетворен общим исходом дела, но все-таки не может скрыть какой-то грызущей его изнутри тревоги.

Когда Немцов уехал, Бревнов взял с места в карьер. Не получив еще подписанного мною текста постановления совета директоров РАО «ЕЭС России» о своем назначении, он предложил мне немедленно освободить рабочий кабинет. Наглость этого требования меня поразила, но выбить из седла не смогла. Собрав в кулак захлестнувшие меня вполне определенные в этой ситуации чувства, я ответил новоявленному претенденту на чужой каравай лаконично и резко:

— Этот кабинет останется за почетным президентом — председателем совета директоров РАО «ЕЭС России»!

Тогда я еще не знал, что Бревнов заранее уведомил своих молодых друзей, что триумфальное восхождение к высокой должности он отметит, не откладывая в долгий ящик, именно в моем кабинете. Полагаю, что ему не терпелось удовлетворить свое чрезмерно раздутое тщеславие, покрасоваться перед дружками, может быть, вызвать у кого-то из них чувство зависти. Бог ему судья! Тем не менее Борису Анатольевичу так и не удалось устроиться в моем кабинете. И это, к сожалению, был далеко не единственный его просчет за время работы в РАО «ЕЭС России». Он не смог выдержать испытание бременем свалившейся на него власти. Что делать! Не каждому дано вынести груз ответственности, прилагаемой к должности руководителя электроэнергетики России. Особенно, если тебе всего 29 лет.

Процессы рождения, развития, созревания и угасания активности любых человеческих сообществ, в том числе и образованных по профессиональным интересам, в общих чертах можно сравнить с процессами, происходящими в определенные отрезки времени с самим человеком.

В самом начале почти все коллективы формируются в доверительной атмосфере, пронизанной чувством убежденности в безоблачных перспективах предстоящей жизни. Опьяненные чувством единения, все наперебой делятся друг с другом накопленным и достигнутым, строят

планы дальнейшего взаимодействия. Это — самый плодотворный этап: занимается новая заря, впереди большая и широкая дорога, возможности для самосовершенствования и роста кажутся неограниченными.

Середина пути характеризуется трезвыми попытками разобраться в багаже впечатлений, безжалостно распрощаться со всем, что оказалось незначительным и второстепенным. Проверка сложившихся отношений на прочность ведет к разрыву слабых связей и установке новых, более надежных, необходимых для выполнения конкретного дела. Для этого этапа является естественным возникновение в коллективе людей, желающих отличиться, сделать что-то свое, личное. Здесь зарождаются ростки того самого индивидуализма, который, с одной стороны, вдохновляет интеллектуальную пытливость и профессиональное творчество, а с другой — подрывает коллективные основы, превращает сообщество в сдерживающий фактор для свободного развития каждой входящей в него личности. На общей картине возникают едва видимые трещинки, но они, как патина на старинном полотне известного художника, не ухудшают качества произведения, а напротив, создают впечатление добротности и высокого качества.

Затем наступает период самораспада, который может быть внешне малозаметным, но продолжается неопределенно долго. Такое состояние возникает вследствие разрыва между представлениями о желаемом и пониманием достигнутого, ослабления, а зачастую и отсутствия сильных побудительных мотивов для установления новых стягивающих скоб взамен проржавевших. Отягощающим обстоятельством в этот период может выступить очередной социально-экономический слом, требующий переоценки прошлого, выдвигающий на авансцену истории новых предводителей со своим представлением о будущем.

На этом этапе необходим лидер, способный осознать всю тяжесть проблем, возникших перед отраслью, поставить задачи и определить цели, соответствующие требованиям текущего момента и отвечающие интересам страны, отрасли, работающего в ней коллектива. Последующие события показали, что к руководству огромным коллективом энергетиков России на полных парах рвались лица, совсем или почти не обремененные названными качествами.

Я до сих пор считаю, что по образованию, опыту и стажу работы Бревнов просто не должен был претендовать на роль управляющего энергетической системой, имеющей чрезвычайно важное стратегическое и экономическое значение для всей страны. Ведь до прихода в РАО «ЕЭС России» самой крупной вехой в трудовой биографии этого «звездного выдвиженца» была работа в качестве председателя правления «Нижегородского банковского дома» («НБД-банка»), зарегистрированного

15 мая 1992 года, где Бревнов занимался в основном мелкими денежными операциями спекулятивного характера. Борис Анатольевич почти одновременно окончил два нижегородских вуза. В 1992 году он получил диплом инженера-электронщика, а в 1993 году — диплом по специальности «социально-экономическое планирование», стажировался в США. Специалист по электронике ни одного дня не проработал в электроэнергетике. В нормальной ситуации, если бы он пришел работать на какую-нибудь электростанцию, то по диплому его назначили бы в лучшем случае стажером мастера участка вспомогательного электрооборудования, а к должности допустили бы лишь после сдачи экзамена по правилам эксплуатации техники безопасности.

Борис Анатольевич (это было видно невооруженным глазом) вовсе не торопился принимать у меня дела по РАО «ЕЭС России». Подготовленный главным бухгалтером РАО «ЕЭС России» приемо-сдаточный акт, подписанный мной 1 июня 1997 года, лежал без подписи Бревнова. Мои требования расписаться под актом, обращенные к новому председателю правления РАО «ЕЭС России», безответно повисали в воздухе. Был глух к моим неоднократным просьбам воздействовать на своего протеже и Немцов как председатель коллегии представителей по управлению государственным пакетом акций РАО «ЕЭС России». Вероятно, оба Бориса осознанно не желали документально фиксировать такие позиции, как финансово-экономическое состояние и штатная структура акционерного общества, сведения о зарплате и факты, свидетельствующие о превышении более чем в два раза дебиторской задолженности над кредиторской. Им явно не хотелось придавать огласке отсутствие в деятельности РАО «ЕЭС России» на протяжении всего этого периода времени практики взятия банковских кредитов под залог своего имущества или акций дочерних компаний в качестве источника финансирования текущей деятельности. Мы не шли на это осмысленно, поскольку в конечном итоге такие действия оборачиваются для потребителей электроэнергии ростом тарифов.

Оседлав властные полномочия, Бревнов, как мне кажется, не без участия Немцова, приступил к формированию правления РАО «ЕЭС России». Делать это он начал абсолютно безответственно, поскольку в составе важнейшего органа управления Единой энергетической системой страны вдруг оказались довольно странные персоны. В частности, заместителем председателя правления РАО «ЕЭС России» по финансам сроком на один год был избран не состоявший в штате РАО «ЕЭС России» Михаил Борисович Кисляков, сотрудник старейшей международной аудиторской и консалтинговой компании «Артур Андерсен». Основанная в 1913 году эта компания имеет широко разветвленную сеть, состо-

ящую из ста фирм, в которых работает свыше 61 тысячи сотрудников, оказывающих профессиональные услуги более 100 тысячам клиентов в 81 стране мира. «Артур Андерсен» сотрудничала с РАО «ЕЭС России» на протяжении полугода, за что на ее счета было переведено... 740 тыс. долларов.

Был утвержден членом правления без обсуждения в совете директоров РАО «ЕЭС России» и Владимир Георгиевич Сидорович, курировавший вопросы инвестиций и технической политики. Он являлся работником Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Напомню, что ЕБРР был создан в 1991 году для финансирования программ развития рыночных структур в странах с переходной экономикой. Банк, акционерами которого являются 60 государств, Европейский союз и Европейский инвестиционный банк, располагает капиталом в 20 млрд. евро и реализует инвестиционные проекты в 27 странах Европы и Азии.

Кисляков и Сидорович, не оформляя специального допуска, неограниченно пользовались секретными материалами. По моему настоянию в контракт с Кисляковым были включены пункты о гарантиях сохранения конфиденциальной информации о деятельности РАО «ЕЭС России», а также сведений, составляющих государственную тайну. Я предложил также принять к сведению заявление Бревнова о том, что Кислякову не будет предоставлено право подписи договоров и финансовых документов от имени общества.

По этажам и кабинетам РАО «ЕЭС России» с утра и до поздней ночи с умным видом сновали какие-то советники, консультанты, аудиторы, представители различных иностранных фирм и банков. Вокруг звучала в основном иностранная речь.

Огня в бумагу не завернешь

Бревновская политика однобокости и пристрастности в формировании персонального состава правления РАО «ЕЭС России» привела к тому, что из него стали вытесняться опытные специалисты, профессионалы высокого класса, хорошо знающие энергосистему страны. Для этого использовались старые, как мир, методы. Методы, когда в коллективе поощряется сбор любых компрометирующих материалов, когда не получают отпора морально нечистоплотные люди, дающие волю своим грязным языкам. Дальше — больше. Неудобного сотрудника вынуждают работать в невыносимой обстановке, подвергая бессовестному шантажу и загоняя в хитросплетения из намеков, домыслов и клеветы, что так или иначе расшатывает нервную систему человека, выводит его из равновесия.

Какой может быть естественная защитная реакция любого уважающего себя профессионала с огромным опытом работы, попавшего в унижительную ситуацию? Конечно же, подача заявления об уходе по собственному желанию. Первым такое заявление на стол Бревнову бросил, в полном смысле этого слова, первый заместитель президента, член правления РАО «ЕЭС России» В. А. Стенин. За ним последовал заместитель президента, член правления С. Я. Лащенко. Под нажимом Бревнова еще несколько членов правления «мирно» перешли на другие должности.

На краю пропасти большие деревья, как правило, не растут. Так, в новом правлении не осталось никого, кто бы хорошо знал сетевое хозяйство, хотя развитие межсистемных линий электропередачи оставалось важнейшей задачей РАО «ЕЭС России». Из прежних членов в составе правления удалось удержаться только Федору Яковлевичу Морозову и Владимиру Валерьяновичу Дорофееву, которые, наверное, более всех подходили под определение: «лица, удобные новому руководству». В обстановке того времени убеждать Бревнова в порочности проводимой им политики «выжженной земли» в кадровых вопросах было так же бесполезно, как пытаться извлечь звуки из колокола, колотя по нему соломенным стеблем.

Центральный аппарат РАО «ЕЭС России» с момента своего создания являлся структурой, управлявшей энергосистемой страны с помощью правления во главе с президентом общества, без наделения аппарата уп-

равления какими-то особыми привилегиями и преимуществами. Бревнов, ни с кем не советуясь, ввел должность исполнительного директора по административным и правовым вопросам и назначил на нее своего доверенного человека А. А. Саркисяна, которому и поручил вопросы повседневного руководства аппаратом РАО «ЕЭС России». При этом надо учесть, что вчерашний нижегородский банкир, даже не пытавшийся скрывать своего желания блистать «здесь и сейчас», взирал на людей свысока, как петух на просяные зерна. Он совершенно не разбирался в сложных взаимоотношениях, существующих внутри коллектива, сформированного из опытных и знающих специалистов, проявлял глухую дремучесть в области корпоративной этики, был элементарно невоспитан. Новые люди, вошедшие в правление, по его наущению совершенно не считались с мнением совета директоров, полностью игнорировали разработанные им документы.

Бревнов позволял себе пренебрегать мнением членов совета директоров и допускал элементы вседозволенности в осуществлении любых неграмотных действий, поскольку прикрывался действовавшими на тот момент организационно-регламентирующими документами. Дело в том, что Немцов уже 13 июня 1997 года подписал решение Правительства РФ, смысл которого объяснял многое. В этом документе всем представителям государства, входящим в совет директоров РАО «ЕЭС России» (а именно А. Ф. Дьякову, В. Е. Белову, А. К. Белоусову, А. Л. Кудрину, Г. П. Кутовому, П. П. Мостовому, Н. Г. Шамраеву и Е. Г. Ясину), предписывалось голосовать в соответствии с решением коллегии представителей государства по управлению закрепленными в федеральной собственности акциями РАО «ЕЭС России». Повестка дня и дата проведения заседания совета директоров, по чьей бы инициативе оно ни проводилось, должны были обязательно согласовываться с председателем коллегии — после предварительного рассмотрения этих вопросов на заседании коллегии. Находясь на должности председателя совета директоров, я ни с какой стороны не мог воздействовать на решения коллегии, так как в нарушение действовавшего Закона РФ был исключен из последнего состава этого органа. Роль совета директоров РАО «ЕЭС России» фактически была сведена к нулю, поскольку все властные полномочия сосредоточил в своих руках Немцов.

Бревновым и его молодой командой, при внешней приветливости, создавалась нетерпимая обстановка и вокруг моей персоны. Все было направлено на то, чтобы унижить мое человеческое достоинство, ущемить самолюбие и, в конечном счете, вынудить меня написать заявление об уходе по собственному желанию. Вновь появившийся неизвестно откуда исполнительный директор Саркисян, невзирая на наличие контракта,

подписанного со мной советом директоров, самовольно приостановил выплату мне зарплаты. Кроме того, вокруг меня была создана — другого сравнения подобрать не могу — своеобразная информационная блокада. Я не имел возможности напрямую работать с департаментами и отделами РАО: все телефоны прямой связи с ними в моем кабинете были отключены. Сотрудницам машинописного бюро было запрещено брать в печать документы от председателя совета директоров без разрешающей визы исполнительного директора РАО.

За мной была установлена круглосуточная слежка. Приезжая на свою дачу в поселке Жаворонки, я видел, как «работали» вокруг нее филеры, зорко следившие за каждым моим передвижением. Без объяснения причин на моей даче были отключены все прямые телефоны с РАО «ЕЭС России». Неизвестно по чьей команде (я так и не смог выяснить) на целую неделю были отключены все три правительственных телефонных номера так называемой «кремлевской связи». Не зная, чем насолить мне еще, организаторы травли объявили номер моей машины «в угоне», и сотрудники ГАИ постоянно останавливали меня на дорогах для проведения долгой и утомительной проверки.

Понимая причины сложившейся ситуации, я старался не поддаваться на провокации, сдерживал себя. Это было необходимо, поскольку мои противники только и ждали, чтобы я сорвался и подал заявление об уходе. Собрав в кулак всю свою волю и терпение, я продолжал выполнять функции председателя совета директоров, нейтрализуя, по мере возможности, последствия неправильных решений, которые бы могли отрицательно повлиять на работу Единой энергосистемы страны. Именно здесь, на профессиональной площадке, которой я посвятил всю свою жизнь, происходили события, способные повергнуть в шок любого, кто мало-мальски разбирался в проблеме.

Большую тревогу вызывал у меня, например, ход выполнения планов капитального строительства и ввода новых мощностей. Принятые Бревновым решения об уменьшении объема инвестиций в связи с исключением из тарифа инвестиционной составляющей — это были еще цветочки. Страшное состояло в другом — в отсутствии у новой команды желания предпринимать практические шаги, которые были бы направлены на повышение надежности работы Единой энергетической системы, выполнение ранее принятых планов и обязательств. Отсутствие у нового состава правления РАО «ЕЭС России» какой бы то ни было технической и экономической политики привело к тому, что при прохождении зимнего максимума нагрузок частота электрического тока в энергосистеме снижалась до критического значения — 49,2 Гц. На грани аварийного отключения оказались атомные станции, что могло привести к лавинообразному раз-

рушению Единой энергосистемы. 17 декабря 1997 года возникла чрезвычайная ситуация с энергоснабжением в Краснодарском крае, вызванная срывом сроков завершения строительства новой ВЛ-500 Центральная — Дагомыс. Во второй половине декабря на грани потери устойчивости оказалась и Объединенная энергосистема Северного Кавказа. Следствием срыва планового задания по вводу участка ВЛ-500 Гусиноозерская ГРЭС — Петровск-Забайкальский стала также чрезвычайной ситуацией с энергообеспечением Читинской области и Дальнего Востока.

Все это вызывало огромную тревогу, ибо возникало на фоне неотвратимого процесса истощения ресурса большей части оборудования электростанций и сетей. Резко снизились вводы новых мощностей в электроэнергетике. В 1997 году было введено 632 МВт энергомощностей, что в два раза ниже уровня 1996 года. Впервые не было ввода новых мощностей на федеральных электростанциях. Ввод высоковольтных линий электропередачи составил лишь 230 км, что в пять раз меньше уровня 1996 года. Финансирование НИОКР по отрасли снизилось на 30%. Разве всего этого не достаточно, чтобы обжечь горькой болью сердца огромного числа людей, посвятивших всю свою жизнь энергетической отрасли?

Особую тревогу вызывало то обстоятельство, что задолженность самого РАО «ЕЭС России» перед федеральным бюджетом к концу 1997 года составила 550 млрд. рублей. В связи с этим для выяснения причин такой задолженности и для принятия срочных мер по ее погашению к нам приезжал сам Председатель Правительства РФ В. С. Черномырдин. В ходе серьезного разговора он потребовал изыскать деньги во что бы то ни стало.

Для погашения задолженности правление, в нарушение Устава, без ведома совета директоров, взяло кредит в Сбербанке России и Инкомбанке. В качестве гарантий под кредит были заложены активы РАО «ЕЭС России» — акции акционерных обществ Ленэнерго, Свердловскэнерго и самого РАО. В договоре не был определен источник погашения кредита, зато подробно расписан механизм реализации заложенных акций через аукционы. При этом стороны договорились: в случае возникновения споров не обращаться в Арбитражный суд, а разрешать их с помощью посредников.

По стечению обстоятельств в тот же период член правления РАО «ЕЭС России» Кисляков без ведома совета директоров РАО подписал с АО Свердловскэнерго протокол о передаче последнему в аренду с правом выкупа Рефтинской ГРЭС. Эта комбинация по отчуждению собственности стала лакомым кусочком для частной американской инвестиционной корпорации «Access Industries Incorporated», которая с 1996 года владела угольным разрезом «Богатырь» и с которой давно сотрудничал Бревнов. Такая же участь ожидала и суперсовременную Северо-Западную ТЭЦ, пуск которой был заморожен из-за прекращения финансирования.

Все эти вопиющие факты, казалось, только придавали дополнительное ускорение бревновской энергии разрушения. Председатель правления РАО «ЕЭС России» продолжал, как в этом случае говорят китайцы, «выпячивать грудь и надувать брюхо». Складывалось впечатление, что его абсолютно не волнует финансовое положение РАО «ЕЭС России». В июле 1997 года, без ведома совета директоров, он взял кредит на сумму 5,39 млн. долларов для финансирования услуг иностранных консалтинговых фирм по реформированию энергетики. А в августе, прикрываясь подделанным решением совета директоров и в нарушение Устава РАО «ЕЭС России», Борис Анатольевич с помощью посреднической фирмы оформил документы на получение от «Deutsche-bank» кредита на сумму 200 млн. долларов США. При этом только за посреднические услуги было выплачено 1,725 млн. долларов. В нарушение Устава общества не были указаны реальные источники обслуживания и погашения кредита, отсутствовала программа его целевого использования. Кредит в объеме 50 млн. долларов пошел на текущие расходы по ремонтно-эксплуатационному обслуживанию объектов РАО «ЕЭС России».

Любому здравомыслящему человеку известно, что недобросовестное партнерство в сделках, обслуживание кредитов в условиях государственного регулирования цен на продукцию отрасли неизбежно ведут к возникновению недоверия между европейскими и российскими деловыми кругами, возрастанию тарифов, дальнейшему отчуждению собственности РАО «ЕЭС России» и, наконец, к разрушению Единой энергосистемы страны. В конце декабря 1997 года непрофессиональные действия Бревнова и его команды привели еще и к снижению рейтинга РАО «ЕЭС России», индикатором которого стало падение курсовой стоимости акций общества с 0,48 до 0,18 долларов за обыкновенную акцию. Я бил тревогу на всех уровнях, но мои усилия были тщетными. Никто не хотел принимать меры по контролю за расходами, взятием кредитов — все было отдано на откуп новой команде.

Обстановка в РАО «ЕЭС России» становилась все более гнетущей. Ее давление ощущал уже не только я. О ней знали в Министерстве топлива и энергетики РФ, все чаще о необходимости «разруливания» ситуации поговаривал Немцов. Затем эстафету беспокойства за положение дел в РАО подхватил Кириенко, возглавивший Министерство топлива и энергетики РФ с ноября 1997 года. Кириенко также был назначен председателем коллегии представителей государства по управлению государственным пакетом акций РАО «ЕЭС России». У меня складывалось впечатление, что у Немцова начал срабатывать инстинкт самосохранения, и он постепенно перекладывал ответственность за свою бурную деятельность на другие плечи.

Мощным набатом загудели средства массовой информации. Красной нитью через все сообщения проходила мысль о том, что Единая энергосистема страны, являвшаяся основой советской, а затем российской экономики, оказалась на грани краха. Российские и зарубежные средства массовой информации не скупилась на предоставление общественности многочисленных фактов из жизни и деятельности молодого председателя правления и его окружения. 15 мая 1997 года в газете «Совершенно секретно» о контактах Немцова с Бревновым говорил в своем интервью предприниматель Климентьев. Журнал «Профиль» 8 сентября 1997 года опубликовал разоблачительную статью «Песня о друге», в которой рассказывалось о связке «Бревнов — Немцов» и некоторых сомнительных операциях «НБД-банка». В конце декабря 1997 года — начале января 1998 года в интернете были распространены материалы, в которых новое руководство энергетикой обвинялось в дилетантизме и в неверной инвестиционной политике.

Повышенным спросом в коридорах власти пользовались статьи экономического обозревателя газеты «Правда-5» (впоследствии — главного редактора газеты «Промышленные ведомости») Моисея Мееровича Гельмана, ставившего под сомнение профессионализм, компетентность и честность Бревнова. Особое внимание журналистов привлекли факты бесконтрольного расходования председателем правления РАО «ЕЭС России» Бревновым значительных средств общества на личные нужды. Как реагировал на эти публикации Бревнов? Да, видимо, как один из чеховских героев, — с пренебрежительной индифферентностью: «...сами знаете, газеты на то и созданы... чтоб лжу бесовскую в людей вселять...»

К выяснению истинного положения дел в этой области вскоре подключилась и Государственная Дума РФ, поручившая своим постановлением № 2029-П ГД от 19 декабря 1997 года Счетной палате РФ проверить факты злоупотребления Бревновым служебным положением в личных целях и рассмотреть деятельность представителей государства в совете директоров РАО «ЕЭС России» по соблюдению интересов государства. Группу проверки, начавшейся 23 декабря, возглавил заместитель начальника инспекции Счетной палаты РФ Анатолий Иванович Салин. В нее вошли заместитель начальника инспекции Л. Я Хорина, главный инспектор А. Л. Лютый, ведущие инспектора — З. А. Амарантова, В. В. Веретенникова, А. И. Дятлов, Е. И. Ларина, А. Е. Панин, В. С. Савенков, Н. М. Сальников, Ю. А. Цветков, Н. Н. Феофанова, В. Н. Ивлева, а также старший инспектор О. В. Терехин. Объектами проверки стали: РАО «ЕЭС России», ОАО Авиаэнерго, аэропорт Шереметьево-1, пограничный контроль ООПК «Москва», Шереметьевская таможня АВК Шереметьево-1, ВИП Шереметьево-1, гостиница «Балчуг», дача № 15 дома отдыха «Архангельское» Управления делами Президента РФ, ООО «Тропаз».

В результате скрупулезной работы группой А. И. Салина было установлено, что 21 мая 1997 года РАО «ЕЭС России» заключило с домом отдыха «Архангельское» договор на предоставление с 1 июня 1997 года по 1 июня 1998 года (при стоимости аренды 202 940 долларов США в год) дачи № 15 общей площадью более 500 кв. м для проживания в ней неназванного лица. РАО «ЕЭС России» обязалось ежегодно проводить ремонт дачи за свой счет, для чего 8 августа заключило с ООО «Метриктстрой» договор подряда. Стоимость работ и материалов была определена в сумме 386 924 доллара США без учета НДС. От РАО «ЕЭС России» договорные документы подписал Бревнов. При этом ни правление, ни совет директоров РАО «ЕЭС России» не принимали никакого решения о порядке использования дачи № 15. С 1 июня по 30 ноября РАО «ЕЭС России» выплатило за проживание на даче 583,6 млн. рублей. Кроме того, еще 1 217 337 758 рублей необходимо было заплатить за работы по дизайну и подбору мебели, оборудования и выполнению монтажных работ. На момент проверки РАО «ЕЭС России» имело задолженность перед домом отдыха «Архангельское» в сумме 106,9 млн. рублей.

В материалах проверки говорилось, что с 30 мая по 30 ноября 1997 года Бревнов вместе с женой, госпожой Уилсон, проживал в двухместном номере гостиницы «Балчуг». За этот период администрация гостиницы выставила семь счетов на общую сумму 73 252 немецких марки, или 266 млн. рублей. Оплата пяти этих счетов на общую сумму 189,9 млн. рублей была произведена за счет фонда потребления РАО «ЕЭС России» самим обществом и его дочерней фирмой АО ЦДУ «ЕЭС России».

Немало туманных операций, повлекших огромные материальные расходы, было проведено в ходе приобретения для Б. А. Бревнова московской квартиры. По решению жилищной комиссии при правлении РАО «ЕЭС России» Бревнову была выделена шестикомнатная квартира площадью 140,7 кв. м, принадлежавшая на правах частной собственности гражданину США Престону Хэмптону Хэскеллу. При этом Бревнов должен был оформить договор мены квартиры в Москве без доплаты на свою трехкомнатную квартиру в Нижнем Новгороде, но с оплатой подоходного налога «на материальную выгоду». 30 сентября 1997 года РАО «ЕЭС России» заключило с ООО «Тропаз» договор на проведение проектных и ремонтных работ общей стоимостью 150 тысяч долларов США. При проведении встречной проверки оказалось, что ООО «Тропаз» по указанному в договоре адресу не располагается, а в налоговую инспекцию сдает бухгалтерскую отчетность с «нулевыми» оборотами. 16 октября шестикомнатная квартира по Петровскому переулку по договору купли-продажи была приобретена у Престона Хэмптона Хэскелла по цене 250 тыс. долларов. РАО «ЕЭС России» выплатило также 60 тыс. долларов за маркетинг-

говые услуги, оказанные фирмой «НІВ Ltd», генеральным директором которой являлся не кто иной, как Престон Хэмптон Хэскелл.

Не меньшие финансовые затраты понесло РАО «ЕЭС России» в связи с использованием Бревновым по личным делам самолета ИЛ-62М авиакомпании Авиаэнерго для полета по маршруту Москва — Цинциннати (США) — Москва. Указанный самолет с 13 членами экипажа и одним пассажиром, председателем правления РАО «ЕЭС России» Б. А. Бревновым, вылетел из Шереметьево-1 (везде — время московское) в 00.35 6 декабря 1997 года и приземлился в аэропорту Цинциннати в 12.09 того же дня. Обратный вылет самолета состоялся в час ночи 9 декабря и завершился в аэропорту Шереметьево-1 в 11.15. На борту самолета, кроме экипажа, находились еще пять пассажиров: Б. А. Бревнов, Джордж Бревнов, Гретхен Уилсон, Натали Уилсон и Лорел Гаррет. На момент проверки в авиакомпании Авиаэнерго отсутствовали документы, которые могли бы являться основанием для проведения полета, определения его цели, а также для подтверждения летных расходов. Фактические расходы авиакомпании по данному рейсу на момент проверки составляли 77 340 долларов, но и они не являлись окончательными, поскольку авиакомпании Авиаэнерго не были выставлены к оплате все счета по расходам, произведенным за рубежом. Проверкой было отмечено, что договор на перевозку Б. А. Бревнова и членов его семьи между ОАО Авиаэнерго и Бревновым не составлялся и не был представлен комиссии при проверке. Отсутствовала и калькуляция расходов на полет Бревнова и членов его семьи.

Собранные группой А. И. Салина в ходе проверки материалы были рассмотрены 16 января 1998 года на заседании коллегии Счетной палаты РФ, которая установила, что при попустительстве представителей государства по управлению государственным пакетом акций РАО «ЕЭС России» в акционерном обществе, 52% акций которого находится в федеральной собственности, необоснованно и бесконтрольно расходуются значительные суммы в рублях и иностранной валюте на цели, не связанные с производственной деятельностью. Факт злоупотребления служебным положением председателем правления РАО «ЕЭС России» Б. А. Бревновым был налицо.

Отчет по результатам проведенной Счетной палатой РФ проверки был направлен Председателю Государственной Думы РФ Г. Н. Селезневу 21 января 1998 года. В свою очередь Государственная Дума РФ, рассмотрев данный отчет, приняла постановление № 2295-II ГД от 18 марта 1998 года, в котором предписала материалы проверки Счетной палаты РФ направить в Генеральную прокуратуру РФ для решения вопроса о привлечении к ответственности должностных лиц РАО «ЕЭС России», виновных в нанесении ущерба государству.

Всем, кто наблюдал за развитием этой ситуации, показалось, что зло может быть наказуемо.

Побежденным себя не считаю!

Однако создавалось впечатление, что сам виновник организационно-воспитательной суеты воспринимал все происходившее отстраненно. Именно в этот период Борис Анатольевич с головой погрузился в подготовку к помпезному празднованию Дня энергетики, состоявшемуся 20 декабря 1997 года в Большом театре. Новому руководителю правления было невдомек, что проводить какие-либо торжества в непростое для ЕЭС страны время — это все равно, что затевать веселый пир во время чумы. Видимо, ему хотелось во что бы то ни стало, пусть даже путем очковтирательства, подправить в глазах государственных и законодательных органов страны свой существенно подмоченный имидж.

Над подготовкой праздника трудились многие функционеры, но самое большое старание проявил С. К. Медведев, возглавлявший департамент общественных связей РАО «ЕЭС России» с ноября 1997 по июль 1998 года. Он, в полном смысле этого слова, «выбивал» тексты поздравительных приветствий от многих известных в стране официальных лиц. Но даже бывшему пресс-секретарю Президента РФ, известному тележурналисту не по силам было внести живую струю в текст программы реформирования российской электроэнергетики, прозвучавшей с трибуны торжественного собрания из уст новоявленного Хлестакова.

Выступление Бревнова прозвучало заупокойной молитвой по безвременно канувшему в Лету авторитету РАО «ЕЭС России». Присутствовавшие на праздновании не могли не заметить, что до каких-либо успехов новому председателю правления было еще далеко, а вот неудач уже набралось с избытком. Тем не менее собственный бенефис, устроенный Борисом Анатольевичем при огромном стечении «нужных» людей, состоялся и обошелся компании в 800 млн. рублей.

Я четко понимал, что для предотвращения дальнейшего финансового и экономического разрушения электроэнергетики страны, для восстановления ее авторитета необходимо немедленно освобождать Бревнова от должности председателя правления. При этом я не беспокоился о своем будущем. Лично меня волновало только одно — не дать повода кому-

либо подумать, что я являюсь соучастником «деяний» нового председателя правления. Что для этого нужно было предпринять в первую очередь? Свои разнuzданные и беспредельные действия Бревнов предпринимал при снисходительном отношении центра. Противовесом в этой обстановке могли бы послужить субъекты Российской Федерации — акционеры РАО «ЕЭС России». Необходимо было поднять их роль: они в соответствии с Указом Президента РФ имели в государственном пакете акций свою долю, равную 30%. Если создать коллегия представителей субъектов Российской Федерации по управлению этим пакетом акций, думал я тогда, то этот орган мог бы стать весомым конкурентом коллегии во главе с Немцовым.

Мы провели организационное собрание представителей субъектов Российской Федерации — акционеров РАО «ЕЭС России». 3 декабря 1997 года Совет Федерации Федерального Собрания РФ принял постановление, подписанное Е. С. Строевым, о необходимости создания такой коллегии. В постановлении было предписано провести в декабре 1997 года собрание представителей органов государственной власти субъектов РФ с целью определения механизмов создания и работы коллегии по управлению пакетом акций, принадлежащих субъектам РФ, на основе консолидации голосов субъектов РФ по принадлежащим государству акциям РАО «ЕЭС России». Одним из сопредседателей этой коллегии избрали меня. Но партию первой скрипки было поручено вести другому сопредседателю — В. М. Кокову.

Я понимал, что после многоплановой подготовительной работы, проведенной в этом направлении, ни в коем случае нельзя было допустить возникновения ситуации, о которой в старом Китае говорили: «Воины царства Сун уже построились в ряды, а воины царства Чу еще не переправились через реку». К сожалению, так и получилось. Президент Кабардино-Балкарии Владимир Магомедович Коков вследствие особенностей своего характера занял соглашательскую позицию, стал ездить за советом к правительственным чиновникам, засиживался в кабинете Черномырдина, прислушивался к мнению Немцова. Он фактически свел к нулю все результаты работы, проведенной нами накануне. Так нам и не удалось на уровне субъектов Российской Федерации найти соответствующий противовес.

Между тем министр топлива и энергетики РФ С. В. Кириенко также был обеспокоен имеющейся информацией о деяниях Бревнова и положении дел в РАО «ЕЭС России». 27 января 1998 года состоялось совместное заседание коллегии Минтопэнерго России и коллегии представителей по управлению пакетом акций государства в РАО «ЕЭС России» с приглашением руководителей с мест. На это заседание были приглашены

генеральные директора акционерных обществ: Е. А. Тюрин (Ярэнерго), А. А. Истомина (Тамбовэнерго), Г. М. Гамзатов (Дагэнерго), Е. В. Чернышов (Оренбургэнерго), В. П. Воронин (Челябэнерго), В. И. Григорьев (Конаковская ГРЭС), Т. И. Шумилов (Рязанская ГРЭС), Д. В. Гурин (Курскэнерго), В. М. Пинчук (Волгаэнерго), Б. Ф. Ремезенцев (Самараэнерго), А. А. Романов (Волжская ГЭС), Ю. Б. Васильев (Саратовская ГЭС), Е. И. Фомин («Электронные приборы»), Г. П. Некряченко (Чуваэнерго), И. С. Вартазаров (Информэнерго), С. Я. Лашенков, директор по строительству и реконструкции, В. К. Паули, начальник департамента генеральной инспекции по эксплуатации электростанций и сетей.

В ходе заседания Бревнову был высказан целый ряд недвусмысленных претензий. Главные из них сводились к тому, что на фоне многомесячных задержек зарплаты в энергосистемах и обвала инвестиций в развитие энергетики огромные суммы были истрачены на совершенно непроизводительные нужды. Не далее как 19 января 1998 года, говорилось, в частности, на этом заседании, заместитель председателя правления РАО «ЕЭС России» Бритвин подписал договор с главой компании «Кейстоун» Геннадием Шульманом на покупку за 23 млн. долларов недостроенного, неудобного для энергетиков, здания дома № 42 по улице Большая Якиманка для размещения чиновничьего аппарата РАО. Только за услуги по поиску подходящего здания и определения его пригодности было заплачено в общей сложности 1 млн. 100 тыс. долларов. Оплата расходов, в нарушение закона, производилась с расчетного счета ХОЗУ РАО «ЕЭС России».

Особый интерес вызывало то обстоятельство, что компания «Кейстоун» возникла в середине 1990-х годов сразу под строительство упомянутого офисного комплекса. Напомню, что в то время Москва считалась супердорогим городом, ставки аренды качественных площадей находились где-то на уровне 750–800 долларов за метр в год, а то и выше, поэтому арендаторы были готовы оплачивать воздух — то есть площади, которые еще только будут построены. Комплекс «Кейстоуна» считался объектом топ-уровня, но застройщику пришлось испытать все беды, которые выпадают на долю крупных проектов. Из-за волокиты бюрократической машины недвижимость долгое время не удавалось оформить в собственность, в результате чего на счетах компании были арестованы несколько десятков миллионов долларов. Компания тяжело пережила кризис 1998 года. В 2000 году у нее возникли проблемы с платежами: компания не смогла к 1 сентября вернуть банку 31 млн. долларов.

Ровно столько же за здание на Большой Якиманке пришлось бы уплатить РАО «ЕЭС России», поскольку дополнительные 8 млн. долларов общество обязалось выплатить фирмам «Кейстоун», IBS, MYC и DTZ,

взявшимся за ремонт и оформление офисов. А что такое 31 млн. долларов? Эта сумма почти в четыре раза превышала объем средств, необходимых на достройку линии электропередачи от ГЭС Дагестана на Северный Кавказ (в обход Чечни). Все эти перипетии подробно описаны в публикации «Российской газеты» от 1 апреля 1998 года под заголовком «Дойная корова и сама нездорова».

Но дело одной Якиманкой не ограничивалось, подчеркивали в указанном материале корреспонденты «Российской газеты». С 1996 года в РАО «ЕЭС России» отработывался весьма выгодный для России проект: был заключен договор с финской энергетической компанией «Pohjolan Voima Oyj» (PVO) об увеличении на 30% объема продаж нашего электричества в страны Скандинавии. Надо было только построить специальную «вставку» — подстанцию постоянного тока у Выборга и линию передач Выборг — Кюми, на что требовалась сумма в 55 млн. долларов. РАО «ЕЭС России» намеревалось осуществить этот проект своими силами, без посредников, на отечественной технике. В любой момент наши организации готовы были приступить к работе. Но с приходом в руководство РАО «ЕЭС» Бревнова все изменилось. Вместо того чтобы тратить миллионы долларов на завоевание новых и платежеспособных рынков, он начал бездарно транжирить деньги на офисы. Скандинавскому же проекту было придано совершенно другое содержание.

1 февраля 1998 года Бревнов подписал договор о стратегическом альянсе с тexasской энергетической компанией «Энрон», зарегистрированной в Лондоне. Крупнейшая по тем временам американская компания предложила РАО «ЕЭС России» сделку: в обмен на 55 млн. долларов, необходимых для реализации выборгского проекта, она потребовала допустить ее к продаже электричества в Скандинавию. И по поводу процентов по кредитам были поставлены условия: они должны были пойти в филиал «Московского Народного банка», расположенный в Нидерландах.

Факт передачи конфиденциальной информации о выборгском проекте фирме «Энрон» вызвал гневную реакцию финской стороны. Финны заявили о приостановке своего участия в проекте до внеочередного собрания акционеров РАО «ЕЭС России». Бревновские переговоры с «Энроном» были приостановлены запретительным письмом за подписью С. В. Кириенко. Действия команды Бревнова и здесь нанесли урон интересам как акционеров РАО, так и государства. Если бы право на поставку электроэнергии в Скандинавию было передано в руки «Энрона», ущерб отечеству был бы налицо. Не прошло и трех лет, как стало известно, что фирма «Энрон» — это крупнейшая мошенническая структура. В ноябре 2001 года она была официально признана банкротом. В январе 2002 года покончил с собой бывший вице-президент фирмы Клифф Бакстер, а в ав-

густе того же года выбросился из окна своего офиса, расположенного на 11-м этаже, редактор экономического отдела газеты «Нью-Йорк Таймс» Алан Майерсон — автор разоблачительных материалов о финансовых махинациях компании «Энрон».

В скандале оказалась замешанной и упомянутая мной ранее аудиторская фирма «Артур Андерсен». Аудиторы выставили компании счет на сумму, превышавшую обычные ставки по финансовым проверкам на 5,7 миллиона долларов. За эту «надбавку» «Артур Андерсен» помог руководству «Энрона» создать запутанные финансовые схемы. По мнению комиссии, проверявшей деятельность энергетической корпорации, аудиторы знали о многочисленных нарушениях, в частности об огромных долгах, которые не фигурировали в отчетности «Энрона». Благодаря этому ни вкладчики, ни федеральные органы контроля ничего не знали о потере примерно 500 миллионов долларов. Во время расследования выяснилось, что компания «Артур Андерсен», входящая в число так называемой мировой пятерки аудиторов, в случае с «Энроном» пошла на прямое нарушение закона: ее сотрудники в ходе проведенной проверки уничтожили значительное число конфиденциальных бумаг, касающихся деятельности энергетической корпорации. Речь в первую очередь идет о личных счетах владельцев «Энрона». Это неудивительно, так как компания была одним из важнейших клиентов «Артур Андерсен» — от нее фирме поступало 25 миллионов долларов по линии аудита и 27 миллионов за предоставляемые консультации.

В досье неблагоприятных деяний Бревнова существовал еще один многозначительный штришок. Возглавив правление РАО «ЕЭС России», он начал направо и налево раздавать генеральные доверенности на действия от имени РАО. Владелец такой бумаги мог совершать сделки, как если бы он был президентом компании. Такие доверенности получили О. А. Бритвин, директор казначейства РАО «ЕЭС России» А. В. Лопатин, заместитель Бревнова А. Н. Ремезов, управделами РАО А. А. Саркисян, член правления В. Г. Сидорович. Тем самым создавались условия для хаотизации управления отраслью.

Глава коллегии представителей государства в РАО «ЕЭС России» С. В. Кириенко поставил Бревнову за работу «неуд». В принятом на совместном заседании протоколе особое внимание руководителей РАО «ЕЭС России» было обращено «на недостаточную работу по руководству дочерними акционерными обществами, приведшую к сокращению ввода новых мощностей, падению объема инвестиций, росту задолженности по заработной плате, а также задолженности в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды». Совместное заседание коллегий обязало Б. А. Бревнова в месячный срок обеспечить разработку и представить

на утверждение коллегии представителей государства в РАО «ЕЭС России» комплексный план мероприятий, направленных на исправление возникшей ситуации.

Между тем я понимал, что никакие организационно-воспитательные меры уже не исправят положения. Что можно изменить в испорченном блюде, на приготовление которого истрачена масса ингредиентов, сил и времени и которое подано на стол под изысканными соусами, приготовленными далеко за пределами России? Только лишь отправить его обратно на кухню. Оставлять Бревнова на должности — делу вредить. Изменить стиль работы ему было не дано от природы. И давать Бревнову испытательный срок тоже было бесполезно, о чем я открыто сказал с трибуны. Но присутствовавшие на коллегии такие члены совета директоров РАО «ЕЭС России», как заместитель министра финансов РФ А. Л. Кудрин и заместитель министра экономики РФ Н. Г. Шамраев не захотели меня поддержать и заняли нейтральную позицию.

Через час после окончания заседания заседания коллегии Минтопэнерго РФ состоялось заседание совета директоров РАО «ЕЭС России», заранее назначенное согласно действующему регламенту. На нем, кроме Б. А. Бревнова и меня, присутствовали восемь членов совета директоров РАО «ЕЭС России»: Ю. Д. Башаров, В. Ф. Боган, Е. А. Желтиков, В. М. Иванников, Б. В. Никольский, В. А. Пехтин, Н. Г. Шамраев и Н. Ф. Кузнецов. Кворум имелся. Обсуждение вопроса проходило сложно. Я высказался по тем вопросам, которые волновали меня, как председателя совета директоров. Говоря о тяжелейшей финансовой обстановке, сложившейся в акционерном обществе, я подкреплял свои выводы конкретными примерами нарушений Устава РАО, в каждом из которых в той или иной степени был замешан Бревнов.

В выступлениях членов совета директоров отмечалось, что председатель правления Б. А. Бревнов, не обладая необходимыми профессиональными знаниями и опытом управленческой деятельности, не сумел организовать работу правления. В результате принятая Правительством РФ программа развития отрасли оказалась невыполненной, не была разработана новая, широко разрекламированная, программа реформирования электроэнергетики. Вопросы управления тарифной политикой были брошены на самотек. На федеральном уровне утверждались довольно приличные тарифы на электроэнергию с шин электростанций, а в рознице тарифы занижались. За полгода разница долга перед генерацией при отсутствии источников покрытия составила порядка 1,5 трлн. рублей. Впервые за историю своего существования РАО «ЕЭС России» стало финансовым банкротом: кредиторская задолженность превысила дебиторскую (разрыв между ними на начало 1998 года составил 7 трлн. рублей).

На заседании совета директоров звучали тревожные факты о практическом прекращении финансирования из централизованных фондов РАО «ЕЭС России» работ по реконструкции, техническому перевооружению и строительству новых объектов, научно-технических и проектных программ. В IV квартале 1997 года инвестиции составили 50 млрд. рублей, или менее 3% от объема инвестиций того же периода 1996 года. В 1,4 раза выросла задолженность по заработной плате, приблизившаяся к 3 трлн. рублей, более чем в два раза увеличилась задолженность в Пенсионный фонд.

Финансовая политика правления РАО «ЕЭС России», говорилось на заседании совета директоров, негативно сказалась и на состоянии региональных энергосистем. Работа по выполнению первой уставной задачи РАО «ЕЭС России» — развитию Единой энергосистемы — была подменена кампанией по повышению собираемости абонентской платы «живыми» деньгами и высоколиквидными банковскими векселями. Такая экономическая политика привела к ухудшению положения энергосистем, свертыванию программ реконструкции и развития, росту задолженности перед топливоснабжающими организациями, снижению надежности их работы и даже к забастовкам персонала.

Совет директоров РАО «ЕЭС России» счел недопустимым и бесполезным предоставление Бревнову месячного срока на исправление, с разработкой им программы вывода РАО «ЕЭС России» из создавшейся ситуации, установленного решением совместного заседания двух коллегий. За нарушение уставных требований, невыполнение решений совета директоров, неудовлетворительную работу по повышению эффективности отрасли, за факты личных злоупотреблений, изложенные в отчете Счетной палаты РФ, совет директоров РАО «ЕЭС России» посчитал невозможным дальнейшее пребывание Б. А. Бревнова в должности председателя правления. В этой обстановке, к большому личному сожалению, сам я допустил довольно существенную ошибку. Прислушавшись к предложению Б. В. Никольского, я дал согласие на временное возложение на себя обязанностей председателя правления РАО «ЕЭС России», вместо того чтобы возложить их на одного из заместителей. Я сам дал повод в этой части считать нелегитимным решение совета директоров РАО «ЕЭС России», потому что Уставом РАО «ЕЭС России» запрещено совмещение в одном лице должностей председателя совета директоров и председателя правления.

Сразу же после окончания заседания совета директоров (а было это в девять часов вечера) я набрал по «кремлевке» номер В. С. Черномырдина:

— Виктор Степанович, — доложил я, — только что состоялось заседание совета директоров РАО «ЕЭС России». Мы освободили от должности Бревнова.

Он помолчал несколько секунд и после слов: «Ну вот — еще одна головная боль!» — положил трубку. С тех пор Виктор Степанович со мной уже никогда не общался.

Немцов в это время находился в Нижнем Новгороде. Когда журналисты захотели выяснить его отношение к снятию Бревнова с должности председателя правления РАО «ЕЭС России», Борис Ефимович не нашел ничего лучшего, чем сказать: «Я считаю это раздолбайством!»

Реакция на решение совета директоров не заставила себя долго ждать. Утром 28 января 1998 года по распоряжению Бревнова, прикрывшегося приказом министра топлива и энергетики РФ № 412 от 27 января 1998 года, в срочном порядке была заменена охрана служебного помещения РАО «ЕЭС России», расположенного по адресу: г. Москва, Китайгородский проезд, дом 7, подъезд 2, этаж 2. Новой охране было дано указание не пропускать меня и сотрудников аппарата совета директоров в рабочие кабинеты. Когда стали разбираться, кто отдал эти распоряжения, выяснилась одна интересная деталь. В ночь на 28 января министр топлива и энергетики РФ С. В. Кириенко подписал письмо, в котором назвал смену председателя правления РАО «ЕЭС России» решением, не имеющим юридической силы и не подлежащим исполнению. Такой вывод объяснялся кратко и просто. Бревнов якобы был назначен постановлением Правительства РФ, поэтому снятие его с должности не входит в прерогативу совета директоров РАО «ЕЭС России». И здесь Кириенко был не прав: плохую службу сослужили ему его заместители, помощники и секретари-референты. Бревнов избирался на заседании совета директоров и в исполнении своих профессиональных обязанностей был подотчетен этому органу РАО «ЕЭС России».

В эту же ночь, одновременно с упомянутым приказом, с точностью до минут и секунд, был подписан и циркулярно разослан второй приказ, в котором всем подразделениям РАО «ЕЭС России» предписывалось: 1) выполнять только распоряжения и приказы Б. А. Бревнова и 2) принять должные меры по укреплению контрольно-пропускного режима в здании Минтопэнерго РФ и ЦДУ «ЕЭС России». Под этим директивным документом стояла уже подпись не Кириенко, а исполняющего обязанности министра топлива и энергетики РФ В. И. Отта. В доли секунды министр испарился, а его обязанности в одно мгновение стал исполнять заместитель!

Выдворенный из Китайгородского проезда, я разместился со своим аппаратом в помещениях Энерготехнологического конгресса, где продолжал, как и прежде, выполнять функции председателя совета директоров. В целях пресечения беспредела со стороны неизвестных на тот момент для меня сил я обратился в органы милиции с просьбой обеспечить доступ работников аппарата совета директоров РАО «ЕЭС России» на свои рабочие места. Сначала на мою просьбу откликнулись, но потом кто-то вмешал-

ся, и все было спущено на тормозах. Тогда я обратился по этому вопросу к Генеральному прокурору РФ Ю. И. Скуратову. Тот тоже был щедр на обещания, даже поручил проработку вопроса Ю. Я. Чайке, но тот вместе с Немцовым был занят с головой мероприятиями по захоронению останков царской семьи. Мною были направлены письма всем, кто мог бы мне посодействовать, но на эти письма никто не обращал внимания.

Я решил посоветоваться с Ремом Ивановичем Вяхиревым, передать через него материалы заседания совета директоров РАО «ЕЭС России» Председателю Правительства РФ и попросить В. С. Черномырдина, чтобы он принял меня. Рем Иванович сказал буквально следующее:

— Да ничего вам эта встреча не даст. Черномырдин уже ничего не решает. Он все бездарно прохлопал!

Тогда я понял, что нами никто заниматься не будет.

Бревнов продолжал работу, как ни в чем не бывало. А в это время в СМИ кем-то была запущена серия грязных материалов, затрагивавших мою деловую и человеческую репутацию. В них, в частности, утверждалось, что я пользуюсь непомерно большим загородным домом, обставленным по последнему писку моды. По телевидению даже показывали этот дом, но «забыли» объяснить зрителям, что это строение ко мне никакого отношения не имеет — это была чья-то чужая собственность. Потом громкогласно объявили, что в Москве я живу в «шикарных апартаментах», которые раньше занимал Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Да, я действительно живу в доме, где в свое время проживал легендарный военачальник, но занимаю в нем всего одну квартиру площадью чуть более ста квадратных метров.

Корреспонденты телевидения и органов печати материалы с моими ответами непременно сопровождали высказываниями Бревнова. Однажды меня спросили:

— А как Вы относитесь к информации о том, что на место Бревнова скоро придет Чубайс?

Я ответил:

— Лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Я буду приветствовать приход Анатолия Борисовича.

21 февраля 1998 года я попал в ЦКБ. Во время моего пребывания в больнице под председательством Е. Г. Ясина состоялось заседание совета директоров РАО «ЕЭС России», на котором было принято решение о проведении внеочередного собрания акционеров РАО «ЕЭС России» с повесткой дня: «Об избрании нового состава совета директоров РАО «ЕЭС России» и освобождении А. Ф. Дьякова от обязанностей председателя совета директоров». В связи с этим по поручению С. В. Кириенко ко мне в больничную палату явился Валентин Иванович Боган, бывший в

то время генеральным директором Тюменьэнерго, с предложением написать заявление о досрочном уходе с должности.

— Передайте Сергею Владиленовичу, — сказал я, — что Дьяков никогда не бежал с тонущего корабля и заявление об увольнении писать не будет. Буду бороться дальше или нет — это второй вопрос. Но побежденным себя признавать не хочу.

Когда я выписался из ЦКБ и находился на даче, меня навестил А. Б. Чубайс, который сообщил, что ему предложили должность председателя правления РАО «ЕЭС России».

— Я хочу заручиться вашим согласием, — честно сказал он и предложил мне должность своего заместителя.

Я, ни минуты не задумываясь, наотрез отказался.

— Нас с вами, Анатолий Борисович, обязательно поссорят, — убежденно заявил я. — Лучше я буду заниматься наукой. Так нам легче будет сохранить порядочность в отношениях друг с другом.

Визит Чубайса я считаю шагом, на который способен только исключительно порядочный человек. Мое нежелание быть его заместителем он воспринял нормально. Давно известно, что соизмеримые величины уравновешивают друг друга на расстояниях, обратно пропорциональных их тяжести.

За два дня до собрания мы проводили в гостинице «Президент-отель» плановое мероприятие по линии МИРЭС. Там вокруг меня назойливой мухой вился Бревнов. Жалких слов в его речах было гораздо больше, чем тараканов в запущенной общепитовской столовой. Он униженно просил отменить решение совета директоров о снятии его с должности и предлагал тут же подписать заготовленный им заранее протокол заседания совета директоров. Я был неумолим и открыто заявил, что другого решения быть просто не может.

Накануне собрания акционеров РАО «ЕЭС России» Немцов провел заседание коллегии представителей государства в РАО «ЕЭС России», на котором было принято решение удовлетворить просьбу Бревнова об увольнении с должности председателя правления РАО «ЕЭС России» по собственному желанию. Ясину было поручено подписать расторжение трудового контракта с Бревновым. Кроме того, Немцов заявил, что собрание, на котором будут переизбирать А. Ф. Дьякова, тоже надо вести Ясину. Я ответил, что это решение неправильное, оно ведет к нарушению требований Устава общества, поэтому собрание буду вести сам.

Собрание акционеров РАО «ЕЭС России» состоялось 4 апреля 1998 года. Открыв собрание, я огласил его повестку. Но после этого заявил, что вести его отказываюсь, потому что не принимал участия в подготовке решений, подлежащих утверждению на этом собрании. Я предложил пору-

читать ведение собрания члену совета директоров общества Е. Г. Ясину. Акционеры не возражали против этого предложения. Все прошло по плану и в спокойной обстановке. Собрание акционеров избрало новый состав совета директоров, а совет директоров, в соответствии с Уставом, назначил председателем правления РАО «ЕЭС России» Анатолия Борисовича Чубайса.

Накануне заседания совета директоров по избранию председателя совета я спросил у А. Б. Чубайса, кого он собирается рассматривать на эту должность.

— Наверное, Ясина, — сказал он.

— Возьмите лучше Кудрявого, — предложил я. — Он парень шумливый, зато вреда от него никакого не будет.

И в этом прогнозе я ошибся.

Впоследствии средства массовой информации еще долго комментировали события, произошедшие в РАО «ЕЭС России», называя их проявлением борьбы между лидерами «консервативного крыла» в энергетике и пришедшими им на смену представителями «новой формации». В самой сути этого обобщения, мне кажется, заложена большая смысловая ошибка. Далекий путь состоит из малых отрезков, большие задачи решаются поэтапно. Издревле на первом месте стояли тяготы труда, а только затем — его плоды. Уважение и слава — дамы капризные: они не приходят по первому вызову. Чтобы о тебе заговорили, чтобы ты занял свое достойное место в отрасли, нужно проделать не один далекий путь, решить немалое число задач, вынести не одну жизненную тяготу, побороться за уважение, добиться и удержать пришедшую славу.

Таковыми этапами обычно шли в профессии многие мои соратники, составляющие цвет энергетики России. Да, они в основном уже пожилые люди. Но они еще и высочайшего уровня специалисты, достойно представляющие отрасль как внутри страны, так и на международной арене. Так что в конце XX века произошло столкновение не между «консервативным крылом» и «новой формацией». Это была непримиримая борьба профессионалов, болевших за свое дело, с бездарностями и неучами, появившимися «ниоткуда», чтобы раскидать по кирпичикам здание, к возведению которого они не имели никакого отношения.

Единая энергосистема России — это хорошо структурированная и в деталях продуманная конструкция, созданная с большим запасом прочности в течение нескольких десятков лет представителями поколения, к которому я имею честь принадлежать. Сохранение целостности этой структуры и создание условий для ее нормального функционирования стало задачей всей моей жизни в избранной профессии. Жизни, нацеленной, по большому счету, на скорейшее возвращение России статуса энергетически независимой, могучей и процветающей державы.

Эпилог

Эту книгу я задумал несколько лет назад, но всё никак не решался приступить к ее написанию, полагая, что рассказывать о себе перед широкой публикой — поступок, требующий определенной смелости. Мои сомнения рассеялись, когда я прочел слова Даниила Гранина о человеческой истории, как сборнике «чувствований и настроений людей». «Как это верно, — подумал я, — описывать собственную жизнь, определяясь во времени по своеобразным антеннам «чувствований» — точкам души, сохраняющим точную память обо всем, что с нами когда-либо происходило!» Так возникли эти главы, в которых отражено наиболее значительное из того, что пережито мною на протяжении прошедших десятилетий. Человеку, если он хозяин своих дел и поступков, всегда есть что сказать о себе и своем времени.

Моему поколению досталось непростое время. Всего у нас было с лихвой: и голода, и холода, и страха. Но многое из того, что мы недополучили в бытовом смысле, возместила нам профессия, ставшая для нас надежной опорой, базой роста, площадкой для взлета к жизненным высотам. Неотъемлемой частью моей собственной судьбы стала профессия электроэнергетика. Она дала мне возможность развить свою индивидуальность и проявить лучшие коллективистские качества в окружении ярких и всесторонне подготовленных специалистов. Это были люди, работавшие самоотверженно и творчески, но так и не научившиеся говорить о собственных заслугах. Проверенные на верность профессии, они сегодня с полным правом могут утверждать, что жизнь свою прожили не напрасно. Наш вклад в общее дело, наверное, оценят потомки, но уже сегодня небесполезность затраченных нами усилий должна быть очевидной каждому.

Так получилось, что на исходе XX века мне пришлось отойти от активного участия в управлении электроэнергетикой. Этому способствовал целый ряд факторов, один из которых самый неумолимый — возрастной. Как известно, в нашей стране пенсионный возраст для мужчин начинается с 60 лет. В усредненном смысле такое положение, может быть, имеет право на существование. Некоторые, по самым разным причинам, уже в 50, а то и в 40 лет теряют жизненный запал и энергию. Но нельзя же ко

всем подходить с одной меркой! Преклонный возраст, как и молодость, имеет свои положительные стороны. Это — глубокая мудрость, несуетливая сосредоточенность на главном, способность решать задачи без соревновательного жара честолюбия и зависти. Большинство руководителей, оставив за своими плечами шесть десятилетий, аккумулируют в себе бесценный сплав, состоящий из знаний, опыта и жизненных наблюдений, позволяющий, при умелом применении, с достаточной степенью эффективности трудиться и быть полезным на порученном участке. Казалось бы, от этой, многих пугающей, черты только и начинать, но...

Лишение опытного специалиста возможности заниматься любимым делом, чем бы это ни объяснялось, — процесс во всех отношениях непростой, сопровождающийся, как правило, душевными переживаниями и даже надломом. Ситуация усугубляется вдвойне, когда удаление на скамейку запасных предпринимается под надуманным предлогом, искусственно, с целью демонстрации борьбы «молодого» и «прогрессивного» со всем «отжившим» и «устаревшим». Такого рода кадровая политика для экономики страны ничего, кроме вреда, не несет. Напротив, она создает предпосылки для опасного противостояния поколений, прерывания линии преемственности по передаче опыта от старших к младшим. Может ли нынешняя молодежь чувствовать себя в профессии спокойно, видя, как государство разбрасывается бесценными кадрами, смахивая их, словно крошки с пиршественного стола, в никому не нужные отвалы?

На первых порах я глубоко переживал утрату возможности непосредственно влиять на развитие отрасли, которой посвятил свою жизнь. Если говорить образно, испытал эффект, возникающий при резкой рубке чрезмерно натянутого каната. Переход в новое качество, в так называемую «малоактивную фазу», дался мне нелегко. Хорошо, если в такие минуты находишь силы, чтобы подстегнуть себя новыми задачами, устремлениями и интересами. Тогда жизнь начинает играть другими красками, приходит второе дыхание, дающее возможность успешно преодолевать новые рубежи. Очень важно в этот период удерживать ситуацию под контролем, устоять на ногах, побороть в себе соблазн присесть на обочину, чтобы немного отдохнуть и расслабиться.

К счастью, я преодолел очередную темную полосу в моей жизни без больших морально-нравственных потерь. Мне не пришлось обивать углы в поисках работы. В своих профессиональных приоритетах я определился давно, когда сосредоточился на научных исследованиях и разработках в области электроэнергетики, которая не стала для меня табу за семью печатями вплоть до настоящего времени. Преданность научным занятиям, говорил Цицерон, не дает почувствовать «вороватого приближения старости». Я работаю с прежней степенью интенсивности — только

теперь опосредованно, через науку, путем участия в обсуждении, разработке и пропаганде научных решений и рекомендаций, направленных на внедрение новых энергетических технологий и оборудования. Искренне хочется, чтобы эти рекомендации перестали быть идеей фикс узкого круга лиц — моих соратников по борьбе за сохранение Единой энергетической системы страны и привлекли бы внимание ответственных структур и должностных лиц, отвечающих за принятие государственных решений.

Рычаги управления российской электроэнергетикой взяли сегодня в свои руки топ-менеджеры, сформированные в новой социально-экономической реальности. Они получили прекрасное образование, в том числе и за рубежом, умеют изящно формулировать мысли, демонстрируют обостренный и отважный, как на дуэли, ум, полны сил и энергии, дающей им возможность добиться больших успехов и быть результативными. Но при этом было бы неплохо, чтобы они осознанно подходили к оценке масштаба стоящих перед ними проблем и определению путей их решения. Ведь смена одних руководителей другими не ведет к автоматическому облегчению или ликвидации главной задачи электроэнергетики — производства и доставки потребителям тепла и света. Задачи колоссальной и по размаху, и по глубине, которая может быть по плечу только влюбленным в свое дело профессионалам.

В этой связи обнадеживающим аккордом звучит для меня одно немаловажное обстоятельство. В предыдущие десятилетия общими усилиями всей страны в электроэнергетическую отрасль был заложен большой запас прочности. Это было время, когда проблемы электроэнергетики обсуждались на самом высоком уровне, когда возможные «обвалы» предотвращались заблаговременным наращиванием мощностей, когда страна не жалела никаких сил и средств, чтобы Единая энергетическая система действительно оправдывала свое гордое название. В XXI веке — и это вселяет определенный оптимизм — ожидается бум энергопотребления в мире. Россия с ее огромными запасами энергоресурсов и гигантскими электростанциями, многие из которых по известным причинам работают сегодня в полсилы, могла бы получить значительные преимущества, как один из крупнейших в мире производителей дешевой электроэнергии, и реальную выгоду от ее реализации за рубежом. Надеюсь, что в нашей стране никогда не переведутся Прометеи, для которых доставка потребителям результатов работы отечественных электроэнергетиков станет делом всей жизни.

Однако было бы неверным считать, что теперь у нас впереди только одна забота — одолевать новые высоты в экономике. Наш прорыв в будущее, по каким бы направлениям он ни осуществлялся, невозможен без

восстановления и наполнения новым содержанием духовной составляющей общества. Слишком долго находилась Россия в состоянии политико-экономического хаоса и идеологической неопределенности. Немыслимо далеко зашел процесс беззастенчивого развращения когда-то очень чистого народа, растления наших детей. Да и сейчас находятся «деятели», которые не прочь использовать такие мощные инструменты воздействия на духовный мир человека, как книги, кинофильмы, театральные постановки, печать и телевидение, для ведения плохо закамуфлированной пропаганды самых изысканных пороков и бесстыдств. Посмотришь на их «работу» и убеждаешься в неувядаемой свежести древней философской сентенции о зле, которое всегда шествует рядом с добром, о распаде, неутомимо бегущем, словно гончий пес, по следам любого развития.

Реальную, повседневную, целенаправленную работу по сохранению и приумножению истинно российских духовных ценностей надо начинать уже сегодня. Если не оградить сменяющие нас поколения от потоков непристойностей, извращений и аномалий, то завтра наша страна может превратиться в безликое географическое пространство, населенное народом, лишенным самосознания, собственных корней, понимания своего места в истории, а значит, и будущего.

«Да будет свет...» — написано на обложке этой книги. Древняя библейская фраза, несущая в себе огромный провидческий смысл, совсем не случайно легла в название моих воспоминаний. Она отражает мою веру в Россию, в ее способность не только сохранить и пронести над миром яркие лучи электрического света, но и согреть людские души светом духовным, без которого полноценная жизнь на Земле просто невозможна.

Оглавление

Пролог	3
Глава 1. Истоки и корни	7
Глава 2. Тяжелая утрата	19
Глава 3. Печаль любви, тоска разлуки	28
Глава 4. Лихолетье	39
Глава 5. «Брунколет»	50
Глава 6. Прометей из Марьинской	62
Глава 7. СКГМИ	74
Глава 8. Профсоюзные заботы	83
Глава 9. Удар системы	94
Глава 10. Истоки профессионализма	105
Глава 11. РЭУ Ставропольэнерго	115
Глава 12. «Баксанская команда»	124
Глава 13. Кустов и другие	133
Глава 14. Семейное гнездо	144
Глава 15. Высокая энергия	157
Глава 16. Распоповщина	170
Глава 17. Путь истины	183
Глава 18. Дорогами опыта	191
Глава 19. Самоутверждение	200
Глава 20. Матрица успеха	208
Глава 21. В Москву	216
Глава 22. Минэнерго СССР	225
Глава 23. Государственная инспекция	234
Глава 24. Средняя Азия	246
Глава 25. Встречи на Саяно-Шушенской ГЭС	258
Глава 26. Энергетики Бурятии	270
Глава 27. Суровы разносы	279
Глава 28. Начальник Главвостокэнерго	290
Глава 29. Коллег достойных длинный ряд... ..	299
Глава 30. Вместо ГЭС – трасса для рафтинга	307
Глава 31. По Сибири и Монголии	315
Глава 32. Новая должность – новые задачи	325
Глава 33. Цена своеволия	336
Глава 34. Тревожные предвестия	345

Глава 35. К новым технологиям	353
Глава 36. Международное сотрудничество	361
Глава 37. На немецкой земле	371
Глава 38. Гельмут Коль	381
Глава 39. Путь к развалу	391
Глава 40. Министр топлива и энергетики России	401
Глава 41. ГКЧП	411
Глава 42. ТЭК России	422
Глава 43. Холодная осень 91-го	431
Глава 44. Цель — единство энергосистемы	441
Глава 45. Выжить — во что бы то ни стало!	450
Глава 46. Сосковец	460
Глава 47. Лицей	470
Глава 48. Дорога к Храму	480
Глава 49. Международный валютный фонд	489
Глава 50. «Вексельное дело»	500
Глава 51. Съезд энергетиков	511
Глава 52. В чьих руках рубильник... ..	521
Глава 53. Конаково. 30 мая 1997 года	531
Глава 54. Огня в бумагу не завернешь	540
Глава 55. Победенным себя не считаю!	548
Эпилог	559

Литературно-художественное издание

Дьяков Анатолий Федорович

«Да будет свет...»

Дизайн и компьютерная верстка
издательство «Московская типография № 2»

web: www.mt2.ru

e-mail: design@mt2.ru

тел.: +7 (495) 682-64-01

Начальник отдела допечатной подготовки

К. Ю. Лосик

Главный художник

Д. В. Михайлов

Редактор

А. Л. Михайловский

Корректоры

Г. П. Горбачева, Г. М. Рагозина

Подписано в печать 16.04. 2007 г. Формат 70x100/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Гарнитура «Школьная». Усл. печ. л. 35,5.

Тираж 5000. Заказ 2471/7.

Отпечатано в ОАО «Московская типография № 2».

129085, Москва, проспект Мира, д. 105.

тел.: +7 (495) 682-24-91

Выявленные неточности и опечатки

Следует читать:

Стр. 148 (3-й абзац сверху): Отчима звали Леонид **Сергеевич** Курицын.

Стр. 152 (3-й абзац сверху): За **станцией** Зольская...

Стр. 230 (3-й абзац сверху):... пришедший в министерство **сначала на должность начальника ГлавНИИПроект.**

Стр. 237 (2-й абзац снизу): Это была конденсационная, работающая на **угле**...

Стр. 308 (2-й абзац снизу): Хакасии...